

Э.А.ГРАНТОВСКИЙ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

Э.А.ГРАНТОВСКИЙ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Издание второе,
исправленное и дополненное

МОСКВА
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2007

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31
Г77

Ответственный редактор

М.А. Дандамаев

Грантовский Э.А.

Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э.А. Грантовский ; Ин-т востоковедения РАН. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Вост. лит., 2007. — 510 с. — ISBN 978-5-02-036327-4 (в пер.)

В книге на основе анализа ассирийских и урартских надписей, иранских текстов, сочинений античных авторов, данных археологии и этнографии рассматриваются время и пути проникновения иранских племен в Переднюю Азию, обосновывается положение о приходе этих племен на Иранское плато из Юго-Восточной Европы через Кавказ. Изучение региональных контактов индоиранских языков, а также данных о хозяйственном, культурном и социальном уровне арийских народов, подкрепленное анализом археологических реалий, позволяет определить территорию и время существования арийского языкового единства, локализуемого в Юго-Восточной Европе, и восточноиранского — в пределах между Средним Поволжьем, Зауральем и Северным Приаральем.

© Грантовская М.В., 2007
© Ин-т востоковедения РАН, 2007
© Редакционно-издательское оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007

ISBN 978-5-02-036327-4

От редактора

Предлагаемый вниманию читателя труд выдающегося исследователя древней истории и культуры иранских народов Эдвина Арвидовича Грантовского (1932–1995) — второе, исправленное и дополненное издание книги, опубликованной в 1970 г. предшественницей издательской фирмы «Восточная литература», Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». Автор изучает пути заселения западными иранцами территории их современного обитания в IX–VIII вв. до н.э. Его работа, основанная на скрупулезном анализе ассирийских, урартских, древнеиранских и античных источников, а также данных археологии, содержащая тонкий и щепетильно добросовестный анализ литературы, закладывает надежную источниковедческую базу для рассмотрения истории иранских племен в те времена, когда она еще не находила отражения в ираноязычных письменных памятниках.

Выводы Э.А. Грантовского важны для изучения этногенеза многих древних и современных иранских народов, прежде всего мидийцев, персов, луров, курдов и талышей. Он прослеживает особенности общественного строя, хозяйственного уклада и идеологии иранцев, восходящие к индоиранской эпохе, и приводит новые аргументы в пользу мнения о проникновении иранцев в Переднюю Азию из южнорусских степей через Кавказ. Не менее интересен и анализ отношений между иранскими мигрантами и коренным населением Передней Азии. Продвижение иранцев не было завоеванием. Напротив, в IX–VIII вв. они обычно находились в зависимости от старых государственных образований. Городские центры также принадлежали местному населению, от которого иранцы усвоили некоторые хозяйственные, прежде всего ремесленные, навыки. С конца VII в. до н.э. стало складываться этнокультурное единство на основе слияния иранских и автохтонных народов. В ряде областей ираноязычными были и правители, и рядовое население. Тогда же сформировались основные элементы религии мидийцев и персов, включая культ бога Мазды. Позднее эти народы создали великие империи, сыгравшие видную роль в мировой истории.

Идеи, впервые высказанные в «Ранней истории иранских племен Передней Азии» и развитые в последующих работах ее автора, побудили научное сообщество пересмотреть многие представлявшиеся незыблемыми положения. Так, отмеченное Э.А. Грантовским свидетельство средневекового иранского ученого Казвини о добыче лазурита еще в раннем средневековье в районе Мазандерана стало одним из краеугольных камней в установлении исторической географии Ирана новоассирийского периода. Разносторонне аргументированное отождествление достигнутой ассирийцами горы Бикни в стране Патушарра, что соответствует иранскому названию Патишхвар в Мазандеране, с Демавендом (Грантовский, 1983, с. 28–29), наряду с исследованиями других

ученых (Медведская, 1995; 1999; Reade, 1995), привело к постепенному отказу от широко принятой в литературе в 80-х годах XX в. так называемой «короткой» географии Левине (Levine, 1974), согласно которой ассирийцы не проникали на восток далее гор Загроса на западе Иранского плато.

Труд Э.А. Грантовского по-прежнему остается настольной книгой специалистов по ранней истории иранцев. Его достоинства высоко оценили такие видные специалисты по иранской ономастике, как Р. Цадок и В. Хинц, отметившие полноту освещения материала и оригинальность исследования (*R. Zadok.* — Bibliotheca Orientalis. Vol. 33, 1976, p. 386–390; *W. Hinz.* — Orientalistische Literaturzeitung. 1975, no. 4, S. 193–194). Ссылками на «Раннюю историю» изобилуют основополагающие труды, публикуемые уже в XXI в. В то же время монография была сдана в издательство и отредактирована еще в 1966 г., а с тех пор активизировалось изучение хурритской и касситской ономастики, критически переиздавались клинописные тексты, стали известны новые документальные свидетельства (Zadok, 2002, p. 91). Кроме того, на издании отрицательно сказались существовавшие в те времена установки, в первую очередь ограничения в листаже. Книга вышла без указателей, что, как отмечали рецензенты, затрудняет пользование ею и мешает быстро находить необходимую информацию. Поэтому было решено переиздать работу, исправив замеченные опечатки и снабдив ее комментариями, дающими представление о современном состоянии проблемы (составитель С.В. Кулланда), указателями (составитель Г.Ю. Колганова) и резюме на английском языке. Основные публикации, вышедшие после первого издания книги, в том числе и более поздние работы ее автора, упоминаются в новых примечаниях (отмеченных звездочкой) и перечисляются в приложении к библиографии.

В заключение я хотел бы выразить особую благодарность С.В. Кулланде за огромную работу по составлению комментариев с учетом всей новейшей литературы, зачастую остающейся недоступной нашему читателю.

М.А. Дандамаев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена анализу материалов, относящихся к иранским племенам Передней Азии в период, предшествующий образованию Мидийского царства в VII в. до н.э. и Ахеменидской державы в VI в. до н.э. Первые данные об этих племенах в письменных источниках относятся к IX в. до н.э., а появление ираноязычного населения в Передней Азии произошло, по-видимому, одним-двумя столетиями ранее.

Несмотря на свою фрагментарность, сведения об иранских племенах Передней Азии в указанный период представляют большой интерес для изучения различных проблем истории стран Ближнего Востока. Эти племена сыграли решающую роль в этногенезе племен и народов, явившихся той основой, на которой в древности и средневековье происходил процесс сложения персов, курдов, луров, бахтиар, гилянцев, талышей, татов, мазандеранцев и ряда других племен, говорящих на западноиранских диалектах, в том числе белуджей, продвинувшихся в средние века далеко на восток. История иранских племен Передней Азии в IX–VII вв. до н.э. является неотъемлемой составной частью истории всех этих племен и народов. В настоящее время они расселены не только на территории Западного Ирана и более восточных областей, но и в пределах Ирака (курды, персы), Турции и Сирии (курды), республик Закавказья (талыши, курды, таты). В древности и в средние века иранские племена на этих территориях были более многочисленны.

Многие из них на протяжении веков ассимилировались другими народами, прежде всего тюркскими. Ираноязычное население несомненно сыграло большую роль в этногенезе народов Азербайджана и соседних областей Закавказья, равно как и в этногенезе народов Средней Азии, южнорусских степей и ряда других областей нашей страны.

Проблема происхождения и распространения, характер социально-экономического строя и культуры ираноязычных народов представляют особый интерес при изучении древней истории СССР. В I тысячелетии до н.э. иранские племена и народы были распространены на значительной территории нашей страны — от границ Китая до Дуная и от лесостепной и степной зоны до

южных границ. Где-то в пределах этой территории находилась и древняя родина ираноязычных племен.

Иранские племена, проникшие в Переднюю Азию, составляли тогда лишь небольшую часть ираноязычного мира. Но сведения о них очень важны и для истории ираноязычных племен других территорий, особенно потому, что для первых веков I тысячелетия до н.э. мы обладаем документированными и точно датированными данными письменных источников лишь об иранских племенах Передней Азии. Изучение этих данных неразрывно связано с целым рядом кардинальных проблем иранистики, в частности с вопросами происхождения и распространения иранских (а также и индоиранских) племен, хозяйственно-экономического уклада и социально-политической структуры на ранних этапах их истории, развития древнеиранских религий и т.д. Иранские имена в источниках IX–VII вв. до н.э. — первые документально засвидетельствованные памятники иранской речи и представляют несомненный интерес для индоиранского языкознания.

История иранских племен является важной составной частью истории Древнего Востока с начала I тысячелетия до н.э. В результате развития на территории Западного Ирана эти племена создали великие государства, включившие в VII–VI вв. до н.э. уже большинство стран и народов Ближнего Востока и ряда соседних районов. Значительно ранее иранские племена играли большую роль в истории ряда государств Передней Азии — Ассирии, Урарту, Элама, Маны и др. Их распространение по Западному Ирану и соседним областям привело к резкому изменению этнической карты этих территорий. Проникновение ираноязычных племен в страны Передней Азии, характер их взаимоотношений со старым местным населением и государствами Древнего Востока, смена в ряде областей древних языков иранскими — все это составляет одну из наиболее важных проблем истории соответствующих территорий в первой половине I тысячелетия до н.э. Изучение этой проблемы представляет особый интерес и для решения вопроса о характере проникновения арийских народов в страны с неиндоевропейским населением и их взаимоотношений с последним. Как ни скудны данные об иранских племенах Передней Азии в IX–VII вв. до н.э., все же они значительно богаче материалов о появлении ариев в Передней Азии во II тысячелетии до н.э. и тем более об обстоятельствах проникновения индоарийских племен в Индию.

За последние десятилетия сильно возрос интерес к изучению древних народов Западного Ирана, Армянского нагорья и ряда

областей Закавказья, причисляемых теми или иными исследователями к «загро-эламской», «каспийской», «кавказской», хурритоурартской или другим языковым группам. Но для суждения о языке и истории большинства этих народов имеется крайне незначительное число данных, причем относящихся преимущественно уже к I тысячелетию до н.э., когда в тех же областях уже обитали и ираноязычные племена. Хотя современные знания о последних также во многом недостаточны, они (особенно в области иранских языков) намного превосходят имеющиеся сведения о древних местных языках и истории указанных районов. Поэтому легче установить, что́ из имеющихся данных может быть бесспорно и предположительно отнесено к ираноязычному населению. Между тем те же данные нередко используются для существенно важных выводов о языке и истории старого местного населения.

История Западного Ирана и Армянского нагорья вызывает в настоящее время большой интерес в отечественной науке, особенно в связи с тем значением, которое имеют материалы по этим районам для изучения истории нашей страны. Полностью или частично посвящены проблемам истории названных территорий в первой половине I тысячелетия до н.э. монографии: Г.А. Меликишвили «Наири–Урарту» (1954), И.М. Дьяконова «История Мидии» (1956), Б.Б. Пиотровского «Ванское царство» (1959), И. Алиева «История Мидии» (1960), О.Л. Вильчевского «Курды» (1961). Вопросы распространения и ранней истории иранских племен в Передней Азии занимают в некоторых из этих работ совершенно незначительное место. Но и в тех случаях, когда им уделяется большее внимание, роль иранских племен на указанных территориях нередко оценивается явно недостаточно.

Со времени создания западноиранскими племенами великих государств в VII–VI вв. до н.э. начинается новая эпоха в истории ираноязычных народов Ирана, исследование которой ставит целый ряд совершенно новых проблем. Но вместе с тем она является прямым продолжением истории западноиранских племен в X–VII вв. до н.э. Поэтому, хотя в данной работе и не затрагивается собственная история Мидийской и тем более Ахеменидской держав, иногда оказываются неизбежными экскурсы в историю ираноязычных народов и их культуры в период существования в Иране великих государств древности. А, например, история персидских племен Юго-Западного Ирана уже после создания Мидийского царства, во время их зависимости от эламских и позже ассирийских царей, и по своему содержанию во многом относится к предшествующей эпохе.

В VII в. до н.э. в различных районах Передней Азии распространяются киммерийцы и скифы, сыгравшие большую роль в истории этих областей. Скифы определенно, а киммерийцы вполне вероятно также принадлежали к числу ираноязычных народов. Но проблемы, связанные с киммерийско-скифским вторжением, в настоящей работе в основном не рассматриваются. По своему характеру и значению они во многом отходят от упомянутых выше вопросов истории иранских племен, проникших в Переднюю Азию задолго до появления киммерийцев и скифов. Так, хотя отдельные группы киммерийцев и скифов и могли войти в состав известных позднее ираноязычных племен и народов Передней Азии, основную роль в их этногенезе безусловно сыграли западноиранские племена, уже находившиеся здесь ранее. Именно их история, и прежде всего история персов и мидян, известных уже по источникам IX в. до н.э., является предшествующим этапом возникновения и развития Мидийского и Ахеменидского государств. Вопрос о происхождении и путях проникновения в Переднюю Азию ираноязычного населения, засвидетельствованного здесь с IX в. до н.э., имеет особое значение для проблемы происхождения и древней родины иранских и индоиранских народов, а путь киммерийцев и скифов через Кавказ хотя и очевиден, но в этом плане многого не решает.

В задачу данной работы не входит последовательное изложение истории Западного Ирана и соседних районов в период распространения в этих областях иранских племен. Наша цель здесь иная — рассмотреть ряд отдельных конкретных проблем, относящихся к проникновению и ранней истории иранских племен Передней Азии и связанных с соответствующими вопросами иранистики в целом. Следует, однако, учитывать, что и теперь прежде всего необходимо ответить на вопросы: находились ли в действительности ираноязычные племена на соответствующих территориях между X и VII вв. до н.э.; где и когда они появились; что́ из имеющихся материалов по этим территориям относится к ним? От ответа на эти вопросы непосредственно зависит решение упомянутых выше и ряда других проблем.

Этим вопросам прежде всего и посвящен основной раздел настоящей работы — глава II — «Распространение ираноязычного населения в Передней Азии по материалам ассирийских источников IX–VIII вв. до н.э.». Что касается других данных, которые могут быть привлечены для воссоздания ранней истории западноиранских народов, а именно археологических материалов, письменных источников античного периода, сведений о распространении ираноязычных, индоиранских и индоевропейских племен

на иных территориях и в иные эпохи и т.д., то общая характеристика этих данных и выводов, к которым приходят на их основании современные ученые, дается в главе I — «Вопросы ранней истории иранских племен Передней Азии в современной науке». Но в настоящее время именно анализ данных клинописных источников является, по-видимому, наиболее необходимым и перспективным в изучении истории западноиранских племен в период их распространения в Передней Азии. Сделанные на этой основе заключения позволяют во многом иначе оценить и данные других групп источников. Общие выводы, которые могут быть таким образом сформулированы, даются в заключении.

Глава I

ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ*

К тому времени, когда европейским ученым стали доступны материалы аккадских источников, в изучении иранских языков и истории иранских народов уже были достигнуты известные успехи. Поэтому при воссоздании на основе клинописных текстов истории Передней Азии первых веков I тысячелетия до н.э. исследователи учитывали возможную роль ираноязычного населения в Западном Иране и пытались выделить в источниках соответствующие материалы. Некоторые существенные выводы в этом направлении содержатся в работах К. Тиле, Г. Винклера, П. Роста, Фр. Хоммеля и других авторов конца XIX в. (Tiele, 1886; Winckler, 1889; 1892; Rost, 1897; Hommel, 1904)[1].

Ф. Юсти издал общий свод известных в его время иранских личных имен, куда включил и упоминаемые в ассирийских источниках имена с территории Ирана (Justi, 1895). Во многих случаях он не приводит оснований, по которым причисляет эти

---

* Историографический очерк, предлагаемый вниманию читателя, был для своего времени едва ли не исчерпывающим. Не случайно выдающийся археолог-иранист Роман Гиршман в своей книге о миграциях индоариев и иранцев отказался от обзора литературы, отослав интересующихся к труду Грантовского («Un grand travail de recensement objectif de toutes les thèses qui ont été émises sur les migrations des Aryens, et qui étaient basées aussi bien sur des considérations historiques, linguistiques, qu'archéologiques, vient d'être réalisé. Il fait honneur à E.A. Grantovskiy... *Cette étude exhaustive m'exemptait de la refaire, même dans sa partie réservée uniquement à* l'archéologie — Ghirshman, 1977, p. 78). С тех пор появились новые исследования и материалы, прежде всего археологические находки, но они, расширяя наши представления о ранней истории ариев, индоиранцев и иранцев, не только не дают оснований для пересмотра основных выводов Э.А. Грантовского, а, напротив, подтверждают их (ср. ниже о находках колесниц).

[1] В книге принята следующая система ссылок. В приводимом в конце книги списке цитируемая литература зашифрована по принятым сокращениям (справочные издания, публикации текстов и пр.) или по фамилии автора и году издания его статьи или книги. Если в тексте в одной фразе приводятся и фамилия автора, и ссылка на его работу, то в скобках указываются лишь год издания и страницы (или только год); если же встречается фамилия иностранного автора, приводимая на русском языке, то латинское написание фамилии данного автора дается только при первом упоминании его.

имена к иранским. Среди них имеются и действительно иранские, но целая группа имен, как было показано позже другими авторами, происходит из иных языков.

И. Шефтеловиц на основании ономастических материалов из клинописных источников выделил группу имен индоиранского происхождения, предложив их этимологии и индоиранские параллели (Scheftelowitz, 1902), но многие из них не принимаются в настоящее время. Эд. Мейер в работе «Древнейшие датированные свидетельства иранского языка и зороастрийской религии» дал наиболее полный список имен предположительно иранского происхождения из ассирийских текстов и на его основе сделал ряд важных исторических выводов (Meyer, 1908). Хотя определение иранской принадлежности и значения имен не всегда верны, а основные общие выводы должны быть теперь пересмотрены, статья Эд. Мейера остается одной из основных работ в этой области.

Древнейшая история ираноязычных народов Западного Ирана рассматривается в первом томе «Истории мидян и персов» Ю. Прашека (Prášek, 1906). Он считает иранскими целый ряд имен и топонимических названий, упоминаемых в ассирийских надписях. Но, как правило, это мнение убедительно не обосновано, а иранские этимологии соответствующих имен не предлагаются. Труд Ю. Прашека в этом отношении практически не дает чего-либо нового по сравнению с работами Ф. Юсти, П. Роста, И. Шефтеловица и некоторых других исследователей. В связи с этим выглядит необоснованным и его положение об абсолютном преобладании арийского элемента в Западном Иране задолго до образования Мидийского государства. По Ю. Прашеку, этот элемент уже с момента появления в Западном Иране становится политически ведущим, оттеснив старое местное население, якобы неспособное «для самостоятельной исторической жизни»[2].

Подобная тенденция в оценке взаимоотношений иранских иммигрантов и местного населения, хотя обычно и не в столь резкой форме, характерна для многих трудов конца XIX — начала XX в. Помимо общих исторических воззрений она в значительной мере была основана на том, что работа над соответствующим ономастическим материалом сводилась лишь к выявлению имен, которые могли бы быть объяснены из индоиранских языков, причем сюда нередко включались и имена определенно не иранского происхождения. Но впоследствии все чаще пытались выделить данные о местном доиранском населении. Интерес к древним бесписьменным языкам Ирана и прилегающих

[2] На этих взглядах Ю. Прашека подробно останавливаются И.М. Дьяконов (1956, 74–76) и И. Алиев (1960, 33, 91).

областей увеличивался, в частности, с постепенными успехами в изучении таких языков, как хурритский, урартский и эламский, а также с дифференциацией ономастического материала клинописных источников. Большие усилия для определения этнической принадлежности старого местного населения этих районов были приложены Г. Хюзингом, Ф. Кёнигом и рядом других авторов. Теоретически постановка подобного вопроса безусловно оправданна, но положительные результаты таких исследований крайне незначительны. Практически же работы в этом направлении привели к пересмотру некоторыми учеными вопроса о роли ираноязычного населения в Западном Иране в IX–VIII вв. до н.э. и его взаимоотношений со старым местным населением.

Одновременно в результате интенсивного развития ряда ассириологических дисциплин были достигнуты существенные успехи в изучении некоторых аспектов истории соседних с Ассирией стран, в частности политической истории и исторической географии областей, входивших в сферу интересов Ассирии, а также Урарту. По сравнению с достаточно богатыми данными по этим вопросам сведения клинописных источников об ираноязычном населении, неизбежно отрывочные и требующие для своего исследования привлечения иных, не ассириологических материалов, стали казаться все менее существенными. По мере изучения известных ранее и с публикацией новых источников в научный обиход входило все большее число личных имен и топонимов с территорий к северу и востоку от Ассирии. Число же выявленных в источниках IX–VII вв. до н.э. иранских имен увеличивалось крайне незначительно по сравнению с тем, что было уже известно, например, по упоминавшейся работе Эд. Мейера. Систематического изучения с этой целью ассирийских и урартских надписей исследователи, занимавшиеся прежде всего проблемами иранистики, по существу не проводили, если не считать включения имен IX–VII вв. до н.э. из Ирана в свод Ф. Юсти и ряда интересных, но часто излишне гипотетичных наблюдений Э. Герцфельда. Все это способствовало широкому распространению мнения, что удельный вес ираноязычного элемента в Западном Иране по крайней мере в IX–VIII вв. до н.э. был крайне незначительным. Поэтому до сих пор сохраняют свое значение некоторые работы конца XIX — начала XX в., такие, как, например, статьи И. Шефтеловица и Эд. Мейера, а также труд К. Талквиста «Ассирийские личные имена» (Tallqvist, 1918)*.

* После написания книги появился ряд сводных работ по иранской ономастике, в том числе: Mayrhofer, 1973; Hinz, 1975; Mayrhofer, 1977a; Idem, 1977b; Idem, 1979; Schmitt, 1978; Idem, 1982; Gignoux, 1986; Huyse, 1990; Dandamayev, 1992; Balcer, 1993; Zadok, 2002; Idem, 2004.

Работа К. Таллквиста представляет собой свод личных имен из известных в то время ассирийских источников. Не только для аккадских и иных семитских, но и для многих других имен он указывает предполагаемое происхождение, значение или параллели, выделяя, в частности, имена эламские, касситские, хеттские и др. В связи с этим К. Таллквист, как и Г. Хюзинг (ср. ниже), справедливо считает, что многие из имен свода Ф. Юсти должны быть исключены из числа иранских, как, в частности, большинство известных нам имен представителей манейской династии (Эрисинни, Иранзу, Уллусуну и др.; их отнесение, как и урартских царских имен, к числу хеттских, однако, необоснованно). Он отвергает или ставит под сомнение иранские этимологии имен Нибе (из Элипи), Кундаспи и Кустаспи (из Куммуха) и т.д. Но К. Таллквист все же еще отводит значительное место иранскому элементу в ономастике областей к востоку и северо-востоку от Ассирии. По его мнению, иранские имена появляются в ассирийских текстах со времени Салманасара III; приводя ряд имен из анналов Шамши-Адада V, он считает «большинство их несомненно иранскими», так же как и многие из имен, упоминаемых при описании завоевания Мидии Саргоном II. Но в самом своде часто не приводятся основания, по которым те или иные имена отнесены к иранским. Конкретные же объяснения из иранского, как правило, даются лишь для имен, на иранскую принадлежность которых уже указывалось ранее.

В связи с трудностями при определении иранской принадлежности многих имен К. Таллквист (1918, XXIII–XXV) предлагает регулярные закономерности передачи ряда иранских звуков в семитской клинописи. Он исходит при этом из случаев передачи в ассирийских и вавилонских источниках тех имен, иранское происхождение и звучание которых представляются ему надежно установленными. Хотя его сводка таких закономерностей не является полной, а некоторые из них не кажутся убедительными (ибо основаны на неприемлемых или сомнительных иранских этимологиях), само создание подобной системы соответствий имеет существенное значение.

Поскольку сведения клинописных источников IX–VII вв. до н.э. об ираноязычном населении неясны и отрывочны, рассматривать их необходимо в связи с материалами и выводами иранистики. Но многое в этой отрасли историко-филологической науки еще весьма далеко от своего разрешения. Соответственно пере-

---

Иранские имена анализируются и в Zadok, 1984 и PNA (в этом издании иранские этимологии принадлежат Р. Шмитту).

смотр тех или иных положений должен приводить и к иному осмыслению многих материалов по истории иранских племен в рассматриваемый период. В качестве примера можно указать на выводы Эд. Мейера о том, что западноиранские племена уже принесли с собой в Западный Иран верования, восходящие к учению Заратуштры. Это положение находится в противоречии с современной датировкой жизни Заратуштры, и следовательно, ономастические материалы, из которых при этом исходил Эд. Мейер, должны подвергнуться переоценке.

Эд. Мейер, как и большинство других исследователей конца XIX — начала XX в., считал, что иранские племена пришли в Западный Иран с востока, из Средней Азии и соседних с ней территорий, где находилась родина индоиранских народов. С этим положением увязывались и свидетельства ассирийских источников. Но некоторые авторы предполагали, что сагартии пришли не с востока, а, как киммерийцы и скифы, с севера. При этом сагартии отождествлялись с Зикирту ассирийских текстов (Tiele, 1886, 261; Winckler, 1889, 112–113). Но создать ясное представление о происхождении западноиранских народов на основании переднеазиатских материалов IX–VII вв. до н.э. было очень трудно, и они долго не играли определяющей роли при решении этой проблемы; напротив, при работе над этими источниками обычно исходили из общих выводов, полученных иным путем*.

Уже со второй половины XIX в. в основном утвердилось мнение, что территорией первоначального обитания и формирования иранских народов являлись Средняя Азия и прилегающие к ней области. Определяющее значение имели при этом два момента. Во-первых, тесное родство древних иранцев с предками индоарийских народов, которые до прихода в Индию, как обычно предполагалось, также жили на территориях к востоку от Каспийского моря; именно в Средней Азии и к северу от нее и находилась, по мнению большинства исследователей, прародина индоиранцев. Вторым существенным аргументом в пользу среднеазиатского происхождения иранцев считали (и продолжают считать) данные Авесты, географический горизонт которой, как полагают и сейчас, с достаточной определенностью обосновывает это положение. Мнение о происхождении иранских народов из Средней Азии и соседних районов было и остается преобладающим; в собственно иранистической литературе только оно почти исключительно и представлено (Geiger, 1882; Meyer, 1908; 1909; Dhalla, 1922; Бартольд, 1922; Christensen, 1943; Herzfeld:

* Ср.: Mayrhofer, 1994.

AMI, 1935; 1941; 1947; Benveniste, 1934; Cameron, 1936; Tarn, 1938; Толстов, 1948а; 1948б, и в других работах; Дьяконов, 1956; 1960; Массон, 1959; 1964а; 1964б; Алиев, 1960; Оранский, 1960; Вильчевский, 1961; Соколов, 1961; Frye, 1963, и др.). Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, соответственно ведут западноиранские племена на территории, где их впервые застают письменные источники, из Восточного Ирана и Средней Азии.

Вместе с тем уже в конце XIX в. было высказано и иное мнение, согласно которому группы индоиранских племен шли из южнорусских степей через Кавказ. Оно основано прежде всего на выводах ряда индоевропеистов, считающих, что неверно помещать родину индоиранцев на восток, на данных об арийском элементе в Передней Азии в середине II тысячелетия до н.э. и затем, с накоплением данных, также на археологических материалах из Западного Ирана, отнесенных к иранским племенам. Но сторонники восточного происхождения индоиранцев считают, что переднеазиатские арии II тысячелетия до н.э. пришли через Иран, и, в свою очередь, широко привлекают для обоснования своей теории археологические материалы из Средней Азии, а также из Ирана.

Отражение в литературе той или иной трактовки археологических материалов и данных о переднеазиатских ариях II тысячелетия до н.э. подробно будут охарактеризованы ниже. Здесь же необходимо кратко остановиться на некоторых положениях индоевропеистики. Ее достижения, естественно, имеют очень большое значение для определения прародины индоиранских племен и путей их расселения. Но в соответствующих областях этой науки всегда существовали самые различные концепции. Кроме того, следует заметить, что та или иная точка зрения о распространении иранских и тем более западноиранских племен вообще не находила специальной аргументации по материалам собственно индоевропеистики. Более того, в работах, основанных прежде всего на выводах сравнительного индоевропейского языкознания, иранцы отдельно от ариев обычно вообще не являются предметом исследования. А в тех случаях, когда все же говорят об их расселении, как правило, ссылаются лишь на материалы собственно иранистики, письменные свидетельства об иранских племенах в исторический период и на археологические данные. На те же факты обычно опираются для исторических выводов из свидетельств о контактах иранских диалектов с другими индоевропейскими языками (например, со славянскими). Поэтому нас здесь будет преимущественно интересовать, какое влияние вы-

воды индоевропеистики могли оказать на положения выходивших с начала XX в. работ, специально касающихся происхождения иранских и в том числе именно западноиранских народов.

В XIX в. некоторое время считали, что прародиной индоевропейцев является Азия, обычно указывая на районы Средней Азии по соседству с Памиром и другими горными областями и даже территории далее к югу. Предполагали, что арии остались в этих районах, а предки других индоевропейцев продвинулись на запад. Но эта точка зрения вскоре была оставлена. С последних десятилетий XIX в. и до настоящего времени область первоначального распространения индоевропейцев ищут почти исключительно в пределах Европы, от южнорусских степей (на востоке до Волги или Урала) до юга Балкан и Северной Германии. Теория о родине индоевропейцев на территории Германии находит теперь все меньшее число сторонников. Напротив, все чаще указывают на бассейн Среднего и Нижнего Дуная и районы к северу и северо-востоку с большей или меньшей частью Северного Причерноморья. Но речь при этом идет об очень отдаленной эпохе формирования и развития индоевропейской общности. Предполагают, что к моменту распада она должна была занимать гораздо более обширную территорию*.

Положение и история индоиранской группы в пределах индоевропейского единства характеризовались и характеризуются по-разному. В соответствии с мнением об особых архаизмах, а затем, напротив, специфических новообразованиях арийского, противопоставляющих его другим индоевропейским языкам, уже с начала второй половины XIX в. многие исследователи (М. Мюллер, Э. Лоттнер, А. Фик и ряд других авторов конца XIX — начала XX в.) выдвигали положение об очень раннем отделении индоиранцев или о первоначальном распаде индоевропейцев на ариев и европейцев. Позже выяснилось, что указывавшиеся ранее особенности индоиранского в основном являются его новообразованиями, принципиально не отличающимися от новообразований других индоевропейских групп. Вместе с тем стали привлекать и иные собственно языковые и выводившиеся из них реально-исторические аргументы в пользу раннего выделения ариев из индоевропейского единства, в пределах которого уже после этого еще имело место развитие ряда общих или распространившихся на различные диалекты (от тохарского до кельтских) новообразований. Этой теории и в настоящее время придер-

* Различные гипотезы относительно локализации индоевропейской прародины см. также в работах: Дьяконов, 1982; Гамкрелидзе и Иванов, 1984; Черных, 1988; Mallory, 1997; Grigoriev, 2002; Иванов, 2004; Грунтов и др., 2006, с. 34–35, и пр.

живаются некоторые авторы. Особенно настаивает на ней В. Бранденштайн (Brandenstein, 1962а; 1962б; 1964).

Мнение об очень раннем уходе ариев из индоевропейского ареала нередко разделяют и авторы, считающие, что период формирования черт, отличающих главные группы индоевропейских диалектов, а также эпоха взаимных связей между уже формирующимися предшественниками «исторических» языков имели место до отделения праарийских диалектов, определенное время также участвовавших в этих связях. На таких позициях стоит, например, В. Георгиев. Как в XIX в., так и в настоящее время одним из основных аргументов положения о раннем выделении ариев является отсутствие в индоиранском* многих земледельческих терминов, общих для большинства индоевропейских языков. Поэтому считают, что индоиранцы покинули общий индоевропейский ареал до возникновения земледелия или его сравнительно развитых форм. Против этого возражают, указывая на сохранение в индоиранском отдельных земледельческих терминов, общеиндоевропейских или ареальных, следов существования индоевропейских названий соли и свиньи и т.д. (А. Мейе, Э. Бенвенист, П. Тиме и др.). Предполагают также, что индоиранцы утратили земледельческие термины на пути своего расселения, а древние индоевропейцы уже знали земледелие не позже скотоводства, общеиндоевропейские термины которого четко представлены в арийском (Г. Хирт, В. Вюст и др.). Но сторонники мнения о раннем отделении ариев не считают эти возражения убедительными и видят в соотношении земледельческих терминов надежное доказательство ухода ариев до того, как предки большинства других известных индоевропейских народов еще довольно долго сохраняли связи между собой (Георгиев, 1956; 1958, 281; Brandenstein, 1962а; 1962б; Филин, 1962, 93, 94).

При любой из изложенных точек зрения следует, что арии выделились из индоевропейского единства ранее, чем прекратились контакты предков большинства других «исторических» индоевропейских народов. А так как распад и этого единства датируется в пределах III тысячелетия до н.э. (а иногда и ранее), то выделение ариев должно было в этом случае произойти по крайней

* Э.А. Грантовский в соответствии с традиционным научным узусом употреблял слова «арии, арийский» и «индоиранцы, индоиранский» как синонимы. Поскольку есть основания полагать, что арийская языковая общность распалась сначала на нуристанскую и индоиранскую ветви (последняя, в свою очередь, разделилась затем на индоарийскую, дардскую и иранскую), представляется целесообразным обозначать словом «арии» более широкую общность, включавшую и предков носителей нуристанских языков, а более узкое определение «индоиранцы» сохранить для предков индоариев, носителей дардских языков и иранцев (см.: Коган, 2005, с. 202).

мере не позже середины III тысячелетия до н.э. (как и датируют его В. Бранденштайн, В. Георгиев и ряд других авторов). При этом варианте предки ариев могли оказаться в Средней Азии или соседних районах во второй половине III тысячелетия до н.э. или даже ранее, особенно если считать, что индоевропейская общность формировалась в Юго-Восточной Европе, к северу от Черного моря, Кавказа и Каспия. Это положение получило широкое обоснование в трудах О. Шрадера (Schrader, 1883; 1935; Schrader–Nehring). Он, в частности, также придавал значение различиям в сохранении сельскохозяйственной терминологии в арийских и других языках, но все же не считал, что индоевропейцы и арии вообще не знали земледелия. Отводя, однако, особую роль скотоводству, О. Шрадер видел в этом еще одно указание на территорию Юго-Восточной Европы. Данная локализация обосновывалась затем в трудах последователей О. Шрадера и ряда других ученых, в том числе и В. Бранденштайна (в ранних работах он доводил индоевропейский ареал и до Северного Казахстана).

Но мнение о противопоставлении арийского большинству других родственных диалектов, как и аргументы в пользу выделения ариев задолго до окончательного распада индоевропейской общности, не принималось уже и рядом авторов XIX в.; ему не придают значения и многие современные исследователи. Большинство из них считает, что в последний период индоевропейского единства взаимное размещение основных диалектов примерно совпадало с расположением их потомков в историческую эпоху. Арии соответственно оказываются на юго-востоке или востоке этого ареала (Г. Хирт, А. Мейе в большинстве работ, Д. Бонфанте, Ф. Шпехт, В. Порциг). Правда, некоторые исследователи включают арийский в «центральную» группу диалектов; этого мнения одно время придерживался А. Мейе (арийский вместе со славянским и балтийским, греческим и германским); оно представлено у И. Керна и Б. Шварца («центрально-северная» группа с балто-славянским, греческим и германским; о методологической несостоятельности их посылок ср.: Porzig, 1954); наконец, недавно подобное положение было выдвинуто Т. Барроу (см. ниже).

Но и во всех этих случаях датировка распада индоевропейской общности или основных групп диалектов, к которым относят арийский, непосредственно не противоречит мнению о продвижении ариев вместе с предками иранцев (отдельно во внимание не принимающимися) в Среднюю Азию и — после определенного периода развития на этих территориях — далее, в Индию и Иран (как обычно и принимается в соответствующей литературе). Ис-

ходя из этих положений, можно допустить и движение переднеазиатских ариев через Среднюю Азию (так и пишут в ряде случаев). Но последнее все же трудно согласовать с некоторыми концепциями, особенно с теми, по которым все индоевропейцы вышли из Северной Германии и соседних районов. Такова точка зрения Г. Хирта и его школы. По мнению этой группы ученых, из области первоначального распространения арии продвигаются на Нижний Дунай или в Северное Причерноморье (либо вообще в Южную Россию) и еще довольно долго соседят здесь со славянами (Hirt, 1907, 588 sq.; 1921, § 55; ср. также: Arntz, 1933, 6, 7, 58).

Именно на положениях Г. Хирта и других ученых, помещающих индоевропейскую «прародину» в Северной Европе, основывались авторы (Г. Хюзинг и др., ср. ниже), впервые выдвинувшие теорию о переходе иранцев через Кавказ. Но можно отметить, что по крайней мере для иранских племен тезис о пути через Кавказ вовсе не является обязательным и по концепции Г. Хирта, у которого нет специальной аргументации в пользу этого положения, как и у Г. Арнтца. А например, Ф. Шпехт, также помещающий первоначальную область индоевропейцев в Средней и Северной Германии, считает, что арии к 2000 г. до н.э. пришли с северо-запада в области Южной России, к северу от Кавказа, откуда «праиндийцы» пошли через Кавказ в Переднюю Азию, а другие арии ушли на восток через Волгу (Specht, 1934, 104–106). Вообще говоря, при локализации индоевропейской «прародины» в Северной Германии или соседних районах движение ариев через Кавказ выглядит достаточно вероятным. Но в настоящее время эта локализация «прародины» индоевропейцев отвергается большинством исследователей.

Мнение о том, что переднеазиатские арии пришли через Кавказ и что именно они были предками индоарийцев, упорно отстаивал П. Кречмер, опубликовавший в 20–40-х годах ряд статей на эту тему. Его положения были приняты и развивались другими авторами, преимущественно венской школы (см.: Kretschmer, 1943; Brandenstein, 1948, и др., ср. ниже). Однако после тщательного рассмотрения все аргументы П. Кречмера были отведены один за другим (Eilers und Mayrhofer, 1960; Hauschild, 1962, 41–49) и теперь не могут быть использованы для доказательства его тезиса. Это не исключает предположения о пути данной группы ариев через Кавказ (что и принимает Р. Хаушильд), но излишне смелые выводы П. Кречмера и его последователей лишь скомпрометировали эту гипотезу. Теория о том, что переднеазиатские арии были непосредственными предками индийских, также остается без доказательств; тот арийский элемент Северной Ме-

сопотамии и соседних районов, о котором известно по клинописным источникам того времени, определенно не мог дать начало арийской Индии (ср. также: Mayrhofer, 1959, 92–94; 1960, 148, 149; 1961, 457 458; в этих работах указана и предшествующая литература, статьи П. Кречмера и других авторов).

Особо можно отметить выводы В. Пизани. Для его исследований характерно положение, что многие общие для различных диалектов особенности распространялись не в раннюю эпоху, а много позже, в ходе вторичных контактов уже обособившихся языков; этим он объясняет и ряд черт, связывающих иранский с другими языками, причем некоторые важные особенности, свойственные и индийскому, рассматривает как развитые последним самостоятельно. Область раннего распространения индоевропейцев находилась, по В. Пизани, между Рейном (на западе), Днепром (на востоке) и Дунаем (на юге); на крайнем востоке этой территории располагались арии и тохары. И те и другие около 2500 г. до н.э. отделились от остальных родственных племен и севернее Каспия прошли к Приаралью, откуда тохары двинулись далее к востоку, а арии — в Среднюю Азию, Восточный Иран и Афганистан и далее в Иран и Индию. Проникновение ариев через Кавказ считается невозможным (имеется в виду теория П. Кречмера). Появившись на западе, иранский после 1000 г. до н.э. вошел в новые контакты с армянским и фригийским, а через них — с греческим, фракийским и т.д. После движения из Азии скифов в VIII–VII вв. до н.э. и сарматов в III в. до н.э. иранские диалекты вступили в широкие контакты со славянским (Pisani, 1933a, 639–646, 649; 1933б; сходные положения развиваются и в других его работах). Выводы о хронологии и путях расселения ариев в данном случае вполне могут быть сопоставлены с положениями В. Бранденштайна, В. Георгиева и некоторых других ученых. Широкое распространение подобных взглядов отражено и у авторов, рассматривающих индоевропейские проблемы и не на лингвистическом материале (ср., например, Skorkowski, 1962: движение на восток в конце III тысячелетия до н.э. сначала тохаров и за ними ариев; последние идут затем из Турана на запад — в Переднюю Азию, на юго-восток — в Индию).

Особые связи арийского в пределах индоевропейского отмечаются в основном в двух направлениях: в сторону славянского и балтийского и в сторону греческого, а также армянского. О близком родстве арийского и славянского (с балтийским или без него) писали еще исследователи XIX в. (К. Цейс, А. Кун и др.). Тогда были выдвинуты и возражения против этого тезиса (А. Лескин и др.) и предложены родословные схемы, по которым

арийский и балто-славянский относились к совершенно различным группам (А. Шлейхер и др.); при этом балто-славянский обычно объединялся с германским. Позже на особых связях арийского со славянским и балтийским, указывающих и на их тесные и продолжительные контакты, настаивали Г. Хирт, А. Мейе (Meillet, 1908; 1926; ср.: Мейе, 1938), Г. Арнтц, Т. Барроу (Burrow, 1955, 12, 18–23). Другие авторы не принимали тезиса о ближайшем родстве славянского и балтийского среди других диалектов (см.: Георгиев, 1958, 225–238; там же указана предшествующая литература; ср. еще: Birwé, 1956, 8, 9; Филин, 1962, 139, и др.). Но, считая, что обе группы могли находиться в большей близости с иными диалектами, те же исследователи обычно соглашаются с определенной степенью родства или связей славянского с арийским.

Но и они, и сторонники преимущественной арийско-славянской или арийско-балто-славянской близости относят контакты предшественников славян (и балтов) и предков ариев еще к эпохе окончательно не распавшейся индоевропейской общности (а в абсолютных датах к весьма раннему периоду). Это специально подчеркивают и А. Мейе (1926, 173, 174), и Т. Барроу (1955, 22, 23). Оба настаивают также на том, что нет никаких данных об особых связях иранского и славянского, о заимствованиях из первого во второй и о языковом влиянии иранских скифов на славян. Многочисленные лексические схождения, представленные лишь в славянском и иранском, по их мнению, являются результатом контактов предшественников иранских диалектов в пределах арийского. Т. Барроу пишет, что соответствующие слова могут иметь источник лишь в ранней сатемной, т.е. доарийской и дославянской, форме. Он также считает, что предки иранцев вместе с другими ариями ушли на восток около 2000 г. до н.э.

В настоящее время все большее значение придается арийско-греко-армянской близости. Ранее исключительные сходства греческого и арийского в основном объяснялись тем, что оба засвидетельствованы очень древними текстами. Но уже давно были установлены и бесспорные новообразования, общие для обоих языков, разделяемые иногда и армянским. Но на основании ряда исследований последних лет предполагают более тесные связи в рамках диалектного союза, куда кроме формирующихся греческого и арийского входили еще армянский и, возможно, некоторые другие менее известные диалекты (см.: Porzig, 1954, 157–162; Birwé, 1956; Иванов, 1956; Иванов и Топоров, 1960, 15, 16; Елизаренкова, 1960, 7, 8; ср. также: Георгиев, 1958, 280, 281, с

указанием более ранней литературы; большу́ю близость греческого с арийским признают и авторы, ставящие на первое место в связях арийского славянский, ср., например: Burrow, 1955, 15).

По В. Порцигу, греко-армяно-арийские контакты имели место в Северном Причерноморье до начала или даже (для армяно-арийских связей) до середины II тысячелетия до н.э. Против этого возражает В.В. Иванов (1956, 114), считающий, что обособление греческого и арийского произошло намного ранее рубежа III и II тысячелетий до н.э. (ср. также: Иванов и Топоров, 1960, 22).

В. Георгиев, также придающий значение общим чертам греческого, армянского и арийского, относит выделение последнего «к очень раннему периоду» (т.е. не позже середины III тысячелетия, ср. выше). При таких датировках возможна любая из приведенных схем распространения ариев. В. Порциг же считает, что они ушли из Южной России через Кавказ. При этом он ссылается на П. Кречмера и Ф. Альтхайма (отмечая возражения против кавказского пути у В. Принтца и В. Пизани). О положениях П. Кречмера говорилось выше. По Ф. Альтхайму, основывающемуся здесь прежде всего на выводах из археологических данных, и иранцы проникли через Кавказ; он также утверждает, согласно своей трактовке некоторых материалов иранистики, что и в Среднюю Азию иранские племена могли попасть из Западного Ирана (подробнее об этой точке зрения см. ниже). Во всяком случае и В. Порциг считает, что к середине II тысячелетия до н.э. все арии покинули Южную Россию и это положило конец их контактам со славянами и балтами (этим связям арийского он также придает существенное значение). Новое появление в Южной России арийских групп он относит лишь к VIII–VII вв. до н.э., после прихода скифов, когда вновь установились связи иранских диалектов со славянским и фракийским. До этого, по его мнению, арийские языки были распространены в Иране и Северной Индии в окружении неиндоевропейских языков (Porzig, 1954, 154, 163–167).

Из того же положения о возобновлении контактов иранского с другими индоевропейскими диалектами с приходом скифов с востока исходят В. Пизани и многие другие авторы. Оно основано на обычной в исторических трудах точке зрения о появлении иранского элемента в Юго-Восточной Европе и Северном Причерноморье в скифское время (М. Эберт, М. Ростовцев и др.). Это мнение распространено и в советской археологической литературе, в работах Б.Н. Гракова и ряда других авторов (помимо тех, кто долго отрицал наличие иранского этноса в Северном Причерноморье и в скифское время). При этом нередко ссыла-

ются на точку зрения иранистов В.И. Абаева (1949, 238), Б.В. Миллера (1951) и др. о происхождении как скифов, так и других иранцев из Средней Азии и соседних районов. Данное положение в свою очередь связано с идентификацией авестийского Аирьянем-Ваэджо («Арийского простора»), предполагаемой родины ариев, с Хорезмом. Это отождествление И. Маркварта принято и развито другими исследователями; особое значение имела работа Э. Бенвениста. Он, в частности, писал, что из Хорезма и соседних областей в различных направлениях «последовательными волнами» происходило расселение иранских племен, в том числе скифов, сарматов, алан (Benveniste, 1934, там же см. предшествующую литературу; ср. еще: Christensen, 1943). Иную идентификацию этой мифической страны предлагал К.А. Иностранцев; по его мнению, это вся область расселения северо-восточных иранских племен, от Приаралья и Прикаспия и далее на юг и юго-восток. Еще ранее Вс. Миллер искал родину иранцев, в том числе скифо-осетин, на севере Средней Азии. На эти взгляды опирается К.Ф. Смирнов, помещая области формирования многих иранских племен, и среди них скифов и сарматов, в Приаральских и Прикаспийских районах (см.: Смирнов, 1964, 191, там же указана соответствующая литература).

В связи с проблемой этногенеза славянских, а также балтийских народов особенно увеличился интерес к связям их языков с иранским. Был отмечен и ряд новых изоглосс иранского и славянских или балтийских (литературу см., например: Топоров и Трубачев, 1962, 231; ср.: Топоров, 1960, и др.)[3].

В статьях А.А. Зализняка (1962; 1963) дается сводка приводившихся в литературе славяно-иранских, славяно-арийских и балто-славяно-иранских схождений, а также предлагается сравнение постулируемой скифской и славянской модели того времени с целью уяснить возможность языковых контактов в этот период. В упомянутых схождениях А.А. Зализняк (ссылаясь, в частности, на В. Пизани) видит результат связей двух эпох, общеиндоевропейского диалектного единства и славяно-скифского соседства с VII в. до н.э. Оба периода, по его мнению, разделены между собой более чем тысячелетием, а «предположение о непрерывавшихся контактах между предками славян и иранцев было бы совершенно произвольным» (Зализняк, 1963, 3, 4). И по

[3] Важные факты приводятся в статье В.И. Абаева «Скифо-европейские изоглоссы» (Abaev, 1962), но он в отличие от названных здесь и далее в тексте авторов, исходящих преимущественно из общеиранского или даже западноиранского фонда, основывается прежде всего на том осетинском материале, который не является общеиранским.

О.Н. Трубачеву (1960, 30), «достоверные ранние славяно-иранские связи относятся к скифской эпохе». В работе В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева (1962), установивших новые иранские топонимы из Верхнего Поднепровья и факты их калькирования славянскими и балтийскими (отмечалось уже М. Фасмером), утверждается, что в Северном Причерноморье «древнейший пласт иранизмов принадлежал скифским племенам восточно-иранской группы языков», а затем сарматам и аланам; на этой основе оцениваются и соответствующие факты. Ф.П. Филин (1962, 139–142), высказываясь против особой близости протославян с индоиранцами в эпоху распада индоевропейского единства и допуская лишь ограниченные контакты между ними в то время, основную массу ирано-славянских изоглосс рассматривает как результат связей с середины I тысячелетия до н.э., после появления в Южной России скифов и сарматов с их восточноиранскими диалектами; сюда же он относит и важные фонетические схождения, религиозно-культовую лексику и пр. (ср. снова у В. Пизани, в том числе по отношению к тем же явлениям).

Указанные положения названных авторов прямо противоположны взглядам А. Мейе и Т. Барроу, что ирано-славянские схождения или по крайней мере подавляющее большинство их не могут быть датированы скифским периодом. Но сторонники и той и другой точек зрения сходятся, однако, в том, что между периодом распада индоевропейского единства и появлением скифов контактов между иранским и славянским и балтийским не было.

Остановимся еще на общих выводах авторов нескольких работ, вышедших за последние годы, в которых с учетом индоевропейского и индоиранского материала дается общая картина распространения арийских племен. Данному вопросу посвящено обширное введение к монографии о санскрите Т. Барроу (1955, 1–34). Уже в первом параграфе этого введения постулируется, что миграция индоариев в Индию (Ригведа датируется около 1000 г. до н.э.) последовала за их выделением из арийской общности в Средней Азии и соседних районах. Вторая образовавшаяся ветвь ариев — иранцы — осталась у Окса (здесь специально отмечается, что они сохранили память о Хорезме как о своей родине); отсюда иранцы впоследствии распространились и на Иранское плато, и по степным просторам до Китая на востоке и Южной России на западе; из этих традиционных положений во многом и исходит далее Т. Барроу. В пределах индоевропейского диалектного единства он помещает арийский в центральную группу, каковой считает группу сатем, где арийский имел особенно тесные связи со славянским и балтийским, а вне сатемных

языков — с греческим. Индоевропейский ареал в тот период находился, по Т. Барроу, между Южной Россией (до Волги на востоке) и Рейном (на западе). К востоку от ариев обитали, в частности, тохары, язык которых не имел особых связей с индоиранским и которые ушли в Азию ранее ариев[4]. Сами арии покинули Европу около 2000 г. до н.э. Они несли с собой не индоевропейский диалект, а уже сформировавшийся в основных чертах индоиранский. Именно он и был принесен в Переднюю Азию через Кавказ отколовшейся арийской группой. О пребывании индоиранцев в Восточной Европе и их движении к востоку, севернее Каспия, свидетельствуют арийские заимствования в финно-угорских языках. Уже в Средней Азии арии разделились на индийцев и иранцев.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров (1960, 10–22) наиболее близкими к арийским диалектам считают греческий и армянский; указывая, что индийский и иранский не во всем могут быть возведены к общеарийскому источнику (ср. уже у А. Мейе и некоторых других авторов), они придают особое значение диалектной дробности арийского мира и, в частности, существованию архаичных дардских языков. С носителями последних предлагается связать миграции к границам Индии ранее последней собственно индоарийской волны, относимой ко второй половине II — началу I тысячелетия до н.э. (к I тысячелетию до н.э. приближают и эпоху создания Ригведы). Исходный пункт движения ариев — области к северу от Черного моря, откуда индоарии могли идти как через Кавказ, так и через Среднюю Азию. На возможность первого пути указывает наличие арийского элемента в Передней Азии, и поэтому допустимо, что к Индии индоарии или их часть подошли с запада. О движении через Среднюю Азию может свидетельствовать тот факт, что здесь обитали иранцы и «Средняя Азия была очагом распространения ряда иранских языков». Как аргумент в пользу восточного пути, к северу от Каспия, рассматриваются арийские заимствования в финно-угорских языках, первоначальная область которых помещается близ Урала.

---

[4] По В. Пизани, арии и тохары, как уже указывалось, мигрировали одновременно около середины III тысячелетия до н.э. Некоторые другие авторы, как и Т. Барроу, полагают, что тохары продвинулись на восток до ариев; Ван Виндекенс считает, что с начала II тысячелетия до н.э. тохары могли иметь контакты с праайнами, которых помещает на Верхнем Енисее (см.: Van Windekens, 1960, 754). По другой точке зрения, тохары ушли на восток много позже, уже в начале I тысячелетия до н.э.; при этом особое значение иногда придается (Solta, 1956; Brandenstein, 1962a) выводам Гейне-Гельдерна о «понтийском движении» на восток около 800 г. до н.э. Но его положения не являются доказательными.

Укажем здесь еще на точку зрения В. Бранденштайна, который из индоевропейского ареала первыми уводит ариев; он уверен, что иранцы очень рано находились в Казахстане и соседних районах, и, кроме того, прямо связывает их с андроновской культурой (со ссылкой на работу К. Йеттмара, позднее доказывавшего, что иранцы не могли находиться среди андроновцев). Индийцы же, по мнению В. Бранденштайна, пришли в Переднюю Азию (и далее — в Индию, ср. выше) из областей к северу от Кавказа, где индийский элемент сохранился и позже и оказал влияние на скифов и осетин (1948; 1953). Вместе с тем он считает определенно установленным движение мидян и персов через Кавказ, опираясь на соответствующую трактовку данных ассирийских источников (Г. Хюзингом и Ф. Кёнигом, см. ниже) и археологических материалов из Сиалка (со ссылкой на Ф. Альтхайма, следующего за Р. Гиршманом и Л. Ванден Берге, но последний дает в цитируемой работе лишь характеристику Сиалка, а в другой склоняется к мнению о происхождении западноиранских племен с востока, ср. ниже). На карте В. Бранденштайна (1964, 3) путь персов и мидян проходит из области андроновской культуры между Аралом и Каспием по западному берегу последнего к оз. Урмия и далее.

Р. Хаушильд, опираясь на выводы В. Порцига, считает, что арии довольно долго находились в Южной России (к северу от Черного моря и Кавказа) и начали свое движение, уже имея, в частности, боевую колесницу. Ранние арийские и, быть может, именно индийские заимствования в финно-угорском рассматриваются как свидетельство пребывания ариев в Восточной Европе. В первой половине II тысячелетия до н.э. группы ариев проникли с севера в Переднюю Азию, а принесенный ими язык был уже «индийским», а не арийским. Но эти арии, являвшиеся господствующей верхушкой у хурритов, с которыми они смешивались, и правителями типа «кондотьеров» в соседних районах, не были предками собственно индоариев. Последние же с «авестийским народом и другими иранцами» прошли к северу от Каспия, через Окс и Яксарт и вместе с «авестийскими иранцами» еще долго жили на юге Средней Азии, в Афганистане и соседних районах, а затем ушли в Индию (дата Ригведы: 1200–1000 гг. до н.э.). Но мидян и персов Р. Хаушильд ведет через Кавказ, указывая на материалы из Сиалка; иные основания не приводятся, более того, движение мидян и персов из областей к северу от Кавказа рассматривается как один из аргументов в пользу того, что арии ранее жили в Южной России (Hauschild, 1962).

Итак, мы видели, что среди индоевропеистов всегда существовали самые различные взгляды на локализацию индоевропейско-

го ареала, на положение ариев в индоевропейском диалектном единстве и на время их выделения из него. При постановке проблемы происхождения и раннего расселения ариев постоянно имелись возможности для построения самых различных положений. Что же касается дальнейшей истории самих иранцев, а также и предков собственно индийцев, то работы по индоевропеистике обычно вообще не дают какой-либо опоры, и в них эти вопросы решаются по существу лишь на основании выводов из иных материалов, причем, исходя из них, нередко судят о времени и характере тех или иных языковых явлений. При датировке многими авторами времени выделения ариев из индоевропейского диалектного единства оказывается возможным очень раннее появление индоиранцев на территориях к востоку от Каспия, например за несколько веков до возникновения андроновской культуры, — в этом случае наиболее вероятным выглядит и приход в Переднюю Азию ариев (или «индийцев») во II тысячелетии до н.э., а также иранцев в начале I тысячелетия до н.э. с востока. При более поздних датировках ухода индоиранцев из индоевропейского ареала (около 2000 г. до н.э. у Ф. Шпехта, Т. Барроу и др., до середины II тысячелетия до н.э. у В. Порцига) восточный путь переднеазиатских ариев оказывается маловероятным или даже исключенным, но среднеазиатский вариант для иранцев и собственно индоариев вполне возможен (эта концепция и отражена в работах ряда индоевропеистов). Для иранцев же, появившихся в Передней Азии гораздо позднее, на основе обычных для трудов по индоевропеистике положений можно исходить лишь из негативного мнения об их отсутствии в Северном Причерноморье и соседних районах Юго-Восточной Европы до появления скифов. При таком подходе приход западноиранских племен из областей к северу от Кавказа выглядит маловероятным.

Вернемся теперь к исследованиям начала XX в., когда уже было выдвинуто мнение о продвижении арийских групп через Кавказ. Эд. Мейер (1909, 809; 1926, 901), упоминая о «новой» теории Г. Хирта и Ф. Хоммеля, писал, что если бы арии действительно двигались из Европы через Кавказ и далее на восток, то прежде всего они появились бы в горах Армении и Северной Мидии, но, как он доказывал, там «повсюду обитали неарийские племена». К последним Эд. Мейер относил «многочисленные народы» с территории Наири, а в Северной Мидии до Каспия — тапиров, амардов, каспиев, кадусиев-гелов и анариаков (это название рассматривалось им как общее для всех племен Прикаспия и соседних районов). Напротив, на остальной территории основной части Ирана, в Северной Индии, Средней Азии в исторический

период жили арийские племена. Первоначальная область их расселения находилась в Средней Азии, Северном Афганистане и примыкающих районах; отсюда они проникли в Индию (около 2000 г. до н.э., дата Ригведы — не позже 1500 г. до н.э.) и на запад, к касситам и в Митанни. Западноиранские племена позже также пришли с востока, что, как полагает Эд. Мейер, еще частично прослеживается по ассирийским источникам с конца IX в. до н.э. для мидян и персов. Курды, ставшие со временем преобладающим народом в горных цепях Загра и затем в Южной Армении, проникли сюда в относительно позднее историческое время. Все исторически засвидетельствованные передвижения иранских племен происходили с востока на запад, и это также доказывает, что область расселения ариев находилась в Средней Азии и соседних районах (Meyer, 1926, 896–902). Эти, как всегда, четко и логично сформулированные положения выдающегося историка еще долго играли большую роль. Так, Б. Гхош в сводном труде о «ведийской эпохе» повторяет его аргументы против возможности передвижения ариев и иранцев через Кавказ. Б. Гхош считает, что прародиной индоевропейцев была Южная Россия, но арии очень рано продвинулись в Среднюю Азию и после длительного пребывания здесь начали свое дальнейшее расселение около 2000 г. до н.э. как на запад, в Переднюю Азию, так и в Индию. На Среднюю Азию как общую родину ариев указывают и сравнительные данные Ригведы и Авесты и традиция последней (Ghosh, 1951, 203–207).

Ранее те же аргументы использовались В.В. Бартольдом, Б.В. Миллером и другими авторами. Названные ученые приводили их в связи с критикой положений книги И. Стжиговского, который, ссылаясь на выводы Г. Хюзинга (см. ниже) и мнение о происхождении индоевропейцев из Европы, считал, что индоарии прошли через Кавказ около 1700 г. до н.э., а иранцы — около 1000 г. до н.э., после чего под их давлением индоарии продвинулись в Индию. Лишь третья ветвь ариев, саки, шли не этим путем, а к северу от Каспия, в Туркестан и Афганистан, отрезав тем самым индийцев от иранцев (Strzygowski, 1917). В.В. Бартольд (1922, 364) возражал против кавказского пути иранцев прежде всего в связи с «много раз приводившимся» доводом о том, что именно в областях Ирана, прилегающих к Кавказу, неарийские элементы держались гораздо дольше, чем на востоке. Этот, по В.В. Бартольду, «несомненный» факт решительно противоречит схеме И. Стжиговского. Те же соображения повторяет Б.В. Миллер (1926, 38, 39), указывая еще, что движение через Кавказ больших масс населения чрезвычайно затруднено.

Иную постановку вопроса о происхождении западноиранских племен, противоположную обычной среди иранистов, отстаивал Г. Хюзинг. Его аргументы суммированы в одной из его последних работ, выводы которой подробно характеризуются ниже (Hüsing, 1930). Многие другие труды Г. Хюзинга (1899; 1900; 1908; 1916, и др.) посвящены разбору данных об этнической принадлежности народов Западного Ирана и особенно ономастического материала, в том числе иранских имен из вавилонских источников ахеменидского времени и ассирийских надписей; при этом рассматривается и ряд закономерностей при передаче иранских имен в аккадском. Вместе с тем Г. Хюзинг одним из первых пытался точнее определить, какие из известных по ассирийским текстам имен из Западного Ирана не являются иранскими, и связать их с определенными местными этническими группами. Большинство таких имен отнесены им к эламскому (приводимые параллели иногда удачны, но часто явно натянуты) и «кавказско-загрским» языкам. Г. Хюзинг, как и другие, указывал, что в своде Ф. Юсти многие имена IX–VII вв. до н.э. не являются иранскими, в частности имена манейских князей. Напротив, отдельные имена, которые могут быть иранскими, не отмечены у Ф. Юсти; так, по Г. Хюзингу (1899, 560, 561), мидийское имя *Ḫanaṣiruka* (820 г. до н.э.) звучит по-ирански.

Следует заметить, что у Г. Хюзинга весьма часто встречаются определенно неприемлемые сопоставления и общие построения. Это относится и к его упомянутой работе 1930 г. (например, к сопоставлениям сведений о первых Ахеменидах с данными Авесты). Положения этой работы и соответствующие выводы предшествующих трудов Г. Хюзинга, относящиеся к IX–VII вв. до н.э., сводятся к следующему. По его мнению, утверждение, что ассирийские тексты свидетельствуют о постепенном продвижении иранцев с востока на запад, — лишь результат предвзятого мнения об азиатском происхождении арийских народов, в действительности же «клинообразные надписи ясно и отчетливо показывают прямо противоположное» (1930, 251). Положение о пребывании индоиранцев в праарийский период в Азии, между Аральским морем и Памиром, характеризуется как совершенно устаревшее. Г. Хюзинг, напротив, ссылается на мнение Т. Пёше, по которому арии, индийцы, мидяне и персы шли через Кавказские ворота, и на подобные взгляды Г. Хирта и некоторых других индоевропеистов. Именно этот путь западноиранских племен целиком подтверждается, по Г. Хюзингу, данными ассирийских источников. Интересно и его утверждение о том, что движение иранцев с востока на запад исключается, так как население вос-

точной половины Иранского плато оставалось неиранским еще много позже того времени, когда на западных границах Ирана определенно засвидетельствованы иранские племена. Совершенно противоположного мнения, как мы видели, придерживаются сторонники восточного происхождения западноиранских народов (с тем же их аргументом мы неоднократно будем встречаться и в дальнейшем).

Первое свидетельство об иранцах в ассирийских источниках Г. Хюзинг относит не к 835/834 г. до н.э. (имена Парсуа и Мада), а к 879 г. до н.э., когда при описании действий ассирийцев в районе к юго-западу от оз. Ван упоминаются имена двух вождей, рассматриваемые им как иранские: Артеану < **Arteyāna* и Пурраману < **Framāna*. Чтобы не возвращаться более к этому вопросу, отметим здесь, что это определение, очевидно, неверно и основано на ошибке в издании текста, хотя его принимали также Ф. Кёниг (RA, I, 159, лишь для первого имени, второе он читал как «Бур-Раману») и Э. Герцфельд (Herzfeld, 1941, 351, с отнесением их не к иранским, а к арийским, сохранившимся здесь со времен Митанни). Автор данной работы, исходя из воспроизведенного у Г. Хюзинга текста, также рассматривал эти имена как иранские (Грантовский, 1962а, 255). В тексте надписи Ашшурнасирапала II на монолите из Тушхана (об., стк. 42) в издании Раулинсона (IIIR, 6) действительно стоит *Ar-⌜te⌝-a-nu* (так же: KB, I, 92). Но в издании Э. Баджа и Л. Кинга (AKA, 239) в этом месте дается *I-la-a-nu*, что и является, вероятно, правильным (ср.: AR, I, 181; АВИИУ, № 26), тем более что это, очевидно, тот же Илану, который упоминается еще под 866 г. до н.э. в анналах Ашшурнасирапала (III, стк. 105, так и в: IR; KB, I, 112; AKA, 378). Тем самым лишается основания положение Г. Хюзинга, что персы, перевалив через Кавказ, двинулись сначала к западу и лишь позже попали в район Урмии (отнесение данных имен именно к персам основано на неоправданном определении Г. Хюзингом и Ф. Кёнигом диалектных черт в имени Артеану, ср. об этом ниже, гл. II, разд. 1).

Следующий этап в движении персов отмечен упоминанием с 835/834 г. до н.э. области Парсуа к югу от Урмии и ряда иранских имен на соседних территориях в конце правления Салманасара III и при Шамши-Ададе V. Мнение о связи имени Парсуа с этнонимом персов было выдвинуто еще в конце XIX в. (см. ниже). По Г. Хюзингу, персы затем переселились к северным границам Элама и далее на территорию Персиды. Таким образом, они продвигались в Иране с северо-запада на юго-восток. Такое направление в движении одной из групп иранских племен возможно, по мнению Г. Хюзинга, лишь в том случае, если они при-

шли со стороны Кавказа. Что касается мидян, уже при первом упоминании засвидетельствованных восточнее Парсуа, то их Г. Хюзинг ведет также через Кавказ и далее в направлении Раг, Хамадана, Исфагана и т.д. Так как в текстах Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н.э.) и Ададнирари II (на рубеже X и IX вв. до н.э.), совершавших походы в области к северу и востоку от Ассирии, нет материалов, указывающих на иранцев, Г. Хюзинг считает, что иранские племена прошли через ущелья Кавказа около 900 г. до н.э.

Мы весьма подробно остановились на положениях работы Г. Хюзинга, так как в ней наиболее последовательно изложена с учетом данных ассирийских источников теория о продвижении иранских племен в Иран со стороны Кавказа. Эти аргументы Г. Хюзинга в значительной мере повторяются и другими исследователями, стоящими на той же точке зрения. К тому же ее сторонники позже в основном сосредоточивали внимание на археологическом материале, а упоминая о данных ассирийских источников, ссылались на работы Г. Хюзинга и вышедшую в 1934 г. книгу Ф. Кёнига.

Следует еще отметить, что Г. Хюзинг делал свои выводы о передвижении иранских племен по существу лишь на основе отдельных имен, рассматривавшихся как иранские, и считал при этом, что на тех же территориях, откуда они происходят, большинство известных по ассирийским текстам имен принадлежит к «кавказско-загрским» языкам. Так, еще Эд. Мейер (1908, 13) отмечал, что в списке 28 «царей», принесших дань ассирийцам в 820 г. до н.э., имеется целый ряд иранских имен. По Г. Хюзингу, в списке 820 г. до н.э. четыре имени определенно иранские, пять неясного происхождения (сюда отнесены и такие имена, как Ашпаштатаук и Парушта), преобладающее же число имен кавказско-загрские. Лишь единичные иранские имена отмечаются им и для ряда других территорий и периодов. Из анализа списка 820 г. до н.э. он, например, делает вывод, что персы обитали ранее на территориях, к которым относятся эти имена, но к 820 г. до н.э. в основном покинули их.

Различные вопросы истории западноиранских племен в IX–VII вв. до н.э. затронуты в ряде работ Э. Герцфельда (AMI; 1935; 1941; 1947). Значительный интерес представляет ряд его наблюдений по исторической географии Западного Ирана. При объяснении упоминаемых в источниках названий им учитывается также древняя, средневековая и современная топонимика соответствующих районов. Хотя предлагаемые им этимологии топонимических названий и отдельных личных имен часто неприем-

лемы или сомнительны, некоторые из них безусловно заслуживают внимания. Вообще Э. Герцфельд впервые пытался установить иранскую принадлежность значительного числа топонимических названий. Ранее же привлекались в основном личные имена, а также географические названия, связанные с этнонимами (Парсуа, Мада, Зикирту).

Э. Герцфельду представляется бесспорным наличие в Северо-Западном Иране уже в IX–VIII вв. до н.э. значительных масс ираноязычного населения. В соответствии с традиционными положениями иранистики, подкрепляемыми его собственными наблюдениями, он помещает родину иранских народов в Средней Азии. Их движение на запад через Каспийские ворота началось незадолго до первого упоминания персов и мидян в текстах Салманасара III. В области Парсуа (по Э. Герцфельду, у Керманшаха) персы столкнулись с ассирийцами; группа мидян, оставшихся восточнее, продвинулась на юго-запад, в район Исфагана, где была остановлена эламитянами. Зикирту-сагартии, возможно говорившие на персидском диалекте, дошли до района Тавриза, где были остановлены урартами (Herzfeld, 1941, 180, 190–194; 1947, 723–728; AMI, I, 79).

Характерно, что Э. Герцфельд учитывает лишь противодействующую роль ассирийцев, эламитян, урартов, создавших великие государства древности. Занимавшее основную часть Ирана местное население, для установления этнических особенностей и культуры которого в предшествующий период много сделал сам Э. Герцфельд, оказалось, по его мнению, под господством арийских пришельцев, принесших Ирану историческую жизнь. Э. Герцфельд даже возводит особенности социального строя некоторых современных племен к этому периоду; так, в низших классах луров он видит потомков касситов, а в высшем родовом слое луров — потомков арийских иммигрантов, подплемени персов (1941, 181). Персы получили свое имя от области Парсуа, в которой обитали определенное время, а в начале VII в. до н.э. двинулись в зависимые от Элама области, до Парса, которому дали свое новое имя.

Э. Герцфельд впервые отметил, что целый ряд элементов в материальной культуре древних персов Юго-Западного Ирана (строительные навыки, тип зданий и скальных гробниц и пр.) связан с культурным кругом, простиравшимся от Северо-Западного Ирана до Малой Азии. Важным является его вывод о том, что в Северо-Западном Иране в рассматриваемый период происходил переход от земледельческой жизни в деревнях к организованной жизни в городах, упоминаемых в ассирийских

надписях и изображенных на ассирийских рельефах IX–VIII вв. до н.э. Эти традиции градостроительства развиты в Экбатанах, Пасаргадах и Персеполе (Herzfeld, 1935, 29–35; 1941, 195–208).

В 1934 г. вышла небольшая книга Ф. Кёнига «Древнейшая история мидян и персов», в которой он уделяет значительное внимание периоду IX–VIII вв. до н.э. (König, 1934). Эта книга получила чрезвычайно резкую оценку И.М. Дьяконова (1956, 79, 80) и И. Алиева (1960, 34, 91), отметивших фантастический характер построений и концепций Ф. Кёнига, неприемлемость исходных общеисторических взглядов и ряд частных ошибок. Все это в значительной мере справедливо, и все же нельзя согласиться с излишне суровой оценкой, перечеркивающей значение всего, что содержится в этой работе. Ряд положений Ф. Кёнига базируется на отдельных, прочно установленных фактах в сочетании со многими наблюдениями, о ценности которых в настоящее время нередко трудно вынести окончательное решение. Но некоторые из них представляют бесспорный интерес и сейчас. Следует также учесть, что книга Ф. Кёнига сыграла большую, хотя в определенных отношениях действительно отрицательную, роль в дальнейшей разработке соответствующих проблем. На те или иные его выводы ссылаются как на доказанные Р. Гиршман, Т. Сулимирский, Х. Нюберг, В. Минорский и др., в советской литературе — В.В. Струве и К.В. Тревер. Напомним также, что именно в этой работе Ф. Кёнига (который вслед за Г. Хюзингом уделял особое внимание старому местному населению) впервые при построении общей картины исторического развития Западного Ирана утверждается, что местное население в IX–VIII вв. до н.э. численно преобладало над арийскими иммигрантами; основная часть известных для данного периода личных имен с этих территорий определяется как происходящие из местных («субарейских» и пр.) языков, а почти все, за отдельными исключениями, топонимы рассматриваются как неиранские. Аналогичного мнения придерживаются И.М. Дьяконов, И. Алиев и некоторые другие авторы. До Ф. Кёнига под мидянами имели в виду лишь иранские племена; по его же мнению, упоминаемые со времени Салманасара III мидяне сложились на основе смешения арийских пришельцев с обитавшими здесь ранее субарейскими народами (1934, 8), причем последние численно преобладали среди мидян в IX–VIII вв. до н.э. Сходную точку зрения отстаивают И.М. Дьяконов и И. Алиев (см. ниже).

Основные положения Ф. Кёнига сводятся к следующему. Персы и мидяне пришли с севера, пройдя через Восточное Закавказье и восточнее Урмии далее в область Экбатан (мидяне) и по до-

линам Загра к Парсу (персы). Их продвижение в Иран происходило в X в. до н.э. Так как при Салманасаре III Парсуа и Мада уже были географическими названиями, племена, давшие им имя, должны были находиться здесь значительное время. Вместе с тем абсолютное преобладание в IX в. до н.э. среди имен вождей с территории Армении и Загра неиранских свидетельствует о том, что процесс замещения иранскими племенами местного населения начался незадолго до этого. Следующий этап в движении «северных народов» связан с появлением сагартиев, саков и ряда других племен. При трактовке событий этого времени в конце VIII — VII вв. до н.э. Ф. Кёниг допускает много произвольных утверждений, как, например, о распространении «народов моря» вплоть до Ирана.

Большое значение в последующей литературе имели положения Ф. Кёнига о роли арийских иммигрантов в социально-политической жизни. По его мнению, численно они были крайне незначительны и состояли в основном из военных вождей и их окружения, передвигавшихся по различным областям Передней Азии. Ф. Кёниг сравнивает этих вождей с кондотьерами или с германскими главарями преторианцев в Риме. Постепенно в их руки в различных местах переходила власть, принадлежавшая ранее «феодальным» владетелям местного происхождения. Иранский язык мидян, на котором первоначально говорила лишь часть новых господ и их свиты, постепенно становился административным, а затем, с усилением мидийских владык, получил преобладающее значение. В период переселения иранцы были, по Ф. Кёнигу, всадниками-скотоводами, но и земледелие было распространено в их среде. Однако подавляющую часть крестьян и садоводов составляло местное население. Ф. Кёниг утверждает, что в ранний период иранские имена носят именно вожди, упоминающиеся всегда с дружиной; это соответствует его мнению, что арийские иммигранты — прежде всего военные вожди и их вооруженное окружение. Что же касается старых местных правителей, то как раз им, по мнению Ф. Кёнига, принадлежат имена неиранского происхождения.

Ф. Кёниг часто не объясняет, почему одни имена он считает иранскими, а другие принадлежащими старым местным языкам. Причисляя подавляющее большинство имен с соответствующих территорий к неиранским, он оценивает так и состав имен в списке 820 г. до н.э., при этом к «определенно неиранским» относит, например, имена Ашпаштатаук и Барзута. Ф. Кёниг считает «субарейскими» все имена на *-ukku*. Таким образом, из числа иранских он исключает имена VIII в. до н.э.: Машдакку, Маш-

дайаукку и пр., в которых Эд. Мейер и другие авторы видели образование от иранского божественного имени Мазда. По Ф. Кёнигу, культ Ахурамазды более позднего времени. Вместе с тем он принимает выдвинутое в начале XX в. Ф. Хоммелем положение, что в списках богов из библиотеки Ашшурбанапала встречаются имена Митры и Ассара-Мазаша, связанные с иранскими богами. По Ф. Кёнигу, в мидийский период из религий местного населения постепенно развивается вера в Ахурамазду на основе культа Ассара-Мазаша. Культ Ахурамазды, как и многое другое в религиозной и государственно-административной практике персов, он рассматривает как заимствованный ими у мидян, которые, в свою очередь, переняли многое из традиций Халдской (Урартской) империи, в пределах и на границах которой переселялись иранские племена. Аналогичные положения о развитии древнеиранских религий в тесной связи с культурой Урарту развиваются и в последующих работах Ф. Кёнига (1938, 79–95; 1953).

Книга Дж. Кэмерона «История древнего Ирана» (Cameron, 1936) основана на более трезвом анализе данных клинописных источников, а для более позднего периода — также трудов античных авторов. Но вопрос о путях проникновения индоиранцев в Переднюю Азию решается им в основном в соответствии с традиционными положениями об их древнейшей истории. По Дж. Кэмерону, из равнин к северу от Кавказа и Каспия «индоиранские вожди и их несомые лошадьми воины» через степи Туркестана проникли в Восточный Иран примерно в начале II тысячелетия до н.э.; одна их ветвь двинулась затем в Индию, а другая — в Западный Иран, где вступила в контакты с касситами, а потом из Загра прошла далее на запад в Митанни (около 1500 г. до н.э.). В Загре до появления там иранцев не сохранилось никаких следов пребывания ариев. Территории к востоку, в глубине Иранского нагорья, были во второй половине II тысячелетия до н.э. заняты предками мидян и персов. Со второй половины IX в. до н.э. они стали проникать на запад, в Загр, где к ним постепенно переходил от местных вождей контроль над укрепленными городами. Распространение власти иранских племен в Западном Иране проходило весьма медленно. Отмечая при Шамши-Ададе V несколько вождей с иранскими именами на границах Армении (Наири), Кэмерон считает, что тогда же восточнее, в стране Мадай, противников ассирийцев возглавлял Ханасирука, имя которого определяется им как кавказское. И позднее, когда Тиглатпаласар III проник еще далее на восток, характер имен местных вождей свидетельствует, по Дж. Кэмерону, о

смешении касситских или кавказских, арамейских и иранских народов на этих территориях. Основным критерием при решении вопроса этнической принадлежности является языковая атрибуция тех или иных имен, но, к сожалению, обычно не указывается, чем она определена. По мнению Дж. Кэмерона, большинство известных по ассирийским источникам имен из Северо-Западного Ирана остаются кавказскими на протяжении IX и VIII вв. до н.э., по крайней мере до Саргона II, когда отмечается уже значительное число иранских имен наряду с неиранскими (к последним, например, по тем же основаниям, что у Ф. Кёнига, отнесены такие имена, как Машдайаукку, Пайаукку и др.). Что же касается топонимических названий из тех же районов, то все они (за исключением таких, как Парсуа и Мадай) определяются как кавказские и в более поздний период.

Говоря о появлении иранского этнического элемента, Дж. Кэмерон имеет в виду прежде всего не распространение значительных групп ираноязычного населения, а переход власти в тех или иных районах от «кавказских» к иранским владетелям. И в индоиранцах Северной Месопотамии во II тысячелетии до н.э. он видит лишь правителей, «династов», и их военно-аристократическое окружение; более того, само распространение ариев из Юго-Восточной Европы в Туркестан, Иран и т.д. Дж. Кэмерон рассматривает как движение вождей и их воинов (1936, 138–144). Как и многие другие авторы, он связывает персов с областью Парсуа, откуда они переселились по ущельям Загра до Парса, а в качестве промежуточной территории на этом пути рассматривает страну Парсумаш. В книге Дж. Кэмерона впервые подробно рассмотрены данные о ней в различных ассирийских надписях.

В капитальном труде «Религии древнего Ирана» Х. Нюберга дается краткий очерк истории проникновения арийских племен в Западный Иран и на соседние территории (Nyberg, 1938, 328 sq.). По Нюбергу, мидяне и персы пришли в области Загра в IX в. до н.э. с востока, возможно из Хорасана. В Западном Иране они покоряли неарийские народы и постепенно смешивались с ними. Из ономастического и топонимического материала следует, что в ассирийское время области Мидии были населены хурритами, халдами, касситами, гутиями, лулубеями; арийский же элемент был ограничен тонким высшим слоем. И переднеазиатским ариям II тысячелетия до н.э. отводится в хурритском обществе роль руководящего класса, феодального дворянства. Считая, что и в европейской Скифии пришлые иранские племена и группы господствовали над неарийскими народами, Х. Нюберг замечает:

«То, что арии составляют господствующий высший класс у неарийских народов, — обычное явление в истории» (1938, 253). Определяя имя Дейока-Дайаукку как неиранское (со ссылкой на Ф. Кёнига), Х. Нюберг полагает, что основатель мидийской династии не был по происхождению арием, но так как его потомки носили иранские имена, они должны были быть «приняты в арийскую религиозную общину, а вместе с тем в господствующий класс» (1938, 335). Иранизация достигла больших успехов лишь после создания Мидийской империи, когда мидийский иранский стал государственным языком и была создана административная терминология на этом языке, позже заимствованная Ахеменидами.

Значительно больший интерес представляют оригинальные выводы Х. Нюберга по истории различных иранских, в том числе именно западноиранских, религиозных систем, о связанной с ними религиозно-социальной терминологии и т.д., специальный небольшой раздел посвящен религии мидян в доахеменидский период (1938, 335–343). При этом, в частности, предлагается иранская этимология названий всех шести мидийских племен, упоминаемых Геродотом. Древнемидийскую религию Х. Нюберг определяет как примитивный маздеизм, не связанный первоначально с зороастризмом. Он считает, что религиозные представления и обычаи древних мидян соответствуют отраженным в Видевдате; последний, по его мнению, возник на западе, и его зороастризм транспонирован в тональности мидийских магов. Среди девов, проклинаемых в Видевдате, много старых иранских богов древнемидийского пантеона; имена некоторых из них и специфические религиозные термины Х. Нюберг находит в именах мидийских племен будиев и бусов и в названии города Кундуру. Следуя мнению, что в ассирийском источнике упоминаются Митра и Ахурамазда в древней форме Ассара-Мазаш, он видит здесь арийское Асура-Маздас до иранского перехода $s > h$.

Но помимо иных аргументов, которые опровергают это мнение, следует еще заметить, что принимавшееся Ф. Хоммелем, А. Олмстедом, Ф. Кёнигом и другими авторами положение об Ассара-Мазаше как прообразе Ахурамазды невозможно и по ассириологическим данным. А. Унгнад в специальной статье показал, что упоминание о богах Ассара и Мазаш никак не может быть увязано с иранским Ахурамаздой, а Митра не называется в том ассирийском источнике, где его пытались найти (Ungnad, 1943). Установление этого факта используется как аргумент против мнения о распространении маздеизма в древней Мидии. В настоящее время широко распространена точка зрения, что культ

Ахурамазды возник и был первоначально известен лишь в Средней Азии и Северо-Восточном Иране, а в Западный Иран проник лишь в ахеменидскую эпоху, уже после правления Камбиза (см., например: Gershevitch, 1959, 13–22; Zaehner, 1961; Дандамаев, 1963, 249–257). Однако в литературе, в том числе и у Х. Нюберга, приводились ранее и другие данные, которые могут свидетельствовать о распространении маздеизма в Западном Иране в IX–VII вв. до н.э.

В серии работ В. Эйлерса, выходящих с середины 30-х годов, выделяются и рассматриваются термины и имена иранского происхождения в клинописных, прежде всего вавилонских, текстах ахеменидского времени. Исследуемые им материалы представляют значительный интерес и при выявлении соответствующих данных из ассирийских источников. В документах из ахеменидской Вавилонии представлено большое количество иранских имен. Причем их языковая принадлежность устанавливается не только по форме самих имен (таких, например, как Митрадата, Багадата, Арийаупама и др.), но и на основе дополнительных данных: прямыми указаниями на этническую принадлежность, родственные связи носителя предполагаемого иранского имени с лицами, имена которых бесспорно иранские, и т.д. Материалы этих документов, таким образом, намного увеличивают фонд древних иранских имен с территорий, наиболее близких тем, сведения о которых дают ассирийские тексты (иранские имена из вавилонских документов рассматривались ранее И. Шефтеловицем, Г. Хюзингом, К. Таллквистом и некоторыми другими авторами). Вместе с тем иранские имена в документах из Вавилонии представлены в текстах, составленных на том же языке, что и надписи ассирийских царей. Наряду с вавилонскими версиями ахеменидских надписей они дают возможность более определенно установить закономерности аккадских передач иранских имен. В. Эйлерс подробно анализирует некоторые особенности подобных передач (ср. выше о работе К. Таллквиста). Определяя происхождение и значение иранских терминов и имен из документов ахеменидской эпохи (а также рассматривая более поздние топонимические названия из Ирана, особенно в капитальной работе об имени Демавенда), В. Эйлерс попутно предлагает и иранские объяснения отдельных личных имен и топонимов, засвидетельствованных в ассирийских источниках IX–VII вв. до н.э. (Eilers, 1934; 1936; 1937; 1940а; 1940б; 1953; 1954; 1956; 1955; 1962).

С 30-х годов при изучении ранней истории западноиранских народов все большее значение приобретает археологический материал. Как уже указывалось, Э. Герцфельд отметил в древне-

персидской культуре элементы, свидетельствующие о влиянии с территорий от Северо-Западного Ирана до Малой Азии; при этом он исходил из анализа памятников в основном ахеменидского времени из Парса, определенно принадлежавших иранцам и достоверно датируемых. Иначе обстоит дело с более ранними археологическими материалами из других районов Ирана, намного увеличившимися в последнее время. При их изучении возникают, как правило, большие трудности в датировке и этнической атрибуции, без чего невозможно их практическое использование для конкретных исторических выводов. Здесь нет необходимости перечислять все памятники, которые могут быть отнесены к рассматриваемому периоду; упомянем лишь о тех материалах, появление и исследование которых уже сыграло роль в выработке соответствующих исторических положений.

С конца 20-х годов в научный обиход вошли многочисленные так называемые луристанские бронзы — комплекс изделий (не всегда только бронзовых) из хищнически раскопанных памятников Северного Луристана и соседних районов. Этим предметам посвящено огромное число публикаций и исследований (первая основная работа: Godard, 1931; обширную библиографию см.: Vanden Berghe, 1959, 177–183; о некоторых новых работах см. ниже). Датировка луристанских бронз вызвала сильные разногласия. Наряду с преобладавшим первоначально мнением об очень раннем развитии луристанского комплекса в III и во II тысячелетиях до н.э. уже в начале 30-х годов некоторые авторы относили его к более поздней эпохе и связывали с ним исторические события того времени. Так, Ф. Кёниг, говоря о продвижении киммерийцев, скифов и других народов из западных районов Передней Азии в пределы Загра, ссылался и на отмечавшиеся уже тогда сходства между культурами Луристана и Малой Азии и восточного Средиземноморья. Связи в другом направлении, с областями Кавказа, были исследованы Ф. Ганчаром (Hančar, 1934), помещавшим рассматриваемые кавказские культуры и находки из Луристана между серединой II и первыми веками I тысячелетия до н.э. Основное положение Ф. Ганчара о наличии общих черт в комплексах Луристана и Кавказа не вызывало сомнений в последующей литературе.

Основываясь на его выводах о родственных чертах культур поздней бронзы и раннего железа в Восточном Закавказье, Талыше и Луристане, С. Пжеворский видел в этих связях свидетельство продвижения иранских племен, мидян и персов, через Кавказ и Азербайджан с дальнейшим переселением персов на юг (в исторической части он исходит из разобранных выше положе-

ний Г. Хюзинга). Основную массу луристанских бронз он датирует 750–550 гг. до н.э. Персы, по его мнению, были тесно связаны с этой культурой, когда достигли области Луристана–Аншана и восприняли здесь элементы эламской культуры. В ахеменидском искусстве имеются общие черты с луристанским, что также является наследием аншанского периода истории персов (Przeworski, 1934).

Основная часть луристанских бронз ранее обычно датировалась II и началом I тысячелетия до н.э. и связывалась преимущественно с касситами. Это мнение еще отражено в ряде недавних работ (Дьяконов, 1956, 130–132; Алиев, 1960, 161–163; Массон, 1964б, 229, и др.), написанных уже после того, как оно было оставлено в специальной литературе. Изучение луристанских изделий в свете новых материалов из Сиалка, Зивийе, Суз и т.д., установление закономерного характера находок типичных луристанских предметов в комплексах, определенно датируемых VIII–VI вв. до н.э., в частности из Малой Азии и Эгейского мира (литературу см.: Goldman, 1957), и ряд других соображений привели к тому, что теперь основную массу луристанских бронз датируют временем не ранее XII в. до н.э. Так, Л. Ванден Берге в сводной работе по археологии Ирана (Vanden Berghe, 1959) относит некоторые серии луристанских изделий к 1200–1000 гг. до н.э., а другие — к 1000–750 гг. до н.э. Еще более поздние даты принимает Р. Гиршман, в ряде работ рассматривавший этот вопрос (Ghirshman, 1939; 1950a; 1951; 1958a; 1958б; 1964). Он относит развитие основных черт луристанского комплекса ко времени после появления в Луристане и в соседних районах иранских племен, которым принадлежала культура Сиалка VI. Кроме того, серии луристанских предметов связываются с приходом скифо-киммерийских групп, побывавших ранее на территории Каппадокии и Армении. Этим Р. Гиршман объясняет черты луристанского комплекса, общие с культурами Малой Азии (вслед за Ф. Кёнигом), а также связи луристанского и скифского искусства.

В его последних работах все большее значение придается появлению в Луристане киммерийцев, что, по мнению Р. Гиршмана, следует и из письменных источников. Наличие среди луристанских бронз предметов с надписями, в которых упоминаются цари Вавилонии и Элама, правившие до начала I тысячелетия до н.э., он объясняет тем, что они попали в луристанские могилы в результате разграбления киммерийцами, находившимися на службе Ассирии, вавилонских и эламских городов и особенно храмов, где издревле хранились такие вотивные предметы. В надписях на этих предметах в большинстве случаев упомина-

ются правители XII–XI вв. до н.э. Авторы, датирующие луристанские изделия этим периодом, считают, что их соответствующие группы синхронны упомянутым предметам с надписями. Но в луристанском комплексе имеются и изделия с именами царей еще более раннего времени, начиная с III тысячелетия до н.э. Поэтому во всяком случае заслуживает внимания положение Р. Гиршмана, что такие изделия гораздо старше того времени, когда они попали во в целом однородные и датируемые в пределах одного периода луристанские могилы. Последние датируются им VIII в. до н.э. или его второй половиной и VII в. до н.э., а возможно, и несколько более поздним периодом. Датировка в пределах VIII в. до н.э. и одновременное отнесение луристанских изделий к киммерийцам связывается с положением, что киммерийцы и скифы появились в Закавказье и соседних районах Передней Азии и Ирана значительно ранее конца VIII — начала VII в. до н.э. (Р. Гиршман вслед за Т. Сулимирским, ср. ниже).

Мнения о датировке луристанских бронз VIII–VII вв. до н.э. и их связи с киммеро-скифами придерживаются и некоторые другие авторы (ср., например: Dyson, 1960). В известной степени поиному оценивает даты и происхождение луристанских изделий Э. Порада (Porada, 1963, 67–81). Она распределяет их по следующим периодам: XII–XI вв. до н.э., когда, по ее мнению, характерны иностранные влияния, особенно касситов и поздней Вавилонии (но в основном луристанские бронзы относятся к более поздним эпохам); X–IX вв. до н.э. — время развития искусства Луристана под сильным эламским влиянием; VIII–VII вв. до н.э. — период разнообразия форм луристанских изделий и «роскошного стиля» серии предметов. Кроме того, возможно существование переходной к мидийско-ахеменидскому искусству эпохи. Появление в VIII–VII вв. до н.э. новых народов, и именно киммерийцев, принципиально не изменило положение в Луристане, где и ранее кочевали племена коневодов, вожди которых были заинтересованы в поддержании связей с соседними странами, особенно Эламом, оказавшим, по Э. Порада, особое влияние на искусство Луристана.

Различные мифологические сюжеты изображений на изделиях Луристана постоянно привлекали внимание исследователей. Ж. Дюмезиль пытался выделить в них элементы арийского мифотворчества, относя соответствующие предметы к касситам, находившимся под влиянием ариев. Другие исследователи, иначе датирующие луристанские бронзы, в изображениях на тех же и других изделиях ищут отражение иранских религиозных представлений. Подобные попытки были предприняты Р. Дюссо,

усматривавшим здесь связи с иранскими культами, и преимущественно с митраизмом (Dussaud, 1949; 1950). При этом он датирует анализируемые предметы в основном XII–XI вв. до н.э., но это противоречит обычному мнению о времени появления в Луристане иранских племен. Целый ряд идентификаций луристанских мифологических образов и сюжетов с иранскими, «киммерийско-мидийскими», был предложен Р. Гиршманом (1964). Но и их нельзя признать доказательными. Особо следует отметить отождествление Р. Гиршманом божества, изображенного на ряде луристанских изделий, с иранским Зрваном (1962). Однако до появления работы Р. Гиршмана те же сюжеты трактовались иначе, а его отождествление уже вызвало возражения в литературе. В отличие от названных авторов Э. Порада ищет в луристанских изделиях отражение религиозных представлений и демонологии местного населения и эламитов.

В 1938–1939 гг. Р. Гиршманом были изданы материалы раскопок на Тепе-Сиалке близ Кашана. Именно эта публикация и выводы Р. Гиршмана сыграли затем очень большую роль в разработке различными авторами ряда вопросов истории иранцев, а также индоевропейских народов в целом. На холмах Сиалка были вскрыты слои различных эпох, от неолита до железного века. Но культурные слои Сиалка IV и V разделяет период с первой половины III до второй половины II тысячелетия до н.э. К эпохе Сиалк V принадлежит некрополь «А», а к эпохе Сиалк VI — многочисленные вскрытые могилы некрополя «В» и возведение укреплений на вершине южного холма. Отмечая для Сиалка VI глубокие отличия в ряде пунктов от культуры Сиалка в предшествующие периоды, появление нового антропологического типа, особое значение коневодства и всадничества, определенные связи с культурой иранских народов в последующие эпохи и некоторые другие моменты, Р. Гиршман определил культуру Сиалка VI, датированную им X — началом VIII в. до н.э., как принадлежащую незадолго до этого появившимся на Иранском плато иранским племенам. Этот вывод в основном принят в литературе. Правда, некоторые авторы датировали Сиалк VI последними веками II тысячелетия до н.э. (обоснования такой датировки см.: Schaeffer, 1948) и считали, что в последние периоды Сиалка там находились индоарийские или вообще индоиранские племена. Но теперь не вызывает сомнений принадлежность Сиалка VI ко времени после 1000 г. до н.э. Это положение было позже аргументировано Р. Гиршманом на базе новых материалов, в частности, из Суз (1954, 54–56; ср.: 1964, 277–280). Вместе с тем, по его мнению, верхняя дата Сиалка «В» не могла переходить за сере-

дину VIII в. до н.э. Соответственно в различных работах Р. Гиршмана время этого комплекса определяется X–IX вв. до н.э., или X — началом VIII в. до н.э., или X — серединой VIII в. до н.э., а предшествующего — Сиалка «А» — концом II тысячелетия до н.э. или XII–XI вв. до н.э.

Отнеся Сиалк VI к иранским племенам, Р. Гиршман уже в 1939 г. сделал из этого ряд важных, собственно археологических и общеисторических выводов. Он согласует свои взгляды с положениями исследователей, работавших над письменными источниками, причем в особенности опирается на выводы Ф. Кёнига. Р. Гиршман также считает, что иранские племена пришли в Западный и Центральный Иран через Кавказ, но приводит в пользу этого мнения и новые аргументы, основанные на археологическом материале. По его наблюдениям, культура Сиалка VI по общему облику близка культурам раннего железа в Закавказье, на Северном Кавказе и в Южной России. Он указал и на ряд частных аналогий в формах предметов, погребальных сооружениях и т.д. между памятниками названных территорий и Сиалком VI, самыми поздними могилами Гияна и относящимися, по его мнению, к более позднему времени луристанскими бронзами.

Точка зрения Р. Гиршмана о пути расселения тех или иных групп индоиранских народов со временем в известной мере изменялась. Так, в своей работе, изданной в 1939 г., он вслед за Р. Гейне-Гельдерном допускал, что в последних веках II тысячелетия до н.э. имело место переселение арийских племен с запада на восток, со стороны Закавказья (и перед этим из Южной России) через Северный Иран к Индии с промежуточным этапом на пути движения в Северо-Восточном Иране. Здесь Гисар III, Шах-тепе и Туренг-тепе соответственно датировались последними веками II тысячелетия до н.э. (позже была определенно показана необоснованность этого мнения, см. ниже). В общем очерке истории Ирана доисламской эпохи (1951) и других работах примерно того же времени Р. Гиршман считает, что во II тысячелетии до н.э. небольшая группа индоиранцев покинула южнорусские степи, их общую родину, прошла через Кавказ, смешалась с хурритами и создала царство Митанни. Другая, бóльшая часть через Среднюю Азию проникла к границам Индии и затем на ее территорию. Позже восточные иранцы заняли Среднюю Азию и Северный Афганистан. Положения последнего монументального труда Р. Гиршмана (1964) будут разобраны ниже. Но во всех случаях он настаивает на пути западноиранских племен с севера из Южной России, подчеркивая, в частности, что «ни для персов и мидян, ни для киммерийцев и скифов, которые следовали по то-

му же пути, цепи Кавказа не составляли непреодолимой преграды» (Ghirshman, 1960, 314).

Появление иранских племен в Западном Иране Р. Гиршман относит к рубежу I тысячелетия до н.э. Следуя распространенному мнению, что уже после упоминания в последних десятилетиях IX в. до н.э. Парсуа и Мадай среди имен из Западного Ирана очень мало иранских, он считает, что в это время движение иранцев еще продолжалось и власть постепенно переходила в их руки. Продвинувшись с севера, персы оказались на границе Урарту и долго имели непосредственные контакты с этой страной. В VIII в. до н.э. они начали продвижение на юго-восток и к VII в. до н.э. заняли западную часть Бахтиарских гор. У Масджеде-Сулейман (по Р. Гиршману, древний Аншан) и в 20 км севернее, в Барде-Нишанде, находятся остатки искусственных террас и возвышавшихся на них сооружений. Обследовав эти руины, Р. Гиршман пришел к выводу, что это развалины резиденции ранних Ахеменидов, возглавлявших племена Парсумаш, и прообраз искусственных террас и строений Пасаргад и Персеполя. Общий тип тех и других, а также строительные приемы, применявшиеся при их сооружении, не были ранее известны населению в этой части Ирана и соседней Месопотамии, но зато они имеют соответствия на северо-западе, особенно в Урарту (Ghirshman, 1950б; 1951, 74–76). Р. Гиршман обращает внимание и на другие общие черты в культуре ахеменидской Персии и Урарту (см. также 1960; 1964, 129–131).

Большое значение имеют материалы раскопок поселения у окраин древних Суз (см.: Ghirshman, 1954). Его нижний слой относится к периоду до создания державы Ахеменидов. По Р. Гиршману, поселение основано в конце VIII — начале VII в. до н.э. и принадлежало проникшим в Элам и переходившим к оседлости персидским племенам. Следует заметить, что присутствие в данном поселении иранцев не вызывает сомнения, так как найденный в нижнем слое документ относится к тому же типу, что и серия известных ранее эламских текстов из Суз, в которых упоминается целый ряд иранских имен и слов. Поэтому предметы из этой «персидской» деревни, прежде всего определенно не представляющие старую местную цивилизацию, имеют большое значение при выявлении материалов более ранних памятников, которые могут быть связаны с иранскими племенами. Р. Гиршман показал связь материалов из этого поселения с культурами раннеперсидского Парса, Гияна, Луристана и т.д., а также с изделиями из северо-западных районов, вплоть до Малой Азии. При этом он придает особое значение посреднической роли Урарту.

В своем обобщающем труде, который был опубликован в 1964 г., Р. Гиршман характеризует и вводит в систему соотношения культур Западного Ирана первых веков I тысячелетия до н.э. ряд комплексов и материалов, ставших хорошо известными преимущественно в последнее десятилетие. Это прежде всего материалы из некрополя в Хурвине, у отрогов Эльбурса, в 80 км от Тегерана, недалеко от участка дороги Карадж–Казвин[5]; из Хасанлу в области Солдуз, к юго-западу от Урмии[6]; из могильников прикаспийских районов в низовьях Сефидруда, «Амлаша» и Марлика[7].

По мнению Р. Гиршмана, все эти комплексы, как и луристанские бронзы, младше Сиалка «В» (примерные даты Р. Гиршмана для Хурвина, Хасанлу, «Амлаша» — IX–VIII вв. до н.э., для изделий из Луристана — VIII–VII вв. до н.э.). Он видит в них преемников Сиалка «В», где «протоиранская культура», к которой они принадлежат, выступает в наиболее раннем виде. В постулируемой им гомогенности цивилизации Сиалка VI Р. Гиршман усматривает проявление однородной культуры именно иранских племен. В общих чертах названных комплексов и Сиалка «В» он находит и идеологические представления именно иранцев; так, изображения крылатой лошади из Сиалка, Хасанлу, Луристана определяются им как древний индоевропейский символ смерти. В Сиалке «В» этот и подобные сюжеты представлены в росписях на керамике. Вообще, искусство крашеной керамики характеризуется Р. Гиршманом (1964, 16) как «фактически лишь одно большое искусство, существовавшее на плато» в X–IX вв. до н.э. Он также считает, что именно с культурой, представленной Сиалком «В», связано введение в Иране новой системы градоустройства,

---

[5] Предметы из хищнических раскопок, появившиеся на «рынке древностей» с 1948 г., и особенно обширная коллекция Малеки, приобретенная на месте; кратковременные раскопки М. Рада и А. Хакими в 1950 г.; вскрытие 14 могил Л. Ванден Берге в 1954 г.; библ. см.: Vanden Berghe, 1959, 123, 124, 196; о публикации Л. Ванден Берге 1964 г. и его выводах см. ниже.

[6] Раскопки А. Стейна в 1936 г. и М. Рада и А. Хакими в 1947 г.; систематическое исследование экспедиции Пенсильванского университета под руководством Р. Дайсона с 1956 г.; библ. см.: Vanden Berghe, 1959, 115, 116, 193; о работах Р. Дайсона см. ниже.

[7] Под именем «амлашских» известны многочисленные предметы частных коллекций и музеев, происходящие из хищнических раскопок в этом районе; в 1954 г. Археологической службой Ирана был вскрыт ряд могил в местечках Имам и Тумаджан — см.: Samadi, 1959; результаты исследований японской экспедицией погребений и поселения в тех же местах еще не изданы, кратко об этом см.: Ghirshman, 1962; Egami and Ikeda, 1963; об очень важных раскопках Марлик-тепе у Рудбара см.: Negahban, 1962 (см. также: Negahban, 1996).

неизвестных ранее погребальных обычаев и новых для страны идей искусства, развивавшихся иранцами и в исторический период.

В отличие от Сиалка «В» в Хурвине нет расписной керамики, а представлена лишь монохромная серо-черная (и реже красная), к тому же она и в формах в ряде случаев имеет параллели именно в Сиалке «А». Считая, что Хурвин младше Сиалка «В», которому он следует во многих особенностях культуры, Р. Гиршман объясняет соответствия с Сиалком «А» тем, что в Хурвине дольше сохранялось местное население неиранского корня, крепко державшееся за свои древние традиции. Это население определяется им как преимущественно крестьянское, что соответствует расположению Хурвина в районе, удобном для земледелия; напротив, погребения в Сиалке «В» в основном должны принадлежать иранцам, воинам и всадникам, которые уже жили в укрепленном городе, господствовавшем над окружающим населением. Прибывающие же на плато и передвигающиеся по нему иранские племена характеризуются Р. Гиршманом как номады. Их появление знаменовало конфликт между кочевым или полукочевым миром и оседлыми народами. Р. Гиршман полагает, что персы перешли от кочевого к полуоседлому образу жизни после того, как в VII в. до н.э. обосновались в районе Масджеде-Сулейман и Аншана. Общие особенности одежды жителей Луристана, Хурвина, Сиалка и других мест характеризуются им как характерные для костюма номадов; как кочевое определяется «мидийское» население Луристана и т.д. Основным критерием для такой характеристики служат прежде всего указания на коневодство и всадничество (Ghirshman, 1964, 4, 17, 73, 74, 130, 289, и др.).

Определяя социальную роль мигрирующих иранских групп, Р. Гиршман (вслед за Ф. Кёнигом) считает, что они состояли из воинов-всадников, сопровождаемых женами, детьми и стадами; пришельцы и их вожди поступали на службу к местным правителям как военные наемники и вознаграждались дарениями мелких доменов; постепенно они оттесняли старых правителей и занимали их положение, составив господствующий слой, властвовавший над автохтонным населением. С переходом от доисторических деревень к укрепленным городам, резиденциям вождей или князей уже иранского происхождения, завершилась иранизация страны.

Как уже указывалось, положения Р. Гиршмана получили широкое распространение в литературе. Именно на их основе в ряде работ по индоевропеистике и индоиранистике принимается тезис о миграции иранцев через Кавказ (В. Бранденштайн, В. Порциг, Фр. Альтхайм, Р. Хаушильд и др.). После публикации

материалов из Сиалка, где Р. Гиршман писал о связях Сиалка с Кавказом, и некоторых аналогичных наблюдений К. Шефера (Schaeffer, 1948, 470–477) в трудах многих археологов и этнологов распространилось мнение о том, что именно археологические данные доказывают переселение иранцев через Кавказ и движение индоевропейских групп в конце II тысячелетия до н.э. на пространствах от Центральной Европы до Кавказа, Ирана и Индии. Так, Т. Пауэлл, ссылаясь на Р. Гиршмана и К. Шефера, одновременно связывает Сиалк «В» и родственные ему комплексы Кавказа с европейскими культурами до Венгрии и даже до ареала гальштаттской культуры (Powell, 1948; ср. также: Hencken, 1955, и др.). Опираясь на те же наблюдения о связи культуры Сиалка VI с цивилизацией персов и мидян, с одной стороны, и с кавказскими памятниками — с другой, К. Йеттмар считает доказанным переселение иранцев через Кавказ и даже предполагает, что на территорию к востоку от Каспия иранские племена пришли уже из Ирана. Мнение об их родине в Средней Азии он характеризует как устаревшее и неприемлемое (Jettmar, 1956, ср. также ниже). Положение о проникновении западных иранцев с севера из Южной России со ссылкой именно на охарактеризованные археологические материалы встречается и во многих других работах (см., например, в общем очерке истории Древнего Ирана: Palou, 1962, 22, 23; ср. далее о положениях Т. Сулимирского и др.).

Однако мнение о том, что археологические материалы доказывают продвижение западноиранских племен через Кавказ, отнюдь не является общепризнанным, и как раз среди специалистов по археологии Кавказа и Ирана (см. ниже). Более того, этот тезис, по-видимому, не представляется бесспорным и самому Р. Гиршману. Во введении к своей монографии, изданной в 1964 г., он следующим образом характеризует картину доисторических миграций в Иран и проникновения туда чуждых местным традициям влияний. В III тысячелетии до н.э. на северо-востоке Ирана, на поселениях района Гисара, старая крашеная керамика постепенно замещается инородной для плато серо-черной, что рассматривается как результат появления новой культуры, происхождение которой Р. Гиршман ищет в Средней Азии. Этнической атрибуции этой миграции он не предлагает и говорит просто о «племенах из Трансоксании (III тысячелетие до н.э.)». Он ведет их и далее по Северному Ирану и Армянскому нагорью до Малой Азии. II тысячелетие до н.э. характеризуется, по его мнению, влияниями и миграциями в Иран с запада, связанными с хурритами, митаннийцами и касситами. Во второй половине то-

го же тысячелетия на плато двинулись мобильные народы с севера и северо-востока; они наводнили и Сиалк, о чем свидетельствует наличие в некрополе «А» почти исключительно серо-черной керамики. Миграции этого времени Р. Гиршман относит к индоиранцам, расселявшимся в различные районы и разными путями: по западному берегу Черного моря, через Малую Азию и Северо-Западную Месопотамию, Сирию и Палестину; через Кавказ и Северо-Западный Иран; из областей между Каспием и Аралом, откуда одна ветвь около Гисара прошла в Иран и далее до Месопотамии, а другая двинулась на юго-восток, к Бактрии, и оттуда одно из ее подразделений направилось в Индию. В Иране вскоре новая волна пришельцев заместила цивилизацию серо-черной керамики глубоко отличной от нее культурой Сиалка «В», принадлежавшей первым иранским племенам, проникшим в Западный Иран около 1000 г. до н.э. При этом Р. Гиршман замечает, что пришельцы на плато могли проникать разными путями. Продолжая придерживаться мнения о движении мидян и персов через Кавказ, он допускает и иную возможность — миграцию с северо-востока, указывая, в частности, на открытие советскими археологами культуры, похожей на сиалкскую, у юго-восточного угла Каспия, к северу от Атрека. Но свидетельство Бируни о приходе в Хорезм из Ирана легендарного царя иранского эпоса Сиявуша подтверждает, по его мнению, предположение о том, что иранцы прошли через Кавказ. Упоминая далее об иной точке зрения, о движении иранцев с северо-востока, из Приаралья, и отмечая, что тем же путем индоарии шли в Индию (которой достигли около 1200–1000 гг. до н.э.), Р. Гиршман склоняется к положению, согласно которому иранцы использовали оба пути вокруг Каспия (1964, 3–5). О гипотезе, по которой хорезмийцы (или также другие народы Средней Азии) пришли из Ирана, уже упоминалось, и подробно она будет рассмотрена ниже; здесь же следует лишь заметить, что Р. Гиршман в конце концов использует для выводов из археологических данных исторический аргумент, выдвинутый как раз при опоре на его трактовку археологических материалов.

В 1954 г. вышла работа Т. Сулимирского «Скифские древности в Западной Азии». Ссылаясь на Ф. Кёнига и Р. Гиршмана, он считает установленным, что в X в. до н.э. мидяне и персы пришли в Иран из Закавказья, а оттуда, по его мнению, были вытеснены скифами, обосновавшимися в X–IX вв. до н.э. в восточной части Закавказья. Скифов Т. Сулимирский определяет как носителей срубной культуры, продвинувшейся из-за Волги не ранее 1000 г. до н.э. Отмечая, по данным советских археологов, распростра-

нение срубной культуры на Северном Кавказе и подчеркивая ее проникновение в Северо-Восточный Кавказ и Дагестан, он указывает затем на общие элементы восточнозакавказских культур, особенно ганджа-карабахской, с северокавказскими культурами и степными типа андроновской и срубной. Особое значение придается изображению всадников — противников ассирийцев на барельефе Ашшурнасирапала II из Нимруда. По ряду особенностей в их изображении Т. Сулимирский считает, что это скифы (Sulimirski, 1954, 286, 288–293; это мнение в советской литературе разделяет Руденко, 1961, 7).

Как уже отмечалось, Р. Гиршман также придерживается точки зрения о появлении скифов и киммерийцев в Закавказье и северных районах Передней Азии задолго до того, как они впервые упоминаются в письменных источниках. Основанием для этого служат отдельные элементы иранских комплексов, обнаруживающие, по Р. Гиршману, аналогии в цивилизации киммерийцев и скифов. С киммерийцами, в частности, он связывает материалы кобанской культуры и некоторых других комплексов Кавказа и Южной России. Что касается скифов, то гипотеза Т. Сулимирского об их ранней инфильтрации к югу от Кавказа особенно подтверждается, по мнению Р. Гиршмана, обнаруженным в Хасанлу захоронением с лошадьми; он усматривает в нем отражение традиционной погребальной практики народов скифского происхождения, а так как инвентарь этой могилы, особенно лавролистные стрелы, не позволяет датировать ее позже середины VIII в. до н.э., то скифы, следовательно, появились здесь до этого времени. С ранним пребыванием скифов в Закавказье французский археолог связывает и захоронения с принесенными в жертву лошадьми и людьми у оз. Севан и в Еленендорфе в Азербайджане (Ghirshman, 1958б; 1964, 26–29, 41–82, 304–306, и др.). Все эти выводы находятся в противоречии с обычной трактовкой и атрибуцией соответствующих материалов. Но независимо от того, приемлемы ли указанные положения, следует заметить, что Р. Гиршман опирается при их обосновании преимущественно на материалы из раскопок тех же памятников Закавказья и районов к северу, на основании которых ранее он проводил аналогии с Сиалком «В» и делал из этого вывод о связях последнего с северо-западом. Если отнести эти связи за счет киммерийцев и скифов, то основанные на археологических данных аргументы в пользу кавказского пути мидян и персов еще более сокращаются. То же касается и материалов Т. Сулимирского. Он, например, связывает с этапами движения скифов ганджа-карабахскую и близкие к ней культуры Восточного Закавказья, по аналогии

с которыми делали вывод о продвижении отсюда западноиранских племен, изготовлявших луристанские бронзы.

Вместе с тем специалисты по археологии Закавказья обычно вообще не усматривают в местных памятниках свидетельств значительных племенных передвижений до конца VIII — начала VII в. до н.э. Среди советских археологов не получила распространения теория о переселении через Кавказ иранских племен на рубеже II и I тысячелетий до н.э. и предков месопотамских ариев во II тысячелетии до н.э. Еще в конце XIX — начале XX в. некоторые ученые связывали отдельные комплексы Закавказья поздней бронзы и раннего железа с культурами Юго-Восточной Европы. Но сейчас этим связям не придается особого значения; основное же внимание направлено на выявление местных корней культур Закавказья. А их общие черты с западноиранскими, когда они отмечаются (ср. в работах М.Н. Погребовой, 1962, и др.), привлекают для типологического анализа, датировок и т.д. или рассматривают как результат культурных влияний или этнических связей старого местного населения. Это относится и к работам одного из крупнейших специалистов по археологии Закавказья и Урарту Б.Б. Пиотровского, в том числе к его обобщающим трудам «Археология Закавказья» (1949) и «Ванское царство» (1959). При анализе археологических и письменных источников он не признает или вообще не учитывает возможности передвижения арийских племен по Закавказью и наличия на территории Урарту ираноязычного населения до киммерийско-скифских вторжений. Работы Б.Б. Пиотровского имеют, однако, большое значение и для исследования истории западноиранских народов, так как содержащиеся в его трудах материалы, важные наблюдения и выводы относятся к территориям, историческое развитие которых протекало во многом примерно так же, как и в соседних областях Западного Ирана. Следует, в частности, отметить его выводы социально-экономического порядка, особенно о возникновении и распространении на этих территориях полукочевых форм отгонного скотоводства (помимо указанных работ см. также: Пиотровский, 1955).

Как бы ни решался вопрос о расселении ираноязычного населения в Передней Азии, материалы из Урарту представляют безусловный интерес для исследований по истории западноиранских племен в доахеменидский период. Различные археологические комплексы этой эпохи из Западного Ирана обнаруживают бесспорные и постоянные связи с Урарту и часто с территориями далее на запад до Эгейского мира. Об этом писали многие авторы, но особенно характерны и разнообразны данные такого ро-

да, приведенные в монографии Р. Гиршмана (1964) в разделах об «ирано-урартском койне». Вместе с тем, как уже говорилось, в древнеперсидской культуре Фарса давно были отмечены черты, указывающие на влияние с северо-запада. И здесь особенно много сделал Р. Гиршман, указавший на постоянные схождения урартской и древнеперсидской цивилизаций (в том числе и на памятниках Юго-Западного Ирана, датируемых им временем до создания державы Ахеменидов).

На основании новых урартских материалов такие же сопоставления были недавно сделаны советскими (ср.: Тирацян, 1964) и турецкими (ср.: ASt., XIV, 21) археологами. Р. Гиршман видит в подобных схождениях свидетельство пребывания персов на границах Урарту до того, как они переселились в Юго-Западный Иран. Однако другие авторы (Р. Барнет, Э. Порада и др.) оценивают эти факты иначе, считая, что они объясняются контактами цивилизаций в VIII–VII вв. до н.э., а в отношении персов — посреднической ролью культуры и искусства Мидии (ср.: Porada, 1963, 130–132, 137, 138). На существенное значение таких связей указывают и приводимые Р. Гиршманом при обосновании «ирано-урартского койне» сопоставления; по крайней мере бóльшая их часть свидетельствует о контактах в период, когда персы находились уже на границах Элама.

Как уже отмечалось, мнение о проникновении через Кавказ иранских племен, которым принадлежали те или иные археологические комплексы рассматриваемого периода, отнюдь не является общепризнанным среди авторов, занимающихся археологией Ирана. Так, Э. Террас, говоря как раз о коневодстве, изображениях всадников и конской сбруе из памятников Северного Ирана, Прикаспия и Сиалка, считает, что народ Сиалка или его непосредственные предшественники, «номады Каспийского района», принесли с собой практику верховой езды из степей Азии (Terrace, 1962, 214, 215). Э. Порада также пишет о продвижении около 1000 г. до н.э. иранских племен из Средней Азии в разные районы Ирана, в частности в Гилян и Мазандеран (1963, 94, 95, 129). Мнения о происхождении западноиранских племен с северо-востока придерживаются и некоторые другие археологи (ср. ниже). Предлагаются и иные этнические атрибуции тех комплексов, которые Р. Гиршман относит к протоиранской культуре и которые, по его мнению, следуют за Сиалком «В». Принадлежность последнего иранским племенам, как правило, не вызывает сомнений. Обычно также считают иранским население, оставившее памятники Юго-Западного Прикаспия. Но, например, луристанский комплекс, по Э. Порада, в основном создан мест-

ным населением, и появление иранских племен в VIII–VII вв. до н.э. не сыграло принципиальной роли в его развитии. Еще более определенно она относит к местному населению культуру Хасанлу рассматриваемого периода (разработка этих положений принадлежит Р. Дайсону, см. ниже). В сюжетах и образах, изображенных на предметах из Хасанлу и особенно на известной золотой чаше, соответственно усматривается отражение мифологии этого населения, как предполагается, родственного хурритскому. Упомянутая чаша датируется Э. Порада около 1200–1000 гг. до н.э. Аналогичные образы она находит в изображениях на золотых чашах или кубках из Северного Ирана и Прикаспия, в том числе из Калардашта; последнюю она считает наиболее ранней из всей этой группы (Porada, 1963, 82–91). При такой датировке принадлежность погребений из Калардашта иранским племенам представляется еще менее вероятной[8]. Иранские пришельцы характеризуются Э. Порада как скотоводы, кочующие в поисках пастбищ и случая стать военными наемниками (1963, 129, 130).

Л. Ванден Берге, Э. Порада и некоторые другие современные исследователи относят Сиалк «В» к X–IX вв. до н.э. Но если эти даты, предложенные и отстаиваемые Р. Гиршманом, оказались определенно справедливее, чем более низкие, предлагавшиеся ранее К. Шефером и некоторыми другими авторами, то теперь получает распространение более поздняя датировка: 850–800 гг. до н.э. (Terrace, 1962, 214, 215, 222), IX–VIII вв. до н.э. (Dyson, 1964a, 8). Наконец, П. Кальмейер привел аргументы для датировки Сиалка «В» примерно около 700 г. до н.э. (Calmeyer, 1964, 40, 41). Если подобные даты окажутся верными, это повлечет за собой изменения в системе соотношения различных комплексов Западного Ирана, датируемых в целом в пределах конца II тысячелетия — VII в. до н.э. Тогда соответственно необходимо будет по-новому осмыслить археологические данные, которые могут свидетельствовать о расселении иранских племен по Ирану, и искать аналогии, указывающие на исходный пункт движения этих племен, преимущественно уже не для Сиалка «В», а для других памятников*.

---

[8] О древних погребениях, случайно вскрытых во время строительных работ в Калардаште (Мазандеран, по дороге от Караджа к Чалусу), см.: Vanden Berghe, 1959, 5, 6, 141; Samadi, 1959. В 1954 г. в 10 км от Калардашта Археологической службой Ирана был вскрыт могильник в Гармабаке (см.: Samadi, 1959). Л. Ванден Берге датирует эти материалы Калардашта X–IX вв. до н.э. (1959) или IX–VII вв. до н.э. (1964), Р. Гиршман — IX или VIII–VII вв. до н.э. (1964, 46, 47, в том числе упомянутый золотой сосуд). Оба относят его к иранским племенам.

* В настоящее время представляется, что Сиалк «В» должен датироваться в основном VIII в. до н.э. (Boehmer, 1965; Dyson, 1965; Погребова, 1977а, с. 160–165; Медведская, 1983).

Иная по сравнению с теорией Р. Гиршмана гипотеза о происхождении западноиранских племен и этнической атрибуции некоторых археологических комплексов была недавно предложена Л. Ванден Берге в его публикации материалов из Хурвина (1964). Смешение особенностей, характерных для Сиалка «А» и Сиалка «В», рассматривается им как указание на датировку Хурвина промежуточным между ними периодом. Предложенная Р. Гиршманом дата для некрополей Сиалка (для «А» — приблизительно XII–XI вв. до н.э. и для «В» — приблизительно X–IX вв. до н.э.) подтверждается, по мнению Л. Ванден Берге, сходными материалами из Хасанлу, где V слой датируется 1200–1000 гг. до н.э., а IV — 1000–800 гг. до н.э. Некрополь Хурвина, возможно функционировавший в течение долгого времени, датируется примерно 1300–900 гг. до н.э. с главной фазой около 1100 г. до н.э. Указывая на большую близость в культуре различных иранских комплексов конца II — начала I тысячелетия до н.э., которые дают аналогии для Хурвина, а также на то обстоятельство, что во всех этих комплексах, кроме Сиалка «В», представлена именно серо-черная (или красная) нерасписная керамика, заместившая на плато более раннюю расписную, Л. Ванден Берге считает, что именно серо-черная керамика была характерна для культуры первых появившихся здесь иранских племен. Им принадлежали и хурвинский могильник, и некрополь «А» в Сиалке, а изредка встречающаяся в последнем расписная посуда является продуктом автохтонного населения. Сходства между Сиалком «А» и «В» очевидны, а различия между ними не фундаментальны. Многое из того, что представлено во втором, отражает логическую эволюцию представленного в первом. Общие для них или специфические для каждого предметы встречаются одновременно в ряде других комплексов, в частности, в Хурвине, Хасанлу, Гияне. Из этих фактов Л. Ванден Берге делает вывод, что население Сиалка «А» и «В» принадлежало не к различным этническим группам, а к разным волнам иранцев; первые из них обосновались в Хурвине и Сиалке, некоторые другие оказались, в частности, в Калардаште и Амлаше (900–700 гг. до н.э.). Считая, что появившимся на плато иранцам принадлежала именно серо-черная керамика, заменившая автохтонную расписную, Л. Ванден Берге придает особое значение тому факту, что на поселениях Северо-Восточного Ирана в конце III тысячелетия до н.э. (Гисар III B — C, примерно 2200–1900 гг. до н.э.), а частично уже ранее (Гисар II A — B) монохромная серо-черная (или красная) керамика вытесняет господствовавшую ранее расписную. Это рассматривается как указание на индоевропейский этнос. Появление серо-черной

керамики отмечается также на Кавказе и в Малой Азии, но в тот период имели место лишь спорадические инфильтрации, которые со второй половины II тысячелетия до н.э. трансформировались в более значительные миграции индоевропейцев, в данном случае уже иранцев. Они, очевидно, шли, «как их предшественники», из Средней Азии или из Южной России. Могли ли они прийти с востока или через Кавказ либо обоими путями, — на это имеющиеся археологические материалы пока не дают определенного ответа (Vanden Berghe, 1964, 37–47).

Согласно охарактеризованной точке зрения, индоевропейцы, следовательно, должны были находиться в Северо-Восточном Иране и в Средней Азии уже в последних веках III тысячелетия до н.э. Появление же иранцев на плато восходит, по Л. Ванден Берге, уже к третьей четверти II тысячелетия до н.э. Мнение о том, что замещение расписной керамики монохромной серо-черной знаменует появление на северо-востоке Ирана новых этнических групп индоевропейцев или, вернее, индоиранцев, высказывалось и ранее Э. Шмидтом, Т. Арне и некоторыми другими авторами (в советской литературе эту возможность допускает Алиев, 1960, 141). Р. Гиршман, как указывалось, также рассматривает эти факты как свидетельствующие об этнических перемещениях, а также связывает с серо-черной керамикой некоторые ветви индоиранцев второй половины II тысячелетия до н.э., но к собственно иранцам он относит расписную керамику Сиалка. Выше упоминалось и о положении Р. Гейне-Гельдерна, помещающего Гисар на пути между Закавказьем и Индией, по которому прошли индоарии примерно в 1200–1000 гг. до н.э. Его выводы сыграли значительную роль не только в археологической литературе, но также в ряде работ по индоевропеистике и индологии; они изложены в ряде его работ (одна из последних: Heine-Geldern, 1956). Но его даты для Гисара намного завышены по сравнению с принятыми в настоящее время (ср. у Л. Ванден Берге, В.М. Массона и др.). Кроме того, эти положения Р. Гейне-Гельдерна и их аргументация неприемлемы и по другим соображениям, на что, в частности, уже указывали Д.В. Деопик и Н.Я. Мерперт (1957), отметившие, что западные материалы, на которых основывается Р. Гейне-Гельдерн, происходят из самых различных мест и относятся к разным эпохам. Вместе с тем индийский археолог Н. Санкалиа указал, что и привлекаемые Р. Гейне-Гельдерном вещи из Индии бытовали здесь гораздо ранее XII–XI вв. до н.э. (Sankalia, 1963; к датировке соответствующих индийских памятников см. также: Lal, 1963). Что же касается мнения о принадлежности Гисара III B — C индоевропейцам, то нужно за-

метить следующее. Если даже согласиться, что появление там серо-черной керамики знаменует приход нового населения, то ничто не указывает на его индоевропейскую принадлежность. Как отмечает сам Л. Ванден Берге (1964, 42), Гисар, Шах-тепе и Туренг-тепе не дают никаких специфических аналогий с Хурвином и Сиалком. Вместе с тем мнение, по которому серо-черная керамика появляется на северо-востоке Ирана в результате миграции со стороны Средней Азии (ср. также у Р. Гиршмана и др.), не находит подтверждения в материалах с юго-запада Средней Азии, где, как отмечает В.М. Массон (1964б, 242; ср.: 1956, 434, 435), серая посуда не была широко распространена и более характерна для западных районов, куда, вероятно, проникла как раз из Ирана.

Заканчивая обзор работ, в которых на археологическом материале из Ирана делаются общие выводы о ранней истории иранских племен, нужно еще упомянуть о раскопках в Хасанлу экспедиции Пенсильванского университета под руководством Р. Дайсона. Ее систематические исследования после полной публикации материалов раскопок безусловно сыграют очень большую роль в разработке проблем иранской археологии. Но уже и сейчас результаты этих исследований имеют важное значение, особенно в связи с тем, что здесь по существу впервые для памятников рассматриваемого периода из Ирана установлена сравнительно точная датировка. К этому времени относится период Хасанлу IV (ему при раскопках уделяется основное внимание), когда была сооружена фортификационная стена цитадели, а внутри ее возведен ряд строений дворцового или храмового типа, уничтоженных пожаром при взятии города. Он погиб в конце IX или начале VIII в. до н.э. (что устанавливается и по бытованию вещей ассирийского происхождения или стиля). Весь же период Хасанлу IV датируется серией проб по C^{14} X–IX вв. до н.э. Предшествующий период Хасанлу V относится ко времени от 1250–1200 до 1000 г. до н.э. Он характеризуется уже серой (реже красной) монохромной керамикой, которая вытесняет господствовавшую там ранее расписную и имеет аналогию в позднем Гияне, Сиалке «А» и Хурвине. Р. Дайсон (а также Э. Порада и ряд других авторов) считает, что в период IV местность Хасанлу входила в состав Манейского царства, а ее жители были манеями, родственными хурритам и урартам. Хурритское влияние усматривается на изделиях Хасанлу V и на некоторых предметах Хасанлу IV, когда особое значение приобретают связи с Ассирией. Рассматривая изображения людей и богов на предметах периода IV, Р. Дайсон отмечает, что их одежда, за некоторыми исключениями, не соответ-

ствует одежде мидян и персов, как она известна по рельефам Персеполя и расписной керамике Сиалка «В» (последний датируется IX–VIII вв. до н.э., т.е. младше Хасанлу IV). Иранские племена, засвидетельствованные в Западном Иране личными именами с конца IX в. до н.э., очевидно, прошли восточнее Хасанлу. Местное население должно было обитать здесь намного ранее. Люди с иранскими именами появляются в Мане в VIII в. до н.э.; они участвовали в политических интригах и войнах (мнение Р. Дайсона о принадлежности манеев к хурритской группе безусловно также основывается на выводах из ономастического материала) (Dyson, 1960; 1961; 1962; 1963; 1964а; 1964б).

Считая, что в Хасанлу IV обитало в основном местное, очевидно хуррито-манейское, население, Р. Дайсон в последующих статьях (1963; 1964а) одновременно допускает возможность проникновения в этот район и иранских групп. Он замечает, что имеются исторические данные о появлении таких групп в Сулдузе (подразумевается, очевидно, один из вариантов локализации страны Парсуа; ср. ниже, гл. II, разд. 3), а также указывает на некоторые археологические материалы из Хасанлу, которые, по его мнению, могут свидетельствовать об «индоевропейском влиянии»: отдельные формы керамики, вооружения и украшений, использование ритонов, декорированных головой лошади или барана, мотив крылатой лошади и т.д. Вместе с тем возможные новые пришельцы как номады противопоставляются местному оседлому народу (Dyson, 1964а, 11)*.

Выше были охарактеризованы взгляды авторов, опирающихся на археологические данные из Ирана. Некоторые из них, как мы видели, ведут иранцев из Средней Азии. Вместе с тем теорию о восточном происхождении западноиранских племен в последнее время часто пытаются увязать с материалами археологических исследований в Средней Азии и в районах к северу от нее. Уже с периода неолита здесь выделяются две основные культурно-исторические области: в южной части Средней Азии культуры оседлых земледельцев круга культур крашеной керамики, примыкающие к иранским, переднеазиатским и т.д., и территории к северу до казахстанских и южносибирских степей, занятые охотниками и рыболовами, а затем скотоводческо-земледельческими племенами; во второй половине II тысячелетия до н.э. здесь распространяются однотипные по экономике и культуре варианты андроновской культуры, а западнее, за Уралом, — срубная куль-

* Различные датировки Хасанлу IV см. также в работах: Medvedskaya, 1988; Dyson and Muscarella, 1989; Muscarella, 1989; Muscarella, 1994; Curtis, 1995.

тура. Эти два культурно-исторических района и рассматриваются как возможные очаги формирования и распространения индоиранцев.

Еще в 40-х годах С.П. Толстов (1948а, 68; 1948б, 86 и сл.) выдвинул положение об индоевропейском этногенезе и особенно о сложении индоиранцев в условиях контактов между культурами крашеной керамики на юге и охотничье-рыболовческого и позже скотоводческо-земледельческого типа на севере; район формирования основной части индоиранцев С.П. Толстов помещал в то время на юге Средней Азии, восточных окраинах Ирана и в Западном Афганистане; одновременно предки восточноиранских сакских племен отождествлялись им с носителями андроновской культуры.

Мнение о том, что андроновские племена были ираноязычными, принято многими авторами (Мольнар, 1955; Черников, 1957, и др., ср. ниже). Положение об иранской или индоиранской принадлежности андроновцев наиболее распространено сейчас среди археологов и специалистов по древней истории Средней Азии и Казахстана. Свидетельства увеличивавшегося археологического материала о широком распространении вариантов андроновской культуры или близких ей культур по Средней Азии, как считают, являются результатом проникновения сюда из Казахстана и соседних областей степных скотоводческих племен. Так же оцениваются появление фрагментов степной керамики на земледельческих поселениях поздней бронзы в Южной Туркмении и так называемая «эпоха варварской оккупации» на этих поселениях в начале I тысячелетия до н.э. (ухудшение керамического производства и некоторые аналогии в керамике с северными районами).

Такие факты рассматриваются как свидетельство продвижения во II тысячелетии до н.э. индоиранских и иранских племен в Среднюю Азию и далее в Индию, Афганистан и Иран. Это положение получило распространение как в археологических работах, так и в общеисторических трудах. Так, во «Всемирной истории» к периоду существования андроновской и родственных ей культур относится также разделение иранских народов на кочевых скотоводов и оседлых земледельцев, смешивавшихся со старым местным земледельческим населением; в период же своего переселения по Средней Азии и Ирану иранские племена характеризуются как кочевые и полукочевые, противопоставляясь местным оседлым земледельцам и в Западном Иране (ВИ, 591, 592). По И.М. Дьяконову (1956, 124, 125; 1960), Средняя Азия была областью раннего обитания индоиранцев — предков и индоари-

ев, и западноиранских племен. Как иранские определяются им и скотоводческие племена андроновцев. А.Н. Бернштам (1956; 1957) видел в носителях андроновской культуры, распространявшейся по Средней Азии, арийские племена, из среды которых вышли и завоеватели Индии, и иранские народы Афганистана и Ирана, и сакская группа племен.

Накопление археологического материала показало, что варианты андроновского комплекса и сходные с ним культуры Средней Азии имеют своеобразные черты и принадлежат, возможно, различным этническим группам. По данным из Хорезма С.П. Толстовым была выделена тазабагъябская культура; дальнейшие исследования памятников этой культуры (особенно могильника Кокча III, см.: Итина и Трофимова, 1961) вскрыли ее особые связи со срубной культурой Поволжья и западноказахстанскими памятниками андроновского типа. С.П. Толстов на этом основании выдвинул положение, что носители тазабагъябской культуры были представителями первой значительной волны «индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада» (1957, 41; 1962, 59). Памятники тазабагъябского типа обнаружены и в других районах Средней Азии, а степная керамика на земледельческих поселениях юга Туркмении теперь часто характеризуется как именно тазабагъябская, а не собственно андроновская.

Распространение памятников такого рода С.П. Толстов и М.А. Итина оценивают как свидетельство проникновения индоиранцев к югу от Средней Азии. Появление в середине II тысячелетия до н.э. тазабагъябской культуры хронологически сопоставляется с падением цивилизации Хараппы и предполагаемым появлением в Индии первых ариев. Новое продвижение степных племен к югу Средней Азии в конце II — начале I тысячелетия до н.э., связываемое, в частности, с «периодом варварской оккупации», также сопоставляется с возможным приходом в Индию индоарийских племен на рубеже II и I тысячелетий до н.э.; при этом для керамики культуры Джангар в Синде усматриваются аналогии со степной керамикой (Толстов и Итина, 1960; Итина, 1960; Толстов, 1962, 67). В одной из последних работ С.П. Толстова (1964, 135–137) появление тазабагъябцев в Хорезме связывается с миграцией из Восточной Европы и Казахстана именно индоиранцев; как раз в Хорезме и окружающих областях завершилось формирование арийской этнологической общности. Новые археологические материалы подтверждают, по мнению С.П. Толстова, отождествление легендарной родины ариев, «Аирьянем-Ваэджо» Авесты, с Хорезмом.

Таким образом, эта точка зрения развивает традиционное мнение о Средней Азии как родине индоиранцев. Но его сторонники обычно помещают здесь ариев не позже 2000 г. до н.э., а по С.П. Толстову они появляются там около 1500 г. до н.э. Его новый тезис может быть сопоставлен и с положением тех индоевропеистов, которые ведут предков ариев из Юго-Восточной Европы в Среднюю Азию, но они обычно относят это движение примерно к 2000 г. до н.э. или к III тысячелетию до н.э. (ср. выше). Что касается мнения о проникновении ариев в Индию в середине II тысячелетия до н.э., связанном с появлением тазабагъябцев в Средней Азии, то оно является чисто предположительным; данных об их продвижении в это время на юг и тем более до Индии не имеется. Падение же культуры Хараппы теперь датируют значительно ранее середины II тысячелетия до н.э. (см., например: Lal, 1963). Поэтому сопоставление этих фактов вряд ли возможно даже в предположительной форме. Джангар также трудно связать с ариями хотя бы по причинам географического распространения этой культуры, на что указал, например, Г.М. Бонгард-Левин (1962); он, в частности, определяет два условия, предъявляемых к предполагаемой культуре индийских ариев: она должна находиться на территории древнейшего расселения арийцев в Индии и датироваться концом II — началом I тысячелетия до н.э. (второе все же не является обязательным, хотя и представляется достаточно вероятным).

В литературе приводилось и другое сопоставление материалов из Средней Азии с индийскими. Оно принадлежит Ю.А. Заднепровскому (1962, 94–107). Он считает установленной принадлежность степных культур андроновского круга ираноязычным племенам, но относит к последним и земледельческие комплексы типа ферганской чустской культуры, датируемой им последними веками или концом II — первой третью I тысячелетия до н.э. С этими территориями и движениями на них связывается и появление иранских племен в Иране и ариев в Индии. Ю.А. Заднепровский усматривает для части керамики центральноиндийской халколитической культуры, предположительно относимой к ариям, соответствия в чустской культуре. Отмечая также «отдаленные» сходства последней с Сиалком «В» и определенные аналогии индийского халколита с Центральным Ираном, он считает, что это может быть результатом передвижения арийских племен, к которым относит культуры расписной керамики на указанных территориях. Но никаких специфических сходств между Сиалком и Чустом не отмечается. Индийские памятники, которые привлекаются для весьма натянутых аналогий с чустскими, на-

ходятся в районах, которые не только не входили в первоначальный ареал ариев в Индии, но и не были заняты ими и на протяжении еще ряда веков. Эти комплексы индийского халколита датируются теперь второй и третьей четвертями II тысячелетия до н.э. (см.: Lal, 1963; ср.: Sankalia, 1963). Поэтому даже если бы существовали какие-то связи с чустской культурой, то это было бы результатом влияний с юга на север или реминисценций древних контактов местного неарийского населения. К тому же и датировка самой чустской культуры еще остается, по-видимому, заниженной. Особо следует заметить, что Ю.А. Заднепровский (1962, 68, 69), как и другие специалисты по археологии Средней Азии (ср. у В.М. Массона, Е.Е. Кузьминой и др.), считает твердо установленными даты Сиалка «А» и «В», которые часто служат основным критерием при датировке ряда среднеазиатских памятников. Но, как мы видели, даты некрополей Сиалка, особенно «В», отнюдь не являются столь надежными.

Сторонники теории о расселении индийцев и иранцев из Средней Азии, как уже отмечалось, придают большое значение распространению степной керамики на юг Туркмении и «эпохе варварской оккупации», в которой видят результат вторжения на земледельческие поселения степных племен. Однако В.М. Массон (см. ниже) считает, что аргументы в пользу положения о завоевании этих поселений носителями степных культур недостаточны. Эта проблема была недавно подробно рассмотрена Е.Е. Кузьминой (1964; там же подробно изложена история вопроса и указана литература). На основании тщательно собранного материала она считает, что в последней четверти (или еще ранее) II тысячелетия до н.э. на юге Туркмении, от Каспия до Мургаба, широко распространилось степное население, в конце II тысячелетия до н.э. вплотную придвинувшееся к земледельческим поселениям, где в верхних слоях памятников типа Намазга VI уже встречается степная керамика. Для следующего периода их истории ряд фактов все же свидетельствует о том, что степные племена сыграли существенную роль в сложении культуры «эпохи варварской оккупации». Эпоха Намазга VI датируется в основном по сравнению с Сиалком «А», относимым ко времени от XV–XIII до XIII–XI вв. до н.э.; для нее соответственно принимаются такие даты: середина и вторая половина II тысячелетия до н.э., для «эпохи варварской оккупации» — X–VIII вв. до н.э. Степные племена Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (к концу его проникающие на земледельческий юг Туркмении) рассматриваются как иранцы. При этом Е.Е. Кузьмина особое значение придает выводам И.М. Дьяконова из анализа ономастического материала

ассирийских источников, а также данным Авесты. Она указывает и на то обстоятельство, что ираноязычные савроматы, массагеты и саки, по археологическим данным, являются потомками срубных и андроновских племен (со ссылкой на К.Ф. Смирнова, ср. выше)*.

Но наряду с положением о связи культур андроновского типа с предками индоиранских (или иранских) народов высказывалось и иное мнение, по которому андроновцы не могут причисляться к арийцам; предполагают также, что в андроновском ареале был распространен финно-угорский элемент (В.Н. Чернецов, К. Йеттмар и др.). С.С. Черников (1960, 112) считает, что нет данных о проникновении сколько-нибудь значительных масс андроновцев даже на юг Туркмении, не говоря уже о более южных территориях, в том числе Индии. Гипотеза об иранской принадлежности андроновцев подробно рассматривалась К. Йеттмаром. Отводя один за другим соответствующие аргументы и выдвигая доводы против этого положения, он приходит к заключению, что андроновская культура не могла быть иранской (или индоиранской) ни при своем становлении, ни в период развития и распространения. Особо подчеркивается, что в археологических материалах из Ирана ничто не свидетельствует об андроновском влиянии, которое неизбежно должно было ощущаться, если бы иранцы вышли из андроновской среды. По К. Йеттмару, к концу эпохи бронзы и в период раннего железа культурные волны в Среднюю Азию и далее до Алтая шли главным образом с юга и юго-запада, из Ирана, причем особое значение придается традициям Сиалка «В» и близких ему культур. За этим направлением влияний может скрываться действительное движение иранских племен из Ирана в Среднюю Азию и далее на север (Jettmar, 1956, 330–342).

Попытка по-иному осветить вопрос о происхождении индоиранцев на основании археологических материалов из Средней Азии была предпринята В.М. Массоном (1959). Но он считает, что по историческим данным определенно установлен приход с востока переднеазиатских ариев в середине II тысячелетия до н.э. и западноиранских племен в начале I тысячелетия до н.э. Для персов и мидян, по его мнению, это доказано И.М. Дьяконовым. «Сам факт продвижения мидийских племен... из районов Хорасана в центральный и западный Иран... не может вызывать... сомнений», — пишет В.М. Массон и из этого исходит в трактовке археологических материалов с юга Средней Азии. Эти районы мог-

* См. также более поздние работы Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 1994; она же, 2005 Kuzmina, 2007).

ли быть либо промежуточной территорией при передвижении индоиранцев, либо местом их обитания с древнейших времен. В первом случае арии должны быть тождественны андроновцам. Но В.М. Массон считает, что, хотя возможность завоевания земледельческого юга Туркмении и не исключена, имеющихся данных недостаточно для такого предположения; вместе с тем им было указано на местные корни культуры «эпохи варварской оккупации». Он также подчеркивает, что происхождение западных иранцев из андроновского ареала не может быть пока доказано на основе археологических данных. Напротив, «есть все основания полагать, что культурные влияния шли в обратном направлении, с юга на север» (ср.: Массон, 1959, 113–116, 130, и др.; те же аргументы, как указывалось, приводились К. Йеттмаром). Но если даже «период варварской оккупации» связан с переселением северных племен, то это хронологически соответствовало бы лишь мидо-персидскому продвижению, а распространение ариев в Передней Азии и Индии намного старше этих событий. Поэтому индоиранцы, по-видимому, жили в Хорасане с древнейших времен. Древнеземледельческая культура южной Туркмении и Северного Ирана отличается значительной самобытностью, и в ее развитии не наблюдается резких перерывов. Ее носители и андроновцы должны тогда рассматриваться как соседящие «этнически одинаковые племена с различным способом хозяйства» (Массон, 1959, 117–121). В.М. Массон, таким образом, по существу возвращается к старому мнению С.П. Толстова, ранее связывавшего индоиранцев с культурами крашеной керамики, а также относившего к восточноиранским народам культуры более северных районов.

Эти положения развиваются В.М. Массоном в его последующих работах (1964а; 1964б). По некоторым сходствам памятников Кандагара и Кветты конца III — начала II тысячелетия до н.э. с материалами того же времени из Южной Туркмении и Северо-Восточного Ирана он предполагает продвижение отсюда земледельцев во второй половине III — начале II тысячелетия до н.э. в Афганистан и Белуджистан. С этим движением и связываются первые свидетельства о расселении индоиранских племен, находившихся в Средней Азии и, возможно, в Хорасане к середине или вообще в III тысячелетии до н.э. Период индоиранского единства В.М. Массон относит ко времени до 2000 г. до н.э. (1964а, 45; 1964б, 447), опираясь на выводы «лингвистов» со ссылкой на упоминавшуюся выше работу Б. Гхоша, лишь повторяющую традиционные аргументы в пользу среднеазиатской прародины ариев. Распространение различных арийских скотоводческо-земледельческих племен по Ирану, Афга-

нистану и Индии заняло много столетий и сопровождалось ассимиляцией местного населения. Поэтому, по мнению В.М. Массона, не существовало единой «арийской» культуры в начале I тысячелетия до н.э., а известен лишь ряд локальных культур обычно расписной керамики (1964а, 41–45; 1964б, 245, 447 и др.).

Предложенное В.М. Массоном археологическое отождествление индоиранцев получило значительное распространение. В связи с этим И.М. Дьяконов (1960) намечает следующую схему: культура Намазга VI (или уже и Намазга IV и V, т.е. целиком Анау III) была индоиранской; отсюда индоарии могли двигаться как в Индию, так и в Переднюю Азию, а в оседлые оазисы просачивались, замещая старое арийское население, близкие к нему по языку иранские скотоводческие племена андроновцев. Именно последних И.М. Дьяконов рассматривает прежде всего как предков иранцев. Но, так как археология не свидетельствует о продвижении андроновцев в Иран и даже на юг Средней Азии, проникновение, вероятно, происходило без коренной смены материальной культуры. И хотя влияния шли, возможно, с юга на север, это, по И.М. Дьяконову, не означает, что язык и племена не могли двигаться в обратном направлении.

За В.М. Массоном и И.М. Дьяконовым следуют и некоторые другие авторы, например Б.А. Литвинский (1962, 291–295). К этой точке зрения примыкает и Ю.В. Ганковский (1964, 35–43), согласуя ее с выводами о родине индоевропейцев в Центральной и Восточной Европе, а протоиндоиранцев — в Северном Причерноморье; обособление последних, по его мнению, произошло ранее III тысячелетия до н.э., затем предки ариев продвинулись в Среднюю Азию, Восточный Иран и Северо-Западный Афганистан, где и происходило развитие арийской общности. С тех же территорий арии расселялись как на запад — в Иран и Переднюю Азию, так и на восток — в Индию. Это расселение привело к распаду индоиранской языковой общности и оформлению иранских и индийских языков. Предполагаемое продвижение от Южной Туркмении до Северного Белуджистана в конце III тысячелетия до н.э. Ю.В. Ганковский вслед за В.М. Массоном связывает с расселением ариев.

В целом для этой точки зрения можно отметить следующее: она согласуется с традиционным положением о среднеазиатской родине ариев и об их распространении оттуда в Переднюю Азию, Иран и Индию, но арии помещаются в Средней Азии и соседних районах гораздо ранее, чем это обычно принято*.

---

* Современный обзор точек зрения о локализации арийской и индоиранской прародин см. в работе: Кузьмина, 2005.

Таковы основные взгляды на происхождение западноиранских племен, основанные на археологических материалах или выработанные с их привлечением. Как указывалось выше, положение о приходе западных иранцев с востока (в обоих вариантах: из ареала степных культур севера или земледельческих юга Средней Азии) не основано на конкретных данных археологии, а лишь увязывает материалы из Средней Азии и соседних районов с традиционным мнением о происхождении ариев из этих областей; в последнее время сторонники обоих вариантов особое значение придают сделанным на основе письменных источников выводам И.М. Дьяконова о продвижении западных иранцев с востока.

У приверженцев теории о продвижении западноиранских племен через Кавказ выводы, сделанные по археологическим данным, в настоящее время выступают как главный, а иногда единственный аргумент. По сравнению с авторами, опирающимися на археологический материал из Средней Азии, сторонники кавказского пути имеют по крайней мере то преимущество, что они исходят из анализа памятников Западного Ирана, увязываемых с самими западноиранскими племенами. Эти памятники действительно обнаруживают определенные связи с Закавказьем, а иногда и с Северным Кавказом. Но историческая интерпретация подобных фактов бывает совершенно различной. А специалисты по археологии Кавказа вообще не видят в них свидетельств этнических перемен и племенных передвижений*. Вместе с тем после вышедших в начале 30-х годов работ Г. Хюзинга и Ф. Кёнига, подвергшихся позже основательной критике, теория о кавказском пути западных иранцев не получила развития на основе анализа данных клинописных источников соответствующего периода. Исследовавшие те же данные Э. Герцфельд, Дж. Кэмерон и ряд других авторов придерживаются мнения о восточном происхождении западноиранских племен.

Вернемся теперь к работам, основанным прежде всего на письменных источниках. За последнее время большой вклад в изучение древнейшей истории Западного Ирана, Армянского нагорья и соседних областей был сделан советскими учеными. В серии статей В.В. Струве (1944; 1947; 1948) по истории ахеменидского Ирана впервые в советской литературе специально рассмотрены отдельные вопросы истории западноиранских племен в предше-

* После выхода книги Э.А. Грантовского появились работы, в которых рассматриваются археологические следы проникновения иранцев через Кавказ на территорию Ирана (Погребова, 1977б; Pogrebova, 2003).

ствующую эпоху. В его работах по древнеиранским религиям были привлечены некоторые данные ассирийских текстов VIII в. до н.э. и было выдвинуто положение, что религия Ахеменидов и учение Заратуштры «черпали из одного общего источника» — маздеизма мидийских магов Северо-Западного Ирана, откуда он распространялся и на восток, и на юго-запад Ирана. Мидийский же маздеизм унаследовал, по В.В. Струве, некоторые религиозные представления народов Урарту, Азербайджана и прикаспийских областей (1948, 31).

Древней истории Армянского нагорья, Закавказья и соседних областей посвящены капитальные исследования Г.А. Меликишвили «Наири–Урарту» (1954), «К истории древней Грузии» (1959), а также свод «Урартские клинообразные надписи» (УКН) со многими новыми толкованиями и подробными комментариями. Большое внимание уделяется им проблеме этнической принадлежности населения этих районов. Племена, обитавшие в Загре и юго-восточных областях Наири с III тысячелетия до н.э., Г.А. Меликишвили (1954, 35–49, 117–142) относит к хурритским, кавказским и прежде всего к загро-эламским, среди последних особенно выделяя лулубеев. Эти группы, по его мнению, составляли подавляющее большинство среди населения указанных областей и в IX–VIII вв. до н.э. Основные данные для этого положения представляет ономастический материал, распределяющийся по языкам названных групп. Но лишь объяснения некоторых имен с помощью хурритских (или хуррито-урартских) материалов выглядят достаточно достоверными. Попытки определить «загро-эламское» или лулубейское происхождение ряда имен, как правило, не выглядят убедительными, да и вообще вряд ли могут быть удачными, так как наука пока не располагает достаточными для этой цели данными, что уже отмечалось, например, И.М. Дьяконовым в рецензии на «Наири–Урарту» (ВДИ, 1956, № 2, 66).

По Г.А. Меликишвили, в северной части Загра в IX–VII вв. до н.э. встречаются лишь «отдельные иранские названия и имена», для южных районов признается большее число таких имен, появляющихся с IX и широко представленных в конце VIII в. до н.э. в результате проникновения иранцев с востока. Иранизация Северо-Западного Ирана стала быстро осуществляться лишь после создания Мидийского и Ахеменидского государств. Имена манейских царей Г.А. Меликишвили убедительно (в большинстве случаев) исключает из иранских (ср. ранее у Г. Хюзинга, К. Таллквиста и др.), приводя для некоторых из них параллели из хурритского мира. Но в целом манеев он относит к «загро-

эламцам», как и население зависимой от Маны страны Зикирту, отождествление которой с Сагартией им отводится. Среди имен Приурмийского района в IX–VIII вв. до н.э. как иранские отмечаются лишь Багдатти (716 г. до н.э.) и Багмашту (Мусасир, 714 г. до н.э.). Последнее рассматривается как свидетельство влияния или проникновения к концу VIII в. до н.э. в Мусасир иранского племени или его части (Меликишвили, 1954, 137–145, 161, 162, 372).

На основных территориях Армянского нагорья и к западу, северу и северо-востоку от него в IX–VIII вв. до н.э., по мнению Г.А. Меликишвили, ираноязычного населения вообще не было, — вернее, такая возможность просто исключается. Иранские племена, засвидетельствованные в IX–VII вв. до н.э. в Загре, продвинулись сюда с востока, как и арии в первой половине II тысячелетия до н.э. И в южнорусские степи ираноязычные (скифские) племена также пришли с востока, из-за Волги (Меликишвили, 1954, 142–145, 398; 1959, 220 и сл.).

Как и другие советские ученые, Г.А. Меликишвили выступает против теории о политическом преобладании индоевропейских прослоек у неиндоевропейских народов Древнего Востока. Отдельные личные имена и имена божеств индийского происхождения появились в хурритском мире не как результат господства арийской аристократии, а как заимствования от соседних арийских племен, которые вошли в состав царства Митанни после его образования. И иранские имена вождей IX–VII вв. до н.э. рассматриваются как свидетельство проникновения отдельных иранских племен, а не распространения тонкого слоя иранской аристократии и военного элемента. Вместе с тем у Г.А. Меликишвили проявляется характерная и для ряда других авторов (ср. ниже) тенденция наряду с переоценкой социально-политической роли индоиранцев вообще преуменьшать или сводить к минимуму удельный вес и влияние арийского этнического элемента в Передней Азии. Так, во II тысячелетии до н.э. здесь известны очень многие арийские имена и слова, а не «отдельные личные имена» (глубокое и разнообразное влияние ариев в Передней Азии доказано в ряде работ последних десятилетий; ср.: Hauschild, 1962).

Выступая против мнения о политическом превосходстве немногочисленных арийских групп над местным населением, Г.А. Меликишвили, однако, считает, что в Южном Азербайджане, где находилось основное ядро Мидийского царства при его сложении, иранские племена стали «политически ведущими». Но, по его же мнению, Южный Азербайджан, Приурмийский район и области до Каспия в IX–VII вв. до н.э. в основном, а позже в значительной

мере были заселены загро-эламскими или родственными им северокавказскими племенами (1954, 140–142, 405, 406; 1959, 230 и сл., и др.).

В 1956 г. вышла в свет «История Мидии» И.М. Дьяконова, являющаяся в настоящее время наиболее полным изложением истории Северо-Западного Ирана с древнейших времен до образования Мидии-Атропатены. Большое место в этом труде уделено периоду от начала IX в. до н.э. до создания Мидийского царства, освещенному в основном ассирийскими источниками. Материалы этих источников приведены в общую систему и подробно проанализированы с целью создать общую картину исторических событий в эпоху ассирийских и урартских походов в Иран. Большая работа проделана И.М. Дьяконовым в области исторической географии; не все его локализации и отождествления одинаково удачны, но в целом проделанная им работа позволяет гораздо яснее ориентироваться в данных ассирийских текстов, относящихся к территории Ирана. Основные положения И.М. Дьяконова по интересующим нас проблемам сводятся к следующему. Иранские племена проникли в Иран определенно с востока, из Средней Азии. Обосновавшись на восточных окраинах Мидии, они постепенно продвигались на запад, что четко фиксируется данными ономастики. В IX–VIII вв. до н.э. иранский элемент прослеживается лишь на востоке Мидии, где значительную роль еще играло и старое местное население. Отдельные иранские имена начала второй половины VIII в. до н.э. не заходят за линию Казвин–Хамадан. А области к западу, особенно Иранского Азербайджана и Курдистана, определенно оставались в IX–VII вв. до н.э. неиранскими по языку. Лишь для южных пределов Иранского Азербайджана допускается проникновение отдельных иранских племен к концу VIII в. до н.э. (одно безусловно иранское имя Багдатту; гипотеза о тождестве Зикирту с сагартиями). Основная масса топонимов из Мидии остается неиранской в продолжение всего ассирийского периода, что должно доказывать постепенное проникновение иранского языка при слиянии носителей нового и старого языковых элементов. Первый преобладал лишь в некоторых районах Восточной Мидии со второй половины VIII в. до н.э., а на территории Ирана в целом иранские языки и диалекты господствуют лишь с середины I тысячелетия до н.э. (Дьяконов, 1956, 61, 74, 75, 149–152, 167, 203, 207, 221, 225).

И.М. Дьяконов считает, что старые местные языки (условно определяемые как «каспийские»), по-видимому, родственные эламскому и, возможно, близкие восточнокавказским, в IX–VIII вв. до н.э. целиком преобладали «на западных, центральных и

северных территориях Мидии», а в VII в. до н.э. — по крайней мере в Северо-Западной и Северной Мидии. При определении принадлежности соответствующих имен и названий к «местным языкам» И.М. Дьяконов обычно лишь указывает на то, что они не поддаются этимологии из известных языков, и, как правило, не приводит параллели для объяснения таких имен, не определяет более конкретно их языковую принадлежность. Он справедливо считает, что современные данные совершенно недостаточны для подобных объяснений и определений. Исключение делается лишь в отдельных случаях, когда можно привлечь эламские данные; объясняемые так имена происходят из восточных областей Мидии от второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э. Для того же периода к неиранским отнесено большое число личных имен и особенно топонимов из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Мидии (Дьяконов, 1956, 61, 65, 74, 75, 98–134, 203, 222, 225, 261).

Основная масса мидян состояла, по И.М. Дьяконову, из «каспийских» племен, перенявших иранский язык позднее; его единственными носителями первоначально были аризанты, впоследствии включенные в мидийский племенной союз. Последний определяется как неиранский по происхождению и существовавший, возможно, до появления иранцев. Для имени мидян Мада(й) и пр. допускается неиранское происхождение (Дьяконов, 1956, 65, 145–154, 221, 278; ср. у Ф. Кёнига, И. Алиева, О.Л. Вильчевского). Этногенез мидян сводится у И.М. Дьяконова к постепенному распространению у «каспийского» населения иранского языка; луров он также рассматривает как иранизированных по языку потомков касситов (1956, 122).

На территории Атропатены, по И.М. Дьяконову, в IX–VIII вв. до н.э. вообще не говорили на иранском языке, а в VII–VI вв. до н.э. он был еще мало известен или совсем непонятен; да и позже здесь преобладали неираноязычные группы; лишь с IV–III вв. до н.э. создались условия для сложения мидийско-атропатенской народности. Области к северу от Аракса рассматриваются как находившиеся в стороне от основных племенных передвижений X–VIII вв. до н.э. Как неираноязычное определяется и население Юго-Западного и Южного Прикаспия; проникновение туда иранского языка является вторичным (снова имеется в виду проникновение лишь языка, а не сколько-нибудь значительных групп ираноязычного населения); в VII–VI вв. до н.э. там бытовали древние говоры, близкие неиндоевропейским мидийским; вообще, более отсталые, чем мидийские или албанские, местные племена обычно долго сохраняли языки, исчезнувшие в собственно

Мидии и Албании. Неиранским население Южного и Юго-Западного Прикаспия оставалось и в период, освещенный античными источниками (Дьяконов, 1956, 53, 65, 92, 93, 110, 225 и сл., 400 и сл., 447 и сл.).

Критикуя мнение, по которому начало исторической жизни в Иране было положено с приходом иранских племен, И.М. Дьяконов указывает, что в Мидии уже ранее существовала высокая культура и государственность, а это не могло не оказать влияния и на эволюцию самих арийских пришельцев. Последние характеризуются как кочевники, стоявшие на более низком уровне развития, чем местное население. И позже, на рубеже VIII и VII вв. до н.э., в культурном и социально-экономическом отношении более развитыми оставались области с коренным населением, прежде всего районы у Урмии. И у И.М. Дьяконова высокая оценка социально-экономической и политической роли местного населения непосредственно связана с положением о том, что в то время данные об иранских племенах и их влиянии минимальны, а их удельный вес в населении соответствующих территорий был крайне незначителен, причем иранский этнический элемент оставался в численном меньшинстве и в период перехода основной части населения на иранский язык (1956, 74, 75, 143 и сл., 150, 226).

Если принять эти положения, естественно встает вопрос: каким образом иранский язык, мало распространенный в центрах Мидии еще во второй половине VIII в. до н.э., стал общемидийским? Западные исследователи обычно считают, что по-иранski говорил аристократический слой, к которому переходила политическая власть, а с образованием Мидийского царства государственным языком стал иранский, воспринятый потом остальным населением. Этому объяснению по крайней мере нельзя отказать в последовательности. И.М. Дьяконов основную причину данного процесса ищет в том, что мидийский союз, по его мнению, состоял из разноязычных племен и необходимость в межплеменном языке сделала таковым иранский. Важное значение придается и «распространению по всей... Мидии магов и их религии, языком которой также был иранский» (вместе с тем предполагается, что маги были одним из неираноязычных по происхождению племен). С конца VIII в. до н.э., когда иранский стал межплеменным языком, иранские имена могли носить и представители в целом неираноязычных групп. Все это близко к мнению Ф. Кёнига, Х. Нюберга и других авторов (ср. выше), считающих, что иранский первоначально употреблялся лишь среди незначительных групп, а в остальном применялся только в таких сферах, как госу-

дарственно-административная и религиозная, причем некоторые выходцы из неираноязычной среды стали носить иранские или иранизированные имена. И.М. Дьяконов высказывает лишь одно предположение, почему именно иранский язык получил преобладание; он пишет, что, «быть может, именно будучи кочевниками или, скорее, колесничими», аризанты приобрели такое значение, что их язык стал межплеменным в Мидии. И это можно сравнить с мнением Ф. Кёнига, Дж. Кэмерона, Р. Гиршмана и др. о том, что мигрирующие арии состояли из военно-аристократических групп воинов или всадников, постепенно захватывавших в различных районах Ирана политическую власть. Но последнее положение неприемлемо для И.М. Дьяконова. Он считает, что аризанты жили на крайнем востоке Мидии, а центр Мидийского царства находился у Хамадана, где предположительно жило неиранское мидийское племя. Наконец, позиции иранского языка как межплеменного значительно укрепились, по И.М. Дьяконову, с появлением скифов; после этого иранский язык как межплеменной распространился на территории между центром Мидии и областью северо-восточнее Урмии, куда И.М. Дьяконов помещает Скифское царство (о процессе иранизации Мидии у Дьяконова см.: 1956, 53, 148–154, 225, 277 и сл.).

И.М. Дьяконов решительно выступает против положения о том, что названия стран Парсуа и Парсумаш фиксируют продвижение персов (подробно об этом положении и его аргументах см. ниже). По его мнению, Парсуа не имела отношения к персам, Парсумаш лежала не к северу от Элама, а соответствует Фарсу; все эти действительно иранские названия означают «окраина», «украйна» — по отношению к Мидии (1956, 69, 161, 198, 224). Если признать правильными эти выводы, то рушится та основа, на которой построена теория о продвижении персов из Северо-Западного Ирана. Указанные положения И.М. Дьяконова получили широкое распространение (Парсумаш соответствует Персиде: Юсифов, 1958; Дандамаев, 1960; 1963, 103 и сл.; Парсуа не имеет отношения к персам: Дандамаев, 1960; Вильчевский, 1961, 53, 147 и сл.).

«Как по топонимическим терминам, так и по именам собственным в Мидии IX–VII вв. до н.э. явственно можно видеть продвижение иранского языкового элемента с востока на запад. Имея в виду связи мидийского языка с языками Средней Азии, трудно сомневаться в среднеазиатском происхождении этноса „ариев“» (Дьяконов, 1956, 150). Этот тезис И.М. Дьяконова, как указывалось, получил широкое признание и оказал большое влияние на концепции ряда авторов, в том числе археологов. Не

касаясь пока того, насколько обоснован этот вывод, отметим лишь известную непоследовательность в аргументации И.М. Дьяконова: некоторые имена рассматриваются как происходящие с востока только потому, что они носят иранский облик (1956, 152, 166, 222 и др.). Переднеазиатские арийские племена II тысячелетия до н.э., по И.М. Дьяконову, также происходили из Средней Азии; гипотезу о переходе этих ариев, а также мидян и персов через Кавказ он считает неприемлемой (1956, 124, 125; 1960). О дальнейшем развитии И.М. Дьяконовым положений о происхождении индоиранцев в связи с выводами В.М. Массона из археологического материала уже говорилось выше. Вместе с тем И.М. Дьяконов указывает, что предки ариев пришли в Среднюю Азию с северо-запада, так как индоевропейские языки распространялись из Юго-Восточной Европы (1960). В другой работе (1961а) он пишет, что иранцы некогда жили к востоку от ареала трипольской культуры.

Большое место в изучении древней истории Северо-Западного Ирана занимают труды И. Алиева, опубликовавшего с конца 40-х годов ряд работ по этой теме (1948; 1954; 1956, и др.). В наиболее полном виде материалы и выводы его исследований представлены в монографии «История Мидии» (1960), в которой прослеживается историческое развитие Мидии с древнейших времен до конца VI в. до н.э. Одно из главных положений И. Алиева заключается в том, что основное содержание истории Мидии состоит именно в истории местного автохтонного населения, создавшего достаточно высокую культуру, развитую экономику и политические образования, близкие к государственным, до проникновения иранских племен и независимо от них. А значение и удельный вес последних в Западном Иране первых веков I тысячелетия до н.э., а для ряда западноиранских областей и позднее сводится к минимуму (ср.: Алиев, 1960, 33, 90, 91, 111).

Именно И. Алиеву (1948, 86 и сл.; 1954, 176–178; 1960, 87–100, 102 и сл., 214 и сл.) принадлежит подробная разработка положения, по которому «Мидия» и «мидяне» — понятия, не связанные, по крайней мере первоначально, с иранским этническим элементом. Мидийский племенной союз рассматривается как сложившийся «союз не ирано-, а каспоязычных племен», по языку близких эламитам. Объединение Мадай до середины VIII в. до н.э. являлось целиком автохтонным. Позднее в мидийскую среду начали проникать иранские племена. Эти выводы сделаны преимущественно на основе анализа ономастического материала. По И. Алиеву, в ранний период существования союза Мадай все или почти все имена «явно неиранского характера»; иранские личные

имена появляются впервые на востоке Мидии с середины второй половины VIII в. до н.э., когда и там еще преобладают личные имена и топонимы «эламо-каспийского» облика; в западных и северо-западных районах они остаются неиранскими в IX–VIII вв. до н.э. целиком, а позже — в большей части. И. Алиев (1954, 176 и сл.; 1956, 77–80; 1960, 91–98) предлагает объяснение, а иногда целиком этимологизирует ряд имен из Западного Ирана IX–VII вв. до н.э. Но эти этимологии, как уже приводившиеся (Г. Хюзингом и некоторыми другими), так и предлагаемые самим И. Алиевым, маловероятны, на что уже указывалось в рецензии на его монографию (Лившиц и Массон, 1962).

И. Алиев считает, что индоиранские племена проникали в Переднюю Азию с востока в середине II и в первых веках I тысячелетия до н.э. В Мидии, первоначально в Восточной, иранские племена появляются, по его мнению, в IX–VIII вв. до н.э., хотя иранские имена он отмечает лишь с середины VIII в. до н.э. Продвижение иранцев с востока на запад засвидетельствовано, по И. Алиеву, ономастическим материалом и подкреплено археологическими данными. Предположение о переходе западноиранских племен через Кавказ И. Алиев считает необоснованным, хотя допускает возможность более позднего проникновения некоторых групп (в частности, сагартиев) этим путем, который вскоре проделали киммерийцы и скифы. Последним придается значительная роль в языковой иранизации Северо-Западного Ирана, но на этих территориях и позже «автохтонное по языку население» оставалось в ряде районов «культурно ведущим»; здесь неираноязычное население сохранялось до позднеантичного времени (Алиев, 1960, 16 и сл., 110, 215 и др.). Но и на территории самой Мидии и всего Ирана в целом иранский языковый элемент преобладает лишь с середины или второй половины I тысячелетия до н.э., но лишь к концу его складывается ираноязычный мидийский народ (Алиев, 1960, 90, 102, 110 и сл.).

Культурно ведущему автохтонному элементу И. Алиев противопоставляет «кочевые варварские ираноязычные племена», шедшие с востока; их появление привело к сложению двух видов хозяйства: оседлого скотоводческо-земледельческого с развитым горнорудным делом и ремеслами на западе и кочевого и полукочевого на востоке. В первом районе с IX в. до н.э. возникают государственные образования, во втором существуют племенные союзы. Культура позднего Сиалка имеет в значительной мере автохтонный характер, проявляющийся в ее оседлости, а также в «исключительно богатой керамике», которую не могли создать кочевые иранские племена; «такое чудо строительного искусства,

как экбатанский дворец», не мог быть сооружен «пришлыми кочевниками» (Алиев, 1960, 23, 40, 91, 102, 107, 111, 174, 205, 206).

При этих посылках вопрос об иранизации Мидии и всего Ирана решается И. Алиевым в основном с позиций «арийского завоевания». И об индоиранских племенах в Митанни говорится, что они «играли главенствующую роль в политической жизни страны». Также в первых веках I тысячелетия до н.э. «пришлые ираноязычные племена, захватывая те или иные области Ирана, очевидно, подчиняли местное население и заставляли последнее работать на себя»; иранский язык как «язык завоевателей», язык «господствующего племени» стал и средством межплеменного общения; «будучи языком верхушечного слоя населения, он господствовал над остальными языками края и являлся, так сказать, языком официальным» (Алиев, 1960, 108–111, 164, 206, 207, 214, 215). В сложении в более позднее время иранских племен и народов основное значение придается автохтонной среде, роль же пришлых иранцев сводится лишь к распространению их языка; этнический облик старого местного населения, по И. Алиеву, в основном не изменился после перехода на наречия «ираноязычного суперстрата» (1960, 90, 111, 113, 214, 215 и др.). Даже для античной эпохи И. Алиев определяет многие племена и народы Западного Ирана как неираноязычные, особенно на северо-западных окраинах Ирана, в Азербайджане и Прикаспийских районах. В этом он усматривает еще одно доказательство того, что в мидийский период «абсолютной индоевропеизации и смены языкового облика» еще не произошло и что ираноязычное население по территории Ирана распространялось с востока на запад (1960, 17, 40, 65, 102–107, 110–114, 215).

Плохо известны и недостаточно изучены ранние этапы этногенеза курдов. Этой проблеме посвящена монография О.Л. Вильчевского «Курды» (1961). Из предшествующих трудов по курдоведению особый интерес представляют работы В.Ф. Минорского, на выводах которого сначала и следует остановиться. Вслед за Ф. Андреасом и Т. Нёльдеке он убедительно опровергает распространенное мнение о том, что предками курдов были кардухи; имена курдов и кардухов также не связаны и существовали независимо друг от друга (ср. об этом также: Вильчевский, 1961, 58, 61–74, 112, 146). Основная роль в сложении курдов отводится кочевым племенам киртиев (Κύρτιοι) и мардов, говоривших на близких диалектах, родственных мидийскому языку. В античную эпоху ираноязычные группы и племена были распространены от Малой Азии до Атропатены. Продвижение предков курдов на запад произошло после падения Ассирии. До этого они обитали

в основном на территории Атропатены (Minorsky, 1927; 1938). В работах В.Ф. Минорского (1930; 1957, и др.) по топонимике Северо-Западного Ирана и соседних районов показано широкое распространение там, в частности в Приурмийской области, до прихода тюрок и монголов иранских географических названий; один из современных топонимов у Урмии возводится к древнему Парсуа, связанному с этнонимом персов (Minorsky, 1957).

О.Л. Вильчевский также отводит решающую роль в формировании курдов иранским кочевым племенам, но придает все же большее значение и местному доираноязычному элементу. Он стремится проследить предысторию и процесс сложения курдов на фоне социально-экономического и политического развития Передней Азии с VI–IV тысячелетий до н.э. до сасанидского периода, когда курдский народ уже сформировался как таковой. Нужно, однако, заметить, что обоснования многих положений в его работе неубедительны, а нередко просто несостоятельны в связи с неприемлемой трактовкой конкретного исторического материала рассматриваемой эпохи. Заимствуя этот материал из ограниченного круга работ других исследователей, О.Л. Вильчевский в оценке его достоверности исходит из своих общих соображений, в ряде случаев не согласующихся с оставшимися ему неизвестными данными источников и достижениями современной науки. Самостоятельная трактовка отдельных сведений древних источников нередко методологически несостоятельна, иногда явно неверна. Больший интерес представляют аналогии с этнографическими материалами и данными по истории курдов со средневековья. Именно на этой основе и выдвинуты отдельные оригинальные положения. Но они остаются гипотезами, ибо не подкреплены достоверным конкретным материалом древней эпохи.

Отводя значительную роль в формировании курдов древнему доиранскому населению, О.Л. Вильчевский, однако, не приводит существенных реальных данных в пользу этого положения. Но одновременно он постоянно подчеркивает, что неиранские племена были лишь субстратом, а процессы, приведшие к сложению курдского народа, начались лишь с появлением ираноязычных групп. Он считает, что в качестве субстрата в курдском этногенезе могли принимать участие различные древние народы, которые в той же мере должны рассматриваться и как предки ряда других народов Передней Азии. О.Л. Вильчевский (1961, 135) пишет о необоснованности «курьезной традиции, согласно которой каждый народ имеет право на „хорошего" предка в древности, который... не может одновременно являться предком ни од-

ного другого народа». В связи с этим он несколько раз указывает на несостоятельность мнения, что луры — иранизированные касситы. Мы уже видели, что у ряда авторов встречается тот же подход к этногенезу и ряда других иранских народов, которые, переняв иранский язык, в основном сохранили этнические традиции и облик старого местного населения (впрочем, выступая против этого, и О.Л. Вильчевский называет талышей «обыранившимися аборигенами южного побережья Каспийского моря»). По О.Л. Вильчевскому, при подобной оценке не учитываются качественные изменения, сопутствовавшие таким процессам. Появление племен, отличных от автохтонных этническим обликом, языками и формами материальной культуры, приводило к коренным изменениям в общем этническом облике племен и народностей (Вильчевский, 1961, 14 и сл., 24, 29, 35, 119, 134, 138 и др.). Именно иранская экспансия, по мнению О.Л. Вильчевского (1961, 78, 81, 87, 151), нивелировала пестрый субстратный слой, а «характерная для сегодняшнего многонационального и многоязычного Ирана картина» — результат бурной средневековой истории страны (иначе, например, у И. Алиева: этническое и языковое единообразие до появления иранских племен, нарушившего это культурное единство).

Миграциями О.Л. Вильчевский объясняет и такой важный для проблемы курдского этногенеза фактор, как возникновение в горных районах Ирана, Малой Азии и Закавказья полукочевого (или кочевого) скотоводства, не связанного (или мало связанного) с земледелием, и распространение племен кочевников-скотоводов, «резко противопоставляющих себя остальной массе племен». Основная причина этого — проникновение новых племен с формами скотоводческого хозяйства и быта, выработанными в условиях кочевания на равнинных местностях, причем особая роль отводится появлению здесь во II тысячелетии до н.э. «индоязычных кочевых племен». Как и многие другие авторы, О.Л. Вильчевский характеризует и эти племена, и иранские племена в начале I тысячелетия до н.э. лишь как кочевых скотоводов; особенно подчеркивается, что они были коневодами, причем не делается различия между использованием лошади в середине II и начале I тысячелетия до н.э. (1961, 25–33, 47–49, 53–56, 85, 126–128).

По О.Л. Вильчевскому, арии и позже иранцы подчиняли и сплачивали вокруг себя племена местных горцев-скотоводов в союзы и конфедерации, стремившиеся распространить свою власть на земледельческие районы. Именно этим он и объясняет интенсивное продвижение иранских племен по Передней Азии, складывание иранской этнической общности, создание Мидийской и Ахе-

менидской держав и т.д. Иранские племена характеризуются как «более сильные, обладавшие, в связи с коневодством, большей военной мощью и, как племена номадов, более развитыми формами военно-племенных институтов». Этими же факторами объясняется широкое распространение иранского языка как межплеменного и господствующего, бытовавшего сначала у племенной верхушки, а затем и среди части сельского оседлого населения.

Фактическая сторона вопроса о появлении иранских племен в Курдистане обрисовывается О.Л. Вильчевским следующим образом: родиной индоиранцев была Средняя Азия, оттуда арии во II тысячелетии и иранцы в IX–VIII вв. до н.э. проникали на запад; на территорию Курдистана поток иранских племен шел с востока (киммерийско-скифские племена, по-видимому, не попали в районы сложения курдов, данных об их роли в курдском этногенезе не имеется); в Западном Иране ираноязычные группы были уже в IX–VIII вв. до н.э., но их продвижение на запад, к основным центрам сложения курдов, происходило лишь после падения Ассирии (к тому же времени или еще более позднему периоду относят продвижение ираноязычных предков курдов в Курдистан А. Социн, Эд. Мейер, В.Ф. Минорский и др.). О.Л. Вильчевский указывает на некоторые факты, свидетельствующие о наличии на территории Курдистана в ахеменидский период ираноязычного населения, и подчеркивает существование еще в средние века единой области распространения иранской речи от Западного Курдистана до Каспия (1961, 51, 65, 70 и сл., 78, 142, 146).

Приведенный обзор основных работ, в которых затрагиваются проблемы ранней истории иранских племен Передней Азии, показывает, что основные из этих проблем еще очень далеки от своего решения. Трудно указать какую-либо из них, по которой существовало бы единство мнений. По целому ряду кардинальных вопросов современные ученые предлагают прямо противоположные решения. Такие выводы сделаны на основании различных трактовок часто одних и тех же источников. Особое место при этом занимают заключения из анализа ономастического материала ассирийских текстов. Они имеют существенное, а иногда и определяющее значение во многих исторических работах при решении вопроса о происхождении западноиранских племен (Эд. Мейер, Г. Хюзинг, Ф. Кёниг, Дж. Кэмерон, Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконов, И. Алиев и др.). На соответствующие выводы из этого материала опираются и археологи, как придерживающиеся мнения о кавказском пути (Р. Гиршман, С. Пжеворский и др. по выводам Г. Хюзинга или Ф. Кёнига), так и ведущие запад-

ных иранцев из Средней Азии (В.М. Массон и др. вслед за И.М. Дьяконовым). Та или иная оценка ономастических и топонимических данных играет главную роль при уяснении удельного веса ираноязычного населения в Западном Иране и соседних районах в первые века I тысячелетия до н.э., что, в свою очередь, определяет важные стороны проблемы этногенеза западноиранских народов. На тех же данных ономастики основаны различные мнения о социально-политической роли иранских иммигрантов на указанных территориях в рассматриваемую эпоху. Определение языковой принадлежности тех или иных имен и установление их географической локализации может оказать значительную помощь при этнической атрибуции соответствующих археологических комплексов и т.д.

Глава II

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИРАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АССИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ IX–VIII вв. до н.э.

1. Закономерности передачи иранских имен в аккадской клинописи

Хотя вопрос об иранском происхождении тех или иных имен, известных по ассирийским источникам IX–VIII вв. до н.э., имел определяющее значение при решении ряда основных проблем ранней истории иранских племен Передней Азии, систематическое изучение ассирийских надписей с этой точки зрения по существу не проводилось. Число выявленных в клинописных источниках IX–VII вв. до н.э. иранских имен, как уже указывалось, увеличилось крайне незначительно по сравнению с тем, что было собрано в работах Эд. Мейера и некоторых других авторов конца XIX — начала XX в. В настоящее время господствует мнение, что в ономастическом материале из областей к северу и востоку от Ассирии удельный вес иранских личных имен и тем более топонимов очень мал; ряд имен, считавшихся ранее иранскими, рассматриваются как относящиеся к местным неиндоевропейским языкам. При этом часто указывают, что мнение об иранской принадлежности многих имен голословно, а гипотеза о значительной иранизации населения Западного Ирана IX–VIII вв. до н.э. не основана на «научно аргументированных доводах» (И. Алиев, 1960, 102).

Подобные замечания в известной степени справедливы. Действительно, в течение последних десятилетий вообще не появлялось специальных работ, посвященных выявлению иранских имен в клинописных источниках IX–VII вв. до н.э., подобных, например, тем, в которых на основании тщательного изучения ономастического материала из греческих надписей Северного Причерноморья было выделено множество иранских, скифо-сарматских имен (Вс. Миллер, 1913; Vasmer, 1923; Абаев, 1949; Harmatta, 1951; Zgusta, 1955, и др.).

Выявление иранских имен в ассирийских надписях затруднено характером передачи этих имен в аккадских текстах. Разли-

чие фонетических систем, в частности отсутствие в аккадском ряда иранских звуков, в сочетании с принципами аккадской клинописи приводит к тому, что большинство иранских имен подверглось в этих текстах сильным изменениям. Так, в вавилонской версии Бехистунской надписи иран. *ʰUvaxštra* передается как *Ú-ma-ku-iš-tar*, *Vivāna-* как *Ú-mi-ma-na* и т.д. Причем эти имена были хорошо известны писцам, которые могли быть знакомы и с древнеперсидским текстом. В ассирийских источниках IX–VII вв. до н.э. с иранскими именами дело обстоит гораздо сложнее, в данном случае можно ожидать еще больших изменений, а иногда и прямых искажений.

Представляется все же вполне возможным установить систему регулярных закономерностей при передаче иранских имен в аккадском[1]. За основу при этом могут быть приняты формы имен в аккадских версиях ахеменидских надписей, где соответствие иранским именам устанавливается параллельным древнеперсидским текстом, имена с ясной иранской этимологией из вавилонских документов ахеменидского времени и те имена из ассирийских источников, иранское значение которых очевидно или общепризнано (число их невелико, но они иногда имеют особое значение в связи с определенными диалектными различиями ассирийского и вавилонского и некоторыми изменениями в вавилонском в ахеменидский период). Ниже перечисляются и обосновываются закономерности ирано-аккадских передач.

Окончание имени. Часто не соответствует иранскому. В большинстве случаев иранские имена в аккадской передаче оканчиваются на гласный. Среди иранских основ на гласный чаще всего встречаются основы на *-ă̄*, в именительном падеже также имеющие окончание *-ă̄*, как и большинство основ на согласный. Эти имена в аккадской передаче могут оканчиваться на *-a* (см. ниже). Но часто встречается окончание *-u*, т.е. окончание аккадского именительного падежа; в ассирийских текстах: *Auriparnu* < **Ahurafarnah-*, *Satarpānu* < **Xša϶rapāna-* и т.д., в Бехистунской надписи: *Gumātu* <*Gaumāta-* и др., ср. также *Misparū* [*-ru-(u)*] < *Vāyaspāra-*; нередко иранские имена на *-a* в аккадском имеют *-i* (причем не только там, где имя стоит в аккадском в родительном падеже,

[1] Сводка ряда закономерностей дана у К. Таллквиста (1918, XXIII–XXV), но его отдельные выводы и ряд примеров неверны или требуют уточнения. Некоторые особенности ирано-аккадских передач рассматривались рядом исследователей при анализе конкретных иранских имен и слов, засвидетельствованных источниками на аккадском (см. у Г. Хюзинга и др., особенно в перечисленных выше работах В. Эйлерса).

чем обычно объясняют конечное *-i*, но также и в других падежах), ср. в ассирийских текстах: *Bagdatti* < **Bagadāta-*, *Kaštariti* < *Xša϶rita-*, *Šitirparni* и *Eparni* наряду с *Šitirparna* и *Eparna* для иранских имен с *farnah-* и др.; в вавилонских источниках ахеменидского времени: *Ḫašatritti*[2] < *Xša϶rita-* (Бех.) и т.д., ср. также *Aḫšetī* [*-ti-(i)'*] < **Xšaita-* (в документах из Вавилонии, ср.: Eilers, 1940б, 202).

Иранские окончания *-iš*, *-uš* (Nom. Sg.) от основ на *-i*, *-u* могли правильно отражаться в аккадском (см. ниже). Но окончание *-š* появляется и в тех иранских именах, которые в иранском не могли иметь его (см. ниже). Кроме того, в именах на *-i* и *-u* перед *-š* иногда появляется иная гласная; ср., например, *-manuš* при передачах имени *Haxāmaniš* в документах из Вавилонии (см.: Eilers, 1936, 178) при более точном *Aḫamaniš* в аккадских версиях царских надписей; *Kuraš* (надписи Ашшурбанапала, «Хроника Набонида–Кира» и т.д.) < *Kuru-š*.

Также при передаче имен на *-a* может появляться *-š*, а перед ним иногда стоит иная гласная: *Umakuš* (наряду с *Umaḫku*) < *Vahauka-* (см.: Eilers, 1962, 59). Вместе с тем окончание *-š* именительного падежа основ на *-i* и *-u* может оставаться неотраженным, а конечный гласный может изменяться: *Dadarši-š* > *Dadaršu* (Бех.); **Purušāti-š* 'Парисатида' > *Purušātu*, *Puršātu* и др. наряду с *Purušātiš*, *Puruštiš* и др. (часто во многих документах из Вавилонии V в. до н.э.).

В других случаях четко различаются иранские гласные окончания. Многие иранские имена на *-a* и в аккадском имеют окончание *-a* (в том числе и там, где имя стоит в аккадском тексте в именительном и родительном падежах, а также в общих списках имен с различными окончаниями); это характерно и для ассирийских надписей, и для вавилонских источников VI–V вв. до н.э. В последних также встречаются многие случаи передачи иранских имен на *-i(š)*, *-u(š)* с правильным окончанием *-iš*, *-uš*: *Šišpiš* < *Čišpi-š*, *Šinšaḫriš* < *Čiˀčixri-š*, *Ardimaniš*, *Purušātiš*, *Dariḭamuš* и другие передачи с *-uš* для иран. *Dārayavaʰuš* и т.д.

Стремлением отразить иранский гласный окончания, возможно, объясняется и отмеченное К. Таллквистом для многих имен написание в аккадском конечного *-ā* [*-a-a*, *-a-(a)'*] в передаче иранских основ на *-a* (по К. Таллквисту, это соответствует авест. *-ō*

---

[2] При передаче иранских имен двойное написание согласного (*Ḫašatritti* с *-ri-it-ti* вместо возможного *-ri-ti*, как в ассир. *Kaštariti* для того же имени) обычно не имеет значения и является лишь аккадским графическим вариантом. Ср. ассир. *Bagdatti* < **Bagadāta-*, *-ukku* < *-uka* и т.д. Также в VI–V вв. до н.э.: *Gu-bar-ru* (наряду с *Gu- ba-ru*) < *Gaubaruva-*, *am-mar-kar-ra* < **hamarakara-*, *arri* < *ariya-* и др.

или др.-перс. *a*^{h} в Nom. Sg.). Так как в вавилонском ахеменидского времени простые конечные гласные обычно, по-видимому, не произносились (в приведенных выше примерах при графическом *Gumātu* произносилось, очевидно, *Gūmāt*, при *Dadaršu — Dādarš* и т.д.), то для отражения иран. *-a* могло писаться *-ā* (ср., однако, выше: *Misparū* и *Aḫšetī*, с *ū* и *ī* при иран. *-a*). В ассирийских источниках это отмечается реже — из приведенных Таллквистом имен из ассирийских текстов некоторые, очевидно, неиранские (*Daltā*), другие с неясной иранской этимологией.

Как уже говорилось, ряд иранских имен в аккадских источниках выступает с окончанием *-š*, которое не может быть объяснено ни из иранского, ни из аккадского. Ср., например, *Parsuaš*, *Parsumaš*, *Parsamaš* наряду с *Parsua* < **Parsava-*. То же явление отмечается и в ахеменидский период в вавилонских (например, *Umakuš*, см. выше) и особенно часто в эламских текстах. Трудно сказать, какими причинами обусловлено появление этого окончания[3]. Но оно засвидетельствовано в аккадских передачах ряда имен бесспорно иранского происхождения. Кроме того, что иногда и гласный перед *-š* не соответствует иранскому конечному гласному, можно еще указать на случаи, когда в аккадской передаче окончание *-u* добавляется уже после *š* (в известных нам примерах *š* может отражать иранское *-š* окончания). Так, *Dārayava*^{h}*u-š* передавалось наряду с *Dariiamuš*, *Darimuš*, *Dari'uš* и др. также *Darimušu*, *Dari'šu* и др., а также *Darimuša* (см.: Eilers, 1936, 171), иран. *magu-š* 'маг' в аккадской версии Бехистунской надписи всегда передается *magušu* и т.д.

В ряде случаев иранский конечный гласный не представлен, что наблюдается как в ахеменидский период (*Umakištar* и др., ср. ниже), так и ранее (ср. *Uksatar*, *Uaksatar* в VIII в. до н.э., *Umakištar* в VII в. до н.э. — для иран. *^{h}Uvaxštra-*, *Uarzan* в VIII в. до н.э. < **Varzana-* и др.). Часто считают, что такие факты отражают реальное иранское произношение. По мнению ряда авторов (Ф. Андреас, В. Эйлерс, И.М. Дьяконов и др.), уже в VI–V вв. до н.э., а может быть и ранее, обычные иранские говоры (в отличие от письменной фиксации древнеперсидского или официального, «возвышенного» языка, которому она следует) утрачивали конечные гласные, приближаясь к среднеиранскому состоянию. Но по край-

[3] И.М. Дьяконов (1956, 128, 162), замечая, что оно не этимологизируется из иранского, связывает его с кутийским и «другими языками Загроса», одновременно указывая, что для эламского характерна передача ираноязычных имен с окончанием *-š*. Я. Харматта (Harmatta, 1954, 308, 309) считает даже возможным рассматривать наличие этого окончания в качестве доказательства иранского происхождения соответствующих слов и имен из эламских документов.

ней мере для эпохи Дария I и Ксеркса, к которой относится большинство из приводимых у нас примеров, а по-видимому и для несколько более позднего времени приведенное мнение представляется сомнительным (ср., например: Meillet–Benveniste, 1931, 19). Что же касается написаний иранских имен в аккадском, то они вряд ли могут что-либо дать для обоснования этого положения, так как случаи отпадения конечных иранских гласных следует относить прежде всего лишь за счет особенностей аккадских передач.

Сторонники указанной точки зрения ссылаются на подобные случаи уже и для VIII в. до н.э. (*Bagdatti*, *Bagparna* с *Bag-* для *baga-*; см.: Eilers, 1936, 178; Дьяконов, 1956, 396 и сл.; и др.), допуская развитие данного явления в западноиранских языках уже в ассирийскую эпоху.

Но еще в ахеменидское время в аккадских версиях царских надписей, а также в вавилонских документах при передаче иранских имен и слов отсутствие гласного в конце слова или первой части сложного слова встречается весьма редко, а в большинстве случаев эти гласные отражены; замена же древнеиранского конечного гласного иным аккадским (*-u*, также *-i*) в конце имени не может служить свидетельством отпадения конечного гласного в самом иранском. Во многих примерах четко различаются и подчеркиваются иранские тематические гласные (см. выше). Приводя и такие примеры, В. Эйлерс (1936, 176–179) замечает, что наряду с литературным языком, подчеркивавшим архаичные нормы, рано развились языки типа индийских пракритов, приближавшиеся к среднеиранскому состоянию, отдельные следы которых и проскальзывают в аккадских передачах.

Но тогда пришлось бы, например, предположить, что в вавилонской версии одной и той же надписи при обычном отражении норм древнеиранского произношения лишь в отдельных случаях писец следовал «обыденному» произношению. Нельзя и уподоблять подобное явление неадекватному отражению в различных версиях древнеиранских диалектных фонетических норм. Как в «северо-западных» (в вавилонских и эламских версиях и документах), так и в «юго-западных» (в эламском) формах в равной мере обычно представлено древнеиранское состояние конечных гласных. Эламские тексты, где прежде всего ищут следы «простых» говоров, как правило, четко отражают и различают тематические гласные и в конце имен, и в первой части composita.

Та же картина обычно наблюдается и в вавилонских версиях и документах, а исключения почти всегда легко объясняются осо-

бенностями аккадской передачи. Так, написание *Umakištar* (*Ú-ma-ku-iš-tar*) в аккадской версии Бехистунской надписи не означает, что иран. *^{h}Uvaxštra* произносилось тогда без конечного *-a*; ср. передачи того же имени в «хронике Гэдда» (*Ú-ma-kiš-tar*) и в ассирийских текстах VIII в. (*Uksatar*, *Uaksatar*). Также ассир. *Satarpānu*, *Šiṭirparna* и пр. передают не **Xšaϑrpan*, **Čiϑrfarn* и т.д., а **Xšaϑrapāna-*, **Čiϑrafarnah-* и др. (с неотраженным конечным *-a* первой части имени). Также в вавилонской транскрипции *arri arri šitir* (XPh, 9) отражено, безусловно, иран. *arya arya-čiϑra* (*šitir* < *čiϑra*, как в ассир. *Šiṭirparna*).

Аккадские написания иранских имен без конечного гласного встречаются уже с IX в. до н.э. (например, *Ašpaštatauk* — *-tauk* < *tavaka-*, ср. ниже). Не представляется возможным, чтобы переход к среднеиранскому состоянию намечался уже в то время. Это противоречит и большинству других ассирийских передач иранских имен. Наконец, и для арийских имен в клинописи во II тысячелетии до н.э. встречаются такие написания, как *Indar* (наряду с *In-da-ra*) < *Indra-*, *-šatar* (*Parsašatar*, *Sauššatar*) < *kṣatra-* и др., хотя тут не может быть и речи об утрате в самих арийских диалектах конечных гласных (четко представленных и во многих арийских именах и словах в тех же текстах).

Помимо тех случаев, когда в аккадской передаче не представлены иранские гласные именно в конце слова или первой части сложного имени, иногда (также спорадически) не отражены гласные и в иных положениях, где это определенно не связано с собственно иранским развитием. Ср., например, *Umaḫku* (Бех.) < *Vahauka-* (пропущено *-au-* или по крайней мере *-u-*, если имя произносилось *Vahuka*), *Puruštiš* (*Pu-ru-uš-ti-iš*, в документах; см.: Eilers, 1936, 174, 178) < **Purušātiš*. Имя «Парисатида» многократно встречается в документах из Вавилонии в различных написаниях: *Pu-ru-u'-šá-ti-iš*, *Pu-ru-uš-šá-a-tú*, *Pu-ru-šá-a-tú* и др., а в *Puruštiš ā* не отражено. Встречается также *Pu-ur-šá-a-tú* с *pu-ur-* вместо *pu-ru-* < иран. *puru-* (= *paru-*). Многочисленные передачи имени Парисатиды, жены Дария II, в документах из одной и той же области не оставляют сомнения, что это иранское имя произносилось здесь с *puru-* (в других говорах также с *paru-*, ср. греческие и эламские передачи), а не с *pur-*. Вариантное написание с *pu-ur-š^{o}* наряду с более частым *pu-ru-š^{o}* отражает произношение *puruš^{o}*. Так и ассир. *ba-ag-* (*Bagdatti*, *Bagparna*) отражает то же произношение (*baga-*), что и написания с *ba-ga-* в именах (*Bagatuna* и др.) примерно из тех же областей в текстах того же времени (Саргона II).

Показательны передачи имени *A^{h}uramazdā-* в ахеменидских надписях. При его многократных повторениях в Бехистунской надпи-

си, где в вавилонском тексте не отражено *h* в *ahura-*, обычно *Uramazda*, *Uramizda* или *Urimizda*; ср. также *Urumazda* (DPg — четыре раза). Во всех других надписях (по: Weissbach, 1911), где *h* передано через *ḫ*, встречаются в основном два написания имени: *a-ḫu-ur-ma-az-da-'* (DNRa — все восемь раз, DSe, XPc — четыре раза, XElw., XVan — три раза и др.) и *a-ḫu-ru-ma-az-da(-')* (DElw., XPa — пять раз, XPd — три раза и др.; ср. *a-ḫu-ru-mu-uz-du* у Артаксеркса II). Уже из этого ясно, что написание *a-ḫu-ur-* — лишь графический вариант *a-ḫu-ru* (ср. *ba-ag-* и *ba-ga-* и т.д.). Показательно и то, что при *a-ḫu-ur* (как и при *a-ḫu-ru*) четко отражен иранский гласный в конце всего имени [*-da-(a)*']. Также в ассирийских текстах (*Bagparna*, *Šiṭirparna* и др.) и в вавилонских документах ахеменидского времени в тех (в целом редких) случаях, где не отражен тематический гласный первой части иранского имени, гласный в конце всего слова обычно представлен правильно. Между тем в самом иранском именно он прежде всего отпадал бы, если мы действительно имели бы дело с переходом к среднеиранскому состоянию, а конечный гласный первой части composita здесь мог еще сохраняться[4].

Иранские сочетания согласных. В начале слова в аккадском не могут стоять два согласных. Иранские имена с двумя согласными в начале слова передаются в аккадском различным образом: либо прибавляется протетический гласный, *a-* или *i-* — *ašguzai*, *iškuzai* < **skuδa-*, *Aḫšiiaršu* и иные передачи с *aḫš-* < *Xšayāršā*, *ipra-* < *fra-* в ряде имен и слов (ср. ниже под *f* > *p*); либо гласный вставляется между начальными согласными — *Kaštariti*, *Ḫašatritti* < *Xšaϑrita-*, *Ḫašiiaršu* и другие передачи с *Ḫaš-* < *Xšayāršā*, *Parumartiš* < *Fravartiš*, в ряде случаев при передаче одинаковых групп согласных, иногда и в одних и тех же именах и словах чередуются обе возможности;

---

[4] Имеются примеры, где при верном отражении конечного гласного тематический гласный первой части сложного имени заменен на иной гласный (большей частью *a* на *i*, реже на *u* — обычно перед лабиальным, что обусловлено особыми причинами, см. ниже под иран. *a* > акк. *u*), ср. *Mitri-* < *Miϑra-* в *Miϑradāta-*, *Bagi-* < *Baga* в **Bagadāta-* и т.д. в вавилонском ахеменидского времени (но обычно все же *Mitra-*, *Baga* и т.д.), а иногда и в ассирийском (*Auriparnu* в VIII в. до н.э., *Irtizati* в IX в. до н.э.). Если все же придавать значение этим случаям, а также более редким, где тематический гласный первой части сложного имени вообще не отражен (см. выше), то, быть может, допустимо предположение, что и до возникновения тенденции к среднеиранскому состоянию безударный конечный гласный первого члена composita иногда подвергался редукции при четком произношении гласных в конце слова, сохранении флексии. Впрочем, основания для этого предположения недостаточны и оно систематически не подкрепляется эламскими и греческими передачами. Ср., однако, раннее и обычное греч. Μιθριδάτης (при редком Μιθραδάτης) с *i* для *a* в *Miϑra* и окончанием -ης для иран. *-a* (*-dāta*, не *-dāt*).

ср. написания для *Xšayāršа* (см. выше), *ipra* и *pir*, *par*, *pur* < *fra-* (см. под *f* > *p*), ср. также акк. *Saparda* при элам. *Išparda* для *Sparda*[5]; либо, наконец, первый из двух начальных согласных отпадает, например *satar-* < *xšaϑra-* (в ряде имен)[6]. Но это в основном относится к иран. *xš-* (передается и через *aḫš-*, *ḫaš*, см. выше), где *x-* отпадает также в эламских передачах, и именно в написаниях для перс. *xšaṣṣa* (= *xšaϑra*): *šá-is-ša-(um)*, *ša-ak-šá-ba-ma-na* < *xšaṣṣapāvan-* (ср. также греч. σατρα- < иран. *xšaϑra-* в ряде слов и имен). В то же время в середине слова во всех бесспорных случаях аккадских и эламских передач *-x-* в группе *-xš-* отражено, некоторые примеры для аккадского см. ниже под *x*; в эламском: *Bagabukša* < *Bagabuxša*, *ak*[*šena*] < *axšaina*; мнение о том, что в именах из ассирийских источников *-s-* может соответствовать иран. *-xš-*, основано на неверных или сомнительных примерах (см. ниже под *s*, *š*).

Внутри слова всегда разъединяются сочетания трех и более согласных: *ʰUvaxštra-* > *U(a)ksatar*, *Umakištar*; *Bāxtri-* > *Bāḫtar* (в большинстве случаев), *Bāḫatar* (XPh, 16), но нередко разъединяются также и сочетания двух согласных (особенно часто, когда одна из них *r*): *Satar-* < *Xšaϑra-* (в именах из надписей Саргона II), *Šiṭirparna* < **Čiϑrafarnah-* (из надписей Асархаддона), ср. *Šitirantaḫmu* (Beh. g.) и *Šitrantaḫma* (Бех., акк., 61, 62) < **Čiϑrantaxma-*, *Agamtanu* («Хроника Набонида — Кира») и *Agamatanu* (Бех.) < *Hagmatāna-* «Экбатаны» (при более точном *Agmadana* в Бех., элам.), *Bagabukišu* < *Bagabuxša-* (Бех.), ср. в документах из ахеменидской Вавилонии: *parrisaj* при обычном *parsaj* < *pārsa-* (Eilers, 1940б, 202), *Arrišittu* < **Aršita-* (греч. 'Αρσίτης), *Mitirriadadu* при обычно более точных передачах для *Miϑradāta-*, *Parrini-*, вариант для *Parna-* < *farna-* (для последних примеров см.: Eilers, 1940a, 78 sq.).

При разъединении групп согласных следующий за ними гласный часто отпадает как в конце, так и в середине слова, ср. в приведенных выше примерах: *U(a)ksatar*, *Umakištar*, *Bāḫ(a)tar*, *Šiṭirparna*,

---

[5] Иногда гласный добавляется и перед, и после первого согласного (см.: Tallqvist, 1918, XXV): *Akkašijaršu* < *Xšayāršā*, но подобные передачи крайне редки; ниже при определении иранской принадлежности имен, известных по ассирийским источникам, эта возможность не учитывается.

[6] Можно заметить, что все три отмеченных способа передачи сравнимы с более поздним, собственно иранским фонетическим развитием (ср. перс. *isfand* < *spanta-*; *farmān* < *framāna-*; *šahr* < *xšaϑra-* и т.д.). Но в рассматриваемый период, к которому относятся ассирийские надписи и документы из ахеменидской Вавилонии, это в целом должно быть отнесено лишь за счет аккадских передач (ср. и в именах II тысячелетия до н.э.: *bi-ri-ja-* < ар. *priya-*, *pa-ra* < *pra-* и т.д.). Определенное исключение может составлять случай с *xš-*, быть может уже произносившимся с ослабленным *x-* или некоторой степенью ассимиляции: *xš* (*š*); ср., впрочем, также *(š)šatar* для *kṣatra-* во II тысячелетии до н.э.

Agamtanu и др.; см. также в *Satarpānu* (VIII в. до н.э.), *Mizdabigin*, с *-bigin* < *bigna-* (в документах из Вавилонии). Выпадение гласного, как указывалось, имеет место и в некоторых других случаях: *Ašpaštatauk* (IX в. до н.э.), *Uarzan*, *Bagdatti* (VIII в. до н.э.) и т.д. (ср. выше).

Помимо протетического гласного (*a-* или *i-*) перед двумя начальными согласными в аккадской передаче иногда и перед одним согласным появляется *a-*, обычно не представленное в иранском (в том числе в соответствующих именах, сохраненных дошедшими древнеиранскими текстами), и наоборот, иранские имена с этимологическим *a-* (представленным и в текстах) иногда теряют его. Но причины этого явления следует все же искать не в особенностях аккадских передач, а в самом иранском. На такие факты указывал уже П. Рост (1897, 73, 74) и позже ряд других авторов. К числу этих примеров относится редкое ассир. *amadāi* (так именно при первом упоминании, под 834 г. до н.э., см.: обел., 121) при многократном *madāi* 'мидяне', 'Мидия'. Но это явление наблюдается и в греческих передачах некоторых иранских этнических имен: Μάρδοι и Ἄμαρδοι, Πάρνοι и Ἄπαρνοι и, по-видимому, некоторых других. Эти этнонимы уже определенно бытовали тогда в ираноязычной среде, откуда и получены греками; по происхождению они также должны быть признаны иранскими; причем основной была форма без *a-*[7]. Такое «неясное» *a-*, очевидно, представлено в известном древнеиранском слове (персидском и мидийском по античным авторам) ἀκινάκης, *acinaces* 'короткий меч' («скифский меч») — иран. **akīnaka-*, по Г. Бэйли, к **kīna-* с суффиксом *-aka-* 'режущее орудие', при согд. *kyn'k* < **kīnaka-* (см.: Bailey, 1955, 69).

Отпадение *a-* надежно засвидетельствовано в передаче др.-перс. *Asagarta-* (Бех., DPe) > вавил. *Sagartu* в VI в. до н.э. (там же) и, очевидно, ассир. *Zikirtu* в VIII в. до н.э. (об отождествлении подробно ниже). Учитывая и греч. Σαγαρτία, Σαγάρτιοι (с VI в. до н.э. и

---

[7] Πάρνοι сравнивают с вед. *Paṇí-* < **Pṛṇi-*, *Párṇaka-*. Этноним Μάρδοι (от *marda-* или *mṛda-*), в древности широко распространенный в Передней Азии и за пределами Ирана, везде следует относить именно к ираноязычным племенам. Когда имеются дополнительные сведения об их этнической принадлежности, мы определенно знаем, что это — иранцы (например, одно из персидских племен). Во всех других случаях есть по крайней мере данные о наличии ираноязычного населения в областях, где жили племена с этим именем (кроме того, иногда известно о существенных этнографических чертах этих мардов, также указывающих на их иранскую принадлежность). В связи с вопросом об этносе древнего населения Прикаспия следует подчеркнуть, что α- в Ἄμαρδοι (засвидетельствовано лишь для племен Северной Мидии и Прикаспия наряду с Μάρδοι) во всяком случае определенно не отрицательная частица.

позже), можно не сомневаться, что в какой-то ираноязычной среде в Западном Иране *Asagarta-*, *Asagartiya-* произносились без *a-*. Др.-иран. **asanga-* 'камень' (др.-перс. *aϑanga-*, авест. *asəngа-*), давшее уже в среднеперсидском *sang*, очевидно, еще в древних западноиранских диалектах могло звучать **sanga-* (ср.: Brandenstein, 1964, 31). Для аккадских передач можно, например, еще указать варианты написания одного и того же иранского имени в вавилонских документах: *Turamana* наряду с *Atrumanu*, *Aturumanu*, *Aturamanu*, очевидно, к *āϑr-*, *ātar-* 'огонь', = *āϑravan-* (?) (см.: Hüsing, 1899, 566; ср.: Scheftelowitz, 1903, 166).

Далее рассматриваются соответствия при передаче иранских звуков аккадскими.

Иран. *ă*, *ā* > акк. *ă*, *ā*. Иран. *ă* передается аккадским *a* в написаниях типа *ba* (*Ar-ta-sa-ri* < **Artasar(a)-*), *bab* (*Par-su-a* < **Parsava-*), *ba-ab* (*Pa-ar-su-a* < **Parsava-*), *ab* (*as-pa-*, *áš-pa-* < *aspa-*), *a-ab* (*A-ar-di-ma-ni-iš* < *Ardimaniš*); иран. *ā* — в написаниях типа *ba* (*áš-pa-ba-ra* < **Aspabāra-*, *A-ma-da-aḭ*, *Ma-da-aḭ*, *Ma-ta-aḭ* < *Māda-*), *ba-ab* (*Ba-ag-da-at-ti* < **Bagadāta-*, *Ba-aḫ-tar* < *Bāxtri*), *ba-a* (*Iš-pa-ba-a-ra* и др. < **Aspabāra-*, *Ú-mi-iz-da-a-tú* < *Vahyazdāta-*, *Ú-ti-ia-a-ru* < *Autiyāra-*), причем лишь эти передачи (типа *ba-a*) применяются в основном для иран. *ā*, но изредка и они употребляются для иран. *ă* (*Da(-a)-ri-ḭa-a-muš* < *Dārayavahuš* в одних надписях Дария I, Ксеркса, Дария II и Артаксеркса II при более верном *Da-(a-)ri-ḭa-muš* — в других).

Иран. *i* > акк. *i*: *Ši-iš-pi-iš* < *Čišpiš*, *Šiṭirparna* < *Čiϑrafarnah-*.

Иран. *u* > акк. *u*: *U-ma* в *Umakištar* < *hUvaxštra-*, *Kam-bu-zi-ḭa* < *Kambūǰiya-*, *Su-ug-da* < *Sugda-*.

Иран. *a* > акк. *i*, *a* > *u*, *i* > *a*, *i* > *u* (*u* > *i*). Такие передачи в ряде случаев представляются вполне закономерными, в некоторых других хотя и не являются закономерными, но все же могут быть объяснены определенными причинами, но в отдельных примерах следует видеть результат простого искажения. Иранские гласные *a* и *i* рядом с *v* в аккадском часто переходят в *u* (см. ниже под *v*). Иногда отмечается передача *i* через *a* рядом с трудными для аккадского согласными (*Šinšaḫris* < *Činčixriš*, Бех.). В ряде имен акк. *i* стоит для иран. *a*. Так, в начале слова перед двумя согласными иран. *a-* воспринималось как протетический гласный и вместо него могли писать *i-* (ср. ассир. *Išpabāra* и *Ispabāra* рядом с *Ašpabara*). Через *i* может передаваться также иран. *a* перед *y*[8] (*Dārayavahuš* >

[8] Иногда считают (Meillet–Benveniste, 1931, и др.), что в древнеперсидском *ay* произносилось как *ei*, *av* — как *ov*; по В. Бранденштайну (1964, 28), *ē* и *ō* в этих сочетаниях — фонетические варианты *ā*. Это не меняет дела при определении иранских соответствий аккадским написаниям. Указанное мнение, однако, не представляется обязательным. Материалы самого персидского ничего не дают для его обос-

Da-(a-)ri-ia(-a)-muš, *Da-ri-'-ia-muš*, *Xšayāršā* > *Aḫšiiaršu*, *Akšiiaršu*). В группе примеров акк. *i* < иран. *a* рядом с *r* (см. ниже); в некоторых случаях *i* < *a*, возможно, под влиянием *i* (в том числе для *a*) соседнего слога, как в *Urimizdā* < *Ahuramazdā-*, впрочем, в последнем случае допускают отражение иранского произношения в говорах или диалектах, — по В. Эйлерсу (1936, 170), аккадские написания имени Ахурамазды в Бехистунской надписи *Urimizda* (но там кроме *Uramizda* еще и *Uramazda*) и *-muzdu* у Артаксеркса II сравнимы с более поздними иранскими формами *Hormizd* и *Hormuzd*; ср. также *Mizdabigin* в вавилонских документах, очевидно, из **Mazdābigna-* (ср. *Bagābigna-* в Бех.). Но для этого времени (VI–V вв. до н.э.) представляется возможным и здесь видеть прежде всего лишь результат аккадской передачи[9] (или также иноязычного, но не иранского развития), как и в случае с *pitr-* для иран. *puθr-* в **vāspuθra-* > вавил. *umasupitrū* и *umaspitrū*[10]. Как уже указывалось, в таких примерах, как *Mitri-* для *Miθra-* в *Miθradāta*, *Uri-* для *Ahura-* в *Ahuramazdā-* (ср. еще *ú-'-is-pi-da-a-'-i* для *vispadahyu-* в ХРа и т.д.), *i* < *a*, быть может, имеет особые причины (см. примеч. на с. 84). Но *u* < *a* в *uma*, *umu* в *Aḫurumazdu* и *Aḫurumuzdu* прежде всего обусловлено соседством с губным (*m*). Очевидно, по той же причине при разъединении иран. *sp* в упомянутом *umasupitrū* появляется именно *u* (*su-p*^{0})[11], а не *a* или *i*, как обычно в таких случаях.

нования. К написаниям же древнеиранских имен и слов в других языках нужно подходить с большой осторожностью, так как многое здесь следует относить за счет передач и акустического восприятия в иноязычной среде. Так, обычно привлекаемое в этой связи греч. Δαρεῖος (*Dārayavahuš*), безусловно, очень сильное упрощение против своего иранского праобраза (явно не **Dārēyōš*, по Бранденштайну — **Dareyavōš*); об этом ср. подробно ниже, под *ai*, *au*. Что же касается аккадского, то передачи именно *a* перед *y* через *i* и перед *v* через *u* были вполне закономерными, что подтверждается и следующими примерами: *u* может появляться не только вместо *a*, но и вместо *i* перед *u* и, что особенно показательно, даже перед начальным *v-* (*Uma-* < *Va-* и т.д.); *u* заменяет *a* иногда и перед другими лабиальными (определенно *m* и, очевидно, *p*, но нельзя предполагать в произношении иран. *oma* и *opa*); обычно *u* влияет на предыдущий гласный аккадской передачи, но иногда *u* стоит вместо *a* и после *v*, далее ср. под *v* (там же см. примеры).

[9] Ср. все три варианта, *Uramazda*, *Uramizda* и *Urimizda*, в одной надписи (Бех.). Вряд ли можно предположить, что писец в каждом случае следовал различному иранскому произношению.

[10] См.: Eilers, 1962. Автор и это пытается связать с иранским развитием, он указывает на диалектное *pīr* < *puhr*, но, отмечая, что это слишком позднее явление, предлагает и иную возможность: эпентезу в *puθriya-* или *puθri-* > **puiθr*^{0}, что, однако, еще менее вероятно.

[11] И здесь *u* во всяком случае не для *ō*, как у В. Эйлерса (1962, 59): *vās(ō)piθr*^{0}; тогда уж скорее **vāsapuθra-* с тематизацией *vis-*; ср. *Aḫurumazdā* (наряду с *Aḫurmazdā*, а также *Uramizdā* и пр. — все в ахеменидских текстах), где отражено не *Ahurō-*, а *Ahuramazdā-*.

Иран. *ai, aya, ahya* и др. > акк. *ī, ē*. Дифтонги, сочетания гласных с *y, v* и *h* сильно упрощаются и могут передаваться одним гласным (примеры для *ai* > *ī, ē* см. также: Tallqvist, 1918, XXIV): **Xšaita- > Aḫ-še-ti-', Vāyaspāra- > Mi-is-pa-ru-', Vahyazdāta- > U-mi-iz-da-a-tu, *Artaraiva- > Ar-ta-ri-mu* (наряду с *Ar-ta-ri-e-mu*, в документах из Вавилонии), ср. также *Xšayāršā > Ak-ši-ar-šu, Ak-šu-ar-šu; Haraiva > A-ri-e-mu* и т.д.

Иран. *au, ahu, ava* и др. (ср. под *v*) > акк. *ū*. *Gaumāta- > Gu-ma-a-tu; Autiyāra- > Ú-ti-ia-a-ri* и многие другие.

Широко распространено мнение, что уже в VI–V вв. до н.э. в западноиранских языках дифтонги *ai, au* могли произноситься как *ē, ō*, а клинописные передачи *ī*(*ē*), *ū* отражают иран. *ē, ō*, а не *ai, au*. Считают, что и в этом случае (ср. выше об отпадении конечных гласных) действительное развитие языка далеко ушло от стадии, отраженной в письменной фиксации древнеперсидского. Это мнение также основано на передачах иранских имен и слов в иноязычных источниках, в том числе аккадских. Об этом писали В. Эйлерс (1936, 170–172, с указанием предшествующей литературы), И.М. Дьяконов (1956, 369, 370) и ряд других авторов. Данное положение последовательно проводится и аргументируется В. Бранденштайном в его руководстве по древнеперсидскому (1964, 8, 14, 17, 28–31). Рассмотрим подробнее, насколько обоснованной является эта теория и ее обоснование на материалах аккадских передач. При этом представляется необходимым исходить из всей системы отражения указанных фонетических групп в аккадских написаниях, а не из отдельных примеров.

Прежде всего следует отметить некоторые противоречия в аргументации этого положения. Помимо монофтонгизации *ai* > *ē*, *au* > *ō* произношение *ō* предполагают и для *ahu* с предшествующим падением *h* перед *u* в древнеперсидском, как считает В. Бранденштайн (1964, 29, 42). И.М. Дьяконов также допускает переход *ahu* > *ō*, но примеры для него называет «менее ясными»; в случаи на стяжение в *ē* он включает и *aya: Xšayārša* > элам. *Ikšerša* и т.д. По В. Бранденштайну, *aya* произносилось как *eya* и *ava* — как *ova*; причем он указывает и на «*Kšerkša*», в другом месте рассматривая то же элам. *ē* как свидетельство о переходе *ai* > *ē* (*tenim* < **dainiš*). Существует также мнение, что не только *aya*, но и *ahya* могло дать *ē*, *ava* — *ō*. Так, В. Эйлерс допускает, что акк. *Misparu, Umizdātu* отражают не *Vāyaspara-* и *Vahyazdāta-*, а **Vēspar, *Vēzdāt* реального произношения.

В монофтонгизации дифтонгов в персидском уже в конце VI в. до н.э. ряд авторов видит одно из доказательств теории о существовании древнеперсидской письменности задолго до Дария I,

считая, что она отражает более древнее состояние языка. В связи с этим, в частности, упомянутые данные и приводятся у И.М. Дьяконова. В. Бранденштайн следует иному мнению — о введении древнеперсидской письменности при Дарии I, что представляется теперь вполне определенным (см. подробно у М.А. Дандамаева, 1963, 32–60). Но тем самым В. Бранденштайн (1964, 29) по существу признает соответствие «древнеперсидской орфографии» языковой «традиции более древнего времени», которой следуют и некоторые эламские написания, не отражающие монофтонгизации, в то время как остальные эламские и другие иноязычные передачи восходят к реальному персидскому произношению. Тогда придется вслед за рядом авторов допустить для персидского того времени две языковые нормы — возвышенного традиционного стиля и «обыденных» или «народных» говоров, приближавшихся к среднеиранскому состоянию. Но подобное допущение ставит и другие трудности в интерпретации иноязычных передач (ср. выше о конечных гласных).

В. Бранденштайн пишет, что в отличие от персидского в других диалектах монофтонгизация не зашла так далеко, приводя в качестве примера название оз. Урмия у Страбона: Καπαῦτα «синее»; ср. др.-перс. *kapautaka*, ср.-перс. *kapōt* и т.д. 'синий'. Следует отметить, что оба соответствующих отрывка из Страбона (XI.13, 2 и 14, 8) определенно восходят к информации, полученной в послеахеменидский период. Подразумевая, что *ahura-* произносилось с *ahu-* в мидийском, В. Бранденштайн возводит к нему акк. *aḫuru-* в противоположность акк. *ura-* из перс. **ōra*. Но он сам следует обычному мнению о том, что традиция вавилонских переводчиков развивалась на мидийской языковой основе и вавилонские написания иранских слов отражают особенности мидийского диалекта. Можно, конечно, предполагать, что в аккадских версиях ахеменидских надписей случайно проскочило *ura* < перс. **ōra-*. Но ведь в этих версиях и, что особенно показательно, в вавилонских документах *регулярны* передачи *ī* для *ai*, *aya* и т.д. и *u* для *au* и т.д., причем *постоянно* и в словах с обычным для вавилонского отражением «северо-западных» диалектных норм: *sp*, *z*, *s*, *tr* < *θr* и т.д. (и наоборот, в эламском, например, всегда отражено *au* и в словах с отличительными «юго-западными» чертами — примеры ниже). Уже поэтому естественнее относить акк. *ura-* для *ahura-* к тому же «северо-западному» диалекту, которому следует и написание *aḫuru-*. Выше были рассмотрены все случаи написания имени Ахурамазды в аккадских версиях ахеменидских надписей. Помимо *ura* или *aḫuru* для иран. *ahura-* они имеют и другие различия, которые не могут быть объяснены ни

особенностями иранского развития, ни диалектными вариантами, но прежде всего являются результатом различных возможностей аккадских передач.

Независимо от того, как на самом деле произносились древнеиранские дифтонги в VI–V вв. до н.э., вавилонские передачи никак не подтверждают указанное мнение, так как акк. *ī(ē)* и *ū* могли закономерно передавать иран. *ai*, *au* и ряд более сложных групп. Эти передачи прослеживаются и в некоторых достаточно определенных случаях в IX–VII вв. до н.э. Поэтому, как и для отпадения конечных гласных, пришлось бы предположить, что развитие явлений, характерных для среднеиранской языковой стадии, началось уже с IX–VIII вв. до н.э. (между тем во всяком случае в отдельных западноиранских диалектах дифтонги не стянулись еще по крайней мере в III в. до н.э., ср. выше о Καπαῦτα).

Тот факт, что еще не перешедшие в *ē*, *ō* иранские дифтонги *ai*, *au*, а также *aya*, *ahu* и т.д. передавались через акк. *ī(ē)*, *ū*, доказывается последовательным рассмотрением серии аккадских передач.

Допустим, что иран. *au* или даже *ahu* произносилось как *ō*, передаваемое через акк. *ū*. Но подобное предположение уже невозможно для передачи иран. *-av-*, *-ava-* > акк. *ū*. Нельзя говорить о переходе в самом иранском *-av-*, *-ava-* в *ō*. Ср. ассир. *-tua* < *-tava(h)*, что могло произноситься на рубеже среднеиранской эпохи как *-tav*, но не *-tō*; также **Parsava-* (> ассир. *Parsua*) произносилось бы **Parsav* (ср. *pahlav* < **parθava-*), а не **Parsō*. *Partū* 'Парфия' в вавилонских версиях отражает, безусловно, иран. *Parθava-* (или в крайнем случае **Parθav*), но не **Parθō*. Иранское *v* передавалось в аккадском как *u* или *m*; в первом случае для *-av-* и писалось *u*, поэтому передача *au* > *ū* столь же естественна, как и *-av-*, *-ava-* > *ū*. То, что иран. *-av-*, *-ava-* произносились в VI–V (как и в IX–VII) вв. до н.э. именно так, а акк. *ū* — лишь графический вариант передачи, ясно и из сравнения с теми примерами, где иран. *v* воспроизводится как *m*: *Parumartiš* < *Fravartiš* и др.; равнозначные варианты *Parsamaš* и *Parsumaš* наряду с *Parsua* в ассирийских источниках IX–VII вв. до н.э. (в том числе одного времени для одной и той же страны) определенно указывают на иран. *Parsava-*, как вавил. *Partū* (VI–V вв. до н.э.) — на иран. *Parθava-*; ср. элам. *Partuma(š)* и т.д. (ср. ниже под *v*).

Таким образом, написания с акк. *u*, *ua* для иран. *av*, *ava* определенно отражают не собственно иранское развитие, а лишь особенности аккадской передачи. Тем же прежде всего объясняется и написание *u* для *ahu* в *A^{h}uramazdā-*, *Dārayava^{h}uš* и др. Во-первых, выпадение *h* перед *u* в древнеперсидском отнюдь не доказано,

и соответствующие факты трактуются и иначе (см., например, Meillet–Benveniste, 1931, 79). *Au* для *ahu*, скорее всего, результат особенностей (или несовершенства) древнеперсидской графики — знак h^u отсутствовал, как и знаки слогов с *u* у ряда других согласных, а h^a перед *u* писать избегали (но это правило, очевидно, нарушено в $v^ah^auk^a$ к *vahu + ka*)[12]. При этом, быть может, *h* перед *u* было ослаблено, но не исчезало; во всяком случае кажется вполне оправданной транскрипция a^hu. Падение *h* перед *u* не подтверждается и данными последующего персидского развития, и именно в словах, на иноязычных передачах которых основано это положение. Правда, *h* в *ahura-* заняло в среднеперсидском положение после *au* > *ō*: *Ōhrmazd* (но засвидетельствовано в нем и в начале слова: *Hōrmazd*, ср.- и н.-перс. *Hōrmizd*). Но это, естественно, не подкрепляет мнения об исчезновении *h*, а напротив, свидетельствует о его сохранении в a^hu, затем **auh* > *ōh* (но не **au* > **ō*). *Vahu-*, где подобного перехода не было, дало ср.-перс. *vah* (н.-перс. *bah-*), а в первой части сложных слов *vahu-*, ср. *Vahuman* > н.-перс. *Bahman*. Именно для Персиды послеахеменидского времени засвидетельствовано имя ее правителя **Vahubarz*, арам. *wḥwbrz* на монетах (в серии III–II вв. до н.э.); имя того же лица в греческой передаче Ὀβορζος (ср. ниже, с. 211) с о- для иран. *vahu-*. Также в ахеменидское время в греч. Ὠμίσης, Ὦχος для Va^humisa, *Vah(a)uka w-* передает va^hu-. Следует заметить, что если даже исходить из **Vō(h)burz*, **Vōmisa-*, **Vō(h)k(a)-*, то и тогда греч. о-, ω- стоят не для иран. *ō*, а для *vō*; это еще раз подтверждает очевидный факт (ср. выше), что -о- в Δαρεῖος (и Δαρειαῖος) передает не иран. *-ō-*, а ava^hu или по крайней мере *avō*. Но и в последнем случае (не представляющемся нам вероятным) -о- отражает группу, более сложную, чем элемент *-au-*.

На произношение Va^humisa, *Vah(a)uka* указывают, однако, не только древнеперсидское написание и последующее персидское фонетическое развитие, но и иноязычные передачи (элам. *Ma-u-mi-iš-ša* и др., ср. ниже об акк. *Umakuš*). Равным образом $Dārayava^huš$ и произносилось в персидском VI–V вв. до н.э. не с *ō*, а с a^hu и, очевидно, с *h* (или по крайней мере с его рефлексом) как в род. пад. ед. ч.: *-vahauš*, так и в им. пад.: $-va^huš$ и вин. пад.: $-va^hum$ (вообще имя склоняется как обычные основы на *u-*); ср. также имя Дария в эламских версиях и документах из Персеполя: *Da-ri-ia-ma-*

---

[12] Объяснения формы **Vahauka-* натянуты; во всяком случае она гораздо менее вероятна, чем закономерное **Vahuka-*; ср. также др.-инд. *vasuka-* (и *vāsuka-*, *Vāsukī*), представленное, возможно, уже и в переднеазиатском арийском (см.: Hauschild, 1962, 25, с *Vahuka-* и для древнеперсидского). Из **Vahuka-* все же проще вывести и иноязычные передачи этого имени: Ὦχος, *Umakuš* и др.

u-iš, т.е. с отражением *aʰu*, а не *ō*. Что касается *aʰu-* в *ahura-*, то в раннеахеменидский период оно вряд ли перешло в **auh-* и тем более в *ōh-*. Но независимо от этого в акк. *u-* имени Ахурамазды в вавилонских версиях можно видеть лишь передачу иран. *ahu-*, как уже указывалось выше; отметим еще, что написания с акк. *ur-* встречаются лишь в двух надписях Дария I (Бех., DPg), а в других надписях Дария и его преемников — *aḫur-* (см. выше). Таким образом, как раз для более поздних текстов характерно *aḫu-* < иран. *ahu-*. А более ранние написания с акк. *u-* (наряду с *aḫu-*) отражают лишь закономерную графическую возможность[13].

Два варианта в передаче иран. *ahu*, *aḫu* и *u* (как и в *-muš* < *-vaʰuš* в имени Дария) вполне аналогичны столь же закономерным вариантам для иран. *ava* > акк. *u(a)* и *ama*, *uma*. Иран. *h* в аккадском либо воспринималось и передавалось как *ḫ* (см. ниже под *h* > *ḫ*), либо не отражалось (см. под *h* > ø, в том числе перед *-a-*, *-y-* и т.д., где произношение *h* бесспорно). В первом случае и пишется *aḫu* < *ahu* (как *ama*, *uma* < *ava*), а во втором — *u* < *ahu* (как *u(a)* < *ava*).

О том, что *aʰu* не произносилось как *ō* (а акк. *u* является лишь результатом восприятия и передачи), свидетельствует и еще один вариант передачи *aʰu* — через *a* (ср. ниже об *ai* > *a*): акк. *Umakuš* < *Vah(a)uka-* в ахеменидское время, ассир. *Makirtu* рядом с *Uakirtu* < **Vahukṛta-* и некоторые другие (см. ниже).

Аналогичные группы примеров могут быть приведены и для *ī*, *ē* аккадских передач. Также допустим сначала, что иран. *ai* произносилось как *ē*, для которого и писалось акк. *ī*, *ē*. Но это уже маловероятно в передачах иран. *aya* и тем более *ayā* и невозможно для *ahya*; в последнем случае *h*, безусловно, произносилось, а также всегда писалось в древнеперсидском; ср. *dahyāuš*, *dahyauvā*, *vahyah-* (сохраняясь и в среднеперсидском, ср. соответственно *dēh*, *vēh*). Передачу акк. *ī* для иран. *ahya* следует рассматривать так: *h* опущено, а *aḭa* передано через *ī*. Реальное произношение *ahya* (не *ēh*) подтверждается и эламским; ср. *dahyāuš*: *da-a-ḭa-ú-iš*, *da-a-u-iš* и др., *dahyāvam*: *da-a-ḭa-ma* и др. (ср. PTT, 42).

Также акк. *ī* для иран. *ayā*, *aya* по крайней мере в большинстве случаев передает реальное *aya*, *ayā* (а не *ē*). То же произношение большей частью четко отражено в других случаях в вавилонских версиях тех же надписей, где встречается *ī* для *aya*. Так, в Бехистунской надписи при акк. *Mīsparū* < *Vāyaspara-* и *Umizdātu* < *Vahyazdāta-* в других случаях определенно отражается произношение

---

[13] Но в той же Бехистунской надписи, например, для *P(a)išiyaʰuvādā-* пишется акк. *Pišiḫumadu*, что также противоречит мнению о выпадении *h* перед *u* и отражении этого в вавилонском (ср. также ниже под *h* > ø, *h* > *ḫ* о вариантах *ḫu-*, *ḫuma-*, *uma-* в вавилонских документах для иран. *hva-*, *ʰuva-* одного и того же имени и т.д.).

с *-aya-* (как обычно и в эламском: *Maš-da-ja-áš-na* и др.), например, в имени Дария: *Darijamuš* (*i* < *a* перед *y*, см. выше), как и в вавилонских версиях других надписей. Реальное произношение с *-aya-* отражено и там, где *y* между гласными при восприятии уподоблено *w* и передано через *m* (см. ниже под *y*), т.е. *ama* или *ima* для *ayă*; *i* < *aya*, следовательно, лишь вариант наряду с *ija*, *ama*, *ima*. Равным образом др.-перс. *iyă* передается и через *ija*, и через *i*, см. *Pišiḫumadu* < *P(a)išiyă*^{h}*uvādă-* (Бех.), *Artamarzija* (Бех., акк., 73) и (там же, 74) *Artamarzi* (*Artavardiya*).

Поэтому из встречающихся в документах из Вавилонии написаний имени Дария (см. их список: Eilers, 1936, 171) *Da-ri-mu-šu/ša*, *Da-a-ri-muš/mu-uš*, *Da-ri-'-muš*, *Da-ri-'-šu* должны передавать *Dārayava*^{h}*uš*, как и другие, *Da-(a-)ri-ja-muš*, *Da-ri-'-ja-muš*. Также и все передачи имени Ксеркса (ср.: Tallqvist, 1918, 18) отражают произношение *Xšayāršā-*, с *ayā*, как *Ḫi-ši-ar-ši/šu*, *Ḫi-ši-'-ar-ši/ša*[-'], *Ak-ši-ar(-ri)-šu*, так и *Aḫ/Ak-ši-ja-ar-šu/ši/ša*, *Ḫa-ši-i-ar-šu*, *Ḫi-ši-ja-ar-šu*, а также с *m* для *y*: *Aḫ-ši-i-mar-šu*, *Ak-ši-ma-ar-šu*, *Aḫ-šu-mar-šu*.

Таким образом, акк. *ī*, *ē* и *ū* могли передавать *aya*, *ayā*, *ahya* и *av*, *ava*, *a*^{h}*u* реального иранского произношения; их употребление тем более закономерно для передачи дифтонгов *ai*, *au*. Именно последние (а не *ē*, *ō*) и должны отражаться через *ī*(*ē*), *ū* в вавилонских версиях ахеменидских надписей и в большинстве, если не во всех документах из Вавилонии VI–V вв. до н.э. В вавилонских источниках конца нововавилонского и начала ахеменидского периода (цилиндр Набонида из Сиппара, 28–33, «Хроника Набонида–Кира», I, 22–II, 4) засвидетельствована передача имени Астиага *Iš-tu-me-gu*; и хотя она сохранилась лишь при описании событий 553–550 гг. до н.э., это, безусловно, обычная в вавилонском форма имени Астиага (правил с 585/584 г. до н.э.); *-mēgu* определенно для иран. **vaiga-* (авест. *vaēga-*, обо всем имени см. ниже). Данная передача первой половины VI в. до н.э. восходит не к персидским диалектам Фарса, а, скорее всего, непосредственно к мидийскому. Можно не сомневаться, что акк. *ē* передает здесь именно *ai* иранского произношения.

Формы иранских имен и слов в других языках, очевидно, также не свидетельствуют о монофтонгизации дифтонгов в западноиранских языках по крайней мере в эпоху Дария I и Ксеркса. В эламских версиях и документах, в которых прежде всего ищут отражение черт «обыденного» языка, для древнеиранского дифтонга *au* (и *āu*), как правило, пишется *-°a-u* и *°am*[14] (т.е. также *av*,

[14] См. *kapautaka-* > элам. *ka$_4$-ba-u-[da-ka]*, *maškāuva* (loc. plur. к *maškā*) > *maš-ka$_4$-um-ma*, *kam* в *kam-bar-ma* < *Gaubaruva-*, *kam-ma-ad-da* < *Gaumāta-*, *kam-ba-ti-ja-* < **gaupati* также отражает произношение *au* (ср.: Cameron, PTT, 74, 92), **dauṣṣa-* > *da-u-ša(-um)* (PTT, 6, 7,

au), что достаточно определенно указывает на дифтонгическое произношение *au* в иранских диалектах Фарса конца VI — первой половины V в. до н.э. Между тем монофтонгизация *au* и *ai*, очевидно, происходила одновременно. Уже поэтому в тех редких случаях, где в эламских текстах *ai* передается через *e*, следует видеть лишь результат эламской передачи, а не адекватное воспроизведение иранского произношения. Как и акк. *ē*, *ī*, *e* и *i* эламской графики могли закономерно отражать дифтонг *ai*, ибо они передавали и группы *ayă*, *ahya*. Имя Ксеркса, как уже отмечалось, произносилось в иранском с *ayā* (в крайнем случае с **eyā*, что в данном случае не имеет значения), это ясно и из большинства вавилонских написаний (в том числе в документах). Поэтому обычный эламский пример на «монофтонгизацию» в персидском, *Ik-še-ir(-iš)-ša* 'Ксеркс', бьет мимо цели и даже может служить аргументом против нее. Для иран. *-ahya-* ср. элам. *Mi-iš-da-ad-da* < *Vahyazdāta-* (Бех.), *Mi-iš-ka₄-ma* < *Vahyaskāma-* (PTT, 108; Benveniste, 1958, 55). О том, что элам. *ē* действительно является лишь вариантом отражения иран. *ai* (а не *ē*), свидетельствует и передача этого дифтонга через элам. *ā*, ср. *daiva-* > *da-a-ma*, где нельзя говорить о произношении *ē*; здесь дифтонг *ai* воспринят как *a*. Другие примеры на *ai* > элам. *ā* см. у В. Эйлерса (1962, 62), приводящего их в связи с передачей иран. *āi* > элам. *ā*, что иногда встречалось и в вавилонском, ср. выше об *umas-* < *vā(i)s-* в **vā(i)spuθra-*.

Таким образом, передачи элам. *ā* и *ē* < др.-иран. *ai* — лишь варианты отражения *ai* иранского произношения, а *au* и *am* (здесь по существу лишь графическое различие) определенно передают иранский дифтонг *au*.

Что касается нескольких греческих передач отдельных иранских имен, также привлекаемых для обоснования мнения о раннем стяжении дифтонгов в западноиранских диалектах, то они вообще не дают оснований для сколько-нибудь определенных выводов. Обычно указывают на Γωβρύης < *Gaubaruva-* и 'Ωρομάζης 'Ахурамазда'. Но уже обоснованно указывалось (см.: Meillet–Benveniste, 1931, 58), что ранние греческие написания иранских имен с ω — Γωβρύης и **Γωμήτης (Gometes Юстина) < *Gaumāta-* — отражают иранское произношение с дифтонгом (а не *ō*), как в передачах тех же имен с акк. *gu-* и элам. *kam-* [также и М.А. Дандамаев (1963, 127) считает, что греч. ω в этих именах передавало перс. дифтонг *au*].

Из приводившихся выше других примеров следует, что ω, о греческих написаний могут соответствовать *Vaʰu*, *vah(a)u*, *avaʰu* (или

92); *Mi-ra-ia-u-da* и *la-u-da-mi-ra* соответственно для **Vīrayauda-* и **Yaudavīra-* (Benveniste, 1958, 53), топоним *Ra-u-du-ma-ti-iš*, к *rauta-* (PTT, 188; Eilers, 1954, 276).

по крайней мере *avō*) реального иранского произношения в конце VI — первой половине V в. до н.э. и даже много позже (*vahu-* в именах поздне- и послеахеменидского периода). Греч. 'Ωρομάζης равным образом может соответствовать иранскому произношению *A^{h}uramazdā-*, если оно проникло в греческий в раннее время; позже впервые засвидетельствована в известных античных источниках форма Αὐρομάσδης, причем обе восходят к древнеиранскому произношению с конечными гласными, а не к ср.-иран. *Ōhrmazd* (ср. еще греч. 'Ορμίσδας, сасанидского времени, к *Hōrmizd*).

Иран. *ṛ* (авест. *ərə*) > акк. *ir, ar, ur, iri, uru, ara* и, возможно, другие сочетания с *r* (*ra* и др.). Наиболее часто встречаются передачи *ir* и *ar* : *irta-* < *ṛta-* в некоторых именах, *-ki-ir-tu* (*Makirtu, Uakirtu*) < *-kṛta* и др.; *arta-* < *ṛta-* в ряде имен (приведенные примеры ассирийской эпохи; для вавилонского в ахеменидский период см. ниже).

Иногда считают, что *arta-* передавало иран. *arta-*, а *irta-* — *ṛta-*. Г. Хюзинг (1930, 252 и сл.) даже определяет начальное *ar* как «персидское», *ir* — как «мидийское», относя на этом основании то или иное имя к соответствующему иранскому диалекту. Но такое определение безусловно неприемлемо.

В настоящее время (Meillet–Benveniste, 1931, 52, 53; Hoffmann, 1958, 5; Brandenstein, 1964, 28, 32, 33 и др.) принято считать, что в древнеперсидском VI–V вв. до н.э. в произношении различалось *ṛ* от *ar* и *ra*, что, однако, не находило отражения в древнеперсидской графике, где для *ṛ* в начале слова писалось *a-r^{a}*, что могло читаться и как *ar* (и *ār*), *ara*, а в середине слова — ^{a}, с возможными чтениями *ar, ara, ra*.

Как показал уже Х. Хюбшман (Hübschmann, 1898, 165–175), новоперсидский в основном следует за языком, различавшим *ar* и *ṛ*. Последнее обычно дает в новоперсидском после лабиальных *ur-* (*purs-, buland, gurg* < *vṛka-*), после других согласных *ir* (*dil, kirm*), перед *š* соответственно *u* и *i* (*pušt, gušn* < *vṛšna-* и др.). В то же время древнее *ar* отражается в персидском как *ar*, но иногда, однако, и в персидском *ar* на месте *ṛ* (*kard* < *kṛta-* при *-gird, barz* и *bālā* при *burz* и *buland*, ср. ниже), как довольно часто и в среднеперсидском (то же *kart, bālāδ* и другие с *bāl-* при *buland* и *burz, marv* при *murv*, соответствующем перс. *muryˀ*). В армянских заимствованиях из иранского после гуттуральных и дентальных для др.-иран. *ṛ* обычно *er* (как перс. *ir*) — *kerp, kert*, но после лабиальных стоит *ar* (перед *š* также *a*) — *marg, barš* и *baš* (ср. перс. *buš* 'грива'), *vard*. Но иногда после лабиальных, как и в персидском, *u(r)* — арм. *paštban* и *p'uštipan* (ср. перс. *puštībān*), что объясняется заимствованиями из различных иранских диалектов. В начале слова *ṛ* в иранском уже очень рано, очевидно, могло произноситься как *ar-* наряду с *ṛ-*, ср. авест.

aršti- 'копье', ср.-перс. *aršt*, арм. *ašteay* и **r̥šti-*, ср. др.-инд. *r̥ṣṭí-*, элам. *ir-iš-ti-* < *r̥šti-* (см. ниже), перс. *xišt* (древнеперсидское написание с *a-r*^{a} может отражать *aršti-* и *r̥šti-* произношения), авест. *aršа-* 'медведь', ср.-перс. *(x)ars* и *r̥ša*, ср. др.-инд. *r̥kṣa-*, перс. *xirs*. В более поздний период, очевидно, и из еще сохранявшегося ранее *r̥-* развивается *ar-* (за исключением случаев, где появляется добавочное *x-*, как в *xišt*, *xirs*).

На существование *r̥* в древнеперсидском или его диалектах указывают передачи эламских версий ахеменидских надписей, обычно дающие *ir* (или *ur*) вместо *ar* именно в тех слогах, которые могут быть возведены к *r̥*: *Irtakšašša* < *R̥taxšaṣṣa-*, *Irdumartiia* < *R̥tavardiya-*, *Iriš-ti-man-ka*$_4$ < * *R̥štivaiga-* (PTT, 66, элам. *man* здесь определенно для *vai*, ср. PTT, 42, 75 и др.), *Birtiia* < *Br̥diya-*, *Mirkanu* < *Vr̥kana-*. Наряду с *ir* иран. *r̥* передается и элам. *ur*: *kurtaš* < *gr̥da* и др., *ur* здесь стоит не после лабиальных и, следовательно, отражает не иранское произношение *ur* < *r̥*, а *r̥*. В тех же случаях, когда древнеперсидский имеет *ar*, не восходящее к *r̥*, в эламском также пишется *ar*: *Mindaparna* < *Vi*^{n}*dafarnah-*, *Išparda* < *Sparda-*.

В то же время в вавилонских источниках, следующих, как обычно считают, «мидийскому» произношению при передаче иранских имен и слов, для нормализованного др.-иран. *r̥* стоит *ar* и в том числе там, где в эламском *ir* (или *ur*): *Artakšatsu*, *Artamarziia*, *Barziia*, *gardu* (элам. *kurtaš*). В *Barziia*, например, имеем *ar* рядом с «северо-западным» *z*, а в элам. *Birtiia ir* (для *r̥*) — с «юго-западным» *d* (др.-перс. *Br̥diya-* или *Bardiya-*). В ассирийских текстах для *br̥z/br̥d-* встречаются написания *barz-* (IX и VIII вв. до н.э.), *biriz-* (VII в. до н.э.), *burd-* (VIII и VII вв. до н.э.), из которых по крайней мере два последних восходят к *r̥*, в первых двух отражено «северо-западное» *z*, в третьем — «юго-западное» *d* (о соответствующих именах см. подробно ниже); то же в средне- и новоперсидском: к формам с *r̥* восходят *burz* и *buland* < **br̥dant-*, к формам с *ar* — ср.-перс. *bālāδ* и другие слова с *bāl-* < **br̥d*, н.-перс. *bālā*, *barz*. Поэтому, если и видеть в подобных случаях следы различных (в отражении *r̥*) диалектов и говоров, то следует безусловно отказаться от их различения как «мидийских» и «персидских».

Для IX–VII вв. до н.э. написания *ir* и *ar* в ассирийских источниках следует, скорее всего, рассматривать лишь как две одинаково полноправные передачи иран. *r̥*. По крайней мере в начале слова *ar* может закономерно передавать *r̥*. В клинописных источниках II тысячелетия до н.э. арийское *r̥* передается через *ar-*, *ir(i)*, *ur(u)* (см.: Mironov, 1933; Mayrhofer, 1959; 1961; Hauschild, 1962), причем для *r̥ta-* в начале имени всегда пишется *Arta-* (*Artatama*, *Artamaniа*). Эти различия в передаче *r̥*, очевидно, не следст-

вие того или иного произношения *r* в арийской среде, а результат восприятия этого звука и его передачи в клинописи переднеазиатскими писцами (ср.: Hauschild, 1962, 33).

Также в ассирийских текстах I тысячелетия до н.э. помимо наиболее частых передач иран. *r* через *ir*, *ar*, *ur* (см. ниже о *Burdada/i*, *Durdukka*, ср. выше об элам. *ur* < *r*) встречаются *iri* (*bi-ri-iz-ḫa-at-ri* < **Bərəzi-xᵛāϑra-*, ср.: Scheftelovitz, 1902, 276; Tallqvist, 1918, 64), *ara-* и, возможно, др.

В связи со сказанным выше следует обратить особое внимание на постоянное отражение в вавилонском ахеменидского периода др.-иран. *r* через *ar*. А это, в свою очередь, вызывает некоторые сомнения в связи с принятым теперь мнением, что в древнеперсидском *r* и *ar* не различались лишь в графике. Оно исходит из того обстоятельства, что эламские передачи и данные средне- и новоперсидского указывают на сохранение в древнеперсидском арийского *r*. Но можно поставить вопрос и иначе: соглашаясь с безусловным существованием *r* или его рефлексов, отличных от *ar*, в ряде или большинстве древнеперсидских диалектов, не исключать тем самым возможности, что древнеперсидский надписей и в произношении не различал *r* и *ar*. Если многие слова в средне- и новоперсидском (и в новоиранских диалектах), а также в армянских заимствованиях восходят к говорам, отличавшим *r* от *ar*, то другие слова в тех же языках свидетельствуют и о существовании западноиранских говоров, в которых *r* рано совпало с *ar*. Один из них и мог лечь в основу древнеперсидского надписей. По мнению К.Г. Гоффмана (1958, 5), развиваемому В. Бранденштайном (1964, 33), в древнеперсидском *r* первоначально получило гласное приращение (*ər* или *ᵃr*) с произношением *ᵃrta-*, *ᵃršti-*. Но это мнение по существу чисто предположительное; в то же время не ясно, что мы выигрываем, приняв его, при толковании неадекватного отражения *r* в персидском. Данные последнего будут непонятны, если допустить древнеперсидское произношение *ᵃr* (< *r*) во всех положениях. Если же считать, что *ᵃr* звучало лишь в анлауте и, уподобив его *ar*, стали писать *ar* для *r* (или *ər*) и в середине слова (ср. у В. Бранденштайна), то к этому *r* и будут восходить *-ir-*, *-ur-* персидского, а *-ar-*, соответствующее *r*, останется необъясненным. Не лучше ли допустить, что древнеперсидский надписей и в произношении имел *ar* для *r* ряда других древних диалектов. В. Бранденштайн считает, что др.-перс. *aršti-* имело *r-*, но наряду с др.-инд. *ṛṣṭí-* и др.-иран. **r̥šti-*, отраженном в эламском и персидском, имеются авест. *aršti-* (а не *ərə-*, **r-*) и формы других языков с *ar-* (см. выше). Правда, здесь, в начале слова, возможно и более позднее развитие существовавшего еще в ахе-

менидский период *ṛ* или *ᵃr-* в *ar-*. Иначе обстоит дело с др.-перс. *kartam*, по В. Бранденштайну произносившимся как *kṛtam* по аналогии с древнеиндийским и авестийским, но позднейшее перс. *kart*, *kard* по сравнению с *-gird* и арм. *kert* (из *kṛta-*) представляет иное развитие и должно восходить к *karta-*. Не ясно также, почему нужно обязательно читать *Bardiya* как *Bṛdiya* (как у М. Майрхофера по эламской передаче, см.: Brandenstein, 1964, 110), если средне- и новоперсидский имеют формы, восходящие к **barz-/bard-*, не менее часто, чем отражающие **bṛz-/bṛd-*, как об этом уже говорилось, ср. также упоминавшееся выше персидское имя III–II вв. до н.э. **Vahubarz* при *-bṛz* или уже *-burz* по греческой передаче. На то, что какие-то древнеперсидские говоры имели для *ṛ* *ar*, может указывать и греч. Καρμανία (др.-перс. *Karmāna-*); *-αρ-* здесь, очевидно, не для *ṛ* и определенно не для *-ir-*, как в **Kṛmāna-* > *Kirmān* (то же у Геродота — Γερμάνιοι 'кармании').

Вернемся к вавилонскому. Передачу *ṛ* аккадским *ar* как регулярную можно допустить лишь в анлауте. Но в середине слова почти всегда стоит *ir(i)* или *ur(u)*, что вполне соответствует акустическому впечатлению, которое могло производить *ṛ* в этом положении. Передача через *-ar-* крайне редка и здесь ее вообще трудно признать закономерной. Если вавилонские писцы следовали бы в каждом случае непосредственному восприятию иранской речи с *-ṛ-* или тем более уже с *-ir-*, *-ur-*, мы, безусловно, имели бы примеры подобных передач. Между тем в вавилонских версиях и документах VI–V вв. до н.э. постоянно встречается *ar* для предполагаемого *ṛ*. Возможны лишь два объяснения этого феномена: либо вавилонские написания всегда основываются на иранском произношении с *ar* (или по крайней мере с *ᵃr* во всех положениях), соответствующим *ṛ*, либо писцы следовали выработанной традиции передачи иран. *ṛ* через *ar*, но тогда эта традиция безусловно основывалась (ср. регулярное отражение в вавилонском «северозападных» черт) на каком-то говоре или диалекте с теми же особенностями в отражении *ṛ*. Таким образом, обе возможности предполагают, что уже по крайней мере в VI в. до н.э. имелись западноиранские говоры (или диалекты), в которых *ṛ* совпадало с древним *ar*. Что касается древнеперсидского надписей, то нет существенных оснований исключить его из числа таких говоров, тем более что они определенно должны существовать и среди персидских диалектов.

Иран. *k* > акк. *k*: ассир. *-kirtu* < *-kṛta* (см. выше), *Išpakai* < *(A)Spaka-*, вавил. *Kambuziia* < *Kaᵐbūǰiya-*.

Иран. *k* > акк. *g*: **Škuδa-* > *ašguzai*, *asguzai* наряду с *iškuzai*, *Zrᵃnka-* > *Zaranga*, ср. ниже под *g* > *k*.

Иран. *k* — акк. *ḫ*. В то время как иран. *x* часто передается аккадским *k* (см. ниже), иран. *k* также могло соответствовать акк. *ḫ*: иран. *Kᵐpᵈda* — акк. *Ḫamban(u)* (также греч. χ иногда передавало иран. *k*, ср.: Zgusta, 1955, 218).

Иран. *g* > акк. *g*: *Bag(a)-* < иран. *Baga-* (в *Bagdatti* и других именах), *Agam(a)tanu* < *Hagmatāna-*, *Gumātu* < *Gaumāta-*, *Sugdu* < *Sugda-* и т.д.

Иран. *g* > акк. *k*. При встречающихся передачах иранских звонких смычных соответствующими глухими (ср. под *d* > *t*), а также иранских глухих смычных соответствующими звонкими следует учитывать, что некоторые иранские имена могли стать известны ассирийцам от населения, говорившего на тех старых местных языках (к северу и востоку от Ассирии), в которых качественное противопоставление смычных в плане звонкие–глухие не было определяющим. Этим, в частности, объясняют, почему в ассирийских надписях наряду с *Amadāi* и *Madāi* употребляется форма *Matāi* при иран. *Māda-* 'Мидия' (ср., например: König, 1934, 8). Подобное явление характерно для передачи арийских имен и слов во II тысячелетии до н.э. (особое значение имело их бытование в хурритской среде). В источниках этого времени, в том числе аккадских, арийские звонкие часто передаются в написании соответствующими глухими (и гораздо реже глухие–звонкими). Это наблюдается в ряде имен (ср. *Intara-* < *Indra-* и др.), при обозначении конских мастей — *papru-* и *babru-* (инд. *babhrú*), *pinkara-* (*piṅgalá-*) и т.д.; индийским звонким придыхательным обычно соответствуют в написании глухие: *t* < *dh* в ряде имен, *maka-* (вед. *maghá-*) и т.д. (Mironov, 1933; Kronasser, 1957; Mayrhofer, 1960, 139; Hauschild, 1962, 26).

С указанным явлением, очевидно, связан тот факт, что иран. *Asagarta*, вавил. *Sagartu* в ассирийских текстах обычно передается как *Zikirtu* (и более редкими формами с *k*) наряду с встречающимся *Zigirtu*. Ассирийцы интересовались в то время Зикирту в связи с событиями в Мане, откуда обычно и получали соответствующую информацию (см.: Дьяконов, 1956, 207). Основное ядро населения Маны не было в то время ираноязычным, а на ее территории, по-видимому, был распространен и хурритский или родственный ему язык (ср.: Меликишвили, 1954, 140).

Но указанными причинами, очевидно, не обусловливаются все случаи передачи звонких смычных аккадскими глухими и иранских глухих — звонкими. Так, трудно, например, объяснить написание *Pa-id-di-iš-ḫu-ri-iš* (DNRc) < др.-перс. *Pātiš'uvari-*. Подобные передачи иногда являются, вероятно, лишь результатом искажения.

Иран. *x* > акк. *ḫ*: *Ḫašatritti* < *Xšaϑrita-*, *Aḫšiiaršu* < *Xšayāršā*, *Aḫamaniš* < *Haxāmaniš*.

Иран. *x* > акк. *k*. Встречается часто как в ассирийских источниках — *Uaksatar*, *Uksatar* < *ʰUvaxštra-*, *Kaštariti* < *Xša9rita-*, так и в вавилонских текстах — *Umakištar* < *ʰUvaxštra-*, *Bagabukišu* < *Bagabuxša-*; ср. чередование *ḫ* и *k* в передачах имен Ксеркса: *Xšayāršā* [так, из 17 приведенных у Таллквиста (1918, 18) аккадских написаний этого имени в 9 употреблено *k*] и Артаксеркса: *Artaxšaśśa-* (см. также: Eilers, 1940б, 211; 1962, 56).

Иран. *č* > акк. *š*, *s* (?): *Šiṭirparna* < **Či9rafarnah-*, *Šiṭir* < *Či9ra-*, *Šinšaḫriš* < *Činčixri-*, *Šišpiš* < *Čišpi-*; теоретически в ассирийском возможна передача *č* > *s* (см. под *s*, *š*), но определенных примеров для нее не имеется.

Иран. *č* > акк. *ṣ*, *z* (?). Обычна передача иран. *č* > акк. *š*. Но, очевидно, была возможной и передача *č* > *ṣ*. Произношение *ṣ* в аккадском остается неясным, возможно, оно имело характер аффрикаты *ts*. По И.М. Дьяконову (1956, 164), ассир. *ṣ* могло передавать *ц*, *ч*. В Бехистунской надписи представлена передача аккадского *ṣ* иранской аффрикатой *č* (*tš*), хотя там же иранскому *č* всегда соответствует акк. *š*. Но позднее иранское *č* передавалось в семитских языках и через *ṣ*; в графике большинства среднеиранских языков для иран. *č* также использовалось *cade*. Во II тысячелетии до н.э. ар. *č*, как и *ǰ*, передавалось знаками для *z* (*panza* < *pančа*, *Zantar-* < *Čandra-*, *-waza* < *-vāǰa*), но они по крайней мере в ряде случаев употреблялись в качестве знаков для *ṣ*.

Иран. *ǰ* > акк. *z*: *Kambuziia* < *Kambūǰiya-*.

Иран. *ǰ* > акк. *ṣ*. Передача аффрикаты *ǰ* (*dž*) через *ṣ* представляется возможной (ср. под *č* > *ṣ* и *z* > *ṣ*).

Иран. *t* > акк. *t*: *Bagdatti* < **Bagadāta-*, *Uaksatar* < *Huvaxštra-*.

Иран. *d*, (*δ*) > акк. *d*, (z). Примеры для иран. *d* > акк. *d*: *Madāi*, *Amadāi* < *Māda-*, *Bagdatti* < **Bagadāta-*, *Dadaršiš* < *Dād(a)ršiš*, *Sugdu* < *Sugda-*. Передача через акк. *z* (наряду с *d*) была бы вполне закономерна лишь для δ, но можно лишь предполагать, что в рассматриваемый период какие-то западноиранские диалекты имели δ в определенных положениях (**Māδa-* и т.д.). Иноязычные передачи (греческие, эламские и др.) непосредственно не могут показать это. Древнеперсидская клинопись имеет лишь знаки для *d*, в том числе для *d*=*z* других диалектов < и.-е. *ǵ*. В. Бранденштайн (1964, 38), считая, что индоевропейские палатальные перешли в древнеперсидском в интердентальные спиранты, дает для *ǵ*, *ǵh* др.-перс. *δ* > *d*. Но аналогия с иран. *s* < *ḱ* здесь, возможно, не обязательна. Вместе с тем, если даже такое *δ* действительно передавалось ассир. z, нельзя определить это, ибо соответствующие формы прежде всего будут отнесены к «северо-западному» *z* (как и имеет место в именах с *zird-*, *barz-* и др.). Именно *z* в таких случаях безусловно и пере-

дано в вавилонском. Имеется, однако, и надежный пример передачи иран. *δ* = *d* через акк. *z* в ассирийское время: *ašguzāi*, *asguzāi*, *iškuzāi*, *Iškuza*, ср. др.-евр. **aškūz* для **škuδa-* (или **skuδa-*) (см.: Дьяконов, 1956, 242, 243). Причем в этом названии, этнониме скифов, вполне можно предположить как раз произношение *δ*, а не *d*[15].

Иран. *t* > акк. *d*, *d* > *t*. О передаче звонких смычных соответствующими глухими и наоборот см. под *g* > *k*. Встречающиеся иногда в документах из ахеменидской Вавилонии передачи иран. *t* через *d* рассматриваются некоторыми авторами как свидетельство начавшегося в иранском процесса озвончения *t* > *d*, *κ* > *g* и др. (литературу см.: Eilers, 1936, 176; 1940a, 78, 79). Но если начало этого процесса и относится к ахеменидскому периоду, то, скорее всего, лишь к его второй половине (ср.: Meillet–Benveniste, 1931, 24). В греческих передачах, например, обычно стоит τ, где позднее в иранском было *δ*, *d* (ср. Μιθριδάτης и другие имена с -δατης < *dāta-* и т.д.). Вместе с тем передачи иранских глухих звонкими, причем наряду с передачами звонких глухими, встречаются и в источниках гораздо более раннего времени. Приводимые В. Эйлерсом примеры из вавилонских документов конца V в. до н.э. малопоказательны, ср. написание *-da-du* для *-dāta* в именах *Miθradāta-* и **Bagadāta-*. В тех же документах и в тех же именах чаще стоит *-data/tu*, так что скорее и здесь имеет место неправильное написание *d* для *t*; в *-dāta* оно может быть обусловлено соседним слогом *-da-*. Нельзя относить за счет собственно иранского развития и примеры на др.-иран. *θ* > акк. *d*, ср. **xšaθrapā(va)n(a)-*: вавил. *aḫ-šá-da-ra-pa-nu*, *aḫ-šá-ad/t-ra-pa-nu* (в V в. до н.э.), *aḫ-šá-da-ra-ba-an-nu* (в селевкидское время), ср. арам. '*ḫšdrpny*' и др., ликийское *kssadrapa*. Здесь нужно видеть обусловленное теми или иными причинами восприятие *t* (из иран. *θ*, ср. греч. σατράπης) как *d*.

Иран. *θ* > акк. *t*, редко *ṭ*, *d*, *s* (?), *š* (?). Примеры для иран. *θ* > акк. *t*: *Kaštariti* (VII в. до н.э.), *Ḫaštaritti* (Бех.) < *Xšaθrita-*, *satar-* < *xšaθra-* (VIII в. до н.э.); для *θ* > *d*: *Ši-dir/ṭir-pa-ar-na* (VII в. до н.э.) < **Čiθrafarnah-*, ср. выше о вавил. *aḫšadarapanu*. Так как *θ* воспринималось обычно в местных неиранских языках как *t*, его передача в ассирийских источниках через *d* возможна в той же мере, как передача *t* через *d*. Допустима и передача иран. *θ* > акк. *s* или *š*. Как указыва-

---

[15] Часто считают, что имя скифов произносилось с *θ* или *t* (иногда также с *ć*). Но, как четко показано И.М. Дьяконовым, здесь следует видеть именно *δ* (*d*). Укажем, кроме того, на определенно содержащие то же слово имена из Скифии у античных авторов: Σκύλης (**skula/škula-*); Σκόλοτοι, диалектная форма того же этнонима «скифы», **skula-ta*, с показателем множественности *-ta*, обычным в племенных названиях; *Scolopitus* (**Skulapitā-* 'отец скифов'). Здесь *-l-* закономерно из *-δ* (*d*)- (как в Παραλάται, авест. *Paraδāta-* и некоторых других именах), но не может восходить к *θ* или *t*.

ет И.М. Дьяконов (1956, 243), северосемитские языки нормально передают *δ* через *z*, а глухой межзубный *ϑ*— через *t* или *š*. Но бесспорных примеров с ассир. *s* или *š* для иран. *ϑ* не отмечено. В. Бранденштайн (1964, 13, 14) пишет, что *ϑ* обычно передавалось аккадским *s*, указывая на вавил. *Suḫra* для *Θuxra-*; здесь, однако, перс. *ϑ*, соответствующее «северо-западному» *s* (авест. *suxra-* и т.д.), которое и отражено в вавилонском; ср. выше о *δ* > *z*. Но в отличие от *δ* *ϑ*— обычный звук древнеиранского (помимо перс. *ϑ* = *s*). В ассирийском в очевидных случаях для него стоит *t*, правда, это в основном примеры на иран. *-ϑr-*, где и в греческих передачах встречается τ (наряду с *ϑ*): σατράπης, Τριτανταίχμης < **Čiϑra"taxma-* при обычном *ϑ* = иран. *ϑ* в других положениях (Ἀριαράθης < **Aryaraϑa-* и др.). Более того, как раз в этих словах (*xšaϑra-*, *čiϑra-*) и встречается акк. *d*, *ṭ* для иран. *ϑ* (см. выше). Восприятие *ϑ* (и именно общеиранского) как сибилянта определенно засвидетельствовано эламским, ср. *gisabattiš* < **gaiϑapatiš* (ср.: Дандамаев, 1963, 206), другие примеры см. у Дж. Кэмерона (PTT, 100), в том числе и *ṣisra* (в *Ramaṣisra*) < *čiϑra-*.

Иран. *p* > акк. *p*, иран. *b* > акк. *b*: *Parsua*, *Parsamaš* < **Parsava-*, *Išpabāra* < **Aspabāra-*, *Bagdatti* < **Bagadāta-*.

Иран. *p* > акк. *b*, иран. *b* > акк. *p* (см. под *g* > *k*; *t*, *d* > *d*, *t*), ср. акк. *Ḫamban(u)* — иран. *Ka"pa"da-*.

Иран. *f* > акк. *p*: *-farnah-* > акк. *parna/u* многих имен, в том числе из ассирийских текстов (ср. прежде всего в написании *pa-ar-nu/a*, о написаниях с *par* см. под *f* > *b*); особо следует отметить передачу иран. *fr-* либо с протетическим гласным (обычно *i*), ср. в документах из Вавилонии: *Ip-ra-(-a)-du-par-na-'* < **Frādafarnah-*, *Ip-ra-da-a-ta/tú* < **Fradāta-*, либо с гласным (*a*, *i*, *u*) между *p* и *r*, при этом нередки написания *pa-ar-ru-*, *pi-ir-ru-*, ср. *Frada-* (Бех.) > акк. *Pa-ra-da* (элам. *Pir-ra-da*), *Fravartiš* (Бех.) > акк. *Pa-ar-ru-mar-ti-iš* (элам. *Pir-ru-mar-ti-iš*), **Frahāta-* > акк. *Pir-ru-ḫa-a-tu* (документы, ср.: Tallqvist, 1918, XXIV; возможно, то же имя, что *Pu-ur-ḫa-at* тех же документов); ср. также для иранских названий должностных лиц, связанных с судебными функциями, **frasaka-* и **patifrāsa-* (см.: Eilers, 1940a) > *ip-ra-sak-ku*, *ip-ra-sa-ka* и *pat-pa-ra-su*, *pat-ip-ra-a-su*.

Иран. *f* > акк. (*b*). Иран. *f* воспринималось в аккадском чаще всего как *p*, уже поэтому допустима (особенно при иноязычном посредстве) его передача через *b* (ср. выше о *ϑ* > *d*, см. также под *v* > *b*). Аккадские передачи иран. *farnah-* в ряде имен часто транскрибируются через *barna*, но в проверенных случаях в тексте стоит знак *bar*, который может читаться и как *par*[16]. Правда, и у гре-

[16] Ср., однако, упоминаемое в надписях Асархаддона владение правителя с иранским именем Раматейа: *Ú-ra-a-ka-za-bar-na*. По И.М. Дьяконову (1956, 263) на-

ческих авторов встречаются передачи иран. *farnah-* с -β- (но здесь возможно и отражение иного диалектного произношения в иранском).

Иран. *n* > акк. *n*: *-parnu/a* < *-farnah-* в ряде имен, *Šinšaḫris* < *Čiθčixriš*.

Иран. *m* > акк. *m*: *Amadāi*, *Madāj*, *Matāj* < *Māda-*, *Ramateja*, *Ramatua* < **Ramatav(y)ah-*.

Иран. *v* > акк. *u*. Отсутствовавшее в аккадском *v* передается чаще всего через *u* или *m*. *U* обычно заменяет не только *v*, но и соседние гласные, соответствуя иран. *av*, *va*, *ava*, *^{h}uv*, *uva*, *va^{h}u*, *vi*: в ассирийских источниках *Parsua* < * *Parsava-*, *-tua* < *-tava(h)-* в ряде имен, *Uarzan* и *Urzana* < **Varzana-*, *Uksatar* и *Uaksatar* < *^{h}Uvaxštra-*; в Бехистунской надписи: *Uštaspa* < *Vištāspa-*, *Umurga* < *Haumavarga-*, *Gubaru'* < *Gaubaruva-*, *Umisa* < *Va^{h}umisa-*, *Za-'-tu-'-a* < **Zātuvahya-*. Характерна передача иран. *Patišhvar(i)-* > ассир. *Patuš'arra*, после *š* и «хамзы», соответствующей *h*, не отраженное *v* обусловило огласовку предыдущего слога: *u* вместо *i* (ср.: Дьяконов, 1956, 261), ср. ниже о передаче иран. *-ahva-* через *-uḫa-* (наряду с *-aḫu-*).

Иран. *v* > акк. *m*. При этой передаче в большинстве случаев соседняя гласная (чаще предшествующая) переходит в *u*, перед *m* < *v* в начале слова часто появляется дополнительное *u*: *Parsumaš* и *Parsamaš* < *Parsava-*, *Ištumēgu* к * *Ṛštivaiga-* (с *ṛšt* > *št*), *Parumartiš* < *Fravartiš*, *Umimana* < *Vivāna-*, *Umaḫku* < *Vahauka-*, *Darijamus* и др. (см. выше) < *Dārayava^{h}uš*, иран. *Haraiva-* 'Арейа' > *A-ri-e-mu* ахеменидских надписей (ср. имя **Artaraiva-* > *Ar-ta-ri-e-mu* в документах), *Arumu* в документах из Вавилонии ($^{L\acute{U}}$*ar-ú-ma-a-a* 'ареец': Eilers, 1934, 332). Передачи *v* через *u* и *m* встречаются одинаково часто, в том числе в одних и тех же именах, ср. ассирийские написания для **Parsava-* (см. выше); *Umidarna* (Бех.) и *Udarna'* (документы) (Eilers, 1934, 334) < *Vidarna-* и т.д.

Иран. *v* > акк. *j*. Некоторые группы с *v* (ср. выше об *ai*, *aya* и т.д. > *ī*, *ē*) выражаются сочетаниями с *j*: *Ramatija*, *Ramateja*, *Ramataja* наряду с *Ramatua* < **Ramatav (y)ah-*; ср. ниже под *y* > *m*. Ср. также элам. *Harija* < *Haraiva-*, греч. Βαρζαέντης < *Barzavant-* и др.

Иран. *v* > акк. *b*. К. Таллквист (1918, XXIV), указывая на возможность передачи *v* через *b*, приводит имя *Šatabarzana* (в документах из Вавилонии), греч. Σατιβαρζάνης с *-barzana* < *-varzāna* (ср. также у Ф. Юсти: 1895, 291), но это, очевидно, образование к *barz-* (см. ниже). Однако в некоторых других случаях передача *v* > *b*

звание содержит *farnah-*: **Varakasafarnah-* или **Varkazanafarnah-*. В новом тексте, в вассальном договоре Раматейи с Асархаддоном, то же имя приведено в написании *Ú-ra-ka-za-ba-nu*, определенно с акк. *b* (см.: Wiseman, 1958, 82). Но, возможно, это имя и не содержит *farnah-*, ср. также иную этимологию у Э. Герцфельда (AMI, VII, 20, 21): * *Vṛka-zbarna-*.

бесспорна, ср. *Sikamubati* < *Sikaya^{h}uvati-* (Бех.). Также в урартском *b* могло передавать *v*, в том числе соответствующее хурритскому *ff* (см.: Дьяконов, 1958, 30; 1961б, 377). Приведенный пример показывает, что иранский суффикс *-vati*, частый в топонимах, мог передаваться акк. *-bati*. Ряд географических имен из Ирана имеет в ассирийских текстах окончание *-bati*, *-buti*, очевидно, для иран. *-vati* (ср. о *Karsibutu* и *Sangibuti*: Herzfeld, AMI, I, 166 sq., IX, 166, 173; 1947, 736 sq.; Eilers, 1954, 281, 282), в этом случае *u* в *-buti-* — результат влияния *v* (ср. под *v* >*u*, *v* >*m*).

Иран. *y* > акк. *j*: *Bagaja* < **Bagaya-*, *Barzija* < **Barziya-*.

Иран. *ya*, *aya*, *ahya* и др. > акк. *ī*, *ē*: *arri arri šitir* (XPh, акк. 9) < *arya arya-čiθra* и др. (см. под *ai* > *ī*, *ē*).

Иран. *y* > акк. *m*, *u*. По К. Таллквисту (1918, XXV), иран. *y* между гласными отражается иногда как *m* или *u* (= *v*), с примерами передачи имени Ксеркса в документах из Вавилонии. В таких случаях, следовательно, интервокальное *y* воспринималось как *w* (ср. обратное под *v* > *j*), передававшееся как *m* или *u*,– *Xšayāršā-* > *Aḫ-ši-i-mar-(ri-)šu*, *Aḫ-šu-mar-ši*, *Ak-ši-ma-ar-ši*, *Ak-šu-ar-šu* в вавилонских документах, в ахеменидских надписях имя передается лишь как *Ḫi-ši-(-)-ar-šu/ši*, но и в них встречается рассматриваемая передача: *Sikkam-u-ba-at-ti-'* < *Sikaya^{h}uvati-* (Бех.).

Иран. *r* > акк. *r*: *Parsua*, *Parsumaš* < *Parsava-*, *Umakištar*, *Uksatar* < ^{h}*Uvaxštra-*.

Иран. *r* > акк. *l* (?). Известна передача имени Артаксеркса как *Al-tak-sat-su* при обычных написаниях с *Ar-* (Tallqvist, 1918, XXIV, 20, 30). К. Таллквист допускает передачу *r* через *l* и в других случаях, принимая распространенное ранее (у Ф. Юсти, М. Штрекка и др.) иранское объяснение имени царя Эллипи *Daltā*: **Darta(r)*, ср. авест. *darətā-*, что, однако, маловероятно.

Иран, *s*, *š* > акк. *š*, *s*. Надежные примеры из ассирийских текстов свидетельствуют, что иран. *s* передавалось в них как в знаках для *š*, так и в знаках для *s*, а иран. *š* — в знаках для *s* и для *š*. Причины этих расхождений не вполне ясны, прежде всего потому, что точно не определено реальное произношение *s* и *š* в новоассирийском диалекте. Вавилонский здесь не дает параллелей, так как в нем *s* читалось как *s* и *š* — обычно как *š*; в ассирийском же в первых веках I тысячелетия до н.э. *š* изменило свой характер и, очевидно, произносилось как *s*. Правда, и в вавилонских документах есть отдельные примеры с *š* для иран. *s*, ср. *ašpa-/ašpu-* для *aspa-* в некоторых именах (ср.: Tallqvist, 1918, XXIII), например *Ašpazanda'*. Но подобные случаи крайне редки и для вавилонского являются исключениями. В нем, как правило, имеем *s* для иран. *s* и *š* для иран. *š*: *Uštaspa* < *Vištāspa-*, *Misparu'* < *Vāyaspara-*, *Sugdu* < *Sugda-* и т.д.

Исходя из распространенного мнения, что в ассирийском диалекте *š* произносилось как *s* и *s* как *š*, часто считают, что в иранских именах графическое *š* должно читаться как *s* и *s* — соответственно как *š* [см. у Эд. Мейера (1908) и других авторов; ср.: Дьяконов, 1956, 242]. Примеры на иран. *s* > ассир. графическое *š* многочисленны и не вызывают сомнений; имеются и вполне определенные случаи с иран. *š* > ассир. *s*. Но в тех ассирийских текстах встречаются и бесспорные передачи иран. *s* графическим *s* и иран. *š* графическим *š*: *Parsua* и другие написания с *s* < *Parsava-*, *Patuš'arra* < *Patišhvar(i)-* и пр.

К. Таллквист (1918, XXIII, XXIV) предлагает иную систему: иран. *s*, в вавилонском регулярно отражающееся как *s*, в ассирийском выступает то как *s*, то как *š*, а иранское *š* при вавил. *š* в ассирийском «довольно странно» также систематически дает *š*. Но этому противоречит ряд примеров с *s* для иран. *š*. В связи с этим К. Таллквист рассматривает как особые случаи передачи *š* в иран. группе *xš-*, в ассирийском в ряде примеров *ks* и *s* (при *ḫš* и *kš* в вавилонском), ср. *Uaksatar* и др. Но *s* для *xš* определенно засвидетельствовано лишь в начале имени, где, как указывалось, *x* часто не отражается также в эламском и греческом. А из примеров К. Таллквиста на ассир. *s* < *xš* в середине слова один, безусловно, неверен (*Artasari*), другой крайне сомнителен (*Zanasana*, см. ниже). Поэтому вряд ли можно рассматривать передачу иран. *xš* через *s* и *ks* как особый случай отражения *š*[17]. Кроме того, есть и другие примеры с ассирийским графическим *s* для иран. *š* (ср. ниже). Но если нельзя считать, что иран. *š* регулярно отражается в ассирийском как *š*, то и из приводимых К. Таллквистом примеров следует, что эта передача в ассирийском все же вполне обычна, как и передача иран. *s* графическим *s* (наряду с *š*). Это противоречит обычному мнению, что ассирийское графическое *s* произносилось как *š* и *š* — как *s* и что *š*, как правило, должно передавать иран. *s*, а *s* — иран. *š*.

Эта точка зрения в основном отражена и в работах И.М. Дьяконова. Но в своем исследовании по урартской фонетике (1958, 36–39) он высказывает мнение, что в новоассирийском, скорее всего, было два вида *s*. Вместе с тем он допускает возможность чтения в новоассирийской клинописи графического *s* как *š* (при определенном чтении *š* как *s*) и закономерной передачи иноязычного *š* в знаках для *s*, а *s* — в знаках для *š*. Случаи противополож-

[17] К. Таллквист рассматривает отдельно и передачи иран. *st* и *št*, но все его примеры (кроме *Uštaspi* с правильным *št* < иран. *št*) неверны или сомнительны. Он считает, что иран. *st* и *št* отражались как *št* и в ассирийском, и в вавилонском, но в примере на вавил. *št* (*Ištumegu* < **Astivaiga-*) *št*, очевидно для иран *št* (ср. выше).

ной передачи (*š*–*š*, *s*–*s*) он рассматривает как вавилонизмы в ассирийском.

Приводя имена, которые в урартском пишутся с *š* (*s* произношения, *Tušpa*: арм. *Tosp* и др.) и в ассирийском имеют *š* (*Turušpa*), и имена с графическим *s* (в урартском предполагается *š* произношения) в обоих языках, И.М. Дьяконов определяет примеры с урарт. *š* = ассир. *s*, урарт. *s* = ассир. *š* как исключения. Но из подобных указанных им урартско-ассирийских соответствий на четыре «правильных» примера приходится три «исключения». *Parsua* (урарт. *Paršua*) и *Ḫarši* (урарт. *'Arsita*, но и ассир. *Ḫarsi*) ассирийских текстов определяются как вавилонизмы. При этом И.М. Дьяконов замечает, что это имена с территорий будущей Мидии, «где вообще вавилонские формы названий чередуются в ассирийских надписях с собственно ассирийскими». При этом он приводит примеры: *Aḫšēri*, *Aḫsēri* (царь Маны); *Iškuzāi*, *Askuzāi* («скифы»); *Buštu* и *Bustus* (часть Парсуа).

Но почему в ассирийских текстах столь часто появляются вавилонизмы именно в именах, относящихся к территориям на восток от Ассирии? Лишь для юга этих территорий имеются данные о влиянии аккадской (вавилонской) культуры до эпохи ассирийской экспансии. Для более северных областей, в том числе Приурмийского района и Маны, таких данных нет, а отмечающиеся для более позднего времени следы аккадского влияния определенно должны быть отнесены за счет ассирийцев, их языка и ономастики. Как раз из этих областей в основном и происходят указанные имена. Аналогичное явление наблюдается и для названий из областей к северу от Ассирии, ср. отмеченное И.М. Дьяконовым (1958, 38) ассир. *Uesi* и другие написания того же имени с *s* при урарт. *Uiši* (недалеко от оз. Ван). Для чередования форм с *š* и *s* в ассирийском см., например, *Ḫubuski* (HABL, № 434) при обычном *Ḫubuški(a)*. Особое выделение форм названий из областей к востоку от Ассирии не представляется поэтому убедительным. Вообще же передачи иноязычного *š* в знаках для *š* и *s* — в знаках для *s*, а также написания одних и тех же имен (оригинальное произношение которых неизвестно) то с *s*, то с *š* весьма часты в ассирийском. Ряд данных о появлении соответствующих имен и названий (например, правителей и мелких географических единиц из областей к северо-востоку от Ассирии) и их бытовании в ассирийских текстах равным образом не позволяют относить все такие примеры (или по крайней мере многие из них) за счет вавилонизмов.

Поэтому при объяснении отражения иноязычных *s* и *š* в ассирийском представляется наиболее целесообразным исходить из

предположения (ср.: Дьяконов, 1958, 37), что в новоассирийском диалекте существовали не *s* и *š*, а два вида *s* (или даже одно *s*? — орфографические различия в аккадских словах тогда могли объясняться традиционным этимологическим написанием). Это мнение основано, в частности, на нескольких случаях передач через др.-евр. *s* как *š*, так и *s* ассирийского (с *s* = *s*: *Sīnaḫḫērība* — др.-евр. *Snḥrb*). Следует заметить, что значительное число надежных передач именно иранских имен свидетельствует, что *s* и *š* в новоассирийском не различались как свистящий и шипящий звуки. Нужно еще раз подчеркнуть, что примеры на иран. *s* > ассир. графическое *s* и иран. *š* > графическое *š* никак не могут рассматриваться как исключения. Среди известных случаев передачи иран. *s* в знаках для *s* встречаются, быть может, лишь несколько реже, чем в знаках для *š*, а передачи иран. *š* графическим *š* в ассирийском, пожалуй, даже чаще, чем передачи *š* через *s*. Кроме того, к группе примеров с ассир. *š* для иран. *š* следует присоединить случаи с *š* для иран. *č*. Отражаемое в качестве сибилянта *č* должно было восприниматься не как *s*, а как *š* (ср. систематически в вавилонском, также в арабском и т.д.) при его наличии в данном языке. Если бы ассир. *s* читалось как *š*, а *š* как *s*, иран. *č* в ассирийском передавалось бы знаками для *s*, но ни одного такого случая не отмечено (хотя теоретически это вполне возможно), зато определенно представлена передача иран. *č* ассир. графическим *š* (ср. под *č*).

Следует, наконец, напомнить о наличии целого ряда примеров, где одни и те же иранские имена пишутся в ассирийских источниках то с *s*, то с *š*, ср. *Ašpabara* и *Išpabara* наряду с *Aspabara* и *Ispabara* < **Aspabāra-*, ассир. *asguzai* и *aškuzai* < **škuδa-* (или **skuδa-*, см. выше), *Sigris* и *Šigrakka* (вариант того же названия, что определенно устанавливается при сопоставлении текстов второй половины VIII в. до н.э., см. ниже) — к иран. *sigr-*. Возможно иранское происхождение названий *Buštu/Bustus* и некоторых других, известных в двойном написании.

Таким образом, определенная закономерность в передаче иран. *s* и *š* через *s* и *š* ассирийской клинописи в целом не может быть установлена (маловероятное допущение вавилонизмов ничего не меняет, ибо тогда придется исходить из их очень частого и несистемного употребления в ассирийских текстах, в том числе на ассирийском диалекте и при передаче имен, впервые ставших известными именно ассирийцам). Передачи иран. *š* через ассир. графическое *š* и иран. *s* через *s* являются вполне правильными (а не случайными примерами или исключениями), как и передачи иран. *s* в знаках для *š* и иран. *š* в знаках для *s*. Причины этого

явления, очевидно, в том, что для новоассирийского не было характерно различение *s* и *š* как шипящего и свистящего, а, по-видимому, существовало лишь *s* или два его варианта.

Перс. *ss* > акк. *ss* и **šš*, *š* и **s*, *ts* и **tš* (?). Фонема *ss*, соответствующая общеиранскому *θr*, — одна из особенностей персидских диалектов. Она не принадлежит к наиболее древним фонетическим чертам этой группы (ср.: Hoffmann, 1958, 4), но могла развиться в ее диалектах в первых веках I тысячелетия до н.э. (засвидетельствована в VI в. до н.э.). В именах, известных по ассирийским текстам, она пока не отмечена. В древнеперсидской клинописи имелся специальный знак *ss*^{a}, отличный от *s*^{a} и *š*^{a}; в VI–V вв. до н.э. *ss* еще не совпало с простым *s*, как позже в персидском. В имени *Va*^{h}*umisa-* из Бехистунской надписи *s*, возможно, написано вместо *ss* (если *-missa* здесь соответствует *-miθra*, но имеются и иные объяснения имени). Наряду с этим известна надпись на вазе, где вместо обычного *Artaxšassa-* написано *-xšašča*, по-видимому, с попыткой выразить приближенное произношение *ss* (см.: Meillet–Benveniste, 1931, 24).

В иноязычных текстах др.-перс. *ss* передается: в греческом обычно как σ(σ), в арамейском известна передача *sš*, в эламском обычно *šš*, *š*, *sš*, но иногда *kš* (*šakšabamana* < *xšassapāvan-*). Вавилонский ахеменидского времени, а также и арамейский, как правило, отражают *θr*. Исключение составляют написания царского имени Артаксеркса и некоторых других имен и слов; *ss* отражается в этих случаях как *ss* (ср. *Ar-taḫ/tak-ša-as-su* 'Артаксеркс'), иногда как *š* (*Ašina* < перс. *Āssina-*), но в различных написаниях имени Артаксеркса (см.: Tallqvist, 1918, 20, 30) наиболее часто имеем *ts* (*Ar/al-tak-šat-su*; реже *ss*, ср. выше). Спорадические написания с перс. *šč*, элам. *kš* (и *sš*), вавил. *ts* и *š*, арам. *sš* могут указывать, что перс. *ss* было напряженным и имело в известной мере характер шипящего звука.

Обычно перс. *ss* передается через *s* или *š*, часто в двойном написании (и иногда в комбинации *s* и *š*); в ассирийском можно было бы ожидать *š/šš* или *s/ss* (либо также *ts/tš*).

Иран. *z* > акк. *z*: *Zaranga* < *Zra*^{n}*ka-*, *Barziia* < **Barziya-*.

Иран. *s* > акк. *z*, иран. *z* > акк. *s* или (ассир.) *š*. Подобные передачи обусловлены, по-видимому, большей частью тем, что соответствующие имена стали известны ассирийцам от местного, неираноязычного населения, ср. под *g* > *k*, см. там же о *Zikirtu*, *Zigirtu* и др. < иран. *(A)sagarta-*. В этих же написаниях *s* < иран. *z*; имя крепости близ Зикирту *Zirdiakka* и *Sirdakka* < иран. **Zṛd(y)aka-* (см. ниже). Акк. *z* < иран. *s*, возможно, представлено и в *Urakazaba(r)na* (ср. под *f* > *b*); *Gansaka* в вавилонских документах, по И. Шефтеловицу (1903,

116), для иран. **Ganǰaka-*, ср. перс. имя *Ganǰak*, точнее, др.-иран. **Ganzaka-*. Ср. некоторые арийские имена во II тысячелетии до н.э., в частности, с *s*, передаваемым то через *š*, то через *z*: *Šuratta* и *Zurata* < *Suratha-* и др. (см.: Mironov, 1933, 97; Kronasser, 1957, 187; Hauschild, 1962, 28, 29, 31, и др.). Подобные примеры встречаются и в эламском: *Sirranqa* < *Zranka-* и др.

Особо следует остановиться на передаче через *š (s)* иранского *z* в группе *-zd-*. По И.М. Дьяконову (1956, 222), эта передача естественна для ассирийского: *š* передает *s*, озвончаемое перед *d*. Ср. в источниках II тысячелетия до н.э. *-miašda* и *-miašta* < ар. *-miyazdha* и др. В аккадских версиях ахеменидских надписей формы иранских имен *Vaʰyazdāta-*, *Ahuramazdā-* обычно транскрибируются как *Umizdātu* (с *-iz-da-*), *Uramazda* и др. (с *-az-da-*), но могут транскрибироваться и как *Umisdāta*, *Uramasda* и др., так как знаки для *az*, *iz* являются и знаками для *as*, *is* (ср. также элам. *U-ra-mas-da* < *Ahuramazdā*). Иран. *-zd-* того же имени в греческом передается либо *дзетой* (возможные звуковые значения: *z*, *zd*, *dz*), либо через *-σδ-*: Αὐρομάσδης (еще из древнеиранского, см. выше), Μασδάκης < *Mazdak* и др. (ср. также с. 293). Ассир. *šd* определенно передает иран. *zd* в *mazda-* в ряде имен VIII в. до н.э.

Иран. *z* > акк. *ṣ*. О возможности такого соответствия см. с. 335 и сл., ср. выше под *č*.

Иран. *h* > ø. Иран. *h* часто, особенно в начале слова, не отражено: *Aḫamaniš* < *Haxāmaniš*, *Aruḫatti* и другие написания с *Ar-* < *Harʰuvati-*, *Umakištar* и *U(a)ksatar* < *Huvaxštra*, *Umizdatu* < *Vahyazdāta-*, *A-na-i-tu* и *A-na-aḫ-i-tu'* (обе передачи в надписях Артаксеркса II) для иран. *Anāhitā*; ср. у К. Таллквиста (1918, XXIV) одни и те же иранские имена в документах из Вавилонии: *Adbaga'* и *Ḫadbagā*, *Ú-mar-da-a-tú* и *Ḫu-ú-mar-da-a-tú*, ср. также ниже.

Иран. *h* > акк. *ḫ*. *Ahuramazdā-* > *Aḫurumazda* и другие написания с *ḫ*, но и *Uramazda* и другие написания с неотраженным *h*, *Paišiyāʰuvādā* > *Piši'ḫumadu*, *Vah(a)uka-* > *Umaḫku* наряду с *Umakuš*, *ʰUvarazmi* > *Ḫumarizma*. Иран. *hva* (*ʰuva*, *xᵛa*) закономерно появляется как *ḫu*, ср. *Pātišʰuvari-* > *Pa-id-di-iš-ḫu-ri-iš*. В начале слова *hva-*, *ʰuva-* может передаваться как *uma-* или *ḫuma-*, с *m* для *v* и *ḫ* > ø или *ḫ*, ср. вавил. *Umardātu*, *Ḫumardātu*, *Ḫurdātu* — все к **Hvardāta-*[18]. В середине слова возможна передача

---

[18] По вавилонским документам у В. Эйлерса (1940a, 6, 7) перечисляются имена судей канала Сина: *Bēl-šu-nu*, *Ú-mar-da-a-tú*, *Uš-ta-bu-za-na-'* в 423 г. до н.э., *Iš-ta-bu-za-na-'* и *Ḫu-ur-da-[a-tú]* в 419 г. до н.э., *Bēl-šu-nu* в 418 г. до н.э. *Uštabuzana'* и *Ištabuzana'*, безусловно, одно и то же имя (с иран. *viš-*), как и указывает В. Эйлерс. Но *Umardātu* и *Ḫurdātu* также определенно одно и то же имя и одно и то же лицо. Это иран. **H(u)vardāta-* с различной передачей *hvar-*, *ḫur-* и менее точно, но также закономерно *umar-*; то же иранское имя передает и акк. *Ḫumardātu* (ср. выше под *h* > ø). Во всех

-ahva- > *-uḫa*: отсутствующее *v* огласует предшествующий слог (иногда выпадает не только *v*, но и *h*, ср. выше о *Patuš'arra* < **Patišhvar-*). Ср. *Hard^{h}uvati-* > *A-ru-ḫa-at-ti* (ср. элам. *Ḫar-ra-u-ma-ti-iš* с *m* < *v* и *u* предшествующего слога) при *Arraḫut* (XPh, акк., 15) с точным *ḫu* для *hva*. *v*

Иран. *hva* > акк. *ḫa*: *Birizḫatri* < **Bəkəzi.x^{v}āϑra-* (о передаче *hva*, *x^{v}a* > *ḫa* см.: Hüsing, 1899, 565, но некоторые его примеры сомнительны, а в *Aruḫatti* < *Harahvati-* *v* все же оказало влияние, огласовав предыдущий слог).

Иран. *hv(a)* > акк. *q(u)*, [*k(u)*]. Ср. под *x* > *k*. *Araquttu* текстов Саргона II, очевидно, соответствует иран. **Harahvati* (см.: Eilers, 1954, 329, 330), ср. также элам. *Ḫarkutiš* < *Hard^{h}uvati-* (см. с. 275).

* * *

Из приведенного выше материала следует, что написание того или иного иранского имени в аккадском, как правило, обусловлено определенными закономерностями, которые могут быть раскрыты и на примерах ряда других передач. Так, в вавил. *Umakištar* (иран. *^{h}Uvaxštra-*): *h* > ø, *v* > *m*, *x* > *k*, разъединение двумя гласными группы *-xštr-*, отсутствие конечного иранского гласного. То же имя зафиксировано в текстах времени Саргона II как *Uaksatar* и *Uksatar*, здесь при *h* > ø, при разъединении (но иным образом, чем в *Umakištar*) группы *-xštr-* и при не отраженном конечном гласном представлены передачи *-uva-* > *-ua-* и *-u-*, *š* > ассир. *s*. Каждая из отмеченных особенностей встречается и в целом ряде других случаев и должна быть признана вполне закономерной. Анализ приемов аккадских передач позволяет уточнить или отвергнуть выдвигавшиеся иранские объяснения имен из ассирийских надписей IX–VIII вв. до н.э., а также отнести к числу иранских ряд других имен из тех же текстов.

Необходимо, однако, учитывать, что иранская принадлежность многих имен вообще может быть скрыта от нас. Прежде всего следует признать неизбежными сильные искажения при передаче какой-то части имен, так как часто речь идет о записи мало знакомых ассирийцам имен, к тому же нередко воспринятых ими от неираноязычного населения. Когда же они вступали в прямой контакт с иранскими племенами, соответствующие названия, особенно значительных географических и этнических единиц, могли употребляться в форме, впервые ставшей известной ассирийцам. Безусловно, имели место и прямые ошибки при устной передаче, первоначальной записи или переписке.

случаях это иран. **Hvardāta-* 'данный Солнцем', ср. *Šuwardata* документов II тысячелетия до н.э., т.е. арийское (или «индийское») **S(u)vardāta-*.

Такие неоправданные или не сводимые к каким-то правилам искажения можно наблюдать, в частности, в тех случаях, когда имеются вариантные написания одного имени. Так, обычная в надписях Саргона II форма *Zikirtu* отнюдь не является точной аккадской передачей иран. *(A)sagarta-* (вавил. *Sagartu*), но для нее все же можно указать на причины в известной степени закономерного характера (ср. под *s* > *z*, *g* > *k*, *a* > *i*). Историко-географические данные также могут свидетельствовать о тождестве Зикирту с сагартиями. Но в текстах времени Саргона II встречаются и другие написания этого имени с наиболее искаженными формами *Zikiru* и *Zikitia* (HABL, № 515). В анналах Саргона II фигурирует крепость *Bīt-Gabaia* (*ga-ba-ia*), в «Парадной надписи» («Prunkinschrift») она названа *Bīt-Bagaia*; правильным признается написание *ba-ga-ia* < иран. **Bagaya-* (см., например: RA, II, 36, 37, 41), что подтверждается и подписями к рельефам в Хорсабаде, где также *Bīt-Bagaia*. Понятно, что было бы невозможно установить иранскую принадлежность и тем более форму и значение соответствующих имен, если бы до нас дошли лишь искаженные написания типа *Zikiru* и *Gabaia* и если бы не было иных оснований для определения этнической и языковой принадлежности данных имен. А ведь именно так и обстоит дело с большинством известных по ассирийским источникам личных имен и топонимов из Западного Ирана и соседних областей; представлены же эти имена обычно лишь в одном дошедшем до нас тексте или в нескольких трафаретных надписях.

Как мы видели, некоторые из особенностей аккадских передач, хотя и засвидетельствованы рядом бесспорных примеров, по существу неоправданны или встречаются гораздо реже других возможных передач тех же звуков и их групп. В дальнейших разделах этой работы при анализе имен из текстов IX–VII вв. до н.э. не учитывается возможность таких соответствий, как написания для сочетаний с иран. *-y-* сочетаний с акк. *-m-*, для иран. *ai*, *āi* > акк. *a* и др. За редкими исключениями (где имеются иные основания для отнесения данного имени к иранским) не принимается во внимание возможность передачи иранских звонких соответствующими глухими и глухих соответствующими звонкими, а также более естественные соответствия в тех случаях, когда для иранского объяснения имени пришлось бы исходить из целого ряда подобных соответствий. Акк. *Umakištar*, как и греч. Κυαξάρης, вряд ли было бы отнесено к бесспорно иранским именам, и его иранская форма, очевидно, не была бы установлена, если бы не было известно, что Киаксар — иранец, а в иранском источнике не сохранилась бы подлинная форма имени.

Вполне допустимо, что в IX–VII вв. до н.э. некоторые имена в тех или иных районах произносились с диалектными отклонениями от нормализованной древнеиранской формы. Тогда установление их иранского происхождения маловероятно, так как существенных данных об особенностях иранских диалектов того времени пока не имеется. Определенно можно говорить лишь о развитии в тот период (и даже ранее) некоторых основных черт персидского. Но помимо нескольких более определенных случаев опасно опираться на особенности «юго-западного» произношения. Кроме того, имена с перс. *šš* = *θr*, *s* = *sp* и т.д. в аккадской передаче могли еще более утратить отличительные черты иранской принадлежности. Так, по текстам Саргона II известен правитель *Amitaššu*; в районе, где находилось его владение, в IX–VIII вв. до н.э. уже было ираноязычное население, а по соседству определенно засвидетельствованы персидские племена (см. ниже). Можно было бы предполагать, что его имя представляет перс. **Avitāsa-*[19], но никакой уверенности в этом нет. А при форме **Amitašpu* имя, очевидно, рассматривалось бы как иранское.

Все имена с *l* из ассирийских источников, как обычно, исключаются из числа тех, которые могут быть иранскими. Среди бесспорно иранских имен нет ни одного, где в ассирийской передаче встречалось бы *l*, что и понятно, учитывая ротацизм древнеиранского. Но все же нельзя считать этот критерий абсолютно надежным. В отдельных («неправильных») случаях за акк. *l* мог скрываться иной иранский звук (ср. под *r* > *l*). В то же время среди древних западноиранских диалектов был, очевидно, такой или такие, где сохранялось *l*, как и в группе древнеиндийских диалектов, откуда *l* проникало в ведический и затем, значительно шире, в санскрит. На это указывают наличие в персидском ряда слов (*lištan*, *lab*, ср.-перс. *laβ* и др.) с *l*, соответствующим и.-е. *l*, и некоторые другие факты [ср., например, у В.И. Абаева (1964, 12)]. Влияние таких диалектов на другие западноиранские диалекты облегчало развитие в последних *l* из иных фонетических групп, а также делало возможным произношение иноязычных имен и слов с *l*, уже не переходившим в *r*. Отдельные персидские (или вообще западноиранские) имена и слова еще при Ахемени-

[19] То есть с перс. *asa-* = *aspa-* 'лошадь', ср. др.-инд. *avita*, к *av-* = иран. *av-* 'заботиться', 'защищать' и пр., а также (RV) 'править', 'погонять', и именно лошадей. Такое образование имело бы многочисленные параллели в индоиранской ономастике. С инверсией возможно и **aspāvita-*; так, быть может, лучше объяснять имя из вавилонских документов *Aspumitāna* [у И. Шефтеловица (1903, 165, 166): **Aspamita* с патронимом *-āna*, но предлагаемое И. Шефтеловицем значение не кажется убедительным для личного имени, кроме того, *m* здесь скорее передает *v*, предшествующее *u* < *a*].

дах иногда имеют *l* в иноязычных передачах (ср., например: Herzfeld, 1947, 725). В древнеперсидском уже при Дарии I был знак для *l*, и вряд ли он не отражал реальное произношение, а применялся лишь при написании иноязычных имен (см.: Paper, 1956). Это указывает на начавшееся проникновение *l* и в древнеперсидский надписей. В дошедших текстах *l* встречается лишь четыре раза, и всегда в именах неиранского происхождения, в то время как другие иноязычные имена (в основном известные персам ранее) произносились и писались с *r*. По ассирийским источникам известен ряд случаев, когда вожди с достаточно ясными иранскими именами являются правителями владений, названия которых имеют *l*. Если эти названия неиранского происхождения, то либо ассирийцы восприняли их от местного или соседнего неираноязычного населения, а в иранской среде старые названия произносились с *r* (или вообще были заменены), либо, усваивая местные топонимы, ираноязычное население сохраняло *l* при произношении хотя бы некоторых из них. Второй вариант иногда представляется вполне реальным (см. ниже).

При определении иранской принадлежности того или иного имени должно быть приведено его предполагаемое иранское значение. Но если нельзя дать подобное объяснение какому-либо имени, это еще не свидетельствует о его неиранском происхождении (даже при предположении, что оно сравнительно точно передано в ассирийском). Древнеиранская лексика, а также и репертуар имен известны недостаточно, в то же время многие определенно иранские имена, в том числе из иранских текстов, полностью или частично не этимологизируются. Вместе с тем в настоящей работе, конечно, не использованы все возможности иранского объяснения имен из ассирийских текстов; многие данные иранистики и индологии остались, безусловно, не учтенными автором, тем более, если принять во внимание частую неоднозначность аккадских передач (также и для ряда имен, рассматриваемых далее как иранские, будут возможны исправления и уточнения предлагаемых значений и в том случае, если эти имена действительно будут признаны иранскими). В число более подробно рассматриваемых имен не включены те, для которых автор не мог привести предполагаемого иранского значения, в частности и имена, по облику напоминающие иранские (или «звучащие поиранski», как иногда пишут, не давая при этом иранской этимологии).

Что касается имен, объясняемых ниже на иранском материале, то необходимо отметить следующее: короткие имена, такие, как Аруа, Арийа, Бара, легко этимологизируемые как иранские,

сами по себе не могут служить доказательством присутствия иранцев в соответствующих районах — в таких примерах допустимо и случайное совпадение с подобными по звучанию именами других языков. Но следует не только определить, засвидетельствованы ли в IX–VIII вв. до н.э. в тех или иных районах определенно иранские имена (такие, как Парсуа, Артасари, Ашпаштатаук, Багдатти, Ауripарна и другие, более сложные по числу звуков и грамматическому составу), но и установить, оправдано ли распространенное мнение о том, что ономастический материал ассирийских текстов указывает на крайне незначительный удельный вес и даже отсутствие ираноязычного населения в Западном Иране и областях, расположенных далее к северо-западу. Поэтому представлялось необходимым включить в список рассматриваемых имен и те короткие имена, которые, судя по их ассирийским передачам, вполне могут быть иранскими, а также бóльшие по размерам имена, в иранском значении которых нет полной уверенности.

Такие имена по меньшей мере не могут служить аргументом в пользу мнения об отсутствии или крайне незначительном удельном весе иранского элемента в соответствующих районах, тем более если упомянутые имена происходят с территорий, где ираноязычное население уже засвидетельствовано и иным ономастическим материалом. Иранская принадлежность многих из подобных имен может быть также подтверждена рядом дополнительных данных. Так, в ряде случаев их носят правители из родов, другие представители которых имели бесспорно иранские имена, или упомянутые неясные имена принадлежат лицам из областей, уже называвшихся по-ирански, и т.п. Очень важны те примеры, когда для одних и тех же имен известны их различные формы, которые можно объяснить с учетом фонетики и грамматики иранских языков. Отдельные географические названия удается связать с более поздними топонимами и из их сравнения более точно установить иранскую принадлежность и значение имени. Используются и некоторые другие возможности для проверки предположения об иранском происхождении тех или иных имен.

2. Хронологическое и географическое распределение рассматриваемых имен

В данной работе рассматриваются прежде всего имена из источников IX–VIII вв. до н.э. Материалы именно этого периода имеют принципиальное значение при решении вопросов о путях и характере проникновения иранских племен в Переднюю Азию,

их распространении и удельном весе в районах Западного Ирана и соседних областей.

В VII в. до н.э. на этих территориях появляются скифы, политическое преобладание которых, по мнению ряда исследователей, имело особое значение в распространении иранских языков и увеличении ираноязычного населения. Несколько ранее в Переднюю Азию проникают киммерийцы. Первые сведения о них относятся ко времени Саргона II, но тогда киммерийцы находились к северо-западу от границ Урарту. В VIII в. до н.э. в Западном Иране, на восточных границах Ассирии, как и в южных областях Урарту и в ассиро-урартской пограничной полосе, их еще не было. Районы к востоку и северу от оз. Урмия к 714 г. до н.э., когда они описаны в «Письме Ашшуру» Саргона II, прочно входили в состав Урарту, и киммерийцы не могли повлиять на их топонимику (рассматривается ниже по данным названного источника)*.

В VII в. до н.э. возникает и Мидийское царство. В этом обычно видят одну из главных причин широкого распространения в Западном Иране иранского языка, иранских имен и т.д. Большую роль отводят употреблению иранского в качестве государственного языка Мидии. Но в первой четверти VII в. до н.э. основные центры будущего Мидийского государства еще находились под властью Ассирии. И оба отмеченных фактора — появление в Передней Азии киммерийско-скифских племен и образование Мидийского царства — в IX–VIII вв. до н.э. никак не могли иметь значения в процессе распространения иранских языков и увеличения ираноязычного населения в Западном Иране и соседних областях, откуда происходят рассматриваемые ниже имена.

Первоначальная территория мидийского племенного союза включала, видимо, район современных Хамадана–Зенджана–Казвина и области далее к юго-востоку. Западные районы, в частности в бассейне рек, впадающих в Диалу и оз. Урмию, не входили тогда в Мидию и у ассирийцев никогда не назывались мидийскими. Большинство авторов, в том числе все современные исследователи ономастического материала ассирийских текстов, считают, что в IX–VIII вв. до н.э. в этих районах иранские имена отсутствуют или (в пограничных с Мидией районах) являются единичными. Это положение обычно увязывается с точкой зрения о постепенном продвижении иранского этнического элемента с востока на запад. Существует даже мнение, что и на первоначальной территории мидийского союза иранские имена не представ-

* См. подробнее: Погребова, Раевский, 1992; Ivantchik, 1993; Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993; Иванчик, 1996; Грантовский, Погребова, Раевский, 1997; Погребова, Раевский, Яценко, 1998.

лены до середины VIII в. до н.э. и появляются в это время лишь на восточных окраинах Мидии. Но чаще считают, что на востоке отдельные иранские имена фиксируются с конца IX в. до н.э. и на собственно мидийской территории их число постепенно возрастает ко времени Тиглатпаласара III и особенно Саргона II, но все же и в это время они уступают по общему количеству неиранским именам.

Но и авторы, привлекавшие ассирийские ономастические материалы для обоснования точки зрения о пути иранских племен через Кавказ (Г. Хюзинг, Ф. Кёниг), отмечали в западных районах лишь немногие иранские имена, относя основную массу имен из тех же областей к числу неиранских. По их мнению, ираноязычные иммигранты, составляющие незначительные по сравнению с местным населением группы, сравнительно недолго находились на северо-западных окраинах Ирана и вскоре продвинулись на восток (мидяне) и юг (персы), где в основном и происходила консолидация ираноязычного населения.

Поэтому представляется целесообразным обратить особое внимание прежде всего на имена из областей к западу от первоначальной территории Мидии. Именно такие личные имена и географические названия бесспорной или предполагаемой иранской принадлежности включены в число приводимых ниже пронумерованных имен, размещенных в хронологическом порядке по мере их появления в ассирийских текстах. В этот перечень не включены определенно мидийские и имена из отдельных местностей, о которых в настоящее время трудно сказать, находились ли они в Мидии, у ее границ или в более западных районах; эти имена приводятся в той же хронологической последовательности, что и упомянутые выше, но без номеров (см. с. 205–206, 232 и сл., 271, 274 и сл., 370–382), причем они рассматриваются в основном менее подробно. Но многие из них анализируются под сходными по значению, форме или грамматическому составу «западными» именами; при этом привлекаются и имена из текстов VII в. до н.э., в том числе несколько имен из крайних на востоке областей, которых достигли ассирийцы и о которых нет данных в предшествующие эпохи (см. о них также с. 418–419).

Несмотря на значительную работу, проделанную различными исследователями в области локализации известных по ассирийским источникам географических названий, их конкретное размещение на карте сопряжено с большими трудностями. Исследователи часто предлагают самые различные, нередко прямо противоположные решения. Вместе с тем отдельные, казалось бы надежные, опорные пункты, на которых построены многие вы-

воды, вызывают существенные сомнения или оказываются явно неприемлемыми (ср., например, ниже о Бит-Хамбане). Более определенно можно установить взаимное расположение известных по текстам «стран», хотя и в этом отношении те или иные авторы придерживаются самых различных точек зрения. Но даже при одной и той же схеме взаимного расположения областей их конкретные локализации бывают совершенно различными в зависимости от принимаемых тем или иным автором размеров этих областей, расстояний, пройденных ассирийцами в соответствующих походах, а также направлений этих походов. Положение было бы иным, если бы для территорий между Ассирией на западе, Мидией на востоке и Эламом на юге можно было исходить хотя бы из нескольких точных локализаций на современной карте географических названий, известных по текстам IX–VII вв. до н.э. К сожалению, имеется лишь два таких пункта, к тому же на северной окраине указанной территории. Один из них — город Меишта урартской надписи Таштепе (к северо-западу от Миандуаба), находившийся, очевидно, в районе расположения надписи, но для локализации топонимов из ассирийских источников (не упоминающих Меишта) эта надпись дает немного, свидетельствуя лишь о том, что недалеко находились границы Маны. Достаточно надежно и отождествление местечка Зивийа (где был найден знаменитый «клад») с Зибиа ассирийских текстов, одной из трех центральных крепостей Маны, лежавшей поблизости от двух других — Армаит и столицы Изирту. Но если так устанавливается местоположение основной территории Маны (по течению р. Джегету, между Миандуабом и Саккызом), то зависимые от нее в VIII–VII вв. до н.э. и соседние с ней области локализуются уже по-разному. Так, «страна» Ми(с)си (Месу) помещается то к северо-западу, то к югу или юго-востоку от центра Маны; в свою очередь, от местоположения Миси зависят локализации ряда других областей.

В задачу настоящей работы не входит специальный анализ всех данных о локализации упоминаемых ниже «стран» и относящихся к ним имен[20]. Необходимо, однако, в целом охарактеризовать географическое размещение основных областей на территории между собственно Ассирией и Мидией и рассмотреть некоторые материалы, свидетельствующие о положении ряда местностей по отношению к Мидии. В последующих разделах географические данные привлекаются подробно лишь в тех случаях, когда более

[20] Некоторые из этих вопросов рассматриваются автором в подготавливаемых статьях по географии и истории ассирийских походов на восток.

точная локализация имеет принципиальное значение для поставленных в настоящей работе проблем (в том числе в ряде случаев и для установления иранской этимологии имен); специально рассматриваются также отдельные материалы о местностях, которые в отличие от принятой точки зрения помещаются не на востоке, а на западе.

Примерное расположение ряда основных стран рассматриваемой территории по отношению друг к другу характеризуется по данным текстов IX–VII вв. до н.э. следующим образом. В основном область современного Сулеймание занимала страна Замуа (еще достаточно надежно локализуемая); она стала ассирийской провинцией уже в IX в. до н.э. К востоку от нее располагались Парсуа (севернее) и Бит-Хамбан (южнее), завоеванные и превращенные в одноименные провинции при Тиглатпаласаре III (как обычно, с присоединением ряда промежуточных и соседних областей). К юго-востоку или востоку от Бит-Хамбана лежала страна Элипи, а к северо-востоку (или, как часто считают, и к северу) от Парсуа находилась Мана и примыкающие к ней области. На востоке и юго-востоке Ману отделяла от Мидии Гизильбунда и некоторые другие «страны». Между Элипи на юге, Бит-Хамбаном и Парсуа на западе, Маной и примыкающими к ней областями на севере находились Кишесу, Аразиаш, Хархар и еще ряд «стран», локализация которых наиболее неопределенна. После походов Саргона II в 716–715 гг. до н.э. на этих территориях были созданы провинции Кишесу и Хархар, включавшие и другие области, в том числе Аразиаш с тяготеющими к нему местностями.

Хархар, Аразиаш, Кишесу, Элипи и ряд других соседних с ними областей часто считают мидийскими, помещают на территории Мидии (в том числе некоторые из них к востоку от Хамадана) или к югу и даже юго-востоку от центров Мидии (Элипи и примыкающие области). Это мнение сложилось в значительной мере в результате неоправданного для рассматриваемой эпохи расширения понятия «Мидия», но прежде всего оно основано на системе локализаций, определяющих для данных областей место на основной территории Мидии и в районах к югу или юго-востоку от района Хамадана.

По текстам IX–VII вв. до н.э. для отдельной «страны», как правило, можно установить непосредственное или более отдаленное соседство с несколькими другими «странами» и местностями, некоторые из них, в свою очередь, соотнести с иными областями или группами областей и т.д. Поэтому существенное изменение конкретного места на карте какой-либо области неизбежно приводит и к иной абсолютной локализации ряда других областей.

Как уже говорилось, при одинаковой последовательности расположения областей в примерном направлении с запада на восток та или иная область нередко оказывается у различных авторов намного ближе или дальше от исходных, надежно локализуемых западных районов. Данные источников для большинства случаев определенно свидетельствуют в пользу более кратких расстояний и соответственно меньших размеров областей, стран и ассирийских провинций*.

Одной из основных работ по географии Ассирии и примыкающих стран до сих пор остается книга Э. Форрера (Forrer, 1920). Система его локализаций оказала большое влияние на последующие исследования в этой области. Но наряду с важными наблюдениями и выводами в труде Э. Форрера имеются и существенные ошибки, в основном, впрочем, закономерные для работы того времени. Одна из них, касающаяся Аррапхи, весьма показательна. Э. Форрер помещал ее к востоку от Диалы, у современного Ханекина. Но после находок многочисленных документов в районе Киркука стало точно известно, что она находилась именно там, т.е. далеко к северо-западу от Ханекина. Это перемещение должно было бы вызвать существенные изменения в системе локализаций Э. Форрера и следующих за ним авторов. К тому же оно оставляет свободным издревле важный район на дороге из Вавилонии в центры Ирана (к Экбатанам и далее), там, где она вступает на иранскую территорию. Местности по этой дороге, безусловно, входили в состав Бит-Хамбана (у Диалы, в районе современной ирано-иракской границы, см. ниже). Но Э. Форрер, в основном правильно определявший место Хамбана между Аррапхой и Элипи, помещал его к востоку от Керманшаха. Эта обычная локализация основана, однако, лишь на общепринятом (Ю. Прашек, Ф. Вайсбах и др., ср. ниже) отождествлении Хамбана, Кампанды персидской версии Бехистунской надписи, с Камбаденой Исидора Харакского — небольшой областью на упомянутой дороге, — действительно точно локализуемой между Керманшахом и Кенгавером с центром у Бисутуна. Но данные клино-

* О географии Ирана в новоассирийскую эпоху см., например: Reade, 1995. Автор, в частности, приводит известные ему в англоязычном пересказе аргументы Э.А. Грантовского (Грантовский, 1983) в пользу отождествления горы Бикни с Демавендом (Reade, op. cit., p. 40). Новые публикации используемых в работе (а также вновь обнаруженных) ассирийских документов см.: Levine, 1972; Parpola, 1987; Lanfranchi and Parpola, 1990; Grayson, 1991; Idem, 1996; Tadmor, 1994; Borger, 1996; Fuchs, 1994; Idem, 1998; Fuchs and Parpola, 2001; Dietrich, 2003. См. также новые публикации разноязычных ахеменидских надписей: Eilers, 1971; Mayrhofer, 1978; Vallat, 1970; Idem, 1971; Idem, 1972a; Idem, 1972b; Idem, 1972c; Idem, 1974; Idem, 1979; Idem, 1983; Steve, 1974; Greenfield and Porten, 1982; Voigtlander, 1987; Schmitt, 1991; Idem, 2000; Grillot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat, 1993, etc.

писных источников о Бит-Хамбане не позволяют относить его так далеко на восток. А. Биллербек и М. Штрекк, еще не связывая Хамбан с Камбаденой, помещали его в районы Ханекина или Хульвана (ср.: Streck, 1901, 323 sq., 353). А И.М. Дьяконов, принимающий это отождествление, локализовал Хамбан в районе современного Бисутуна (АВИИУ, № 68, 15), но в «Истории Мидии» (1956, 90, 255, 437 и др.) определяет его местоположение к северо-западу или западу от Керманшаха, на левых притоках Диалы, распространяя название Камбадена на эту область, как и на районы восточнее Керманшаха (но у Исидора Харакского Камбадена — лишь небольшая область только в указанном районе). Другие же авторы, отождествляя Камбадену с Хамбаном, непосредственно помещают его у Керманшаха и к востоку от него (Э. Герцфельд, И. Алиев, М.А. Дандамаев и др.). Но это отождествление основано лишь на некотором созвучии древнеиранского названия Хамбана — *Kampanda* с греческой передачей иного топонима — Καμβαδηνή. По описаниям европейских путешественников XIX в. (ср.: Streck, 1901, 352 sq.; Weissbach, RE, II, 2, 2769 sq., X, 2, 1807 sq.), еще тогда область, названная Камбаденой у Исидора Харакского, именовалась *Čāmăbădān*, чему и соответствует греческая форма. Ясно, что две уже собственно иранские формы — *Kampanda* и *Čāmăbădān* — не имеют ничего общего. Тем более и название Бит-Хамбана (также Ханбан, Хаббан и пр.) не может быть связано с греч. Καμβαδηνή и н.-иран. *Čāmăbădān*.

О положении Бит-Хамбана в указанной выше области у Диалы свидетельствуют различные данные. Так, вавилонские источники конца II тысячелетия до н.э. и ассирийские надписи IX–VIII вв. до н.э., в частности описания походов Салманасара III в 843 и 834 гг. до н.э., определенно указывают на тесные связи и непосредственное соседство Хамбана с Намаром. Последний лежал по среднему или нижнему течению Диалы, причем, судя по данным III–II тысячелетий до н.э., по крайней мере в основном, к западу от нее. При Салманасаре III в Намар входил и г. Ни(к)ку страны Туклиаш. Туклиаш (Туплиаш) располагался по левому берегу нижнего течения Диалы, а г. Нику находился, очевидно, в северной части этой страны. Салманасар III вторгся в Намар с севера (или в крайнем случае с северо-востока), пройдя по пути через Бит-Хамбан. Бит-Хамбан, следовательно, лежал у Диалы севернее Намара или к северо-востоку от его центров, если они и в ассирийскую эпоху находились к западу от реки.

Но если для Бит-Хамбана, как и для Замуа (локализуемой более точно), еще можно определить конкретное место на современной карте, то для большинства других интересующих нас областей это

сделать трудно. Предлагаемые иногда ниже конкретные локализации приводятся главным образом для примерной ориентации. Но прежде всего мы будем исходить из расположения областей по отношению друг к другу. Следует, однако, учитывать, что все «страны», о которых говорится в данном разделе, должны быть размещены на сравнительно небольшой территории. При Ашшурбанапале, когда уже существовало самостоятельное Мидийское царство (см.: HABL, № 434; IIR, 53, № 1; ср.: Forrer, 1920, 52 sq.; Дьяконов, 1956, 273 и сл.), Хархар и Кишесу оставались собственно ассирийскими провинциями. Центром Мидии тогда уже, безусловно, были Экбатаны (к тому же трудно предположить, что столица находилась на ассирийской границе). Пределы Мидии в этом районе не могли, следовательно, начинаться намного восточнее 48° долготы. Таким образом, если даже отнести Хархар и Кишесу к числу мидийских «стран», то и тогда они и примыкающие к ним местности должны локализоваться к западу от области Хамадана.

Постараемся определить точнее, какие «страны» в IX–VIII вв. до н.э. находились за пределами Мидии и у каких областей проходили ее границы. В северной части рассматриваемой территории Мана и ее южные соседи, как уже говорилось, были отделены от Мидии Гизильбундой и некоторыми другими областями. Гизильбунда противопоставляется Мидии в ряде текстов IX–VIII вв. до н.э., в том числе в подробном описании «Письма Ашшуру» 714 г. до н.э. В 820 г. до н.э. Шамши-Адад V, идя с запада, разграбил соседнюю с Маной область Миси, затем воевал на территории Гизильбунды, после чего вошел в Цибар, из которого вторгся в Мидию. По анналам этого царя Цибар хотя и находится поблизости от Мидии, но представляет отличную от нее единицу. Местность и крепость Цибар (вар. Цибур и др.) упоминается и в ряде текстов VIII в. до н.э. В 737 г. до н.э. Тиглатпаласар III, идя в Мидию, прошел Цибур, безусловно, до вступления в ее пределы, но, очевидно, и тогда ассирийцы попали в Мидию сразу после Цибура (ср. ниже, с. 226, 237). Наконец, в ряде текстов Саргона II Цибар определяется как находящийся «у пределов («у границ» или «перед», «напротив») страны мидян» (цилиндры Саргона из Дур-Шаррукина, по изд.: Lyon, 1883, стк. 14; фрагмент надписи из Калху по изд.: Gadd, 1954, pl. 51, стк. 12; к чтению и переводу ср.: Cameron, 1936, 155; Gadd, 1954, 200; АВИИУ, № 53; Дьяконов, 1956, 166). Эти данные интересны не только как указание на определенный пункт у границы Мидии и свидетельство того, что и области до Цибара не входили в ее состав. Из этих фактов следует, что границы Мидии (по крайней мере в этом

районе) оставались неизменными на всем протяжении рассматриваемого периода.

На юге интересующей нас территории лежала страна Элипи. Исследователи, локализующие Бит-Хамбан у Керманшаха и к востоку от него (см. выше), соответственно относят Элипи еще далее, например в район Гульпаегана, между Хамаданом и Исфаганом, ближе к последнему (Herzfeld, AMI, IX, Ht. 3). И.М. Дьяконов (1956, 90, карта между стр. 224 и 225), локализующий Хамбан иначе, считает, что Элипи находилась в районе Керманшаха и к востоку от него, что представляется гораздо более убедительным, хотя значительная часть этой страны скорее занимала территорию не к востоку, а к западу от Керманшаха. Это подтверждается данными текстов о близости Элипи к Бит-Хамбану и Намару; рядом с ними Элипи названа и в ряде надписей (некоторые примеры см. ниже).

До Саргона II страна Элипи или ее отдельные районы вообще никогда не упоминаются рядом с Мидией. В некоторых его надписях они действительно называются рядом, а по анналам (стк. 158 по KS) одна область Мидии находилась у пределов Элипи. Но и эти данные показывают, что Элипи — отдельная от Мидии единица. Из анализа же надписей Саргона II в целом ясно следует, что под Элипи понималась территория иной географической полосы, не той, в которой лежала Мидия. При Саргоне II в общих списках страны обычно перечисляются по группам, соответствующим определенным географическим районам. Одну из таких групп составляет «страна мидян», затем иногда следует Элипи. Но, например, в надписи «XIV зала» из Хорсабада (стк. 7–8, изд. Weissbach, 1918) за перечислением в одной фразе стран до Мидии включительно лишь в следующем предложении, со своим глаголом, говорится об Элипи (затем, снова в отдельной фразе, об Урарту и Мусасире и т.д.). Уже это подразумевает переход к территориально иной группе стран. Обычно рядом с Элипи называются Раши (северо-западнее Элама) и затем области (или «арамеи») на берегах Тигра и у западных пределов Элама (далее обычно следует Вавилония и т.д.). Причем в этой группе Элипи иногда стоит в таких списках и после Раши; последняя в этих случаях и упоминается непосредственно за Мидией (например, в другом отрывке надписи «XIV зала», стк. 23: страна мидян — страны Раши и Элипи, которые на границах Элама, — арамеи на берегах Тигра). Наконец, еще в одной группе текстов с иным порядком перечисления после Мидии назван Намар и лишь за ним Элипи, а далее Бит-Хамбан и Парсуа, Мана и Урарту и т.д. (стандартные тексты цилиндров из Дур-Шаррукина; фрагмент надписи из Калху, изд.: Gadd, 1954, pl. 51, стк. 12–13).

Упоминание в этих текстах Элипи между Намаром и Бит-Хамбаном не случайно. На близкое соседство с районами у Диалы указывают различные данные об Элипи, начиная с первого упоминания при Ашшурнасирапале II (подпись к изображению из Имгур-Энлиля: King, 1915, 35, pl. LXXVIII); ассирийцы тогда еще не проникали далеко к юго-востоку, и район Элипи, где они побывали, очевидно, находился недалеко от областей по Диале. Это подтверждается вторым известным упоминанием Элипи под 843 г. до н.э., когда сообщается, что после захвата городов Намара, в том числе г. Нику страны Туклиаш, ассирийцы получили дань Бару Элипского на перевале страны Туклиаш (табл., IV, 21–22; ср.: КАН, № 113, IV, 28).

Безусловно, с тем именем, которое носил правитель Элипи, упоминаемый в 843 г. до н.э., связано название области Бит-Бару, или Бит-Баруа (об имени, его написании и текстах, где они приводятся, см. с. 201–204). При Тиглатпаласаре III она была причислена к провинции Бит-Хамбан, а ко времени Синаххериба оказывается частью Элипи и в 702 г. до н.э. вновь включена в состав Ассирии. В текстах Тиглатпаласара III эта область всегда упоминается между Бит-Хамбаном и Сумурзу, с одной стороны, и Бит-Зуальзашем — с другой. Сумурзу и Бит-Зуальзаш и по другим данным VIII в. до н.э. находились рядом с Бит-Хамбаном, а Сумурзу упоминается еще в 843 г. до н.э. как один из городов Намара вместе с г. Нику. Перед 702 г. до н.э. Бит-Бару(а), следовательно, должна была занимать северо-западную часть Элипи. Учитывая сведения о походе 843 г. до н.э., представляется определенным, что она и в IX в. до н.э. входила в состав Элипи. Территория, на которой располагались Бит-Бару(а) и соседние с ней местности, по ряду данных локализуется недалеко от «Нику страны Туклиаш», где принес свою дань Бару Элипский в 843 г. до н.э.

Таким образом, страна Элипи никогда не причислялась к Мидии. Ее западные районы лежали близко от Намара и Бит-Хамбана, а с Мидией она могла граничить лишь на востоке или северо-востоке, да и то, возможно, лишь в конце VIII в. до н.э. (когда роль и территория Элипи увеличиваются). Во всяком случае и здесь в то время границы Мидии не могли, очевидно, заходить на запад намного далее 48° долготы*.

Перейдем теперь к Аразиашу. Э. Герцфельд (AMI, IX, 3) помещал Хархар и Аразиаш в район Нихавенда и Алиштара (южнее Нихавенда), но, как указывалось, все области этой полосы он смещает слишком далеко к юго-востоку, по относительной же

* Ср.: Medvedskaya, 1999.

локализации Аразиаш находился, по его мнению, примерно между Бит-Хамбаном и Элипи. Э. Форрер (1920) помещал Хархар, а соответственно и Аразиаш к западу от Мидии (от района Хамадана), что кажется наиболее удачным из предлагавшихся абсолютных локализаций. По М. Штрекку (1901, 308, 317 и сл., 344 и сл.), Ф. Кёнигу (RA, I, 139), Э. Михелю (Michel, 1955, прим. к обел., 121) и ряду других авторов, Аразиаш — мидийская местность недалеко от Хамадана. И.М. Дьяконов также помещает Хархар и Аразиаш в Мидии, локализуя при этом Аразиаш и связанную с ним область Речки около Хамадана (Аразиаш — к северу от него) или даже восточнее, в направлении оз. Дерьячей-Немек (АВИИУ, № 49, прим. 49; 1956, 91, 168, 214 и др.).

Основанием для отнесения Хархара и Аразиаша к Мидии является по существу лишь сообщение Черного обелиска (стк. 121), где в числе пройденных ассирийцами в 834 г. до н.э. стран вслед за Миси называются $^{KUR}Amadāi$, $^{KUR}Araziaš$, $^{KUR}Ḫarḫar$. За М. Штреком Э. Михель и другие авторы понимают это в смысле: область мидян, а именно Аразиаш и Хархар; И.М. Дьяконов (1956, 162) пишет, что ассирийцы «спустились... в округа Аразиаш и Хархар, принадлежавшие уже к стране мидийского племенного союза». Но это толкование нельзя признать убедительным. Форма $^{KUR}Amadāi$ не требует каких-либо дополнений и является самостоятельным понятием. Во многих перечислениях стран большого числа надписей разных эпох вслед за $^{KUR}Madāi$ '(страна) мидян' называются иные области, не причислявшиеся к Мидии или даже не граничившие с ней. Уже поэтому и по данным обелиска следует видеть в Хархаре и Аразиаше равнозначные Мидии, отдельные от нее единицы.

Во второй раз Аразиаш упоминается при описании похода Шамши-Адада V в 820 г. до н.э., когда он вторгся в Мидию, пройдя Миси, Гизильбунду и Цибар. Трудно сказать, в каких местностях Мидии были тогда ассирийцы [не кажутся обязательными выводы И.М. Дьяконова (1956, 166, 168)], но и в анналах Шамши-Адада V под Мидией имеется в виду страна с крайних западных границ той территории, которую Мидия занимала в IX–VIII вв. до н.э. (ср. выше о Цибаре). Аразиаш же лежал к западу от нее. В анналах Шамши-Адада V после рассказа о военных действиях в Мидии сказано: *ina taṭārtiṭa* 'при моем возвращении', 'на моем обратном пути' (IR, 30, III, 37). Это определенно указывает на движение к западу из районов, где ассирийцы были ранее. Далее из текста следует, что на обратном пути они оказались у горы Куллар (у излучин Малого Заба), где получили дань от 28 «царей Наири». Разгром правителя Аразиаша был, очевидно, единствен-

ным (или наиболее значительным) заслуживающим упоминания военным событием на пути между Мидией и горой Куллар. После указания на начало обратного пути и до Аразиаша упоминается еще о преодолении «горы камня *musi*». Таким образом, данные анналов Шамши-Адада V могут свидетельствовать, что Аразиаш находился западнее Мидии, но из них даже не следует, что он граничил с ней. Салманасар III в 834 г. до н.э. тоже двигался к Мидии со стороны Миси и, безусловно, также прошел Аразиаш и Хархар лишь после того, как побывал в Мидии. Следует заметить, что Черный обелиск для 834 г. до н.э. представляет лишь очень краткую редакцию анналов, и, как обычно в таких случаях, ряд пройденных областей пропускается.

Далее в списке стран из надписи Ададнирари III (IR, 35, № 1, стк. 5–11) Хархар и Аразиаш, за которыми названа Миси и лишь затем Мидия, определенно отличные от последней единицы, и они здесь, как и Миси, также должны представлять области к западу от Мидии.

О том, что Аразиаш был расположен вне пределов Мидии и на значительном расстоянии от нее, четко свидетельствуют данные анналов Тиглатпаласара III (КТР) о походе 744 г. до н.э., между прочим, вообще не затронувшем Мидию (ср. с. 257 и сл.). О действиях в Аразиаше (стк. 44–47) упоминается после событий в Бит-Капси, определенно лежавшей западнее Мидии (стк. 41–42), и сообщения о взятии Эрензиаша (стк. 43–44). Поскольку после Аразиаша ассирийцы попали в Сумурзу и Бит-Хамбан (стк. 47 и сл.), можно сделать вывод, что Аразиаш находился сравнительно недалеко от этих местностей по Диале в районе современной ирано-иракской границы. Упоминание Аразиаша непосредственно за Эрензиашем также не случайно; они лежали в одной местности, именуемой при Саргоне II в 714 г. до н.э. «(область) Речки» (ПА, стк. 42), в 715 г. до н.э. — «(область) Верхней и Нижней Речки» (анн., стк. 83, 86 по KS). А под 716 г. до н.э., когда Саргон впервые вступил в эту местность, анналы (стк. 72) дают разъяснение: «Область Верхней речки, или Аранзи(э)шу, и Область Нижней Речки, или Бит-Раматуа». М. Штрекк, Р. Буду (Boudou, 1929), Ф. Кёниг, Э. Михель и др. отождествляют Эрензиашу (744 г. до н.э.) и Аранзи(э)шу (716 г. до н.э.) с Аразиашем. Но под 744 г. до н.э. Аразиаш назван рядом с Эрензиашу; это, следовательно, соседние местности, а не одна и та же. Собственно Аразиашу, где в 744 г. до н.э. правил Раматейа, должна соответствовать Бит-Раматуа (ср.: И.М. Дьяконов, 1956, 209, который при этом также отождествляет Аранзешу с Аразиашем и Эрензиашем, но предполагает, что и Бит-Раматуа составляла ранее часть

Аразиаша). В Ниневийской призме Саргона под тем же 716 г. до н.э., если верна убедительная аранжировка фрагментов у Х. Тадмора (Tadmor, 1958), Бит-Раматуа фигурирует, очевидно, под старым названием Аразиаш [фрагмент К-1673, KS, II, pl. 46, последняя строка: $^{KUR}A\text{-}ra\text{-}zi\text{-}(x)$].

Эрензиаш, кроме того, идентифицируется с Элензашем текстов Синаххериба, находившимся тогда в пределах Бит-Бару или рядом с ней. В 702 г. до н.э. Бит-Бару и Элензаш были отделены от Элипи и вновь присоединены к Ассирии (AS, 28–29, 59). Бит-Бару(а), как говорилось, лежала поблизости от тех же районов, рядом с которыми, по приведенным выше данным, помещались Эрензиаш и Аразиаш.

В последний раз название Аранзиаш упоминается при Ашшурбанапале в «Цилиндре Рассама» (VII, 65, цит. по: KB, II) вместе с именами 20 других местностей из ассиро-эламской пограничной полосы того времени (еще до разгрома Элама Ашшурбанапалом). Считают, что Аранзи(э)ш-Эрензиаш текстов VIII в. до н.э. не может быть той же географической единицей, что и Аранзиаш «Цилиндра Рассама» (ср.: Streck, 1901, 344 sq.; Boudou, 1929, 18). Но это мнение — результат неоправданной локализации Аразиаша и связанных с ним местностей далеко на востоке или даже на северо-востоке, в Мидии. При предложенной выше локализации тех же местностей они оказываются как раз на территории, за которую в конце VIII — середине VII в. до н.э. шла борьба между Ассирией и Эламом. Успех тогда в основном сопутствовал Эламу. В его владении или под его влиянием к концу этого периода находились многие области и города, принадлежавшие некогда Ассирии или зависевшие от нее, в том числе определенно и Элипи с примыкающими районами. Местности, среди которых в «Цилиндре Рассама» назван Аранзиаш, как следует из этого текста, находились недалеко друг от друга и рассматривались как отпавшие от Ассирии. Из них те местности, которые известны и по другим текстам, локализуются северо-западнее Элама, от районов восточнее долины Нижней Диалы до соседних с Элипи. Все это свидетельствует, что Аранзиаш Ашшурбанапала вполне может соответствовать Эрензиашу Тиглатпаласара III и Аранзи(э)шу Саргона II, сами же названия, безусловно, идентичны.

При Ашшурбанапале страна Элипи уже не упоминается и, вероятно, не существовала более как политическая единица. Но в начале VII в. до н.э. под эгидой Элама она принимала участие в войне с Ассирией. Успех Синаххериба в 702 г. до н.э. оказался временным. А еще перед этим, как уже говорилось, к Элипи были присоединены или, вернее, возвращены ей районы, временно

принадлежавшие Ассирии. В 702 г. до н.э. ассирийцы воевали с Аспабарой, воцарившимся в Элипи с их же помощью в 708 г. до н.э. (к дате см.: Tadmor, 1958, 96), когда эламские войска поддерживали его брата. Из анналов Синаххериба следует, что еще при Саргоне II эламиты захватили некоторые пограничные ассирийские города к востоку от районов по Нижней Диале (см.: AR, II, 124). Еще в 713 г. до н.э. в Элипи правил послушный Ассирии Дальта, а под 708 г. до н.э. сообщается о большом эламском отряде, стоявшем в Марубишту, царском городе Элипи. Эти данные объясняют сообщения о сооружении Саргоном II как раз перед 708 г. до н.э. крепости для противодействия Эламу в Сагбате (анн., стк. 368 по KS; «Парадная надпись», стк. 138). Эта местность должна была находиться где-то к северу или северо-западу от Элипи.

Сагбат, очевидно, тождествен Бит-Сагбату, известному со времени Тиглатпаласара III. Он упоминался и в его анналах (стк. 173 по KTP), где, правда, сохранилось лишь начало имени — Бит-Са..., что ранее восстанавливалось как Бит-Сангибути (П. Рост, Д. Люккенбиль и др.). Но это оказывается невозможным при сопоставлении с другими данными о походе 737 г. до н.э. в анналах и материалами иных надписей того же царя. Напротив, из анализа этих данных следует, что здесь упоминался Бит-Сагбат, как и указано И.М. Дьяконовым (1956, 201), который, однако, при этом пишет: Бит-Сагбит. Но название этой местности известно лишь в написании Бит-Сагбат как при Саргоне II (ср. ниже), так и при Тиглатпаласаре III (гл. табл., стк. 31: *Bīt-Sa-ag-ba-at*).

В анналах при описании похода 737 г. до н.э. Бит-Са[гбат]* упоминается перед «страной», именующейся в надписях Тиглатпаласара III то Сильхази, то Тилашури, в обоих случаях с добавлением: «(которую) они называют» или «(которая есть)» Крепость вавилонян(ина) (*ša mār Bābili*, возможно и «человека из рода Бит-Бабилу»). Наличие нескольких названий этой местности, в том числе по имени города или крепости, подтверждается вариантами наименования в текстах Асархаддона: страна Парнаку — страна Тилашури — город Питану (Призмы A, B, S; новые надписи: Wiseman, 1952; Heidel, 1956, и др.; Питану иногда с детерминативом KUR, но обычно URU; Парнаку и Тилашури всегда с KUR, как и Сильхази и Тилашури в VIII в. до н.э.).

И.М. Дьяконов (1956, 201, 267, 276–278, 372) локализует эту местность «в самом центре Мидии, около будущей Экбатаны»,

---

* Судя по более поздним документам, в этом контексте упоминается скорее *Bīt-Sa-ga-bi* (см.: Zadok, 2002, p. 124, с литературой; ср., однако: Tadmor, 1994, p. 72 and note 9). В любом случае речь, видимо, идет о вариантах одного и того же топонима (Zadok, 2002, p. 131).

идентифицируя «Крепость вавилонян» с Кар-Кашши («Колония касситов»?), владением Каштарити, отождествляемым с провинцией Бит-Кари и обычно помещаемым в районе Хамадана (так же, например: Hüsing, 1908, 25). Но уже сама идентификация «Крепости вавилонян» с Кар-Кашши не только бездоказательна, но, очевидно, и неприемлема. Ведь Кар-Кашши и Бит-Кари упоминаются в текстах Асархаддона, как и Парнаку = Тилашури = Питану, и не могут быть дополнительными названиями этой местности. Парнаку = Тилашури Асархаддона определенно не соответствует провинции Бит-Кари, а действия против Парнаку происходили на несколько лет ранее начала мидийского восстания. Кроме того, хотя тексты Асархаддона и не сообщают определенных данных для локализации Парнаку = Тилашури, но позволяют все же поместить эту местность к западу от Мидии. Д. Вайзман, например, локализует Парнаку близ Бит-Хамбана и видит в походе на Парнаку акцию с целью сдержать Элам (Wiseman, 1958, 12). Распространено также мнение, что Парнаку (возможно и чтение Барнаку) соответствует (Бит-)Бурнаку или (Бит-)Бунаку Синаххериба и Ашшурбанапала. Данная местность находилась к северо-западу от Элама, в пограничной ассиро-эламской полосе того времени (ср.: König, RA, II, 38; Wiseman, 1958, 12, там же см. литературу). Это мнение хотя и не обязательно, но все же не исключено.

И.М. Дьяконов исходит также из данных о заключительной части похода 737 г. до н.э., когда ассирийцы, идя с востока, прошли Бит-Сагбат и затем Сильхази-Тилашури. Он помещает Бит-Сагбат в Северной Мидии (юго-западнее Казвина), отождествляя его с Сагбиту 820 г. до н.э. Но (Бит-)Сагбат (не Бит-Сагбит), как отмечалось выше, очевидно, не мог находиться в Мидии, а если и лежал на ее границах, то не на севере, а на крайнем юге*. После упоминания о жертвах Мардуку в Тилашури

---

* Существует гипотеза о том, что (Бит-)Сагбат — ранняя (до иранского перехода *$s > h$) форма названия Экбатан — *Ha^{n}gmatāna-* древнеперсидских надписей (Медведская, 1995; Medvedskaya, 2002). Независимо от правомерности географического отождествления Бит-Сагбата с Экбатанами, его лингвистическое обоснование вызывает сомнения. Переход *$s > h$ в иранских языках предшествовал переходу *$ś > s$, отразившемуся в иранских именах, засвидетельствованных в 829 (*Artasari*) и между 821 и 819 (*Artasirari*) гг. до н.э. Следовательно, в середине IX в. до н.э., когда давались эти имена, перехода *$s > h$ уже не происходило. Учитывая, что закономерность *$s > h$ явно не была одномоментной, а действовала в течение определенного времени, после чего некоторое время продолжала существовать фонема *$ś$ (давшая впоследствии югозападноиранский θ и северозападноиранский s), ассирийцы, для того чтобы застать арийский *s, еще не перешедший в h, должны были бы познакомиться с названием Экбатан самое позднее на рубеже XI–X вв. до н.э. (а реально, видимо, еще раньше), что представляется маловероятным. Р. Цадок также возражает против трактовки этого топонима как «домидийского» иранского, считая его касситским (Zadok, 2002, p. 121, 124, 131).

в анналах Тиглатпаласара III называется г. Нику (все в одной строке, 176 по КТР). По И.М. Дьяконову, отождествление этого Нику с одноименным городом Туплиаша невозможно, так как далее перечисляются поселения Наири (АВИИУ, № 41, стк. 176 и сл. и прим. 11). Но они упоминаются уже после лакуны, а г. Нику — перед ней, сразу за Тилашури, безусловно, в связи с восточным походом 737 г. до н.э. Во всех сводках завоеваний восточных стран в других надписях Тиглатпаласара III фигурирует тот же «(город) Нику (страны) Туплиаш», что определенно и следует восстановить для «(город) Нику...» в анналах (как и дополнено в AR, I, 278). Таким образом, Тилашури этих текстов находился недалеко от Бит-Хамбана и северо-восточной части Намара, т.е. примерно там же, где, по иным данным, предположительно помещают Тилашури Асархаддона.

Поблизости от этих районов, как мы видели, лежала и Бит-Баруа. И.М. Дьяконов по ассирийским текстам также локализует ее «по соседству с Бит-Хамбаном и Эллипи», кроме того, обоснованно идентифицируя с ней страну Баруата урартских надписей; она упоминается в них дважды и оба раза, у Аргишти I (УКН, № 127, III, 11, 12) и Сардури II (№ 155, A, 4–6), рядом со страной Бабилу, что определенно указывает на их близость или даже непосредственное соседство. По И.М. Дьяконову, Бабилу может соответствовать лишь Намару, вавилонизированному по населению и культуре (АВИИУ, № 28, прим. 20; 1956, 170; см.: Меликишвили, 1954, 40; УКН, 422). Все это представляется вполне убедительным, за исключением отождествления Бабилу — Намар. Если исходить из данных о языковой и культурной «вавилонизации», то в Бабилу можно было бы видеть и Бит-Хамбан, и ряд других областей далее к востоку, в том числе и Сильхази-Тилашури, где «был центр культа вавилонского бога Мардука» (Дьяконов, 1956, 201). Но конкретное имя Бабилу урартских текстов должно все же следовать реальному названию, которое было дано какой-то территории местным или соседним населением. Мы видели, что страна Сильхази, или Тилашури, могла именоваться и как страна крепости, или города, «вавилонян(ина)» — Бабилу (в этом укрепленном городе, *dannūtu*, безусловно, и находился храм Мардука, который, по анналам Тиглатпаласара III, «живет в стране Тилашури»). В связи с этим особого внимания заслуживает то обстоятельство, что из двух указанных урартских текстов в более раннем, у Аргишти I, упоминается именно «страна города Бабилу»: ^{URU}*ba-bi-lu-i-ni-e* ^{KUR}*e-ba-ni-edi* '(на) (города) Бабилу страну', при простом ^{KUR}*Baruataidi*, ^{KUR}*Paršuaidi* '(на) (страну) Баруата', '(на) (страну) Паршуа' в следующей строке. Таким образом, и

Бабилу урартских текстов отражает собственное название не страны, а города, по которому эта страна могла именоваться, на что и указывают надписи Тиглатпаласара III, в которых приводятся и названия самой страны — Тилашури и Сильхази. Соответствующие сведения урартских и ассирийских источников относятся к небольшому периоду времени в 40–50 лет, когда среди нескольких названий данной территории и было широко известно ее обозначение по городу, или крепости, Бабилу.

Отождествление с Бабилу урартских надписей еще раз свидетельствует, что страна Сильхази-Тилашури лежала далеко к западу от собственно Мидии, а также вновь указывает на близость этой местности к Бит-Баруа. Что касается Бит-Сагбата, то он находился к востоку от Тилашури, но на сравнительно близком расстоянии от этой страны. В анналах под 737 г. до н.э. они не только последовательно упоминаются (при этом возможны пропуски областей, где не было важных событий), но и сообщается, что жители Бит-Сагбата бежали от ассирийцев в Сильхази-Тилашури.

Итак, на основании данных различного рода из текстов разного времени можно определенно говорить, что Аразиаш и Эренз-иаш («Область Речки»), Бит-Баруа, Сильхази-Тилашури, Бит-Сагбат находились поблизости друг от друга, примерно в одном и том же районе, к востоку от Бит-Хамбана и северной части Намара и к северо-западу или северу от Элипи. Таким образом, весь этот район локализуется западнее собственно Мидии, что ясно следует и из сведений о положении входивших в него отдельных местностей относительно страны мидян IX–VII вв. до н.э. Кроме того, можно еще отметить следующее. Как говорилось, г. Эленз-аш текстов Синаххериба (очевидно, то же, что Эренз-иашу) определенно находился в указанном районе, близ Бит-Баруа. Эленз-аш, вар. Элинз-аш, отождествляется с Алинза Птолемея (Ф. Андреас, М. Штрекк и др.). Но как раз эта убедительная идентификация свидетельствует о положении соответствующих районов к западу от собственно Мидии. Птолемей упоминает два города с таким названием, оба примерно на той же широте, что и Экбатаны, но много западнее ее: Ἀλίνζα ἢ καὶ ὄρος(α) — 84° долготы, Ἀλίνζα — 86°10′, Экбатаны — 88° (Ptol., VI. 2, 11, 13, 14)*.

Имеются и некоторые данные для определения взаимного расположения отдельных местностей в пределах указанного района. Но здесь для нас это не имеет принципиального значения. Отметим лишь, что та или иная область как политическая единица

* По мнению Р. Цадока, эти страны находились в Западной Мидии (Zadok, 2002, p. 122–132).

либо географическое понятие в разные периоды могла иметь неодинаковые размеры, то включая некоторые соседние местности, то выступая без них. И наоборот, о некоторых местностях (например, об Эрензиаше) известно, что они принадлежали правителям иных «стран», затем являлись отдельными политическими единицами, вновь оказывались в пределах соседних областей и т.д. Аразиаш был важным политическим образованием в IX в. до н.э., когда он упоминается среди основных стран территории к западу от Мидии. Позже он постепенно утрачивает свое значение и, по-видимому, принадлежавшие ему области, но в 744 г. до н.э. еще имеет определенный вес, значительные богатства и самостоятельного правителя, а через несколько десятилетий теряется среди мелких владений, известных в этих районах.

Приведенные выше данные позволяют более определенно установить положение областей Хархар и Кишесу и созданных на их основе в 716–715 гг. до н.э. одноименных ассирийских провинций. Часто считают, что провинция Кишесу находилась целиком на территории Мидии или включала в свой состав часть собственно мидийских областей, и именно в северных районах. Так, И.М. Дьяконов (1956, 208 и др.) помещает область Кишесу у Кызыл-узена, а присоединенные к провинции местности — к западу и юго-западу от Казвина. Но это мнение основано лишь на отождествлении Сагбиту 820 г. до н.э. с Бит-Сагбатом, включенным в 716 г. до н.э. в провинцию Кишесу. Однако Бит-Сагбат, как указывалось, был расположен не на севере, а на юге. Можно также заметить, что области на северо-востоке интересующей нас территории тогда, очевидно, вообще не включались в состав ассирийских провинций (хотя и приносили временную дань). Быть может, имело значение то, что они примыкали к расширившемуся Манейскому царству, союзному в то время с Ассирией. Во всяком случае Гизильбунда, Цибар, Бит-Капси и другие лежавшие здесь местности никогда не включались (по крайней мере по имеющимся данным) ни в Кишесу, ни в Хархар. Некоторые из них при Тиглатпаласаре III были приписаны к расположенной западнее Парсуа и, возможно, причислялись к ней на предмет уплаты дани и при Саргоне II.

Как уже говорилось, Кишесу и Хархар оставались провинциями Ассирии при Ашшурбанапале, когда уже существовало Мидийское царство. В общих сводках завоеваний Саргона II Кишесу и Хархар с рядом других областей определенно противопоставляются Мидии. При Тиглатпаласаре III под 744 г. до н.э. Кишесу упоминается при описании действий на территории безусловно западнее Мидии. Уже эти факты указывают, что область

Кишесу, как и Хархар, находилась не на мидийской территории, а к западу от нее. Но и для провинции Кишесу (в отличие от провинции Хархар) не имеется, кажется, никаких достоверных данных о связях с районами Мидии. Помимо сведений о Бит-Сагбате, причисленном в 716 г. до н.э. к этой провинции, местоположение самой «страны» Кишесу в известной мере определяется сообщением анналов Тиглатпаласара III (стк. 43), что перед 744 г. до н.э. ее правителю принадлежал восставший тогда против него Эрензиаш. Мы видели, что последний находился на значительном расстоянии к западу от Мидии и, так же как Бит-Сагбат, на юге интересующей нас территории. О том, что Кишесу лежала не в северо-восточной, а в центральной или даже южной части полосы между собственно Ассирией и Мидией, свидетельствует и ряд других данных. При такой локализации становятся более понятными и некоторые иные сведения о Кишесу. Укажем лишь на содержание письма HABL № 459 (ср.: RCAE, I, 318–321, к переводу ср.: Дьяконов, 1956, 268), в котором описывается положение в провинции Кишесу. Письмо, очевидно, относится ко времени мидийского восстания при Асархаддоне, когда даже Бит-Хамбан подвергался нападениям (см.: Дьяконов, 1956, 268, 270). В связи с этим из Кишесу выводилось население и воинские части. Автор письма, в частности, сообщает: «Мы в (городе) Кишесу в крепости... мы не ушли в (город) Лахиру» (об., стк. 4–7). Последний находился к востоку от Тигра, недалеко от низовьев Диалы, в то время близко к эламской границе. Если бы Кишесу лежала на севере, рядом с Гизильбундой, Цибаром и северо-западными районами Мидии, сообщение об эвакуации из ее центра в Лахиру не имело бы смысла. Напротив, при ее локализации южнее, поблизости от Элипи, Бит-Баруа и Бит-Хамбана, вывод войск и населения в Лахиру и, очевидно, в Намар (стк. I: $^{KUR}Na[mar]$ — восстановление И.М. Дьяконова) вполне понятен.

Что касается Хархара, то уже приведенные выше данные IX в. до н.э. (ср. выше об Аразиаше) и времени Саргона II (ср. о Кишесу) свидетельствуют, что он рассматривался как отдельная от Мидии единица и лежал к западу от нее. Факт существования провинции Хархар при Ашшурбанапале свидетельствует о том, что и ее основной центр находился к западу от собственно Мидии и области Хамадана. Но сам Хархар действительно был расположен рядом с пределами Мидии. В текстах Саргона II сообщается, что он укреплял Хархар как опорный пункт для покорения мидян. В провинции Хархар имелось население, именовавшееся мидийским. Это объясняется прежде всего тем, что в нее были включены восточные районы, не принадлежавшие ранее

Хархару, в том числе имевшие собственно мидийское население и рассматривавшиеся ранее как часть Мидии. Среди них, например, была Сапарда, позже выделенная в отдельную провинцию и с двумя другими мидийскими провинциями сыгравшая основную роль в восстании против Асархаддона, после чего и возникло отдельное государственное образование — Мидия. Но в провинцию Хархар вошли и явно немидийские территории, как, например, область Верхней Речки, или Аранзиаш, и область Нижней Речки, или Бит-Раматуа (т.е. бывший Аразиаш или его часть). Как уже отмечалось выше, к 702 г. до н.э. Бит-Баруа и, очевидно, находившийся к тому времени на ее территории Аранзиаш оказались во владениях Элипи. Они были возвращены Ассирии и при этом присоединены к провинции Хархар. Включение в ее состав Бит-Баруа ясно указывает, что в эту провинцию могли входить области, расположенные на значительном расстоянии к западу от Мидии (а также к западу или юго-западу от собственно Хархара).

Но если области Верхней и Нижней Речки находились западнее Мидии, а Сапарда — к востоку от самого Хархара и, очевидно, в пределах Мидии, то о других областях провинции Хархар трудно сказать что-либо определенное в этом отношении. Именно к этим областям, а также к упоминаемым рядом с ними в списках правителей и в некоторых других текстах и относятся в основном имена с неустановленной локализацией, о которых говорилось выше.

3. Имена IX в. до н.э.

Принято считать, что иранские имена впервые зафиксированы на территориях к северо-востоку и востоку от Ассирии во второй половине IX в. до н.э. Первое обычно отмечаемое личное имя (Артасари) засвидетельствовано в 828 г. до н.э., несколькими годами ранее сообщается о Парсуа и затем о Мада (см.: Herzfeld, 1947, 723; König, 1934, 8; Cameron, 1936; Ghirshman, 1951, 74, 75; Дьяконов, 1956, 161–163, и др.).

Но следует обратить внимание на некоторые имена, упомянутые еще под 881–880 гг. до н.э. при описании походов Ашшурнасирапала II в Замуа. Об этих походах весьма подробно сообщается в его анналах, наиболее полный текст которых представлен на входных плитах храма Нинурты в Калху (IR, 17–28; AKA, 254–387). События первых пяти лет царствования этого царя описаны в основной части Большого монолита из Калху (все расхождения между этим текстом и упомянутой выше надписью приведе-

ны в примечаниях к ее соответствующим строкам в АКА). В надписи же у храма Нинурты изложены события до 16-го года правления. При отдельных различиях в тех или иных изданиях анналов, когда нет иной возможности для проверки, следует, как правило, оказывать предпочтение данным более ранних редакций (ср., например: Cameron, 1950, 6–8). Как раз при изложении событий в Замуа в двух названных текстах часто встречаются различия в формах или написаниях одних и тех же имен; при этом формы, приведенные в монолите, в ряде случаев определенно более точны (ср.: Olmstead, 1918, 235). Впрочем, расхождения в написаниях рассматриваемых ниже имен не столь существенны.

Районы, в которых действовал Ашшурнасирапал II во время походов на Замуа, в основном достаточно надежно локализуются на современной карте; они находились сравнительно недалеко от старых центров Ассирии, а ряд пунктов, упоминаемых под 880–881 гг. до н.э., известен и по более поздним ассирийским источникам, подорожникам с указанием дневных маршрутов и письмам. Данные о географии походов Ашшурнасирапала II в Замуа тщательно разобраны Э. Шпайзером (Speiser, 1928). Маршруты этих походов проходили по области современного Сулеймание, у верховьев Диалы (по тому ее истоку, который известен и как Танджероруд и берет начало северо-западнее Сулеймание), а также далее к северо-западу до местностей у Нижнего Заба. Они, очевидно, не пересекали современную ирано-иракскую границу, а на юго-востоке не доходили до Сирвана.

И.М. Дьяконов несколько иначе описывает географию походов 881–880 гг. до н.э., относя к Замуа и области намного далее к востоку (1956, 157 и сл., ср. на карте между с. 224 и 225 положение Дагары — по анналам наиболее близкой к Ассирии части Замуа). Он также считает, что, перейдя реки Лаллу и Эдир, ассирийцы оказались в Элипи, на территории у границ современного Луристана. Но из описания походов 881–880 гг. до н.э. и некоторых данных других источников следует, что, как раз пересекая Лаллу и Эдир, ассирийцы в 880 г. до н.э. шли на север, из более южных районов Замуа к Нижнему Забу и его притокам, упоминание же Элипи в подписи к изображению из Имгур-Энлиля (ср. выше, с. 124) определенно не может иметь отношения к описанным в анналах походам на Замуа. И.М. Дьяконов не учитывает специально посвященные этим походам работы, где привлечены очень важные материалы отдельных ассирийских источников, а также данные современной географии и топонимики соответствующих районов (см.: Speiser, 1928; Olmstead, 1918).

Следует возразить и против мнения, по которому в первой половине IX в. до н.э. понятие Замуа распространялось и на области у оз. Урмия, по Джегету и т.д., а название Внутренняя Замуа соответствует более поздней Мане и соседним странам (Дьяконов, АВИИУ, № 34, прим. 8; 1956, 88 и сл., 155, 160; Меликишвили, 1954, 47 и сл.; Алиев, 1960, 41, и т.д.). Это мнение основано лишь на одном конкретном аргументе — отождествлении «Моря Внутренней Замуа», где Салманасар III дал бой в конце похода 855 г. до н.э. на Внутреннюю Замуа, с Урмией. И.М. Дьяконов отвергает обычное отождествление этого «моря» с оз. Зерибор (на иранской территории у границы Ирака, восточнее Сулеймание), ибо считает невозможной битву на воде на этом «крошечном озере». Но этот довод (как и соображение М. Штрекка и Г.А. Меликишвили, что оз. Зерибор не могло бы обозначаться как «море») нельзя признать доказательным. Напротив, судя по ситуации, описанной в текстах под 855 г. до н.э., подобный бой скорее был бы возможен и на небольшом водном пространстве, а на Урмии представляется как раз маловероятным. Заметим, кстати, что, как отмечалось в специальной литературе, озера в указанном районе, по геологическим данным, в древности были большими по размерам, а об оз. Зерибор местные жители еще в 1820 г. рассказывали, что оно уменьшилось на их памяти (ср.: Speiser, 1928, 19; Rigg, 1942, 135, 136). «Море Внутренней Замуа» идентифицировали с оз. Зерибор А. Биллербек, Э. Форрер, А. Олмстед, Э. Шпайзер, Х. Ригг и другие авторы. Сведения ассирийских текстов и геолого-географические данные достаточно надежно определяют его местоположение примерно в том районе, где находится оз. Зерибор (см. особенно: Speiser, 1928, 18 sq.)*.

Под Внутренней Замуа, упоминающейся лишь в текстах Салманасара III, понималась часть Замуа, лежавшая далее от владений Ассирии (со стороны Аррапхи), в основном к северо-востоку от района Сулеймание. Но на севере Внутренняя Замуа не про-

---

* Впоследствии Э.А. Грантовский изменил свою точку зрения, признав правомерность отождествления «Моря Внутренней Замуа» с оз. Урмия. «Во время археологических работ там [на Хасанлу. — *С.К.*] была найдена каменная чаша (или крышка сосуда) с надписью, указывающей на принадлежность дворцу Баури, правителя страны Иды... В сопоставлении с данными ассирийских источников есть все основания считать, что Ида — древнее название Хасанлу... «Страна» и «город» Ида упоминаются и в ассирийских текстах — в анналах Салманасара III под 855 г. до н.э. ... Согласно упомянутым ассирийским источникам, Ида лежала во «Внутренней Замуа»... По ассирийским источникам IX в. известно также «Море Внутренней Замуа» (причем, по данным 855 г., район Иды доходил до этого «моря»)... В совокупности с ассирийскими данными чаша и ее надпись удостоверяют, что Внутренняя Замуа находилась близ оз. Урмия, которое и называлось по ее имени ассирийцами до IX в. до н.э.» (Грантовский, 1998, с. 56–57). О стране Иде (или Иду) см. также: Zadok, 2002, p. 134.

стиралась далее местностей по Нижнему Забу (причем и истоки его лежали уже за пределами Замуа), а территория Маны и других областей в бассейне рек, текущих в Урмию, определенно не входила в ее состав. Это ясно следует и из более подробного, чем в последующих редакциях, описания похода 16-го года Салманасара III в версии анналов, составленной в 17-м году (ее фрагменты — КАН, II, № 112–114; полный текст опубликован Дж. Кэмероном в 1950 г.). Здесь Внутренняя Замуа (называемая, как и в других случаях, рядом с горой Куллар) упоминается рядом и противопоставляется Мане, Алабрии и другим областям, в том числе Парсуа. Это противоречит мнению И.М. Дьяконова (1956, 161), что Парсуа — более позднее название территорий, включавшихся ранее в Замуа, и именно ее южных районов. Эта точка зрения не представляется вероятной и по другим соображениям (ср. также ниже о локализации Парсуа). Можно было бы лишь предполагать, хотя и без каких-либо определенных данных, что на некоторые районы, лежавшие, однако, не в южной части, а на восточной границе прежней Замуа и оставшиеся за пределами одноименной провинции, распространилось название Парсуа, существовавшее ранее, но относившееся тогда к соседним территориям.

Владения вождей, имена которых рассматриваются ниже, лежали за Дагарой, находившейся у входа в Замуа: Араштуа правил к западу от р. Танджероруд, Амека — к северо-востоку от нее, Киртиара — севернее, ближе к Нижнему Забу (ср.: Speiser, 1928). Эти имена обычно относят к старым местным языкам. Дж. Кэмерон (1936, 143) называет все три среди имен, происходящих из «кавказских» языков. Г.А. Меликишвили (1954, 47, 127 и сл.) считает имя Киртиара лулубейским (как и Алиев: 1960, 58), Араштуа — происходящим из тех же местных языков. Но конкретных объяснений этих имен не давалось (за исключением предложенного Г.А. Меликишвили для имени Киртиара, см. ниже).

1. *Araštua* (*Ar-áš-tu-a*, Б. мон., все три раза в этом написании; *A-ra-áš-tu-a*, анн., II, 50, 60, *A-ra-áš-tu*, анн., II, 54) < иран. **Aršatava(h)-*, или *Ṛšatava(h)-*. Это имя рассматривал как иранское К. Таллквист (1918, 28, 270, 271), сопоставляя его с *Ārāsti* (по Юсти, 1895, 20; ср. авест. *Ārāstya*); но *-tua* передает иран. *-tava-* (и не должно соответствовать *-ti* или *-tya*), ср. *Ramatua*, *Partatua* и т.д. (*-tu* в анн., II, 54, очевидно, описка, но и *-tu* могло бы передавать иран. *-tava*, см. выше). *Tava(h)-*, авест. *tavah-*, инд. *tavas-* 'сила', 'мощь', 'сильный', 'мощный', ср. и в скифских именах *Dargatava*, *Tigratava* (см.: Абаев,

1949, 185). *Araš-* для *arša-* может быть обычной передачей с разъединением двух иранских согласных (особенно часто с *r*) при постоянном в этом случае отпадении следующего гласного, возможно и *ŗša-*, с *ara* для *ŗ* и т.д. Оба элемента входят в состав многих иранских имен, в том числе именно древних западноиранских. Рассматриваемое имя близко распространенному древнеперсидскому имени *Aršāma-* (см.: Justi, 1895, 29, его носили и многие члены рода Ахеменидов), *arša* + *ama* 'сила', 'мощь'. Значение имени зависит от перевода *arša-*: 'обладающий силой героя, или жеребца, или медведя'. В именах *arša-* обычно переводят 'мужчина', 'герой' (основа *aršan-*), но иногда 'медведь' (*arša-*). Так как основа *aršan-* определенно выступает в некоторых именах и в большинстве случаев дает более удовлетворительное значение, ее и следует прежде всего учитывать; *aršan-* 'муж', 'самец' — о людях и животных, в том числе о лошадях, в ряде личных имен именно 'жеребец', ср. имена *Syāvaršan-* и *Syāvaspa-* **Arəǰat.aršan-* (Justi, 1895, 127, 485) и *Arəjaṯ.aspa-*, где чередуются *aršan-* и *aspa-* 'лошадь', 'конь', ср. также *Syāvaršan-*, 'имеющий вороных жеребцов', *Byaršan-* 'mit zwei Hengsten (fahrend)' (Brthl.) и т.д. Возможно, что и значение 'герой' идет непосредственно не от значения 'муж(чина)', а от 'конь', 'жеребец'. Для имен типа 'имеющий силу коня, жеребца' ср. указанные имена с *arəǰat.-* 'равный коню, или жеребцу (в силе и скорости)' (Brthl., 191) и ряд других примеров (ср. под № 4, 17 и др.)*.

2. *Kirtiara* (*Ki-ir-ti-a-ra*, анн., II, 40, 59; *Ki-ir-te-a-ra*, Б. мон., оба раза). Это имя относят к старым местным языкам, указывая на суффикс *-ara*, существование которого в этих языках предполагают лишь по наличию подобного окончания в некоторых других именах также неизвестного происхождения (Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконов, И. Алиев). Попытка конкретного объяснения имени Киртиара (Г.А. Меликишвили: к лулубейскому *kiur* 'бог' + суффикс *ti?* + *ara*) явно неудачна (см.: Дьяконов — ВДИ, 1956, № 2, 66). Вместе с тем суффикс *-ra, -ara, -āra* известен в иранском, он существовал с индоевропейской эпохи и был весьма продуктивен в индоиранский период; широко употреблялся он и в древнеиндийском (см.: Frisk, 1934, 1–49, — с рядом иранских параллелей), а также в древнеиранском (ср.: Schulze, 1893; Justi, 1895б; Kent, 1950, 51; Bailey, 1961, 482; Duchesne-Guillemin, 1962, 15). К числу слов, указывающих на продуктивное употребление суффикса *-(a)ra-* в самом иранском, следует отнести др.-иран. *tigra/i-* ('острый',

* Об имени *Araštua* из последних работ см.: Radner and Schmitt, 1998c, p. 124; Zadok, 2002, p. 135–136.

'стрела' и пр.) и ряд других. В ряде слов *-ra* присоединяется к тем же основам, что и суффикс *-ka*, ср., например, *bāzura-* (в авест. *snāvarə.bāzura-* и в ряде средне- и новоиранских языков, см.: Benveniste, 1954a; Абаев, 1958, 242 и сл.) 'рука', 'крыло' (также 'плавник') и **bāzuka-* к *bāzu-* 'рука' (в осетинском обе формы сосуществуют и теперь, *bazyk* 'рука', также 'передняя лапа' или 'крыло' убитого животного, *bazyr* 'крыло'). Суффикс *-(a)ra* засвидетельствован и в ряде иранских личных имен (см.: Justi, 1895, 523, но не во всех перечисленных им именах *r* действительно принадлежит суффиксу). В некоторых именах *-a(ra)* оформляет те же основы, что и *-(a)ka*, *-(a)ya*, ср. греческие передачи мидийских и персидских имен: Μαζάρης, Μάζαρος, Μαζαῖος, Μαζάκης — все к *mazdā-* (Schulze, 1893, 221; Justi, 1895, 201; Lommel, 1930; ср. ниже, с. 258). Акк. *kirt-* закономерно передает иран. *kṛt-* (ср. выше под *ṛ* > *ir*, *Makirtu* и др.). Поэтому *Kirtiara* может точно передавать **Kṛtyara-* (или **Kṛtyāra-*), ср. инд. *Kṛti-*, имя ряда лиц в древнеиндийской традиции, *kṛtya-* ('пригодный', 'правильный' и пр., обозначение магического действия и совершающего его лица, *kṛtyā-* 'чародейка' и др.), употребляемое и с суффиксами (*kṛtyakā-*), ср. также авест. *kərət-*, 'делающий', 'активный (в чем-либо)', *kərəti-* 'делание' и пр. Рассматриваемое имя можно сравнить и со среднеперсидским «Картир» — *Kartīr* надписей III в. и печатей, *Kerdēr* манихейских текстов (парф. и перс.), *Kardel* в коптском — и с парф. *kerdēr* с примерным значением 'деятельный', 'энергичный', 'с действенной силой'. По Ф. Юсти (1895, 158), имя *Kartīr* значит: «wirksame Kraft besitzend», В. Хеннинг (1937, 84) толковал парф. *kerdēr* (и соответствующее имя) как 'могущественный', возводя его к **kṛtibara*, но позже отказался от этой этимологии, а *kerdēr* переводил как *efficacious* или *energetic* (Henning, 1942, 952; ср.: Chaumont, 1960, 366, 367). Во всяком случае варианты форм имени указывают на др.-иран. *kṛt-*, а значение *kerdēr* согласуется со значениями приведенных выше индоиранских образований с *kṛt-*: 'совершающий действие', 'деятельный', 'активный', 'дело', 'действие', 'деяние' и пр.*.

3. *Amēka* (Б. мон. и анн., II, 50, 61, 68, 71: *A-me-ka*). К. Таллквист (1918, 21, 268, 288) отмечал это имя среди имен с иранским суффиксом *-aka* и сравнивал со скифским 'Αμαίακος, против чего

---

* Имя *Kirtiara* Р. Цадок относит к именам, чья языковая принадлежность не определяется, но компоненты не являются изолированными (unaffiliated, but not isolated), т.е. встречаются и в других именах: скажем, выделяемый им элемент *t/diara* в именах *Megdiara* и *Nigdiara* (Zadok, 2002, p. 135, 136–137) (о двух последних именах ср. ниже, с. 214–215). «Возможно, иранским» считает это имя Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 2000g, p. 620).

возражает Л. Згуста (1955, 66), считая, что группа *aia* не была бы здесь монофтонгизирована. Но акк. *ē* передает иран. *ai*, *aya* и более сложные группы, а не иран. *ē* (см. подробно выше). Поэтому допустимо, что *Amēka* передает иран. **Ămăyaka-*. Такое иранское имя засвидетельствовано в нескольких надписях Северного Причерноморья: 'Αμαίακος (один раз 'Αμαείακος, с ει для обозначения *ī*, *y*, ср.: Zgusta, 1955, 65). Его, быть может, следует сравнить с арийским именем II тысячелетия до н.э. *Ămāya-* (*a-ma-a-ja*, ср.: Mironov, 1933, 184). Скифо-сарматскому 'Αμαίακος по аналогии с осет. *amajæg*, к *amajyn* 'строить', обычно дают значение «строитель» (В. Миллер, Ф. Юсти, М. Фасмер, В.И. Абаев, Л. Згуста). В связи с этим Л. Згуста, считая *amajyn* специфическим осетинским словом, предполагает, что такое имя не могло быть общеиранским, и поэтому также отводит сравнение с *Amēka*. Но глагол *mā(y)-* 'мерить' и пр. имел значение 'строить' (также и с приставкой *ā-*) уже в древнеиранском и древнеиндийском (ср., например: Абаев, 1958, 49). Однако значение «строитель», «строящий» кажется маловероятным для арийского, древнеиранского, а также и скифо-сарматского имени. Но возможны и иные различные объяснения этого имени, зависящие, в частности, от долготы *a* первого и второго слога (ср.: Грантовский, 1962а, 254). Вполне вероятным представляется *ātăyaka-*, соответствующее по образованию осет. *amajæg*, к тому же глаголу *ā-mā(y)-*, но в другом его значении ('испытывать себя' и пр.): 'испытывающий себя', 'доказывающий свою способность', 'показывающий, проявляющий себя (с лучшей стороны)' или подобное (о функциях суффикса *-ka* в западноиранских именах IX–VII вв. до н.э. см. с. 299–304). Так, в Вендидаде (VII, 36 и сл.) о претендующих на занятия хирургией спрашивается, на ком прежде всего 'должны они [свою (право)способность] доказать' *(āmayånte)*, и говорится: на почитающих девов сначала 'пусть они [свою (право)способность] доказывают' (*amayayanta*); далее в продолжении текста указывается, что тот, кто успешно проведет операции на почитающих девов, будет в этом деле навсегда *āmātō* 'испытан', 'правомочен'; ср. то же прошедшее причастие *āmāta-* в Яшт X, 122: *yā nōit... āmātō* 'если он не испытан (в священных текстах)'. Др.-перс, *āmātā* (мн. ч.) без дополнений обозначает особые достоинства членов рода Ахеменидов: «ради того мы называемся Ахеменидами: изначала мы *āmātā*, изначала наш род был царями». *Āmātā* 'испытанные', 'проявившие себя', 'с доказанной (право)способностью (быть царями, или вождями, знатью)' имеет в данном случае значение социального термина: «благородный», «знатный»; в вавилонской версии ему соответствует *mār-banē*^{pl}, также эквивалент др.-перс. *fratama-* и *tunuvant-*,

употребляющихся для обозначения аристократии (ср.: Eilers, 1955, 233 sq.; ср. под № 18, 39)*.

Из других четырех имен из Замуа, сообщаемых под 881–880 гг. до н.э., одно, Нур-Адад (правитель Дагары, у западных границ Замуа), аккадское и происходит, следовательно, не из старого языка местного населения; два имени, Мусасина и Сабини, безусловно, неиранские (для первого ср. с. 284), быть может, хурритские; наконец, имя Ата (*A-ta*, Б. мон., анн., II, 73) может происходить из различных языков, в том числе и из индоевропейских (см., например: Zgusta, 1955, 297–300; ср.: Абаев, 1958, 103, под осет. *æda* 'отец', 'дедушка', — часто встречаются и иранские имена в подобных значениях). Ата правил в поселении Арзизу; при Саргоне II в письме наместника провинции Лулуме-Замуа упоминается «человек» (правитель?) города Арзизу Дада (*Da-da-a*, HABL, № 317; RCAE, I, 218–221, об., стк. 2 и сл.); если бы это имя было иранским, в качестве параллелей к нему имелись бы бесспорно иранские имена из Западного Ирана (по крайней мере с ахеменидского времени, см. ниже под именами из Хубушкии), но в данном случае это все же скорее неиранское имя.

Наличие неиранских имен в Замуа, естественно, не противоречит возможности иранского происхождения других имен того же времени из этой страны. И во многих других областях рядом определенно засвидетельствованы имена, происходящие из иранских и иных, старых местных, языков, а также иногда встречаются аккадские имена (в том числе в районах, где уже значительно ранее бесспорно представлена иранская ономастика). Из рассмотренных выше имен (№ 1–3) Араштуа достаточно определенно может быть отнесено к иранским, каковыми могут быть и два других — Киртиара и Амека. Возможность присутствия ираноязычного населения на территории Замуа уже в первых десятилетиях IX в. до н.э. подтверждается тем, что во второй половине IX в. до н.э. оно уже достаточно широко засвидетельствовано в районах, примыкающих к Замуа с севера и востока, о которых для времени Ашшурнасирапала II еще не имеется сведений. Уже в начале второй половины IX в. до н.э. соседняя с Замуа область Парсуа называлась по этническому имени группы ираноязычных племен, находившихся там по крайней мере в первой половине столетия (см. ниже). Во второй половине IX и в VIII в. до н.э. лич-

* Р. Шмитт считает имя *Ameka* иранским, но не поддающимся анализу («...O[ld]Iranian **Ămăyaka-* [thus according to Grantovskij] defies analysis») (Radner and Schmitt, 1998b, p. 100). Согласно Р. Цадоку, оно «возможно, иранское» (Zadok, 2002, p. 135–136). При этом ни тот ни другой не приводят никаких аргументов против трактовки Грантовского, которая по-прежнему представляется наиболее правдоподобной.

ные имена из самой Замуа, вошедшей в состав Ассирии, неизвестны, за исключением имен ассирийских должностных лиц и указанного имени Дада. Кроме того, под 713 г. до н.э. упоминается иранское имя правителя Бит-Бари, расположенной примерно в тех же районах и, быть может, идентичной владению Киртиары, Бара (см. ниже). От VII в. до н.э. дошло лишь одно имя из Замуа (правителя, заключившего в 672 г. до н.э. вассальный договор с Асархаддоном, см.: Wiseman, 1958; ND, 4343, pl. XII, 1) — *Larkutla*, определенно неиранское.

В числе топонимических названий, упоминаемых при описании походов на Замуа в 881–880 гг. до н.э., наряду с бесспорно неиранскими имеется группа имен, для которых можно было бы предположить иранское происхождение. Но определенно нельзя говорить об иранской принадлежности ни одного из них. Ниже приводятся два таких названия.

Parsindu (*Pa-ar-si-in-du/i*, Б. мон.; *Pár-sin-du/i*, анн., II, 69, 70), одно из укреплений Амеки. Быть может, к иран. *pars-*, ср. ниже под Парсану (см. № 36), а также Парсуа, ср. имя перса Παρσώνδης у Ктесия. В. Эйлерс (1954, 328) сравнивает Парсинду с именем *Paršinta* в Яшт XIII, 123 (тогда *d* передает иран. *t*, что вполне допустимо как в связи с языковым составом местного и соседнего населения, с группами, близкими к хурритам, так и при простом восприятии *-nt-* в конце иноязычного слова)*.

Bāra (Б. мон. и анн., II, 31: *Ba-a-ra*, дважды; II, 44, 45, 59: *Ba-ra-a-a*) — поселение и область (везде с *URU*, но при Ашшурнасирапале II и Салманасаре III так многократно детерминируются местности и «страны»), жители которой называются «барейцами» (см. II, 44, 45 и особенно 59: *alāni ša* ^{URU}*Baraḫ ša* ^{I}*Kirtiara* 'поселения барейцев Киртиары'); в основе имени лежит топонимическое название (местности и ее главного поселения), либо скорее родоплеменное имя. Бара иногда отождествляется с *Bīt-Bāri* общих сводок завоеваний Ашшурнасирапала II (а также более поздней «Синхронистической истории» при описании событий первой половины IX в. до н.э.). Обе местности во всяком случае находились примерно в одной области, недалеко от Нижнего Заба, к северо-западу или северу от района Сулеймание. Бит-Бари упоминается и в 713 г. до н.э., когда там отмечен правитель с иранским именем (см. с. 367 и № 88). Имя вождя барейцев Киртиара, возможно, также иранское. Само название *Bāra* вполне может быть иранским (но возможно, конечно, и его иное происхождение). Если в основе это — родовое или племенное название (в Бит-

* P. Цадок считает этот топоним иранским с вопросительным знаком (Zadok, 2002, p. 135, 137).

Бари *Bāra* может быть и личным именем), то для него допустимы те же значения, что и для личного имени *Bāra* (ср. под № 30). Если первоначальным является топонимическое название, то возможно, например, также к *bar-* 'нести' в значении 'несущая', 'дарующая', 'порождающая изобилие' и пр., ср. в Вендидад III, 27 подобное употребление *bar-* (inf. *bərəδi*) по отношению к земле, персонификации земли, страны, в Яшт XIII, 9 (*ząm... yā bərəθri paraoš srīrahe*) и в других текстах*.

При Салманасаре III ассирийцы проникают в восточном и северном направлениях намного дальше, чем при Ашшурнасирапале II. К этому времени соответственно относятся более существенные данные об ираноязычном населении. От многолетнего царствования Салманасара III (859–824) дошли надписи, представляющие целый ряд последовательных редакций его анналов (ср.: Cameron, 1950, 6–9, ср. также серию работ Э. Михеля о надписях этого царя: WO, I, II). Каждая версия анналов более подробно описывает события последних лет, в каждой последующей они обычно излагаются короче, как правило на основе сокращения текста предшествующего издания (но иногда, очевидно, использовались и иные источники). Наиболее раннюю редакцию, составленную после шестого года Салманасара III, представляет надпись на «Монолите» из Тушхана (изд.: IIIR, 7–8, ср.: KB, I, 151–175). Текст на черном алебастровом монолите из Калху («Черный обелиск») — вариант последнего издания, завершающегося описанием событий года второго эпонимата Салманасара III, т.е. 827 г. до н.э. (изд.: Layard, 87–98, ср.: KB, I, 128–151, Michel, 1955, 1956). «Монолит» и «Черный обелиск» были известны уже в XIX в.

Позже в Ашшуре немецкой археологической миссией были открыты фрагменты трех надписей одного и того же издания анналов (изд.: KAH, II, № 112–114); они содержат отрывки гораздо более подробного, чем было известно ранее по «Черному обелиску», описания похода 16-го года. Там же, в Ашшуре, были найдены и приобретены Иракским музеем две надписи с полными текстами анналов. Особенно важна первая из них, на глиняной таблице (Ирак. музей, № 54669, далее: табл.), представляющая ту же редакцию, что и упомянутые выше фрагменты, но сохранившаяся целиком. Повествовательная часть надписи заканчивается изложением событий 16-го года (далее следует еще обычная общая сводка завоеваний). Текст точно датирован 22 ташриту

* Этот топоним Р. Цадок также относит к иранским с вопросительным знаком, отмечая, что форма чересчур кратка для однозначного определения ее языковой принадлежности (Zadok, 2002, p. 134, 137).

года Таклак-ана-шарри, 842 г. по списку эпонимов, соответствует 17-му году анналов (транслитерацию и перевод надписи см.: Cameron, 1950, ср.: Michel, 1952; фотографию текста см.: JCS, V, 1951, № 4, pl. I–II; фотография лицевой стороны надписи, приложенная к публикации Дж. Кэмерона, неразборчива). Следует заметить, что 16-й год Салманасара III (когда впервые упоминается Парсуа) и 24-й год (*palū*) поздних версий его анналов (первое упоминание страны мидян) должны быть датированы с разницей в девять, а не в восемь лет, как обычно встречается в литературе, ср., например, у И.М. Дьяконова (1956, 160): поход на Намар (16-й год) — 842 г. до н.э., первый поход на Мидию — 834 г. до н.э.; у Э. Герцфельда (1947, 726): соответственно 843 и 835 гг. до н.э. и т.д. Дело в том, что между анналами и списками эпонимов тут определенное расхождение: вместо одного 21-го года в анналах в списках эпонимов стоят два — 838 и 837 гг. до н.э.; более того, теперь на основании новых текстов можно установить, что 21-й год анналов соответствует именно 837 г. до н.э. (а 838 г., следовательно, в них вообще не отражен). Причина этого, очевидно, в различном значении *palū* — иногда лишь года военного похода (особенно с личным участием царя) — и *šattu* — обычного года. Во всяком случае разница на девять (а не на восемь) лет между упомянутыми походами несомненна. Первый из них должен быть датирован 843, а второй 834 г. до н.э. (при указанной выше обычной общей датировке правления Салманасара III).

Вторая из упомянутых надписей Иракского музея (№ 55644), на мраморной плитке, представляет издание анналов, составленное после 20-го года, и содержит подробное описание походов 17–20 гг. Изложение событий 16-го года гораздо короче, чем в предыдущей редакции и даже (в частности, о действиях в Намаре в конце похода) чем в обелиске. Но в последнем совершенно отсутствуют данные о начале похода, отраженные в надписи на мраморной плитке (изд.: Safar, 1951, ср.: Michel, 1954). Наконец, в тексте на статуе Салманасара III из Калху (изд.: Kinnier Wilson, 1962) перед описанием кампаний 18–20 гг. дается общая сводка завоеваний, в конце которой добавлена фраза (стк. 19–20), учитывающая результаты похода 16-го года.

В надписях Салманасара III содержатся сведения об областях, расположенных на значительном расстоянии к северо-востоку (до Маны) и востоку (вплоть до Мидии) от Ассирии. В текстах этого времени впервые упоминается ряд областей и стран, данные о которых постоянно встречаются в ассирийских источниках последующих периодов. В анналах Салманасара III приво-

дится, однако, крайне незначительное число личных имен из восточных и северных областей. К тому же это в основном имена правителей более крупных и прочных образований государственного типа, существовавших уже ранее и созданных старым местным населением в процессе его социально-политического развития. Имена же правителей менее значительных областей или вождей родо-племенных объединений в текстах Салманасара III почти никогда не сообщаются. Так, в обелиске под 24-м годом говорится о получении дани от 27 «царей» Парсуа (а под 30-м годом — о получении дани от одних «царей» Парсуа и о сопротивлении и разгроме других). В списке же 28 мелких правителей (в том числе и со старой территории Парсуа), составленном всего 14 (и соответственно 8) годами позже, в 820 г. до н.э., многие имена бесспорно иранские. Но отдельные личные имена иранского происхождения все же засвидетельствованы и при Салманасаре III.

Вместе с тем в его надписях впервые упоминается ряд местностей и стран, которые имеют определенно иранские названия или при спорной или неясной языковой принадлежности самого имени уже вскоре после этого времени надежно связаны с иранским этническим элементом. Как всегда, по сравнению с личными именами определение языковой принадлежности топонимов более затруднено. Но в тех случаях, когда можно действительно установить иранскую принадлежность того или иного топонима и особенно названия этнического или политического объединения, это часто имеет большее значение, чем определение иранского происхождения личного имени.

При Салманасаре III упоминаются два правителя Намара, где для III тысячелетия до н.э. отмечен, очевидно, хурритский, а для II тысячелетия до н.э. аккадский и касситский языковый элемент. В 843 г. до н.э. в Намаре правил царь с аккадским именем Мардук-Мудаммик (КАН, II, № 113; табл.); в том же году его место с помощью ассирийцев занял Янзу из Бит-Хамбана, связанного с Намаром и в предшествующий период. *Ianzu* (обел., под 843 и 834 гг. до н.э.) — аккадская форма, соответствующая каситскому *ianzi* 'царь', 'правитель'. В ассирийских источниках упоминаются и правители других областей с этим именем. Возможно, это действительно было личное имя, но допустимо и распространенное предположение, что ассирийцы принимали титул за собственное имя, как это могло иметь место и в случаях с рядом других имен, в том числе иранских. Других имен из Намара и Бит-Хамбана IX–VIII вв. до н.э. не засвидетельствовано. Для соседних с ними областей отмечены имена иранского происхожде-

ния (определенно во всяком случае в VIII в. до н.э.). Кроме того, часть владений списка 714 г. до н.э., где личные имена в большинстве иранские, по данным источника (ПА), относилась к Намару, очевидно понимаемому в широком смысле.

Со времени Салманасара III известны имена царей Урарту: Араме, Седури (Сардури) и при Шамши-Ададе V Ушпина (Ишпуини). Все эти имена неиранские [неприемлемо, конечно, объяснение как иран. *saradāra* имени Сардури у И. Шефтеловица (1902, 274)]. Государство Урарту создавалось не представителями индоевропейских народов, как предполагалось некоторыми авторами, а самими урартами, родственными хурритам (см.: Пиотровский, 1959, 47 и сл.; Меликишвили, 1954, 144; там же см. литературу). Но следует заметить, что первоначальные центры государства находились к северу и востоку от оз. Ван, а в районах, вошедших позднее в состав Урарту, этнический состав населения мог быть иным (см. ниже).

К числу важных политических образований, упоминаемых с 843 г. до н.э., но возникших, очевидно, значительно ранее и сформировавшихся, по-видимому, на базе развития старых местных племен, принадлежали Алабрия и Мана (о последней ср. под № 9). В конце VIII в. до н.э. Алабрия намного уступала Мане по территории и значению, но еще оставалась прочным политическим образованием. В IX в. до н.э. она играла, очевидно, более важную роль и была объединением государственного типа (ср., например, описания действий в Алабрии в 843 г. до н.э., см.: КАН, II, № 113, IV, 8–12; табл., III, 61–IV, 2). Находилась Алабрия рядом с Маной, к юго-западу или западу от ее центров и недалеко от них (пограничная местность Алабрии — Ларуэте располагалась в 50 км от столицы Маны — см.: AR, II, 108). Территория Алабрии ко времени Ашшурбанапала была присоединена к Мане (AR, II, 327, ср. также ниже под № 6), вместе с тем все это время такие провинции, как Государственного глашатая, Парсуа, Замуа, оставались ассирийскими. Имя правителя Алабрии в 843 г. до н.э. по известным ранее фрагментам (КАН, II, № 113 и 114) — *Ḫanzi*, в новом тексте той же редакции анналов — *Ḫanziburiaš* (*ḫa-an-zi-bur-ḫa-áš*, табл., III, 63). Как и *ḫanzi*, *buriaš* — известное касситское слово (имя бога и пр.). Еще два имени правителей Алабрии известны при Саргоне II: *Ittī* и *Bēl-apal-iddina* (аккадское имя). Таким образом, все три имени неиранские.

К. Таллквист (1918, XXII и сл., 242, 270) относил к иранским имя правителя Гильзана — Упу. Гильзан также уже был образованием государственного типа; он упоминается впервые еще при Тукульти-Нинурте II (анн., об., 47, по ATN) и уже тогда рассмат-

ривался как важная географическая и политическая единица к северу от Ассирии. Находился он между Ваном и Урмией, очевидно, по верхнему течению Большого Заба и, возможно, к западу от него[21]. Известно имя еще одного царя Гильзана, правившего до Упу, в первые годы Салманасара III. Это имя, *Asū*, пишется также *Asau* (мон., II, 61: *A-sa-a-ú*) и *Sūa* (обел., подписи к рельефам: *Su-ú-a*). И для него можно было бы подобрать иранские параллели (например, *asu* 'быстрый', в частности, в этнических названиях, для формы *Sūa* ср. под № 32). Но, как и Упу, оно должно быть, очевидно, неиранским. Необоснованно, однако, и его сопоставление с манейским *Azā* (ср. у Д. Люккенбиля: AR, II, 451), на основании чего Г.А. Меликишвили (1954, 139) предполагает этническое родство манейцев с населением районов к западу от Урмии. Но гильзанское имя в КАН № 113, I, 11 следует читать не *Azu* (AR, I, 233), а *Asū*, *A-su-ú* (как далее в том же тексте не *Parzua*, а *Pár-su-a*, ср. ниже) и в новом, полном экземпляре той же редакции — *A-su-ú* (табл., I, 41), как и в Монолите (I, 28) под тем же годом; ср. также другие формы того же имени в Монолите и Обелиске (см. выше). И окончание имени не *-a* (как в Аза), а *-u* или скорее даже *(u)va*, либо *(ā)va*, ср. написания *Asāu* и *Sūa*. То же окончание, очевидно, и в *Upū* (лишь в 827 г. до н.э., обел., 181; *Ú-pu-ú*). К. Таллквист сопоставляет это имя с другими известными по ассирийским текстам именами, по его мнению, также иранскими, начинающимися на *Up-*. Но если они действительно иранские (ср. под № 49), то образованы от иран. *Upa-*. Кроме того, гильзанское имя можно читать и как *Ubu*: *Ú-pu/bu-ú*[*].

С несколько бóльшим основанием можно говорить об иранском происхождении имен из Хубушкии IX в. до н.э. Но и они вряд ли иранские. Мнение об их иранской принадлежности высказывалось Ф. Юсти, К. Таллквистом и Г. Хюзингом.

Хубушкию обычно локализуют к югу от оз. Ван, по р. Бохтансу, что, однако, представляется неприемлемым. Киннир Вильсон

---

[21] Обычная локализация Гильзана на западном берегу Урмии противоречит ряду данных. Она основана на сообщении о том, что в 856 г. до н.э. ассирийцы подошли к Гильзану после пребывания у берега моря страны Наири, отождествляемого в данном случае с Урмией (лишь потому, что тут помещают Гильзан!). Но и в описании похода 856 г. до н.э. это оз. Ван, что, собственно, достаточно ясно и из старых текстов и определенно подтверждается данными новых надписей (Большинство современных исследователей по-прежнему склонно локализовать Гильзан/Килзану (^{KUR}*Gil/Kil/Kir/Ḫab-za-nu*) на юго-западном или южном берегу оз. Урмия. См. об этом Zadok, 2002, p. 106, с литературой).

[*] Р. Шмитт считает, что имя *Asū* может быть иранским, хотя утверждать это с уверенностью нельзя (Radner and Schmitt, 1998h, p. 138). Согласно Р. Цадоку, оба имени нетипичны и слишком кратки для однозначного определения их языковой принадлежности (Zadok, 2002, p. 106, 108).

(Kinnier Wilson, 1962, 108–110), возражая против этого мнения, локализовал Хубушкию намного восточнее, к югу или юго-западу от Урмии. Помимо отмеченных им, можно указать и на ряд других данных, свидетельствующих, что эта страна находилась не по Бохтан-су, а к востоку оттуда. Но другие сведения не позволяют все-таки относить ее к районам южнее Урмии. Автор данной работы помещал Хубущкию южнее Гильзана, у среднего течения Большого Заба (ср.: Грантовский, 1964, 17). Можно еще указать на новый фрагмент надписи конца IX в. до н.э. (Wiseman, 1964), где Хубушкия названа между страной сунбийцев и Алабрией (обе соседние с Маной). Ниже рассматриваются имена правителей Хубушкии*.

Kākǐ(a) (мон., I, 20 под 859 г. до н.э.: *ka-ki-a*; под тем же годом в табл. I, 34 и КАН, № 112 и 113: *ka-a-ki*, как и в мон., II, 64 под 856 г. до н.э.). Ф. Юсти (1895, 152) и К. Таллквист (1918, 110) сравнивают это имя с иранскими именами *Kākā*, *Kākūi*, *Kākūī* и перс. *kākā* 'брат', 'дядя', *kākū*, *kākūi* 'дядя' (ср. также в западноиранских диалектах и афг. *kākā*, *kākū* 'дядя'). В раннее средневековье известен ряд лиц с этими именами из Западного Ирана — правитель Гиляна в IX в. — *Kākī* и др. Такие иранские имена употреблялись, безусловно, и ранее; ср., например, эпическое имя *Kākūī* (по «Шах-наме» внук Зохака). Наиболее близким по времени и форме к рассматриваемому является иранское имя *Ka-ki-ia*, по документу 520 г. до н.э., его носил мидиец (^{LÚ}*ma-da-a*, ср.: Eilers, 1940б, 202). Наконец, имя *Kǎkī* засвидетельствовано в 744 г. до н.э. для местности, соседней с Парсуа (см. № 41). Иранские имена в таких значениях, как 'отец', 'сын', 'брат', 'дядя', или образованные от слов с этими значениями вполне обычны. Г.А. Меликишвили (1954, 92) сопоставляет имя из Хубушкии с *Kikkia*, именем староассирийского правителя, возможно, хурритского происхождения. Можно еще указать на имена членов династии Табала: *Kikki* (сын царя, 836 г. до н.э., см. надпись Салманасара III, изд.: Laessøe, 1959, фрагмент E, стк. 26), *Kiakki* (царь при Саргоне II, в ряде надписей последнего). В клинописных документах II тысячелетия до н.э. встречаются имена *Kǎka*, *Kakiia* и др. (ср., например: Clay, 1912). Таким образом, судя лишь по форме, нельзя сделать определенные выводы о происхождении этого короткого имени**.

---

* Краткий обзор точек зрения относительно локализации Хубушкии см. в работе: Zadok, 2002, p. 107–108.

** Шмитт не исключает, что данное имя может быть иранским (Fuchs and Schmitt 2000c, p. 594–595), отмечая в то же время, со ссылкой на Грантовского, что имя слишком кратко, а его фонетическая структура недостаточно специфична для сколько-нибудь определенных выводов. «Атипичным» считает его Р. Цадок (Zadok 2002, p. 108).

Datana (*Da-ta-na*, обел., 161, под 828 г. до н.э.), *Datā* (*Da-ta-a*, обел., 177, под 827 г. до н.э.), *Dadī* (*Da-di-i*, Шамши-Адад V, анн., II, 37, под 820 г. до н.э.). Обычно считают, что это формы имени одного лица, но для Дади полной уверенности в этом все же нет. Но если Дата(на) и Дади — передачи одного имени, то более точной должна быть форма с *t* (засвидетельствована дважды; передача *t* через *d* достаточно понятна, ср. с. 102 и сл., замена же *d* на *t* при сохранении первого *d* труднообъяснима). Ф. Юсти (1895, 81), К. Таллквист (1918, 67, 70), Г. Хюзинг (1930, 258), ссылаясь на форму с *t* либо с *d* или на обе, относили это имя к иранским. Но оно часто связывалось и с подобными именами из древних языков Передней Азии; имя *Dada/i* считают, например, хурритским или «субарейским» (ср.: Меликишвили, 1954, 92, там же литература). Как отмечалось выше, имя *Dadā* известно и для Замуа. Исходя из иранского материала, каждая из трех приведенных форм легко может быть отнесена к иранским. Для *Data-* (тогда, очевидно, иран. *dāta-* 'данный' и пр. или 'поставленный', 'созданный' и пр.) можно указать на имя мидийца при Дарии I Δᾶτις, древнеарм. (из иранского) *Dat*, Δατάς, иранские имена в раннесредневековых источниках *Dāt*, *Daδ*, *Dad* (все из **Dāta-*) и др., древнее западноиранское имя представителей знати ахеменидского времени, а также вождя кадусиев Δατάμης и пр. А *Dada/i* (иранские значения также могут быть различны, ср. авест. *daδa-* 'дающий', 'дарующий' и пр., о других возможностях см. в литературе к приводимым именам) можно было бы сравнить с частым скифо-сарматским именем Δάδας, Δάδος, др.-перс. и скифо-сарм. Δαδάκης, Δάδαγος, скифо-сарм. Δαδαῖος и др., с рядом имен в раннесредневековых источниках и пр. (см.: Justi, 1895, 75 sq., 81; Zgusta, 1955, 92, 301, и др.) в сложных именах *Da-da-par-na-*' (при Дарии II: Eilers, 1936, 176) и др.; ср. еще этноним Δαδίκαι (Геродот, III, 91; VII, 66). Как и предыдущее, это краткое имя (или имена: Датана и Дади) не может быть надежным критерием для суждения о его языковой принадлежности. Можно все же привести некоторые аргументы в пользу его иранского происхождения: имя правителя Хубушкии (по крайней мере в 828 и 827 гг. до н.э.), очевидно, имело *t* во втором слоге (см. выше) при *d* в привлекаемых неиранских параллелях, окончание *-na* в Датана может соответствовать иран. *-(ă)na* — суффиксу, часто встречающемуся в именах (в частности, в патронимах). Иранские имена типа **Dāta-*, *Dăda-* определенно очень древнего происхождения, известны и подобные древнеиндийские имена: *Datta*, *Dattaka*, *Dādū* и др.*.

* И Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1999s, p. 381–382), и Цадок (Zadok, 2002, p. 108) считают все приведенные формы иранскими.

Наличие возможных параллелей к именам Каки(а) и Дата(на)-Дади в древней ономастике Передней Азии еще не исключает возможности их иранского происхождения, тем более что засвидетельствованные подобные им западноиранские имена по форме, территориально и хронологически не менее, а иногда даже более близки к именам из Хубушкии. Наличие же в ней ираноязычного элемента представляется вполне вероятным, он определенно представлен в соседних районах уже в IX в. до. н.э., а в VIII в. до н.э. должен был иметь значительный удельный вес в этническом составе пограничных ассиро-урартских областей (см. ниже). Ираноязычное население уже в первой половине IX в. до н.э. проникло, возможно, и в страны далее к западу. На это могут указывать имена правителей Куммуха (античная Коммагена, по верхнему Евфрату, между Мелидом и Каркемишем).

4 и **5**. *Kundašpi* и *Kuštašpi* (*Ku-un-da-áš-pi*, мон., 83; *Ku-uš-ta-áš-pi*, Тиглатпаласар III, анн., 86, 150, гл. табл., лиц., 46, об., 7) — цари Куммуха, первый упоминается в 854, второй в 742 г. до н.э. и позже. И. Шефтеловиц (1902, 276), Эд. Мейер (1908, 16 и сл.), Х. Нюберг (1938, 333, 473), Р. Хаушильд (1962, 38) и ряд других авторов рассматривали эти имена как иранские, считая, что они представляют иран. **Vindāspa-* и *Vištāspa-*, с иран. *gu* < *vi* и акк. *k* для иран. *g*, а также, что эти имена, очевидно, стали известны ассирийцам от неираноязычного населения. К. Таллквист (1918, XXII и сл. и под соответствующими именами), В. Эйлерс (1934, 334; 1936, 173), И.М. Дьяконов (1956, 203) и некоторые другие отвергают или ставят под сомнение иранскую принадлежность этих имен, отмечая, что переход *vi* > *gu* засвидетельствован лишь в среднеиранскую эпоху и не мог иметь места в IX–VIII вв. до н.э. Хотя этот аргумент и не представлялся достаточно доказательным некоторым авторам (ср. у Эд. Мейера и Х. Нюберга), он, очевидно, исключает указанное иранское объяснение этих имен. Но наличие в них элемента *-ašpi*, который может соответствовать иран. *aspa*, представленному во множестве иранских имен, позволяет все же предполагать, что эти имена иранские; *š* здесь должно было произноситься как *s*, что подтверждается и урарт. *š* (достаточно определенно для *s* произношения) в приводимом ниже написании второго имени. Первое имя следует тогда рассматривать как иран. **Kundāspa-*, *Kunda* + *aspa*, ср. имя *Kundāgušasp* (сасанидский военачальник конца VI в. до н.э., один из полководцев Бахрама Чубина, «Шах-наме», изд. Т. Macan, 1809, — цит. по изд.: Vullers, cont. Nafisi, VIII, 2592, ср.: Justi, 1895, 120, 221) из *kundā-* (< *kundāk*, к *kunda-*, ср. также с. 329, 330) в значении 'отважный',

'воинственный', 'герой' и пр. + *gušasp* (< *vṛšnāspa-*) 'жеребец', «Held-Hengst» (Justi, 1895, 166); примерно то же значение возможно и в **Kundāspa*. Как уже указывалось, в ряде равнозначных иранских имен чередуются *aršan-/vṛšnāspa-* 'жеребец' и *aspa-* 'конь', 'лошадь' (см. под № 1), ср. англо-саксонские имена *Hengist* и *Horsa* и т.д. Оба имени из Куммуха имеют в ассирийской передаче окончание *-i*. Эд. Мейер объяснял это тем, что во всех текстах эти имена стоят в родительном падеже. Но второе имя известно и по урартскому источнику (анналы Сардури II, УКН, № 155, E, 41) — *Ku-uš-ta-áš-pi-li*; независимо от происхождения *-li*, определенно какого-то наращения к собственной форме куммухского имени, последнее здесь также имеет окончание *-pi*. Но иранские имена в иноязычной среде часто употреблялись с несоответствующими иранским окончаниями (и именно с *-i*, причем и в аккадском не только в родительном падеже). Поэтому и этот момент не может служить препятствием для предположения об иранском происхождении данных имен из Куммуха*.

Первым бесспорно иранским именем из дошедших надписей Салманасара III является название страны *Parsua*.

6. *Parsua* (многократно, в различных написаниях: *Pár-su-a*, как, в частности, при первом упоминании, позже также *Pa-ar-su-a*, иногда с окончанием -š: *Par-su-aš* и др., указания на тексты см. ниже; урарт. *Par-šú-a*[22]). Иранская принадлежность названия очевидна. Причем данными самих ассирийских источников оно документально увязывается с иранскими племенами (см. ниже). Но многие проблемы, встающие в связи с появлением и бытованием в клинописных текстах названия Парсуа, остаются спорными. Между тем в зависимости от того или иного решения этих проблем, в том числе вопроса об иранском значении имени, существенным образом меняются выводы, которые могут быть сделаны из данных о Парсуа при уяснении картины распространения иранских племен в Передней Азии.

Широко распространено мнение, что Парсуа — название области, из которой персы переселились в Юго-Западный Иран и которая была промежуточным этапом на их пути с востока или с севера. Предположение о какой-то связи Парсуа с наименованием персов или также парфян выдвигалось еще в XIX в. (о ранней истории вопроса см.: Hüsing, 1900, 126; Streck, 1901, 312 sq.).

---

* Р. Шмитт (Baker and Schmitt 2000a, p. 638) считает имя *Kundašpi* не иранским, а скорее анатолийским.

[22] Обычно читают *Bar-šú-a*, для чтения *Paršua* при произношении *Parsua* ср.: Дьяконов, 1958, 31.

Более определенно оно впервые было высказано И. Марквартом (Marquart, 1893, 642 sq.), который рассматривал как связанные между собой названия персов, Парсуа и упоминаемого Страбоном (XI, 7, 1) народа парсиев, обитавших у юго-западного угла Каспийского моря. Позже теория о связи Парсуа с персами была принята и развита рядом авторов, во многом, однако, расходившихся в выводах из этого положения (ср. в гл. I о взглядах Г. Хюзинга, Дж. Кэмерона, Р. Гиршмана и т.д.). При этом часто оставался в стороне вопрос о происхождении и значении названия, переданного в ассирийском как Парсуа; некоторые авторы подразумевали под ним иранский термин или этническое имя. Приводившиеся же в литературе конкретные объяснения обычно давались при анализе этнонима персов — *Pārsa* — с привлечением ассир. *Parsua*.

По мнению других ученых, также связывавших Парсуа с персами, последние получили свое имя во время пребывания на территории Парсуа (помимо работ, указанных в гл. I и ниже, ср., например, еще: Тураев, 1936, 109), причем для самого названия Парсуа допускается неиранское происхождение. Так, Э. Герцфельд считал, что оно восходит к имени области *Paraḫše* клинописных источников III тысячелетия до н.э. По В.В. Струве (1947, 119), предки персов жили в Парсуа вместе с иными, этнически не родственными им племенами, а само название Парсуа восходит к имени парсиев, составлявших, по Страбону, часть «анариаков», т.е. «неарийцев».

Наконец, И.М. Дьяконов и следующие за ним авторы (М.А. Дандамаев, О.Л. Вильчевский и др., ср. гл. I) утверждают, что Парсуа не имеет никакого отношения к персам и что в этой области вообще не было ираноязычного населения. Но И.М. Дьяконов признает иранское происхождение имени Парсуа, означающего, по его мнению, «окраину» по отношению к Мидии. В этом случае, независимо от происхождения самого термина, в областях этого имени могли обитать народы различной этнической принадлежности.

Существенным образом расходятся и мнения по вопросу о местоположении Парсуа. При этом можно выделить две основные точки зрения. Согласно первой, она располагалась поблизости от южного берега Урмии. По М. Штрекку (1901, 308–312, за ним: Boudou, 1929, 138, 139), Парсуа находилась к югу или юго-востоку от Урмии, от Сауджбулака и Саинкале на севере до Саккыза на юге. Дж. Кэмерон (1936, 141, 144), Р. Гиршман (1951, 88) и некоторые другие авторы (ср., например: Palou, 1962, 23) помещают Парсуа к западу или юго-западу от Урмии, Х. Ригг

(1942, 133) — к югу и западу от этого озера; Э. Райт (Wright, 1943) считает, что Парсуа примерно соответствует Сулдузу (долина по нижнему течению Гадира южнее Урмии), в том же районе располагает Парсуа В. Минорский (1957, 62, 78 и сл.,), при этом он отождествляет имя Парсуа с современным названием холма у маленького южного притока Гадира, *Paswē*, указывая на многочисленные случаи утраты древнего *r* в различных группах согласных. Это отождествление принимает и Киннир Вильсон (1962, 111 и сл.), идентифицируя город Парсуа с *Paswē*, или (*Qal'a*) *Paswa(h)*, и отмечая Парсуа в той же области к югу от Урмии.

Совершенно иная локализация была дана Э. Форрером и следующими за ним Э. Герцфельдом, И.М. Дьяконовым, И. Алиевым и некоторыми другими авторами. Они считают, что Парсуа находилась гораздо южнее районов у Урмии; ее положение определяется по данным о соседстве с Бит-Хамбаном и Намаром, а конкретное место на карте — на основании локализаций этих областей от района Керманшаха (Э. Герцфельд, 1947, 726, а также в других работах; он помещает сюда и Бит-Хамбан и Парсуа) до района Сулеймание (И.М. Дьяконов, 1956, 89 и сл., 161 и др., особенно подчеркивается соседство Парсуа с Намаром и Туплиашем). Э. Форрер (1920) помещал Парсуа севернее области Керманшаха (где он локализует Бит-Хамбан), в округе современного Санендеджа; по И. Алиеву (1960, 41), Парсуа лежала в верховьях Диалы и Малого Заба.

Эти две основные точки зрения по существу взаимоисключающие: одна и та же страна и одна и та же ассирийская провинция Парсуа, часто на основании одних и тех же источников, помещается то на севере, у Урмии, то на юге, в соседстве с Намаром и Бит-Хамбаном. Иногда пытаются согласовать оба мнения. Так, Д. Вайзман (1958, карта) отмечает две области Парсуа: одну — к юго-западу от Урмии, вторую — по верхней Диале, причем у него они отделены друг от друга иными странами и областями. По Г.А. Меликишвили (1954, 37–45), территория Парсуа простиралась от районов на севере почти у самого южного побережья Урмии до области, примыкавшей к Намару, при этом он обращает особое внимание на то обстоятельство, что Бушту однажды (см.: обел., 185–187) названа как одна из частей страны Парсуа, а в других ассирийских источниках страна и город (в обел. крепость с округой) Бушту выступают отдельно, в урартских же надписях то же название упоминается рядом с Паршуа, но как иная единица. Поэтому Бушту рассматривается как отдельное политическое образование, входившее в страну Парсуа, которая не была политически единой, причем Бушту, по Г.А. Мелики-

швили, находилась в южной части Парсуа и граничила с Намаром, и данные о соседстве с ним Парсуа относятся именно к Бушту.

Принципиальные расхождения в локализации Парсуа безусловно не только отражают разные толкования данных одних и тех же источников, но являются, по крайней мере отчасти, и результатом различия в действительном употреблении в IX–VIII вв. до н.э. того названия, которое передается ассирийским *Parsua* и урартским *Paršua*.

Переходя к рассмотрению данных о стране Парсуа в ассирийских источниках, следует прежде всего обратить особое внимание на ее первые упоминания в надписях Салманасара III. В известных к началу XX в. текстах название Парсуа впервые встречается при описании похода 834 г. до н.э. (обел., 119 и сл., *pár-su-a*): после изложения действий в Намаре говорится о получении дани от 27 «царей» (*šarrāni*) страны Парсуа; покинув ее территорию, ассирийцы оказались в Миси, а потом в Мидии. Сообщение обелиска под 24-м *palū* (834 г. до н.э.) считается первым упоминанием Парсуа и в некоторых работах (König, 1934, 8; Дьяконов, 1956, 160 и сл., и др.), вышедших позже публикации фрагментов с более подробным, чем в обелиске, описанием похода 16-го года Салманасара III. В этих фрагментах сохранилось название Парсуа: КАН, II, № 113, об., IV, 13 (дважды) и № 114, IV, 22. Но Д. Люккенбилл в переводе этих отрывков (AR, I, 235, 236) читал *Parzua* в № 113 и *Parzu* в № 114. Чтению *Parzua* следует и Э. Герцфельд (1947, 726). Но в тексте во всех случаях стоит знак 𒁀𒄩𒌅, т.е. *su*, а не *zu*, *sú* (𒁀𒄩𒍝), как и в имени гильзанца *Asū* (№ 113, ср. выше). Кроме того, в № 114 перед лакуной еще ясно читается знак *a* в *Pár-su-a* (а не *Parzu*, как в AR, I, 236). Упоминание о Парсуа, также относящееся к 843 г. до н.э., встречается в известном теперь полном тексте того же издания анналов (табл., IV, 3, 4: *pár-su-a*, дважды) и в надписях, составленных после 20-го года Салманасара III (пл. III, 35: *pár-su-a*; ст., 19: *pár-su-a*, знак для *su* тот же, что в КАН, № 113 и 114).

Следует заметить, что, хотя в трех текстах (КАН, № 113, табл. и ст.) перед Парсуа стоит детерминатив *URU*, безусловно имеется в виду страна, а не город (и не страна одноименного города). В тех же текстах рядом с Парсуа также детерминированы и названия других стран — Алабрии, Абдаданы, Хамбана (ср. особенно табл., III, 62, где Алабрия определенно страна, а не город и не страна города Алабрия). В надписи на мраморной плите (III, 35 и сл.) названия всех этих стран, в том числе Парсуа, имеют детерминатив *KUR*. О существовании города Парсуа вообще неизвестно.

В IX в. до н.э. в Парсуа было множество отдельных владений и общего центра, возможно, не существовало. Под 827 г. до н.э. в обелиске упоминаются имена трех разоренных ассирийцами крепостей с окрестными поселениями, очевидно отдельных центров Парсуа. Ко времени Тиглатпаласара III Парсуа или, вернее, часть ее старой территории была объединена под властью одного правителя «страны Парсуа», но его столица именовалась Никур, который был позже и центром ассирийской провинции Парсуа.

Из названных текстов Салманасара III (см.: КАН, № 113, IV, стк. 6 и далее; табл., III, 58 — IV, 25; пл., III, 33–37; ст., 19–20) следует, что ассирийцы в 843 г. до н.э. захватили крепость во Внутренней Замуа и затем прошли по территории (иногда, может быть, лишь по окраинам) стран: Маны, Алабрии (где разграбили дворец правителя), Парсуа, Абдаданы, Ха(м)бана — и только потом вторглись в Намар (лишь краткое изложение действий в нем и было известно ранее по обелиску под 843 г. до н.э.).

Содержащиеся в названных источниках данные о Парсуа важны не только потому, что она упоминается в них на девять лет ранее, чем в обелиске. Как уже указывалось, они свидетельствуют, в частности, о том, что территории таких стран, как Мана, Алабрия, Парсуа и Абдадана, не могли включаться ранее в «Замуа» (эта область и по другим данным локализуется к западу от них). Все упомянутые страны неоднократно фигурируют в ассирийских источниках в числе основных территориальных и политических единиц в районах между Ассирией (и Замуа) и Мидией. В известных ранее текстах Парсуа упоминалась впервые под 834, Мана — под 828 г. до н.э. (обел., 164 и сл.), а Алабрия и Абдадана — лишь в надписи Ададнирари III (IR, 35, № 1) в самом конце IX в. до н.э. Можно было поэтому предполагать, что эти географические названия и политические образования появлялись постепенно во второй половине IX в. до н.э. Но новые данные о походе 843 г. до н.э. показывают, что здесь уже в середине IX в. до н.э. сложилась в своих основных чертах географическая и политическая номенклатура, характерная для последующих периодов. В первой половине IX в. до н.э. ассирийцы еще не проникали на эти территории (а если и бывали, то сведений об этом не сохранилось). Поэтому отсутствие в источниках до 843 г. до н.э. указанных названий не может свидетельствовать о том, что эти названия еще вообще не существовали. Напротив, следует предполагать, что они бытовали по крайней мере несколькими десятилетиями ранее. Во всяком случае Парсуа не является новым обозначением части территории, известной ранее под об-

щим названием Замуа. Учитывая также, что для закрепления за данной территорией определенного, общепринятого названия необходимо довольно значительное время, появление в соответствующих районах населения, из языка которого происходит имя Парсуа, следует отнести не позднее чем к началу IX в. до н.э.

Данные о походе 843 г. до н.э. имеют значение и для локализации Парсуа. Из них, в частности, следует, что Парсуа не соприкасалась с Намаром и не обязательно должна была граничить с Бит-Хамбаном. По пути к ним из Парсуа ассирийцы прошли еще по территории Абдаданы. В анналах перечисление стран, очевидно, дается в последовательности маршрута похода. В несколько более позднем тексте (ст., 19–20) данные об этом походе включены в общую сводку завоеваний, где может быть отражено общее взаиморасположение стран; в этом тексте последовательность перечисления несколько иная: Парсуа называется сразу за Маной и перед Алабрией и Абдаданой, лишь после чего упоминаются Намар и Ха(м)бан, а также Туклиаш.

В IX в. до н.э. страна Парсуа ассирийских текстов политически не представляла единого целого. Можно, правда, предполагать существование на ее территории объединения типа племенного союза, но он в этом случае был крайне непрочным, а единого правителя страны (как, например, в Алабрии, Гильзане и т.д.) там еще не было. Под 834 г. до н.э. сообщается о получении ассирийцами дани от 27 «царей» Парсуа. При следующем упоминании этой страны, под 828 г. до н.э. (обел., 172–174), говорится о получении дани от «царей» Парсуа, т.е. лишь от части их, так как остальные парсуанцы [или 'остальная (часть) Парсуа', *šītāt* ^{KUR}*Parsua*] оказали неповиновение, и ассирийцы разграбили их поселения. Под 827 г. до н.э. (обел., 185–187) сообщается лишь о военных действиях в Парсуа, о разграблении трех укрепленных городов и 23 окружающих их поселений. Одной из трех названных крепостей и является Бушту (можно читать и Пушту; *bu/pu-uš-tu*, как и в других случаях *Pustus*, *Pusutu* вместо *Bustus*, *Busutu*). Бушту с округой уже определенно отдельное политическое образование, соответствующее известным позднее стране Бушту анналов Аргишти I и стране и городу Бушту, Бустус, Бустис ассирийских надписей второй половины VIII в. до н.э.; при Саргоне II сообщается имя правителя Бушту.

На территории Парсуа уже при Салманасаре III существовали и другие политические единицы. Их правители или родоплеменные вожди и называются в его анналах «царями». И хотя употребление термина *šarru* здесь вряд ли оправдано, все же следует иметь в виду не старейшин отдельных поселений, а правителей

более значительных владений, чаще всего, по-видимому, состоявших из одного или нескольких укрепленных пунктов, «крепостей», и окружающих их поселений. Некоторые из подобных владений с течением времени вырастали в более развитые политические объединения бóльших размеров. Из них такие, как Бушту, могли позже выступать отдельно, под собственными названиями, другие оставались на территории, продолжавшей называться «Парсуа».

Но ко времени Тиглатпаласара III Парсуа или, вернее, часть (бóльшая или меньшая) старой страны Парсуа составляла одно владение под властью единого правителя, которым тогда был Тунака (Forrer, 1920, 89 sq., ср.: Дьяконов, 1956, 194 и сл.). Это объединение могло возникнуть на основе одного из владений старой Парсуа или в результате упрочения племенного союза в этой стране. Тунака был уже правителем значительной территории. Анналы Тиглатпаласара III (см. стк. 28–37) называют крепость Никур, главный город Парсуа, и ряд, по-видимому, также принадлежавших Тунаке населенных пунктов, которые были, очевидно, крупными поселениями (они называются по именам, а некоторые отождествляются с известными по другим текстам городами и владениями). Тунака начал захватывать и районы, не входившие ранее в Парсуа; в частности, указывается, что он отвоевал у Бит-Абдадани город Китпатиа (очевидно, то же владение, Китпат, относится в текстах Саргона II к Гизильбунде; Сассиашу, одно из упомянутых выше поселений, соответствует Сасиашу, владению в западной части Гизильбунды при Шамши-Ададе V, ср.: Дьяконов, 1956, 165). Завоеванные Тиглатпаласаром III владения Тунаки стали основой ассирийской провинции Парсуа; в ее состав вошли также и области, не принадлежавшие ранее Тунаке; некоторые из них могли находиться на территории старой страны Парсуа, но другие определенно лежали за ее пределами.

Таким образом, Парсуа ассирийских надписей соответствует трем, целиком, безусловно, не совпадающим друг с другом единицам: стране Парсуа IX в. до н.э., «царству» Парсуа, существовавшему до времени Тиглатпаласара III, и ассирийской провинции Парсуа. Но основное ядро второй и третьей и значительная (очевидно, бóльшая) часть первой занимали одну и ту же территорию. Последняя не могла находиться на севере, у оз. Урмия. Из ассирийских источников определенно следует, что она лежала много южнее, как правильно показано Э. Форрером и И.М. Дьяконовым. Но их конкретные локализации Парсуа представляются недостаточно убедительными. Э. Форрер помещал Парсуа к

северу от Бит-Хамбана, локализуемого им в районе Керманшаха. Но, как указывалось, Бит-Хамбан был расположен значительно западнее, в районах по Диале. И.М. Дьяконов (1956, 89, 161) помещает Парсуа в район Сулеймание или в треугольнике Сулеймание–Зохаб–Санендедж, отождествляя Парсуа с южными частями Замуа, что не кажется возможным (ср. выше). Смещая Парсуа к юго-западу, И.М. Дьяконов исходит из того, что она граничила с Намаром, помещаемым на западном берегу среднего течения Диалы, и Туплиашем (у ее нижнего течения). Г.А. Меликишвили также считает, что Парсуа непосредственно соприкасалась с Намаром. Это мнение основано на данных обелиска, где под 834 г. до. н.э. о Парсуа упоминается после событий в Намаре, а под 827 г. до н.э. — за действиями в Парсуа, и именно в той ее части, где находилась Бушту, сообщается о погроме, учиненном ассирийцами в Намаре.

Но на основе подобных сообщений нельзя делать вывод о непосредственном соседстве соответствующих областей. В анналах часто указываются лишь районы, в которых во время данного похода происходили наиболее значительные события, а между этими районами ассирийцы могли пройти немалые расстояния. Это четко прослеживается в тех случаях, когда имеется возможность сравнить редакции анналов с более подробными описаниями тех же походов, а также на ряде примеров, где мы определенно знаем, что называемые рядом в анналах области никак не могли граничить друг с другом. Более того, даже выражения «вышел из страны такой-то, вошел (или спустился и пр.) в страну такую-то» не всегда свидетельствуют, что эти страны непосредственно соприкасались. И в этих случаях при сличении даже сравнительно подробных описаний с еще более обстоятельными иногда оказывается, что между такими областями ассирийцы прошли еще и по другим и даже вели в них военные действия. Поэтому при отсутствии иных контрольных данных (например, сведений о присоединении какой-либо местности одной страны к другой) лишь сообщения самых обстоятельных источников (например, «Письма Ашшуру» Саргона II) могут свидетельствовать о непосредственном соседстве двух областей. Что же касается Намара и Парсуа, то они определенно не соприкасались между собой, что, как указывалось, следует и из описания похода 843 г. до н.э. Приведенные данные обелиска также не свидетельствуют о непосредственном соседстве соответствующих районов. Это ясно как раз и из сообщения под 827 г. до н.э. о действиях в той части Парсуа, где лежала Бушту. Последняя, вопреки мнению Г.А. Меликишвили, находилась не в южной, а в север-

ной части Парсуа (см. ниже), т.е. в наиболее удаленной от Намара.

Кроме того, в период, к которому относятся эти сведения обелиска, Намар был объединен с Бит-Хамбаном. Последний лежал к северу или северо-востоку от собственно Намара (а не южнее или юго-восточнее его, как у Меликишвили, 1954, 39). В 843 г. до н.э. ассирийцы после Парсуа прошли по территории Абдаданы, Хамбана (тогда отдельной от Намара единицы) и лишь после этого вторглись в Намар, где на р. Намрите (табл., IV, 10) произошло сражение с его царем.

После создания ассирийских провинций Парсуа и Бит-Хамбан они, очевидно, действительно соприкасались. Но к обеим странам, давшим названия провинциям, были присоединены и некоторые другие области, частично, по-видимому, находившиеся ранее между ними. Таким образом, границы старой страны Парсуа проходили недалеко от Бит-Хамбана, но непосредственно скорее всего не достигали его. Парсуа, следовательно, лежала к востоку от Замуа и к северу от Бит-Хамбана. Входившие в нее местности находились, очевидно, севернее р. Сирвана (той ее части, которая течет с востока на запад, от истока, называемого Кишлак, до слияния с истоком Диалы Танджерорудом). Примерно в этом районе находилась и основная часть провинции Парсуа (при ее создании к ней, как и к Бит-Хамбану, были присоединены области на востоке, позже, по крайней мере частично, включавшиеся в состав новых восточных провинций).

Но, как указывалось, еще из состава старой страны Парсуа могли выделиться отдельные области, выступающие позднее под самостоятельными названиями и уже не причислявшиеся к собственно Парсуа. Так обстояло дело с Бушту, упоминающейся в VIII в. до н.э. в качестве отдельного владения. В VII в. до н.э. в период усиления Маны, захватившей ряд принадлежавших Ассирии или зависимых от нее районов, Бушту также попадает в пределы Маны (ср. об этом и у Меликишвили, 1954, 43). Об этом свидетельствуют данные о походе Ашшурбанапала против Маны (см.: Цилиндр В, III, 16 и сл.), откуда определенно следует, что Бушту (здесь *Bu/pu-su-tu*, III, 34) находилась между ассиро-манейской границей того времени и основным центром Маны, т.е. к югу или юго-западу от него. В состав Маны, таким образом, в этот период входила и часть территории, относившейся в IX в. до н.э. к стране Парсуа. В VII в. до н.э. Мана подчинила и район, где лежала Алабрия (ср. выше), находившаяся недалеко или соприкасавшаяся в IX в. до н.э. и со страной Парсуа (называется рядом с Алабрией под 843 г. до н.э. в последовательности прой-

денных стран и в их общем списке, как и в надписи Ададнирари III), и с провинцией Парсуа при Саргоне II (см. особенно в «Письме Ашшуру»). Вместе с тем при Асархаддоне и Ашшурбанапале провинция Парсуа оставалась в составе Ассирии. Но из этого следует, что Бушту была расположена к северу от основной части Парсуа (ставшей ядром одноименной провинции), а не к югу от нее. Таким образом, в IX в. до н.э. страна Парсуа простиралась на некоторые более северные районы, которые затем уже не считались принадлежащими к ней и не входили в ассирийскую провинцию Парсуа.

Но как Бушту, так и другие северные районы, входившие в Парсуа ассирийских текстов IX в. до н.э., не простирались до территорий у Урмии, куда часто помещают Парсуа, и были отрезаны от них другими «странами», упоминаемыми в ассирийских источниках. Данные о положении Парсуа на территории к югу и юго-западу от Маны, к северу от Бит-Хамбана и к востоку от Замуа не вызывают сомнений. В то же время в ассирийских надписях нет сведений, которые бы указывали, что территория Парсуа доходила до районов поблизости от оз. Урмия. Придерживающиеся мнения о положении Парсуа в этих районах часто ссылаются (например: Wright, 1943; Меликишвили, 1954, 43 и сл.) на «Письмо Ашшуру» Саргона II, откуда ясно следует, что Парсуа соседила с Миси, а последнюю отождествляют с урарт. *Meišta* у Миандуаба. Но это распространенное отождествление неприемлемо. Безусловно прав И.М. Дьяконов (1956, 161, 175), помещая Миси не к северу или северо-западу, а к югу от центров Маны. На это указывают данные всех ассирийских источников, упоминающих Миси. И само «Письмо Ашшуру» определенно свидетельствует об этом. В нем указывается (стк. 74 и сл.), что, выступив из расположенной в Миси крепости Зирдиакка, Саргон шел между Маной (Миси входила тогда в ее состав), Бит-Капси и Мидией и достиг Панзиша, другой манейской крепости. Эта дорога из Миси проходила, таким образом, между окраинами Маны, с одной стороны, и Бит-Капси и Мидией — с другой. Бит-Капси входила в число стран, лежавших южнее Маны, Мидия находилась к юго-востоку и, может быть, к востоку от Маны. Миси располагалась южнее или юго-восточнее Маны и восточнее (или, вернее, северо-восточнее) Парсуа*. Кроме того, под Парсуа в «Письме Ашшуру» определенно имеется в виду уже ассирийская провинция, которая и по другим данным лежала много южнее районов у оз. Урмия. Собственно ассирийские владения вообще не выходили к этим

* Обзор точек зрения о локализации Миси см. в работе: Zadok, 2002, p. 94.

районам, на что указывают различные данные, как, например, свидетельства о том, что Мана где-то в этой области уже в 715 г. до н.э. граничила с Хубушкией и Урарту (ср. во фрагментах призмы из Ашшура, изд.: Weidner, 1941).

Для локализации Парсуа у Урмии остаются лишь данные урартских текстов. В надписи Ишпуини и Менуа из Харагониса (УКН, № 24) страна Паршуа несколько раз называется рядом с городом Меишта, причем он и три других города определены также как города страны Паршуа (лиц., 18–20, об., 22–24). Город Меишта упоминается еще при Менуа в надписи Таштепе, к северо-западу от Миандуаба. В ней сообщается о том, что Менуа «построил эту крепость, завоевал город Меишта, завоевал оттуда страну Мана» (УКН, № 29). Согласно этой надписи, г. Меишта помещают в ее район, что, очевидно, не должно вызывать сомнений. Тогда страна Паршуа упомянутой надписи Ишпуини и Менуа действительно находилась у южных берегов Урмии, к северо-западу от Маны. Но в этом случае придется признать, что эта страна Паршуа не соответствует стране Парсуа ассирийских текстов. Их территории были отделены другими областями, известными ассирийцам под самостоятельными названиями. К югу и юго-востоку от района Таштепе лежало основное ядро Маны, с запада к ней непосредственно примыкала Алабрия и некоторые другие соседние с ними местности, и, наконец, далее уже находились части Замуа, или Внутренней Замуа. Таким образом, от районов у побережья Урмии и провинция Парсуа, и страна Парсуа ассирийских текстов IX в. до н.э. были отрезаны областями более северной полосы — от Малого Заба до Джегету. Предположение о том, что урарт. Паршуа надписи Таштепе не та страна, что Парсуа ассирийцев, вполне вероятно. Ведь и ассирийские источники упоминают еще одну страну с тем же названием, расположенную уже значительно южнее страны и провинции Парсуа. Позднее известны и другие подобные этно- и топонимы в ряде областей Ирана (см. ниже). Области, где локализуется Паршуа надписи Ишпуини и Менуа, не могут не фигурировать в ассирийских надписях по крайней мере времени Саргона II, но в них название Парсуа для этих территорий не употребляется. Возможно, что, как и в случае с Бушту, общее название (топонимическое или этническое) уступало место именам конкретных развивающихся политических образований. Кроме того, урартская географическая номенклатура могла существенно отличаться от ассирийской, базируясь на иных источниках и на иной промежуточной среде (имеются и примеры подобного рода).

Итак, можно говорить о существовании в конце IX в. до н.э. страны Паршуа, расположенной поблизости от южного побережья оз. Урмия. В этом случае не исключено отождествление *Paswē*, *Paswa* с древним именем, переданным через ассир. *Parsua* и урарт. *Paršua*. Таким образом, мы получаем для IX в. до н.э. еще одно название иранского происхождения. Наличие ираноязычного элемента к северу и западу от Маны подтверждается и рядом других данных из источников IX–VIII вв. до н.э. (см. ниже).

Но в урартских источниках, очевидно, упоминается и другая страна Паршуа. При Ишпуини и Менуа урарты, по-видимому, еще не проникали далеко на юго-восток, за пределы собственно приурмийского района; они появлялись там лишь при Аргишти I и Сардури II. В анналах Аргишти I (УКН, № 127, 11 и сл.) рассказывается о походе на Бабилу, страну Баруата и страну Паршуа (возможно, это продолжение похода, во время которого был захвачен город в Бушту — там же, стк. 10 — или же это два похода одного года). Бабилу и Баруата, упоминающиеся рядом еще раз при Сардури II, находились восточнее Бит-Хамбана и южнее или юго-восточнее ассирийской провинции Парсуа (см. с. 128 и сл.). Паршуа анналов Аргишти I может поэтому соответствовать Парсуа ассирийских текстов, и вместе с тем это определенно не та страна Паршуа, которая упомянута в надписи Ишпуини и Менуа из Харагониса (даже в том, явно исключенном, случае, если город Меишта лежал не вблизи Таштепе). Можно ли предположить, что как Паршуа у урартов обозначалась вся территория от областей у побережья Урмии к северо-западу от Маны до районов, где находилась ассирийская Парсуа VIII в. до н.э.? Это представляется крайне маловероятным. Мы видели, что между этими областями лежали «страны», которые у ассирийцев имели особые названия. Хотя локализация большинства местностей, известных по урартским надписям, еще остается крайне неопределенной, но и в них в ряде случаев говорится о действиях в этих (промежуточных между двумя Паршуа) районах и приводятся названия «стран», часть которых должна быть отнесена к данной территории. Но Паршуа в них более нигде не упоминается.

Заканчивая рассмотрение вопроса о локализации Парсуа, следует еще подчеркнуть, что и урартская Паршуа у Урмии, и ассирийская (и урартская) Парсуа (Паршуа) восточнее района Сулеймание находились на большом расстоянии от границ Мидии того времени и были отделены от нее другими, в том числе весьма значительными по территории и политическому значению странами. Между районами у Урмии и Мидией лежали Мана и соседние с ней, позже зависимые от нее области, далее Гизильбунда и

некоторые другие «страны». Между ассирийской Парсуа и Мидией располагались Миси, Бит-Иштар, Бит-Капси, Гизильбунда и, очевидно, южнее — Абдадана, Кишессу, Аразиаш, собственно Хархар, а также ряд прочих областей*.

По ассирийским источникам, много южнее, на границах Элама, находилась еще страна, обычно называемая в них *Parsamaš* или *Parsumaš* (об источниках и локализации см. с. 251–254). Это название определенно является и именем народа или племени (наряду с *KUR* употребляется и с детерминативом *LÚ*; кроме того, в некоторых текстах это название относится не к стране, а к племени, людям). Здесь уже выступают персидские племена, объединенные родом Ахеменидов; при Ашшурбанапале упоминается царь Парсумаш Кир. Ясно, что название, переданное аккадским *Parsamaš/Parsumaš*, по происхождению то же, что и имя персов, известное с VI в. до н.э. как *Pārsa-* (акк. *Parsu*, *pa-ar-su*, название страны и этноним).

Акк. *Parsua(š)* и *Parsamaš/Parsumaš*, безусловно, передают одно название. Имя страны у границ Элама в ассирийских источниках пишется обычно как *Parsumaš* или *Parsamaš*, но в надписях Синаххериба — как *Parsuaš* (*Pár-su-aš*, см.: AS, 43 — стк. 43, 88 — стк. 44, 91 — стк. 9). Она упоминается в текстах Синаххериба рядом с Аншаном и другими странами и племенами, поднятыми царем Элама против Ассирии. Это, безусловно, южная область, известная в других надписях как *Parsamaš* или *Parsumaš*, также зависимая от Элама и лежавшая недалеко от Аншана (позже, возможно, идентичная с ним, как считают некоторые авторы). Правда, по утверждению Э. Герцфельда (1935, 24–27 и в других его работах, ср. ниже), у Синаххериба еще идет речь о северной стране Парсуа(ш), известной ранее (в соответствии с этим персы, по Э. Герцфельду, переселились отсюда к юго-востоку лишь между 680 и 670 гг. до н.э.). Но это не представляется возможным. Как уже указывалось, локализация Э. Герцфельдом Парсуа в районе Керманшаха неверна. Население страны Парсуа, упоминаемой ассирийскими текстами IX–VIII вв. до н.э. (а также еще и VII в. до н.э.), не могло участвовать в указанной коалиции во главе с Эламом. Провинция Парсуа в это время, как и позже, оставалась в пределах Ассирии. Приведенный пример показывает лишь, что название страны, в других надписях выступающее как *Parsamaš/Parsumaš*, могло передаваться и как *Parsuaš*.

Вместе с тем в найденном в Калху фрагменте текста Саргона II, написанного в вавилонской графике, вместо обычного *Parsua(š)*

* Обзор точек зрения о локализации Парсуа см. в работе: Zadok, 2002, p. 99–100.

стоит *Parsumaš* (*Par-su-maš*, изд.: Gadd, 1954, 198–201, pl. LI, стк. 13), которая упомянута между Бит-Хамбаном и Маной и соответствует ассирийской провинции и стране *Parsua(š)* других надписей. Данный текст в целом того же типа, что тексты на цилиндрах Саргона II из Дур-Шаррукина. Точно в том же порядке перечисляются и восточные страны. Там, где в цилиндрах названа *Parsua*, в фрагменте из Калху упоминается *Parsumaš*.

Аккадские написания *Parsua*, *Parsuaš*, *Parsamaš*, *Parsumaš* точно указывают на иранскую форму **Parsava-* (см. в гл. II, разд. 1 о конечном *-š* и под иран. *v*; ср. также эламскую передачу имени *Parϑava-*: *pár-tu-maš*, Бех., элам., II, 69 и др., *pár-tu-ma*, NRa, элам., 17 и др.). Варианты *-ama-*, *-uma-* соответствуют именно иранскому *-ava-*.

Акк. *Parsua* наряду с **Parsava-* могло бы передавать и **Pārsva-*, соответствующее др.-инд. *Pārçva-*, к которому часто возводят иран. *Pārsa-*. Так, уже Ф. Юсти считал, что выпадение *u(v)* в принимаемой им форме *Parsua* — результат перехода, обычного в соответствии инд. *çv* = авест. *sp* = др.-перс. *s*. Также Э. Герцфельд приводит ряд **parçva* — «мидийское» **parspa* — перс. **parsa*. **Parçva* — *Parsua* к тому же возводится им к древнему имени *Paraḫše/i* — названию соседней с Эламом территории в III тысячелетии до н.э., а этникон *Pārsa-* (*vṛddhi* к персидской форме имени) был, по его мнению, впоследствии перенесен персами на область их позднейшего обитания (Herzfeld: AMI, I, 79; 1941, 181; 1947, 727, 728; и др.). Но если бы *Parsua* было тождественно **Parçva-*, то оно не соответствовало бы перс. **parsa*, так как переход ар. *śv* > иран. *sp*, перс. *s* произошел задолго до IX в. до н.э.; для того времени, например, засвидетельствованы имена с *aspa*, в том числе рядом с Парсуа (ср. ниже). Акк. *Parsua* определенно передает не **Parśva-*, а **Parsava-*, точно фиксируемое формами *Parsumaš*, *Parsamaš*. Последние не могут найти места в ряде соответствий, предлагаемых Ф. Юсти, Э. Герцфельдом и другими авторами, принимавшими *-sua* в *Parsua* за древнее *śva* (так же, например, у Г. Моргенстьерне и В. Эйлерса; о несостоятельности толкования этнонима персов у В. Эйлерса и вслед за ним у М. Майрхофера и некоторых дополнительных аргументов Э. Герцфельда см.: Грантовский, 1961а, 5–7). Что касается Парахше III тысячелетия до н.э., то Э. Герцфельд помещал эту область в район Керманшаха, но она скорее находилась южнее, ближе к центрам Элама. Парсуа же, напротив, лежала далее к северо-западу, а не в районе Керманшаха. К тому же и сопоставление имен Парахше и Парсуа несостоятельно.

Еще одно соображение о доиранском происхождении названия, перешедшего затем на персов и воспринятого ими, состоит в том, что парсии, носившие, по-видимому, то же название, бы-

ли неарийским народом (см. выше). Но о парсиях известно лишь из Страбона. А он отнюдь не утверждает, что парсии были анариаками, а лишь сообщает, что они жили среди анариаков и четко отличает от последних парсиев. Да и само название «анариаки» предполагает, что рядом с ними обитали арийские племена. Не приходится сомневаться в иранском происхождении названия **Parsava-*, определенно связанного с персами и вместе с тем имеющего многочисленные индоиранские параллели (в том числе личные имена и этнонимы).

S в *Pārsa-* и **Parsava-* восходит к и.-е. **ḱ* (отмечено уже Ф. Юсти; ср. у Р. Кента, И.М. Дьяконова и ряда других авторов[23]; это подтверждается и индоиранскими параллелями к этим названиям, приводимыми ниже). Этому *s* здесь должно соответствовать «юго-западное» *ϑ*. Поэтому имя *Parϑava-* 'Парфия' часто считают параллельной формой к **Parsava-* (П. Рост, Ф. Кёниг, Р. Кент, И.М. Дьяконов и др.). Тогда форма *Parϑava-* происходила бы из «юго-западной» среды (ср. у Р. Кента и И.М. Дьяконова), что исторически трудно объяснимо. Так, имя *Parϑava-*, безусловно, существовало уже в мидийский период, поэтому, например, необоснованно мнение Р. Кента о том, что провинции Парса и Парфия были поименованы правителями, говорившими на ином диалекте, т.е. Парфия — персами. Проще поэтому видеть в *Parϑava-* общеиранское *ϑ* (др.-инд. *th*). Все имя можно сравнить с родоплеменным именем *Pārthava-* в Ригведе (VI, 27, 8), по индийской традиции к *Pṛthu-* (ср. у Г. Циммера, В. Эйлерса и некоторых других авторов, иран. **pṛϑu-*). Но по форме *Parϑava-* действительно точное «персидское» соответствие общеиранскому **Parsava-*. Пытались возводить имя *Parϑava-* к понятию 'край', 'сторона', сравнивая с перс. *pahlu* (с *hl* < др.-перс. *rϑ*, иран. *rs*) 'бок', 'сторона'. Подобное толкование было предложено В. Томашеком и принято Ф. Юсти и некоторыми другими авторами, объясняющими *Parϑava-* как 'люди стороны, края', 'народ, живущий на краю (или у подножия) горы'. На необоснованность исходного пункта объяснения В. Томашека было указано В. Эйлерсом (1954, 356, 357).

Более последовательное объяснение предложено И.М. Дьяконовым, по мнению которого каждое из имен **Parsava-*, *Parϑava-*, *Pārsa-* восходит к иран. *pars-*, *parsav-* 'бок', 'край' и означает «край», «окраина», «украйна», что он связывает с положением Парсуа на западной, Персиды-Парсумаш — на южной и Парфии — на восточной окраинах Мидии, кроме того, к северу от парсии. Все

[23] Для данного абзаца и некоторых последующих разделов, где обосновывается этимология иран. **Parsava-*, более подробные ссылки на литературу см.: Грантовский, 1961а.

парсии. Все упомянутые имена по этой трактовке должны происходить из среды мидийцев. Между названиями Парсуа и Персида-Парсумаш, по И.М. Дьяконову, имеется лишь то общее, что оба они означают «окраина», а персы вовсе не обитали в Парсуа, где, как и на соседних с ней территориях, вообще не было ираноязычного населения, «топонимические и личные имена с территории Парсуа отнюдь не иранские» (1956, 69, 161, 224 и др.). Данное толкование и соответствующие исторические выводы приняты рядом других авторов (см. выше). Необходимо более подробно остановиться на этом положении. Рассмотрим сначала реально-историческую сторону проблемы, а затем вопрос об этимологии и значении термина **Parsava*.

Указанное объяснение исходит из факта иранского происхождения названия Парсуа, но предполагается, что соответствующая территория была так поименована не местным, а обитавшим далее к востоку населением. Налицо бесспорное противоречие с мнением самого И.М. Дьяконова (и ряда других авторов) о том, что иранский языковой элемент до VIII в. до н.э. не имел никакого значения в областях западнее районов современных Тегерана и Исфагана. А название Парсуа появляется в текстах во второй половине IX в. до н.э. [на это противоречие указывает и Р. Гиршман (1958б, 258)]. Кроме того, мидяне, с точки зрения И.М. Дьяконова, по происхождению и в большинстве, а в западных районах Мидии исключительно состояли не из иранцев. Но даже если иранские племена уже проникли к середине IX в. до н.э. гораздо далее к западу, но еще не достигли самой Парсуа, то и тогда приведенное толкование представляется неприемлемым. Непонятно, как ассирийцы, проникая с запада, могли усвоить название области, данное ей населением, обитавшим на значительном расстоянии к востоку от нее, и чуждое также и местным жителям. С самими мидянами ассирийцы столкнулись позже того времени, когда они уже побывали на территории Парсуа. К тому же, как отмечалось выше, и ассирийская Парсуа, и урартская Паршуа были отделены от Мидии целым рядом других областей, в том числе тех, в которых в тот период еще преобладало старое местное население; оно было и политически ведущим в наиболее развитых объединениях этих территорий в IX в. до н.э.

Также южная страна Парсамаш/Парсумаш на границах Элама была отделена от Мидии значительным пространством, где были расположены различные географические и политические единицы. Ассирийские источники свидетельствуют, что так назывались и страна, и народ. Эти источники времени Ашшурба-

напала относятся к периоду, когда персы на границах и в пределах Элама еще не подчинялись Мидии и вообще, по-видимому, никак не были с ней связаны. Распространенное мнение (Дж. Кэмерона и других авторов), что персы попали в зависимость от Мидии во второй четверти VII в. до н.э., основано на неверной трактовке документа времени мидийского восстания и сообщения Геродота о завоевании персов Фраортом, отождествлявшимся с Каштарити. На несостоятельность этих выводов убедительно указал Р. Лабат (Labat, 1961). Сведение же Геродота, возможно, достоверно, но царствование Фраорта, согласно его данным, следует датировать более поздним временем (ср. с. 286). До разгрома Элама Ашшурбанапалом около 642 г. до н.э. (для даты ср.: Тадмор, 1960) эта группа персидских племен зависела от Элама и принимала активное участие в его внутренних делах и войнах. Более того, их страна именовалась Парсуаш, Парсумаш, Парсамаш задолго до образования Мидийского царства, что, в частности, засвидетельствовано еще при Синаххерибе (см. выше). Наконец, страна Парсамаш, очевидно, была известна примерно в той же области еще ранее, при Шамши-Ададе V, около 815 г. до н.э., когда предположение о влиянии мидийской (безразлично ираноязычной или старой местной) среды на географическую номенклатуру этих территорий по существу невозможно.

Уже само по себе маловероятно, чтобы от понятий «край», «окраина» по отношению к Мидии произошли названия трех племен: персов, парфян, парсиев. Как мы увидим, это число придется значительно увеличить, в частности, за счет народов, совершенно не связанных с Мидией, Персидой и вообще с Западным Ираном. Поэтому этимология, возводящая рассматриваемые названия к понятию «сторона», «край», оставалась бы возможной лишь при предположении, что западноиранские области этого названия получили его от населения, принесшего с собой наименование с первоначальным значением «окраинные», которое было получено ими на иных территориях, где они жили в соседстве с другими ираноязычными племенами. Кроме того, и из форм названий областей *Pārsa-*, **Parsava-*, *Parθava-* следовало бы скорее признать, что все они происходят от имени народа, их населявшего («украинцы», «окраинные»), так как это вторичные образования к основе *parsu-*, иначе остается неясным, почему во всех случаях исчезло первоначальное *parsu-* 'край'.

Но при таком объяснении названия Парсуа, Паршуа, Парсамаш также будут свидетельствовать о наличии ираноязычного населения на территориях, которые так именовались. Наконец, даже в том случае, если принять толкование этих имен в значе-

нии «окраина», пришлось бы признать присутствие ираноязычного населения либо в самих этих областях, либо в непосредственно соседящих с ними, причем тогда скорее как раз к западу от Парсуа, ближе к Ассирии. Но все же и со всеми этими оговорками толкование названия **Parsava-* как «край» или «окраинные» не представляется убедительным.

Ниже предлагается иная этимология этого названия, которая, как нам кажется, лучше соответствует значению общеарийских и древнеиранских образований от **parśu-* и подтверждается индоиранскими ономастическими параллелями, вместе с тем исключающими значение «окраина» или «окраинные» для всей этой группы имен, в частности, потому, что они употребляются и как личные имена, в том числе уже общеиранского и индоиранского происхождения. Но, прежде чем обратиться к этому материалу, необходимо остановиться еще на некоторых моментах, которые обычно играли существенную роль при толковании иран. **Parsava-*.

Др.-перс. *Pārsa-* (как и более древнее **Parsava-*) обычно рассматривается как не собственно персидская форма и вместе с целым рядом других имен и слов древнеперсидского относится к числу «мидизмов». Это и является исходным пунктом для положения, что Парсава и Парса были поименованы во внешней по отношению к этим областям среде, и именно в Мидии (ср. у Р. Кента, И.М. Дьяконова и др.). Теория о мидийских заимствованиях в древнеперсидском являлась по существу общим местом в иранском языкознании с конца XIX в. вплоть до последнего времени. Она основана на частом отражении в древнеперсидском фонетических (и отдельных морфологических) черт, характерных не для так называемой юго-западной, или собственно персидской, а для «северо-западной» диалектной нормы, а также на существовании древнеперсидских слов, которые представлены в других иранских диалектах, но считаются не свойственными «собственно персидскому», например, противопоставляясь семантически соответствующим словам «юго-западных» среднеперсидских текстов и в то же время находя продолжение в лексике среднеиранских «северо-западных» текстов. Как особо важный аргумент рассматривается неадекватное отражение иранских слов и имен в вавилонских и эламских версиях ахеменидских надписей и документах; считается, что вавилонские версии и документы, почти всегда следуя «северо-западным» нормам, передают мидийское произношение, а эламские, следующие «юго-западным» нормам, — собственно персидское. Когда в эламской версии представлено не то иранское слово, которое стоит в персидском тек-

сте, относят второе к мидийской, а первое к собственно персидской лексике. Таким образом, древнеперсидский язык оказывается густо насыщенным мидизмами.

Наконец, общепринято мнение, что политические, социальные, религиозные и прочие специфические термины, употребляющиеся в древнеперсидском в «неперсидской» форме, впервые возникли или получили распространение в эпоху Мидийской державы и затем были восприняты персами.

Против этой теории высказывались П. Тедеско и В.И. Абаев. Основываясь на формах некоторых основных глаголов и местоимений, П. Тедеско выдвинул тезис о том, что древнеперсидский (Altpersisch) надписей представляет не первоначальную ступень персидского, но переходный диалект от подлинного, или чисто персидского (Altechtpersisch), к северо-западным диалектам (Tedesco, 1921, 248). В.И. Абаев (1945), обращая внимание на то, что так называемые неперсидские элементы имеют очень большой удельный вес в новоперсидском и являются для него в такой же мере «своими», как и «чисто персидские», сближает его в этом отношении с древнеперсидским, отражающим не одну, а несколько языковых норм. Позже он также отмечал, что все «неперсидские» элементы в древнеперсидском не обязательно усвоены из мидийского и что правильнее говорить о вкладе из мидо-парфянской, а иногда также восточноиранской среды (см.: Абаев и Меликишвили, 1958, 167).

Но объяснение «неперсидских» черт в древнеперсидском влиянием мидийского и до настоящего времени остается обычным и единственным как в грамматиках и руководствах по древнеперсидскому А. Мейе и Э. Бенвениста (1931; см. также в более поздних работах Э. Бенвениста), Р. Кента (1950), В. Бранденштайна (1964), так и в общих и специальных работах А. Кристенсена, Х. Нюберга, Э. Герцфельда, К. Гоффмана, И.М. Дьяконова и многих других авторов. Тем не менее теория о мидийских заимствованиях и ее аргументация не представляются обоснованными. Возражения против этой теории были высказаны автором данной работы в докладе на II Всесоюзной конференции по Древнему Востоку (май 1962 г.; ср. резюме: ВДИ, 1963, № 1, 175–176), при этом были предложены следующие выводы: и собственно «юго-западные» и «северо-западные» формы древнеперсидского были одинаково персидскими в реально-историческом смысле; и те и другие были присущи различным диалектам самих древнеперсидских (а не мидийских или иных иранских) племен; данное явление было характерно для их языка уже в IX–VIII вв. до н.э. и восходит в основном к более раннему времени.

В качестве аргумента против мнения о том, что «северо-западные» формы равно принадлежат персидскому, М.А. Дандамаев (ср.: ВДИ, 1963, № 1, 176) указал на постоянное отражение этих форм вавилонскими писцами, что должно свидетельствовать об обычной практике, выработанной в Вавилоне впервые при сношениях с мидянами, диалекту которых и принадлежат эти формы. Эта точка зрения принимается и другими авторами, например В. Бранденштайном (1964, 12). Действительно, вавилонские передачи основаны, очевидно, на единой традиции. За некоторыми исключениями они следуют, по-видимому, определенному иранскому диалекту, возможно, на самом деле мидийскому. Но допустимо и иное предположение. Нововавилонское царство было завоевано лишь Киром. Можно лишь предполагать, что указанная традиция была выработана в Вавилоне для дипломатических и прочих сношений с Мидией. Но имеются некоторые данные о том, что ираноязычное население обитало в пределах самого Нововавилонского царства и, возможно, играло в нем значительную роль. Если вавилонская практика при передаче иранских имен и слов была выработана в доахеменидский период, она скорее должна была основываться на языке «своих» иранцев (независимо от того, насколько интенсивными были сношения с Мидией). Но это ираноязычное население не могло быть мидийским, а, очевидно, происходило из областей между Мидией и Эламом и Месопотамией, т.е. из районов, где еще для ассирийского периода отмечен иранский (в том числе именно персидский) этнический элемент. И в само Нововавилонское царство входили территории к востоку от собственно Ассирии и Вавилонии. Вместе с тем известен пример проникновения в вавилонский иранского слова как раз в «северо-западной» форме (*aspastu*, см. ниже) уже в VIII в. до н.э., задолго до образования Мидийского царства и значительного расширения его западных границ. Но даже если считать, что вавилонский следует именно мидийскому произношению, то и тогда это вовсе не доказывает мидийского происхождения древнеперсидских слов с «северо-западными» фонетическими чертами.

«Неперсидские» формы, приводимые при аргументации теории о мидийских заимствованиях, не имеют ничего специфически мидийского или даже вообще «северо-западного». Как правило, это по существу лишь нормализованные общеиранские формы. Правда, некоторые из них определенно были характерны и для мидийского, но вместе с тем свойственны и многим другим древнеиранским диалектам. Мидийский, безусловно, имел и свои диалектные особенности, о которых известно очень мало, поэто-

му возведение к нему многих «северо-западных» форм персидского не только бездоказательно, но и сомнительно. Так, **mazdayazna-* (авест. *-yasna-*, «перс.» **-yašna-* > н.-перс. *ǰašn*) > арам. *mzdyzn* обычно считают заимствованием из мидийского (Nyberg, 1938, 342; Gerchevitch, 1959, 16, и др.). Но по недавним выводам В. Хеннинга (1963), *mzdyzn* не может принадлежать мидийскому в узком смысле (он постулирует для него *nz* < *zn*; между прочим, это *nz* как раз в анализируемом им **ganza-* представлено в вавилонской передаче, ср. с. 109–110). Другой пример, где возводимая к мидийскому форма не является общеиранской, *farnah-*, определенно не относится к числу специфически мидийских слов (ср. ниже).

Если подобные соображения указывают на бездоказательность мнения о широком проникновении мидизмов в древнеперсидский, то ряд других фактов свидетельствует о необоснованности этой теории и ее аргументации. Кратко остановимся лишь на нескольких моментах (далее с отдельными примерами приводятся некоторые положения из упомянутого доклада 1962 г.; группа соответствующих примеров рассматривается ниже под рядом имен).

Обычно особое внимание обращают на те случаи, когда в древнеперсидском тексте употреблены «северо-западные» формы, а эламская версия следует «чисто персидским». Первые считают мидийскими, а вторые — принадлежащими персидским говорам Фарса. Но не менее часты примеры иного рода, когда при «юго-западной» форме в персидских текстах эламские версии отражают «неперсидские» формы; последние бывают представлены и при тех же «северо-западных» формах персидского текста (*mišpazana-* при *vispazana* и многие другие), а также широко встречаются в эламских документах из Персеполя. Эти формы также следует признать происходящими из говоров персидских племен Персиды и Элама. Прежде всего обращает внимание очень частое и свободное употребление «северо-западных» форм в эламском. Непонятно также, чем можно объяснить отражение мидизмов в эламских версиях, когда в параллельном персидском тексте стоит «чисто персидская» форма. Но это будет естественным, если и «северо-западные» формы принадлежали самому персидскому, тем более что речь обычно идет о хорошо известных словах или легко этимологизируемых именах либо их элементах. Так, **Sataguš*, отраженное в эламской версии, при *Θataguš* в персидской должно указывать, что в самих древнеперсидских диалектах употреблялось и **sata-* 'сто', о чем свидетельствует и перс. *sad* < **sata-*, например, при *dah* 'десять' из «чисто персидского» *daϑa-* (известно и по эламским передачам). Некоторые примеры с «се-

веро-западными» формами в эламской версии при «юго-западных» в персидской особенно характерны и представляются доказательными. Сюда относятся написания названий древнеперсидских месяцев.

В персидском тексте ахеменидских надписей эти названия всегда имеют «чисто персидскую» форму (т.е. во всех случаях, когда она отличима от «северо-западной»): *Āssiyādiya-*, *Bāgayādi-* и т.д. Другие данные также указывают на собственно персидское (а не мидийское или общеиранское) происхождение древнего ахеменидского календаря, что и является общепризнанным. Между тем в эламских текстах эти календарные имена часто представлены в «северо-западной» форме: *θaigrači-* от *θigra-* 'чеснок', эламский следует произношению с *s-* (Бех., элам., II, 35 и в документах, ср. под № 51) — **Sāigriči-* от *sigra/i-*, ср.-перс. *siyr*, н.-перс. *sīr* 'чеснок'; *θūravahara-* от *θūra-* 'праздник' (менее вероятно 'сильный', с тем же *θ-*, ср. авест. *sūra-*, др.-инд. *çūra-*), эламский отражает формы и с *θ* (так, в частности, в Бех., элам.), и с *s-* (см.: PTT; Harmatta, 1954, 307) — **sūra-* > перс. *sūr* 'праздник', 'пир', 'торжество'; лишь по эламскому известно название восьмого месяца *mar-ka-za-na-iš* (Бех., элам., III, 43 с лакуной в перс., III, 88) и другие написания с *-za-na-*, *-ša-na-* и пр. (в документах, см.: PTT), также передающие *-zana*, а не «юго-западное» **-dana* (примерно в том же значении, что и *-zana* других слов персидского, где в эламском также отражается *-zana* наряду с **-dana*); наконец, и в элам. *samima* для одиннадцатого месяца (январь–февраль) должна передаваться «северо-западная» форма, очевидно с *z*, а не *d* из и.-е. **ǵh* — обычная этимология **zamima* 'зимний', ср. инд. *hima-*, авест. *zyam-*, *zəm-*, ср.-перс. *zam*, *zamistan* 'зима', н.-перс. *zam* 'холод', *zami-*, *zimi-stan* 'зима' (с сохранением форм с *d* за иными значениями, например, *dama* 'вьюга', 'метель'). Для всех этих названий уже нельзя говорить об их заимствовании из мидийского, а следовательно, в самом персидском употреблялись формы **šigra/i-*, **sūra-*, *-zana*, **zami-*. Характерно, что как и в случае с **sata-*, средне- и новоперсидский сохранили *siyr* > *sīr*, *sūr*, *zami-*, *zam*, т.е. «северо-западные», а не «чисто персидские формы»*.

В примерах, где в персидском тексте «северо-западные» формы, а в эламском «юго-западные», и те и другие также могут быть отнесены к диалектам и говорам самих персов. Что касается примеров с парами различных иранских слов, из которых стоящие в персидской версии относят к мидийским, то такая атрибуция — также лишь результат предвзятого мнения об обилии

* См. примечание к с. 279.

мидизмов в древнеперсидском. Те же слова, которые на этом основании причисляют к мидийским, в других случаях встречаются и в эламском, поэтому можно предположить, что и они являются собственно персидскими. Но и здесь имеется бесспорный контрольный пример, показывающий, что так и было на самом деле. Это пара *yauda"tim*: элам. *pir-ra-um-pi-EL* (DNRa, перс., 32, элам., 27) во фразе: «Когда Ахурамазда увидел эту землю, 'находящуюся в волнении' (или 'беспорядке' и т.п.), тогда он передал ее мне» (т.е. для замирения, приведения в порядок). Образованное от *yaud-* 'быть в неспокойном движении' и т.п. *yauda"tim* здесь значит 'находящуюся в волнении', 'беспорядке', 'хаосе', 'мятеже' и т.п.; эламский также передает иранское слово, очевидно, **frahampāram* 'в массе', 'в куче', 'в хаосе', 'в беспорядке' и т.п. (Harmatta, 1955; иначе, но примерно с тем же значением 'находящаяся в движении' в более ранних работах Э. Герцфельда и Дж. Кэмерона). Оба иранских слова однозначны по смыслу и синтаксическому употреблению, но второе из них определенно более «обыденное», первое — «официальное». И в других надписях глагол *yaud-* встречается в традиционных выражениях, обозначая мятежное состояние страны в начале царствований Дария I (DSe, 33) и Ксеркса (XPh, 32). В том же смысле, как перс. *yaudant-* (DNRa), употреблено соответствующее авест. *yaozant-* в Яшт XIII, 95, где говорится, что Митра умиротворяет (*rāmayeiti*) страны, 'находящиеся в волнении' (*yaozant-*). Таким образом, отмеченный пример был бы идеальным для аргументации теории о мидийских заимствованиях: два параллельных слова, причем стоящее в персидском тексте является именно официальным, традиционным. Но *yaudant-* как раз «чисто персидское» слово. Поэтому и в других парах: *framānā-* и **daina/i-*, *framātar-* и **dainadāta(r)-* и пр. — первые слова (к тому же появляющиеся и в эламских версиях) также могут или даже должны принадлежать самому персидскому. Во всяком случае ясно, что, когда в персидском и эламском текстах представлены два иранских слова или две формы одного слова, оба слова и обе формы могли быть именно персидскими, иногда, возможно, принадлежащими его разным говорам или различным «стилям».

К числу «неперсидских» элементов в древнеперсидском надписей относят ряд местоимений, предлогов и основных глаголов, основываясь прежде всего на сравнении с «юго-западными» и «северо-западными» среднеиранскими текстами. Из этих фактов и исходил П. Тедеско, когда указывал, что древнеперсидский следовал как «чисто персидским», так и «северо-западным» диалектным нормам. К тому же выводу можно прийти и на данных

исторической фонетики. Так, Р. Кент к «неперсидским» (у него «мидийским») относит, например, местоимения *kašciy, čiščiy* и другие, представляющие иную норму предшествующего развития, чем «чисто персидское» *pasā* 'после', 'за' (авест. *pasča*, инд. *paççá*). Такие местоимения, предлоги, наречия и основные глаголы встречаются в повествовательных фразах и не могут рассматриваться как особые заимствования из мидийского. Они также свидетельствуют, что древнеперсидский отражал более одной диалектной нормы, причем соответствующие слова и формы различного происхождения уже давно были для него одинаково «своими», а не «чужими», как и для новоперсидского (ср. формулировку В.И. Абаева). Поэтому и факты принадлежности самому персидскому других «неперсидских» слов, в том числе важных терминов, имен и т.д., не должны вызывать удивления.

Не следует, конечно, в принципе отвергать возможность наличия в древнеперсидском отдельных заимствований из мидийского. Но для аргументации этого предположения остаются лишь общие соображения о влиянии мидийской государственности и культуры. Однако и они не дают никакой надежной опоры. Все или почти все специальные термины и выражения предполагаемого мидийского происхождения на самом деле старше Мидийской державы и не могут считаться нововведениями этого периода. В большинстве случаев это положение в сущности и не нуждается в доказательстве. Остановимся лишь на нескольких характерных терминах и выражениях, которые наиболее уверенно относят к примерам, свидетельствующим о влиянии из Мидии.

Др.-перс. *xšāyaϑiya-* 'царь' имеет *-ϑiya* вместо «чисто персидского» **-šiya*, а распространенная форма слова «сатрап» — **-ϑr-* вместо «перс.» *-ϑ-*. Э. Герцфельд в связи с этим писал, что титулы «царь», «великий царь» и «сатрап» могли возникнуть лишь в той части Ирана, где была создана империя, т.е. в Мидии. Аналогичное мнение не раз высказывали и другие авторы. Можно, конечно, предполагать, что институт сатрапов был заимствован персами у мидян, хотя его существование в Мидии доказывается, в свою очередь, лишь по форме титула с **ϑr*, отраженной в ряде иноязычных передач и позже в иранском (ср., например: Дьяконов, 1956, 361). Но в самом древнеперсидском, как и в эламском, слово «сатрап» представлено как «чисто персидское» — с *ϑ* (что уже нарушает аргументацию теории о мидийских заимствованиях). Вместе с тем то же образование к *xšaϑra-pā-* засвидетельствовано еще в VIII в. до н.э. ассир. Сатарпану (см. ниже, иранская форма определенно та же, что, например, в вавилонской и

арамейской передачах титула «сатрап»), именем или титулом самостоятельных вождей. Таким образом, этот уже тогда распространенный термин существовал до создания Мидийского царства и его происхождение не было связано с административным делением. Для IX–VIII вв. до н.э. засвидетельствованы и другие образования с *xšaϑra-*, выступающие как имена или титулы иранских вождей (как раз из областей к западу от Мидии). Вообще, как известно, образования от *xša(y)-* и *xšaϑra-* (в терминах для обозначения вождей и правителей, представителей военной аристократии, ряда абстрактных понятий и т.п.) занимали очень важное место в социальной терминологии арийских племен еще с индоиранского периода. Данные индийской и иранской традиций и их сравнение указывают также на весьма сложные и развитые социально-политические отношения уже в арийский и общеиранский периоды. На их основании можно предполагать, что и возникновение понятий типа «великий вождь» (великий царь), «вождь вождей» (царь царей) вовсе не было связано с созданием объединений типа Мидийской и Ахеменидской держав. Представление о власти одного вождя над несколькими или многими родоплеменными единицами либо «странами» (также возглавлявшимися вождями, или «царями») существовало много ранее. Так, уже в старейших отрывках Яштов древнейшие эпические герои просят у богов «высшую власть над всеми странами», *uрəтəm xšaϑrəm vīspanąm daήyunąm*[24]. Имеется и ряд других данных подобного рода.

---

[24] Бесспорно мидийским заимствованием считают др.-перс. *vispazana-* и сходное по значению *paru(v)zana-*. Но сами эти термины должны были возникнуть ранее возможного влияния из Мидии (ср. инд. *viçvajana-* и пр.; с приведенной фразой из Яштов можно сравнить др.-перс, *visadahyu-* и выражение *xšāyaϑiya dahyūnām paru(v)zanānām*, ср. также авест. *vīspanąm daήyunąm daiĵhupaiti* из текста, который младше упомянутых авестийских отрывков, но не имеет отношения к Мидии). Вместе с тем мнение о заимствовании из мидийского по меньшей мере не подтверждается фактами бытования этих терминов и их элементов в персидском и эламском; *-zana* было и формой самого персидского (ср. выше о сложных словах персидского происхождения с *-zana*); как персидское слово свободно могло употребляться и *vispa-*, на что указывают данные и эламского, и персидского, ср. особенно наречие *vispadā* (Бех., IV, 92). Оба рассматриваемых термина в эламском отражаются и в «северо-западной», и в «юго-западной» (с **visa-* и **dana*) формах; они не воспринимались как застывшие обороты и чуждые заимствования (ср. передачу *paru(v)zana-* в XPc, элам., 11–12, с эламским переводом первой части и транскрипцией иран. **-dana* второй, например, при полной эламской транскрипции всего слова в «северо-западной» форме в DElw. и XPa). Оба термина того же типа, что и *visadahyu-*, но последнее и в персидских текстах имеет «чисто персидский» облик. О свободном употреблении в самом персидском вариантных форм с *paru-* и *vispa-* ср. под № 14 о **parušiyāti-* и **vispašiyāti-*.

К числу упомянутых терминов от *xša(y)* принадлежит и др.-перс. *xšāyaθiya-*. Как и другие титулы подобного рода, он, безусловно, не обязан своим происхождением образованию государств типа Мидийской и Ахеменидской держав. Да и у Ахеменидов простое *xšāyaθiya-* не было титулом царя всей империи, но могло, очевидно, относиться к представителям высшей знати (ср., например: Дандамаев, 1960, 18; иранские примеры такого рода многочисленны). Наряду с другими именами и титулами от *xša(y)-* его могли носить в IX–VIII вв. до н.э. и правители из Западного Ирана (ср., в частности, выше об употреблении ассир. *šarru* по отношению к вождям Парсуа). Но по крайней мере уже с начала VII в. до н.э. у группы персидских племен Юго-Западного Ирана было создано возглавляемое Ахеменидами более прочное объединение, традиции которого продолжались до возникновения империи при Кире II и сохранялись значительно позже. Когда в текстах Ашшурбанапала Кир I называется царем — *šarru* (*Kuraš šar* ^{KUR}*Parsumaš*), то в данном случае перед нами определенно уже не родоплеменной старейшина, а правитель более значительного масштаба. В персидской же среде Кир I именовался «великим царем», как уже и его отец Чишпиш (см. «Цилиндр Кира», стк. 20, сл.: *šarru rabū*). Следовательно, титул «великий царь» существовал у персов еще в то время, когда они не были связаны с Мидией, а Мидийское царство лишь начинало создаваться либо вообще еще не возникло (ахеменидское объединение, в частности, уже оформилось ко времени Синаххериба).

В древнеперсидский титул «царь великий» вместе с *xšāyaθiya-* входит также «неперсидское» *vazraka-* (или *vazarka-*) 'великий', 'большой'. Это слово встречается в официальных и религиозных выражениях, и его равным образом относят к мидийским. Но уже в соединении с *xšāyaθiya-* оно должно было употребляться независимо от мидийского влияния (во всяком случае мнение о мидийском происхождении этого оборота бездоказательно). Кроме того, в традиционных формулах оно служит определением для *xšaça-* (древнейший арийский термин, здесь как «чисто персидский»), *būmi-* 'земля' (без специфических диалектных признаков, но определенно также собственно персидское слово), *baga-* 'бог', и именно для Ахурамазды: «бог великий Ахурамазда» или просто «великий Ахурамазда». Др.-перс. *baga-* имеет общее значение «бог» (ср. выражения: «величайший из богов», «и другие боги, которые есть» и т.д.). В древнеиндийском это же слово является собственным именем отдельного бога и прозвищем богов, в авестийском оно обычно относится лишь к Митре, а в общем значении «бог» употребляется *yazata-* (в индийском *deva-* и пр.).

Хотя персидская принадлежность слова *baga-* несомненна, некоторые выражения с ним также считаются чуждыми персидскому, особенно оборот *aniyāha bagāha* 'другие боги' с окончанием им. п. мн. ч. *-āha* вместо обычного *-ā*. Но, как известно, это окончание характерно для сакральных оборотов и в других иранских языках, и именно при обозначении богов. Оно вполне может быть и собственным архаизмом персидского. Древнеперсидская формула имеет ту особенность, что содержит *bagāha* — «боги» (вообще). Но это употребление слова *baga-* также очень древнего происхождения и восходит ко времени до появления персов и мидян в Иране. Оно характерно и для славянского «богъ»; данная семантическая изоглосса объединяет славянские с группой иранских языков (определенно лишь именно с западноиранскими). Вместе с тем данные ассирийских источников (см. ниже, в гл. II, разд. 4) надежно свидетельствуют, что задолго до образования Мидийской державы в Западном Иране и далее к западу до ассиро-урартской пограничной полосы термин *baga-* играл очень большую роль, обозначая и богов вообще (в том числе и неиранских), а также, очевидно, непосредственно связывался с божественным именем *Mazdā-*. Поэтому и традиционные обороты с *baga-*, представленные в древнеперсидском, должны были существовать уже в IX–VIII вв. до н.э. или даже ранее.

К заимствованиям из мидийского Э. Бенвенист, В. Бранденштайн и другие обычно относят *farnah-* (в древнеперсидских именах, ср. также ср.- и н.-перс. *farr-*), отраженное и в осет. *farn, færn-*, согд. *prn*, хот.-сак. *phārra* и т.д. В отличие от рассмотренных ранее случаев это не нормализованная общеиранская форма, которой является **hvarnah-*, ср. авест. *x^{v}arənah-*, ср.- и н.-перс. *xurr*(a^{h}) и др. По И.М. Дьяконову (1956, 374), «несомненно мидийское» слово *farnah-* проникло ко многим иранским народам, в том числе к скифам, именно из Мидии в VII–VI вв. до н.э., когда она оказывала сильное культурное и религиозное влияние на эти народы (против этого положения ср.: Грантовский, 1958, 155). Согласно точке зрения М. Майрхофера (Brandenstein, 1964, 118), эта мидийская форма широко распространилась при Ахеменидах в связи с влиянием их имперских традиций.

Но само понятие и термин «хварна», безусловно, общеиранского происхождения. Общеиранским был и миф о хварне, небесной благодати, посылаемой как знак избрания предназначенному на «царство» (по этому мифу, в частности, хварна имеет три сущности или три формы, соответствующие трем основным группам арийского общества или трем социальным функциям Ж. Дюмезиля). Да и бытование формы *farnah-* в самых различных иран-

ских языках противоречит мнению о ее распространении в исторический период. Но если даже допустить, что она начала свой путь в этот период из какого-то одного центра, то почему следует предполагать, что им являлась собственно Мидия? Обычно ссылаются (Э. Бенвенист, И.М. Дьяконов и др.) на переход *hv* > *f* в диалекте сивенди, но он бытует не на бывшей территории Мидии, а в Фарсе (недалеко от развалин Персеполя). Тот же переход представлен в диалектах на юго-востоке Большой Соляной пустыни (ср.: Morgenstierne, 1958, 170), т.е. также вне собственно Мидии. Для центральноиранских диалектов, которые прежде всего могут считаться потомками мидийского языка, он не характерен. В именах, известных по ассирийским текстам, форма *farnah-* представлена до VII в. до н.э., причем и на территориях далеко к западу от Мидии, а также, очевидно, у персов Юго-Западного Ирана до их подчинения Мидии (см. ниже). Эта форма, таким образом, не имеет никаких особых связей не только с Мидийской державой, но и вообще с собственно Мидией. Вместе с тем результат перехода *hv* > *f*, например, спорадически засвидетельствован в осетинском и помимо *farn, færn-* < *farnah-* (см.: Абаев, 1958, 496; ср.: Абаев и Меликишвили, 1958, где также указывается, что форма *farnah-* не должна считаться специфически мидийской).

Миф о хварне представлен не только в Авесте (и позже в зороастрийской традиции). Дошедшие отголоски его древнего существования у ряда иранских народов свидетельствуют о ряде деталей, не возводимых к авестийской форме мифа, но следующих той же основе. В четкой и своеобразной форме представлен он и у скифов (Геродот, IV, 5–7: посланные с неба три золотых предмета, предназначенных избранному на царство и символизирующих каждый одну из трех «социальных функций» или «каст»). Скифское **farnah-* (например, в царском имени Саитафарн), безусловно, отражает именно собственно скифское представление и является собственно скифской формой. Вообще бытование многочисленных скифо-сарматских имен с *farnah-*, следующих лишь этой форме, достаточно надежно указывает на то, что она не была у них поздним заимствованием. Учитывая различные данные о форме *farnah-*, следует предположить, что она получила широкое распространение еще до расселения иранских племен по обширным пространствам Европы и Азии (как, например, должно быть наследием очень древнего периода «юго-западное» *dasta-* и восходящие к нему формы в целом ряде иранских языков, для которых это *d* вместо *z* нехарактерно). Вместе с тем в других диалектах продолжала употребляться форма **hvarnah-*

(или восходящие к ней, без перехода *hv* > *f*). Обе они, по-видимому, бытовали у различных западноиранских племен еще до их прихода в Иран. Во всяком случае данные ассирийских источников определенно указывают, что форма *farnah-* была распространена у иранских племен Передней Азии до возникновения Мидийской державы и независимо от Мидии*.

---

* В шестидесятые годы XX в., когда писалась книга Э.А. Грантовского, считалось общепризнанным, что хварна (*x^{v}arenah*) — общеиранское понятие, но в отдельных языках начальный *x^{v}-* перешел в *f-*. В настоящее время представляется (хотя и не все с этим согласны), что авестийская форма *x^{v}arenah* вторична и образована в порядке гиперкоррекции из заимствованного *farnah*, пехлевийская и персидская формы, отражающие начальное *x^{v}-* заимствованы из авестийского (тем более что в персидском имеется и форма с начальным *f-*), а все прочие языки отражают только начальное *f-*; см. подробнее: Skjærvø, 1983 — мнение о первичности формы с начальным *f-* этот автор не разделяет; Lubotsky, 1998 — автор приводит остроумные лингвистические доводы в пользу вторичности авестийского *x^{v}-*). В связи с этим нельзя не вспомнить наблюдение Э.А. Грантовского (1970, с. 91, 98, 224, 240–241, 306 сл., 324–325; 1998, с. 135) о том, что в клинописных источниках зафиксирована именно форма с начальным *p-*, правильно отражающим иранское *f-* (а не *x^{v}-*, которое в ассирийских и эламских документах всегда передавалось иначе). Отсюда следует, что понятие «фарн» (или, по крайней мере, слово для его обозначения) не было общеиранским, а распространилось из одного источника. Традиционно эту форму считают мидийской, хотя засвидетельствована она задолго до возвышения Мидии. Доказать, что источником слова (и понятия) «фарн» был мидийский, невозможно, поскольку все случаи предполагаемого развития *x^{v}-* > *f-* зафиксированы в так называемых «побочных традициях», Nebenüberlieferungen, т.е. в эламских и ассирийских текстах, где, за неимением в соответствующих языках фонемы *f*, она могла передаваться только через *p*. Соответственно, практически каждый из немногочисленных примеров гипотетического перехода *x^{v}-* > *f-* можно, возводя дошедшее до нас в иноязычной передаче слово к иному иранскому прототипу, трактовать и как пример передачи иранского *p* ассирийским или эламским *p*. В связи с этим А.М. Лубоцкий отверг традиционное возведение формы *farna* к общеиранскому **x^{v}arenah*, и, сопоставив иранское слово с древнеиндийским *pārīṇas* 'полнота, изобилие, процветание', предположил, что первое распространилось по иранскому миру из какого-то языка, в котором начальный *p* перед гласным регулярно давал *f*. На основании того, что такой переход из всех иранских языков реально засвидетельствован только в сарматском и алано-осетинском, он сделал вывод о том, что такой переход был свойствен и восточноскифским диалектам, а слово *farna* принесли и в восточноиранские области, где создавалась Авеста, и в Мидию в конце IX — начале VIII в. до н.э. скифы (Lubotsky, 2002, p. 191–195). К сожалению, эта заманчивая теория не выдерживает критики с точки зрения фонетики скифского языка. Перехода *p* > *f* перед гласным в скифском не было и гораздо позже — ср. наименование скифских царей Παραλάται, записанное Геродотом в V в. до н.э. Более того, его не было и в раннесарматском, о чем говорят такие формы, как Πουρθάκης — явно из **puθraka* 'сынок' с поздней метатезой *θr* > *rθ*, но еще без перехода *p* > *f*. Таким образом, перехода *p* > *f* в интересующую нас эпоху не происходило даже в тех языках, чьей отличительной чертой он стал впоследствии, и возводить слово *farnah* к этимону с начальным **p-* неправомерно — по всей видимости, оно все-таки восходит к корню с начальным *x^{v}-*. С другой стороны, поскольку остается в силе утверждение о том, что данное слово распространилось из одного источника, этим источником следует считать язык, в котором *x^{v}-* переходил в *f-*, что заставляет вернуться к гипотезе о «мидийском» происхождении лексемы *farnah*: пусть нельзя строго доказать, что в мидийском, точнее, в каком-то из иранских диалектов на территории современного Ирана имел место переход *x^{v}-* > *f-*, нельзя доказать и обратное, зато можно про-

Таким образом, теория о широком слое заимствований из мидийского в древнеперсидском не является обоснованной. Если они и существовали, то их было очень немного, впрочем, доказать это ни в одном случае не удается. Различие «юго-западных» и «северо-западных» форм не может являться критерием. Вторые в той же мере, как и первые, принадлежали диалектам самих персидских племен. Древнеперсидский надписей отражает предшествующее развитие более чем одной «чистой» диалектной нормы. Эти различные языковые нормы были для него «своими» еще до времени создания первых письменных памятников на персидском языке. О положении в предшествующую эпоху можно судить лишь по единичным фактам. Но и они свидетельствуют, что это явление, характерное для персидского языка на всем протяжении его письменной истории, уже существовало задолго до второй половины VI в. до н.э. Известна группа эламских хозяйственных документов из Суз (см. о них: Юсифов, 1958, там же указана литература), датируемых в пределах последней четверти VII — середины VI в. до н.э., когда персы играли большую роль в Эламе или уже владели его центрами. В этих документах встречается несколько иранских имен и слов, причем некоторые из них определенно в «северо-западной» форме: *Mi-ut-ra* < *Miθra-*, *Mi-iš-bar-ra* < *Vāyaspara-* и др. В предшествующий период, с начала VII в. до н.э., та же группа персидских племен упоминается в ряде ассирийских текстов; около 642 г. до н.э. сообщается об их царе Кире; среди нескольких имен, называемых при описании событий в Эламе и на его границах, еще два-три, быть может, иранского происхождения. За исключением одного, они не имеют специфических диалектных особенностей, как и имя Кира, но, как и последнее, находят (если они действительно иранские) параллели именно в персидской ахеменидской ономастике. Но одно из них — в случае своей достаточно очевидной иранской принадлежности — содержит *farnah-* (см. ниже). Косвенным указанием на употребление «неперсидских» форм может служить также упомянутая титулатура Чишпиша и Кира I, позволяющая проецировать др.-перс. *xšāyaθiya vazraka* уже в этот период. Наконец, из ассирийских источников следует, что по крайней мере в этот период «северо-западное» **Parsava-* было этнонимом, безусловно являвшимся и самоназванием этой группы племен, как позже и *Pārsa* ахеменидских надписей.

демонстрировать, что ни для какого другого дошедшего до нас древнеиранского языка подобный переход не был характерен. В связи с этим надо полагать, что понятие «фарн» вошло в скифский язык во время пребывания его носителей в Передней Азии, что немаловажно в свете споров о генезисе скифской культуры. См.: Кулланда, 2006, с. 206–207.

Страна Парсамаш на границах Элама засвидетельствована уже в IX в. до н.э., при Шамши-Ададе V; как указывалось выше, она не могла быть так поименована мидянами. Даже если предположить, что данное название происходит не из говоров жителей этой страны, а усвоено из иной диалектной среды, то и тогда на границах Элама в то время обитало население, произносившее это имя как **Parsava-*. Таким образом, и для этого периода следует признать «северо-западные» черты «своими» в персидском. Заметим еще, что при единственно закономерной «юго-западной» норме данное название, даже будучи заимствованным из иного диалекта, по крайней мере в IX в. до н.э. стало бы произноситься как **Parϑava*, что дало бы в аккадском **Partamaš*, **Partua* и т.д. Персы, занявшие Фарс и старую территорию Элама, утратили непосредственную связь с другими персидскими племенами до VII–VI вв. до н.э., а судя по данным о стране Парсамаш, еще до конца IX в. до н.э. В именах и этнических названиях персидских племен, обитавших в иных частях Ирана, также можно проследить одинаковое употребление «юго-западных» и «северо-западных» форм (см. ниже). Вместе с тем из трех (по Геродоту, I, 125) персидских племен, составивших ядро ахеменидского объединения, по крайней мере одно носило имя «неперсидской» формы — Μάσπιοι (хотя его этимология и неясна, но *-sp-* определенно не «чисто персидское»)*. Этим еще раз подтверждается, что и общее самоназвание персов является собственно персидским. Наконец, можно отметить, что некоторые иранские топонимы отражены в ассирийских источниках то в «юго-западной», то в «северо-западной» форме, что должно указывать на варианты в произношении в одном и том же или соседних районах (по данным VIII в. до н.э., см. гл. II, разд. 4). Это явление вполне соответствует, например, подобным вариантам географических названий в персидских и эламских версиях.

Приведенные данные (и независимо от материалов о северной стране Парсуа) свидетельствуют, что «смешение» диалектных норм в персидском восходит по крайней мере к IX в. до н.э. Помимо контактов с другими иранскими племенами, приводивших к взаимному языковому обмену, можно допустить, что сама персидская общность, безусловно существовавшая в какой-то период (каковы бы ни были ее реально-исторические формы), сложилась некогда из двух или нескольких племенных групп с различ-

---

* «Убедительная этимология имени была дана Г. Гумбахом (Humbach, 1968): к **mat.aspa* (ср. этимологию имени марафиев: к авест. *maṯ.raϑa*, с *raϑa-* 'колесница', как и Μαραθοί известного рассказа Харета Митиленского у Афинея XIII. 36) — 'с лошадьми', 'обладающие лошадьми', с закономерным персидским *ma-* вместо *mat-*» (Грантовский, 1998, с. 129).

ными диалектными традициями. Это могло произойти в эпоху продвижения на территорию Ирана или даже ранее. Но в любом случае смешение различных диалектных норм в персидском вряд ли было прежде всего результатом связей персов уже в пределах Ирана. Это трудно предположить хотя бы в связи с указанной датировкой данного явления. Вместе с тем, как отмечалось, обычно привлекающие внимание «неперсидские» черты древнеперсидского являются общеиранскими и, следовательно, могли проникнуть в него гораздо ранее начала I тысячелетия до н.э., а те отдельные особенности, которые не должны рассматриваться как общеиранские, не могли возникнуть в самом Иране и были принесены западноиранскими племенами. Что же касается «чисто персидских» черт, то в основном они также сформировались до появления персов в Иране (положение В. Пизани, В.В. Иванова и некоторых других авторов о том, что в развитии ряда этих черт персидский даже миновал общеиранскую стадию, нуждается в проверке; но явно неприемлемо объяснение чисто персидских отличий от общеиранского изолированностью персов на «далекой юго-западной окраине ираноязычного мира» и влиянием «иноязычного», «эламского», населения — Оранский, 1960, 140).

Вместе с тем имеются и некоторые позитивные данные, указывающие на древнейшие связи персидского, которые могли иметь место лишь за пределами Ирана. Так, В. Хеннинг (1958, 108) отметил ряд общих специфических черт древнеперсидского и согдийского, чуждых вместе с тем «северо-западным» языкам, распространенным между Парсом и Согдом. Отдельные общие особенности имеются у древнеперсидского и некоторых других восточноиранских языков (в среде их носителей известны и племенные названия, соответствующие этнониму персов; ср. ниже). На основе подобных фактов, однако, нельзя заключать, что персы пришли в Западный Иран из Средней Азии либо Восточного Ирана, где и соседили с носителями упомянутых языков (так, например: Frye, 1963, 43, 46), или, наоборот, делать вывод о том, что эти восточноиранские племена, например хорезмийцы, попали в Среднюю Азию из Западного Ирана, представляя ранее единое целое с персами (Ф. Альтхайм, В. Бранденштайн и др.; ср. ниже). Древнеперсидский, несмотря на ряд отклонений от общеиранской нормы, как западной, так и восточной, принадлежит к западноиранской группе и не имеет никаких специфических восточноиранских черт (к последним не принадлежат отдельные особенности, общие для персидского и некоторых восточноиранских языков). Следует также учитывать, что в эпоху, к которой могут быть отнесены упомянутые контакты предка или предков

персидского с предшественниками отдельных восточноиранских языков, расположение всей иранской группы диалектов было во многом иным по сравнению с тем, которое известно в исторический период.

На древнейшие, происходившие вне территории Ирана контакты персидского указывают и отдельные «чисто персидские» элементы в других иранских языках, для которых они незакономерны. Подобные факты — помимо многочисленных примеров из западноиранских языков и диалектов, где их обычно трудно отличить от поздних заимствований из персидского, — отмечались для осетинского, афганского, хотано-сакского и других языков; отдельные формы «чисто персидского» происхождения проникли и в тохарский А и В, финские, венгерский, кавказские, тюркские, чувашский, эвенкийский и др. (см. Абаев, 1945; 1949, 138–143, 175; 1958, 360 и др.; Bailey, 1957, 68, 69; ср. также: Szemerényi, 1951). Ранее такие факты обычно относили за счет влияния персидского, имея в виду уже период его распространения в Иране. Говоря о подобных словах в осетинском, В.И. Абаев (1945; 1949, 240) ставит вопрос о том, относятся ли связи скифского осетинского с древнеперсидским «к древнейшему периоду иранского единства, когда праскифский язык мог еще непосредственно соседить с древнеперсидским, или речь идет о позднейших влияниях». По крайней мере в ряде случаев следует предпочесть первую возможность. На это уже давно указывал Г. Моргенстьерне (1927, 39, для афг. *las* < *dasta-* 'рука'; та же форма отражена в памирских и хотано-сакском, согдийском и ягнобском, а также в кавказских и курдском и т.д.), а позже Г. Бэйли (1957) и некоторые другие авторы (ср. также: Иванов, 1958).

Можно еще отметить, что некоторые из таких слов неизвестны в самом персидском (ср., например, у Г. Бэйли о хот.-сак. *tāna* = инд. *çāna*). Показателен пример с **paraϑu-* 'топор' (греч. πέλεκυς, инд. *paraçu-*, иран. **parasu-* > язг. *parūs*; о нижеследующих материалах и литературе ср.: Абаев, 1958, 451). В персидском представлено *tabar* (< **tapar*); та же форма отражена и в ряде других иранских языков, а также в славянском («топор»), финском, мари и др. Предполагают, что она родственна **paraϑu-* с перестановкой в **tapar*. Но даже если слово имеет иное происхождение или оформилось не в иранской среде, именно его следует признать характерным с древности для персидского и других западноиранских языков Ирана (ср.: еще бел. *tapar*, курд. *tafär*, тат. *tever*, а также арм. *t'ap'ar*). Напротив, термины, обозначающие «топор», представленные на севере, в хотано-сакском, тохарских, восточнофинских, чувашском и других языках, определенно восходят к арийской

форме (с *r*, а также по крайней мере в ряде случаев определенно с *a* вместо *e*) в «юго-западном» иранском оформлении — **paraϑu-*. Поэтому осет. *færæt* (точно из **paraϑu-*), очевидно, не заимствовано из Ирана. Осет. *rætæn* 'веревка', 'ремень' восходит к **raϑana-* (инд. *raçana-*), персидский же сохранил как раз *rasan* < **rasana-*, в связи с чем и это слово не может быть по крайней мере поздним заимствованием из персидского; вряд ли следует рассматривать его и как результат культурного влияния в исторический период; напротив, арийские образования от этого корня и в этом значении получили широкое распространение в предшествующие эпохи и заимствовались, в частности, в финские языки еще в праарийский период. Трудно рассматривать как результат позднего влияния из Ирана и осет. *dæstæg* 'пучок колосьев (в руке)' от *dasta-*. Наконец, еще одна «персидская» форма в осетинском, *talm* 'ильм', 'вяз' (ср. др.-перс. *ϑarmi-*, ср.-перс. *sarv* 'кипарис'), по-видимому, также не заимствована из древнеперсидского Юго-Западного Ирана, но она особенно интересна тем, что определенно не принесена теми сармато-аланскими предками осетин, которые пришли с востока. В Юго-Восточной Европе или на Кавказе могли быть усвоены и другие «юго-западные» формы осетинского.

На древнее и независимое от персидско-ахеменидского влияния бытование «юго-западных» форм в Юго-Восточной Европе указывают имена скифских царей в Северном Причерноморье VII — первой половины V в. до н.э.: Σπαργαπείθης и 'Αριαπείθης (Геродот, IV, 76, 78; первый из них, прапрадед современника Дария I, жил, следовательно, в первой половине или середине VII в. до н.э.) < иран. **Spargapaiϑa-* и **Aryapaiϑa-* с *ϑ-* вместо *s*. То же имя **Spargapaisa-*, уже в общеиранской форме, носил массагет Σπαργαπίσης (Геродот, I, 211, 213).

Факты подобного рода свидетельствуют, что «чуждые», незакономерные для тех или иных иранских языков и диалектов черты во многих случаях следует объяснять не соприкосновением их носителей на тех территориях, где они известны в исторический период, а контактами их предков в значительно более раннюю эпоху. Скорее всего, к этому времени нужно относить, по крайней мере в основном, и смешение различных диалектных норм в праперсидском. Но во всяком случае это явление было характерно для персидского уже до IX–VIII вв. до н.э.

Таким образом, форма **Parsava-* никак не может служить аргументом в пользу мнения о том, что страна Парсуа не связана с персами. Напротив, можно утверждать, что в тот период, когда это название появляется в источниках, и даже ранее, оно вполне могло быть собственно персидским.

Положение о том, что Парсуа была областью с иранским названием, но без ираноязычного населения, непосредственно связано с разделяемым И.М. Дьяконовым и рядом других авторов мнением, по которому личные имена и топонимы из Парсуа и соседних областей неиранские. Но известно лишь одно имя правителя собственно Парсуа (или ее части с тем же именем) — Тунака, которое должно быть признано иранским (см. № 39). Единственное имя из Бушту (ранее часть Парсуа), *Arija*, по меньшей мере не может служить доказательством отсутствия здесь ираноязычного населения. В первом большом списке мелких правителей (820 г. до н.э.) определенная часть имен должна быть отнесена к Парсуа, некоторые другие — к ближайшим с ней областям. Наличие в этом списке большого (если не преобладающего) числа имен иранского происхождения не вызывает сомнений (см. № 17 и сл.). Среди личных имен из непосредственно граничащих с Парсуа областей также много определенно иранских (см. № 8, при Салманасаре III; и далее под рядом имен). Еще до появления в ассирийских источниках названия Парсуа в примыкающей к ней с запада Замуа уже было, очевидно, ираноязычное население (№ 1 и сл.).

Из нескольких топонимов, относящихся определенно к Парсуа, некоторые безусловно неиранские. Но, например, в южной *Pārsa*- (Персиде) при Дарии I и Ксерксе, когда персидское население было там преобладающим и политически господствующим, многие топонимы, и именно названия поселений и «городов», являются неиранскими или такими, иранское происхождение которых не может быть установлено (ср., например: Benveniste, 1958). Можно еще напомнить, что Ахемениды, хотя они и были правителями прежде всего ираноязычных, персидских племен, долго носили титул царей (города) Аншана, известного с III тысячелетия до н.э. В античный период, в средние века и вплоть до настоящего времени в Иране также известно множество топонимов неиранского происхождения. Поэтому наличие и даже преобладание неиранской топонимики в каких-либо областях доказывает лишь, что ираноязычное население не было в них автохтонным, каковым оно, естественно, не являлось и в Парсуа.

Но мнение об отсутствии в Парсуа и прилегающих районах иранских топонимов не представляется верным. Возможно, не следует говорить и о преобладании в этой области неиранской топонимики в IX–VIII вв. до н.э. Как и Парсуа, некоторые другие из немногих известных по ассирийским текстам топонимов с ее территории могут быть с бóльшим или меньшим вероятием отнесены к иранским. Как иранское, например, может быть объяснено

и само название *Buštu*, но здесь имеются различные возможности в связи с разными значениями *š* (иран. *š* и *s*), *bu* (также иран. *va-*, *vi-* и пр.) и т.д.; к тому же одинаково полноправным является и чтение *Puštu* (ср., например, иран. *pṛšta*, с ранним в западноиранских диалектах, засвидетельствованным уже в доахеменидский период переходом *ṛšt* > *št*, после *p* именно *-ušt-*). Заслуживают также внимания в данном случае более определенные (по отнесению названий к конкретной территории) и более обстоятельные сведения урартских надписей, сообщающих ряд имен поселений и областей, расположенных в Бушту или соседних с ней. Среди них нет ни одного заведомо неиранского, а бóльшая их часть производит впечатление иранских и вполне может быть объяснена как таковая [ср. города: Уихика, Абурза(ни), Кадукани(уни), области: Ашкайа, Шатирарага(ни) и др. (особенности урартских передач, по-видимому, встречающихся в урартских текстах иранских имен и названий требуют специального исследования)]. Наконец, и ассирийскими источниками для примыкающих к Парсуа областей засвидетельствованы географические названия типично иранского облика (ср. № 11, 55 и др.).

Но и независимо от других данных само название Парсуа дает основание утверждать, что на ее территории обитало ираноязычное население, от этнонима которого и происходит ее название. Об этом свидетельствуют индоиранские параллели к **Parsava*, а также значения, которые должна иметь эта серия имен и названий.

В индологической литературе неоднократно отмечалась близость некоторых имен древнеиндийской традиции к иран. *Pārsa*. Обычно считали, что в этих случаях упоминаются персы или их предки (А. Людвиг, А. Вебер, А. Кейс, В. Агравала и др.). Но некоторые исследователи (например, уже Г. Циммер) обоснованно указывали, что это имена самих индоарийцев. Персов искали в вед. *pṛthupárçavo* (RV, VII, 83, 1, мн. ч. от *pṛthupárçu*), что А. Людвиг даже переводил: «*die Pṛthu und die Parçu*», рассматривая форму как двандва. Но это слово не содержит имен (ср. у К. Гельднера и др.) и принадлежит к типу *bahuvrīhi* (ср. ниже). В RV, VIII, 6, 46 действительно упоминается имя *Parçu*, но это отнюдь не племенное имя персов, как иногда предполагали, а личное имя члена племени Ядавов (*Çatám ahám tiríndire sahásram párçav ā́ dade / rā́dhāṃsi yā́dvānām* — «получил я сто у Тириндиры, тысячу у Парщу даров Ядавов», ср. также стихи 47–48; ср. у Г. Циммера, К. Гельднера и др.). В Ригведе *Parçu* упоминается еще раз (X, 86, 23) как женское имя: *Parçúr ha nā́ma mānavī́ sākám sasūva viṃçatím* — «Парщу по имени, дочь Ману (или дочь человека, женщина?) родила одновременно двадцать (детей)»; речь идет об очень древнем мифологическом пер-

сонаже. Таким образом, *Párçu-* было личным именем самих индоарийцев, и, по-видимому, весьма распространенным, а персы в Ригведе не упоминаются.

Считают, что персы называются также у Панини (V, 3, 117), у которого встречается имя военной племенной общины *Parçu-* — *Pārçava-* (отдельный представитель племени) — *Parçavas* (все племя как совокупность его членов). Но Парщу Панини — бесспорно племя с северо-западных границ Индии, очевидно не индийское, а иранское (если бы оно все же было индийским, это указывало бы на бытование и такого племенного названия уже в индоиранский период). Панини известны и другие иранские объединения с этих территорий. Племя *Parçu-* — *Parçavas* называется и в ряде сочинений, следующих за Панини. Само название может точно передавать иран. **Parsu-* — **Parsava-* (ср. *Çaka-* для иран. *Saka-* и др.). Существование в этом районе восточноиранских племен с таким именем засвидетельствовано рядом данных. Птолемей упоминает народы Πάρσιοι и Παρσυῆται, первый — в северо-западной части Паропамисад, примерно на территории будущего царства Бамьян, второй — к юго-востоку от района Газни и Кабула, западнее долины Инда, как раз там, откуда позже началось расселение афганцев. Птолемей также сообщает названия городов Παρσία и Παρσιάνα в области парсиев и гор Παρσυῆτα ὄρη на территории парсиетов. К иранскому этнониму от *parsu-* восходит самоназвание афганцев *paṣtūn* и важный этнический термин *paṣtō*, афг. *-ṣt-* здесь представляет др.-иран. *-rs-* (П. Тедеско и Г. Моргенстьерне). По Г. Моргенстьерне, *paṣtō* <**parsavā* — прилагательное женского рода к *parsu-* (т.е. язык Парсу). Первичная основа **Parsu-* также сохранена в афг. *Paṣt* — у афганцев обозначение территории, точно соответствующей области их первоначального расселения по данным раннесредневековых источников, а также району обитания парсиетов по Птолемею. Во всех случаях это один и тот же народ **Parsu-* — **Parsava-*, предки афганцев. То же племя, очевидно, следует видеть и в *Parçu-* — *Parçavas* Панини и примыкающих к нему сочинений. Что касается парсиев, то это иной народ, быть может родственный предкам афганцев. Названия Πάρσιοι, Παρσυῆται, Παρσία, Παρσιάνα, безусловно, восходят к иран. *pars-*, *parsu-*. Они вполне могут передавать и ту же форму **Parsava-* (Παρσιάνα — **Parsavana-*; возможно, к подобной форме восходит афг. *paṣtūn*; ται в Παρσυῆται — показатель множественного числа в племенных названиях), ср. для иран. *Parθava-*: Πάρθια, Παρθυάνα, Παρθυηνή, Παρθυηνός (Парфия), Πάρθιοι, Πάρθοι, Παρθυαῖοι (парфяне). Приведенные данные показывают, что этнические имена типа *Parsu-*, *Parsava-* были распространены среди восточноиранских народов.

Охарактеризованные в предыдущем абзаце материалы подробно рассматривались автором в других работах (Грантовский, 1963а, б; 1961а, 9–11, там же см. источники и литературу). Особое внимание при этом было уделено точке зрения ряда исследователей (Г. Моргенстьерне, Г. Бэйли и др.), считающих, что предки паштунов находились среди народов, разрушивших в третьей четверти II в. до н.э. Греко-Бактрийское царство, и именно в это время попали на территорию Афганистана. Эта точка зрения основана на следующих положениях В. Тарна: отождествление пасианов, называемых Страбоном среди упомянутых народов, с парсиями и парсиетами; локализация парсиев Птолемея, якобы продвинувшихся до районов Кабула и Газни и пределов Арахозии; соответствующая трактовка ряда данных по истории этих территорий в конце I тысячелетия до н.э. и т.д. Но все эти выводы В. Тарна несостоятельны. После публикации новых нумизматических материалов очевидна неприемлемость (представлявшихся, впрочем, крайне гипотетичными и ранее) соображений о принадлежности парсиям монет нескольких царей, имена которых, в частности, содержат *l* < иран. *d* (Г. Моргенстьерне связывает это с тем же переходом в пашто, но он известен и в ряде других языков как этого района, так и Восточной Европы; возникновение, по крайней мере первоначальное, этого развития должно быть отнесено ко времени до VIII–VII вв. до н.э.). На самом деле эти цари происходили из среды тех сакских племен, которые пришли в долину Инда и соседние районы из Восточного Туркестана через горные проходы Памира и Гиндукуша и не имели отношения к народам, разрушившим Греко-Бактрию. По китайским источникам также известно, что эти племена и ранее представляли группу, совершенно отличную от юэчжей и связанных с ними народов, которые и захватили Бактрию. Еще более необоснованными являются положения В. Тарна и следующих за ним авторов о локализации племен с рассматриваемыми именами. Нельзя согласиться и с самим отождествлением парсиев с пасианами. Последние ни в каких источниках, кроме Страбона, не упоминаются. Поэтому их идентифицируют с другими народами, носившими созвучные названия. Сравнение с парсиями — наименее убедительное из предлагавшихся сопоставлений, например с апасиаками и пасиками (С.П. Толстов, И. Умняков и др.; обе возможности исключают тождество с парсиями). Но наиболее распространено мнение, что пасианы вообще не существовали, а у Страбона следует читать ἢ Ἀσιάνοι вместо Πασιάνοι, т.е. не «асии (и) пасианы», а «асии или асианы» (Г. Халун, А. Нарайн и др.). Далее, допущение в *Pasianoi* *-s-* из древнего *-rs-* не представ-

ляется возможным по крайней мере в этом случае, а также, по-видимому, и в привлекаемых параллелях (*Asioi* из **Arsi*-?). Наконец, племена с этнонимами к *pars*- уже задолго до II в. до н.э. обитали в Афганистане и на индийской границе, в том числе, очевидно, и именно предки паштунов, **Parsu*- — **Parsava*-. И из других материалов следует, что к началу периода, освещенного письменными источниками (ср. первые ахеменидские надписи, фрагменты Гекатея, затем Геродот и т.д.), восточноиранские племена этой сакской группы уже проникли далеко к югу в пограничной индо-иранской полосе. Это подтверждается и данными индийских источников, во всяком случае домаурийской эпохи (Панини и др.), которые могут свидетельствовать и о наличии иранских племен в некоторых районах собственно Индии. Тогда же в горных районах на севере Индии уже обитали и предки носителей мунджи-йидга, из сохранившихся восточноиранских диалектов наиболее близких к афганским (хотя и их связи восходят к очень отдаленному периоду).

В. Тарн не только отождествлял пасианов с парсиями, но, выводя таким образом последних из Хорезма, считал, что они составляли часть персидского народа, оставшуюся в Средней Азии. На неприемлемость этой точки зрения указывалось неоднократно (С.П. Толстов и др.), в том числе теми, кто за В. Тарном идентифицировал пасианов с парсиями (Г. Моргенстьерне, Г. Бэйли и др.). Тем не менее эти положения В. Тарна и позже играли существенную роль в построениях ряда авторов. Следует еще остановиться на мнении Фр. Альтхайма (1950, 208–221; 1951, 63, 64, 514; ср. также в других его работах). Опираясь на выводы В. Тарна и некоторые собственные аргументы, он связывает хорезмийцев, к которым относит парсиев, с персами, но в противоположность своему предшественнику ведет не персов из Средней Азии, а хорезмийцев из Западного Ирана. За ним следует В. Бранденштайн (1964, 1–4) и некоторые другие авторы. Напротив, Р. Фрай (1963, 46), придавая значение тем же аргументам и допуская, что парсии, или «персы», вместе с хорезмийцами принадлежали к массагетской конфедерации, полагает, что персы происходят из Средней Азии или соседних районов.

Но аргументы Фр. Альтхайма, дополняющие теорию В. Тарна, еще менее убедительны. Остановимся лишь на следующих основных моментах его аргументации. По отдельным сведениям Геродота и Гекатея он считает возможным локализовать хорезмийцев южнее исторического Хорезма. Из этих неясных сведений делались самые различные выводы, например о том, что хорезмийцам, жившим в самом Хорезме, какое-то время принадлежали

более южные области. Но даже если бы какая-то группа хорезмийцев и жила некогда в районах к востоку от Парфии, то это вовсе не свидетельствовало бы об их передвижении из Западного Ирана. Большое значение придает Фр. Альтхайм предполагаемой им генетической связи хорезмийского календаря с персидским. Но этот календарь с соответствующими названиями месяцев и дней, отражающими зороастрийское влияние, появился по крайней мере в Западном Иране достаточно поздно — его введение вполне обоснованно относят ко времени Артаксеркса I. Правда, Фр. Альтхайм утверждает, что данный календарь существовал много ранее, как он считает, еще до Заратуштры. Но даже и в этом случае упомянутый календарь не может иметь отношения к древним персам, так как при Дарии I и в начале царствования Ксеркса персы пользовались иным календарем. Наконец, особую роль в аргументации Фр. Альтхайма и следующих за ним авторов играет сообщение Бируни о том, что хорезмийцы были родственны персам. Но к каким данным могло бы восходить это свидетельство, если оно не основано на собственных калькуляциях Бируни или даже на более ранней, но также неподлинной традиции? Как убедительно показывает В.А. Лившиц, основываясь на нумизматических данных и собственно хорезмийских документах, Бируни не располагал достоверными сведениями по истории Хорезма даже в I тысячелетии н.э., для периода до арабского завоевания. Но если бы он и обладал подлинными данными письменной хорезмийской традиции, последняя не могла сохранить реальных свидетельств о родстве с персами. Остается, следовательно, лишь устное предание. Но от времени, к которому можно было бы отнести связи персов с хорезмийцами, до введения в Хорезме письменности (и тем более до эпохи Бируни) прошло много веков. А судя по тому, что известно о древнеиранской традиции, например, по авестийским гимнам, она не могла сохранить сведений подобного рода. Следует, кроме того, указать, что у Бируни встречается и еще одно отождествление с персами, на этот раз народа из долины Инда, и эта идентификация определенно ошибочна (ср.: Грантовский, 1961а, 6, 7).

Как и В. Тарн, Фр. Альтхайм выводит из Хорезма пасианов, парсиев и парсиетов. Кроме всего прочего, нужно еще отметить, что если согласиться с тождеством пасианы — парсии (что нам не представляется возможным), то тогда вообще не остается оснований для предположения о связи пасианов с Хорезмом, что было бы еще в какой-то мере возможно при их идентификации, впрочем, также сомнительной, с апасиаками (но последние не могут иметь отношения к парсиям). Вообще говоря, имеются

достоверные сведения лишь о том, что Греко-Бактрию разрушили и заняли племена, пришедшие из Восточного Туркестана; из их среды происходили и кушаны, ранее один из родов или племен юэчжей. Не исключено, что в завоевании Бактрии принимали участие и племена, жившие ранее в Средней Азии. Но данное мнение основано лишь на отождествлениях современными учеными упоминаемых античными авторами при описании этого события племенных имен с этнонимами, известными из Средней Азии или соседних районов. Они, однако, засвидетельствованы позже движения юэчжей и других племен с востока и могли бы появиться здесь лишь в результате этих передвижений. Впрочем, ни одно из таких отождествлений не является достаточно надежным, а каждое из племен, называемых в античных сочинениях вместо юэчжей и их подразделений, могло прийти из Восточного Туркестана. Данные о юэчжах, усунях, сэ (саках) свидетельствуют, что ираноязычные племена продвинулись далеко на восток (юэчжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего не позже VII–VI вв. до н.э. (весьма распространенное мнение о связях юэчжей с массагетской конфедерацией определенно необоснованно). Под давлением гуннов их значительные группы пошли на запад, причем китайские источники достаточно четко фиксируют этапы движения, которое привело юэчжей в Бактрию.

Не исключено, что из этих племен происходили и парсии, но, возможно, они обитали на территории Афганистана и ранее, что более определенно следует предполагать для парсиетов. В то же время племена с этнонимом к **Parsu-* — **Parsava-* определенно обитали в «индо-иранской пограничной полосе» уже в VI–V вв. до н.э. Они скорее всего и являются предками паштунов, этническое самоназвание которых имеет то же происхождение.

Таким образом, о каких-то особых исторических связях всех этих племен, имена которых восходят в др.-иран. *parsu-*, с персами говорить не приходится. К тому же эти племена принадлежали к восточноиранской группе народов, и, например, язык афганцев не имеет каких-либо генетических связей с персидским или иными языками западной группы. Какие-то контакты между этими племенами можно предполагать лишь для общеиранского периода (когда, безусловно, уже также существовали и различные иранские диалекты). Об этом, как указывалось, могут свидетельствовать и некоторые иные данные. Так, к тому же периоду допустимо возводить и проникновение в язык предков паштунов «чисто персидской» формы *dasta-*, представленной и в ряде других восточноиранских языков, в том числе наиболее близких к аф-

ганскому, но также не имеющих никаких специальных связей с персидским. Следовательно, в отношении имен упоминавшихся восточноиранских народов и персов можно говорить лишь о совпадении названий или, быть может, о каких-то контактах их предков в общеиранский период, когда различия между отдельными иранскими группами еще не определились, а известные в историческую эпоху племена не оформились как таковые. Подобная картина наблюдается и у других индоевропейских народов. Так, у славян известны племенные названия: хорваты — среди восточных славян (в Прикарпатье), западных (в Чехии) и южных (в Югославии); сербы — у западных, полабских славян и южных в Югославии и т.д.

Уже бытование рассматриваемого названия как племенного в различных частях иранского мира указывает, что оно приносилось на соответствующие территории как этническое имя. Позже от него могли образовываться производные этнические и топонимические названия (помимо названия страны, совпадающего с племенным, характерны имена городов: Персеполь назывался по-иранski **Pārsa-*, у парсиев были города Парсиа и Парсиана). Из приведенных материалов следует, что и при отсутствии более конкретных данных этническое имя к *parsu-* можно рассматривать как свидетельство об ираноязычном племени или народе, а подобное топонимическое название — как указание на соответствующее этническое имя и ираноязычное население.

В античный период в Иране засвидетельствованы еще некоторые этнические и топонимические названия того же происхождения. Это, во-первых, парсии (Πάρσιοι), по Страбону локализуемые где-то у юго-западного угла Каспийского моря. Греческая передача их имени та же, что и у парсиев из Паропамисад у Птолемея. Она может соответствовать как иран. **Parsava-*, так и *Pārsa-* (но скорее первому, ср. выше примеры для парсиев). Следует заметить, что название персов бытовало в греческом (и в следующих за ним европейских языках) в менее точной форме, так как стало известно грекам до перехода ᾱ в η в ионийском диалекте (затем η < ᾱ сократилось в ε перед -ρσ-, откуда Πέρσαι, Περσίς), позже же ионийский и аттический снова приобрели гласный ᾱ. Данные Страбона о парсиях свидетельствуют, что их имя было именно этническим названием. Выше уже указывалось, что нет оснований для их причисления к неираноязычным народам. Возможно, парсии происходили именно из среды тех племен, откуда вышли и предки персов. Фавстос Бузанд (V, 14), рассказывая о событиях второй половины IV в. н.э., упоминает о парсах

или стране парсов (*Parsk'*), рядом с Пайтакараном, у Каспийского моря, поблизости от устья Аракса. Эти «парсы» с достаточной долей вероятия отождествляются с парсиями Страбона[25]. Представления о каких-то персах к северу от Мидии, в частности около кадусиев или среди них, отражены в ряде сведений Ктесия, в преданиях о древней Мидии и о Кире (ср.: Marquart, 1893, 558 sq., 642–649, хотя с рядом его положений согласиться нельзя); эти сведения, возможно, свидетельствуют о присутствии в указанных районах до V в. до н.э. племен не просто одноименных, но родственных персам.

К персидским племенам Геродот относит сагартиев. Он не только включает их в общий список персидских племен (I, 125), но еще специально подчеркивает, что по языку сагартии — персидское племя (VII, 85). То обстоятельство, что этнически сагартии были ближе к племенам Парса, чем многие другие иранские племена, по-видимому, осознавалось еще при ранних Ахеменидах. Возможно, именно поэтому сагартии занимали особое место в ахеменидском войске, следуя в походе отдельно от соединений других народов и непосредственно рядом с персами. Как раз сообщая об этом, Геродот и настаивает как на достоверном факте (что он обычно делает при изложении точно установленных, с его точки зрения, сведений) на особой этнической близости сагартиев к персам. О языковом родстве сагартиев и персов свидетельствуют и некоторые другие данные (ср. под № 56).

Сагартии определенно обитали не в Фарсе и соседних с ним районах. Это также указывает, что область распространения персидских племен не ограничивалась Юго-Западным Ираном. Нужно еще заметить, что распространенная локализация сагартиев на востоке Ирана, между Керманом, Мидией, Парфией и Сеистаном, не имеет оснований. Все источники, содержащие сведения о географическом положении Сагартии и сагартиев, указывают на Северо-Западный Иран, где они были расселены в районах между северными частями Загра и Каспийским морем. У последнего, в частности, их помещает Стефан Византийский, следуя какому-то древнему источнику (о локализации сагартиев см.: Грантовский, 1962б, ср. под № 56). Примерно там же следует помещать парсиев Страбона и «парсов» Фавстоса. Вполне возможно поэтому, что и парсии принадлежали к группе

---

[25] Впервые: Neumann, 1884; Г. Гюбшманн (1904, 267–270) предлагает исправить *Parsk'* 'страна парсов, персов' на *Kasbk'* 'страна каспов, каспиев', но это маловероятно, тем более учитывая наличие где-то в этих районах парсиев. По С.Т. Еремяну (см.: Фавстос, 220), текст Фавстоса свидетельствует, что еще тогда в стране Каспк жили упоминаемые Страбоном парсии.

племен, этнически родственных персам или по крайней мере объединявшихся некогда с ними как какое-то целое под одним названием.

Еще одна группа таких этнических и топонимических названий происходит из Юго-Восточного Ирана. Птолемей упоминает народ Παρσίδαι (вар. Παρσίραι) у подножия Παρσικὰ ὄρη в Западной Гедрозии, на границах с Карманией, и называет главный город этой области Παρσίς. Это скорее всего также часть персидского племенного союза[26]. Соседние кармании, германии Геродота (I, 125), также были одним из персидских племен. Таким образом, все рассмотренные названия (во всех случаях также этнические) из Западного и Южного Ирана могли принадлежать персидским племенам.

Кроме упомянутых иранских этнонимов известно много других иранских и индийских имен и слов того же происхождения (вед. *Párçu-* и др., см. ниже). Их самостоятельное существование в разных формах у различных индоиранских народов свидетельствует, что они употреблялись, безусловно, с индоиранского периода, имели общее происхождение и первоначально, очевидно, единое значение. Поэтому при их объяснении следует исходить из основного значения иран. *pars-*, инд. *parç-* < и.-е. **perḱ*.

Образования от этого корня (первичная основа *parsu-*) широко распространены в иранских языках. Авест. *parəsu-*, *pərəsu-* значит лишь 'область ребер', 'боковая часть груди', 'ребро'. В том же значении это слово засвидетельствовано для скифского (ср. ниже): 'боковая часть груди', 'бок' (как часть тела); ср. также хот.-сак. *pālsu* 'ребро', 'спица', *pālsuā* 'ребро' < **parsuka-*, как и др.-инд. *pārçukā-*, *pārçvaka-* 'ребро', согд. *prsk* 'ребро' и ряд новоиранских форм с суффиксом *-ka*. В груз. *percx-ali* 'ребро', по-видимому, представлено старое заимствование из сармато-аланского (В.И. Абаев). «Юго-западное» соответствие к *parsu-* — **parϑu-*. Эта форма засвидетельствована не только восходящими к ней ср.-перс. *pahlūk* и н.-перс. *pahlū* (с обычным *rϑ* > *hl*), но и др.-перс. личным именем Πάρϑος < **Parϑu-* (менее вероятно **Pārϑa-*, иранские имена на *-a* обычно имели греч. -ης, основы же на *-u* могли передаваться греч. -ος), что может точно соответствовать вед. *Párçu-*. Ср.-перс. *pahlūk* переводит авест. *parəsu* и имеет то же значение. Н.-перс. — *pahlū* 'бок', 'боковая, внешняя часть груди человека и животных', 'сторона', 'край чего-либо'.

---

[26] В первых веках нашей эры персы упоминались в индийской литературе под именем *Pārasīka-* (см.: Kane, 1930, 352–357) — очевидно, пракритская форма из более древнего **Pārsīka-*, ср. иран. **Pārsīka-* > Παρσικά Птолемея.

Формы, восходящие к др.-иран. *pars(u)*, засвидетельствованы в значении «ребро» (или также «бок» как часть тела) в большинстве новоиранских языков, в памирских, мунджанском, афганском, осетинском, курдском и др. (подробнее см.: Грантовский, 1961а, 12, 13). Таким образом, лишь в некоторых из новоиранских языков (кроме персидского определенно еще лишь в осетинском) образования к *parsu-* выступают в значении «бок», «сторона чего-либо» (не только по отношению к части тела). Но и в этих языках они прежде всего означают часть тела: «бок», «ребро» и т.д. В древне- и среднеиранских и в большинстве новоиранских языков древнее *parsu-* засвидетельствовано только в этом значении. Древнеарийское **parśu* 'ребро' представлено также в ряде дардских диалектов.

Основное и первоначальное значение др.-инд. *párçu-* 'ребро' (RV, I, 105, 8; X, 33, 2), затем 'изогнутый нож', 'серп' (эти индийские значения — результат употребления лошадиного ребра в качестве названных орудий), позднее также 'боковая стена водоема, цистерны' (также от значения 'бок' как часть тела, в описательном смысле, ср., например, осет. *wærdony færskîtæ* 'рёбра', 'вертикальные планки арбы'). Другие образования от той же основы: *pārçukā-* и *pārçvakā-* 'ребро', *pārçva-* 'область ребер' (мн. ч. 'ребра'), 'сторона', 'бок' (одушевленных или неодушевленных предметов), 'совокупность ребер', 'грудная клетка'. *Pārçva-* (как и *párçu-*) служило также личным именем (древнего буддийского учителя, одного из джайнских архатов и др.). Др.-инд. *párçu-* сохраняет значение «ребро», «область ребер» и в новоиндийских языках.

Первоначальное значение ар. **parś-* очевидно и при сравнении со славянскими параллелями, ср. др.-болг. *prъsi* 'груди', др.-русск. *пьрси, пьрьси, прьси* 'грудь', 'передняя часть тела от шеи до живота' (В. Даль); те же слова и образования от них в украинском, словенском, сербском, чешском, польском, русском и других славянских значат: «грудь», «грудной», «нагрудник» (особенно у лошади) и т.д. Сюда же относится литовское *pìršys* (мн. ч.) 'перси', 'грудь', 'передняя часть лошадиной груди'. Все эти формы двойственного (или множественного) числа, а арийские слова к *parśu-* (также женского рода) употребляются в единственном числе и означают соответственно лишь одну часть груди, бок.

Таким образом, индоиран. **parśu-* первоначально употреблялось лишь в значении «ребро», «область ребер», затем — «одна, левая или правая половина груди», «боковая часть груди», «бок». В индоиранских языках встречаются различные совпадающие между собой формы рассматриваемых имен (инд. *Párçu-*, др.-иран. *Parsu-*, др.-перс. **Parθu-*; инд. *parçava-*, иран. **Parsava* > *paštō*

и др., **Parsava-* > *Parsumaš*, *Parsua* и др.). Эти различные формы непосредственно связаны между собой (*Párçu-* и *Pārçava-* у Панини, **Parsu-* и **Parsava-* > совр. *Paṣt* и *paṣtō*, **Parsava-* и *Pārsa-* — персы и др.) и употребляются не только как этнические названия, но и как личные имена (*Párçu-*, **Parϑu-*, *Pārçva-* и др.), причем в качестве последних, очевидно, появились ранее. Поэтому единственно возможным представляется следующее объяснение всей этой группы имен. Древнее арийское имя **Parśu-* > др.-инд. *Párçu-*, иран. *Parsu-*, перс. **Parϑu-*, как и др.-инд. *Pārçva-*, должно означать «имеющий (широкую или крепкую и т.д.) грудь, или бока, или ребра», т.е. «человек могучего, крепкого телосложения». Образования от ар. *parś-*, в том числе иран. **Parsava-*, *Pārsa-* и пр., можно сравнить со славянскими прилагательными от того же корня: старослав. *прьсисть*, др.-русск. *пьрсистыи*, *прьсистыи* [ср. также укр. *персистий* (часто о коне)] 'широкогрудый', употребляемые по отношению к человеку крепкого телосложения; чешск. *prsatý* 'грудастый', 'полногрудый'; серб.-хорв. *прсат* 'крепкогрудый', 'грудастый', 'с крепкой большой грудью', 'широкогрудый'.

То, что индоиранские образования от **parśu* употреблялись для определения отличительных признаков крепкого, богатырского телосложения и в этом значении входили в состав имен, наглядно подтверждается скифским именем Παρσπάνακος < *Pars(u)pānak(a-)* 'имеющий бока (крепкие), как доски [*pānak(a)*]', 'крепкобокий', точно соответствующим осет. *fæinægfars* < **panakpars* с тем же значением (в первом имени частая в скифском инверсия в сложных словах)[27]. Это скифо-осетинское выражение, засвидетельствованное в надписи из Ольвии в качестве личного имени, вероятно, относилось к воину и подчеркивало его богатырское телосложение и силу. В «Нартах» оно, например, употреблено как одно из определений Созуруко: *Narti fæinægfars xwarz Sozuruqo* «нартовский крепкобокий славный Созуруко».

Рассмотрим теперь значение вед. *pṛthupárçavo* (RV, VII, 83, 1) из *pṛthú-* ('широкий', 'большой') и *párçu-*. Обычно *párçu* в этом слове понимали как «серп», «кривой нож» (и даже «сабля», «топор») с общим переводом: «вооруженные широкими серпами (или саблями, топорами)», «несущие широкие серпы» и т.д. Но эта трактовка, как подчеркнул К. Гельднер в последнем переводе Ригведы, не является удовлетворительной; *parçu* 'серп', 'нож' никогда не упот-

---

[27] См.: Абаев, 1949, 175, 176; 1958, 433. Для значения др.-иран. **pānakaparsu-* ср. еще авест. *aγδ.asti-* (так же как имя в Яшт XIII, 112) от *ayah-* 'металл', 'железо' + *asti-* 'кость', 'кости', т.е. 'имеющий кости, крепкие, как железо', 'с костями из железа'. Ср. также перс. *rūīn-tan* 'меднотелый', в «Шах-намэ» обычный эпитет Исфендиара и реже некоторых других героев.

реблялось как оружие, а в значении «серп», «кривой нож» (садовый, для срезания травы) *párçu-* еще не употребляется и в Ригведе, где засвидетельствовано лишь в древнейшем значении 'ребро' и т.д. Поэтому более приемлемым следует признать перевод К. Гельднера: «с раздувшейся (*geschwellter*) грудью». Он, по-видимому, стремился подчеркнуть связь со стоящим рядом *gavyantaḥ* 'желающие', 'стремящиеся к добыче или приобретению скота'. Но перевод «с раздувшейся грудью» точно не соответствует значению обоих компонентов *pṛthupárçavas*, где *pṛthu-*, очевидно, следует понимать в буквальном смысле — «с широкой грудью (или областью ребер, боком), широкогрудые»; это определение физических качеств, подчеркивающее мощное телосложение. Словами *gavyántaḥ pṛthupárçavaḥ* характеризуются выступающие в бой воины. Вед. *gavyát* (только в RV) наряду с буквальным «жаждущий (приобретения) скота» может означать и «жаждущий битвы», как и вед. *gáv-iṣṭi-* обычно означает «жажда (или желание) битвы», просто «битва» и т.д.; оба понятия были равнозначны для ариев Ригведы. Поэтому наряду с переводом «жаждущие скота широкогрудые» возможен перевод всего выражения как «стремящиеся к битве широкогрудые»; и в *pṛthupárçavas* (буквально 'широкогрудые'), по-видимому, следует видеть более специфическое понятие: «обладающие могучим телосложением», «воины-богатыри». Арийское **(pṛthu)paršava-* '(широко)грудые', очевидно, приобретает эти значения уже в индоиранский период.

С ведическим определением воинов *pṛthupárçavas* можно сравнить авест. *pərəθu.varah-* 'широкогрудый', эпитет арийского бога ветра и войны Вайу в Яшт XV, 54: «Вайу отважный, высокоопоясанный, сильнонападающий (или сильнозапрягающий), высоконогий, широкогрудый, широкобедрый...». *Pərəθu.varah-* состоит из *pərəθu-* 'широкий' и *varah-* 'грудь'. *Pərəθu-* и соответствующее инд. *pṛthu* входят в состав других древнеарийских *composita*, ср. *pərəθu sraoni-* (в Яшт XV, 54 рядом с *pərəθu.varah-*) = др.-инд. *pṛthúçroṇi-* 'широкобедрый' и др. Образование *pərəθu.varah-*, аналогичное вед. *pṛthupárçu-*, показывает, что и последнее значит «широкогрудый», «breitbrustig», «mit breiter Brust» (вместо «mit geschwellter Brust»), с той лишь разницей, что здесь возможно и «широкобокий», «с широкими боками», но общее значение остается тем же. Отрывок из древнего гимна Вайу также свидетельствует, что выражения типа «широкогрудый», «широкобокий» были обычными определениями человека могучего телосложения, по преимуществу воина.

И другие определения могучего телосложения легко могли становиться именами; как имя, очевидно, мог употребляться любой из трех упомянутых эпитетов Вайу, характеризующих его тело-

сложение. Так, первый из них *bərəzi.pāδδ* 'высоконогий' соответствует парфянскому имени *Brzpdyk* в документах из Нисы (№ 62, 1436, Дьяконов и Лившиц, 1960, 32: *Barzpādīk* «долгоногий»). В подобном значении употреблялись и простые имена без дополнительных определений типа «высокий», «широкий» и т.д. Так безусловно от *pāda-* 'нога' образовано имя **Pādaka-*[28], от *bāzu-* 'рука' — **Bāzuka-* (Абаев, 1949, 160) и т.д., — подразумевались, очевидно, вполне определенные особенности ноги, руки и т.д. (так, в **Pādaka-*, по аналогии с *bṛzipāda-*, скорее всего «высоконогий»). Равным образом имена от *parsu-* при буквальном значении «грудастый», «бокастый» понимались как «широкогрудый», «крепкогрудый», «с большой крепкой грудью» (или «широко-, крепкобокий»), как и слав. *прьсисть, пьрсистыи, prsaty* и пр., и обозначали человека крепкого телосложения.

В отличие от названия иных частей тела именно образования от **parśu* имели тенденцию к общему определению людей могучего телосложения, по преимуществу воинов, богатырей. К этой группе слов нужно отнести и перс. *pahlav, pahlavān* — обычные переводы: «герой», «витязь», «силач», «богатырь» и т.д. Считают, что имя *Parθava- > pahlav* 'парфянин' стало употребляться как синоним понятий «герой», «богатырь» и т.п., откуда и произошло указанное значение н.-перс. *pahlav.* Но последнее закономерно восходит к др.-перс. **parθava-* = иран. **parsava-* < арийск. **parśava-* и *pahlavān* к др.-перс. **parθavāna-* = иран. **parsavāna-* (< **parśavāna-*). Это подтверждается рядом значений перс. *pahlav, pahlavān*: 'человек мощного, крепкого телосложения', 'рослый', 'атлетически сложенный', 'силач', 'борец', 'богатырь'; 'воитель', 'храбрый воин', 'витязь', 'герой', 'смелый', 'отважный' и т.д. Эти значения или по крайней мере часть из них совпадают с установленными выше для иран. **parsava-* и, следовательно, на много столетий старше времени, когда имя парфян могло оказать какое-то влияние на семантическое развитие ряда **parsava-* = др.-перс. **parθava- > pahlav*. Кроме того, очевидна связь слов *pahlav, pahlavān* с *pahlū-*; помимо указанных выше ('бок', 'боковая часть груди' и т.д.) одно из основных значений *pahlū-* 'сила', 'храбрость' (ср. также в *pahlū-dār* 'мужественный', 'сильный', 'крепкий'), а связь *pahlū-* с др.-перс. **parθu-* = иран. *parsu-*

---

[28] См. имя перса (^{LÚ}*parsaj*) *Pa-da-ak-ka* в вавилонском документе 508 г. до н. э. (ср.: Eilers, 1940б, 202, без объяснения имени). Л. Згуста (1955, 81, 82) вряд ли обоснованно связывает скифское имя из Ольвии Πάδαγος с именами Βαδάκης, Βάδαγος, указывая, правда, что О. Клима отождествляет его со ср.-перс. *Pādag.* Это имя (ср. *pād* 'нога') может восходить к **Pāδaka-* в указанном значении. Сюда же следует отнести имя одного из последних скифских царей, Πάλακος **Pālak(a)* < *Pāδaka* (о *l* < *δ* в диалекте господствовавшего в Скифии племени ср.: Грантовский, 1960, 20).

бесспорна (а от имени парфян оно, естественно, не может происходить). Также арм. *parthev*, заимствованное из иранского (персидского) **parθava-*, означает «стройный», «высокого роста», «видный» и т.д.

Таким образом, значения перс. *pahlav*, *pahlavān* следует привлечь для установления семантического развития др.-иран. **parsu-*, **parsava-*: первоначально «обладающий (широкой) грудью или (широкими, крепкими) боками», «широкогрудый», «крепкобокий» и очень рано (до появления личных имен типа *Parçu-*, **Parθu-*, очевидно предшествовавших этническим названиям) «рослый», «крупный», «человек мощного, крепкого телосложения». Эти значения должны были существовать уже в арийском. Возможно, тогда же этот термин, применяясь по отношению к воинам[29], приобретает более широкое значение: «храбрый воин», «витязь», «герой» (отсюда, очевидно, и этнические названия) и, наконец, просто «мужественный», «смелый», «отважный».

Употребление в древнеиранских языках имен в значении «мощнотелый», «человек крепкого телосложения», «(физически) сильный» и т.п. было обычным, ср., например: **Taxmatanu-* > *Tahmtan* (собственное имя, также прозвище богатырей в «Шах-намэ») 'обладающий сильным, или мощным, телом'; **Tanuvazraka-* (прозвище или второе имя Бардии) 'имеющий большое (великое) тело' (ср. и само имя *Bardiya-* 'высокий') и многие другие. Персы считали подобное качество одним из важных свойств вождя. При перечислении своих главных достоинств как царя Дарий говорит: «мое тело имеет силу» (DNRb, 33). Эти представления обусловливали возникновение таких образований, как **panakaparsu-* (скиф. имя Παρσπάνακος), *aya-asti-* (авест. имя *Ayō.asti*), *rūīntan* и т.д.; ср. также под № 1 имена в значении: «имеющий силу, как у лошади», «сильный, как лошадь» и пр. и под № 17 — «имеющий мощное тело, как у лошади» или подобное.

Из приведенных параллелей к **parsava-* и его предлагаемого значения ясно, что оно употреблялось как определение не территорий, а людей, и что этноним **Parsava-* определенно предшествовал топониму, который произошел от племенного имени, причем последнее являлось именно самоназванием (так и было определенно у персов и афганцев). Этот вывод подтверждается и конкретными историческими данными о бытовании термина **Parsava-*

---

* Значение «широкогрудый», «сильный» для ведийского *pṛthupárśu* было убедительно обосновано в работе Остина и Смита (Austin and Smith, 1937). Ср. также русский перевод Т.Я. Елизаренковой — «широкобокие».

[29] Возможно, сюда же относится и перс. *pahl* (в پهل و سپاه у Фирдоуси) 'turma' (Дж. Вуллерс), '[Heeres]schar' (Ф. Вольф).

и близких к нему образований от *parsu* в качестве этнических и географических названий на территории самого Ирана. Таким образом, имя страны или, вернее, стран, передававшееся в ассирийском как *Parsua(š)*, *Parsumaš*, *Parsamaš* и в урартском как *Paršua*, определенно свидетельствует, что на этих территориях обитали ираноязычные племена, именовавшиеся **Parsava-*. Трудно сказать, составляли ли они большинство населения (что, однако, возможно, судя и по другим данным), но, безусловно, имели значительный удельный вес на этих территориях, которые и получили от них свое имя*.

Итак, можно утверждать, что в IX в. до н.э. ираноязычное население обитало в области у южного побережья оз. Урмия и в стране, лежавшей к востоку от Замуа, к северу от Бит-Хамбана и к юго-западу от Маны. Уже на основании географической близости обеих областей (территориально не составлявших, однако, единого целого) можно предполагать, что на их территории жили племена одной и той же иранской группы, именовавшейся **Parsava*. Скорее всего они принадлежали к персидской общности. В третьей известной по источникам IX–VII вв. до н.э. стране **Parsava*, на границах Элама, уже определенно обитали именно персы. Данные античной эпохи позволяют предполагать, что все известные племена с подобным именем из Западного Ирана принадлежали к той же группе, из которой вышли персы, и что племена этой группы еще сохранялись в Северо-Западном Иране в античный период; материалы ассирийских источников также подтверждают это положение (см. ниже). Во всяком случае ираноязычное население обитало на территории стран Парсу(м)а(ш), Паршуа, которые и получили от него свое имя. Судя по бытованию этих названий в источниках, иранские племена появились на данных территориях не позже начала IX в. до н.э., но они могли проникнуть сюда и ранее.

После Парсуа при описании похода 843 г. до н.э. упоминается Абдадана (к юго-востоку от Парсуа или, быть может, от ее северной части и к северо-востоку от Бит-Хамбана): *Abdadāni* [для 843 г. до н.э.: *Ab-da-da-a-ni*, KAH, II, № 113, IV, 14 (в AR, I, 235 неверно ⌜*Sabiddani*⌝), табл., IV, 5; пл., III, 35; и *Ab-da-da-ni* в ст., 19], *Ab-da-da-na* (Ададнирари III, IR, 35, № 1, стк. 8), во второй половине VIII в. до н.э. всегда с *Bīt-*: *Bīt-Ab-da-da-ni* (при Тиглатпаласаре III и

---

* Не так давно известный бельгийский иранист Эрик Пирар выдвинул смелую гипотезу: свое самоназвание персы получили якобы потому, что их мифическая прародительница, каковой он считает ведийскую Паршу, дочь Ману (см. выше, с. 186 и сл.), родила родоначальников двадцати персидских племен так, как рожали матери Индру и Будду, т.е. через бок (*parsu*) (Pirart, 1995, p. 62–68).

Саргоне II). Это имя можно было бы разделить на элементы *abda* и *dāna* и видеть в них иран. *abda-* и *-dāna* (ср.: Грантовский, 1962а, 258), но общее значение остается сомнительным; параллелей для подобного сочетания (или сочетания одного из элементов с семантически подобным другому) в иранской ономастике и топонимике как будто не усматривается*. Скорее всего это, по-видимому, старое политическое образование, лежавшее недалеко от Бит-Хамбана, находилось под касситско-вавилонским влиянием и, возможно, имело соответствующее население. Лишь одно известное личное имя из Абдаданы, ее правителя в 744 г. до н.э. Маннукимасабэ, аккадское. И само имя Абдадана находит параллели в касситско-вавилонской ономастике (ср., например: Balkan, 1954, 29: *Abda-dānu*, *Abuttānu* и другие имена с *-ānu*)[30].

---

* Касситским считает топоним Абдадана и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 111).

[30] Следует лишь отметить, что употребление какого-либо названия с *Bīt-* еще не исключает возможности его иранского происхождения. Названия с иранским именем после Бит- определенно представлены и в ассирийских источниках (Бит-Раматуа и др., см. ниже), и в вавилонских документах ахеменидского времени (Бит-Багадати, Бит-Пурушшату, Бит-Парсай и др., ср.: Eilers, 1940a, 6, 65; 1953, 38 и др.); в сочетаниях с Бит- иранские имена на *-a* нередко получают окончание *-i* (*Bīt-Bagadati* и др.). Не все известные по ассирийским текстам названия с Бит- обязательно образованы от имен основателей или представителей династий (многие из таких названий появляются в источниках и без Бит-, в том числе чаще или также гораздо ранее, чем с Бит-). По-видимому, часть таких имен является самостоятельными топонимами (при образовании позднее названия с Бит- за основу могло также приниматься не личное имя правителя, а производное от названия области). В именах Бит-Иштар, Бит-Адад и т.п. вторая часть определенно указывает не на теофорное имя правителя, а на почитание в области данного божества. Такие названия в районах к востоку от Двуречья известны уже по надписи Шильхак-Иншушинака. В ней встречаются и имена местностей *Bīt-Barbari* (известно и при Саргоне II) «Дом волков», *Bīt-Nappahe* «Дом кузнецов», *Bīt-Nagāri* «Дом плотников» и другие, где вторая часть определенно не личное имя (см.: MDP, XI, 21–57, ср.: Cameron, 1936, 115–118). Появление на этих территориях названий с Бит- есть результат не ассирийского, а вавилонского влияния, а также, по-видимому, наличия значительных групп кассито-вавилонского населения, проникавшего туда с запада с последних веков II тысячелетия до н. э. В то же время возникновение ряда таких названий прослеживается по текстам ассирийского периода; некоторые из них, возможно, были техническими терминами, употреблявшимися самими ассирийцами (ср. применявшееся некоторое время название Элипи — Бит-Дальта, по имени царя этой страны; но затем она снова упоминается как Элипи). Среди местного (в том числе иранского) населения, не говорившего по-аккадски, названия с Бит- обычно, вероятно, не употреблялись. Те же местности тогда могли именоваться без Бит-, возможно, и в ином оформлении (ср., например, Кампанда — иранская форма, быть может заимствованная из иного местного языка, — вместо Бит-Хамбан, урарт. Баруата вместо Бит-Баруа и др.) либо вообще были известны под другими именами.

В 843 г. до н.э. после Абдаданы ассирийцы прошли Бит-Хамбан и вторглись в Намар; описание похода завершается сообщением о получении дани от Бару, царя страны Элипи, известной еще со времени Ашшурнасирапала II, т.е. с самого начала проникновения в эти районы ассирийцев. Это государственное образование играло значительную роль до первых десятилетий VII в. до н.э. Создано оно было, вероятно, старым местным населением, языку которого, безусловно, принадлежит и само название «Элипи». Но в VIII в. до н.э. для Элипи надежно зафиксирован иранский этнический элемент, причем иранские имена носили и члены царского рода (ср. с. 353 и сл.). Иранские племена вполне могли находиться в Элипи и в IX в. до н.э., поскольку еще задолго до 843 г. до н.э. они уже проникли в районы к северу и, очевидно, к северо-западу от Элипи, а для районов южнее Элипи через три десятилетия засвидетельствовано название страны Парсамаш, где уже определенное время должны были обитать иранские племена с тем же этнонимом, что и у жителей Парсуа (к северу от Элипи). Поэтому не исключена иранская принадлежность единственного известного для IX в. до н.э. имени из Элипи — Бару, но это краткое имя, естественно, может происходить и из какого-либо иного языка.

Barū (табл., IV, 21: *Ba-ru-ú*, КАН, II, № 113, IV, 28: *pa-*⌜*ru*⌝*-ú*). Это имя определенно входит и в название «страны» Бит-Бару(а) (ср. с. 124): у Синаххериба *Bīt-Barrū* (*Bīt-Ba-ar-ru-u* и *Bīt-Bar-ru-a*, AS, 28, 59), у Тиглатпаласара III (*Bīt*)*-Barrua* (*Bīt-Bar-ru-a*: 1. пл., стк. 17; 2. пл., стк. 19; гл. табл., стк. 34; *Ba-ar-ru-a*: гл. табл., стк. 29, без *Bīt*!) и *Barua-ta* в урартских текстах (УКН, № 127, III, 12 и № 155, A, 6: *ba-ru-a-ta*). Варианты написания °*u-u*, °*u-a* указывают на оригинальное произношение *-uva* или *-(a)va*, более вероятно первое. Таким образом, имя произносилось **Bar(a)va* или скорее **Baruva*, что может соответствовать др.-перс. *baruva-* (возможно и древнеиранское произношение **barva-*). Это слово входит в широко распространенное древнеперсидское имя *Gau-baruva* (Бех., IV, 84, V, 7–11; DNRc), греч. Γωβρύης (ср.: Justi, 1895, 111, 112). Некоторыми авторами принимается чтение *Gaubruva* (Brthl., 482; Дьяконов, 1956, 434; Altheim und Stiehl, [1961], 97, и др.). Но другие исследователи читают *Gaubaruva* (Ф. Юсти, В. Эйлерс, Р. Кент, Дж. Кэмерон и др., также: Altheim und Stiehl, [1961], 237; обе возможности учитываются М. Майрхофером: Brandenstein, 1964, 121), что и следует принять, в частности, по передачам имени в эламском (*kam-bar-ma*) и вавилонском (в ахеменидских надписях *gu-ba-ru-*'). Это имя различных лиц встречается и в многочисленных текстах из Вавилонии от времени Кира Великого до Дария II в написани-

ях *gu-ba-ru(-')*, *gu-bar-ru/ri/ra* (см.: Tremayne, 1925, Index, p. 22; Schwenzner, 1922; Scheil, 1914a; Eilers, 1940a, 6, 12, и т.д.; ср. также: Дандамаев, 1963, 113, прим. 56; в «Хронике Набонида–Кира» — изд.: Pinches, 1880; Smith, 1924 — в III, 20 *gu-ba-ru*, в III, 15 и 22 *ug?-ba-ru*). Для *Gaubruva-* правильно было бы **gu-ub-ru-* или подобное, в отдельных случаях допустимо неточное написание с *-bar-*, *-ba-r°*, но совокупность многократно засвидетельствованных вавилонских написаний исключает форму *Gaubruva-*.

По сравнению с инд. *bharu- baruva-* переводят как «господин», «хозяин» (Ф. Юсти, Р. Кент и др.). Но против этого возражает М. Майрхофер (1957, 178; Brandenstein, 1964, 121; ср. также Altheim und Stiehl, 1961, 237). Он считает, что инд. *bharu-* 'господин', встречающееся лишь у лексикографов, — позднее искусственное образование, и предлагает иную этимологию для *baruva-*, выдвигавшуюся ранее ф. Юсти (1895, 112, но он позже отказался от нее в пользу толкования «хозяин»), к авест. *baourva-*. *Gaubaruva-* по старому значению у Ф. Юсти «дающий коровам еду, пастбище», βουφορβός. Иначе у М. Майрхофера и Фр. Альтхайма: от **barv-* = инд. *bharvati* 'жевать', 'есть' (ср. вед. *sŭbharva-* 'много, хорошо едящий'), в этом случае *Gaubaruva-* значит «едящий мясо, говядину» («Rinderfresser», по Фр. Альтхайму). Но и тогда *baruva-* могло бы быть самостоятельным именем, ср. инд. *Bharvu* и некоторые иранские имена в подобном значении (не исключено и «питающий», «кормилец», ср. древнее греч. φέρβω 'кормить', 'содержать', 'пасти'; φορβάς, 'дающий пропитание' и т.п., ср.: Boisacq, 1923, 1034). Объяснение М. Майрхофера сталкивается, однако, с рядом трудностей; *-baruva*, в частности, входит и еще в одно засвидетельствованное древнеперсидское имя — **Biktabaruva-* (элам. *pi-ka-da-barma*, PTT, № 15, по Дж. Кэмерону, PTT, 112, с *baruva-* «lord»). Значение **bikta-*, встречающегося и в других древнеперсидских именах (-βικτος, -βικτας, греческих передач), недостаточно ясно (у Дж. Кэмерона вслед за Ф. Юсти — «блестящий», «сияющий»), но во всяком случае согласовать **bikta* с *baruva-* в значении «едящий», «жующий» крайне трудно. Нельзя отвергать и возможность древнего существования инд. *bharu-* 'господин'. В поздних санскритских сочинениях и у лексикографов иногда сохраняются не зафиксированные в ранних текстах, но восходящие к индоиранской эпохе слова и их значения. Известно и индийское имя *Bharu* (в частности, Вишну и Шивы) с тем же значением, имена *Bhāru* (в Вишну пурана), *Bharuka-* (в Бхагавата пурана). Очевидно, то же значение имеет *bharu* в названии страны и (во мн. ч.) народа *Bharukaccha*, упоминаемом уже в Махабхарате и не являющемся поздним искусственным образованием, ср. греч. Βαρύγαζα (город у

устья Нарбады и залив, в который она впадает; *kaccha* 'берег', 'граница воды'). Наконец, независимо от образований к *bhar-*, *bharv-*, можно указать на индийские имена (например, вед. *Baru-*), которые можно было бы сравнить с *Baru(a)*. Вместе с тем можно указать на эламское имя *Parū*, известное по текстам Ашшурбанапала (*Pa-ru-u*, Цилиндр B, IV, 82, 92, VII, 9, 18: IIIR, 31, 33, ср. также: AR, II, 362, 405), в эламских или переданных через эламское посредство именах различие *b* и *p* несущественно. Правда, написания имени из Элипи указывают на произношение **Baruva*, но и последнее может быть отражено в *Parū*. Поэтому не исключено, что эти имена происходят из местной языковой среды (возможно, что древнее население Элипи было этнически родственно эламскому). Но вместе с тем следует учитывать, что и в Эламе в то время, когда жил Пару, уже были распространены иранские имена, в том числе, возможно, и у эламских царей (см. под № 38)*.

Следующий поход на восток ассирийцы совершили в 834 г. до н.э. (обел., 110–126). После описания действий в Намаре и Бит-Хамбане в источнике упоминаются Парсуа, Миси, Мидия, Хархар и Аразиаш (личные имена не называются; помимо Парсуа остальные страны упоминаются впервые). Из этих пяти названий лишь одно, Хархар, определенно не иранское, и лишь для «страны» Хархар не имеется прямых данных о наличии ираноязычного населения: впрочем, для нее кроме самого названия Хархар известно лишь одно имя (правителя в 716 г. до н.э.), Кибаба, явно не иранское. Наличие же ираноязычного населения в провинции Хархар, включившей и соседние районы, бесспорно. Из остальных четырех стран, названных выше, Парсуа определенно имела иранское название и ираноязычное население; имена трех других могут быть с бóльшим или меньшим основанием отнесены к иранским, но важнее то, что все они, по данным рассматриваемого периода, надежно связаны с иранским этническим элементом.

Для Мидии это положение, собственно, не нуждается в доказательстве (о мидийских личных именах и топонимах IX–VIII вв. до н.э. см. ниже). Наличие иранского элемента в Мидии по крайней мере в VIII в. до н.э. признается всеми авторами, хотя его удельный вес среди мидийского населения оценивается по-разному. Но, по мнению ряда исследователей, мидийские племена в основном были неиранского происхождения и само название

* Позднейшие исследователи также колеблются, относить ли имя *Barū* к иранским или эламским, ср.: Frahm and Schmitt, 1999a, p. 273; Zadok, 2002, p. 127, 130.

Мада(й) было или могло быть неиранским (на чем особенно настаивают И.М. Дьяконов и И. Алиев). Одно из главных оснований для этого утверждения — имена шести мидийских племен у Геродота (о бездоказательности некоторых соответствующих аргументов ср.: Грантовский, 1958, 154, 155). Но иранская принадлежность трех из этих имен, аризанты, струхаты и паретакены, очевидна уже из самих этнонимов; маги определенно были собственно иранским племенем, хотя бесспорной этимологии их имени пока не существует; по одним именам будиев и бусов (более об этих племенах ничего не известно) трудно сделать бесспорные выводы, но имя Βούδιοι легко может быть этимологизировано из иранского и подкреплено параллелями из иранской этнонимики (например, Βουδίνοι из скифского мира); наконец, и для имени бусов можно подобрать иранское значение, тем более что греч. -σ- здесь многозначно (Х. Нюбергом, например, предложены иранские объяснения всех шести имен). Для самого названия *Māda-*, которое, как считают, не имеет достоверной иранской этимологии, во всяком случае можно привлечь параллели из индоиранской ономастики, ср. личные имена: скиф. Μάδυς, или Μαδύης (Геродот, I, 103), Μαδώϊς, Μάδακος (имена из Танаиса), инд. *Madhu-*, *Mādhava-* и др. Эти имена возводятся к инд. *madhu-*, авест. *mada-/maδa-* и пр. 'хмельной опьяняющий напиток' (также обозначение хаумы-сомы), 'экстатическое (хмельное) вдохновение', 'находящийся в экстатическом (хмельном) воодушевлении'*. К этому ряду значений вполне может принадлежать и этноним мидян *Māda-* (от *mada* или **madu-*, ср. *Pārsa-*: *parsu-*). Культовое и общее традиционное использование хмельных напитков было широко распространено у иранских народов, в том числе западноиранских, а экстатическая практика и названия соответствующих средств, по-видимому, отражены в мидийских этно- и топонимах (см. у Х. Нюберга, ср. ниже о Кундуру; Э. Герцфельд связывал имя бусов с группой иранских слов, к которым принадлежит перс. *būza* 'хмельной напиток'). Можно напомнить и название племенной группы саков — *Haumavargā-* 'чтущие хауму' (известны и индоиранские личные имена от *hauma-*, *soma-*, ср. также скифские имена от названий хмельных напитков — ср.: Абаев, 1949, 171; 1958, 129–131). Наконец, на широкое употребление культовых напитков в За-

* Скифское имя не может восходить к названию хмельного напитка, поскольку, как отмечал и сам Э.А. Грантовский, общеиранское **d* в скифском регулярно давало *l* (Brandenstein, 1953; Грантовский, 1960, с. 20, примеч. 28; Cornillot, 1981a; Витчак, 1992, с. 52–53; Кулланда, 2005, с. 216–217; он же 2006, с. 196–197). Соответствующий скифский корень прослеживается в скифском **maluwyam* 'мед', имеющем в рукописях Гезихия форму μελύγιον (с заменой исчезнувшей дигаммы на гамму) (см., например: Витчак, 1992, с. 53).

падном Иране определенно указывают археологические материалы рассматриваемой эпохи (X–VII вв. до н.э.), и именно из Мидии (Сиалк, Хурвин и пр.). Об иранском происхождении имени Мада(й) или его раннем бытовании в иранской среде может свидетельствовать и форма Амадай, встречающаяся под 834 г. до н.э. при первом упоминании Мидии (см. с. 86 и сл.).

Для «страны» Миси помимо ее названия известны одно личное имя и один топоним, оба иранские (см. № 54, 55). Название страны пишется в источниках по-разному: *me-is-si* (обел., 121; для указанного В. Шейлем чтения ^{KUR}*me-is-si* вместо не имеющего смысла *te-is-si* в издании Лайарда см.: *Boudou*, 1929, 124), позже *me-su* (и ^{KUR}*me-sa-a-a*, страна мисийцев, мисийцы), *mi-is-si*, *mi-si*. В данном случае трудно делать определенные выводы, но имя может быть и иранским (тогда возможны различные объяснения, *m* передает *m* и *v*, *s* — *s*, *š* и пр., колебания в первом гласном могут указывать на дифтонг *ai*, например к иран. *vis*, *vais-* или *maiša-* и др.). Последняя из упомянутых стран — Аразиаш.

7. *Araziaš* (^{KUR}*A-ra-zi-áš*, обел., 121, надпись Ададнирари III, IR, 35, № 1, стк. 6; Шамши-Адад V, IR, 30, стб. III, 38: ^{KUR}*A-ra-zi-áš-a-a*, Тиглатпаласар III, анн., стк. 44: ^{KUR}*A-ra-zi*[*-áš-a-a*] — о правителях Аразиаша; тем же именем страна называлась, очевидно, и в призмах Саргона II: ^{KUR}*A-ra-zi*-[*x*], KS, II, 46, ср. с. 127). *Araziaš* Э. Герцфельд (AMI, IX, № 3; 1947, 737) возводил к иран. **ŗziš-*, отождествляя его с названием гор в Авесте *arəziša* (Яшт XIX, 2). Это непосредственное отождествление вряд ли возможно; неприемлема и конкретная идентификация Э. Герцфельдом Аразиаша с современным Алиштаром (теоретически допустимо к **ŗziš.tara*). Аразиаш, как указывалось, не мог лежать в районе Алиштара. Но иран. *ŗzi-* 'прямой', 'крутой', 'поднимающийся прямо вверх' входит во многие иранские топонимы. А географические названия древнейших слоев иранского эпоса часто повторяются на различных территориях, в том числе и в Западном Иране. Поэтому само по себе сравнение с иран. *ŗzi-* и даже с авестийским названием правомочно; возможна и передача подобного имени в аккадском как Аразиаш (хотя она и не была бы абсолютно точной). Но допустимо и созвучие с названием иного происхождения, однако и тогда оно могло восприниматься в том же значении ираноязычным населением, если последнее было в этой стране. Присутствие же его в Аразиаше не вызывает сомнений. Из пяти связанных с территорией Аразиаша личных имен IX–VIII вв. до н.э. три (№ 47, 74, 75) определенно иранские, а два (№ 16, 76) достаточно надежно могут быть отнесены к иранским. Среди топонимов Ара-

зиаша, Области Речки и непосредственно примыкающих к ним местностей есть определенно неиранские, но имеются и легко объяснимые из иранского материала, а в такие названия, как Бит-Багайа и Бит-Раматуа, входят бесспорно иранские имена (см. ниже).

Против собственно иранского происхождения названия Аразиаша, возможно, свидетельствует существование сходного с ним названия соседней местности Эрензиашу (варианты Аранзиаше и пр., см. с. 126 и сл.); для него известна и форма Элензаш с обычно отсутствовавшим в древнеиранском *l*. Но если связывать имя Аразиаша с этим названием, то тогда, по-видимому, появляются дополнительные данные о бытовании имени Аразиаша в ираноязычной среде уже до того, как о нем впервые упоминается в источниках (с 834 г. до н.э.); то же будет относиться и к имени Эрензиаша (упоминается с середины VIII в. до н.э.). Для последнего названия характерно чередование форм с *r* и *l*. Имеются и другие подобные примеры, и именно для территорий, соседних с Областью Речки. В анналах Саргона II (стк. 69 по KS) среди местностей, присоединенных к провинции Кишесу в 716 г. до н.э., названа Хархубарра: *Ḫa-ar-ḫu-bar-ra* (для чтения ср.: Forrer, 1920, 92; И.М. Дьяконов, 1956, 208), а в «Письме Ашшуру» (стк. 43) в 714 г. до н.э. упоминается Хальхубарра: *Ḫal-ḫu-bar-ra*. Это, безусловно, две формы названия одной и той же местности. В списке 714 г. до н.э., начинающемся с Элипи и Области Речки, затем следуют Хальхубарра и Киламбате, далее — после двух незначительных владений — Бит-Сагбат. Под 716 г. до н.э. эти районы упоминаются примерно в той же последовательности, но в обратном порядке (соответственно маршруту ассирийцев в 716 г. до н.э.): после Бит-Сагбата и двух не известных более владений говорится о Хархубарре и Киламбате, а затем о событиях в Хархаре, в связи с чем упоминается Элипи, и о присоединении ряда областей, начиная с Аранзешу (Эрензиаша) и Бит-Раматуа (Аразиаша). Хархубарра, таким образом, находилась в непосредственной близости от Аранзешу и Аразиаша. Для всех этих районов отмечен целый ряд бесспорно иранских имен, в том числе из местностей с неиранскими названиями (из Киламбате, Бит-Сагбата и др., см. ниже).

Ассирийские написания одних и тех же названий то с *r*, то с *l* не могут быть случайными. Аккадский имел оба звука и при передаче иноязычных имен четко различал их; *r* и *l* существовали и в тех старых языках, которые могли бы быть распространены в данной области (эламский, хурритский, кутийский, касситский, лулубейский). В местных географических названиях (как и в не-

которых личных именах неиранского происхождения) с этих территорий встречаются и *r*, и *l*. Поэтому отмеченное явление следует связать с наличием в этих районах ираноязычного населения. Иноязычные имена с *l* в то время в основном должны были произноситься в иранском с *r* (ср. др.-перс. *Arbairā-* Арбела, *Bābiru* Бабилу-Вавилон и пр.; эти названия, безусловно, стали известны персам задолго до VI в. до н.э.). Таким образом, формы с *r*, очевидно, получены ассирийцами от ираноязычного населения, а формы с *l* восходят к местному произношению. Вместе с тем, как уже говорилось, формы с *l* постепенно могли усваиваться и в иранском (первоначально, по-видимому, в отдельных диалектах), и именно они иногда сохранялись уже в период полного преобладания иранской речи на соответствующих территориях; как раз так, очевидно, обстояло дело в случае с именем Эрензиаш-Элензаш (см. с. 116, об Алинза Птолемея)*.

Воспринимаемые в иранской среде чужие названия, в том числе с *l*, передаваемым *r*, могли подвергаться иранскому осмыслению типа народной этимологизации. Так, именно в иранском название р. Тигра, акк. *(i)diglat* (шумерское *idigna*), арам. *dīglā*, др.-евр. *hiddeqel* и др., приобрело форму *Tigrā-* (откуда греческая и общеевропейская форма; элам. *ti-ig-ra*, как и ряд других названий, например Египта, следует иранской, а не старой, безусловно существовавшей в эламском форме). *Tigrā-* соответствует иран. *tigra-* и, очевидно, воспринималось в иранском как «стрела», «быстрая как стрела», «быстрая» (как Диклат характеризовался в Двуречье и независимо от иранцев). Иранское название Евфрата, др.-перс. *^{h}Ufrātu-* (откуда и греч. Εὐφράτης и элам. (*Ú-ip-ra-tu-iš*) при акк. *Purattu(m)* (шумерское *Buranun*), др.-евр. *Pərat* и др., также является результатом этимологизации в иранском (ср.: Brthl., 1830; Kent, 1950, 176). В текстах Ашшурбанапала при описании похода в центры Элама упоминается название реки *Idide*, современной (Аб-е) Диз (идентификация подкрепляется и тем, что местоположение отдельных из упоминаемых при описании похода городов надежно установлено в результате раскопок в Сузиане, см.: Ghirshman, 1951, 102–104). Н.-перс. *diz* 'крепость', 'бастион' и т.п. соответствует др.-перс. *didā-* (=**diza-*, авест. *-daēza-*, фрак. -διζα, инд. *dehī*, греч. τεῖχος и т.п.) 'укрепленный город', 'крепостная стена'. Поэтому возможно, что имя Идиде как-то связано с перс. *didā*. Иранское название этой реки, на которой стоял ряд городов и крепостей, могло бы быть результатом этимологизации местного названия. Но, быть может, *Idide* (как аккадская передача, допус-

* Об Аранзиаше см.: Zadok, 2002, p. 125, 131.

тимо и иноязычное посредство) представляет уже иранский гидроним; персы играли в то время большую роль в Эламе, в том числе в районах на севере и, по-видимому, на северо-западе (ср. под № 38, уже для IX в. до н.э.).

В 828 и 827 гг. до н.э. ассирийцы совершили два похода по сходным маршрутам: на север к Хубушкии (в 827 г. до н.э. также к Мусасиру, Урарту и Гильзану), затем к востоку, в южную часть Приурмийского района до Маны, а оттуда к юго-западу до Парсуа (а в 827 г. до н.э. и дальше до Намара). При описании этих походов упоминается несколько новых географических названий и несколько личных имен (из них об Упу из Гильзана и Датана из Хубушкии см. выше), в том числе Артасари, в 828 г. до н.э. правителя «Шурдиры». Название «Шурдира» не является точно установленным, так как первый знак в его ассирийском написании многозначен, как и легко смешиваемый с ним знак *pad*. Различные авторы читают в разных или в одних и тех же текстах: Шурдира, Паддира, Бурдира (возможно еще Шукдира и т.д.). Трудности еще более увеличиваются в связи с тем, что «Шурдира», «Паддира» или «Паттира» выступает еще как название крепости в Алабрии (в версиях анналов Салманасара III редакции 842 г. до н.э. Дж. Кэмерон по табл., III, 62 читает: Шурдира) и как второе название самой Алабрии (определенно в призме Саргона II из Ашшура, стб. A, 12, 16, где Э. Вайднер читает: Паттира). Не останавливаясь подробно на этом вопросе, следует лишь отметить, что страна, где в 828 г. до н.э. правил Артасари, не должна соответствовать Алабрии. В близком по времени новом фрагменте текста Шамши-Адада V или Ададнирари III упоминается и то и другое название (лиц., стк. 4, изд.: Wiseman, 1964; между ними стоит еще ^{KUR}*Sab-a-a*; по мнению Д. Вайзмана, «Бурдира» то же, что и укрепленный Саргоном II на его десятом году Бурдир у урартской границы). Не исключено и отождествление «Шурдиры» с «Шурдой» (*šur?-da*) текстов Саргона II, лежавшей недалеко от Алабрии, но отдельной от нее политической единицы (ср., например, в цилиндрах из Дур-Шаррукина, по изд.: Lyon, 1883, 5, стк. 32 и сл.). В любом случае «Шурдира» локализуется на северо-восточных границах Ассирии, в районах по верхнему течению Малого Заба или в соседней юго-западной окраине Приурмийского бассейна. Она входила в число местностей к северу и северо-западу от Парсуа, отделявших ее от районов у Урмии (где лежала урартская Паршуа).

8. *Artasari* (*Ar-ta-sa-ri*, обел., 171). Иранская принадлежность имени очевидна и общепризнана (часто считают, что это первое иран-

ское личное имя в ассирийских источниках). В первой части иран. *arta-/ṛta-* (входит в состав многих имен) — одно из основных религиозных понятий индоиранской древности. Во второй части обычно видели *sarə-* 'голова', 'глава', 'вождь' (Justi, 1895, 37; Scheftelowitz, 1902, 274, и др., для имен с *-sarə* ср.: Justi, 1895, 510, авест. *Aurvasārə-* и др.). Убедительнее, очевидно, иное объяснение (ср.: И.М. Дьяконов, 1956, 163) — *ṛta-sar-* 'объединенный с праведностью', но для аналогии можно привлечь не только авест. *aša-sar-*, но и личное имя к *Ašasarya-* (ср. *ašasarədahe ašasairyąs ašaonō* в Яшт XIII, 114) 'единый с Артой', 'имеющий общение с Артой' и т.п. В этом случае имя IX в. до н.э. из районов у Малого Заба должно отражать то же древнее религиозное словоупотребление, которое представлено и в Авесте, в том числе в Гатах, в *ašahyā sar*, *aša.sar-*. Из близких к владению Артасари местностей происходят и еще два иранских имени IX в. до н.э. с *arta-* (№ 20, 21). Об активной разработке в указанных районах и далее к западу иранских религиозных представлений и об их влиянии надежно свидетельствуют данные второй половины VIII в. до н.э., явно указывающие, что развитие соответствующих процессов должно быть отнесено здесь к предшествующему периоду.

При любом значении в качестве параллели к рассматриваемому можно привлечь западноиранское имя из арамейских документов с Элефантины V в. до н.э. *Mtrsrh* — Митрасара сын Митрасары в документе 446 г. до н.э. (изд.: Sayce and Cowley, 1906, «E») и «Митрасара маг» в документе 434 г. до н.э. (изд.: Kraeling, 1953, № 4). Данное имя, как отмечалось (литературу см.: Kraeling, 1953, 175), соответствует имени *Mitrsari* в среднеперсидском патрониме *Mitrsariān* надписи на печати (см.: Justi, 1895, 216, 250). Вместо *Arta-* рассматриваемого имени в первой части здесь имя бога Митры. Оригинальной формой имени Артасари могут быть: **Artasar-*, **Artasara-* (*-i* тогда аккадское окончание — в тексте *ša Artasari*, возможно, для акк. им. пад. **Artasaru*, но подобные иранские имена вовсе не всегда имеют в акк. род. пад. *-i*) или **Artasarya-* (в этом случае *-i* для *-ya*)*.

В 716–713 гг. до н.э. в «Шурде» (по-видимому, все же не соответствующей «Шурдире») правил *Ada* (*A-da-a*, цилиндры из Дур-Шаррукина, см. выше; Ниневийская призма, фрагмент K1671 + 1668a — KS, II, 45, D «призмы B» по Г. Винклеру, — стб. II, 5, ср.: Tadmor, 1958, 88, 90, 91, n. 290). Это имя может происходить из различ-

---

* Иранская этимология («единый с Артой»), впервые выдвинутая Герцфельдом (Herzfeld, 1938, S. 166 und Fußnote 1), практически не вызывает сомнений. См.: Radner and Schmitt, 1998d, p. 134; Zadok, 2002, p. 96.

ных языков, в том числе из индоевропейских и иранского (для возможных значений в этом случае см., например, под № 35, ср. также имя из Северного Причерноморья Ἀδα: Zgusta, 1955, 294, там же о подобных именах из греческого и малоазиатских языков).

9. *Udaki*, правитель Маны в 828 г. до н.э. [*Ú-da-ki*, обел., 164, 165; у Д. Люккенбиля (AR, I, 209), Г.А. Меликишвили (1954, 196–198), И.М. Дьяконова (1956, 162, 163) и ряда других авторов *Ualki*, т.е. *Ú-al-ki*; для чтения *Ú-da-ki*, принимавшегося и ранее — ср.: KB, I, 146, — см.: Michel, 1956; так же в обел., 163, 164 вместо Малхиса, как, например, у Д. Люккенбиля и И.М. Дьяконова, следует читать Мадахиса, с *da*, а не *al*, см. у Э. Михеля (1956) в примечаниях к соответствующим строкам обелиска]. Первое из известных личных имен из Маны может быть иранским, как и еще два манейских царских имени (см. под № 52, но оба лишь предположительно). Имена других царей Маны, как указывалось, неиранские, их составные части те же, что и в именах из старых языков Передней Азии, в частности из хурритского. Но как раз три упомянутых имени так объяснены быть не могут. В то же время для некоторых стран имеются надежные примеры, когда их правители носили имена из местных языков, иранские, а также аккадские. Иранская принадлежность отдельных царских имен из Маны тем более вероятна, что вокруг Маны, а также и в пределах Манейского царства было широко распространено ираноязычное население (см. гл. II, разд. 4).

Окончание *-i* в *Udaki*, как и в ряде бесспорно иранских имен, может соответствовать иран. *-a*; в первый раз (обел., 164) имя и стоит в родительном падеже, *ša Udaki*, во второй (обел., 165) — повторяется предшествующее написание. *Udaku/i* может правильно передавать иран. **Hudăka-*, от глагола *dā-*, с *hu* (ср., например, авест. *hu-δāta-* 'хорошо созданный', в частности, эпитет богов) и суффиксом *-ka* (к его употреблению в именах рассматриваемого периода см. под № 54). *Dā-* либо от *dā* = инд. *dā* со значением имени «хорошо (или много) дарующий», «щедрый», либо скорее от *da* = инд. *dhā* — «хорошо (благо) делающий», «хорошо (справедливо) устанавливающий», ср. *dāta-* 'закон' ('то, что установлено'), др.-перс. **dainadātar-* (с *daina-* 'закон') 'законодатель', 'правитель', 'царь' (DNRa, элам., стк. 6, перс. *framātar-*), авест. *dātar-* 'дарующий' (= инд. *dātar-*), 'творец' (= инд. *dhātar-*) и т.д. Ср. также авест. *hu-dāh-*, *hu-δāh-* 'хорошо (благо) деятельный' и его ср.-перс. перевод *hudāk* (переводит и авест. *hu-dā(y)-*, ср. инд. *su-dhī-* 'мудрый', 'рассудительный', 'благоразумный')*.

* Этимологию Грантовского принимает Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 92, 96).

Из названий стран и городов, упоминающихся в обелиске под 828–827 гг. до н.э., помимо хорошо известных как ранее, так и позже несколько встречается только здесь. Некоторые из них могут быть объяснены из иранского, но, как и многие другие топонимы, без всякой уверенности. Более определенно это устанавливается для двух названий.

10 и **11**. *Pi(r)ria* (обел., 183: *pi-URU-ri-a*, читать как *pi-ir₄-ri-a*, *Piria*, ср. Michel, 1956) и *Šitiuarja* (обел., 184: *ši-ti-ú-ar-ja*) — «города» (не простые поселения, а центры округ, в источнике говорится еще о 22 поселениях их окрестностей) в стране, название которой неясно (чтение Д. Люккенбиля — AR, I, 210 — ⌜*Tabal*⌝ необоснованно, лишь первый знак может быть ⌜*Tab*⌝?, все название состояло из трех или четырех знаков, см.: Michel, 1956). Затем ассирийцы выступили против поселений Парсуа, а до этого они шли со стороны областей в бассейне Верхнего Заба. Пир(р)иа и Шитиуариа лежали, следовательно, где-то к северо-западу от Парсуа. На иранскую принадлежность этих названий указывалось давно (ср.: Hüsing, 1930, 255, для второго названия см. также: Scheftelowitz, 1902, 276; Tallqvist, 1918, XXIV), но в исследованиях последнего времени они не отмечаются среди иранских. Иранское происхождение первого, короткого имени, легко объясняемого из иранского, подтверждается более определенно устанавливаемой языковой принадлежностью второго.

Pi(r)ria (Hüsing, 1930, 255, возводит к **Frīriya*) может точно передавать иран. *Fr(i)ya-* (авест. *frya-*, н.-перс. *farī*, др.-инд. *priyá-* от *prī* 'радовать', 'нравиться' и пр.) 'приятный', 'излюбленный', 'достойный', 'радующий', 'особый' и т.п. или, как топоним в женском роде, — *Fr(i)yā-* 'приятная' и т.п. *Fr-* в аккадском всегда разъединяется и обычно пишется как *par*, *pir*, *pur*; подобные рассматриваемому примеры с *pi(r)r-* < *fr-* см. под *f* > *p*. *Fr(i)ya-* употребляется также как личное имя и входит в состав личных и родовых имен (ср. авест. *Frya-*, *Fryāna-* и многие другие, см.: Justi, 1895, 106, 131, 371; Brthl., 1026 и сл.; Zgusta, 1955, 164 и сл.; Боголюбов и Смирнова, 1963, 98 и др.)*.

Šitiuarja точно передает иран. **Šitivaryā-* 'для жительства избранный(-ая)' (ср.: Scheftelowitz, 1902, 276: «zum Wohnen angenehm»). Авест. *šiti-* 'жилье', 'проживание', 'местообитание'; *varya-* (от *var* 'выбирать') 'избранный', 'желанный', 'лучший', 'достойный', может быть, вернее 'избранное местообитание', 'место наилучшего проживания', с инверсией в обычном типе composita (см. об этом

---

* Согласно Цадоку (Zadok, 2002, p. 105), удвоенное *-rr-* ставит под сомнение связь данного топонима с иранским **Friya-*.

явлении: Абаев, 1949, 231–236; оно засвидетельствовано в древности и для Западного Ирана). По значению оба названия близки друг другу; по текстам Саргона II известно название местности *Urʲaku* < иран. **Varyaka-* 'избранная', 'лучшая' и т.п.; иранская принадлежность этого названия подтверждается иными данными об этой местности и соседних с ней (ср. под № 47, с. 304 и сл., 369 и сл., 381–382 и др.). Для употребления др.-иран. *varya-* как определения земли, области и пр. можно еще указать на древнеперсидское имя из эламских документов: *mar-ʲa-kar-šá* (PTT, № 4), *mar-ri-ʲa-kar-šá* (см. PTT, 91) <**Varyakarša-* (Benveniste, 1958, 50) с *karša-* 'поле', 'округ', 'область' и пр. (ср. под № 13)*.

Пириа и Шитиуариа находились где-то в юго-западной части Приурмийского района, к северо-западу от страны Парсуа, называвшейся по-ирански уже по крайней мере с середины IX в. до н.э. Эти топонимы указывают, что ираноязычное население обосновалось в данных областях не позднее первой половины или во всяком случае середины IX в. до н.э. О том, что оно уже было распространено в IX в. до н.э. на территории от западной части Приурмийского района до области Парсуа и соседних с ней и, более того, уже преобладало в ряде районов этой территории, свидетельствуют и другие материалы источников IX в. до н.э., особенно данные анналов Шамши-Адада V под 820 г. до н.э., где впервые в источниках приводится большой список мелких владетелей с указанной территории.

Под 828 г. до н.э. упоминается еще правитель Харруны Шулусуну; его имя содержит те же элементы, что и ряд других неиранских имен Маны и соседних районов. Харруна находилась также в юго-западной части Приурмийского района, поблизости от владений Артасари и двух упомянутых центров неизвестной «страны». Эти данные (особенно два личных имени — Шулусуну и Артасари) указывают, что в IX в. до н.э. в указанных районах были представлены те же этнические группы, о которых более подробно известно по источникам VIII в. до н.э.

При Шамши-Ададе V (823–810) и Ададнирари III (810–782) ассирийцы совершили ряд походов на восток и северо-восток, до Намара, Мидии, Маны, Хубушкии и т.д. Но об этом известно лишь из списков эпонимов (тип C^{b}, см.: Ungnad, 1938, 428–435), иных сведений нет, за исключением описания походов 821 г. до н.э. (в весьма кратком изложении) и 820 г. до н.э. (довольно подробного). Дошло также фрагментированное описание дейст-

* Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 101, 105) полагает, что топоним Шитиуариа вряд ли может быть иранским, и без особой уверенности сравнивает его с созвучными географическими названиями, о которых см. комментарий* к с. 238.

вий ассирийцев в юго-восточных районах, до эламских пределов, в 814 г. до н.э. (к хронологии походов Шамши-Адада V ср. Weidner, 1934). В надписи Ададнирари III дается общий список восточных стран, известных как по более ранним, так и по последующим текстам (надпись из Калху: IR, 35, № 1, ср. также новый фрагмент текста Шамши-Адада V или Ададнирари III в изд.: Wiseman, 1964).

Походы 821 и 820 гг. до н.э. описаны в анналах Шамши-Адада V на монолите из Калху (IR, 29–31, далее: анн.); текст дан в архаическом написании, и чтение некоторых знаков в рассматриваемых далее именах вызывает разногласия (ср.: IR, 32–34: перевод текста на обычную ассирийскую графику, но иногда знаки идентифицированы неточно). В более позднем издании анналов того же царя из Ашшура (Weidner, 1934) во фрагменте, относящемся к 820 г. до н.э., упоминается Гизильбуда (т.е. Гизильбунда других текстов). Связный текст сохранился с конца описания первого похода на Кардуниаш-Вавилонию, которым заканчиваются анналы упомянутой выше надписи. Далее рассказывается о втором походе на Вавилонию; ассирийцы дошли до Дера (Бадра, восточнее Багдада, у ирако-иранской границы) и взяли его, далее следует лакуна. Там же, в Ашшуре, был найден фрагментированный текст с описанием отдельного похода в виде «Письма Ашшуру» (КАН, II, № 142, ср.: Weidner, 1934, 98–104). Это — описание той же второй кампании Шамши-Адада V против Вавилонии, но в «Письме Ашшуру» представлено описание действий в Дере и событий на территориях к востоку от него, не уцелевшее в анналах; в сильно поврежденном отрывке, очевидно, впервые упоминается страна Парсамаш на границах Элама.

Краткое описание похода 821 г. до н.э. не дает возможности определенно установить маршрут ассирийцев. Указывается, что они дошли до оз. Ван (Моря Заходящего Солнца, определенно не Каспийского моря, как у Дьяконова, 1956, 165), взяли 300 поселений Шарсины, сына Мектиары, и 11 городов с 200 поселениями Ушпины (т.е. Ишпуини урартского). Неясно, где находились владения Шарсины; Мектиару обычно отождествляют с Никдиарой, правителем во Внутренней Замуа в 855 г. до н.э.; владения его доходили на востоке до оз. Зерибор, а не до Урмии (ср. выше о Море Внутренней Замуа). Но в любом случае они не могли находиться у оз. Ван. М. Штрекк даже предполагал, что племя Никдиары (Мектиары) — Шарсины переселилось к оз. Ван с востока. Но следует, очевидно, искать иное объяснение. Прежде всего нужно заметить, что отождествление Мектиары и Никдиары может быть неверным. По некоторым версиям анналов Салманаса-

ра III считают, что вместе с Никдиарой правил Никдима. Но сличение текстов Салманасара, в том числе новых, показывает, что речь идет об одном правителе[31], причем правильная форма имени, возможно, как раз Никдима, а не Никди(а)ра. Если все же указанное отождествление Мектиары справедливо, то в кратком описании похода 821 г. до н.э. мы имеем результат суммарного сокращения событий: сначала указывается на оз. Ван как на предел, достигнутый ассирийцами на северо-западе, затем сообщается о наиболее значительных правителях, против которых действовали ассирийцы, и их разграбленных владениях, а далее кратко говорится о других обстоятельствах похода, о разгроме жителей Сунби и получении дани от «всех царей Наири» (о содержании этого понятия см. ниже). Во всяком случае имя Сунби указывает, что в 821 г. до н.э. ассирийцы действительно побывали не только на северо-западе, но и на северо-востоке (Сунби, или Сумби, в районе горы Куллар или к востоку от нее в направлении Маны и Алабрии).

В списке эпонимов эта кампания определялась, очевидно, как поход на Сигрис; в дошедшем тексте (C^b4, Ungnad, 1938, 433) сохранились два последних знака [...]-*ri-is*, но восстановление *Sigris* (ср.: AR, II, 432; АВИИУ, № 39; Дьяконов, 1956, 164, и др.) достаточно надежно, иного топонима из этих районов с таким окончанием неизвестно, а подобное географическое название было довольно распространенным в областях к востоку от территории Ассирии (см. ниже, ср. также: Дьяконов, 1956, 164, прим. 5). Уже в ассирийских источниках им обозначаются по крайней мере две местности из разных районов, а позже оно засвидетельствовано и для других областей Ирана. В списке эпонимов под 821 г. до н.э. Сигрис должен указывать на крайний на востоке пункт, достигнутый ассирийцами в этом походе, а в кратком описании похода он не упоминается (при сличении списков эпонимов и анналов известны и другие такие примеры). Ни владения Ушпины (царя Урарту), ни Шарсины так называться не могли. Если область Шарсины лежала у оз. Ван, она не может соответствовать ни одному из известных Сигрисов. И.М. Дьяконов (1956, 164) допускает, что Сигрисом называлось царство Шарсины и Никдиары, считая, что их главная крепость именовалась Ида. Но из текстов Салманасара III, и особенно из новых надписей, ясно следует, что Ида — «страна» (во Внутренней Замуа). Сигрис мог бы быть владением одного из «царей» Наири, о которых упомина-

[31] Поэтому, в частности, не обосновано выделение Г.А. Меликишвили из сличения этих «двух» имен суффикса *-ara* или даже суффиксов *-ti(di)* и *-ara* в языке Замуа.

ется в самом конце описания похода 821 г. до н.э. Во всяком случае Сигрис списка эпонимов должен был находиться где-то в районе Сумби или к востоку от этой страны и, быть может, недалеко от районов Внутренней Замуа, но он, безусловно, не может быть отнесен далеко на восток от этих районов (Сумби у гор Куллар и Ида недалеко от Зерибора). У верховьев Сивайля, на иракской территории, вклинивающейся в пределы Ирана, севернее оз. Зерибор и юго-восточнее гор Коллара-даг (Куллар ассирийцев), известна местность *Sīristān*, от *Sīr(i)* (+ *stān*), что в западноиранском может закономерно восходить к *Sigr(i)*-; к тому же имя Сигрис определенно происходит от иран. *sigr*- (см. ниже) > совр. *sīr*; поэтому возможно, что Сигрис находился именно в районе современного Сиристана.

Маршрут подробно описанного похода 820 г. до н.э. вырисовывается более определенно (ср. с. 125 и сл.). Перейдя через Малый Заб и горы Куллар, ассирийцы прошли по территории, включавшейся тогда в понятие Наири, и получили там дань от окружающих областей (называются Дади Хубушкийский, Шарсина, жители стран Сунби, Мана, Парсуа, Таурла), а затем вторглись в Миси, где, очевидно, еще не существовало прочного объединения с одним правителем. Продолжая идти на восток, Шамши-Адад вторгся в Гизильбунду, где встретил сопротивление довольно крупного правителя (Пиришати), который, однако, не властвовал над всей Гизильбундой. Еще два ее правителя уже при вступлении ассирийцев в страну действовали самостоятельно и принесли им дань, также поступил и правитель Цибара. Из Цибара Шамши-Адад вторгся в Мидию и на обратном пути из нее — в Аразиаш. Затем в анналах дается список 28 владений и их правителей, принесших дань. Они называются «царями (страны) Наири». Далее из текста следует, что в конце похода или при получении дани от этих «царей» ассирийцы снова находились у горы Куллар.

По И.М. Дьяконову, упомянутые 28 правителей — это вожди «племен горной Мидии» (АВИИУ, № 34, прим. 13) или правители Парсуа и Мидии от оз. Урмия до Соляной пустыни (1956, 166). И Г.А. Меликишвили (1954, 14) принимает их за «вождей населения Мидии». И. Алиев (1960, 175) также считает, что это исключительно «владыки горной Мидии». Но никаких оснований для этого распространенного мнения, по существу, не имеется. У И.М. Дьяконова, признающего наличие в списке нескольких иранских имен, оно связывается с положением о распространении ираноязычного населения с востока (ср. то же о списке 713 г. до н.э.: Дьяконов, 1956, 222). Замечая, что большинство правителей спи-

ска имеют имена из древних местных языков, но некоторые, быть может, иранские, И.М. Дьяконов (1956, 167) пишет, что «это по преимуществу правители наиболее восточных областей».

По Г.А. Меликишвили и И.М. Дьяконову, термин «Наири» охватывал при Шамши-Ададе V и Мидию. Но основанием для этого, в свою очередь, является отнесение владений списка 820 г. до н.э. к Мидии (см.: Меликишвили, 1954, 14). Расширение понятия «Наири» ко времени Шамши-Ададa V бесспорно; оно может относиться и к странам Приурмийского района, но области до оз. Ван и Урарту также включаются при Шамши-Ададе V в общее понятие «Наири» (см. под вторым походом). Следовательно, происходит лишь его расширение, а не принципиальное изменение. Из сообщения о первом походе следует, что «Паддира», или «Шурдира», относилась к «Наири», а из данных о втором походе — что области недалеко от Сунби включались в это понятие. В начале описания третьего похода говорится, что, находясь на территории, причислявшейся к «Наири», ассирийцы получили дань от Хубушкии (в IX–VIII вв. до н.э. она, кроме того, иногда называется Наири), Сунби, Маны, Парсуа. Из текста в конце изложения событий в Гизильбунде как будто следует, что и она отнесена к странам Наири, но отсюда же ясно, что Мидия к ним уже не причислялась (анн., стб. III, стк. 21–27 и сл.).

В надписи Ададнирари III в перечислении стран (стк. 6–10) упоминается и Наири. И.М. Дьяконов (1956, 168) считает, что все страны этого списка, в том числе Мидия, объединены под термином Наири. Это толкование исходит, видимо, из оборота: ^{KUR}*Na'iri ana pāṭ gimriša* (стк. 9), т.е. «(страна) Наири во всей ее совокупности» или «на всем ее протяжении», «(страна) Наири целиком». Но это не обобщение ко всем названным выше странам. По данному тексту Наири — скорее лишь часть территории, которая понималась под этим термином в анналах Шамши-Ададa V, т.е. какая-то частная величина (например, Хубушкия; в данном списке ее нет, хотя представлены соседние и называвшиеся рядом с ней при Шамши-Ададе V страны). Далее в той же надписи и Гизильбунда определена подобным оборотом: ^{KUR}*Gizilbunda ana siḫirtiša*, т.е. «(страна) Гизильбунда целиком» или «в ее целом», «в ее окружности», «полностью». Если и Гизильбунда — обобщенное название перечисленных до нее стран, тогда под Наири объединяются лишь страны, называемые после Гизильбунды до Наири, т.е. Мана, Парсуа, Алабрия, Абдадана (по крайней мере первые три могли относиться к «Наири»). Но понятие «Гизильбунда» никак не может распространяться на перечисленные перед ней Мидию, Миси, Аразиаш, Хархар и др. Многочисленные случаи употреб-

ления выражений «*ana siḫirtiša*», «*ana gimirtiša*», «*ana pāṭ gimriša*», стоящих после конкретного названия страны, показывают, что они обозначают лишь данную страну, упоминаемую как отдельно, так и в списках, в которых в ряде случаев перед именем страны с таким дополнением называются страны, определенно не имеющие к ней отношения.

Кроме Мидии (стоящей перед Гизильбундой) в надписи Ададнирари III до Наири упоминаются и другие страны, которые не могли включаться в «Наири»: Аразиаш, Хархар, Элипи(!). Таким образом, исходя из определения 28 правителей как «царей Наири», их владения должны быть помещены за пределами Мидии, но могли бы находиться в таких странах, как Парсуа, Алабрия, Мана. Но «Наири» Шамши-Адада V простиралась и гораздо далее на северо-запад; в это понятие включались и Сунби (у гор Куллар), Хубушкия (где-то у Большого Заба) и территория Урарту.

Но и независимо от значения понятия «Наири» владения списка могут быть локализованы более определенно и безусловно не должны помещаться ни в Мидии, ни даже в пограничных с ней с запада областях. Дань от 28 правителей ассирийцы получили, находясь где-то между Аразиашем и горой Куллар, вероятно уже у последней (и в начале похода, перейдя ее, они принимают дань группы стран от Хубушкии на западе до Маны и Парсуа на востоке и в том числе Таурлы, принесшей дань и в конце похода). В то же время в списке, безусловно, не может идти речь о правителях, приносивших дань на протяжении всего похода, так как другие уплатившие ее правители, в частности из Гизильбунды и Цибара, здесь не фигурируют. Из текста анналов ясно следует, что в Мидии ассирийцы лишь вели военные действия и захватывали добычу, но дани не получали; также обстояло дело и в Аразиаше. Факт получения дани даже от незначительных правителей (как Титамашка и Киара из Гизильбунды) обязательно отмечается в достаточно подробном описании похода 820 г. до н.э.

Наконец, некоторые из владений списка 820 г. до н.э. определенно отождествляются с известными и по другим текстам. Надежно идентифицируются по крайней мере три владения. По «Письму Ашшуру» Саргона II (714 г. до н.э.) известен город *Ḫundur* в принадлежавшей тогда Урарту области Армарили и поселения *Ḫundurna* (*-na* — добавление, очевидно, урартского происхождения) Верхняя и Нижняя в соседней области Сангибути (севернее оз. Урмия). Район г. Хундура — это район к северо-западу от Урмии, примерно там, где сейчас находится г. Котур, название которого возводят к тому же имени. Две Хундурны соседней области могли лежать на той же реке, что Хундур, т.е. на современном Коту-

ре (Котурчай). Тот же город *Ḫundur(u)* (анн., стб. III, 47: ^{URU}*Ḫu-un-du-ur-a-a*) упоминается и в списке 820 г. до н.э. (лишь Хундур и еще Хармешанда определены здесь как поселения детерминативом *URU*, остальные владения обозначены как местности через *KUR*)*.

Ginḫuḫtu (*Gi-in-ḫu-uḫ-ta-a-a*, анн., III, 58), безусловно, то же самое, что *Ki(n)guḫtu* письма HABL, № 556 (для этого отождествления ср. также: Дьяконов, 1956, 211), где *Ki(n)-gu-uḫ-tu* упоминается вместе с Никуром, главным городом Парсуа. Кроме того, это тот же город, что и *Ganguḫtu* на подписи к изображению его взятия Саргоном II (KS, II, pl. 49, ср. Botta, IV, 180, зал II: *Ga-an-gu-uḫ-tu*); этот город, в свою очередь, отождествляется с упоминавшимся в анналах Саргона II (стк. 66 по изд. KS, см.: KS, II, Taf. 3, № 6, стк. 1; то же у Botta, IV, 74), где обычно читают (ср.: AR, II, 5, и др.) лишь *Ga-nu-*[...]. Но возможность чтения некоторых из остающихся трех или четырех знаков имени и сравнение места, где город упоминается в анналах, с положением, которое занимает его изображение на стенах второго зала дворца Саргона II (см.: El-Amin, 1953), не оставляет сомнения, что и в анналах, и в подписи к изображению имеется в виду один и тот же город. В анналах под 716 г. до н.э. о нем говорится после описания действий в Алабрии и Каралле. Гангухту 716 г. до н.э. — один из «городов» округа Никсаммы, вместе с Шургадией присоединенный к провинции Парсуа (ср. также: HABL, № 556); он должен был лежать в ее северной части**. Таурла списка 820 г. до н.э. (анн., III, 62) — та же Таурла, которая упоминается в описании начала того же похода (II, 40) вместе с Хубушкией, Сунби, Парсуа и Маной, т.е. областями от р. Большого Заба до р. Джегету***. Возможно также отождествление *Ḫarmes-anda* (III, 46; вероятно, с частым на соседних территориях топонимическим суффиксом *-anda*) с *Ḫarmas(u)* — местностью, известной по походам Ашшурнасирапала II в 883 г. до н.э. и Салманасара III в 859 г. до н.э. и локализуемой недалеко от Киррури (между Эрбилом и Ревандузом).

Таким образом, владения списка 820 г. до н.э. лежали в западной и южной частях Приурмийского района и в примыкающих к нему с юга и, возможно, с запада областях. На севере эта территория доходит до района Котура, на юге — до районов древней Парсуа (и, быть может, до местностей, непосредственно примы-

* О Хундуре см.: Zadok, 2002, p. 102.

** О Гингухту/Гангухту см. из последних работ: Zadok, 2002, p. 100–101, 105, с литературой.

*** О Таурла/Таурлу см.: Zadok, 2002, p. 102.

кающих к ней на северо-востоке). Горы Куллар, у которых была получена дань, находились примерно между этими крайними для владения данного списка районами.

По языковой принадлежности из имен, упоминаемых в анналах Шамши-Адада V, Ушпина и Шарсина определенно неиранские, о Дади говорилось выше. Все три — имена правителей более крупных объединений, существовавших еще в первой половине IX в. до н.э. (по крайней мере Урарту и Хубушкия).

12. *Sigris* ([*Si-ig*]-*ri-is*, см. выше). По данным второй половины VIII в. до н.э. (см. № 51) определенно устанавливается иранское происхождение названия Сигрис, а также связанных с ним Шигракка, Сигрина и т.д. Так как все эти названия относятся в текстах по крайней мере более чем к одному пункту, мы отводим им два номера.

При Шамши-Ададе V впервые появляются сведения о Гизильбунде. Это, очевидно, старое название страны, территории, а не политического объединения (ср. выше, это ясно следует и из данных VIII в. до н.э.). Общее название страны неиранское. Но, по-видимому, самый могущественный в 820 г. до н.э. правитель на ее территории носил иранское имя (см. № 14).

Войдя в страну, ассирийцы разорили город Кинаки (*Ki-na-ki*, анн., III, 1), затем сообщается о дани от правителей Сасиашу (*Sa-si-a-šá-a-a*, III, 5) и Карсибуту. Сассиашу упоминается еще при Тиглатпаласаре (анн., 31: ^{URU}*Sa-as-si-a-šú*) как принадлежавшая тогда Тунаке из Парсуа или примыкающая к его владениям. Китпат(и)а, при Саргоне II город Гизильбунды, около середины VIII в. до н.э. принадлежал Абдадане и был у нее отобран Тунакой. При Саргоне II в 714 г. до н.э. гизильбундские владения Аппатар (^{URU}*Ap-pa-tar*, ПА, стк. 64, 71) и Китпата (^{URU}*Ki/qi/gi* и др. *-it-pat-a-a*, там же; ^{URU}*Ki-it-pa-at-ti-a*, Тиглатпаласар III анн., стк. 35) при сохранении местных правителей были причислены к провинции Парсуа. Упомянутые районы Гизильбунды лежали, очевидно, в ее западной части, ближе к Парсуа. Часть названных топонимов можно отнести к иранским, но без достаточной уверенности [ср., однако, названия двух упоминаемых в то же время, что и *Kitpata*, или *-pati*, *-patia*, владений из близлежащих областей; эти названия, также имеющие *-pata/i-*, *-patia-* во второй части, должны быть иранскими, см. с. 273, 360–361, 370, 372, 379; *ki/gi-it-* имени Китпата могло бы передавать *kaita-* (ср. с. 304–305), *gaiθa-* ('скот', 'имущество' и пр.) или иное иранское слово]. Более определенно можно считать иранским название Карсибуту.

13. *Karsibutu* (*Kar-si-bu-ta-a-a*, анн., III, 5). По Э. Герцфельду (AMI, IX, 166; 1947, 725, для формы ср. авест. *karšivant-*), от *karša-*, *karšū-*, *karši-* 'борозда', 'поле', 'область', 'часть страны', 'округ' (для древнеперсидского ср. под № 11 и с. 263) + обычный в топонимах суффикс *-vati*, передававшийся в аккадском как *batu/i*, *butu/i* (*u* для *a* под влиянием *v* > *b*). И по В. Эйлерсу (1954, 281, 282), *-butu* здесь из иран. *-vati*[*].

Titamaška (*Ti-ta-ma-áš-ka*, анн., III, 4; правитель в Сасиашу), по Г. Хюзингу (1899, 567) и К. Таллквисту (1918, 232, за Г. Хюзингом), иранское имя. Но объяснение Г. Хюзинга: иран. **čita-maska* при **čita* < *čiϑra-* неубедительно. Переход *tr*, *ϑr* > *t* вряд ли мог иметь место, тем более так рано. Да и передача *č* > *t*, встречающаяся в греческом, для аккадского кажется невозможной. Известно, правда, иранское (мидийское) имя Τιθαῖος (Justi, 1895, 328). Но если оно соответствует (что сомнительно) имени Τιθραύστης (Justi, 1895, 164, 328) < *Čiϑravahišta-*, тогда Т- в Τιθαῖος также для *č*. Иран. *maska*(?) Г. Хюзинг сравнивает с др.-перс. Μασκάμης (Геродот, VII, 105). Но здесь, очевидно, *Mas(a)* + *kāma*; так и у Ф. Юсти (1895, 498)[**]. Трудно сказать что-либо определенное об имени *Kiara* (*Ki-a-ra*, анн., III, 5).

Наиболее значительным правителем в Гизильбунде, даже называемым в тексте «царем», был Пиришати. В сражении у его крепости Ураш, где укрылись жители окрестных поселений, ассирийцы перебили 6 тыс. человек, а сам Пиришати и 1200 воинов были пленены (анн., III, 8–17).

14. *Pirišāti* (*Pi-ri-šá-a-ti*, анн., III, 14). Иранская принадлежность имени отмечалась неоднократно, но формы и значения предлагались различные. По Э. Герцфельду (AMI, IX, 166), оно соответствует не иран. **parušati-*, *Parysatis* (иран. *paru-* действительно не было бы передано акк. *piri*), а **pṛšati-*, ср. инд. *pṛṣant-*, *pṛṣadaçva-*, авест. *paršaŋgav-* от **pṛšant-* 'пестрый', 'пегий' и т.п. Но форма имени правителя **pṛšati-* вряд ли возможна, а аккадское написание передает долгое *ā*, поэтому объяснение Э. Герцфельда не может быть принято. Дж. Кэмерон (1936, 144) считает имя «*Pirišate*» иранским, не предлагая этимологии. Г. Хюзинг (1930, 258) почему-то считал имя индийским — **Priya-šāti-*, замечая, что элемент *šāti* в именах ему неизвестен; но *šāti* входит во многие иранские имена, а как раз в индийском эта форма не могла существовать. Ф. Кёниг (1934, 14, 15) полагает, что имя звучит по-ирански, но

---

[*] Приводимую иранскую этимологию этого топонима, восстанавливаемого в форме **Karsib/putu*, принимает и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 110, 112, 113).

[**] Р. Цадок согласен с Э.А. Грантовским в том, что имя *Titamaška* вряд ли может считаться иранским (Zadok, 2002, p. 110, 112–113).

не имеет определенной этимологии (ср., однако, в той же работе, 1934, 54: это, очевидно, иран. **Priya-šāti-*; но в иранском было бы *friya-*, передача же *priya-* или *frya-* через *piri* здесь маловероятна). У И.М. Дьяконова и И. Алиева имя не отмечается среди иранских.

Убедительнее объяснение Ф. Юсти (1895, 238, 244, 252, 510), объединявшего это имя с именем из Северного Причерноморья Παιρισάδης (см. ниже) и иранским эпическим именем *Pīršād* (вазир Фаридуна в «Муджмил ат-Таварих»); он включал их в группу имен с *-šāti* 'радость', 'счастье', приводя ахеменидское женское имя Παρύσατις (с *paru-* 'много') и поздние имена с *-šād*, *-šāt*. Имена Пиришати, Перисад и Пиршад отражают, по Ф. Юсти, образование с **pariya-*: «früheres, altes Glück habend, in dessen Geschlecht alle Annehmlichkeit hergebracht ist?». Первая часть имени возводится, следовательно, к др.-иран. *pari-* в значении «прежде», «ранее». В настоящее время доступен более обильный сравнительный материал, на основании которого более четко устанавливается как значение, так и форма имени: **Parišāti* [для формы ср. уже у К. Таллквиста (1918, 310, XXIV): в группе имен с иран. «*šatai*» рядом с акк. *Artašāta* и *Šatabarzana* и среди примеров передачи иран. *ai* > акк. *i*: *pīri* для иран. *pairi*].

Древнеиранскому *pari-* в аккадской передаче вполне может соответствовать *piri-*; по вавилонским документам известен ряд иранских имен, где акк. *pir(i)* (*pi-ri-*, *pi-ir-ri-*, *pi-ir-*), очевидно, стоит для нормализованного иран. *pari-* (ср.: Eilers, 1940a, 15). *Piri-* либо передает *pari-* реального иранского произношения (с *i* для *a* рядом с *r* и *i* в соседнем слоге, ср.: с. 87–88), либо *pari-* в упомянутых случаях произносилось с эпентезой: *pairi-* (ср. также в *Pairisades*, хотя эпентеза этого типа в целом не характерна и для иранских диалектов Северного Причерноморья), передача же иран. *pairi* > акк. *pīri* закономерна. Можно также сравнить это написание с бесспорной и многократной передачей обычного иран. *paru-* через акк. *pur(u)* (*pu-ru*, *pu-ur* и др., ср. под № 86). Передача второй части имени *-šāti* через *šá-a-ti* абсолютно точная, отмечена и долгота *a*, как обычно и в имени Парисатиды — **Purušāti-* (**Parušāti-*) во многих вавилонских документах, где гораздо реже встречаются и написания без дополнительного *a*: *-šá-(a-)ti/tu* (ср.: Eilers, 1934, 333; 1936, 174, 177, 178; 1940a, 6, 14, 15, 87 и др.).

Представленное в *šāti-* (с суффиксом *-ti* от *šā-*) и *šāta-* (прошедшее причастие от глагола *šā-*) *š* возникло из более раннего *šy-*, сохраненного в некоторых древнеиранских диалектах, в древнеперсидском надписей лишь *šiyāti-* и *šiyāta-*, в Гатах дважды встречается *šyāta-* при *šāti-* и *šāta-* в других частях Авесты, где, однако, для глагола *š(y)ā-* употребляется и форма *šyā-* (Ясна LVIII, 3: *šyāmā*). *Šy-*

восходит к индоиран. *čy-* (< и.-е. *$k^{u}i$-*). Очень рано, очевидно еще до расселения иранских племен, *čy-* перешло в *šy-* в одних диалектах при сохранении в других *č-* (< *čy-*, как и *š-* < *šy-*), что отражено в том же корне в осетинском, хотано-сакском, согдийском (в последнем наряду с *š-*). *Č-* из *čy-* сохраняется еще и в некоторых восточноиранских языках при *š-* в других восточноиранских; *č-* из *čy-* представлено также в курдском, лари, ормури. Различия в отражении *cy-* не связаны с делением иранских диалектов на восточные и западные и должны, очевидно, предшествовать ему. Древнеиранские формы с *šy-* < *čy-* наряду с формами с *š-* (<*šy-*) < *čy-* также должны рассматриваться не как следствие позднего развития вторых из первых, а как результат различий в говорах уже на весьма ранней стадии древнеиранского периода (по мнению Хр. Бартоломе, в праиранском в группе слов было возможно употребление рядом друг с другом форм с *š́-*, *š́i̯-*, *čii̯-*, *či̯-*).

К. Гоффман (Hoffmann, 1958, 5), говоря о диалектных особенностях древних западноиранских языков, замечает, что остается неясным, следует ли рассматривать изменение *šy* > *š*, демонстрируемое греч. Παρύσατις, акк. *Pu-ru-'-šá-at-ti-iš* против элам. *Ba-ru-ši-i̯a-ti-iš*, как мидийскую диалектную особенность или, учитывая также элам. *šá-(ut-)ta* для *šiyāta*, здесь имеет место народное произношение самого древнеперсидского. Он также считает, что авестийские варианты *šāta-* и *šyāta-* — результат позднего смешения знаков для *š* авестийского алфавита и что утрата *y* в *šy-*, хотя и засвидетельствована в древности для западноиранского и обычна в среднеиранском, в авестийском еще не произошла (Hoffmann, 1958, 12 со ссылкой на В. Гайгера, см. также: Duchesne-Guillemin, 1962, 11; ср. уже: Bartholomae, 1893, 266–268: возражения против мнения, что и в Гатах может встречаться *š-* < *šy-* и объяснение формы *šavaite* в Ясна XXIX, 3 особенностями авестийской графики).

Представляется, однако, достаточно определенным, что различие форм с *š-* и с *šy-* в основе является именно диалектным и уже в древнеиранском распространялось не только на диалекты Западного Ирана. В ахеменидском эламском наряду с «юго-западными» свободно употребляются и «северо-западные» иракские формы (ср. выше). Поэтому элам. *-šá-da*, *šá-ud-da* (см.: PTT, 43) для *šāta* еще не свидетельствует, что эта форма была свойственна и «собственно персидским» говорам, следовавшим в остальном «юго-западным» нормам. Вместе с тем *šiyāti-* многократно передается в эламском как *ši-i̯a-ti-*. Также в целом ряде имен с *šyāti* (см.: PTT, 93, ср. ниже) в эламских документах отражено именно это произношение (*ši-i̯a-ti-*); в частности, имя «Парисатида» пишется в них как *Ba/Bar-ru-ši-i̯a-ti-iš*.

Иная картина в вавилонском. Имя Парисатиды пишется поразному (ср. выше), но всегда отражено произношение *šāti*: *-šá-a-tu*, *-šá-ti-is* и др. То же ахеменидское имя (не только жены Дария II) много раз встречается и в греческом (ср.: Justi, 1895, 244): Παρύσατις и др. с *-σάτις* для *šāti-*. В вавилонских документах известны и другие имена с *šāti-* или *šāta-*: *Ar-ta-šá-a-ta* (при Дарии I, ср.: Scheftelowitz, 1903, 166; Tallquist, 1918, 310) < **Artašāta-* (или *-šāti-*, ср. ниже, возможно, то же имя, что и греч. Ἀρταξάτης, ср.: Justi, 1895, 34, 510) и *Šá-ta-bar-za-nu* (см.: Tallqvist, 1918, 310; Eilers, 1940a, 34, 103; 1940б, 219) = арам. *štbrzn* (см. у В. Эйлерса, там же) и греч. Σατιβαρζάνης (Justi, 1895, 291: три разных лица) < иран. *šāti(šāta)-barzana-* (во втором элементе часто видят иран. *varzāna-*, но как акк. *b*, так и греч. β скорее указывают на иран. *b*, ср. также под № 22; сравнение же аккадской, греческой и арамейской передач гарантируют форму *-barzana*). По греческим источникам известны еще Σατιβάρας < **Šāti-bāra-* и Σατιφέρνης (ср.: Justi, 1895, 291, 292). Все приведенные примеры исходят из произношения с *š-*. Последовательное отражение формы *šāti-*, *šāta-* в вавилонском может свидетельствовать, что в диалекте (или диалектах) «северо-западного» типа, нормам которого он следует, было обычным именно произношение с *š-*; характерно и имя Сатибарзана, с «северо-западным» *z* (при любой этимологии) во второй части.

Ряд тех же образований известен теперь и в эламской передаче. Помимо греч. Παρύσατις и акк. *Purušātiš* при элам. *Bar(r)ušiatiš*, ср. еще пары: акк. *Artašāta* и элам. *Ir-da-ši-ia-ti-iš* (**Ṛtašiyāti-*), греч. Σατιφέρνης и элам. *Ši-ia-ti-bar-na* (**Šiyātifarnah-*). В эламских документах встречаются еще имена: *Ap-pi-ši-ia-ti-iš* (**Apišiyāti-*, см. ниже), *Ši-ia-ti-iṣ-ṣa* (об *-iṣ-ṣa* ср.: PTT, 91) и просто *Ši-ia-ti-iš* (см.: Cameron, PTT, 93). Поэтому формы *šiyāti-*, *šiyāta-*, представленные и в персидском надписей, следует скорее признать присущими «чисто персидскому». Но, как указывалось, древнеперсидский язык и древние диалекты Фарса или во всяком случае некоторые из них следуют различным языковым нормам, в том числе «северо-западным», что весьма широко отражено и в эламском; понятна поэтому и передача в нем формы *šāta-* (ср. выше) вместо *šiyāta-*. И в персидских и в эламских текстах встречаются также сложные образования с отражением обеих диалектных норм. Так, по-видимому, нужно рассматривать и известное по эламским документам название части строительного комплекса или царского парка в Персеполе (см.: PTT, 161, 174; Benveniste, 1958, 57, 58): *mi-iš-ba-ši-ia-ti-iš* < **Vispašiyāti-* (с *vispa*, ср. ниже о **Šūtayauda-*).

С *š(y)-*, *č-*, *čy-* начинается также представленный почти во всех иранских языках глагол *š(y)av-*, *čav-*, *čyav-* (инд. *čyav-* и др., и.-е. **kieu̯-*)

'двигать(ся)', 'идти', 'приходить', 'становиться'. Формы с *š-*, *šy-*, *č-* распределяются примерно так же, как и в образованиях от *čyā-*. В Авесте встречаются написания с *šy-* и с *š-*, в древнеперсидских текстах — всегда с *šiy-*, в средне- и новоперсидском, а также подавляющем большинстве современных западноиранских диалектов — с *š-*, но в курдском, лари (в Фарсе), ормури (в Восточном Афганистане) — с *č-*; среди восточноиранских афганский, согдийский и другие имеют формы с *š-* (или восходящие к формам с *š-*), а осетинский, хотано-сакский и некоторые другие — восходящие к формам с *č-*. В древнеперсидских текстах встречаются формы от *šiyav-*. Но уже в древних западноиранских диалектах образования от этого корня произносились и с *š-*, ср., в частности, иранские имена в эламском: *Šu-ud-da-ja-u-da* < **Šūtayauda-* (ср.: авест. *arəzō.šūta-*, к *arəzah-* с тем же значением, что и перс. *yauda-*) и *šu-da-ak-ka* < **Šūtaka-* (по-видимому, сокращение от предыдущего). Э. Бенвенист (1958, 52) в связи с этим замечает, что *šiya-* и *ša-* должны были существовать вместе в древнеперсидском, как и в Авесте. В области, известной в индийских источниках как Камбоджа (у западных границ Индии, очевидно в Арахосии), по сообщению Яски, говорили *çavati* («он идет»), что указывает на др.-иран. *šavati* (произношение с *šy-* было бы отражено в индийском написании). Яска был предшественником Панини, и это сведение относится ко времени не позже первой половины V в. до н.э. (источники и литературу о Камбодже, ее ираноязычном населении, локализации и пр. см.: Грантовский, 1963б, 72–77, 97). Для иранского языка Камбоджи, очевидно, известно и слово *šāti-*, как следует из билингвы Ашоки из Кандагара уже III в. до н.э., но форма слова, *šty* в арамейском написании, еще древнеиранская.

Приведенные данные свидетельствуют, что утрата *y* в группе *šy-* в ряде иранских диалектов и говоров произошла в глубокой древности и что в определенных западноиранских диалектах (преимущественно «северо-западных») произношение с *š-* уже в древности было обычным и закономерным.

В настоящее время известны многочисленные иранские имена с *šāti* или *šāta* > *šāt*, *šād*. Большое число их приведено у Ф. Юсти (1895, 269, 270, 291, 292, 510). Можно указать и на другие, как, например, ср.-перс. *Bagašāt* сасанидского времени (на печати: Torrey, 1932, 206). Но особо важны новые имена с *š(y)āti-* из эламских, а также вавилонских документов; вместе с известными ранее по греческим источникам они составляют значительную группу древних западноиранских имен. Уже эти материалы древней западноиранской ономастики указывают на существен-

ную роль понятия *š(y)āti-* в представлениях западноиранских племен*.

Употребление слов *šiyāti-* и *šiyāta-* в ахеменидских надписях свидетельствует, что это — понятие, занимавшее важное место в древнеперсидской религиозной и социально-этической терминологии. Др.-перс. *šiyāti-* означает не «мир» или «радость», «блаженство», «счастье» (как душевное состояние), а «процветание», «благоденствие», прежде всего материальная сторона благой жизни человека, «изобилие», «богатство». На возможность такого перевода указывают иранские параллели, а на необходимость — аккадские переводы: обычное *dumqu* и особенно *gabbi nuḫšu* (D.Elv., акк., 6–7) «всеизобилие», «все богатство». Вместе с тем *šiyāti* в древнеперсидском — специальный термин для обозначения одного из основных объектов творческого акта верховного божества, главного и обязательного условия хорошей, благой жизни человека. В Авесте те же слова характеризуют, как правило, состояние души: блаженство, радость, радостный, радоваться, получать удовлетворение (например, от изучения священных текстов), то же в средне- и новоперсидском и т.д. Определенное исключение, очевидно, составляет лишь *šyāta-* в Ясна LIII, 8, но и там это слово не играет роли специального термина. Не находит параллелей и невозможно в Авесте и характерное для древнеперсидского противопоставление *šiyāta-* 'благоденствующий', 'богатый' (при жизни) и *artavan-* (для посмертного состояния). *Šty* в арамейском тексте билингвы Ашоки обычно переводят как «радость», «блаженство», но при этом невозможен точный параллелизм с содержанием соответствующей греческой фразы, зато он четко выступает при значении «процветание», «благоденствие». Значение *šāti-* в билингве соответствует не обычному авестийскому и среднеперсидскому словоупотреблению, а древнеперсидскому, являясь также понятием религиозно-этической и социальной концепции. По билингве состояние общественного процветания (*šty*) зависит от деятельности царя, как и в ахеменидских надписях (*šiyāti-*, *šiyāta-*) — от великого царя, посредника между Ахурамаздой и людьми, хранителя и исполнителя божественного закона, гарантирующего благоденствие людей вообще и отдельного человека (следующих данному закону) в этой жизни. Эта концепция получила развитие в условиях имперских традиций ахеменидского периода, но по происхождению она, безусловно, старше этого времени и бытовала уже в эпоху родо-племенных единиц и ранних объедине-

* Об имени *Pirišāti* и его иранской этимологии см. также: Schmitt and Waters, 2002, p. 995–996; Zadok, 2002, p. 110–112.

ний, приближающихся к образованиям государственного типа. Специфическое для западноиранской традиции представление об изобилии, благоденствии людей как результате одного из основных актов творческой деятельности верховного божества (и именно Ахурамазды) непосредственно отражено в свидетельстве об армянском Арамазде и, по-видимому, в библейской книге Исайи (45, 7; очевидно, времени Кира Великого). По сообщению Агафангела, Арамазд почитался как «творец неба и земли... податель изобилия и дорода». Это вполне совпадает с традиционной древнеперсидской формулой: «Бог великий Ахурамазда, который эту землю создал, который то небо создал, который человека создал, который *šiyāti-* создал для человека». Эта многократно повторяющаяся во многих надписях застывшая формула очень древнего происхождения отражает (в частности, в начальных словах *baga vazraka*, ср. под № 6) представления и терминологию, существовавшие у западноиранских племен по крайней мере в IX–VIII вв. до н.э. и противоречащие авестийским. Культ армянского Арамазда также воспринят, безусловно, из дозороастрийских форм маздеизма (ср. с. 330–331). Само понятие *š(y)āti-* определенно не могло быть воспринято из авестийской зороастрийской традиции и абсолютно чуждо ей.

В древности в Западном Иране *š(y)āti-* употреблялось в качестве религиозно-социального термина, подобного таким индоиранским и иранским понятиям, как *arta-*, *xšaθra-*, *farnah-*. Эти слова входят в состав многочисленных иранских (первые два также индоиранских и индийских) имен, в том числе неоднократно представленных и в Авесте. *Š(y)āi* также широко представлено в западноиранской ономастике, причем показательно отражение в ней таких сложных слов, как **artaš(y)āti-*, **š(y)ātifarnah-* и др. (ср. выше), подобно соединению в других именах упомянутых терминов: **Artafarnah-* (Артаферн), **Artaxsaθra-* (Артаксеркс), **Farnaxšaθra-* (из скифо-сарматской ономастики).

В то же время среди многочисленных авестийских имен (в том числе из Яшт XIII) нет ни одного с *šāti-* или *š(y)āta-*. Не засвидетельствованы они и в отрывках среднеперсидской литературы, которые могут восходить к утраченным частям Авесты; нет их и в опубликованном списке личных имен документов из Нисы (Дьяконов и Лившиц, 1960, 23, 24), где много зороастрийских имен, и т.д. Да и носители средне- и новоперсидских раннесредневековых имен с *šāt* > *šād*, как правило, уроженцы Западного Ирана. В древности такие имена засвидетельствованы еще, очевидно, в Северном Причерноморье (ср. ниже), но как раз оттуда происходит значительная группа имен, совпадающих с

западноиранскими и неизвестных в других частях иранского мира.

Все перечисленные выше западноиранские имена с *š(y)āti/a-* из текстов VI–IV вв. до н.э. легко объясняются при подстановке значения «процветание», «изобилие» (хотя для некоторых, судя лишь по их форме, допустимо и «радость», «блаженство»), **Š(y)ātifarnah* — «обладающий небесной благодатью, приносящей изобилие (процветание)», **Šātibarzana-* — «высокий благоденствием» или «с высоким (большим) изобилием» (ср. имя **Barzafarnah-*, см. под № 22), **vispašiyāti-* — «всеизобилие», «всепроцветание» и др. Имя **Apišiyāti-* с *api-* (ср. авест. *Aipi-vaŋhu-*) по грамматическому составу соответствует рассматриваемому **Pa(i)rišāti-* и имеет близкое значение: «с особым процветанием», «преизобильный» (с *api* 'особо', 'совсем' или 'через', 'свыше').

Существование имени **Pa(i)rišāti-* устанавливается и независимо от ассир. *Pirišāti*. Известное в новоперсидской форме *Pīršād* (см. выше) — определенно от *šād* < *šāti* и *pīr* < *paⁱri* (как в ряде других слов и имен, ср., например, ниже о *Pīrūz* < **Paⁱri-auǰah-*). То же имя, по-видимому, представляет и Παιρισάδης (многократно в этой форме, но известна и передача *Parysades*, см.: Justi, 1895, 237, 238) «Перисад» — имя многих боспорских царей и частных лиц из Пантикапея. Теперь это имя обычно считают фракийским (например: Zgusta, 1955, 284), сравнивая с именем царя одрисов: Παρεισάδης, Βηρισάδης. Но Ф. Юсти, напротив, имя фракийца выводил из иранского, что вполне возможно, учитывая влияние скифов на фракийцев. Основная часть местного населения Боспорского царства и Пантикапея была ираноязычной (ср. многочисленные иранские имена с этих территорий, само название Пантикапея бесспорно иранское). Среди боспорских царских имен наряду с греческими и фракийскими имеются также иранские (ср., например: Абаев, 1949, 154, 169).

На иранское происхождение имени Перисад должно указывать другое боспорское царское имя с тем же вторым элементом Ῥαδαμσάδιος (вар. Ῥαδαμψάδιος) — уже определенно иранское. Ῥαδαμα- (закономерно из *fratama*) входит в ряд других бесспорно иранских имен (перечислены: Zgusta, 1955, 136–138); «Радамсад», безусловно, к **Fratamašāti-* (Justi, 1895, 257; Vasmer, 1923, 48; Абаев, 1949, 181; Zgusta, 1955, 137). *Fratama-* (превосходная степень к *fra-* 'перед', 'впереди' и т.п.) 'первый', '(самый) передний', 'первый' количественно, 'наибольший', а также 'первый' по рангу и пр. (ср. под № 18). По последнему значению Ф. Юсти переводил имя: «Freude des Fürsten bildend», но это словосложение типа bahuvrīhi образовано скорее на основе *karmadhāraya* (с *fratama* как прилага-

тельным), а не *tatpuruṣa*; у В.И. Абаева: «Первая радость», у М. Фасмера: «größtes Glück habend», что кажется наиболее удачным. Но и здесь целесообразнее исходить из значения «обладающий наибольшим процветанием» и т.п. или — как имя вождя, правителя — «обеспечивающий (племени, народу) наибольшее благоденствие, изобилие» и т.п. Существенно и то обстоятельство, что оба имени, Радамсад и Перисад (если второе иранское), имеют равный, по вложенному в них понятию, смысл (при любом значении *šāti-*). *Šāti* в той же форме σαδι, очевидно, представлено еще в имени из Ольвии Σαδίμανος (ср.: Zgusta, 1955, 140, при необоснованном возведении к *satəm*), **Šādimăn* < **Šātimăna(h)*-, ср. распространенное перс. *Šādmān* (уже для сасанидского времени и позже, ср.: Justi, 1895, 270); по-видимому, из более ранней иранской формы заимствовано груз. *Šadiman* (целый ряд ирано-грузинских, ранее иберийских, имен совпадает со скифо-сарматскими).

Первый элемент **Pa'rišāti-*, *pari* — предлог, наречие и приставка 'вокруг', 'над', 'свыше', 'через', 'впереди', 'ранее' и т.д. Соответствующее др.-инд. *pari* (ср. греч. περι 'вокруг' и т.д., лат. *per* 'через' и т.д., русск. *пре-*) наряду с 'вокруг', 'против', 'сверх' и т.д. часто значит «очень», «совершенно», «обильно», «много-», «крайне-», выражая полноту высокой степени того, что названо во второй части слова (ср. также лат. *per-*, греч. περι и русск. *пре-*; ср. и греч. περισσός 'особенный', 'замечательный', 'превосходящий', 'имеющийся в избытке'). То же значение сохраняет и иран. *pari-*, от него, в частности, образовано др.-перс. *pariyana* 'превосходство' или 'совершенство' — по отношению к совокупности и полноте положительных как физических, так и духовных качеств царя (см.: DNRb, 52). В сложном слове *pari-* представлено, например, в **pari-aufjah-*, ср. авест. *pairi.aoǰastara-* 'более победоносный', к **pairi.aoǰah-* (ср. *aiwi.aoǰah-*), от которого происходит ср.-перс. *pērōz* 'победа' (ср.: *pērōz-kār* 'победитель'), 'победоносный' (н.-перс. *pīrūz*, ср. ср.-перс. *pērōzīh* 'победоносность') и широко распространенное личное имя Пероз (в роде Сасанидов уже с III в. н.э.), Фируз; во второй части *aufjah-* (> ср.-перс. *ōž*) '(физическая) сила'; **pari-aufjah-* 'полнота силы', 'наибольшая сила', 'превосходство в силе', 'победа', как bahuvrīhi 'победоносный', 'победный'. Под *Pa(i)rišāti-* соответственно понималось процветание в большой мере — «полнота изобилия», «преизобилие», «большое (высшее, совершенное) благоденствие», как имя — «имеющий (или, для правителя, дающий племени, народу) полноту благоденствия», «со сверхизобилием» и т.д.

Таким образом, ассир. *Pirišāti* может правильно передавать иран. **Pa(i)rišāti-* (как имя засвидетельствовано и другими данными). Имя легко объясняется и находит близкие параллели в иранской

ономастике. Оно образовано от понятия, служившего важным религиозно-социальным термином у западноиранских племен. Представляют интерес и особые связи западноиранского с Северным Причерноморьем, причем осетинский и его основной восточноиранский предок не разделяли этой изоглоссы: осет. *cad* (*cadæg*, *æncad*) сохраняет древнее значение *č(y)āta-*, а как «благоденствующий» и т.п., так и «радостный» и т.п. представляют иное развитие значения; кроме того, σ в σαδι должно передавать *š*, а не *č* или *c*[*].

15. *Uraš* (*Ú-ra-áš*, анн., III, 10) — название крепости Пиришати; оно также может быть иранским: *Vara-* (*š* тогда распространенное добавление к иранской форме на *-a*, как в Парсуаш, Парсамаш и т.д.); по Э. Герцфельду (AMI, IX, 166), от иран. *Variš* «Panzer». Др.-иран. *vara-* 'огороженное (стенами или валом и пр.) пространство для укрытия населения и скота', 'укрепленное поселение', 'крепость' (ср., например: Боголюбов, 1962, 370, где также имя Хорезма этимологизируется как *Hu-vara-zam-*, ср. еще др.-инд. топоним *Vara-*). Подобное название вполне подходит для крепости Пиришати, в которой укрылись жители окружающих поселений и после взятия которой ассирийцы захватили стада рогатого скота и лошадей[**].

Имена Цибара (*Ṣi-ba-ra*, анн., III, 20, 25, в VIII в. до н.э. также *Ṣi-bar*, *Ṣi-bu-ur*, *Ṣi-bur*) и его правителя в 820 г. до н.э. Энгура (*En-gur*, анн., III, 19), очевидно, неиранские (к имени города ср. элементы касситской ономастики *Sibar-*, *Sibbar-* и др., ср.: Balkan, 1954)[***], иначе их передача должна быть искажена (имя Энгур отдаленно напоминает имена: мидийское 'Αγγάρης, др.-перс. 'Αγχάρης, а также 'Αγγουρίνη, ср.: Justi, 1895, 16, 17, ср. также ср.- и н.-перс. *angūr* и др.-перс. **ankuraka-* 'винодел', см. под № 54, там же ср. об именах в подобном значении).

Более вероятна иранская принадлежность имени правителя Цибара в 714 г. до н.э. *Birtatu* или *Pirtatu* (ПА, стк. 48: *Bir/Pir-ta-tu*). Оно производит впечатление иранского (соседние по списку 714 г. до н.э. имена также иранские); ср. иран. *bṛta-* или *pṛta-* и *tava(h)-* (об

---

*Подробнее об иранском *šyāti* см.: Grantovsky, 1982; Herrenschmidt, 1991; Kellens, 1995, p. 34–38; Lincoln, 2003, p. 147–148.

** P. Цадок, не отвергая по формальным признакам иранскую этимологию Э.А. Грантовского, сравнивает топоним *Uraš* с квазиомонимичным среднеассирийским/средневавилонским наименованием горного хребта *Urašše*, восходящим ко второй половине II тыс. до н.э., и на этом основании считает название крепости Пиришати «unaffiliated, but not entirely isolated» (Zadok, 2002, p. 110, 113).

*** P. Цадок полагает, что название Цибара вряд ли является касситским, и определяет его как «unaffiliated and isolated» (Zadok, 2002, p. 110, 113).

акк. *tu* наряду с *tua* и *tau* для *tava* ср. с. 91 и сл., 104). В литературе это имя обычно фигурирует как *Birtatu* (Tallqvist, 1918, 315; AR, II, 76; Дьяконов, 1956, 214, и т.д., при этом не отмечается среди иранских). В этом случае первая часть от *bar-* 'нести' — с очень широким кругом значений, в частности: «приносить пропитание, изобилие» и т.п., «даровать», «вознаграждать», «заботиться» и т.п., ср.: например, др.-инд. *su-bhṛta*, др.-перс. *^{h}u-barta*, авест. *hubərəta*, *hubərəti-*. Известно и личное имя, др.-перс. **Hu-bṛta* (элам. *Ú-pir-da*, ср.: PTT, 7; Benveniste, 1958, 52). Возможно и *bṛt-*, *bṛta(r)-* 'приносящий', 'даритель', 'попечитель' и т.п.

При чтении *Pirtatu* иранская принадлежность имени еще более определенна. Оно близко к имени скифского «царя» *Partatua*: *Par/Bar-ta-tu-a* (запрос Асархаддона к оракулу, цит. по: Tallqvist, 1918, 52). Это имя также можно было бы читать как *Bartatua*, но имя того же скифского вождя у Геродота (I. 103) Πρωτοθύης (передача искажена, очевидно, под влиянием греческих имен с Πρωτ-, а во второй части, возможно, по уподоблению с греч. θυεῖν, ср. у Г. Хюзинга, цит. по: Tallquist, 1918, 52; Herzfeld, AMI, VII, 29). Имя из Цибара Э. Герцфельд (AMI, VII, 29) читал как *Pirtatu*, возводя его, как и Партатуа, к *pṛt-* 'сражаться', 'биться', но его объяснение в целом — **Pṛtaṯva* — вряд ли возможно. Правильнее *Pṛtatava(h)-* с *pṛta-*, *parta-*, ср. авест. *pṛt-*, *pašana-*, др.-инд. *pṛtana-*, др.-перс. *partara-* 'бой', 'сражение' (ср. и личное имя *Pṛtana-*, авест. *Pašana-*), 'могучий в битве' или 'обладающий боевой мощью'. Различие в отражении *ṛ*, *ir* в Пиртату и *ar* в Партатуа, как указывалось, обычно и является либо результатом лишь особенностей аккадской передачи, либо также произношения в иранских диалектах; в скифо-сарматских именах из Южной России др.-иран. *ṛ* постоянно отражается как αρ*.

Также под 714 г. до н.э. упоминаются правители из Гизильбунды: *Zīzī* из Аппатара и *Zalā* из Китпата (Саргон II, ПА, стк. 64: *Zi-i-zi-i*, *Za-la-a-a*, анн., стк. 102 по KS: *Zi-zi-i*, *Za-la-a*, к чтению в анналах ср.: Thureau-Dangin, 1927, 76). Очевидно, оба имени неиранские**. В целом анализ всех известных имен из Гизильбунды и соседнего, в IX в. до н.э., быть может, включавшегося в нее Ци-

* В. Хинц (Hinz, 1975, S. 194) возводит имя *Pirtatu* к иранскому *pṛtāta*, полагая, что окончание *-āta* придает слову усилительное значение: «Urkämpfer» или «Erzkämpfer». Р. Шмитт принимает чтение *Birtātu* и считает это имя «возможно, иранским» (Fuchs and Schmitt, 1999j, p. 347). А. Фукс в той же статье отмечает, что *Birtātu* из Цибара/Цибура можно, по-видимому, отождествить с упоминаемым в Наджафехабадской стеле (II 65) *Uardatti* (*^{m}Ú-ar-da-at-t[i]*) из Цибара. Ввиду последнего написания Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 110, 112) считает, что, если имя *Birtatu* и является иранским, в чем он сомневается, оно скорее восходит к корню *vṛd-* 'увеличиваться, процветать'.

** Об этих именах см. также: Zadok, 2002, p. 111, 112.

бара, дает возможность для следующего вывода: при наличии там уже и в IX в. до н.э. иранского языкового элемента старое местное население в этих районах сохраняло свои позиции до конца рассматриваемого периода.

Под 820 г. до н.э. засвидетельствовано единственное для IX в. до н.э. личное имя из Мидии — *Ḫanaṣiruka* (анн., III, 32: *Ḫa-na-ṣi-ru-ka* со знаком *ṣi/zi/si*$_{20}$). Обычно его относят к неиранским (Meyer, 1908, 13; Cameron, 1936, 144: *Ḫanaṣiruka*, «кавказское»; Алиев, 1960, 95: *Ḫanaziruku*, «загро-эламское» на основании суффикса *-uka*); оно не отмечается среди иранских К. Таллквистом (1918, 85), И.М. Дьяконовым (1956, 166) и др. Лишь Ф. Кёниг (1934, 14, 15: *Chanasiruka*), не предлагая этимологии, замечает, что оно звучит по-ирански, но в той же работе он, как и многие исследователи, считает окончание *ukka* достаточным критерием для отнесения имени к местным неиранским. Но, вопреки этому мнению, все другие известные по ассирийским источникам имена из Западного Ирана с *-uka* (обычно в написании *-ukka*, *-ukku*) должны быть признаны иранскими (см. под № 54), суффикс *-uka* хорошо известен в иранских именах. Акк. *ṣ*, по-видимому имевшее характер аффрикаты, могло передавать как иран. глухое *č*, так, очевидно, и звонкое *ǰ*; кроме того, имя можно читать как с *ṣi*, так и с *zi* (*si* крайне маловероятно), а *z* правильно передает иран. *ǰ*. Поэтому во второй части вполне возможно иран. **ǰīruka-*, ср. др.-инд. *jīra-*, авест. *ǰīra-* 'живой', 'быстрый', 'деятельный' (ср. афг. *žər* 'быстрый', 'проворный') и, особенно в иранском, 'быстрый (разумом)', 'смышленый', '(раз)умный', ср.: н.-перс. *zīrak* (< *ǰīraka-* с *-aka*, параллельным древнему суффиксу *-uka*, ср. под № 54) 'смышленый' и т.п.; ср. также авест. *Pourubīra-* — прозвище Аошнары либо имя его отца или предка (ср.: Brthl., 899, 900; Justi, 1895, 18, 254); *pouruǰira-* 'много (очень) разумный' (ср. *Pouručistā-* 'многоблагоразумная' и *ǰirō.sāra-* 'с умной головой'), имя *Zīrak* (Justi, 1895, 386; в частности, эпическое имя у Фирдоуси) и т.д. Иранское объяснение первой части и всего имени может быть различным, ибо акк. *ḫ* правильно передает иран. *h-* и *x-* (а иногда также *x^{v}-* и *k-*). При первой возможности *hana-* = др.-инд. *sana-* 'старый', 'древний', 'старик' и т.д. (ср. некоторые имена с инд. *sana-* в этих значениях, тогда для нашего имени возможно: «мудрый как старец» или подобное), но как наречие — также 'давно', 'всегда'. Для *Ḫanaṣiruka* в этом случае возможно: «всегда быстрый (или деятельный и пр.)» или «давно разумный» (ср. значение *Pouruǰira-*, а также др.-инд. имена *Sána-çruta-* при *sána-çruta-* 'издавна знаменитый' — RV, *Sanat-kumara-* 'всегда юный', *Sanat-sujata-* 'всегда прекрасный' и т.д.). Допустимо и иран. *x*: **Xanaǰiruka-*, ср. скифо-сарматское Χανάκης (и, очевидно, Χανίκα и

Χάνωσος), по М. Фасмеру (1923, 56) и Л. Згусте (1955, 167), к *hana-* 'старый' (ср. тогда инд. *Sanaka-*), но все другие примеры Л. Згусты (1955, 236) на греч. χ для иран. *h-* относятся к иран. *h* перед *u*, где в соответствующих диалектах возможен переход *h* > *x*; по В.И. Абаеву (1949, 168), Χανάκης к осет. *хоnun* 'приглашать', *хоnæg* 'приглашающий'. Но, быть может, следует сравнить его с инд. *Khanaka-* (Махабхарата) при *khanaka-* 'копатель', 'роющий' и другими индийскими именами к *khan-* 'рыть', 'копать' [в иранском *kan-* и *xan-*, ср. также объяснение Дж. Кэмероном (PTT, 45) названия древнеперсидского месяца, обычно читаемого *Viyaxna*, но по эламским транскрипциям *Vi(ya)xana* «Digging-up(month)»]. Что это значение не случайно для личного имени, следует из других древнеиндийских имен (все приводимые ниже членов царских родов): *Khanitra-* ('копатель', ср. *khanitra/i-* в RV), *Khani-netra-* ('роющий', 'выкапывающий' + 'вождь', 'ведущий'), *Khana-pāna-* и т.д. Таким образом, следует во всяком случае воздержаться от отнесения имени *Ḫanaṣiruka* к неиранским. Скорее, особенно по второй части имени с *-uka*, его нужно признать иранским*.

16. *Munsuarta, Munzuarta* или *Munṣuarta* — правитель Аразиаша в 820 г. до н.э.: *Mu-un-su(?)-ar-ta* (анн., III, 38). Третий знак обычно читают *su*, и все имя — *Munsuarta* (KB, I, 182; Tallqvist, 1918; AR, I, 157; König, 1934, 14, 54, и т.д.), у И.М. Дьяконова (1956, 166) *Munṣuarta*. По изданию (IR, 30) трудно точно определить знак, но это во всяком случае не *su* (№ 308 по Деличу), а *zu* (№ 5) или *ṣu* (№ 6), скорее первый, но и он может читаться как *ṣu* и *su*. По Ф. Кёнигу (1934, 15, 54), это имя звучит по-ирански, но определенно не этимологизируется. Элемент *arta* встречается в многочисленных иранских именах (в том числе и в их второй части, ср., например: Justi, 1895, 485; Абаев, 1949, 156, 174), в частности засвидетельствованных ассирийскими текстами (уже для IX в. до н.э. см. № 8, 20, 21). Первая часть имени неясна, но все же можно подобрать иранские параллели, однако многозначность акк. *z, ṣ, s* (иран. *z, s, š, ǰ, č*) и акк. *mu-* (*mu, va, vi* и др.) не дает возможности для обоснованных выводов. Остальные личные имена из Аразиаша и связанных с ним местностей иранские, а

* Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 2000a, p. 450–451) относит имя *Ḫanaṣiruka* к иранским, отмечая в то же время, что этимология Э.А. Грантовского, которой в основном следует Хинц (Hinz, 1975, p. 114), не вполне удовлетворительна с точки зрения морфологии и семасиологии. По мнению Р. Цадока (Zadok, 2002, p. 118, 121), аккадское *ṣ*, насколько нам известно, не передавало никакой иранской фонемы, а редкое значение клинописного знака *ṣi* (вроде *zi*) ассирийский писец вряд ли использовал бы для записи иноязычного имени. Соответственно, попытку иранской этимологии имени *Ḫanaṣiruka* он считает неудачной.

само его название может свидетельствовать о пребывании здесь ираноязычного населения уже к середине IX в. до н.э. (см. под № 7)*.

Перейдем теперь к списку 820 г. до н.э. Обычно считают, что среди 28 личных имен этого списка есть иранские, но большинство происходит из старых местных языков. Для предположительно иранских имен в литературе, как правило, не дается конкретного объяснения (оно предлагается для ряда имен у И. Шефтеловица, 1902, 275, ср. ниже под соответствующими именами). Эд. Мейер (1908, 13) считал иранскими четыре имени (Ашпаштатаук, Артасирару, Бара, Дирнакуш; последнее теперь читают Кирнакуш), но замечал, что иранисты могут найти в списке большее число иранских имен. Г. Хюзинг (1930, 258, 259) полагал, что в списке четыре иранских имени: Маманиш, Артасирару («персидские»), Иртизати, Сатириай («мидийские», о необоснованности его диалектного различения говорилось выше), и что сомнительно отнесение к иранским еще пяти имен (Ашпаштатаук, Ададану, Ардарай, Татай, Парушта). По Ф. Кёнигу (1934, 15, 54), в списке два бесспорно иранских имени (Сатириай и Артасирару), а подавляющее большинство — неиранские (в том числе Ашпаштатаук, Маманиш, Занзар, Барзута и т.д.). У Дж. Кэмерона (1936, 145) три имени определены как иранские (Иртисати, Сатириай, Артасирару) и одно — как возможно иранское (Маманиш). И.М. Дьяконов (1956, 167, примеч. 1) отмечает семь имен «с возможной — но во всех случаях ненадежной — иранской этимологией»: Парушта, Ашпаштатаук, Ададану, Бара, Иртисати, Барзута, Артасирару. Эти имена он считает мидийскими. Но, как отмечалось выше, все владения этого списка лежали далеко к западу от Мидии.

17. *Ašpaštatauk* (*Áš-pa-áš-ta-ta-uk*, анн., III, 52). Бесспорно иранское имя. Ассир. *š* для *s*. Имя определенно содержит *aspa-* 'лошадь', как в многочисленных иранских именах (в том числе из ассирийских текстов), и *-tavaka-* 'сила', 'мощь' или 'сильный', 'мощный' [об иранских именах с *tava(h)-*, в том числе из ассирийских текстов, см. под № 1 и выше о *Partatua* и *Pirtatu*, ср. также согд. *twk* 'сильный', 'могучий' в согдийских царских именах — см.: Лившиц, 1962, 68]. Средний элемент *(a)sta* может быть объяснен по-разному. Для начальной части без *-tauk* ср. имя *Aspastes* (сатрап Кармании при

---

* В настоящее время это имя читают как *Mu-nir-su-ar-ta*. Впрочем, как отмечают и Р. Шмитт (Baker and Schmitt, 2001c, p. 768), и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 125, 130), то, что предшествует элементу *-ar-ta*, вряд ли является иранским, поэтому происхождение имени *Munirsuarta* представляется темным.

Дарии III), по Ф. Юсти (1895, 46, 468), от *asti-* «друг» (?), но следует, очевидно, искать иное объяснение, например от *ast(i)-* 'кости', 'тело': «имеющий тело (мощное, как у лошади», об именах в таком значении, в том числе с *aspa-* и *asti-*, ср. под № 1, 4, 6 и др. **Aspast(a/i)tavaka-* тогда может значить «мощнотелый», «имеющий мощь лошадиного тела» (или с телесной силой, как у лошади, ср. *asti.auǰah-* 'телесная сила'), ср. также авест. *aspa.staoya-* 'более сильный, чем лошадь', 'больший, чем лошадь' (**stavyah-*), *gau.stava-* 'величиной (толщиной, силой) с быка'. Допустимо и *sta*, от *stā* = др.-инд. *sthā* 'стоять'. Возможно также **Aspastatavaka-*, с *aspasta* 'лошадиная еда', 'клевер', 'люцерна', со значением всего имени «могучий лошадиной едой» — владеющий обильными пастбищами для лошадей, лугами клевера и пр. (ср. под № 71 имена в значении «владеющий хорошими лугами»). Вероятнее, быть может, первые из предложенных выше значений, но следует отметить, что иран. *aspasta* было широко распространено в Северо-Западном Иране в IX–VIII вв. до н.э., уже к VIII в. до н.э. заимствовано в семитские языки и упоминается в описи садов вавилонского царя Меродахбаладана (IV, 3): *as-pa-as-ti* (изд.: Meissner, 1891, 291). По И.М. Дьяконову (1956, 151, 152), *aspastu* из иран. *asp(a)-asta* — «лошадиная еда», «люцерна». Известно и в сирийском как *aspasta* (Meissner, 1891, 296), ср. н.-перс. *aspast* (см.: Bailey, 1960, 82), *aspist*, *ispist* 'трилистник', 'клевер' (*isfist*, *usfust* — название лекарственной травы), афг. *špēšta* 'клевер', 'люцерна' (Morgenstierne, 1927, 75, 76, ср. *Spest* — название деревни и *Išpišta* — название перевала), из иранского в пракрите крорайна *aśpišta* 'люцерна'; *aspasta* от *aspa-* 'лошадь' и *asta-* 'еда' к *ad-* 'есть'; хот.-сак. *aśpara-* 'люцерна' к *aśśa* 'лошадь' и *para-* 'корм', от *par-* 'кормить' (Bailey, 1960, 82). Должна была существовать и форма *aspasti-* (ср. *i* в предыдущих слогах в ряде приведенных форм и в некоторых из них *š* для *s*), чему непосредственно может следовать и вавил. *aspasti*. Наличие этого слова в вавилонском уже в VIII в. до н.э. свидетельствует о широком распространении и влиянии ираноязычного населения в Передней Азии в рассматриваемый период*.

18. *Parušta* (*Pa-ru-uš-ta*, III, 51). В списке стоит рядом с *Ašpaštatauk*; владения этих правителей, по-видимому, также находились рядом. Имя должно быть признано иранским. Параллели предлага-

---

* Р. Шмитт полагает, что для имени *Ašpaštatauk* < **Aspastitavaka* допустимы два приведенных Э.А. Грантовским значения, «Могущественный пастбищами (люцерной)» и «Могущественный обладанием лошадьми» (в последнем случае он выделяет в имени элемент *-sti-*, который сравнивает с авестийским *sti-* «владение», «имущество»), из которых по семантическим соображениям предпочитает второе (Radner and Schmitt, 1998i, p. 143–144). См. также: Zadok, 2002, p. 103–104.

лись Ф. Кёнигом, принимающим форму с иран. *š* и сравнивающим, в частности, с вавил. *Purušti*, на самом деле случайным и неверным написанием для **Parušāti-* 'Парисатида'. Авестийское имя с неясной этимологией *Pourušti-* (Яшт XIII, 114)* действительно близко к рассматриваемому. Но хотя ассир. *s* и *š* нерегулярно отражают иран. *š* и *s*, тем не менее здесь *š* скорее для *s*, особенно в связи с определенным *št* и *šp* для иран. *st* и *sp* соседнего имени. Поэтому в *Parušta* можно видеть иран. **Parvasta-* (*u* правильно для *va*) 'стоящий первым, передним', 'находящийся впереди'. Слова с таким смыслом легко приобретали особое значение и становились терминами, обозначая представителя военной аристократии, военного вождя и правителя вообще (соответствующее имя может представлять и такой титул). Характерны значения др.-инд. *puraḥ-stha* 'стоящий первым', 'находящийся впереди', 'стоящий во главе', 'вождь' (ср. также в последних значениях *puraḥ-sthātár* в RV), авест. *parō.yā-* ('идущий впереди') означает «победоносный», лат. *praetor* от *prae* + *eo* (с тем же буквальным смыслом) 'предводитель', 'полководец', а также гражданское должностное лицо. Др.-иран. *Paraδāta-* 'впереди, во главе поставленный', в древнейшем эпическом слое — титул первого царя и его рода, в дошедшей Авесте — лишь первого царя Хушенга (также основателя военно-аристократической функции), в других источниках — всех представителей первой династии. У скифов тот же термин (Παραλάται) — эпическое название первого и последующих царей и титул военной аристократии (ср.: Грантовский, 1960, в связи с текстом Геродота — IV, 5–7; в другом отрывке — IV, 78–80, также следуя скифо-эллинской традиции, Геродот называет скифскую аристократию и предводителей скифского войска προεστεῶτης, с тем же значением, что и иран. *paraδāta-*). Титул военного предводителя и правителя области *naxwadār*, особенно распространившийся в парфянское время (сюда же арм. «нахарар»), имеет значение «держащий первое (место)», «находящийся в начале» (ср.: Henning, 1953); слово известно и как личное имя *Nohodares* (полководец при Шапуре II, см.: Justi, 1895, 230, но, возможно, как нередко и позже у византийцев, сасанидский титул принят за имя). Древнеперсидским *fratama-* (ср. под № 14) обозначаются, в частности, главные сподвижники становившихся царями самозванцев, занимавшие при них основные государственные посты, в том числе должности военных руководителей; при этом *fratama-* переводится акк. *mār-banē* ('знатные', 'благородные'), как и *āmāta-* (ср. под

---

* Майрхофер, следуя Фику, трактует это имя как «[Владеющий] многим (**paru*) имуществом (**sti*)» (Mayrhofer, 1977b, S. 72).

№ 3) и *tunuvant-* (см. № 39) персидской версии; арм. *p'art'am* (из иран. *fratama-*) значит «богатый» (ср.: Eilers, 1955, 230, 234, 235). Термин *fratama-* 'знатный', 'высокого звания' должен восходить к буквальному значению «самый первый, самый передний» (а не «первый» в смысле «лучший»). Тот же первоначальный смысл безусловно имело и образование от сравнительной степени от *fra-*frataraka-* — при Ахеменидах военный и гражданский чин, а в послеахеменидский период — титул правителей Фарса (ср. об этом термине: Frye, 1963, 181, 195, 196, 268, 271, 272, но он считает этимологию термина неясной). Титулы вождей, военной знати с буквальным значением «находящийся впереди», «занимающий первое место» первоначально, очевидно, отражали положение представителей военной аристократии во главе военного отряда, что особенно ясно выступает в таких терминах, как др.-инд. *puraḥ-stha-* и т.п. Отметим еще образованное от **parva* (инд. *pūrva*) авест. *paurvatat-* (инд. *pūrvatā-*) 'первенство', 'главенство'. По второму элементу, *-sta*, от *stā-* (инд. *sthā*) 'стоять', 'находиться', также можно привести многочисленные параллели, в том числе социальные термины того же типа, как обычное авестийское и встречающееся древнеиндийское обозначение военной аристократии — *raϑaē.šta(r)-*, инд. *ratheṣṭhá-* и т.д. (ср. и этимологически близкие в целом образования от греч. προ-ίστημι, подобно приведенному выше, употреблявшиеся как обозначения социальных групп)*.

19 и **20**. *Satiria* и *Artasiraru* (анн., III, 63: *šá ^{I}Sa-ti-ri-a-a šá ^{I}Ar-ta-si-ra-ri*). Обычно признаются иранскими (ср. выше) и убедительно объяснены И. Шефтеловицем (1902, 275, ср. ниже). И.М. Дьяконов (1956, 167), как предположительно иранское отмечая лишь Артасирару, пишет, что, возможно, следует читать «сатириец Артасирару», но это невозможно. Окончание *(a)i* может добавляться и к личному имени (ср. хотя бы в этом же списке: *ša ^{I}Tatai ^{KUR}Gingibiraį*); *ša* в списке стоит лишь перед именами правителей и ни разу перед названиями владений; последние всегда следуют именам правителей; Сатириа, как и Артасирару, имеет детерминатив лиц. Но они в отличие от других правителей названы без

* Р. Цадок считает иранскую этимологию имени *Parušta* «вероятной» (*probable*) (Zadok, 2002, p. 102, 104). Р. Шмитт соглашается с возведением этого имени к иранскому **Para(h)-stā* «стоящий во главе» (Грантовский, 1962а, с. 257), отвергая по морфологическим соображениям предложенную впоследствии Грантовским (настоящая работа) и поддержанную Хинцем (Hinz, 1975, S. 183) трактовку первого элемента сложного слова как прилагательного **parva*. В то же время он отмечает, что возможен и вариант **Parūštra* (> **Parūšta* в результате диссимиляции) «[Владеющий] многими (**paru*) верблюдами (**uštra*)» (Baker and Schmitt, 2002b, p. 991).

указания владений; очевидно, это вожди из близких местностей, возможно из одного родо-племенного объединения. Оба имени легко объясняются из иранского, второе имеет элемент *arta-*, один из наиболее частых в иранских именах (ср. также № 8, 16, 21). По И. Шефтеловицу, «*Satirya*» — иран. **Xšaϑrya-*, при этом он указывает еще на имена Σατράκης, Σατραβάτης и *Xšaϑrita-*. *Xšaϑra-* — одно из важнейших социально-религиозных понятий арийской древности — входит в состав многих индоиранских имен. Форма *xšaϑrya-* (ср. авест. *iša.xšaϑrya-* — ср. под № 75, др.-инд. *kṣatriya-*) образована с суффиксом *-(i)ya* (ср. ряд других имен, например *Bardiya-*, не являющихся сложными). Мидийское имя *Xšaϑrita-* (Бех.; Каштарити текстов Асархаддона) с суффиксом *-ita* должно значить «хшатровский», «царственный» и т.п. (его обычно рассматривают как сокращение от сложного имени с *xšaϑra-* в первой части, что, однако, вовсе не обязательно; ср. под № 54); **Xšaϑrya-* 'властитель', 'повелитель', 'член военной аристократии', вообще 'имеющий отношение к «хшатре»' (возможно, имя-титул). *Satiria* закономерно передает иран. *xšaϑrya-*, *s-* для иран. *xš-*, как и в *Satarpānu* и *Satarēšu* (имена четырех лиц из текстов Саргона II, см. ниже), с *satar-* (для *xšaϑra-*), где иран. *-ϑr-* передано как *-tar*, но не менее часто встречается *-tir-* (*Mitir* < *Miϑra* и др.)*. Артасирару Эд. Мейер (1908, 13) сравнивал с 'Αρτασύρας, но в это распространенное ахеменидское имя входит *-sūra* ('сильный', 'герой'), что не могло быть передано как *-siraru*. Точнее у И. Шефтеловица: *arta+srīra*, ср. инд. *ṛta* + *çrīla* (1902, 275). *Srīra-* 'прекрасный' и т.п. (инд. *çrīla-* 'счастливый', 'богатый', 'красивый') встречается в ряде древнеиранских имен (авест. *Paiti.srīra-*, *Srīravaŋhu-* и др.) и как эпитет при именах героев и божеств — *Yima srīra* и др. (ср. также: Боголюбов и Смирнова, 1963, 92, о согдийских именах с *-šyr* и индийских с *-çrī*). Все имя означает «прекрасный (или счастливый и т.п.) от Арты» или «следующий прекрасной Арте»**.

21. *Irtizatu* (*sa*^{I}*Ir-ti-za-ti*, анн., III, 61; по AR, I, 157, Дж. Кэмерону, И.М. Дьяконову, — *Irtisati*, но в тексте — ясно знак *za/ṣa*). Это имя бесспорно иранское, по Г. Хюзингу и Дж. Кэмерону, и предположительно, по И.М. Дьяконову. Объяснение дано у И. Шефтелови-

---

* Р. Цадок сомневается в иранской принадлежности этого имени (которое он, вслед за И.М. Дьяконовым, считает обозначением племенной принадлежности), приводя для сравнения название урартской провинции ^{kur}*Šá-at-te-ra* (Zadok, 2002, p. 101, 105). Р. Шмитт принимает иранскую этимологию Шефтеловица (Baker and Schmitt, 2002f, p. 1096).

** Иранская этимология Шефтеловица не вызывает сомнений, см.: Radner and Schmitt, 1998e, p. 134. Р. Цадок, принимая ее, отмечает, что причиной не вполне регулярной передачи иранского **srīra* аккадским *si-ra-ri* могла стать народная этимология, связавшая иранский этимон с мифологическим топонимом *Sirara* (Zadok, 2002, p. 102, 104).

ца: *arta* + *zāta*, ср. др.-инд. *ṛtajāta* (1902, 275). *Ir* наряду с *ar* закономерно для *ṛ* (обе передачи встречаются и рядом в одном тексте; здесь возможно и восприятие *I-* как протетического, ср. *Ispa-* < *Aspa*; для второго *i* для *a* см. с. 83–84, 87 и сл.); во второй части имени — *zāta-* (инд. *jāta-*) 'рожденный', 'сын' и т.п. (ср. № 40, возможно также 'рождение' и т.п.), 'рожденный от Арты', '(подаренный) Артой сын' или подобное. Ср. многочисленные иранские имена с *zāta-* < *zād* (см., например: Justi, 1895, 519, 377, 378), обычно во второй части, ср. особо случай, где первый элемент *Miθra-* > *Mihr* 'Митра', *Hvar-* > *Xūr* 'солнце' и т.д.*

22. *Barzuta* (*Ba-ar-zu-ta*, анн., III, 62). Как возможно иранское отмечено И.М. Дьяконовым. В списке стоит рядом с *Irtizati*. Очевидно, от др.-иран. *bṛz-*, *barz-* (авест. *bərəz-*, *barəz-*, др.-инд. *bṛh-*, др.-перс. **bṛd-*, *bard-*) 'высокий', 'возвышенный', 'великий', представлено во многих иранских именах; *-ar-* для *ṛ* или, скорее, *ar* реального произношения. В средне- и новоперсидском представлено как *burz* < *bṛz-* и *bul-*<**bṛd-*, так и *barz* и *bal-* < *bard-* (ср. с. 96 и сл.), ср. также бел. *burz*, *burzag* и курд. и тал. *barz*, согд. *βrz*, *βrz'k* и *bwrz*, хот.-сак. *bulysa* к *bṛz-*, осет. *bærzond* к *barzant-*, в топонимах и личных именах документов из Нисы *barz-* и т.д. В вавилонской передаче засвидетельствовано несколько иранских имен с *barz-*: **Barziya-* (= *Bardiya-*), *Bar-zi-en-na*, очевидно, **Barzaina-* (см.: Eilers, 1936, 171, 188; ср. другие имена на *-a-ina* из вавилонских и эламских документов, **Bagaina-* и др., см.: Scheftelowitz, 1903, 166; Benveniste, 1958, 53), **Šātabarzana-* (см. под № 14). Последнее, Σατιβαρζάνης, известно и по античным источникам, сообщающим и ряд других ахеменидских имен на -βαρζάνης и имя Βαρζάνης (Justi, 1895, 65, 517), часто возводимых к иран. *varz-*, но во всяком случае в имени Сатибарзана определенно *barz-* (см. под № 14), как, очевидно, по крайней мере в некоторых других с -βαρζάνης, и безусловно в Βαρζαέντης (сатрап Арахосии при Дарии III) < иран. *Barz(a)vant-* (см. ниже). В этих именах αρ отражает произношение с иран. *ar*; *ur* < *ṛ* передавалось бы иначе, ср. Ὀβορζος у Полиэна (VII, 40) — то же лицо, правитель Фарса, имя которого на монетах пишется *Whwbrz* (ср.: Frye, 1963, 272, со ссылкой на Р. Штиль; ср. уже: Justi, 1895, 341); Ὀβορζος отражает произношение с *burz-*, очевидно, в отличие от *wḥwbrz* (ср. выше, с. 99). По документам из Нисы известны имена *Brzmtrk* и *Brzpdyk* (ср. под № 6), а в греческой передаче (ср. Justi, 1895, 65) парфянское имя (I в. до н.э.) Βαρζαφάρνης (к

* Иранская этимология Шефтеловица не вызывает сомнений. См., например: Zadok, 2002, p. 103–104.

Barzafarnah-) = *Barzap'ran* у Моисея Хоренского (II, 19)[32]. В новоперсидской форме представлено много имен от *bṛz-*, *barz-*, произносившихся в персидском как с *ar*, так и с *ur* (ср., например: Justi, 1895, 56, 73, 74, 490); то же явление наблюдается при передаче иранских сасанидских имен в иноязычных источниках (ср. там же). Др.-иран. *bṛz-* засвидетельствовано и в именах из ассирийских текстов, в «юго-западной» форме **bṛd-* или *burd-* (см. под № 50, для двух правителей, в VIII и VII вв. до н.э.) и как *bṛz-*, очевидно, в имени *Birizḫatri* (ср. с. 98, 111) — «владыка поселения» из Мидии при Ашшурбанапале. Среди многочисленных иранских имен от *bṛz-*, *barz-* наряду со сложными известны и такие имена (эпические, сасанидские и пр.), как н.-перс. *Barzū*, *Burzōē*, царь Мукана в V в. по грузинским источникам *Borzo* и др. (ср.: Justi, 1895, 65, 74); *Burz* (парфянин в III в. у Моисея Хоренского, митрополит Ахваза по сирийскому тексту: Justi, 1895, 73) и согд. *Bwrz* (Лившиц, 1962, 44), очевидно, от простого **Bṛza-*; древние имена с суффиксами *(i)ya*: **Barziya-*, *ina*: **Barzaina-*, *vant*: Βαρζαέντης (ср. выше) и авест. *Bərəzavant-* (Яшт XIII, 119, 124: *Bərəzavatō*, род. пад.). Подобное образование, очевидно, и в Барзута: с *-vant* (<**u̯ent*) — *Barz(a)vant-* (в большинстве падежей без *n*) или с *vat* (< *u̯nt*) — *Barz(a)vat-* или тематическое образование от него — *Barzvata-* (ср., например, *Vanata-* по вавилонской передаче, от *vanant-* 'побеждающий', ср.: Eilers, 1962, 58). Имя Барзута теперь известно и для VIII в. до н.э. (см. № 90)*.

23. *Mamaniš* (*Ma-ma-ni-iš*, анн., III, 54), по Ф. Кёнигу и ряду других авторов, бесспорно неиранское. Как возможно иранское отмечено Дж. Кэмероном, как определенно иранское — Г. Хюзингом: «персидское» *Wōmaniš*, что в целом представляется верным, но мнение, что здесь имеет место стяжение $a^hu > \bar{o}$, и определение этой черты как «юго-западной» не обосновано (ср. с. 89–96). Элемент *-maniš* характерен для древнеиранской ономастики (одно имя в Авесте: *Vanδarəmainiš*), особенно западноиранской, в том

---

[32] Ср.: Hübschmann, 1897, 32, с др.-иран. формой **Bṛzifarnah-* с *bṛzi-*, как часто в Авесте, и именно в словосложениях (но ср. ниже, под № 50), там же, однако, *bṛz-* выступает и с тематическим *-a* (ср. *barəzah-* и др.); образования от др.-инд. *bṛh-* всегда имеют *bṛha-*, также в западноиранских сложных именах обычно представлено **b(a)rza-* (ср. также под № 50). И по засвидетельствованным передачам это имя должно восходить к **Barzafarnah-*, как, вероятно, и эпическое имя برزافرن у Табари (на связь указано Р. Штакельбергом).

* Согласно Р. Шмитту, *Barzuta* передает иранское патронимическое образование **Bārzvata* (< **Bṛzvant-*) (Fuchs and Schmitt, 1999g, p. 274–275). Р. Цадок считает иранское происхождение имени *Barzuta* сомнительным (Zadok, 2002, p. 102, 104).

числе для имен Ахеменидов и членов знатнейших персидских родов. В греческой передаче обычно -μένης: Ἀχαιμένης 'Ахемен' и др., в частности **Aryamaniš*, **Bṛdamaniš* (сын Отаны, ср. под № 50). Имя «Ахемен» бытовало у персов по крайней мере в конце VIII — начале VII в. до н.э. В самих ахеменидских надписях встречается два таких имени: *Haxāmaniš* и *Ar*[...]*n*[...] — *Ardimaniš* (по вавилонской версии) или *Ardumaniš* (по эламской); их вавилонские передачи: *A-ḫa-ma-ni-iš* и *A-ar-di-ma-ni-iš*, во второй части, как и в *Ma-ma-ni-iš*. Имена с *-maniš* (от *man-* 'думать' и т.п., *manah-* 'мысль', 'мышление', 'духовная сила' и т.п.) имеют примерно следующее значение: «придерживающийся такого-то образа мысли», «с мыслью (чувством, волей), направленной на...». В этих именах *-maniš* может иметь и значение религиозно-этического термина (в том числе в имени «Ахемен»). Все имя должно представлять **Vahumaniš*; передача *vahu-* (или в крайнем случае *vah-*, но не *vō-*) через акк. *ma* не вызывает сомнений (см. с. 93), ср., например, для *Vah(a)uka*: вавил. *Umakuš* с *a* для *ah(a)u* и *Umaḫku* (также не отражено *u*, *ḫ* для *h*), но уже и в VIII в. до н.э. засвидетельствовано ассир. *Makirtu* < **Vahukṛta-* с *ma* для *vahu-* (и *Uakirtu* для того же имени, где также не отражено *-hu-*, см. № 79, 80). *Vahu-* входит в состав многих иранских имен (в сложных обычно как первый элемент), преимущественно не в простом значении «хороший», а с религиозно-моральным значением: «благой», «добрый». *Vahu-* в соединении с *man-* непосредственно представлено в имени первого из Амешаспента в системе Заратуштры: авест. *Vohu-manah-*, ср.-перс. *Vahuman* > *Vahman*, н.-перс. *Bahman*. Эти образования широко употреблялись как личные имена (ср. в документах из Нисы: *Vahuman*, *Vahumanak*, ср.: Дьяконов и Лившиц, 1960, 24, о более поздних см., например: Justi, 1895, 374 ff.), но они в основном должны восходить уже к зороастрийскому словоупотреблению. Само образование, однако, гораздо старше времени Заратуштры: инд. *Vasumanas-*, *Vasumati-* и пр., греч. Εὐμένης и уже крито-микен. *e-u-me-ne*, ср. также слав. *Dobromyslъ* (ср.: Трубачев, 1963, 11). Примерно то же значение и у рассматриваемого имени: «с благой мыслью», «добромысл»*. Из древних западноиранских имен по образованию наиболее близко к рассматриваемому имя *Ardi/u-maniš* 'с честной (искренней), или прямой (правильной), мыслью'. В западноиранских именах, а именно в древних персидских, широко представлено *vahu-*, ср.

* Р. Шмитт принимает этимологию Э.А. Грантовского (Åkerman and Schmitt, 2001b, p. 675–676). Р. Цадок считает имя *Mamaniš* 'unaffiliated and isolated', отвергая иранскую этимологию на том основании, что новоассирийское *ma-*, в отличие от эламского, якобы не может передавать иранское **v-* (Zadok, 2002, p. 103–104) (действительно, ожидалось бы скорее **um-*, см. выше, с. 104). Ср. также: Hinz 1975, S. 249; Mayrhofer, 1973, S. 195.

имя правителя послеахеменидского Фарса *Vahuburz* (см. под № 22), в древнеперсидских надписях: *Va^{h}umisa-* (с неясной второй частью; если от *-miϑa*, то ср. инд. *Vasumitra-* и ср.-перс. *Vahumiϑr*, ср.: Justi, 1895, 341), *Vah(a)uka-* (вопреки принятому мнению, очевидно, не сокращение от сложного имени, а самостоятельное образование «благой», «относящийся к добру, благости», ср. под № 54), *Darayava^{h}u-* 'Дарий' ('держащий благо', 'поддерживающий добро' и т.п.), а также с *vahyah-* 'лучший' (ср. ст.) — *Vahyazdāta-* (с *dāta-* 'закон'). По Э. Герцфельду и некоторым другим авторам, древнеперсидские имена с *vahu-* свидетельствуют о зороастрийском влиянии из Восточного Ирана. Но это лишь результат тенденциозной трактовки возникновения и распространения маздеизма. Что же касается имен с *vahu-*, то они были распространены среди персов задолго до правления Дария I и даже до создания державы Ахеменидов (ср. имя Вахауки, отца Ардуманиша). Уже в VIII в. до н.э. по ассирийскому тексту известно **Vahukṛta-* — имя двух правителей из соседних местностей к западу от Мидии. С территорий много западнее Мидии происходит и рассматриваемое имя.

24. *Zanzar* (*Za-an-zar*, анн., III, 55). В списке стоит рядом с *Mamaniš*. Как иранское не отмечалось, но легко может быть объяснено из иранского и представляет, очевидно, **Zanazar(a)-* (для выпадения среднего *-a-*, ср. многочисленные примеры аккадских передач, с. 81–84). Иранское *zana-* и инд. *jana-* 'люди', 'род', 'племя' входят в ряд индоиранских имен; в связи с предлагаемым значением ср., например, инд. *Janarañjana-* 'удовлетворяющий людей', а также *Janārdana-* 'возбуждающий людей', *Janamejaya-* и т.д. Известны и иранские имена от *zana-* (см., например: Justi, 1895, 519, 379) и *zantu-* 'племя' (Justi, 1895, 49, 379), в том числе древние западноиранские, ср. Ἀρισταζάνης (полководец Артаксеркса Оха), по Ф. Юсти (1895, 26), «имеющий невредимых людей» (ср. инд. *áriṣṭavīra-*), по ассирийским текстам — мидийское имя VII в. до н.э. *Zanasana*[33]. Вторая часть, очевидно, от *zar-* = инд. *jar-* 'двигать', 'вести',

[33] В трафаретном тексте ряда надписей Асархаддона (например, Призма A, IV, 20 — IR, 46, в том числе новых, например в изд.: Heidel, 1956, стб. IV, 2) везде ^{I}*Za-na-sa-na* (за исключением ошибочного ^{I}*a-na-sa-na* в Призме C, изд.: Нагрег, 1887, стб. IV, 3). Имя бесспорно иранское, но толкования расходятся. По К. Таллквисту (1918, XXIV), от *xšan-*, ср. инд. *kṣan-*, 'вредить', 'ранить', по Ф. Юсти (1895, 397) — от *šana* (?): «Leute, Völker besitzend», ср. у И.М. Дьяконова (1956, 262) «обладающий племенем» при иран. **Zanaxšana-*. Как уже отмечалось, передача иран. *xš* > ассир. *s*, бесспорная в начале слова, в середине определенно не засвидетельствована и кажется сомнительной. Правильно было бы *s* для *š* или *s*, в последнем случае возможно **Zanāsana-* от **as-* 'есть', ср. инд. *açana-*, *āça-* 'еда' ('предоставляющий пропитание народу, племени' или подобное) Но, быть может, правильнее *Zanačanah-*; хотя для *č* в бесспорных примерах всегда ассир. *š*, передача через *s* вполне возможна и теоре-

'руководить' (т.е. вождь людей, племени) или, скорее, 'благоприятствовать' 'покровительствовать' ('продвигающий интересы, племени, людей, заботящийся о них'); эти значения *zar-* = инд. *jar-* исследованы Г. Бэйли (1953, 33–42), приведшим и многие индоиранские имена с этим словом (но для некоторых возможны и иные этимологии), ср. особо хот.-сак. *Ysarkula* 'покровительствующий родственникам (или подобное)', 'заботящийся о них' и вед. *Jāratkāravá-* 'заботящийся о певцах' (продвигающий их интересы), восходящие к аналогичному выражению с *jar-* в RV, X, 61, 23. Но в рассматриваемом имени допустимо и *jara-*, к *gar-* 'охранять' и т.п., ср. авест. *J̌arō.vaŋhu-* и *J̌arō.daŋhu-* ('охраняющий страну', 'стоящий на страже страны') — 'охраняющий людей, племя'*.

25 и **26**. *Zarišu* (*Za-ri-šu*, анн., III, 46, 47) — имя двух правителей из разных владений; в списке названы рядом. Как возможно иранское отмечалось И. Шефтеловицем, Г. Хюзингом, К. Таллквистом (1918, 247, там же см. предшествующую литературу) и Ф. Кёнигом. Объяснение предлагалось И. Шефтеловицем (1902, 275): **Zaraša-* = др.-инд. *Harṣa-*, ср. авест. *Vīzaraša-*. Но в иран. *zarš- z*, очевидно, не соответствует инд. *h* (Г. Бэйли сближает *zarš-* 'прогонять' и т.п. с *zar-*, ср. под № 24). Имя дева *Vīzaraša-* не может быть параллелью к личному имени **Zarša-* и, кроме того, уже при образовании, очевидно, имело отрицательное, «девовское» значение. Передача иран. **Zarša-* через акк. *Zarišu* хотя и не исключена, но не обязательна, а **Zarša-* не имеет прямых параллелей в индоиранской ономастике. По нашему мнению, *Zarišu* точно передает иран. *Zariča-* (с обычным *š* для иран. *č*) 'желтый', 'золотистого цвета'. Известен целый ряд индоиранских имен по обозначению цвета, например др.-перс. *Θuxra-* (Бех., IV, 83), **Suxra-* (по вавил. версии) 'красный', инд. *çukra-* также употреблялось как имя. От того же корня, что и *Zariča-*, образованы засвидетельствованные имена: авест. *Zaⁱrita-* (Яшт XШ, 98), ср. *zaⁱrita-* и инд. *harita-*, также известное и как личное имя; авест. *Zaⁱryank* (*Ašasarəδahe Zairyąš*, Яшт XIII, 114); непосредственно соответствующее *Zariča-* женское имя *Zaⁱričī* (Яшт XIII, 139); наконец, само *Zariča-* известно как имя дева *Zaⁱriča-* (для формы ср.: Nyberg, 1938, 474) — бесспорно древнее божественное имя (ср. под № 61, 62), лишь позже деградировав-

---

тически даже более оправданна (особенно при мнении, что ассир. *š* произносилось как *s*, *s* как *š*), тогда значение имени — «доставляющий удовлетворение, отраду людям, племени», ср. др.-перс. *Aspačanah-*, ар. **Ašvačanas-* (из Нузи, ср.: Mayrhofer, 1959, 91) и авест. *Xsaŋrō.činah-*.

* Согласно Р. Цадоку, имя это нетипичное, не иранское и не аккадское, и образовано путем редупликации и диссимиляции либо плавных, либо носовых (Zadok, 2002, p. 103–104).

шее в разряд «девовских», а первоначально, очевидно, связанное с названием священного напитка (ср. Nyberg, 1938, 339 и сл., он указывает, в частности, на эпитет Хаомы *zairi.gaona-* и на имя женщины из древней зороастрийской общины *Za'ričī*). Иранская принадлежность рассматриваемого имени двух правителей подтверждается тем, что названия их владений в отличие от других топонимов списка (ср. ниже) могут быть сравнительно определенно отнесены к иранским (№ 36, 37), а второй из этих топонимов (№ 37) связан с именем божества и названиями растения и добываемого из него экстатического средства*.

27. *Ardara* (*ša 'Ar-da-ra-a*, анн., III, 48). И. Шефтелович (1902, 275) и К. Таллквист (1914, 29) сравнивают со скифо-сарматским Ἄρδαρος. Это имя (также с *ka*: Ἀρδάρακος) встречается многократно (см. Zgusta, 1955, 68, 69) и бесспорно связано (Вс. Миллер, Ф. Юсти, М. Фасмер, В.И. Абаев и др.) с осет. *ældar* (к *ardār*, ср. диг. *ærdar*) 'старшина', 'начальник', 'господин', 'князь'; в венгерском (из аланского) *aladár* 'начальник военного отряда, охраны', 'знатный' (также имя, распространенное среди венгерской знати). Слово проникло и в монгольские языки: *aldar* '(военная) слава', в калмыцком также 'господин', в XIII в. известно и как монгольское имя (Абаев, 1949, 34, 63 и сл., 154, 199; 1958, 126–128). Первоначальным значением этого слова, игравшего важную роль уже в скифо-сарматский период, должно быть: «известный воин», «военный предводитель», откуда, как обычно (ср. под № 18), «знатный», «старшина», «вождь», «князь»[34]. Иранское происхождение слова несомненно, хотя его этимология остается неясной. Предлагавшиеся объяснения (В.И. Абаев: от **armadāra-* 'рукодержец'; М.Н. Боголюбов и О.И. Смирнова: к авест. *harətar-* 'надзиратель', 'страж') не представляются убедительными как по значению, так и по форме. Термин в соответствии со своим значением мог бы быть разъяснен, если допустить, что он восходит к «юго-западной форме». Мы видели (см. под № 6), что в восточноиранских языках, от Юго-Восточной Европы до Восточного Туркестана, в том числе в осетинском, представлен ряд слов, следующих «юго-западной» норме (в частности, и в отражении и.-е. *ǵ*, ср. **dasta-*,

---

* Предлагаемую Э.А. Грантовским иранскую этимологию принимают и авторы более поздних работ, см.: Hinz, 1975, S. 277; Zadok, 2002, p. 102, 104.

[34] Значение «начальник охраны» (в средние века в венгерском), принимаемое как основное М.Н. Боголюбовым и О.И. Смирновой (1963, 110), должно быть вторичным (вероятно, от «начальник отдельного отряда»). Оно не находит отражения в осетинском и монгольских, а в венгерском слово также означает «военный», «знатный».

от осетинского до афганского, вместо **zasta-*)*. В некоторых случаях это слова, не представленные или вообще не бытовавшие в самом персидском на территории Ирана; для Северного Причерноморья наличие «юго-западных» форм вопреки обычной языковой норме зафиксировано уже для VII–V вв. до н.э. Вместе с тем уже в древнейший период некоторые важные социально-религиозные термины, такие, как *farnah-*, получили широкое распространение в различных диалектах в форме, чуждой их языковой норме. Поэтому указанный скифо-сармато-осетинский термин — наиболее вероятно др.-иран. **ardāra-* — можно связать, с одной стороны, с авест. *arəzah-* 'бой', 'сражение', 'боевой ряд', ср. *arəzayant-* 'сражающийся', а с другой — с восточносакским титулом знати **arzāna(ka)*, ср. хот.-сак. *alysānai* и др. и *erjhuna* (для *erzuna*) индосакских надписей (см.: Konow, 1929, LI–LIII; по Ст. Конову, образования с *-āna*, *-ānaka* от слова, соответствующего греч. ἀρχός 'предводитель', 'начальник', 'вождь'). В этом случае **ardāra-* либо имеет суффикс *-ra* или *-āra* (см. под № 2, ср. авест. Имя *Vanāra-*, очевидно, от *van(a)* 'побеждать', ср. *vanaiti-vant-* 'победоносный', *vanat.pəšana* 'выигрывающий сражение' и т.д.), либо образовано с глаголом *ar-* в одном из его значений, наиболее вероятно «двигать(ся)», т.е. «двигающийся в сражении» или «двигающий бой», ср. др.-перс. **šūta-yauda-* (ср. под. № 14), по Э. Бенвенисту (1958, 52), 'которым бой приводится в движение', близкое авест. *arəzo.šūta-* 'который приходит в движение в битве'. При предложенном толковании *Ardara* списка 820 г. до н.э. действительно может иметь многочисленные параллели в иранской и восходящей к ней ономастике и представлять, как ряд других иранских имен из ассирийских текстов, социальный термин или военно-аристократический титул**.

---

* Г. Моргенстьерне дал иное объяснение появлению нерегулярного начального смычного в рефлексах общеиранского **źasta*, предположив диссимиляцию ожидаемого **z* с последующим спирантом (в качестве типологической параллели он приводил появление начального смычного вместо **z* в славянском слове «гусь», которое Мейе объяснял аналогичной диссимиляцией) (Morgenstierne, 1927, p. 39). В дальнейшем было показано, что ту же закономерность демонстрирует и появление начального смычного в рефлексах общеиранского **źauštar-* 'друг' (Чертополохова, 2004, с. 25–26, 86).

** В иранском происхождении имени *Ardara* сомнений вроде бы нет, но нет и единого мнения относительно его этимологии. Р. Шмитт (Schmitt and Talon, 1998, p. 128–129), как, видимо, и Р. Цадок, который дает ссылку на Шмитта, не высказывая собственного мнения (Zadok, 2002, p. 102–103), присоединяется к мнению Таллквиста, отвергая альтернативные этимологии Грантовского, Хинца (**arda-ara-*, 'полудикий'; впрочем, сам автор не слишком настаивал на этом сближении см.: Hinz, 1975, S. 36) и Тохтасьева (к корню **ard-* 'преуспевать, увеличивать, давать расти' + суффикс **-ara-* — Тохтасьев, 1994–1995, с. 141), хотя по сугубо фонетическим соображениям (которые, в конечном итоге, и являются решающими) ни одну из этих гипотез отвести нельзя.

28. *Zabanu* (*Za-ba-nu*, анн., III, 60). По И. Шефтеловицу, иран. **Zabana-* = др.-инд. *Jambhana-*, от *jambh/jabh* = авест. *zamb-* 'разрушать' (известен ряд иранских имен в значении «разрушающий», «сокрушающий»). Вместе с тем, так как акк. *b* иногда передает иран. *v* (хотя чаще для *v* акк. *m* или *u*), можно сравнить это имя и с авест. *Zavan(a)-* (Яшт XIII, 125: *Zavano*, род. пад.) 'призывающий' или подобное, ср. *zavan-*, *zavana-* 'зов', 'оклик'. Но наряду с *zav-* употреблялась представляющая иное развитие форма *zba-* (авест. *zbayeiti*, др.-перс. *patiyazbayam*, парф. *'zb'n*, н.-перс. *zabān* и т.д.), возможно поэтому и *Z"bana-*, соответствующее авест. *Zavan(a)-*. К подобной группе имен (ср.: Justi, 1895, 384) может относиться и скифо-сарматское Ζαβάγιος, хотя его можно объяснить и иначе (ср.: Zgusta, 1955, 95)*.

29. *Arua* (*A-ru-a*, анн., III, 59). Может точно передавать иран. *arva* (так у И. Шефтеловица), авест. *aurva-*, *aurvō* 'быстрый', 'мужественный', 'герой'; *Arua* является также первым элементом ряда древнеиранских имен; может быть и самостоятельным именем, ср. употребление *aurva-* как отдельного эпитета богов и героев (например, в Яшт XV, 54: *Vayuš aurvō*), ср. также распространенное западноиранское и ахеменидское имя 'Ορόντης (см., например, Justi, 1895, 234, 235), **A"rvant-*, в древнеперсидском ср. еще *aruvasta-* от *arva(n)t-ta-* 'активность', 'телесная бодрость' и т.п. (как одно из качеств царя в DNRb)**.

30. *Bāra* (*Ba-a-ra*, анн., III, 58) — иранское, по Эд. Мейеру, возможно иранское — по И.М. Дьяконову. По И. Шефтеловицу, иран. *Bara-* — инд. *Bhara-* «ein Fürstenname», ср. греч. Φέρης, Φέρων; также иранское — по К. Таллквисту (1918, 52 со ссылкой на Шефтеловица, 1918, 276: от *bara* 'riding'). Возможность существования иранского имени **Bāra-* несомненна, ср. др.-инд. *Baru-*, *Bhara-*, *Bharu-*, *Bhāra-*, *Bhāru-* и т.д. (ср. выше об имени **Baruva-*). Иран. *Bāra-* в этом случае скорее всего соответствует инд. *Bhāra-* (имя правителя и др., ср. еще *Bharata-* и т.д.), ср. также иранские имена с *bāra* (например: Justi, 1895, 488), обычно к *bar-* (инд. *bhar-*) (о возможных значениях ср. также с. 143, 203 и сл., 231 и сл.). Допустимо и к собственно иранскому значению глагола *bar-* 'ездить верхом', тогда **Bāra-* 'всадник' (ср. у К. Таллквиста); наряду с **aspabāra-* (так же как имя VIII в. до н.э., ср. № 68), перс. *asabāra-*, в этом значении употреблялось и **bāra(ka)* с многочисленными соответст-

---

* Р. Цадок считает это имя 'unaffiliated and isolated' (Zadok 2002, p. 103–104).

** Иранская этимология Шефтеловица в настоящее время практически общепризнана. См.: Radner and Schmitt, 1998f, p. 134; Zadok, 2002, p. 103; ср. также p. 142, note 26.

виями в средне- и новоиранских языках (см.: Абаев, 1958, 232, 236 и сл.; Bailey, 1963, 77)*.

31. *Tāta* (*šá* ^{I}*Ta-a-ta-a-i*, анн., III, 50, ср. под № 19) может быть иранским именем **Tăta-*, ср. др.-инд. *tatá-* (вед.), *tāta-* 'отец' (также обращение к сыну). Известны многие иранские имена в подобном значении, ср. также скифо-сарматское (Zgusta, 1955, 305) и особенно западноиранское имя *tt* в арамейском документе ахеменидского времени (изд.: Kraeling, 1953, № 4, стк. 24) — иран. **Tăt(a)*. По Э. Крелингу, это сокращение от вавилонского имени типа *Bel-tat-tan-nu-bul-liṭ-su*, как и имя *Tattan(u)* из документов того же времени. Так же определяет имя *Tattan(u)* из арамейских и аккадских документов В. Эйлерс (1940a, 7, 35, 121 и др.), считая подобным именем и *Tāta* (*Ta-a-ta*) в одном из вавилонских документов, но оно упомянуто там рядом с другими иранскими именами (Миздаешу, Хадбага и др.) и вполне может быть иранским; а имя *Tata* в указанном арамейском документе, безусловно, должно быть признано иранским, указывается, что его носитель — маг, как и названный рядом Митрасара, с бесспорно иранским именем (см. под № 8)**.

32 и **33**. *Šua* (*Šu-ú-a*, анн., III, 62) и *Šuma* (*Šu-ma*, III, 49). Оба аккадских написания могут точно передавать иран. *Sava(h)-* (ср. *Parsua* и *Parsumaš* для *Parsava-* или рядом в списке 714 г. до н.э. *Uakirtu* и *Makirtu* < **Vahukṛta-*); ср. авест. имя *Savah-* (Яшт XIII, 101) и другие имена (ср. еще: Justi, 1895, 268), *Sava-* входит и в состав ряда скифо-сарматских имен (Σαυα-, -σαυος, ср.: Абаев, 1949, 181 и сл.; Zgusta, 1955, 90, 143). Первое имя названо в списке между определенно иранскими именами (№ 21–22 стоят перед ним, № 19–20 — после него, завершая список)***.

34. *Kirnakuš* (*Ki-ir-na-ku-uš*, III, 60). Окончание *-uš* может стоять для иран. *-a* (ср. с. 80). Возможно иран. **Kṛna(u)ka-* или **Kurnaka-* (с передачей *i* < *u* перед *r*). В первом случае (быть может, также акк. *Kirnakuš* вместо **Kirnukaš*) — образование от основы глагола *kar-*, *kṛ-* 'делать' (о возможных значениях имен ср. № 2) с суффиксом *-ka* (об именах от основы глагола + *ka* см. под № 3, 9 и особенно 54),

---

* Иранскую этимологию принимают практически все исследователи. См.: Hinz, 1975, S. 63; Fuchs and Schmitt, 1999c, p. 268 (с оговоркой: 'probably Iran[ian]'); Zadok, 2002, p. 103, 104.

** В. Хинц ссылается на этимологию Грантовского (Hinz, 1975, S. 235). Р. Цадок считает имя *Tāta* либо иранским, либо атипичным (Zadok, 2002, p. 102, 104).

*** Р. Цадок считает это имя слишком кратким для бесспорного определения его лингвистической принадлежности (Zadok, 2002, p. 103–104).

ср. авест. *kərənavant-*, др.-инд. *kṛṇvant* (ср. вариант *tunuvant-*: *tunaka* под № 39). При второй возможности сравнимо имя одного из древнейших армянских царей — *Kornak* (у Моисея Хоренского, ср.: Justi, 1895, 165), из числа предшественников Тиграна, по Моисею Хоренскому и Ксенофонту, союзника Кира в борьбе с Мидией. Оба царя принадлежали к династии, члены которой носили иранские имена (например, Еруанд, отец Тиграна, — *Arvant*, Ὀρόντης, ср. № 29, ср. для ахеменидского периода то же имя в греческой передаче Ἀρυάνδης). Корнак, вероятно, от др.-иран. **Kurnaka*, что могло означать «юноша», «сын» и т.п. (для др.-иран. **kurnaka* ср. ср.-перс. *kurrak*, курд. *kurr*, *кur* и т.д., см.: Bailey, 1953), о личных именах в таком значении см. с. 268*.

35. *Adadāna* (*A-da-da-a-na*, анн., III, 57). Как возможно иранское отмечается И. М. Дьяконовым. Можно разбить имя на элементы *Ada-* и *-dāna* и каждый объяснить из иранского, а также предложить на этом основании общее значение имени, но в целом ясных и прямых параллелей в индоиранской ономастике не усматривается. Ниже приводятся некоторые варианты, допустимые при предположении, что имя иранское. Во второй части тогда следует видеть иран. *dāna-* (или также *dānu-*, в Авесте имя враждебного племени, др.-инд. *dānu-* 'доблестный' и т.п.) от *dā-* 'давать', 'даровать' (ср. инд. *dāna-* 'даяние', 'щедрость'), 'ставить', 'создавать', 'устанавливать' (ср. инд. *dhāna-* 'содержащий' и т.п., ср. также под № 9); для первой части ср. др.-иран. * *ădă*, авест. *ădā* 'воздаяние', 'возмездие' (также имя божества), ср. имя Καινάξαρθος (из Ольвии) < **Kainaxšaθra-* с *kaina-* 'наказание', 'вознаграждение', 'месть'. Допустимо и иран. *hada*, *h-* либо передается акк. *ḫ-*, либо не отражается. Так, для имени одного лица в вавилонских документах известны передачи: *A-da-ba-ga*, *Ad-ba-ga-'*, *Ḫa-ad-ba-ga(-a)* (см.: Tallqvist, 1918, XXIV; Eilers, 1940a, 7, 53), по В. Эйлерсу: **Hadabaga*, лучше: **Hadabāga-*, ср. ср.-перс. *hamβāγ* '(со)товарищ'; *hada* (инд. *saha*) 'с', 'вместе', 'совместно' близко по значению к *ham-* (инд. *sam-*), оба выступают в сходных по смыслу образованиях, ср. др.-иран. **hamgaiθa-* и авест. *hadō.gaeθa-*; и **Hadadāna-* можно было бы сравнить с сасанидским именем *Hamdān* (у Фирдоуси, см.: Justi, 1895, 135)**.

---

* P. Шмитт считает иранскую этимологию Грантовского «сугубо умозрительной» ('merely speculative') (Fuchs and Schmitt, 2000f, p. 619). Согласно Р. Цадоку, это имя не иранское, а 'unaffiliated and isolated' (Zadok, 2002, p. 103–104).

** P. Шмитт считает наиболее вероятной этимологию **hada-dāna* 'кому сопутствуют дары, богатый дарами' или **hada-dānā* 'богатый зерном' (Radner and Schmitt 1998a, p. 22). Р. Цадок также относит его к «возможно» иранским (Zadok, 2002, p. 103–104).

Таким образом, из 28 имен списка 820 г. до н.э. 10 (№ 17–26) вполне надежно могут быть признаны иранскими, как, очевидно, и № 27. Следующие шесть имен (№ 28–33) легко объясняются из иранского и в этом случае имеют прямые параллели в засвидетельствованной древнеиранской ономастике. То же можно сказать и о № 34. Не исключена иранская принадлежность и имени № 35. Вполне возможно, что иранские имена имеются и среди оставшихся девяти имен[35]. Но и рассмотренных имен достаточно для вывода, что среди населения указанной территории (западная и южная части Приурмийского района и местности несколько далее к югу) ираноязычный этнический элемент имел очень большой удельный вес уже во второй половине IX в. до н.э. (и в том случае, если приведенные языковые атрибуции рассмотренных имен частично ошибочны или являются результатом совпадения с близкими по звучанию именами из других языков, но и таким коротким именам, как Аруа, Шуа и др., трудно отказать в иранском происхождении, учитывая, что они названы рядом с бесспорно иранскими именами).

Данные списка 820 г. до н.э., как уже отмечалось, тем более важны, что в нем перечислены имена не крупных, а мелких владетелей, в большей части, очевидно, родо-племенных вождей, старейшин небольших округ. Их имена должны гораздо точнее отражать этнический состав местного населения, чем имена правителей более значительных политических образований; имена таких правителей часто свидетельствуют о влиянии с соседних территорий, а не о языке местного населения. Вместе с тем уже длительное время существовавшие более прочные объединения государственного типа были созданы обычно представителями старого местного населения и возглавлялись ими, вероятно, и позднее, в период дальнейшего распространения ираноязычного населения. Среди имен правителей таких объединений появляются и иранские, но это не должно рассматриваться прежде всего как результат перехода власти к выходцам из иранских племен. Иранские имена появляются и в родах самих местных правителей (что, например, достаточно определенно имело место в Элипи, а возможно, и в Мане). А в разобранном списке мелких владетелей наличие иранских имен бесспорно не является следствием захвата власти вождями незначительных пришлых военных групп типа «преторианцев» или «кондотьеров»; носители иран-

---

[35] *Sirašme* (*Si-ra-áš-me*, III, 45), *Amaḫar* (*A-ma-ḫar*, III, 45), *Sanašu* (*Sa-na-šu*, III, 47), *Bisirain* (*Bi-si-ra-in*, III, 51), *Amamaš* (*A-ma-ma-áš*, III, 53), *Taršiḫu* (*Tar-ši-ḫu*, III, 54), *Sirāšu* (*Si-ra-a-šú*, III, 56), *Gišta* (*Gi-iš-ta*, III, 56), *Ursi* (*Ur-si*, III, 58). Некоторые из этих имен отмечались как возможно иранские Ф. Кёнигом.

ских имен этого списка, безусловно, и не владельцы «ленов», иммигранты, получившие их за несение военной службы у местных правителей.

Данные списка 820 г. до н.э., как и другие материалы источников IX в. до н.э. (см., например, выше о Парсуа), свидетельствуют именно о широком распространении собственно ираноязычного населения, отнюдь не имевшего еще на этих территориях в целом политического преобладания или не игравшего какой-то иной, особой роли, что могло бы способствовать лишь поверхностному распространению иранского языка среди местного населения. Имена правителей списка 820 г. до н.э. или по крайней мере их подавляющее большинство должны происходить из языка жителей их владений.

Что касается топонимических названий списка 820 г. до н.э., то обычно считают, что все они неиранские (см., например: Дьяконов, 1956, 167), но для некоторых из них такое определение все же несправедливо.

36 и **37**. *Parsanu/i* (*Pa-ar-sa-ni-a-a*, III, 66) и *Ḫundur(u)* (ср. с. 193) — названия упомянутых рядом владений двух Заришу. Первое имя, возможно, от иран. *parsa-* или *parša-* (в зависимости от значения ассир. *s*) + *-ăna* — суффикс, обычный в иранских топонимических, этнических и патронимических (родовых) названиях. Имя может происходить и от этнонима персов — *Pārsa* (ср. под № 6); при *parša-* ср. *parša-* '(хлебный) колос' (ср. также с. 142) или **Parša-* = инд. *Parṣa-* (древнее имя).* Об имени Хундура, для определения иранской принадлежности которого имеются дополнительные данные, подробно см. с. 324–332.

Иранскими, быть может, являются и некоторые другие топонимы списка, например: *Abdana*** (III, 57, ср. иран. *abda-* 'превосходный', 'отличный', 'особый', авест. *abda-*, *abdō.təma-* 'отличнейший', ср.-перс. *aβd*; в Авесте это слово употребляется, в частности, по отношению к жилью, местообитанию), *Kindutaus* (III, 60), *Kibaruša* (III, 52), *Maṣirauša* (III, 54), *Kipabarutaka* (III, 48) и др.***. Но названия значительной части владений списка — бесспорно неиранские, причем для ряда примеров достаточно определенно можно говорить, что лицо с иранским именем правит в местности с неиран-

---

* Р. Цадок, ссылаясь на Грантовского, также считает этот топоним иранским (Zadok, 2002, p. 102, 105).

** Р. Цадок считает (с вопросительным знаком) написание *Abdana* гаплографией формы *Abdadāna* (Zadok, 2002, p. 103, 105).

*** Согласно Р. Цадоку, все эти топонимы — неиранские, видимо хуррито-урартские (Zadok, 2002, p. 102–103, 105).

ским названием. Но данное обстоятельство не может служить аргументом в пользу предположения (опровергаемого самим характером списка и перечисленных в нем владений), что ираноязычное население составляло в таких владениях лишь поверхностный слой аристократии. Выше уже отмечалось, что в период полного преобладания в Иране иранских языков многие города и поселения продолжали носить неиранские названия (ср. выше о Парсуа и ахеменидском Фарсе). Иранские имена чаще получали более значительные территории, «страны», особенно когда эти названия совпадали с племенными. Более мелкие районы и старые поселения обычно сохраняли свои названия.

Выше были рассмотрены ономастические материалы анналов Шамши-Адада V. Других данных о территориях к востоку и северу от Ассирии в его надписях не имеется. Но в «Письме Ашшуру» при описании похода 814 г. до н.э. сохранились важные сведения о районах, расположенных далеко на юго-востоке. После рассказа о событиях в Дере сообщается (стк. 21 и сл.), что население соседней территории в страхе перед ассирийцами оставило свои поселения и бежало в сторону Элама. Далее в сильно фрагментированном контексте сообщается о событиях на территории от Парсамаша (к чтению имени см. ниже) до Бит-Бунаки. Можно предполагать (ср.: Weidner, 1934, 104), что речь идет либо о том, что эламиты и жители пограничной полосы, куда вторглось бежавшее от ассирийцев население, разграбили последнее, либо, наоборот, это население совершило погром в пограничной полосе Элама. Бит-Бунаки известен и по другим текстам; при Синаххерибе и Ашшурбанапале он находился на территории Элама, у его северо-западных границ. Таким образом, в надписи Шамши-Адада V речь идет о горных районах к востоку от Дера и к северу и северо-западу от основных центров Элама. Правда, по трактовке И.М. Дьяконова (1956, 224), в тексте говорится «о разорении и смуте во всем Эламе, от Парсамаша (т.е. Персиды на крайнем юго-востоке) до Бит-Бунаки (в верховьях р. Керха на крайнем северо-западе)». Но Парсамаш «Письма Ашшуру» Шамши-Адада V не может соответствовать Персиде (т.е. области Пасаргад и Персеполя и соседних районов). Текст не дает никаких оснований для мнения, что речь идет о кровопролитии и погроме во всем Эламе (да и в этом случае определение Элама как территории до Персиды не представлялось бы вероятным).

Напротив, из текста достаточно ясно, что речь идет о пограничной полосе Элама или в крайнем случае о непосредственно примыкавших к ней районах. Да и вообще кажется невозможным, чтобы беглое население могло учинить разгром на всей тер-

ритории Элама (кроме того, как указывалось, текст можно понимать и так, что само это население было разорено на подступах к Эламу). Дж. Кэмерон (1936, 145 и сл.), так же как и Э. Вайднер, помещает Парсамаш этой надписи на северных границах Элама. Более того, в тексте (ср. стк. 24 и сл. и 32 и сл.) Парсамаш упомянут перед Бит-Бунаки и должен рассматриваться как территория, более близкая, чем Бит-Бунаки, к Деру, где находились ассирийцы, или к области, из которой бежало население. После «Парсамаш» не дается никакого определения, за Бит-Бунаки следует *ša mi-sir* [...], т.е. «границы», «пределов» («области», «страны»); название страны не сохранилось. Если это указание относится лишь к Бит-Бунаки, а не к Парсамашу, то тогда Парсамаш, безусловно, местность, более близкая и лучше известная в районах, где находились ассирийцы. Приведенное определение может относиться и к обоим названиям. Если в лакуне назывался не Элам, то там упоминалась какая-то область у его пределов, в которой находились Парсамаш и Бит-Бунаки (т.е. область к северо-западу от Элама). Если же это сам Элам (что менее вероятно), то речь также идет о территории на его северо-западных границах. В любом случае нет оснований для мнения, что в тексте имелась в виду вся территория Элама. Парсамаш данного текста должен быть помещен где-то в горных местностях к востоку от Дера, причем, вероятно, далее к северо-западу от центров Элама, чем Бит-Бунаки.

38. *Parsamaš* ([*Par*^{1}*-sa-maš*, стк. 32, упоминалась и в лакуне строки 24). Восстановление Э. Вайднера — *Parsamaš* — не вызывает сомнений*, ибо страна с этим именем в том же написании *Par-sa-maš* (наряду с *Par-su-maš*, *Par-su-ma-aš*) на границах Элама известна и в VII в. до н.э. (когда упоминается и Бит-Бунаки); оставшаяся часть первого знака также может указывать на *par*. В VII в. до н.э. то же название в связи с Эламом упоминается в текстах Синаххериба как *Parsuaš* (см. под № 6), в письмах царской корреспонденции при Ашшурбанапале в написаниях *Parsamaš*, *Parsumaš* (HABL, № 961, 1309, 1311) и как *Parsumaš* в надписях Ашшурбанапала из Ашшура (изд. Э. Вайднера — AfO, VII, 1–7, цит. по: Thompson, 1933 и Labat, 1961, 5) и из храма Иштар в Ниневии (изд.: Thompson, 1933), стк. 115. Из двух последних текстов уже определенно следует, что под этим именем имеются в виду персы: сообщается, что царь Парсумаша Кир (*Kuraš*, как и в аккад-

* Сомнения выражает, насколько можно судить, только Р. Цадок, которому это восстановление кажется 'geographically and historically implausible' (Zadok, 2002, p. 142, n. 23), хотя его принимают все издатели текста.

ских источниках ахеменидского времени) послал дань Ашшурбанапалу и отправил с ней в Ниневию своего старшего сына *Arukku* (иран. **Aryuka*, ср. под. № 54). Выше уже указывалось, что под Парсамаш-Парсумаш в указанных письмах имеется в виду не только страна, но именно народ, племя этого имени. Эти персидские племена постепенно расселялись по пограничным территориям Элама и далее к юго-востоку до Персиды. Но и Парсамаш-Парсумаш VII в. до н.э. следует локализовать к северу или северо-востоку от центров Элама, как, в частности, было показано Дж. Кэмероном (1936, 179 и сл., 190 и сл.). И.М. Дьяконов (1956, 198 и сл.) отождествляет и Парсумаш VII в. до н.э. лишь с Персидой. При этом он пишет, что Э. Вайднер и Дж. Кэмерон не учитывали упоминание Парсумаша рядом с областью Худимири, расположенной у Персидского залива. Но Дж. Кэмерон даже ссылается на специальную статью (Schawe, 1932) о Худимири с определением ее положения в этом районе. Упоминание Парсумаша и Худимири в надписи из Ашшура вовсе не указывает, что они граничили. В тексте лишь сообщается — в разных параграфах — о принесении правителями этих стран дани в Ниневию. В отличие от текста всей надписи эти параграфы ясны целиком. О Худимири рассказывается после Парсумаша, причем говорится, что Худимири была расположена «далеко» и находилась на границе, с другой стороны Элама. Для Парсумаша при трафаретном в целом тексте такого добавления нет. Поэтому никаких данных из этого текста в пользу мнения И.М. Дьяконова извлечь нельзя; они скорее могут свидетельствовать против его положения. Для локализации страны и народа Парсумаш более существенны сведения писем царской корреспонденции. В них Парсамаш-Парсумаш упоминается в связи с царями Элама, сидевшими в Мадакту, к северо-западу от Суз, на верхней Керхе (к локализации Мадакту ср.: Cameron, 1936, 165; Ghirshman, 1951, 102–104). Около 693 г. до н.э. в Эламе пришла к власти новая династия, представители которой более не назывались царями Суз и Аншана, а их столицей были не Сузы, а Мадакту. Уже с начала правления эта династия была, очевидно, тесно связана с персами, уже около 690 г. до н.э. воевавшими с Ассирией на стороне Элама. Из писем ассирийской царской корреспонденции около середины VII в. до н.э. следует, что в период их написания эламские цари, сидевшие в Мадакту, рассматривали персов (Парсамаш-Парсумаш) как важную опору и во внутренних делах Элама. Эти персы, по данным писем, находились где-то недалеко от Мадакту, а также между этим городом и Хидалу (далее к востоку, но, безусловно, не в Персиде и определенно севернее ее).

Таким образом, бытование имени Парсамаш-Парсумаш на северных границах Элама не вызывает сомнений. Возможно даже, что это название в различные периоды относилось к разным районам данной территории. Это связано с тем обстоятельством, что Парсава было племенным именем и области, где расселялись племена этой группы, получали такое название. Позже эти племена концентрировались далее на юго-востоке и дали свое имя Персиде-Парсу (*Pārsa-*, более поздняя форма этнонима, чем **Parsava-*, откуда — Парсамаш). Территории, именовавшиеся Парсамаш, в IX в. до н.э., а частично определенно и в VII в. до н.э. не соответствуют Персиде. Таким образом, теория о постепенном переселении групп персидских племен с северо-запада, из Приурмийского района и районов у Замуа, далее к юго-востоку находит подтверждение и в данных о Парсамаш-Парсумаш-Парсуаш на границах Элама в IX–VII вв. до н.э. О значении иранского **Parsava-*, передаваемого этими написаниями, говорилось выше (№ 6).

Как уже указывалось, можно предполагать иранскую принадлежность отдельных личных имен из Элама VII в. до н.э. (помимо имен персов — Кураш и Арукку). Ассирийские источники сообщают имена эламских царей этого времени и некоторых других представителей царского рода и высшей эламской знати, боровшихся за власть в Эламе. Собственно эламские, особенно царские, имена достаточно характерны, но не все из упомянутых имен имеют соответствующие специфические черты. Выше отмечалось, что не исключено иранское происхождение имени *Parū* (= *Barū*, *Barua*, **Baruva-*). Имя Пару носил племянник *Urtaku/i* — царя Элама около 675–663 гг. до н.э. (по Дж. Кэмерону). Его имя, быть может, представляет иранское образование с *-ka* (ср. в имени из Парсамаша *Arukku*, иран. **Aryuka-*, см. под № 54), для *urta-* не исключено иран. *ṛta* (ср. имена **Farnaka-*, **Xsaϑraka-* и др.), в эламских ахеменидских текстах для иран. *ṛ* наряду с *ir* писалось и *ur*, возможно и акк. *ur* для *ṛ*. Допущение иранской принадлежности обоих имен, естественно, крайне ненадежно. Но все же такая возможность не исключена, тем более если учитывать, что персы появились на границах Элама или в его пределах уже в IX в. до н.э., в VII в. до н.э. играли на его территории значительную роль и находились в тесных связях с династией, к которой принадлежали Уртаку и Пару. Больший интерес представляет имя *Indabigaš*, которое носил эламский военачальник, захвативший царскую власть около середины VII в. до н.э. и действовавший до этого недалеко от тех районов, где были персы (ср.: Cameron, 1936, 192 и сл.). Элемент *inda* входит в иранские имена из элам-

ских документов Персеполя (см.: PTT, № 3, 29, 49; к иранской принадлежности этих имен ср. также: Hoffmann, 1958, 12); возможно, он соответствует иран. *vinda-* (ср. Cameron, PTT, 133, 162, ср. также греч. 'Ινταφέρνης для *Vindafarnah-*); *-biga(š)* (добавление *š* к иранским основам на *-a* обычно в эламском) можно сравнить со второй частью др.-перс. *Bagābigna-* (Бех., IV, 84, отец Видарны) и 'Αριαβίγνης (Геродот, VII, 97; VIII, 89, сын Дария I) с *(ā)-big-na* с неясным значением, быть может, к и.-е. **bheig^{u}-*, ср. греч. φοῖβος (ср.: Justi, 1895, 682; Boisacq, 1923, 1032). По Ф. Юсти, *big-na* 'блеск', 'сияние', тогда **Vindabig(n)a-* имело бы сходное значение с *Vindafarnah-*. Но наиболее существенным является сообщение в письме HABL, № 285 — к Ашшурбанапалу от Белибни. Письма Белибни содержат информацию о событиях в Южной Вавилонии и Эламе (HABL, № 462, 794 и др.). В тексте HABL, № 285 говорится, в частности, о Мадакту (об., стк. 11, 12), а рядом (стк. 9) упоминается лицо, имя которого читалось ранее (Figulla, 1912) как *Akkulanu* (известен по другим письмам царской корреспонденции). Но здесь это не является возможным, как было указано Л. Уотерманом (RCAE, I, 198, 199; III, 112), давшим чтение *Ak-nu-par-nu*. Со ссылкой на Л. Уотермана и частное сообщение В. Эйлерса Ст. Викандер, исходя из чтения *Ag-nu-par-nu*, объясняет имя как иран. *Agnifarnah-* (Wikander, 1946, 102, 103, ср. также у М. Майрхофера: Brandenstein, 1964, 101). Индоиранское (и и.-е.) *agni-* 'огонь', 'божество огня' (др.-инд. *Agni-*, известно и в переднеазиатском арийском II тысячелетия до н.э.), хотя в основном утраченное иранским, все же сохранено в авестийском имени *Daštāyni-*, а соединение значений «огонь» (обычно *Aθr-*) + «фарн» хорошо представлено в иранской ономастике (ср.: Wikander, 1946, 102, 103). Знаки имени, как оно воспроизведено в издании Р. Харпера (см.: HABL, III, 291), устанавливаются вполне надежно; первый — *ak/g* (перед *n* вернее *ag*), второй и четвертый — *nu*, третий несколько испорчен, но также не вызывает сомнений, однако его фонетические значения различны, наряду с *par*, а также *pir* (что по существу не меняло бы иранской атрибуции имени, допустимо и акк. *ir* для иран. *ar*), возможно и *ut/d* и др. Но акк. *parnu*, *parna* как с *pa-ar*, так и с *par* для иран. *farnah-* засвидетельствовано многими надежными примерами уже для ассирийских текстов (см. ниже). Поэтому чтение *Ag-nu-par-nu* представляется наиболее вероятным. Что касается *u* в *Agnu* для иран. *i*, то оно вполне обычно, тем более перед лабиальным (ср. с. 87 и сл.)*.

* Иранская этимология Таллквиста–Викандера практически общепризнана. См., например: Lapinkivi and Schmitt, 1998, p. 56.

4. Имена второй половины VIII в. до н.э.

В первой половине VIII в. до н.э. Ассирийская держава находилась в упадке, и немногочисленные тексты этого времени не содержат существенных данных о странах к востоку и северу от Ассирии. Во второй же половине этого столетия ее экспансия в соседние страны вновь усилилась и достигла значительно бо́льших масштабов, чем в предыдущие эпохи. От этого периода, соответственно, сохранился и весьма богатый ономастический и топонимический материал. Это прежде всего относится ко времени Саргона II (722–705 гг. до н.э.), к дошедшим от его правления многочисленным и разнообразным источникам. В сравнении с ними сохранившиеся тексты Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.) представляют значительно меньшее число данных, особенно личных имен, но все же содержат некоторые важные материалы. Надписи Тиглатпаласара III были изданы П. Ростом в 1893 г. (см.: KTP, надписи Тиглатпаласара III цитируются по изданию транслитерации и перевода; новые тексты этого царя с существенными для нас данными пока неизвестны*). Его анналы дошли во фрагментах, но сохранились значительные части описания восточных походов 744 и 737 гг. до н.э. В других надписях события на востоке отражены обычно лишь в общих сводках покоренных стран. Такие сводки восточных стран даются в надписях из Калху, на первой каменной плите (1. пл., стк. 17–19), на второй каменной плите (2. пл., стк. 18–26) и на глиняной таблице. Последняя содержит значительно более подробный список восточных стран (гл. табл., стк. 29–34), далее (стк. 34–37) повторяется краткая сводка, а затем (стк. 37 и сл.) сообщаются дополнительные сведения о событиях в некоторых из упомянутых стран (в основном говорится об установлении изображений Тиглатпаласара III). По написанию географических названий и некоторым другим деталям можно предполагать, что текст глиняной таблицы со стк. 34 следует иному источнику, чем предыдущий отрывок (стк. 29–34, восходит к тому же тексту, что и список в 2 пл.). Написания названий ряда стран в этом отрывке (стк. 34 и сл.) отличаются от их написаний в сводке первой плиты, хотя последовательность стран в этих кратких сводках совпадает (но в гл. табл., стк. 34, в начале добавлены названия двух стран). Надписи второй плиты и глиняной таблицы составлены в 728 г. до н.э. Сведения обеих надписей (гл. табл., стк. 38–41, 2 пл., стк. 26) свидетельствуют, что между 737 и 728 гг. до н.э.

---

* Ссылки на публикации новых текстов см. ниже.

был совершен еще по крайней мере один поход на восток (сохранившиеся анналы о нем не сообщают), причем основные действия происходили в Мидии, а возглавлял его не царь, а наместник.

Из описания в анналах похода 744 г. до н.э. ясно следует, что ассирийцы не доходили до границ Мидии (ни сама Мидия, ни какие-либо мидийские области под 744 г. до н.э. не упоминаются). По И.М. Дьяконову (1956, 193, 201), ассирийцы побывали в 744 г. до н.э. и на территории Мидии. Но помимо неоправданного причисления Эрензиаша и Аразиаша к Мидии, данное мнение основано на посылке, что список стран в надписи на первой плите относится именно к походу 744 г. до н.э. Но это невозможно. Надпись составлена в 734 г. до н.э. или сразу после него (датируется по описанию событий на других территориях, ср.: AR, 1, 280). Уже поэтому в ней должны быть отражены и результаты похода 737 г. до н.э. Более того, в ее списке названы Бит-Зуальзаш, Бит-Мати и г. Нику страны Туплиаш, пройденные ассирийцами именно во второй восточной кампании, о чем и сообщается в анналах под 737 г. до н.э. (причем о Нику не только в конкретном описании конца похода, где можно было бы предположить неверную аранжировку фрагментов анналов, но и в начале, в сплошном тексте после указания года похода). Поэтому упоминание в сводке первой плиты города «Закрути могучих мидян» — по И.М. Дьяконову, конечный пункт похода 744 г. до н.э. — относится не к нему, а отражает уже результаты кампании 737 г. до н.э. Следует еще напомнить, что отрывок об Эрензиаше и Аразиаше следует в сплошном тексте за описаниями действий в Бит-Капси (локализуется вне Мидии и в текстах непосредственно противопоставляется ей), а после Аразиаша рассказывается уже о Сумурзу, т.е. о местностях у Диалы (см. с. 126 и сл.). Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в 744 г. до н.э. ассирийцы не дошли до Мидии.

В 737 г. до н.э. они, действительно, побывали на ее территории. В начале описания похода (анн., стк. 157–158) приводится краткий список пройденных стран. Из сравнения с сохранившимися фрагментами, повествующими о конкретных событиях кампании, ясно, что предпосланный в начале краткий список составлен в последовательности маршрута похода. После Бит-Капси, Бит-Сангибути, Бит-Таззаки названа Мидия, затем — Бит-Зуальзаш, Бит-Мати, Нику. Последний был пройден в конце похода, две предыдущие местности находились поблизости от него. Таким образом, вступление в Мидию здесь точно отмечено (подобным кратким списком начинается и описание похода 744 г. до н.э., текст с лакунами, но Мидия в этом тексте определенно не

упоминалась). Начало рассказа о кампании 737 г. до н.э. сохранилось полностью (стк. 157–164). Но со стк. 165 до 168 остались лишь незначительные фрагменты; в этом отрывке, очевидно, и сообщалось о вступлении в Мидию. Напротив, в полном тексте до стк. 165 определенно идет речь об областях к западу от Мидии, о Бит-Иштар, Бит-Капси, городах Тадирутта и Нирутакта и о взятии Цибура, далее называется имя правителя (Цибура?), и отсюда начинается большая лакуна (о положении Цибура у границ Мидии см. с. 122 и сл.). Таким образом, топонимы и личные имена, упомянутые в стк. 158–164, явно относятся к территориям западнее Мидии. Неясно, в какой момент ассирийцы покинули ее, но в стк. 173–176 уже снова говорится о действиях в районах к западу от Мидии (и южнее той территории, по которой ассирийцы следовали в Мидию).

Одним из основных событий в начале похода 744 г. до н.э. были действия против усилившейся страны Парсуа и ее правителя Тунаки. В сохранившемся тексте анналов Парсуа не названа, но должна была упоминаться в лакуне стк. 26. То, что именно Парсуа была основной территориальной и политической единицей, где в это время вели борьбу ассирийцы, ясно из сообщения (стк. 36–37) об образовании на этих территориях провинции, как следует из других надписей, именно Парсуа. Кроме того, в анналах дважды упомянут Никур как главный город основного противника ассирийцев Тунаки. Никур был позже центром провинции Парсуа (по данным письма HABL, № 165 показано Э. Форрером: 1920, 89 и сл., там же см. о восстановлениях в этой части анналов Тиглатпаласара III). В описании действий против Парсуа и Тунаки упоминаются Бит-Зати (и ее плененный правитель), Китпатиа, отобранная ранее Тунакой у Бит-Абдаданы, и ряд поселений, очевидно, также из владений Тунаки. Бит-Зати, по-видимому, тоже находилась в зависимости от Тунаки.

39. *Tunaku* (*Tu-na-ku*, анн., стк. 35, имя упоминалось и в лакуне в стк. 27, ср. у Э. Форрера). По Г. Хюзингу (1930, 259), «иранская сокращенная форма *Tu-na-ku*». К. Таллквист (1918, 266) приводит Тунаку в числе имен с иранским суффиксом *-ka*. Как уже говорилось, древнеиранские имена с *-ka* не обязательно являются сокращениями от сложных имен (подробнее см. под № 54). Иран. **Tunaka-*, от *tuna-* (менее вероятно от *tunau-*) + *ka*; *tuna-* от глагола *tav-/tu-* 'быть могучим', 'иметь силу' + *na* или *nā*; аналогичные элементы в др.-перс. *tunuva(n)t-* 'могучий' (ср. ниже): *tu* + *na* (*nu* перед *v*) или *nau* (но тогда скорее было бы **tunauvant-*) + суффикс *-va(n)t*; об употреблении суффикса *-ka*, параллельного *-vant*, см. под № 54 (там же см.

об имени Дасука, близком по образованию и значению к рассматриваемому); быть может, следует также сравнить *tuna-* с согдийским именем *twn* в документах с горы Муг, Б-1, стк. 7, 22; Б-4, стк. 2, — по М.Н. Боголюбову и О.И. Смирновой (1963, 100), — «производное от корня *taw-* 'мочь'?».

Иранская принадлежность элемента *tuna-* подтверждается определенно иранским именем *Bagatuna* в письме HABL, № 1454 (см.: HABL, XIV, 1633, 1634; ср.: RCAE, II, 510, 511). Этот текст, кажется, не использовался в работах по истории Западного Ирана, но представляет значительный интерес, в частности, в связи с упоминаемыми в нем именами. Письмо написано при Саргоне II, очевидно, между 715 и 707 гг. до н.э. (ср. о ряде других писем примерно того же времени: Дьяконов, 1956, 223, 256 и сл.). В нем, по-видимому, назван Саргон II (лиц., стк. 7, ср.: RCAE, II, 510; III, 370), несколько раз упоминается Набубелукин, наместник какой-то области у границ Мидии или в ее западной части (см. под № 47 о письме № 713, автор которого Набубелукин), и Дальта, царь Элипи в указанное время (об., стк. 11; Дальта и Набубелукин называются вместе и в HABL, № 129). В тексте упоминаются также мидяне (об., стк. 5), не подчиняющиеся ассирийским властям. В письме идет речь о поставке лошадей и политической ситуации на западных границах Мидии, при этом говорится о «владыках поселений», к которым, очевидно, и принадлежат *Amakānu/i* (лиц., 18: *šá* ^{I}*A-ma-ka-ni* ^{KUR}... — название местности не сохранилось), сын *Asrukānu/i* (об., 1: *mār As-ru-ka-a-ni-i*, возможно также не «сын Асрукани», а представитель Бит-Асрукани), и *Bagatuna* (об., 4: *Ba-ga-tu-na*). Все три имени могут быть иранскими*, безусловно иранским является последнее из них; иран. *baga-* 'бог' входит и в целый ряд других имен из ассирийских текстов (№ 53, 65 и далее). Во второй части — *-tuna*, как и в имени царя Парсуа**.

Имя **Tunaka-* могло непосредственно пониматься в смысле «могучий», «сильный» в физическом отношении, что рассматривалось как необходимое качество вождя (ср. др.-перс. *tāvayatiy* в словах Дария I: «мое тело имеет силу», см. с. 199; ср. также другие образования от *tav-*, др.-перс. *tayvīyah-* и др.). О древнеиранских именах в значении «телесно сильный», «могучий» и т.п. см. под № 1,

---

* Имя *Amakāni* вслед за Э.А. Грантовским считают иранским также Хинц (Hinz, 1975, S. 28), Шмитт (Schmitt and Waters, 1998, p. 97), Цадок (Zadok, 2002, p. 128–129) (этимологию см. ниже, с. 269). Этимология имени *Asrukāni* менее очевидна, однако его также, хотя и с долей сомнения, признают иранским (Radner and Schmitt, 1998g, p. 137; Zadok, 2002, p. 128–129).

** В настоящее время это имя читается Багапарна (^{m}*Ba-ga-par-na*) (Fuchs and Schmitt, 1999a, p. 251), что не меняет его трактовки как иранского, поскольку во второй части отражается иранское **farnah-*.

6, 17 и др. Но можно видеть здесь уже не буквальное, а переносное значение «могучий», «могущественный», «знатный», также социальный термин или титул, как др.-перс. *tunuva(n)t-*, употребляющееся в противопоставлении к *skauθi-* 'слабый', 'бедный', 'простолюдин' (ср. парф. *'skwh* 'бедный', а также согд. *škwrd* 'трудный', см.: Gershevitch, 1954, 55, 46; ср. у М. Майрхофера: Brandenstein, 1964, 142). При этом *tunuva(n)t-*, как и *āmāta-* 'благородный', 'знатный' (ср. под № 3) и *fratama-* 'знатный', 'занимающий высокое положение' (ср. под № 18), переводится вавилонским *mār-banī*, а для *skauθi-* дается перевод *muškēnu*.

Примерное значение имени *Bagatuna* — «сильный, могучий (или могущественный, знатный) от бога» или подобное, ср., например, распространенное в ахеменидском Иране имя Ἀρτασύρας (см.: Justi, 1895, 37, 38, 513), иран. **Artasūra* 'сильный (или энергичный, герой) от Арты' или 'сильный Артой'.

40 и **41**. *Zata/i* (*Bit-Za-at-ti*, анн., 34) и *Какī* (*Ka-ki-i*, там же, правитель Бит-Зати). Оба имени не дают основания для определенных выводов, но вполне объяснимы из иранского: **Zāta* (для соответствующих имен ср., например: Justi, 1895, 377, 519) 'сын' и т.п. (см. под № 21); примеры для иран. *Kākī* были приведены выше (см. с. 148), мидийское имя *Kakiia*, позже *Kākī* и т.д.; значение — «брат», «дядя». Иранские имена в значении «сын», «отец», «дядя», «брат» и т.п. хорошо известны. Аргументом в пользу иранского происхождения имен Зата и Каки может служить то, что оба должны принадлежать представителям одного рода или семьи (ср., например, подобные случаи в скифо-сарматской ономастике, свидетельствующие об употреблении подобных по значению имен в одной семье, ср. также: Justi, 1895, 152, под *Kakui*, 2). Бит-Зати находилась рядом с Парсуа (или даже на ее старой территории), что подтверждает возможность наличия там иранских имен*.

Упоминаемая далее в анналах (стк. 27, 37 и сл.) Бит-Санги часто отождествляется с Бит-Сангибути, также известной по текстам Тиглатпаласара III и позже при Саргоне II. Но обе эти области названы в сводках восточных стран в глиняной таблице (стк. 29, 30 и 34, 35). Правда, упоминаемые при этом первыми Намар и Бит-Сангибути добавлены к остальному списку (ср. выше) и раскрывают дальнейшее содержание сводки, подобно тому как Намар и Сангибути вместе с Бит-Абдаданой и Мидией являются обобщением для 27 «стран» списка 714 г. до н.э. (ср. ниже,

---

* Р. Цадок принимает иранскую этимологию Грантовского для топонима *Bīt-Zatti* (Zadok, 2002, p. 111–113), а имя *Ka-ki-i* считает атипичным (ibid, p. 112).

но под 715 г. до н.э. в анналах Бит-Сангибути частная величина). Все же Бит-Санги и Бит-Сангибути могут быть и различными единицами, но их названия представляется целесообразным рассматривать вместе*.

42 и **43**. *Sangi/u* (*Bīt-Sa-an-gi*, анн., стк. 27, 37, под 744 г. до н.э.; стк. 157, под 737 г. до н.э.; гл. табл., стк. 30, 35) и *Sangibuti/u* (*Bīt-Sa-an-gi-bu-ti*, анн., стк. 145, под 738 г. до н.э. о поселении пленных из этой области в Сирии; гл. табл., стк. 29, 34; Саргон II, анн., стк. 83 по KS; в ПА, стк. 39, без Бит-: *Sa-an-gi-bu-ti*). Для времени Саргона II известна и другая область Сангибути, входившая в 714 г. до н.э. и ранее в Урарту (анн., стк. 113 по KS: *Bīt-Sa-an-gi-bu-ti*; в ПА всегда без Бит- — стк. 188, 231: ^{KUR}*Sa-an-gi-bu-tu*, стк. 184, 233, 247, 269: ^{KUR}*Sa-an-gi-bu-ti*). Ф. Кёниг отождествляет Бит-Сангибути с *ša Šangipari* надписи Шильхак-Иншушинака XII в. до н.э. (RA, II, 50; эта идентификация не исключена, но не обязательна, если же она возможна, то лишь для южной области, которую Ф. Кёниг не отличает от северной). И. Алиев относит Сангибути (о южной области) к «бесспорно неиранским» названиям, указывая на возведение Г. Хюзингом *sangi-* к элам. *čunki* 'царь' (у Г. Хюзинга — *sunki, sangi*). И. Алиев (1960, 96) пытается объяснить из эламского и *-buti*. По Э. Герцфельду и В. Эйлерсу (1954, 280–282), *-buti* для иран. *-vati* (ср. под № 13). Кроме того, Э. Герцфельд (AMI, I, 166, 167, VII, 17, IX, 173; 1935, 18, 19; 1947, 736, 737) связывал Сангибути с современным *Sahand* и обе формы с авест. «*asaŋvati*» «steinreich», «*asan(g)vant*» > *Sahand* (по Авесте известно название гор *Asnvant-*, ср. ниже). Автор данной работы, исходя из сопоставления Северной Сангибути с Сахандом и соответствия акк. *-buti* — иран. *-vati*, а также считая, что Бит-Санги и Южная Сангибути связаны между собой, пытался дать иное иранское объяснение этим названиям (Грантовский, 1962а, 253, 259, 260): от др.-иран. **sah(a)-* = *saŋh(a)-*, *sang(a)-*, ср. авест. *saŋha-*, *sāŋha-*, *sāŋha-* 'объявление', 'приказ', 'решение' (божественное и судебное) = инд. *çaṁsa-*; **sa̋(ŋ)ha-* = инд. *ça̋sa-* (RV) 'приказ', 'повеление', 'повелитель', 'правитель'; *saŋhū-* 'приказ'; *Sa̋ŋhaŋha-* «повелитель» и т.д. (ср. ниже). Это образования от близких глаголов *saŋh-* = инд. *çaṁs-*, др.-перс. *θa"h-* 'говорить', 'называть(ся)', 'извещать', 'объявлять' (решение, приказ и пр.) и т.д. и *sā(h)*, **sā-s*, др.-инд. *çā-s*, др.-перс. *θā-* (ср. у М. Майрхофера: Brandenstein, 1964, 146) 'объявлять', 'сообщать', 'приказывать' и пр. (в древнеперсидском, в частности, именно о царе по отношению к народу), сюда же авест. *sā-tar*, *sās-tar* 'пове-

* Неправомерность отождествления Бит-Сангибути и Бит-Санги отмечает и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 118,123, с литературой).

литель' (круг значений обеих форм и образований от них вполне совпадает, поэтому др.-перс. *θā-* от *θa''h-* можно отделять лишь формально). В западноиранских диалектах эти слова могли произноситься как с *h*, так и с *ŋh*, *ng* (ср. также *māh*, *māng*, *mong* в западноиранских языках при авест. *mąŋh-*). *Saŋha-* в значении «весть», «повеление» входит, в частности, в авест. *Nairyō.saŋha-* (ср. инд. *Nárā-çáṁsa-*) 'вестник', 'посланец богов'. В средне- и новоиранских языках, в том числе в средне- и новоперсидском, для этого имени засвидетельствованы формы с *h*, *ng*, *x(v)*, *ɣx* и т.д. В «юго-западной» форме то же слово представлено в перс. *tang* и *artang* («евангелие» и название книги Мани). Для западноиранской древности произношение с *ŋh*, *ng* засвидетельствовано греческим παρασάγγης (не только единица измерения длины — от участка пути гонца, но и «вестник», «посланец»), ср. перс. *farsang* наряду с *farsax*; греч. ὁροσάγγαι (ахеменидский титул — «благодетели царя», его ближайшее окружение и телохранители), очевидно, соответствует иран. **ahurasaŋha-*; σαγγάνδης, по греческим лексикографам, персидское слово «вестник», «посланец», должно представлять **saŋhant-*, **sangand-* или подобную форму[36]. Таким образом, произношение **saŋha* или **sanga* в западноиранском уже в древности сосуществовало с *saha* (ср. более позднее *Narsah*, греч. и арм. «Нерсес» и т.д.). *Sanga* в Бит-Санги могло бы передавать **Saŋha-* или **Sanga-* 'повелитель', 'правитель' как личное имя (ср. авест. *Saŋhavak-* 'объявляющая решение', древнейший эпический персонаж; *Sąŋhaŋha-* в Яшт XIII, 124 и др.) или как титул. Топоним Сангибути, являвшийся каким-то особым термином или общим обозначением территории, части которой как отдельные области имели самостоятельные названия (ср. ниже), как иран. **Sangvati-* (или подобная форма), мог бы означать «следующая приказу», «страна повелителя» или «праведная страна», «где следуют повелению богов или Арты», ср. авест. *saŋhvatī-* (по Бартоломе — *saŋhuvatī-*, по Ваккернагелю — *saŋhavatī-*) 'следующая повелению' (Арты — по Яшт XIX, 12, при *saŋuhaitīš*); *Sahand* могло бы представлять форму мужского рода (ср. греч. σαγγάνδης от **saŋha*, **sanga* = *saha*).

Это толкование известных по ассирийским текстам названий, естественно, предположительное и указывает лишь на возмож-

[36] Один из подобных терминов, безусловно, и обозначал мидийских царских вестников, герольдов, известных по античным авторам и, очевидно, имевшихся также при ахеменидском дворе. Такие вестники были и среди приближенных лиц скифских царей (ср., например: Геродот, IV, 71) (Подробнее о скифских вестниках см.: Грантовский, Иванчик 1994). Представление об авест. *Nairyō.saŋha-* при Ахурамазде отражает существование земного вестника, герольда при иранском вожде (владыке, *ahura-*).

ность их иранского объяснения. Этимология Э. Герцфельда семантически выглядит более привлекательной при толковании топонимов из горных районов. Вместе с тем, как указывалось выше, предлагались и иные объяснения имени Сангибути, в частности на эламском материале. Можно отметить еще шумеро-акк. *šangū*, *šaggu* 'жрец', элемент *sagga*, *saggi* вавилоно-касситской ономастики (ср. ее влияние на территориях к востоку от Месопотамии) и т.д. Но объяснить таким образом имя Сангибути в целом пока не удается. Допустимо также предположение, что это имя — результат иранской этимологизации старого названия (например, известного по элам. *ša Šangipari* или *-bari*). Некоторые данные все же могут свидетельствовать об иранской принадлежности либо даже происхождении рассматриваемых имен. Особенно важны при этом данные о Северной Сангибути. Они, во-первых, определенно указывают, что это именно топонимическое название, а не личное имя, а образования с Бит- в языке населения тех территорий, где лежала северная область, невозможны. Для них исключено также вавилоно-касситское и эламское языковое влияние. Вообще говоря, определенно известен лишь один этнический элемент, которому в VIII в. до н.э. могло бы принадлежать одно и то же название как в районах между Парсуа и Намаром на западе и Мидией на востоке, так и на территориях к северо-востоку от Урмии. Этот элемент — иранский (для областей к северо-востоку от Урмии см. ниже). Не исключено, правда, что Северная Сангибути была так поименована ассирийцами по примеру области на юге (как они называются с Бит- в анналах Саргона II, хотя в гораздо лучше осведомленном и подробном источнике, в «Письме Ашшуру», имена обеих областей пишутся без Бит- при обычном Бит-Капси, Бит-Иштар и т.д.). Но и в этом случае ассирийская передача должна отражать по крайней мере сходное местное название.

Сангибути, входившую к 714 г. до н.э. в Урарту, часто помещают к северу от Урмии (Меликишвили, 1954, 30 и сл.; Дьяконов, 1956, 216 и сл. и др., ср. также карты в названных работах). Но в «Письме Ашшуру» говорится о нескольких районах, определяемых источником названием Сангибути (см. стк. 184–192; 199–232; 233–268, ср. 269). Последний из них действительно находился к северу от Урмии (недалеко от Хундура-Котура) и примыкал к Армарили (северо-западнее Урмии). Первый же из этих районов лежал к востоку от Урмии. Из текста (стк. 183 и сл.) ясно, что эта Сангибути начиналась между Ушкайей, у пределов Маны, и Тармакисой (у Тавриза) и уже включала районы между ними (ср. под № 58 и далее). Источник указывает (стк. 188 и сл.), что там же

находилась область Бару, именовавшаяся также Сангибути. Это определенно не та Сангибути или не та ее часть, которая лежала к северу от Урмии. Из данных о первом районе следует, что название Сангибути распространялось хотя бы на часть плато Саханд.

В Бундахишне (XII, 2, 26; XVII, 7; см. также Зат-Спрам, XI, 9) упоминаются горы *As(a)nvand* в Атурпатакане (Азербайджане); это, очевидно, Саханд (по Ф. Шпигелю — Савалан-даг; по А.В. Джексону и др. — Саханд, ср.: Minorsky, 1930, 70). По Авесте также известны горы *Asnvant-* (Яшт XIX, 5 и в более поздних текстах), у Э. Герцфельда — *Asan(g)vant-*. Он отождествляет их с Сахандом, как и ряд других авестийских топонимов с географическими названиями из Северо-Западного Ирана. Возможность подобного отождествления авестийских топонимов в настоящее время обычно отвергается (хотя теория о перенесении авестийских топонимов на запад остается крайне неясной во многих пунктах). Впрочем, одинаковые географические названия могли существовать в Западном Иране и помимо авестийской традиции. Но независимо от отношения авестийского Аснванта к Аснванду в Атурпатакане название Саханд (арм. Сохунд, ср.: Еремян, 1961; к иран. **Saŋhvant-*, **Saxvand*?) должно было существовать там самостоятельно.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу мнения о том, что ассир. Сангибути передает иранское слово с *-vatī* (как название области в женском роде) = *-(v)ant*. Для первой части имени при предложенном нами толковании варианты *sah-*, *saŋh-*, *sang-*, *saxv-* вполне закономерны. Но они, по-видимому, допустимы и при этимологии Э. Герцфельда, одновременно учитывающей форму *Asnvant-* и связывающей две основные иранские формы слова «камень»: *asanga-*, авест. *asəngа-*, др.-перс. *aθa^{n}ga-* и пр., и *asan-*, *asn/ašn-* и пр. Отсутствие начального *a-* в «Сангибути» и «Саханд» также не может препятствовать этой трактовке. Выше уже говорилось (см. с. 86 и сл.), что утрата *a-*, как и появление неэтимологического *a-*, надежно зафиксирована в древности для западноиранских диалектов, и именно в названиях одних и тех же географических и этнических единиц; для слова *asanga-* предполагается очень раннее произношение без *a-*, **sanga-*, и независимо от данных ассирийских текстов. А последние дают возможность возвести это явление в западноиранском уже к IX–VIII вв. до н.э. Утрата *a-*, в частности, определенно представлена в передачах имени сагартиев и их страны, которая известна уже и по ассирийским текстам VIII в. до н.э. как Зигирту (ср. также с. 100 и ниже под № 56; передачи с искажениями, но следуют опреде-

ленно произношению без *a*-). Примечательно, что эта область находилась поблизости от Саханда, а по одной из двух возможных этимологий в имя *Asagarta-* (> **Sagarta-*) входит *asan-* 'камень'. При этимологии Э. Герцфельда, таким образом, следует предположить примерное развитие **Asangvati-* > **Sangvati-* (Сангибути) и **Asan(g)vant-*, **Asaŋhvant-* > **Saŋhvant* > *Sahand* (и **Saxvand?*).

Исходя из приведенных выше данных, представляется достаточно определенным иранское происхождение имени северной области (или областей) Сангибути. И в названия южных «стран» (или «страны») Бит-Санги и Бит-Сангибути также могут входить слова того же происхождения, но здесь они могут быть и результатом иранского восприятия и этимологизации местного названия. Ираноязычное население, определенно засвидетельствованное в соседних (как с запада, так и с востока) областях, очевидно, обитало и на территории Южной Сангибути и Бит-Санги (для первой ср. также с. 360 и сл.)*.

44. *Uršanika* (*Ur-ša-ni-ka*, анн., 40) — царский город Бит-Санги, возможно иран. **V(a)ršanika-*, ср. *varšan-*, *varšni-*, инд. *vṛṣṇa-*, *vṛṣṇi-* 'мужской', 'мужественный', 'мощный', 'сильный', 'большой' (и о неодушевленных предметах; название города могло происходить и от родо-племенного имени); также в составе многочисленных имен в Ригведе, Авесте и т.д., ср. еще инд. *Vṛṣṇika*, *Vṛṣāṇaka*, авест. *Varšna-* и др.**.

45. *Mitāku/i* (*Mi-ta-a-ki*, анн., 39) — правитель Бит-Санги, 744 г. до н.э. Имя вполне может быть иранским; но возможны различные иранские объяснения (так, акк. *mi-* возможно для иран. *mi*; *mai-*, *vi-*, *vai-* и др., *t* для *t* и *θ* и т.д.); в качестве параллелей ср., например, скифо-сарматские имена Μήθακος, Μήτακος, Μήταγος, Μιδάκος (Justi, 1895, 204; Zgusta, 1955, 118, 119, 197), об одной из возможных этимологий ср. у Ф. Юсти (1895, 204, 503, там же ср. о сходном имени из Дейлема в X в.) и Л. Згусты (1955, 119) для Μήθακος (вар. Μήσακος): к авест. *maēt-* 'пребывать', 'жить', *maēθana-* 'местожительство', 'дом', ср. в сасанидском имени *Mitrmēsakī*, ср. также бел. *metag*, перс, *mīhan* 'дом', 'родной очаг' и пр.***.

---

* Р. Цадок принимает иранскую этимологию Эйлерса для топонимов Бит-Сангибути (Zadok, 2002, p. 107, 108–109, 112) и Бит-Санги (ibid., p. 118, 121).

** Р. Цадок не исключает иранского происхождения топонима *Uršanika* (Zadok, 2002, p. 112–113).

*** Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 2001c, p. 756–757) считает имя *Mitāki* иранским, но воздерживается от приведения какой-либо этимологии, отмечая, что вариантов может быть много. Иранским считает его и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 112).

Далее в анналах говорится о Бит-Капси (*Bit-Kap/b-si*, также в других надписях VIII в. до н.э.). Основной элемент названия, возможно, местного происхождения, но может быть и иранским[37]. Известны имена трех правителей Бит-Капси, из них упоминаемое под 714 г. до н.э. иранское (№ 84), имя правителя под 737 г. до н.э. может быть иранским (см. под № 49), об имени третьего правителя (под 744 г. до н.э.) см. № 46.

46. *Battānu* (*Ba-at-ta-a-nu*, анн., 41), ср. имена: др.-перс. Βατάνοχος, (VI в. до н.э.), Βάτις, ср.-перс. *Bāt* и др.-арм. (из иран.) *Bat* (см. Justi, 1895, 65; Hübschmann, 1897, 32; значение этих иранских имен неясно, невозможно к *vāta-*, как у Ф. Юсти для Βάτις и арм. *Bat*; быть может, к инд. *bhaṭa-* 'воин' и пр. или *bhaṭṭa-* 'господин' и пр.; *-āna* — возможно, частое в именах патронимическое окончание)*.

Следующее упоминаемое в анналах личное имя, правителя Кишесу, *Bisiḫaṭir* (*Bi-si-ḫa-ṭir/dir*, анн., 43), вероятно, неиранское, но у К. Таллквиста (1918, 64) — предположительно иранское, по Г. Хюзингу (1899, 565), *-ḫaṭir*, возможно, для иран. *hva9ra-* (ср. также с. 98, 111 и под № 22)**. Правитель Кишесу 716 г. до н.э. носил аккадское имя (Белшарруцур). В соседнем Аразиаше под 744 г. до н.э. отмечено бесспорно иранское имя Раматейа.

47. *Ramateja* (*Ra-ma-te-ja*, анн., 44). Иранское происхождение имени не вызывает сомнения, хотя предлагавшиеся иранские формы и значения несколько расходятся (ср. ниже). Помимо правителя Аразиаша 744 г. до н.э. известны и другие лица с тем же именем. Один из них правил при Асархаддоне в мидийской местности с иранским названием Ураказаба(р)на (ср. с. 103–104, примеч. 16). В ряде надписей Асархаддона с описанием событий до 676 г. до н.э. (призма A, IR, 46, стб. IV, 21; призма C, изд.: Harper, 1887, 18–25, стб. IV, 5; новая призма в изд.: Heidel, 1956, стб. IV, 3) имя этого правителя пишется как *Ra-ma-te-ja*; в тексте его договора с Асархаддоном, заключенного в 672 г. до н.э., — *Ramataja* (*Ra-ma-ta-a-a*, ND 4327, стб. I, стк. 3; ср.: Wiseman, 1958, 29).

---

[37] Ср., например, *Kāpiša(-kāni-)*, инд. *Kapiça*, греч. Κάπισα; если это личное имя, его можно сравнить с инд. *Kapiça/i* 'коричневый', 'красновато-коричневый', ср. перс. *kābiša*, *kāfša* и пр. 'красноватого, коричневого цвета' (об индоиранских именах по обозначению цвета ср. под № 25, 26). (Ср.: Zadok, 2002, p. 113.)

* Р. Шмитт также считает это имя иранским, соглашаясь с выделением патронимического суффикса (Frahm and Schmitt, 1999b, p. 277). К иранским относит его и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 112).

** Неиранским считают это имя также Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1999k, p. 347) и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 120, 123, 130).

В письме HABL, № 645 времени Саргона II упоминается *Ramatei* (HABL, VI, 696, об., 10: *Ra-ma-⌜te⌝-i*, для чтения третьего знака см.: Дьяконов, 1956, 256; в RCAE, I, 448: *Ra-ma-mat?-i*; судя по остатку знака, чтение *-te-* наиболее приемлемо). В письме говорится, в частности, о «владыке поселения» из Урьяку *Uppite* (лиц., 12: *Up/Ar-pi-te*, в RCAE *Arpite*, у И.М. Дьяконова Арпите или Уппите, вероятнее *up*, тем более перед *-pi-*); этот Уппите бежал из своего владения и вступил в заговор против ассирийцев. По-видимому, он же (ср.: Дьяконов, 1956, 257) упоминается в письме HABL, № 713, как «сын Каракку из Урьяку». Согласно тексту письма, он был схвачен по приказу царя, а на его место назначен *Rametī* (*Ra-me-ti-i*, HABL, № 713, дважды). Каракку правил в Урьяку в 714 г. до н.э., а Рамети стал правителем еще при Саргоне, поэтому «сын Каракку» в № 713 и Уппите в № 645, очевидно, одно и то же лицо. Но во всяком случае и Каракку, и Уппите, и Рамети принадлежали к одному роду «владык поселения» Урьяку. Вместе с тем упоминание Раматеи в письме № 645 позволяет отождествить его с Рамети в № 713. Урьяку лежала на границах Мидии, быть может в ее пределах. В 716 г. до н.э. (см.: KS, анн., стк. 73) она была включена в провинцию Хархар, а в 715 г. до н.э. упоминается среди восставших областей, из которых Бит-Сангибути (рядом с которой называется Урьяку) лежала за пределами Мидии и непосредственно отличается от нее в текстах, а Сапарда, напротив, определенно находилась в Мидии.

Таким образом, рассматриваемое имя засвидетельствовано к западу от Мидии (Аразиаш, 744 г. до н.э.), у границ Мидии (Урьяку, при Саргоне II) и в самой Мидии (Ураказабарна, при Асархаддоне). Кроме того, под 716 г. до н.э. упоминается Бит-Раматуа, очевидно соответствующая Аразиашу (ср. с. 126–127), где в 744 г. до н.э. правил Раматейа; возможно, название Бит-Раматуа происходит как раз от его имени. Но не исключено, что это имя и ранее было распространено в роде правителей этой местности. В анналах Саргона II оно пишется как *Ramatua* (*Bīt-Ra-ma-tu-a*, стк. 72 по KS).

Э. Герцфельд (AMI, VII, 29) в рассматриваемом имени видит иран. **Ramat.va-*, И.М. Дьяконов (1956, 203, 262) — **Rāmatav(y)a* 'радостномощный', что в целом представляется правильным, но значение всего имени в связи с первой частью должно быть иным. Вторая часть — определенно от *tav-* 'быть сильным' (ср. под № 39), *tava(h)-* 'сила', 'мощь' или 'сильный', 'мощный', что непосредственно возможно в *Ramatua* (ср. под № 1, № 17 и с. 231). Но написания *teja*, *taja*, *tei*, *tī* определенно указывают на иран. *tavyah-* (или *tavīyah*); сочетания *v* с *y* могут передаваться через *i*, *e*, *j* (ср.

с. 93 и сл., 104), в то же время *-tava-* не может правильно отражаться в приведенных написаниях (*-teja* и т.д.). *Ramatua* либо представляет имя в несколько иной форме — *Ramatava(h)-*, либо *-tua* — здесь также для *-tavya-* (иран. *y* могло восприниматься как *v*, ср. с. 105). Иран. *tavyah-* (или *tavīyah-*, ср. др.-перс. *tauvīyah-*, др.-инд. *tavīyas-*) 'более сильный', 'более мощный' либо 'более могущественный' (ср. под № 39) могло пониматься, особенно в сложном имени, и просто как «сильный», «мощный» (в большой мере), ср., например, др.-перс. *Vahyazdāta-* 'следующий хорошему (буквально: лучшему) закону' или 'следующий Хорошему (Лучшему) как закону'. Имя в целом — *Rāmatav (ī)yah-*. Первая часть определенно к *rāman-* 'мир', 'покой' от *ram-* (< и.-е. **rem-*) 'пребывать в покое', 'успокаивать(ся)'; *rāman-* может значить и «радость», ср. ср.-перс. *rām-išn* 'покой', 'покойная (приятная) жизнь', 'радость', инд. *ram-* 'успокаиваться', 'покоиться', 'радоваться'. Но для древнеиранского имени следует предпочесть основное значение — «мир», «покой» (*ram-* в Авесте лишь 'покоиться' и т.п.), особенно состояние общественного спокойствия, мир, покой народа, страны, поселения и т.д., отсутствие войны и усобиц (ср. также *rāmayeiti*, например, в Яшт XIII, 95, см. с. 173). Слово выражает одно из основных программных понятий общественно-политической концепции Гат (ср.: Абаев, 1956), призывающей к мирной жизни под властью сильных и добрых правителей; *rāman-* выступает как условие счастливой жизни, процветания, хорошей пастьбы скота и т.д., связывается с *xšaϑra-* 'власть', *aogah-* 'сила' (здесь: правителя) и др., ср., например, в Ясна LIII, 8 о том, что бог через хороших правителей (*huxšaϑrāiš*) приносит мир (*rāmam*) процветающим поселениям (*šyeitibyō vīžibyō, syāta-* — здесь «процветающий», «благоденствующий», а не «радостный», как обычно переводят, ср. под № 14).

Известны многие иранские имена от *rāman-* (ср.: Justi, 1895, 258), ряд сасанидских (ср. там же), парфянские (см.: Дьяконов и Лившиц, 1960, 24), согдийские (ср.: Лившиц, 1962, 40) и др. Что касается древнеиранского периода, то в Авесте они неизвестны, но зато встречаются в Западном Иране. К ним, по-видимому, относится мидийское имя Ῥαμβάκας (Justi, 1895, 258, без объяснения, возможно от *vak-* 'говорить', 'вещать'). Элам. *Ra-a-ma-ṣi-is-ra* персепольских документов (PTT, № 10a), по Дж. Камерону, иран. **raēvas-čiϑra*, но следует определенно предпочесть **Rāmačiϑra-* ('имеющий потомство в мире' или подобное). В сузских табличках конца VII — первой половины VI в. до н.э. встречается слово *ša-iš-šá-ra* (вар. *ram*)*-ma-*, очевидно, перс. **xšaṣṣarāma(n)-* (ср.: Юсифов, 1958, 32), для этого сочетания ср. *Rāmšatr* на монетах Йездегерда I (см.: Justi, 1895, 258). Арам. *rmn* в надписи на ступке из Персепо-

ля, по Ф. Альтхайму, собственное имя (Altheim und Stiehl, 1961, 25). В имени *Ariyāramna-* (прадед Дария I и другие лица) вторая часть не совсем ясна, но определенно от *ram-* (по Р. Кенту, «имеющий ариев в мире»; по Хр. Бартоломе, «создающий мир ариям»).

Значение рассматриваемого имени («могучий миром», «могущественный в мире»), очевидно, подразумевает «сильный, могучий (для обеспечения) мира». Имя отражает примерно ту же концепцию мира, *rāman-*, которая представлена в Гатах и характерна для идеологии эпохи, предшествовавшей периоду создания иранскими племенами крупных государственных образований. То обстоятельство, что по ассирийским текстам известны по крайней мере три лица с этим именем из разных районов, учитывая обычную смысловую нагрузку, которую несут имена древнеиранских вождей и правителей, свидетельствует о широком распространении указанной концепции и значении термина *rāman-* как важного общественно-политического и идеологического понятия в Западном Иране в рассматриваемую эпоху (ср. также имя Арийарамны, брата Кира I, правившего около 640 г. до н.э. и уже имевшего тогда взрослого сына)*.

Вслед за Раматейей в 744 г. до н.э. был разбит *Tunī*** (*Tu-ni-i*, анн., 47) из Сумурзу. Далее в описании похода 744 г. до н.э. упоминается о причислении завоеванных территорий к ассирийской провинции, а затем (стк. 54 и сл.) сообщается о получении дани (очевидно, на протяжении всего похода) от правителей, с которыми ассирийцы в 744 г. до н.э. не воевали. В тексте сохранились три имени: Маннукимасабэ (аккадское) из Абдаданы, *Mikī**** (*Mi-ki-i*, анн., 55) из г. Хальпи и Узакку (название владения не сохранилось). Имена Туни, Мики и Узакку не дают оснований для определенных выводов об их языковой принадлежности, но последнее имя представляет определенный интерес в связи с именами трех правителей списка 714 г. до н.э. из районов между Бит-Хамбаном и Парсуа на западе и Мидией на востоке (к той же территории относится и имя Узакку 744 г. до н.э.), все они названы в списке 714 г. до н.э. рядом с вождями, носившими определенно иранские имена и происходившими из соседних владений (ср. с. 359–364).

---

* Об имени Раматейя, единодушно признаваемом иранским, см.: Fuchs and Schmitt, 2002b, p. 1031–1032; Zadok, 2002, p. 114–115.

** Имя Туни Р. Цадок считает касситским, отмечая, что иранская этимология менее вероятна (Zadok, 2002, p. 123, 127, 130, 143, note 35).

*** Имя Мики Р. Цадок считает (с вопросительным знаком) хурритским (Zadok, 2002, p. 111, 112). См. также: Fuchs and Schmitt, 2001b, p. 750.

48. *Uzakku* (*Ú-zak-ku*, анн., 55), ср. имена из списка 714 г. до н.э. в «Письме Ашшуру» Саргона II: *Uzī* (*Ú-zi-i*, стк. 43), *Uzitar* (*Ú-zi-tar*, стк. 45), *Uzuman(da)* [*Ú-zu-ma-an*, ПА, стк. 46, по воспроизведению текста у Липина, 1957; в AR, II, 76 и у Дьяконова, 1956, 214: *Uzumanda*, так и у Таллквиста (1918, 245), отмечающего, что данное имя, возможно, иранское]. Все имена могут быть легко объяснены из иранского (в этом случае возникают трудности лишь в трактовке значения последнего имени при чтении с *-manda*[38], но этот элемент входит в ряд древних западноиранских имен: ахеменидское 'Αριομάνδης; *Ap-pi-iš-man-da* из эламских документов, PTT, 85; мидийское Μανδάνη, дочь Астиага, мать Кира II, и дочь Дария I, и некоторые другие)*. Эти имена можно возвести и к разным словам, и к одному корню, при этом выделяются употребительные иранские форманты: *-ka* в Узака, *-ya* в Узи, *-tar(a)* в Узитар (имя деятеля или сравнительная степень, как нередко в именах, ср., например, о согд. *'γwštr'k-* и др. у Боголюбова и Смирновой, 1963, 90; ср. также под № 47)**. Для *Uzī* ср. имя *Uzya-* (Яшт XIII, 119; акк. *ī* и *ē* обычны для конечного иран. *-ya*), вероятно, от *auz-*, *uz-*, авест. *aoz-*, *uz-* (инд. *uh-*) 'почитать', 'уважать' и т.п., ср. *uzəma-* и др.***, *Uzakku* может быть правильно для **Uzaka-* и т.д. (ср. также скифо-сарм. Οὐζίαγος, см.: Zgusta, 1955, 127, очевидно, к **Uzyaka-*). Возможно также от *vaz-* (инд. *vah-*, *uh-*, *uhy-*) 'везти', 'двигать(ся)', 'вести', 'управлять' (ср. имя *Važāspa-* в Яшт XIII, 102, ср. *vazō.raθa-*), ср. тогда инд. *Vahitar-* 'ведущий', 'вождь', *Vāhaka-*, *Vāhika-*, *Vāhya-* и др.****.

При описании похода 737 г. до н.э. до Цибура названы личные имена: *Upaš* (см. № 49), *Ušuru* (*Ú-šu-ru*, анн., 162) из Тадирруты ([URU]*Ta-dir-ru-ta*?)***** и *Burdada* (№ 50). За Цибуром перед лакуной

---

[38] Элемент *manda* можно объяснить на иранских материалах; быть может, его следует связать с инд. *mand-*, *mandate* 'радовать(ся)', ср. *mandddvīra-* 'радующий людей' (RV), *mandána-* 'веселый', 'бодрый' (RV и позже), также личное имя, *mandayátsakha-* 'радующий друзей' (RV), также и личное имя.

* Р. Цадок принимает, хотя и с вопросительным знаком, иранскую этимологию Э.А. Грантовского (Zadok, 2002, p. 117, 120).

** Р. Цадок считает, хотя и с сомнением, что имя *Uzitar* может быть иранским (Zadok, 2002, p. 125, 130).

*** Иранскую этимологию Э.А. Грантовского принимает Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 119–120).

**** Согласно Р. Цадоку, имя Узакку может быть либо иранским [<**Auja-ka-*, ср. авест. *aojah-* 'сила, мощь'; такой этимологии придерживаются также Майрхофер (1973, S. 250) и Хинц (Hinz, 1975, S. 51), отвергающие трактовку Гершевича: из иранского **hu-zāga-* 'прекрасноголосый' (Gershevitch, 1969, p. 244], либо доиранским (если оно соответствует старовавилонскому *Ú-za-ka*) (Zadok, 2002, p. 111–112).

***** Автор критического издания надписей Тиглатпаласара III Х. Тадмор читает только окончание: *...ru-ta* (Tadmor, 1994, p. 70, Ann. 14*, line 10).

(стк. 164) упоминается *Tanus* (возможно, правитель Цибура): *Ta-nu-us*, быть может, лишь начало имени; возможно, к иран. *tanū-* 'тело', сокращенное **Tanuš* или начало сложного имени с *tanū-*, как во многих иранских, в том числе древних западных, именах. Далее в разрушенном тексте, относящемся к Мидии, называется *Jautarši* (*Ja-u-ta-ar-ši*, анн., 169), имя обычно признается иранским, по Ф. Кёнигу (1934, 17), от *arša-*, как и мидийское имя VII в. до н.э. Мамитиарши; по И.М. Дьяконову (1956, 203), иран. **Yavaitarša-*[*].

49. *Upaš* (*Ú-pa-áš*, анн., 161) из Бит-Капси. Это имя можно сравнить с другими, начинающимися на *Up-*: в списке 713 г. до н.э. *Uppamma*[**] (*Up-pa-am-ma-a*, Ниневийская призма Саргона II, «фрагмент А», 16, правитель в ^{URU}*Ḫa-?-ta-?-na*)[***]; *Uppite* из Урьяку (ср. под № 47), оба правителя с западных границ Мидии; *Uppis* (*Up-pi-is*, призмы Асархаддона: А, стб. IV, 19; С, стб. IV, 3; новая призма в изд.: Heidel, 1956, стб. IV, 1) из Пар(и)такки в Мидии (ср. с. 418). Все эти имена обычно не отмечают среди иранских или относят к неиранским (ср., например: Алиев, 1960, 228; Дьяконов, 1956, 221, 262). Так, имя Уппис И. Алиев определяет как «явно неиранское», а по И.М. Дьяконову, оно не имеет иранской этимологии, хотя еще Э. Герцфельд (AMI, VII, 28) предлагал для него несколько вариантов такой этимологии, представляющихся вполне возможными. Понятно, однако, что все названные короткие имена, засвидетельствованные в иноязычной передаче, сами по себе не дают основания для определенных выводов. Но как раз в этом случае имеющиеся дополнительные данные ясно показывают, что по крайней мере значительная часть коротких имен, легко объясняемых из иранского, действительно происходит из среды ираноязычного населения. Для данной группы имен еще более определенно, чем для рассмотренных под № 48, можно утверждать, что некоторые из них или все они — иранские.

Уппис[****] упоминается вместе с двумя другими правителями примерно с одной территории (ср. с. 418 и сл.); оба они носят явно иранские имена: Раматейа (см. № 47) и Занасана (см. под № 24). Владения всех трех также имеют бесспорно иранские названия. Помимо Уппите имена двух других известных правителей Урьяку (иранское название, ср. с. 213, 304 и сл.), в том числе

---

[*] В настоящее время принято чтение *Jabitarru* (*Ja-*^{r}*bit*^{1}*-ta-ar-*^{r}*ru*^{1}) (Tadmor, 1994, p. 72, Ann. 15, line 5).

[**] Из иранского **Upama* 'Высший'. См. также: Zadok, 2002, p. 120.

[***] В настоящее время принято чтение ^{URU}*Ḫa-[x]-ta-ka/sar-na* (Fuchs, 1998, p. 41, Vib, 16, und Fußnote, 118).

[****] Об имени Уппис см.: Zadok, 2002, p. 92, 98 (с литературой).

отца Уппите, иранские (см. под № 54 и под № 47: еще один Раматея, и снова рядом имя с *Uppi-*). Уппамма стоит в списке 713 г. до н.э. среди бесспорно иранских имен (см. с. 375). В Бит-Капси, где правил Упаш, отмечен ираноязычный элемент (см. № 76 и, очевидно, № 46).

Все эти имена могут быть образованы от иран. *upa* (как допускал Э. Герцфельд для имени Уппис), являясь сокращением от сложного имени с *upa-* или представляя полное имя; *upa* 'на', 'сверху', ср. авест. *upəma-*, *upama-* 'высший', *upara-* 'более высокий', 'превосходящий' (в том числе в социальном смысле, ср. также *uparatāt* 'превосходство', 'главенство'). С *upa-* образован целый ряд индоиранских имен (ср., в частности, *Upadarma-* в Бех.), часто употребляемых в сокращениях, ср. также инд. *Upaka-*, *Upika-* — обычные сокращения от всех мужских имен с *Upa-*. Уппамма непосредственно для иран. *Upama-* 'высший', 'старший', 'верховный' (может быть и титулом), ср. инд. *upama-* 'высший', 'лучший', 'выдающийся' (в RV и позже), также входящее и в личные имена [*Upamáçravas-* (RV) и др.]. Западноиранские имена с *upama* известны и в вавилонской передаче: *Ariyaupama-*, *Artaupama-* (*A-ri-ia-ú-pa-am-ma*, *Ar-tu-ú-pa-am*, см.: Eilers, 1936, 172; 1940б, 195; 1955, 229). В *Uppite* возможно образование с суффиксом *-ita*, ср. *masita-* 'большой' от *maš(a)-*, авест. *zairita-* = инд. *harita-*, оба известны и как личные имена (ср. под № 25, 26), мидийское имя *Xsaθrita-* (обычно считается сокращением, ср. под № 19), ахеменидское 'Αρσίτης от *aršа(n)-* (очевидно, то же, что *Ar-ri-šit-tu* из вавилонских документов, ср.: Eilers, 1940б, 220 sq.) и др. **Upita-* может быть либо сокращением от имени с *Upa-*, либо самостоятельным образованием в значении «верховный» или подобном*.

Э. Герцфельд считал, что имя Уппис скорее всего образовано от *upa-*, но предлагал и еще два варианта: с начальным *hu-* от *pāh-* (основа *pišya*, ср. авест. имя *Piši.šyaoθna-*) или от *pais-*, ср. *Paēšatah-* и *Uspaēšata-* (ср.: AMI, VII, 28). Для *Uppis* возможно *hUpaisa-* (ср. с. 184 об именах с *paisa-*), и для *Uppite* не исключено *hUpaiθ(y)a-* (ср. там же о скифских именах с *paiθa-*), о «юго-западных» иранских формах в ассирийских текстах см. № 50, 51 и др.**.

50. *Burdada* (*Bur-da-da*, анн. 162) — имя правителя Нирутакты, между Бит-Капси и Цибуром. И. Шефтелович (1902, 276) читал *Burdata* и сравнивал с инд. *Bṛhata*, с *d* вместо *z* в иранской форме;

---

* Р. Цадок, ссылаясь на Э.А. Грантовского, считает имя *Uppite* иранским с вопросительным знаком (Zadok, 2002, p. 126, 130).

** Р. Цадок считает, что имя *Upaš* слишком кратко для бесспорного определения его лингвистической принадлежности (Zadok, 2002, p. 112–113).

определение элемента *Burd-* (т.е. «персидского») представляется правильным, но чтение имени и его объяснение в целом неверны. Ассирийское написание — *Burdada*, а передача *t* через *d* маловероятна и здесь невозможна, так как теперь известен еще один правитель, безусловно, с тем же именем, заключивший вассальный договор с Асархаддоном в 672 г. до н.э., из владения Карзитали на северо-западной окраине Мидии, на пути в ее северные районы — *Burdadi* (*Bur-da-di*, ND 4328 A, стк. 3, ср.: Wiseman, 1958, 82, 2–13, там же см. источники о Карзитали, упоминающейся в запросах к оракулу Асархаддона рядом с Антарпати, Андарпатиану списков 714 и 713 гг. до н.э., но *Bur-da-di* рассматривать как *Bur-dadi* не следует, ср.: Tallqvist, 1918, 66, для имени Бурдада).

Имя обоих правителей представляет, очевидно, «юго-западную» форму **Bṛda-dā(y)-, -dī-* (о «юго-западных» формах с тех же территорий ср. под № 51), ср. авест. *bərəzaiδā(y)-, -δī-*[39] (ср.-перс. перевод *buland* < **burdant*) 'высокого благоразумия (или взора, намерения и т.п.)' — прозвище Виштаспы (*bə rəzaiδis kava Vīštāspō*, Яшт V, 108; IX, 29; XVII, 52; ср. в Ясна LVII: *Sraošəm bərəzaiδīm*), ср. западноиранские имена с подобным значением: Σμερδομένης (сын Отаны, Геродот, VII, 82, 121) < **Bṛdamaniš* (ср. Σμέρδις, Μέρδις для *Bardiya-*) 'высокого образа мысли' (ср. под № 23), имя правителя Рана и Мукана в первой половине V в. *Barzabod*, *Barzabud* (по грузинским передачам: Justi, 1895, 65) < иран. **Barzabōδ, -būd*, от *bōδ* 'сознание', ср. также *Baradkama* эламских документов (см.: PTT, 84 и др.), по-видимому, к **Bṛdakāma-* 'с высоким желанием'. О других именах от *bṛz-*, *bṛd-* и отражении в них *ṛ* см. под № 22 и с. 96–99. Ассир. *ur* в рассматриваемом имени может передавать как *ṛ*, так и *ur* произношения*.

Бурдади, известный под 672 г. до н.э., правил в местности с неиранским названием, но в этом районе, безусловно, имелось

---

[39] У Хр. Бартоломе *bərəzi-δā(y)-*; предполагается, что в Авесте для *i* перед *ǐ*, *y* следующего слога могло писаться *ai*, что, однако, нельзя считать доказанным, но если это и возможно, то и тогда для данного слова скорее следует принять *bərəzaδā(y)-* (ср. особо в Ясна LVII, 11). Форма *bərəza-* (наряду с *bərəzi-*) вполне допустима и в Авесте и является обычной в индийском, *bṛha-*, и западноиранском, *bṛza-*, *bṛda-*, ср. под № 22.

* Р. Шмитт отмечает, что при исходном иранском **Bṛdadī-* в аккадском ожидалось бы конечное *-š*, и потому альтернативную западносемитскую этимологию, предложенную Цадоком (из арамейского **Bar-Dādi*, «Сын Дади» — Zadok, 1978, p. 57 f., 62, 106 ff.), также нельзя сбрасывать со счета (Fuchs and Schmitt, 1999d, p. 269–270). Р. Цадок в более поздней работе, полагая, что Бардаду, Биртату и Уардатти с большой долей вероятности являются одним и тем же лицом, чье имя может восходить к иранскому корню **vṛd-* (см. выше, примечание* к с. 231), задается вопросом, не объясняются ли написания *Bar-ʿdaʾ-da/Bur-da-da* народной этимологизацией арамеязычных ассирийских писцов (Zadok, 2002, p. 110, 112).

отца Уппите, иранские (см. под № 54 и под № 47: еще один Раматея, и снова рядом имя с *Uppi-*). Уппамма стоит в списке 713 г. до н.э. среди бесспорно иранских имен (см. с. 375). В Бит-Капси, где правил Упаш, отмечен ираноязычный элемент (см. № 76 и, очевидно, № 46).

Все эти имена могут быть образованы от иран. *upa* (как допускал Э. Герцфельд для имени Уппис), являясь сокращением от сложного имени с *upa-* или представляя полное имя; *upa* 'на', 'сверху', ср. авест. *upəma-*, *upama-* 'высший', *upara-* 'более высокий', 'превосходящий' (в том числе в социальном смысле, ср. также *uparatāt* 'превосходство', 'главенство'). С *upa-* образован целый ряд индоиранских имен (ср., в частности, *Upadarma-* в Бех.), часто употребляемых в сокращениях, ср. также инд. *Upaka-*, *Upika-* — обычные сокращения от всех мужских имен с *Upa-*. Уппамма непосредственно для иран. *Upama-* 'высший', 'старший', 'верховный' (может быть и титулом), ср. инд. *upama-* 'высший', 'лучший', 'выдающийся' (в RV и позже), также входящее и в личные имена [*Upamáçravas-* (RV) и др.]. Западноиранские имена с *upama* известны и в вавилонской передаче: *Ariyaupama-*, *Artaupama-* (*A-ri-ia-ú-pa-am-ma*, *Ar-tu-ú-pa-am*, см.: Eilers, 1936, 172; 1940б, 195; 1955, 229). В *Uppite* возможно образование с суффиксом *-ita*, ср. *masita-* 'большой' от *maš(a)-*, авест. *zairita-* = инд. *harita-*, оба известны и как личные имена (ср. под № 25, 26), мидийское имя *Xsaθrita-* (обычно считается сокращением, ср. под № 19), ахеменидское Ἀρσίτης от *arša(n)-* (очевидно, то же, что *Ar-ri-šit-tu* из вавилонских документов, ср.: Eilers, 1940б, 220 sq.) и др. **Upita-* может быть либо сокращением от имени с *Upa-*, либо самостоятельным образованием в значении «верховный» или подобном*.

Э. Герцфельд считал, что имя Уппис скорее всего образовано от *upa-*, но предлагал и еще два варианта: с начальным *hu-* от *pāh-* (основа *pišya*, ср. авест. имя *Piši.šyaoθna-*) или от *pais-*, ср. *Paēšatah-* и *Uspaēšata-* (ср.: AMI, VII, 28). Для *Uppis* возможно *hUpaisa-* (ср. с. 184 об именах с *paisa-*), и для *Uppite* не исключено *hUpaiθ(y)a-* (ср. там же о скифских именах с *paiθa-*), о «юго-западных» иранских формах в ассирийских текстах см. № 50, 51 и др.**.

50. *Burdada* (*Bur-da-da*, анн. 162) — имя правителя Нирутакты, между Бит-Капси и Цибуром. И. Шефтелович (1902, 276) читал *Burdata* и сравнивал с инд. *Bṛhata*, с *d* вместо *z* в иранской форме;

---

* Р. Цадок, ссылаясь на Э.А. Грантовского, считает имя *Uppite* иранским с вопросительным знаком (Zadok, 2002, p. 126, 130).

** Р. Цадок считает, что имя *Upaš* слишком кратко для бесспорного определения его лингвистической принадлежности (Zadok, 2002, p. 112–113).

определение элемента *Burd-* (т.е. «персидского») представляется правильным, но чтение имени и его объяснение в целом неверны. Ассирийское написание — *Burdada*, а передача *t* через *d* маловероятна и здесь невозможна, так как теперь известен еще один правитель, безусловно, с тем же именем, заключивший вассальный договор с Асархаддоном в 672 г. до н.э., из владения Карзитали на северо-западной окраине Мидии, на пути в ее северные районы — *Burdadi* (*Bur-da-di*, ND 4328 A, стк. 3, ср.: Wiseman, 1958, 82, 2–13, там же см. источники о Карзитали, упоминающейся в запросах к оракулу Асархаддона рядом с Антарпати, Андарпатиану списков 714 и 713 гг. до н.э., но *Bur-da-di* рассматривать как *Bur-dadi* не следует, ср.: Tallqvist, 1918, 66, для имени Бурдада).

Имя обоих правителей представляет, очевидно, «юго-западную» форму **Bṛda-dā(y)-*, *-dī-* (о «юго-западных» формах с тех же территорий ср. под № 51), ср. авест. *bərəzaiδā(y)-*, *-δī-*[39] (ср.-перс. перевод *buland* < **burdant*) 'высокого благоразумия (или взора, намерения и т.п.)' — прозвище Виштаспы (*bə rəzaiδis kava Vīštāspō*, Яшт V, 108; IX, 29; XVII, 52; ср. в Ясна LVII: *Sraošəm bərəzaiδīm*), ср. западноиранские имена с подобным значением: Σμερδομένης (сын Отаны, Геродот, VII, 82, 121) < **Bṛdamaniš* (ср. Σμέρδις, Μέρδις для *Bardiya-*) 'высокого образа мысли' (ср. под № 23), имя правителя Рана и Мукана в первой половине V в. *Barzabod*, *Barzabud* (по грузинским передачам: Justi, 1895, 65) < иран. **Barzabōδ*, *-būd*, от *bōδ* 'сознание', ср. также *Baradkama* эламских документов (см.: PTT, 84 и др.), по-видимому, к **Bṛdakāma-* 'с высоким желанием'. О других именах от *bṛz-*, *bṛd-* и отражении в них *ṛ* см. под № 22 и с. 96–99. Ассир. *ur* в рассматриваемом имени может передавать как *ṛ*, так и *ur* произношения*.

Бурдади, известный под 672 г. до н.э., правил в местности с неиранским названием, но в этом районе, безусловно, имелось

---

[39] У Хр. Бартоломе *bərəzi-δā(y)-*; предполагается, что в Авесте для *i* перед *ĩ*, *y* следующего слога могло писаться *ai*, что, однако, нельзя считать доказанным, но если это и возможно, то и тогда для данного слова скорее следует принять *bərəzaδā(y)-* (ср. особо в Ясна LVII, 11). Форма *bərəza-* (наряду с *bərəzi-*) вполне допустима и в Авесте и является обычной в индийском, *bṛha-*, и западноиранском, *bṛza-*, *bṛda-*, ср. под № 22.

* Р. Шмитт отмечает, что при исходном иранском **Bṛdadī-* в аккадском ожидалось бы конечное *-š*, и потому альтернативную западносемитскую этимологию, предложенную Цадоком (из арамейского **Bar-Dādi*, «Сын Дади» — Zadok, 1978, p. 57 f., 62, 106 ff.), также нельзя сбрасывать со счета (Fuchs and Schmitt, 1999d, p. 269–270). Р. Цадок в более поздней работе, полагая, что Бардаду, Биртату и Уардатти с большой долей вероятности являются одним и тем же лицом, чье имя может восходить к иранскому корню **vṛd-* (см. выше, примечание* к с. 231), задается вопросом, не объясняются ли написания *Bar-⌜da⌝-da/Bur-da-da* народной этимологизацией арамеязычных ассирийских писцов (Zadok, 2002, p. 110, 112).

ираноязычное население. Название соседней Антарпати-Андарпатиану, очевидно, иранское, а уже в 714 и 713 гг. до н.э. там отмечен правитель (или правители) с определенно иранским именем (см. под № 54). В областях, близких к владению Бурдады, упоминаемого под 737 г. до н.э., ираноязычный элемент широко представлен в IX–VIII вв. до н.э. (особенно по обильным данным времени Саргона II), но и само название этого владения производит впечатление иранского: *Nirutakta* ([URU]*Ni-ru-tak-ta*, анн., 163), быть может, **Nirvataxta* (возможны и иные объяснения), от *ni-rav-* и *taxta-*, от *tak-*, передача иран. *-xt-* (= инд. *-kt-*, но возможно и иран. *-kt-*) через акк. *-kt-* засвидетельствована точными примерами (ср. под № 70).

Выше были приведены все личные имена из сохранившихся анналов Тиглатпаласара III, относящиеся к странам на востоке*. Что касается географических названий, то помимо упомянутых в анналах и сводках восточных стран других надписей перечисляются и иные топонимы. Часть их должна относиться к областям у границ Мидии, а также в ее пределах, некоторые — к районам далеко на востоке. Однако их конкретное размещение по указанным территориям сильно затруднено. Общие сводки стран в ряде мест определенно не придерживаются географической последовательности или порядка прохождения стран во время походов, а также противоречат друг другу в ряде пунктов. Вместе с тем эти сводки (кроме наиболее краткой, на 1. пл., ср. выше) помимо событий во время походов 744 и 737 гг. до н.э. отражают результаты и других восточных кампаний. А описание похода 737 г. до н.э. в анналах сильно повреждено, и особенно в части, сообщающей о действиях в Мидии. В этой части уцелели полностью лишь личное имя Йаутарши (ср. выше, название владения

---

* К настоящему времени опубликованы новые документы, в том числе стела Тиглатпаласара III из Западного Ирана (Hayim Tadmor in Collaboration with Louis D. Levine. The Stele from Iran, In: Tadmor, 1994, p. 90–110 — более полное издание, чем Levine 1972, где был опубликован только один из трех сохранившихся фрагментов стелы), содержащая еще несколько бесспорно иранских имен, упомянутых в связи с походом 737 г. до н.э.: *Amaku* (*A-ma-ku*, из иранского **Amaka-*, от **ama-* 'сила, мощь', ср. ниже, с. 307 — Fuchs and Schmitt, 1998b, p. 97; Zadok, 2002, p. 119–120), *Šataqupi* (*Šá-ta-qu-pi*, возможно, из иранского **Śata-hu-āpah-* '[Совершающий] сотню добрых дел' или **Śata-hu-āpi-* '[Владеющий] сотней хороших [источников] воды', *Metraku* (*Me-et-ra-ku*, из иранского **Miθra-ka-* — первое упоминание Митры в иранской ономастике, см.: Tadmor, 1994, p. 107 ad St. II B, 37'; Zadok, 2002, p. 127, 129), *Šataśpa* (*Šá-ta-áš-pa*, из иранского **Śata-aspa-* '[Владеющий] сотней коней' — ср. имя знатного перса Σατάσπης у Геродота IV, 43; см. также: Balcer 1993, p. 74), *Uitana* (*Ú-i-ta-na*, из иранского **Vi-tana-* 'Раскинувшийся, Распростертый?' — ср.: Zadok 1986, p. 247; idem 2002, p. 119, 120), *Ametana* (*A-me-ta-na*, видимо, от иранского **ama-* 'сила, мощь', см.: Fuchs and Schmitt, 1998c, p. 101–102; Zadok, 2002, p. 119, 120), ...]*parnu* (...]*-par-nu-u* — хотя первая часть имени не читается, вторая явно отражает иранское **farnah-*, ср.: Zadok, 2002, p. 119, 120).

не сохранилось) и названия: «страны» *Amati* (*A-ma-ti*, стк. 170), гор *Rūa* (*Ru-ú-a*, там же) и «страны» *Kar-zibra* [*Kar-zi-ib-ra(-aj)*, стк. 171, ср. гл. табл., 31]. Последнее принадлежит, вероятно, и вавилоно-касситскому пласту топонимов областей к востоку от Двуречья. Рядом с Карзиброй в первом списке глиняной таблицы упоминается «страна» *Gukinnana* (*Gu-kin-na-na*, стк. 31), возможно, с эламским названием, как его определяет И.М. Дьяконов (1956, 203, со сравнительным материалом). По его мнению, и ряд других названий из этих текстов Тиглатпаласара III имеют эламский облик. Вместе с тем среди топонимов с указанной территории (хотя бы частично мидийской) должны быть и иранские; ср., например, предлагаемые у Дьяконова (1956, 203) объяснения названий Ариарма (*KUR A-ri-ar-ma/mi/mu*, анн., стк. 56, по КТР; 2 пл., 22; гл. табл., 31, 37), Уренна (*URU Ú-re-en-na*, 2 пл., 21), Уримзан (*URU Ú-ri-im-za-an*, гл. табл., 30)*, Нишша(й) (*URU Ni-ša-aj*, 2 пл., 21; *KUR Ni-iš-ša-a*, гл. табл., 30)**, Аракутту (о двух последних ср.: Eilers, 1954, 329 sq.). Для *Araquttu* (*KUR A-ra-qu-ut-tu*, гл. табл., 31), объясняемого как иран. *Harahvatī* (др.-перс. *Harahuvatī-*, авест. *Haraxᵛaitī-* 'Арахозия', инд. *Sarasvatī-*) 'водная', 'богатая водами, реками', ср. эламскую передачу имени Арахозии *har-ku-ti-iš* в XPh, элам., 16 и, очевидно, [*har-ku*]*-ut-ti-iš* в DSe, элам., 39 (ср.: Cameron, 1959) при *har-ra-u-ma-ti-iš*, *har-ru-ma-ti-iš* других надписей***.

Особый интерес представляет название *Tigrakki* (*KUR Ti-ig/k-ra-ak-ki*) в глиняной таблице (стк. 37), где сообщается об установлении в этой местности стелы с изображением Тиглатпаласара III. Однако в первой своде стран этой надписи (стк. 32) и в надписи второй плиты (стк. 23) пишется *Šigraki* (*KUR Ši-ig/k-ra-ki*). Издатель этих текстов П. Рост считал, что *Tigrakki* (в гл. табл., стк. 37) — ошибка вместо *Šigraki*. Но уже М. Штрекк (1901, 331) объяснял данное различие чередованием «дентального» и «сибилянта», указывая на отмечавшиеся по другому случаю П. Ростом варианты Дурдука-Зурзука (ср. под № 55) ассирийских и Бардийа-Барзийа ахеменидских текстов. Э. Герцфельд (AMI, VII, 96, 97) считал *Šikrakki* и *Tikrakki* глиняной таблицы и *Sikriš* анналов Саргона II под 716

---

* В настоящее время представляется, что в двух последних случаях речь идет о слегка различающихся формах передачи одного и того же географического названия. Соответственно в первом случае восстанавливается не *Ú-re-en-*[*na*], а *Ú-re-en-*[*za-an*], см.: Tadmor, 1994, с. 132, с литературой. См. также: Zadok, 2002, p. 118, 121 (иранское происхождение данного топонима Р. Цадок считает весьма сомнительным).

** Об иранском топониме Нишай см.: Tadmor, 1994, p. 132, с литературой; Zadok, 2002, p. 118, 121, с литературой.

*** Р. Цадок считает предположительно иранскими топонимы Ариарма (Zadok, 2002, p. 128, 131) и, с большей уверенностью, Аракутту (ibid., p. 128,130—131). К иранским можно с уверенностью отнести и топоним *Uparia* (*Ú-pa-ri-a*).

и 713 гг. до н.э. разными топонимами, восходящими к одному иранскому слову (ср. ниже). По В. Эйлерсу (1954, 330), формы из текста глиняной таблицы *Šikraki* и *Tikraki* (сходная с *Tikrakkaš* эламских документов из Персеполя[40]) характеризуются отмечаемым и в других именах изменением *t* — *s*.

Написание *Tigrakki*, безусловно, не является ошибочным вместо *Šigraki*. Тот отрывок из глиняной таблицы (стк. 34, сл.), где упоминается Тигракки, имеет иной характер и иное происхождение по сравнению со сводкой стран в стк. 29–34 (и сводкой во 2 пл., где также *Šigraki*). Эти два отрывка из глиняной таблицы определенно следуют различным источникам, которые могли называть одну местность по-разному. Известны многие примеры, когда в ассирийских надписях встречаются разные формы названия одной географической единицы (Хархубарра и Хальхубарра, Эрензиаш и Элензаш, Уишда и Уишдиш и др.) либо даже ее различные названия (например, Алабрия в анналах Саргона II и Паттира в его призме из Ашшура при описании одних и тех же событий, как и Бит-Раматуа анналов и Аразиаш Ниневийской призмы). Подобные случаи в основном отражают различия в наименовании соответствующей местности среди ее населения или у жителей соседних областей.

То же название встречается еще в подписи к одному из изображений во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине, в издании Г. Винклера (KS, II, pl. 49, зал II, 17): ^{URU}[*?*]*-ig/k-rak-ka*, по М. Штрекку — *Šigrakki* или *Tigrakki*. Но написание у Г. Винклера сохранившейся части первого знака не точно. Ее воспроизведение у П. Ботта (Botta, IV, pl. 180) при выборе между *ši* и *ti* ясно указывает на *ti*, все название соответственно ^{URU}[*Ti*]*-ig/k-rak-ka* (El-Amin, 1953, 56, 57). На изображении этого города (Botta, pl. 64) рядом с ним показана ассирийская царская стела, с полным основанием отождествляемая с установленной там Тиглатпаласаром III (Streck, 1901, 331; El-Amin, 1953, 56, 57). Вместе с тем Шигракка-Тигракка определенно то же, что и *Sigris* анналов Саргона II (по KS, стк. 73 под 716 г. до н.э. и стк. 84 под 715 г. до н.э.: ^{URU}*Si-ig/k-*

[40] Местность *Ti-ik-rák-kaš* таблички «крепостной стены» № 15 находилась недалеко от Персеполя, как и *Ti-ik-raš* из № 11473 (ср.: PTT, 197, 198, 211). По табличке «сокровищницы» № 83 известен *Tuk-ráš* (см. там же), также в Фарсе (упоминается рядом с Увадайчаей, ср. о ней: Бех. III, 49–52). Быть может, это названия одной местности в разных формах и различных написаниях. Первые два могут непосредственно передавать перс. **θigraka-* и **θigra-* (ср. ниже о рассматриваемых названиях из ассирийских текстов). Но не исключено, что здесь это иранизированные формы старого местного топонима типа *Tukriš/Tukraš*, ср. известный во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н.э. *Tukriš* в Северном Эламе или далее к северо-западу, ближе к Двуречью.

ri-is). Эта идентификация предлагалась еще А. Биллербеком, но М. Штрекк (1901, 331) относился к ней с сомнением. Дж. Кэмерон (1936, 151, 152), перечисляя изображения во дворце Саргона, для упомянутого (с подписью [*?-*]*igrakka*) отмечал, что там показан Сигрис. Из обстоятельного анализа этих изображений и подписей к ним, данного Эль-Амином (1953), определенно следует, что эпизоды военных кампаний были размещены в последовательности событий соответствующих походов; на стенах второго зала иллюстрируется кампания 716 г. до н.э. На этом основании Шигракка-Тигракка определенно отождествляется с Сигрисом, захваченным именно в 716 г. до н.э. и как раз в тот период похода, которому соответствует серия изображений, где фигурирует Тигракка (это обстоятельство, уже отмечавшееся ранее, не учтено Эль-Амином).

В анналах Тиглатпаласара III Шиграки-Тигракки, называемая в других его надписях, не упоминается. При Саргоне II Сигрис-Тигракка, завоеванный в 716 г. до н.э., вошел в провинцию Хархар, включившую тогда как местности до Мидии, так и западномидийские районы, и лежал, следовательно, где-то у мидийских границ, возможно восточнее самого Хархара, быть может уже в пределах Мидии. Для Шиграки, Тиграки и Сигриса упомянутых текстов Тиглатпаласара III и Саргона II устанавливается реальное соответствие. Вместе с тем и в других ассирийских источниках встречаются подобные названия, часть которых должна, очевидно, относиться к той же географической единице. Но в каждом конкретном случае определенно утверждать это трудно, тем более что данное топонимическое (возможно, также родо-племенное, ср. ниже) название было весьма широко распространено в Иране. Сигрис анналов Саргона II, особенно если помещать его в собственно Мидии, очевидно, не может соответствовать Сигрису, известному при Шамши-Ададе V (ср. с. 215 и сл.; также по Дьяконову, 1954, 164, они находились в разных районах). Д. Вайзман отождествляет Сигрис списка эпонимов при Шамши-Ададе V, анналов Саргона II и вассального договора одного из восточных правителей (Хатарны) с Асархаддоном в 672 г. до н.э. (*Hatarna* ^{URU}*Sig/k-ri-si*, ND 4332, см.: Wiseman, 1958, pl. XII. 1). Идентификация Сигриса текста 672 г. до н.э. с упоминаемым под 716 и 715 гг. до н.э. кажется наиболее вероятной, но не бесспорной, так как в 672 г. до н.э. были заключены договоры с правителями из районов, расположенных как в самой Мидии и на ее границах, так и далеко к западу, вплоть до Замуа.

С Сигрисом анналов Саргона II обычно отождествляется *Sigrina* из списка 713 г. до н.э. в Ниневийской призме («призма А»,

стк. 14): *^{I}Pa-ar-nu-a ^{URU}Si-ig/k-ri-na-a-a*; у Д. Люккенбиля (AR, II, 104) Парнуа из города *Sikrisu*, у И.М. Дьяконова (1956, 221) имя местности — Сигрис. Но в тексте ясно *-na-*, как и читают другие авторы, например Х. Тадмор (Tadmor, 1958), вместе с тем также полагающий, что это Сигрис. Но оформление имени во всяком случае иное*. По Д. Люккенбилю и Х. Тадмору, Сигрис упоминается еще во фрагменте S 2022 той же (по Х. Тадмору) призмы, но чтение неясно: *Sig/k(??)-ri-is*, местность определяется как мидийская. И.М. Дьяконов (1956, 219, 220) восстанавливает название Сигриса, «[страна Сигри]су», в анналах Саргона II под 713 г. до н.э., где в начале стк. 158 (по KS) сохранился лишь последний знак *-su*. Перед этим идет речь о действиях в Элипи (до стк. 157 включительно), а далее в стк. 158 называется пограничная мидийская местность. В этом случае Сигрис (?) должен находиться вне Мидии, но у ее границ.

К этой группе названий следует еще отнести имя города *Tigriš* в письме HABL, № 342 (об., стк. 1, HABL, IV, 352: ^{URU}*Ti-ig/k-ri-iš*). Как Тигракка — вариант для Шигракка и Сигрис, так и Тигриш может соответствовать имени Сигрис. По данным письма № 342, Тигриш должен был находиться где-то недалеко от манейской границы и, очевидно, не тождествен Сигрису в провинции Хархар, но не исключено, что он лежал примерно в том же районе, где и Сигрис при Шамши-Ададе V. Заметим еще, что чередование того же типа, что и *s* — *t* в *Sigr-* — *Tigr-*, засвидетельствовано для южных окраин Маны (см. под № 55)**.

51. *Šigraki*, *Tigrakki*, *-ka*, *Sigris*, *Sigrina*, *Tigriš* (написания см. выше). Во всяком случае более одной, а возможно, и двух географических единиц. Ср. также № 12. Все эти названия и их различные формы можно уверенно отнести к иранским***.

Для имен «*Sikris*» анналов Саргона II и «*Šikrakki*», «*Tikrakki*» глиняной таблицы Тиглатпаласара III иранское объяснение предлагалось Э. Герцфельдом (AMI, VII, 96, 97); указывая также на Σιγριανική Птолемея и современные иранские топонимы к *Sīr-*, он возводил их к авест. **siγriš*, др.-перс. **θiγriš*, н.-перс. *sīr* 'чеснок', ср. др.-перс. *θaigrčiš*, элам. *soik^{n}rr^{i}cis* (по этимологии Ф. Юсти, 'месяц сбора чеснока'); форма **siγriš* и ее наличие в авестийском постулировалась Э. Герцфельдом по трактовке названия камня-амулета в Яшт XIV, 59: *asanəm sīγurye.čiθrəm*, по его мнению, вместо **siγrya-čiθram*.

---

* А. Фукс, однако, принимает чтение *Si-ik-ri-is-a-a* (Fuchs, 1998, p. 40, Vib. 14).

** Р. Цадок считает топоним *Sig/kris* доиранским, отмечая, что он известен со времен III династии Ура (Zadok, 2002, p. 126, с литературой).

*** Об этих названиях см.: Zadok, 2002, p. 114–115, с литературой.

Эта трактовка, в связи с которой он и этимологизирует упомянутые топонимы, является сомнительной и не принимается другими авторами, но указанное объяснение рассматриваемых топонимов в целом следует признать верным. Помимо отдельных уточнений оно может быть подкреплено и дополнительными данными.

Непосредственное отождествление Шиграки, Тиграки и Сигриса дает основание для выделения в названии этой местности обычного иранского форманта *-ka*, а в имени Сигрина — распространенного иранского топонимического суффикса *-na*. Вызывавшая иногда сомнения старая этимология названия месяца *θāigr(a)či-* теперь окончательно доказана В. Эйлерсом (1953, 41–43; 1962, 60–62), указавшим, в частности, на календарный персидский праздник *sīr-sūr* (ср. с. 172) 'праздник чеснока'*. В среднеперсидском засвидетельствованы *siyr* и *sīr* 'чеснок'. Для древнеиранского обычно принимают «северо-западную» форму **sigra-* и «юго-западную» — **θigra-* (так и у В. Эйлерса, М. Майрхофера и др.). Но слово употреблялось и с тематическим *-i* (а индийское соответствие с *-u* ср. ниже). Для упомянутого названия месяца многочисленные эламские передачи (см. их список PTT, 44 и у В. Эйлерса в указанных работах) отражают **sāigriči-* (а не **sāigrači*) от **sigri-*, ср. также топоним Σιγριανή (Страбон, XI, 13, 8, о протяжении Мидии по линии от перевала Загра до Каспийских ворот через Сигриану) и Σιγριανική (Птолемей, VI, 2, 6, в Мидии, но также без точных данных для локализации); быть может, к числу таких названий относится еще *Sygris* позднеримских картографов (ср.: Marquart, 1901, 221) — река, текущая в Каспийское море. Как уже указывалось, топонимы от *sīr* (< *siyr*) известны в Иране и позже (ср. у Э. Герцфельда); к ним следует отнести и *Sīristān*, очевидно, от **siyr(i)-*, в местности, где мог находиться один из Сигрисов ассирийских текстов (ср. с. 215–216). Иран. *sigr-*, перс. *θigr-* соответствует инд. *çigr-*, ср. *çigru-* — овощное растение со съедобными корнями и листьями, также *çigruka-* (Ману, VI, 14); в Ригведе (VII, 18, 19) *Çigru-* известно и как племенное имя. В местностях, упоминаемых в ассирийских источниках рядом с носившими рассматриваемые названия, широко представлен ираноязычный элемент. Из двух засвидетельствованных личных имен, связанных с данными топонимами, одно (*Ḫatarna*, 672 г. до н.э.) вероятно, а другое [*(E)parnu(a)*, 713 г. до н.э.] определенно иранское (ср. с. 372 и сл.).

---

* О древнеперсидском названии месяца *θāigrači* см. также: Lubotsky, 2002, p. 195–196, 198–200.

Все эти материалы, надежно указывающие, что рассматриваемые топонимы — иранские, ясно определяют и характер различия начального согласного в ассирийской передаче: *š, s, t*. Данное чередование в свою очередь является еще одним доказательством иранской принадлежности этих топонимов. Здесь безусловно отражено различие иранских диалектных норм, «северо-западной» с *s-* (в ассирийском одинаково часто *š* и *s*) и «юго-западной» с *θ-* (закономерная аккадская передача: *t*). Бытование одних и тех же географических названий в разных формах, принадлежащих различным иранским говорам и диалектам, многократно засвидетельствовано для ахеменидского периода персидскими, эламскими и вавилонскими текстами (для ассирийской эпохи см. еще под № 55). Таким образом, ассир. *Tigrakki/-ka* передает **θigraka-, Tigriš* — **θigriš, Šigraki* — **Sigraka, Sigris* — **Sigriš, Sigrina* — **Sigrina-*, или *Sigraina-*, или, быть может, ** Sigri-ana, *Sigryana* (соответствуя в этом случае по форме указанным мидийским топонимам из Страбона и Птолемея).

В надписях эпохи Саргона II содержится очень большое число личных имен и топонимов определенно иранской принадлежности, а также тех, которые с достаточным основанием могут быть отнесены к иранским. Следует, однако, особо подчеркнуть, что данное обстоятельство не обязательно должно свидетельствовать о резком увеличении ираноязычного населения на соответствующих территориях по сравнению с предшествующими периодами. Это, очевидно, прежде всего лишь результат более обильных ономастических данных значительно большего числа разнообразных источников.

Анналы Саргона II на стенах дворца в Дур-Шаррукине были изданы в конце XIX в. Г. Винклером, собравшим в своей публикации (KS) и другие известные к тому времени надписи этого царя. Но в ряде случаев Г. Винклер не использовал всех возможностей, которые давали материалы П. Ботта из Хорсабада, а также отразил в тексте выводы своих чтений и восстановлений, которые не всегда правильны (о важных исправлениях в отдельных разделах анналов см.: Thureau-Dangin, 1927, для надписи из зала XIV ср.: Weissbach, 1918). В 1929 г. был опубликован пересмотренный по материалам П. Ботта текст анналов из зала II (это изд. Lie цит. по: Olmstead, 1931, где дается и ряд существенных дополнений, и именно для разделов о событиях на востоке).

Часто подробнее, чем в анналах, военные кампании Саргона II описываются в его призмах; их фрагменты найдены в Ниневии, Ашшуре и Калху. Ниневийские фрагменты, определявшиеся Г. Винклером как остатки двух призм, «А» и «В», теперь призна-

ются принадлежащими одному тексту (к истории вопроса см.: Weidner, 1941; Gadd, 1954; Tadmor, 1958), что, по-видимому, окончательно доказано Х. Тадмором, давшим также убедительную аранжировку фрагментов этого источника (изд.: KS, II, 44–46, для некоторых дополнительных фрагментов и уточнений в чтениях см.: Tadmor, 1958). Фрагменты призмы из Ашшура (изд.: Weidner, 1941) и остатки нескольких призм из Калху (изд.: Gadd, 1954) не содержат новых ономастических материалов, но позволяют уточнить некоторые историко-географические вопросы. В этом отношении весьма важны и изображения из дворца в Дур-Шаррукине, и подписи к ним (изд.: KS, II, 49, с существенными неточностями, исправления см.: El-Amin, 1953, ср. выше, с. 276–277). Названия некоторых местностей в подписях к рельефам приводятся в иной форме по сравнению с анналами на стенах того же дворца. Такие различия отмечаются и между текстами анналов и призм, обзорных сводок завоеваний в других надписях, писем царской корреспонденции и других источников (о некоторых примерах и причинах этого явления ср. выше). Эти факты свидетельствуют, что при составлении официальных надписей могли использоваться источники различного происхождения и характера, часто непосредственно восходящие к записям, сделанным во время походов, или к иной информации из районов, где лежали соответствующие местности, или соседних с ними. Дошедший текст специальной реляции о походе 714 г. до н.э. («Письмо Ашшуру») написан в том же году.

Поэтому в этом подробном тексте должно быть наименьшее число искажений, возможных в результате неточностей при переписке в составленных позднее источниках, описывающих те же события или приводящих те же имена. При расхождениях между ними и письмом Ашшуру написания, представленные в последнем, имеют бесспорное преимущество. [Этот источник был издан Ф. Тюро-Данженом в 1912 г., дополнительные фрагменты — Б. Майсснером (ZA, XXXIV, 113 sq.) и Э. Вайднером (AfO, 1938, XII, 144 sq.); публикация Ф. Тюро-Данжена была недоступна автору, использовано воспроизведение текста: Липин, 1957, 103–124].

Из приводимых во многих надписях Саргона II сводок завоеваний особое значение имеет значительно более подробный, чем в других подобных текстах, обзор в «Парадной надписи» («Prunkinschrift», изд. в KS); в общем эта надпись не содержала существенных дополнений к анналам, но, так как текст последних в ряде мест фрагментирован, ее данные играют существенную роль; иногда она дает и более точные, чем в анналах, написания

(ср., например, с. 112). Очень важны письма ассирийской царской корреспонденции, содержащие сведения, которые не входят в другие ассирийские надписи, и приводящие значительное число имен, неизвестных по другим источникам. Обширное собрание таких писем из Ниневии издано Р. Харпером (HABL, ср. RCAE). В 1952 г. в Калху был обнаружен подобный архив, датируемый примерно 740–705 гг. до н.э. (для настоящей работы важны письма в изд.: Saggs, 1958). Представляют интерес и отдельные данные из административно-хозяйственных текстов из Калху (ср. в изд.: Parker, 1961).

Значительное место в текстах Саргона II занимает описание событий в Мане, которая ко второй половине VIII в. до н.э. намного расширила свои владения, подчинив ряд окрестных «стран». Как уже указывалось, не исключена иранская принадлежность трех манейских царских имен, в том числе единственного известного в IX в. до н.э. (см. под № 9).

52. *Aza* (*A-za/ṣa-a*, Саргон II, анн., стк. 54, 55 по KS; ПН, стк. 37, 38) — имя царя Маны, убитого в 716 г. до н.э. Необоснованно сопоставление этого имени с именем *Asū* из Гильзана (ср. с. 147). Но возможны параллели в иранской ономастике, ср. Ἄζης (один из сакских царей Индии), Ἄζος (из Танаиса) и др. (ср.: Justi, 1895, 53, 54; Zgusta, 1955, 62, с малоубедительной этимологией имени из Танаиса), к др.-иран. **Āza-* от *az-* 'вести', ср. хот.-сак. *hīnaysa* 'воевода' (*hainā* 'войско' + *āza*). В эламских документах из Персеполя встречается имя *A-ṣa-ak-ka* < **Āzaka-* (ср.: Benveniste, 1958)*.

В VII в. до н.э. один из царей Маны носил имя *Aḫšēri/a*, вар. *Aḫsēri* (*Aḫ-šē-e-ri/ra* в текстах Ашшурбанапала, *Aḫ-si-ri* в запросе к оракулу Асархаддона, ср.: Tallqvist, 1918, 18). Ранее имя рассматривалось как иранское: **xšaira-* 'властвующий' (Justi, 1895б, 682; Meyer, 1908, 14). Среди имен с акк. *aḫsi(ja)* < иран. *xšaya-* отмечалось и К. Таллквистом (1918, 266). Но, по его же мнению, иран. *xš* всегда передавалось в ассирийском как *ks* или *s*, а в вавилонском — как *ḫš* или *kš*. Ссылаясь на К. Таллквиста, Г.А. Меликишвили (1954, 141, 144) отводит иранское объяснение имени. И.М. Дьяконов (1956, 264), указывая на его передачу с *s* в ассирийском источнике, написанном на вавилонском диалекте, считает, что оно произносилось *Aḫsēri*, как следует читать и ассир. *Aḫšēri*. Но написание с *š* встречается и в тексте, составленном на вавилонском диалекте (в «Цилиндре Рассама»), и обе передачи,

* См. также: Fuchs and Schmitt, 1998h, p. 238; Zadok, 2002, p. 92, 96. Все исследователи считают это имя иранским, хотя Р. Цадок отмечает, что оно чересчур коротко для однозначных выводов.

очевидно, следуют безразличному отражению *š* и *s* местных языков в ассирийском; мнение же о том, что *š* в иран. *xš* не могло передаваться через ассир. *š*, определенно необоснованно (ср. с. 105 и сл.). Поэтому приведенные аргументы не препятствуют предположению, что данное имя представляет иранское образование от *xšay-* 'господствовать', 'властвовать', ср. *xšaya-* 'властитель', *xšayant-* 'властвующий', *xšāyaϑiya-* 'царь' и др.; известны многие иранские имена от подобных образований (ср. также с. 174 и сл.; под № 19 и др.). Рассматриваемое имя в этом случае образовано с суффиксом *-ra*, как и ряд других (в том числе древних западных) иранских имен (ср. под № 2, а также под № 27). Соединение *xša + ra* представлено в имени ахеменидского вельможи Ἀρταξάρης, по В. Шульце (1893, 317), Ф. Юсти (1895, 36) и К. Таллквисту, уменьшительное с суффиксом *ara* от сокращения *Artaxš-* (*Artaxšaꜱꜱa-*); то же имя в вавилонских документах: *Ar-taḫ-šá-ri*, *Ar-ta-aḫ-šá-ar* и т.д. (Tallqvist, 1918, XXV; Eilers, 1940a, 52). Не представляется вероятным (ср. уже у Таллквиста) возводить это имя к **Artaxšaϑra-* с переходом *ϑr* > *hr*, якобы возможным в иранских говорах уже в V в. до н.э. (так у Г. Хюзинга и В. Эйлерса). Сопоставление аккадских и греческих передач указывает на форму **Artaxšara-*, т.е. действительно с суффиксом *(a)ra* (но, быть может, это не сокращение, а часть второго члена имени: *Arta + xša-ra*). Передачи иран. *xš-* через акк. *aḫs-* и *ai*, *ăya* через *ē* обычны. В целом для передачи в *Aḫšēri/a* предполагаемого иран. *Xšaira-* или *Xšāyara-* ср. также вавил. *Aḫ-še-ti-'* (ср.: Eilers, 1940б, 202) < **Xšaita* (ср. *Yima xšaēta* и пр. и имя *Xšētak* в документах из Нисы)*.

Не следует поэтому исключать возможность иранской принадлежности некоторых имен манейских царей (хотя ни одно из упомянутых имен не может быть определено как безусловно иранское). Имена других членов манейской династии в конце VIII — первой половине VII в. до н.э. явно неиранские (Иранзу, Улусуну, Уалли, Эрисини, а также аккадское имя манея Белхабу, возможно, также царя; ср.: Дьяконов, 1956, 255, 264). И основную роль в центре Маны, по-видимому, играло старое местное население. Но в соседних районах Манейского государства, с различных сторон от его центров, надежно засвидетельствован ираноязычный элемент, в большинстве этих районов, очевидно, уже преобладавший. Тексты Саргона II называют, в частности, четырех «наместников» Маны (правителей зависимых областей). Имена трех из них должны быть признаны иранскими (см. ни-

* Имя *Aḫšēri* Р. Шмитт предположительно считает хурритским (Fuchs and Schmitt, 1998a, p. 68). Ему следует и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 92).

же), и лишь один, Телусина из Андии (*Telusina* ^{KUR}*Andiaį*, анн., 81; ПН, 45), носил имя, принадлежащее, очевидно, к той же языковой среде, что и манейские царские имена Улусуну и Эрисини и имя Шулусуну под 828 г. до н.э. из местности у западных границ Маны (ср. еще Мусасина из Замуа, также рядом с иранскими именами, в 881–880 гг. до н.э.), но в тех же районах под 828–827 гг. до н.э. засвидетельствованы и иранские имена (ср. с. 213).

53. *Bagdatti* (*Ba-ag-da-at-ti*, анн., стк. 52, 57 по KS, стк. 52, ср. Olmstead, 1931, 264; ПН, 49; *Bag-da-at-ti*, анн., вар.) — «наместник» Маны в области недалеко от ее центров, примерно между Миандуабом и Сахандом; убит в 716 г. до н.э. Иран. **Bagadāta-* (очевидное и общепризнанное объяснение), ср. авест. *baγō.dāta-* и пр. В древности для Западного Ирана имя многократно засвидетельствовано для разных лиц в эламских (ср. PTT, 142, 154), греческих (ср.: Justi, 1895, 57) и особенно часто в вавилонских (ср.: Eilers, 1936, 179 sq.; 1940a, 78 sq., 87; 1955, 236, и др.) передачах, ср. также в документах из Нисы (*Bgdtk*, ср. Дьяконов и Лившиц, 1960, 23), арм. и груз. *Bagarat*, *Bagrat* с $r < d$, раннесредневековое иран. *Baγdāδ* (ср.: Justi, 1895, 57–59) и т.д. Вавилонские написания имени различны: *Ba-ga-'-da-ti/-ta-'*, *Ba-ga-'-da-a-tu*, *Ba-ga-da-du* и т.д. Известны и многие другие древние западноиранские имена с *baga-* (напротив, в Авесте они не встречаются), в том числе засвидетельствованные ассирийскими текстами (см. с. 259 и сл. и ниже под № 65 и далее)*. Название владения Багдатти, *Uišdiš* (^{KUR}*Ú-iš-di-iš*, ПА, 91, 163, 169; ^{KUR}*Ú-iš-di-iš-a-a*, анн., ПН), *Uišda* (^{KUR}*Ú-iš-da-a-a*, «призма D», стб. II, 13, изд.: Gadd, 1954), возможно, также иранское; быть может, сравнимо с элементом *višda* в именах (?) древнеперсидских надписей на печатях частных лиц: *vahyavišdāpāya* и, возможно, в *v^{a}šdāsaka* (вместо *višdasaka?*, ср. в текстах Артаксеркса II *Anah^{a}ta* при редком, более верном *Anahita*). Допустимы и иные толкования передачи этого названия (оно могло стать известным ассирийцам и от манеев, ср. об этом с. 100).

54. *Daį(a)ukku* (*Da-a-a-uk-ku*, анн., стк. 76 и 77, по KS, под 715 г. до н.э.; ПН, 49) — манейский «наместник» (анн., 76). По общепринятому мнению, тождествен Дейоку Геродота (раннюю литературу см. у Justi (1895, 76); см. также у Г. Хюзинга, Ф. Кёнига, Э. Герцфельда, Дж. Кэмерона, Х. Нюберга, Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконова, Кр. и Ж. Палу и многих других). В издании ан-

* См. также: Fuchs and Schmitt, 1999a, p. 251; Zadok, 2002, p. 93, 96.

налов Саргона II (KS) Г. Винклер в стк. 140 (под 713 г. до н.э) для текста из зала V дал написание ^{KUR}*Bīt-Da* ..., что восстанавливал как ^{mât}*Bīt-Da*[*a-a-uk-ki*] (также в AR и в ряде других работ) при «[^{mât}*Bīt*]-*da-a-a?*» для текста из зала II. Так как здесь имеется в виду Мидия (как иногда и ранее восстанавливалось во втором тексте), был сделан вывод о соответствии Бит-Дайукки Мидии, что являлось и важным аргументом в пользу тождества Дайукку с Дейоком. Позже, однако, было показано, что там, где Г. Винклер читал ^{mât}*Bīt-da* ..., на самом деле — $^{[K]UR}$*Ma-da*-[*a-a*], как и в параллельном тексте из зала II — $^{[KUR]}$*Ma-da-a-a* (см.: Thureau-Dangin, 1927, 75; подтверждено и Ли, ср. также: Olmstead, 1931). Правда, и после этого некоторые авторы еще писали о Бит-Дайукки, соответствующей Мидии (например: Herzfeld, AMI, I, 153, 154; Eilers, 1940a, 65; Меликишвили, 1949, 64; АВИИУ, № 46, примеч. 23, 40), а в RA (II, 38, изд. в 1938 г.) в статье Ф. Кёнига «Bit-Daiukki», в частности, утверждается, что эта местность в Мидии, названная по имени Дайукку-Дейока, стала затем именоваться *ša Nārti* («Область Речки», но данные о ней относятся к шестому-восьмому годам Саргона II, ср. с. 126, а стк. 140 в анн. — к его девятому году), где при Саргоне II известен правитель Уксатар (Киаксар), по Ф. Кёнигу, наследник Дайукку [также у И. Алиева (1960, 196, 211, 212): Уксатар, соответствующий «Киаксару I», возможно наследник Дайукку]. В связи с этим можно еще указать на мнение Г. Хюзинга (1908, 25), по которому Бит-Дайукки соответствует Кар-Касси других ассирийских источников и Экбатанам (ср.: Дьяконов, 1956, 276, 277: Бит-Кари с центром в Кар-Кашши — район Хамадана), но «Dahjuka», по Хюзингу, не имя, а титул («Landgraf») правителя по имени Киаксар (Hwachschatar).

Но и авторы, учитывающие указанное исправление в тексте Г. Винклера, продолжают связывать Дайукку текстов Саргона с Дейоком Геродота [ср. также в последнем труде Э. Герцфельда (1947, 89, 90)]. Но это мнение должно быть оставлено. Дайукку был «наместником», правителем одной из областей Манейского царства. Ни сама Мана, ни зависимые от нее области не совпадали с какими-либо районами Мидии и четко отличаются от них в текстах (а также не имеют отношения к «Области Речки»). Дайукку, бесспорно, не мог находиться в районе Хамадана, где, по Геродоту, происходило возвышение Дейока. Попытки перенести первоначальный центр Мидии и династии Дейокидов на северо-запад Мидии, ближе к Мане (например: Дьяконов, 1956, 179, 204, 205, 277; Алиев, 1960, 184, 186, 195, 207–211), бездоказательны и к тому же не достигают цели, ибо и северо-западные районы Мидии не входили в Ману (так, еще к 714 г. до н.э. меж-

ду ними лежали не входившая в Мидию и не принадлежавшая Мане Гизильбунда и некоторые другие области). Вообще, Дайукку вряд ли мог быть основателем какой-либо династии, так как в 715 г. до н.э. был захвачен ассирийцами и вместе с семьей сослан в Сирию (анн., 76 и сл.; ПН, 49). Упоминающийся под 714 г. до н.э. Уксатар из «Области Речки» никак не мог быть потомком Дайукку. Произвольным является и предположение (ср.: Дьяконов, 1956, 277), что Каштарити (один из вождей мидийского восстания примерно 672–670 гг. до н.э.) был сыном или внуком Дейока и воспитывался в Ассирии. Кроме того, судя по данным Геродота, Дейок жил в первой половине и середине VII в. до н.э. Данные Геродота о времени правления Астиага (35 лет), Киаксара (40, а не 40+28, см. об: этом Labat, 1961) и Фраорта (22 года), очевидно, вполне достоверные, и правление Фраорта началось, а Дейока закончилось около 647–645 гг. до н.э. Это соответствует и сообщению Геродота о том, что возвышение Дейока как правителя всей Мидии (в своем отдельном владении он должен был править и ранее) происходило уже после освобождения мидян от ассирийского господства (т.е. после 672–670 гг. до н.э.).

Можно, однако, и более определенно говорить о том, где на самом деле правил Дайукку текстов Саргона. В этих текстах сообщается о четырех «наместниках» Маны, в 719–714 гг. до н.э. в союзе с Урарту выступавших против царей Маны, поддерживаемых Ассирией. Это — Багдатти из Уишдиша, Митатти из Зикирту, Телусина из Андии (определение правителей Уишдиша и Зикирту как «наместников» Маны см. анн., стк. 52 по KS, ср.: Olmstead, 1931, 264; для Андии см. с. 284); владение четвертого — Дайукку — в дошедших текстах не называется. Но в «Парадной надписи» (стк. 37) эти «наместники» перечислены по их владениям (личные имена не приведены) — Уишдиш, Зикирту и Мисиандиа. Однако страны с последним именем не существовало, зато хорошо известны Андиа и Миси (в 719–714 гг. до н.э. уже входила в Ману и принимала участие в восстаниях против ее царей). В изданной С. Гэддом «призме D» (II, 8) при описании тех же событий упоминаются ^{KUR}*Mi-si* ^{KUR}*An-di-a*. Отсюда С. Гэдд (Gadd, 1954, 177) сделал обоснованное заключение, что в «Парадной надписи» не разделенное по ошибке детерминативом ^{KUR}*Mi-si-an-di-a-a* объединяет названия двух разных стран.

Но из этого следует, что в тексте, к которому восходит в этом отрывке «Парадная надпись», речь шла о четырех «наместниках» Маны, правителях Уишдиша, Зикирту, Миси, Андии, т.е. безусловно о тех же Багдатти, Митатти, Дайукку, Телусине. Таким образом, Дайукку был правителем Миси. Эта страна, упоминаю-

щаяся с 834 г. до н.э. до первой половины VII в. до н.э., бесспорно, не входила в Мидию, а также была отделена от нее другими «странами» (ср. выше, с. 122, 216 и др.). Следовательно, никакой связи, конкретной или эпической, между Дайукку из Миси, манейским «наместником», высланным в 715 г. до н.э. в Сирию, и Дейоком, реальным или легендарным основателем мидийской династии, быть не может. Общее у них только имя (как уже отмечалось Ф. Юсти и др., греч. Δηϊόκης — ионийская форма для *Δᾱϊόκᾱς/ης, ср. с. 192 об этнониме персов и Μηδία, Μῆδος и пр., при сохранившемся кипрском Μᾶδοι, для иран. *Māda-*). И Уксатар из «Области Речки» носил такое же имя, что и дейокид Киаксар, но не принадлежал к этой династии. Об одних и тех же именах разных лиц из различных областей Западного Ирана в рассматриваемую эпоху ср. также под № 22, 47, 50 и др.

Ряд известных по ассирийским источникам имен из Западного Ирана оканчиваются на *-ukku*, и на этом основании их обычно относят к «субарейским», «кавказским», хурритским и т.п., ср., например, у Ф. Кёнига (1934, 56, 57: имена с *Mašda-*, *Paḷukku* и другие имена на *-ukku*, а также *Karakku*) и Дж. Кэмерона (1936, 153). Причем авторы, придерживающиеся этой точки зрения, особо указывают на *Daḷ(a)ukku*, связываемое с именем *Tajuki* из текстов середины II тысячелетия до н.э. (см.: König, 1934, 57; Меликишвили, 1954, 140; Алиев, 1960, 64, 96, и др.). Соответственно считают, что и Дейок носил неиранское имя (по Г.А. Меликишвили, хурритское имя Дейока не исключает того, что сам он принадлежал к иранскому племени, ср. также с. 36–37 о мнении Х. Нюберга).

Но с подобными определениями согласиться нельзя. Безусловно, более оправданно давно выдвигавшееся мнение (литературу см.: Justi, 1895, 76), по которому имя Дейок-Дайукку представляет иранское образование, к *dahyu- + ka*. По Ф. Юсти, это имя (и одновременно, очевидно, титул) является сокращением с *-ka* от термина типа др.-перс. **dahyāupati-*, авест. *daŋ̊hupaiti-*. Аналогичного мнения придерживался Э. Герцфельд (1947, 89, 90: указываются также имена с *dahyu-*, авест. *daŋ̊hu-*, в первой и второй частях имени), считавший, что имя Дайукку-Дейока соответствует титулу первого мидийского царя — *dahyupati-* ('владыка страны'); в окончании *-ukku* имен из ассирийских текстов он видел иранский суффикс *-ukka* (допуская иранское произношение с *-kk-*, но это, очевидно, лишь результат аккадской передачи), как в имени сына Кира I *Arukku*, иран. **Aryuka-*, ср. греч. Ἀριούκης для того же иранского имени, и в др.-перс. *Vahauka-*, греч. Ὦχος, — эти имена Э. Герцфельд рассматривал как сокращения от имен типа *Aryāramna-* и

Vahudāta. И.М. Дьяконов (1956, 178, 349) также отмечает, что суффикс *-uka* «иранский и не имеет отношения к хурритскому языку», и приводит те же примеры: *Arukku* < **Ar(ya)uka-*, уменьшительное от имени с *Arya-*, *Dajaukku*, как и греч. *Deiokes* < **Dāiokās*, к иран. **Dahyāuka-*, с закономерной передачей иран. *ah* через *ā* (но не исключена и иранская форма с *dāh-*, ср. ниже) и ассир. *-kk-*, вызванным ударением, которое падало в иранском на дифтонг *-au-* (но по крайней мере в некоторых именах на *-ukku* в иранском определенно было *-uka*, а не *-auka*). И.М. Дьяконов (1956, 214, 221, 222) считает бесспорно иранскими и имена с Машда-, но не относит к иранским такие имена, как, например, Па(й)укку и Каракку*.

Можно указать и на ряд других иранских имен на *-uka*, как тех, в которых представлен именно суффикс *-uka*, нередко чередующийся с *-(a)ka*, так и таких, где *-ka* присоединяется к основе на *-u*. Так, в скифо-сармато-осетинском мире известны: **Sarukā-* (Σαρύκη, ср.: Zgusta, 1955, 141), от *sarə-* 'голова' при **Saraka-* (Σάρακος, там же) с *-(a)ka*; **Farnuka-* (осет. *færnyg* 'наделенный фарном', *Buræ-Færnyg* — нартовский герой, *Xše-Farnug* — иберийский царь II в., ср.: Абаев, 1949, 164; 1958, 453) при частом **Farnaka-* (у древних персов, скифо-сарматов и т.д.). В эламских документах из Персеполя помимо *Mauka-* (*Ma-u-ka*, *Ma-u-uk-ka* и др.), очевидно, для *Vah(a)uka* (*Ma-u-uk-ka*$_4$ в Бех., элам.) встречаются еще *A-mu-uk-ka* < **Amuka-* от *ama-* 'сила', *Ka-du-uk-ka* < **Katuka-* (по: Benveniste, 1958, 50, 52, оба уменьшительные от сложных имен) и, возможно, некоторые другие древнеперсидские имена на *-uka*. В данном Ктесием списке мидийских царей (во всяком случае, содержащем действительно существовавшие западноиранские имена) упоминается 'Αρτύκας. Ф. Юсти (1895, 127) и ряд других авторов (ср. также: Дьяконов, 1956, 27; Алиев, 1960, 96) сопоставляют это имя с ассир. *Ḫardukku* из списка 713 г. до н.э., но соответствие здесь не было бы вероятным (акк. *-d-* и греч. *-τ-*, акк. *Ḫar-* возможно для иран. *har-* или *xar-*, греч. 'Αρ- — для иран. *ar-*), а кроме того, имени *Ḫardukku*, очевидно, вообще не существовало (см. ниже); 'Αρτύκας передает, безусловно, иран. **Artuka-*: *arta-* + *-uka*. Очевидно, то же имя (как и другие иберийские царские имена, бесспорно иранское) носил один из царей Иберии в I в. до н.э. — 'Αρτώκης, *Artaces*, *Artoces* у античных авторов, *Artak*, *Artag*, *Artok* в грузинской и армянской традиции (ср.: Justi, 1895, 40; Меликишвили, 1959, 44, 50 и сл., 58, 327 и сл.). Ниже рассматриваются все известные по ассирийским текстам имена на *-ukku* из Западного Ирана. Каж-

* См. также: Fuchs and Schmitt, 1999m, p. 370, с литературой; Zadok, 2002, p. 94, 96.

дое из них либо бесспорно иранское, либо легко этимологизируется из иранского (имя IX в. до н.э. *Ḫanaṣiruka*, в котором, правда, пишется *-uka*, а не *-ukku*, очевидно, также иранское, см. с. 233).

Arukku — имя перса, сына Кира I, VII в. до н.э., ср. под № 38; иран. **Aryuka-*. Имя засвидетельствовано и в греческой передаче (ср. выше), бытовало (и именно в Западном Иране) и имя **Aryaka* (ср. Justi, 1895, 23). Остальные имена на *-ukku* известны по текстам Саргона II*.

Zardukku (*Za-ar-du-uk-ku*, ПА, 49), иран. **Zṛduka-*, **Zarduka-* от *zṛd-* (инд. *hṛd-*) 'сердце', ср. др.-инд. имена *Hṛdaya-*, *Hṛdika-* и др. (ср. также под № 55). К таким именам можно отнести и Ζαρδώκης у Страбона (XII. 3, 25) в перечислении имен (Βάγας и др.), употреблявшихся в северо-восточных областях Малой Азии; Л. Згуста (1955, 80, 123, 152, 329) считает, что это иранские имена, имеющие параллели в персидской и скифо-сарматской ономастике; во всяком случае некоторые из них действительно иранские; для -ω- в Ζαρδώκης ср. засвидетельствованное примерно в то же время имя из Иберии 'Αρτώκης, вар. *Artaces*, *Artoces* и др. (см. выше). По списку 714 г. до н.э. Зардукку правил в Харзиану, *Ḫa-ar-zi-a-nu* (ПА, 49). В списке 713 г. до н.э. (стк. 29, «призма А», KS, II, pl. 44; далее при ссылках: «список 713 г.») фигурирует *Ḫa-ar-duk/tuk-ka* из *?-ar-zi-a-nu*. У П. Роста (1897), Д. Люккенбиля (AR), И.М. Дьяконова (1956) и др. *Ḫardukka* (или *Ḫartukka* у П. Роста, И. Алиева и др.) из *Ḫarzianu*; по М. Штрекку (1901), название владения — «^{mât}*Ḫa(Za?)-ar-zi-a-nu*». В начале названия безусловно описка, но первый знак все же не *Ḫa-* (кроме того, в отличие от всех других названий списка здесь тогда отсутствует детерминатив местности), а скорее *Za-* (или $^{KUR?}$*Za-*). В то же время правитель и владение определенно те же, что и в списке 714 г. до н.э. «Письма Ашшуру» (и тут и там названы рядом с Машдакку и Аратпати**). Написания в последнем являются безусловно более точными (ср. с. 281, а Ниневийская призма, в тексте которой, в частности, в том же списке имеются и другие ошибки, написана много позже похода 713 г. до н.э., и его описание в призме — результат ряда переписок более ранних редакций сообщения об этом походе). Таким образом, имя правителя в призме неправильно начинается с *Ḫa-* (ошибка при переписке, по-видимому, по первому знаку названия местности), а скорее всего спутаны первые знаки, *Za-* и *Ḫa-*, в имени правителя и его владения. Следовательно, имя *Ḫardukka* (по Ф. Юсти, сокращение с *-uka* от имени типа авест. *Harəδāspa-*; им же и другими ав-

* См. также: Radner and Schmitt, 1998 f[2], p. 134–135.

** Сейчас этот топоним принято читать *A-rat-is-ti*. См.: Fuchs, 1998, p. 41, note 120.

торами сравнивалось с 'Αρτύκας Ктесия) должно быть исключено из числа засвидетельствованных ассирийскими текстами*.

Mašdaj(a)ukku (*Ma-áš-da-a-a-uk-ku*, ПА, 45, правитель Кингараку), ср. *Mašdakku* (*Ma-áš-dak-ku*, там же, 48 и 49) — имя двух других правителей, из Андирпатиану и Аратпати, по тому же списку 714 г. до н.э. Имя правителя Аратпати в списке 713 г. до н.э. (стк. 28) — *Ma-áš-dak/ták-ku* (третий знак явно не *ta*, как читали П. Рост, М. Штрекк и др., и, по-видимому, не *du*, как у Д. Люккенбиля и И.М. Дьяконова, в издании вполне определенно читается *dak/ták*), *Mašdakku* (или *Mašduku*?). Имя правителя Андирпатиану в списке 713 г. до н.э. (стк. 25) пишется как *Pa-ar-ku/tùk-ku* (Ф. Юсти: *Parkuttu* или *Parkuku*, П. Рост: *Pa-ar-ku-ur*?, М. Штрекк: *Pa-ar-túk-ku*?, Д. Люккенбиль: *Parkuku*, И.М. Дьяконов: Партукку, *Pa-ar-ku-ku*); по убедительному предположению И.М. Дьяконова (1956, 221), это неверная ретранскрипция имени *Maš/par-tùk/ku-ku*, т.е. *Mašdukku*[41] (первоначально, возможно, и **Ma-áš-dúk/túk-ku*). В списке 713 г. до н.э. (стк. 17) упоминается еще правитель Амакки *Mašdaku* (*Ma-áš-da-ku*). Известны, следовательно, четыре правителя с такими именами из: Аратпати, Андирпатиану (в обоих списках), Кингараку (лишь под 714 г. до н.э.) и Амакки (под 713 г. до н.э.). Ранее учитывались лишь два имени из списка 713 г. до н.э. — *Mašdaku* (стк. 17) и *Mašdakku* (стк. 28); второе обычно читалось *Maštak(k)u*. Но лишь эти два имени фигурируют и в ряде работ (Х. Ломмеля, Х. Нюберга, О. Климы и др.), вышедших много позже публикации «Письма Ашшуру» со списком 714 г. до н.э. Ф. Юсти (1895, 359), принимая для этих имен форму *Wašdakku* и *Waštakku* и сравнивая с арм. *Waštak*, возводил их к «awest. *waxšta* gewachsen». Но чаще в них видели иран. **Mazdaka* (ср.: Rost, 1897, 111, аргументы против **Vaštaka* в пользу **Mazdaka*) — сокращение от сложного имени с *-dāta* или *-pāta* с именем бога Мазда, Ахурамазда в первой части (Эд. Мейер, Х. Ломмель и др.). Эти имена и ассир. «*Assara Mazāš*» (ср. с. 35) рассматривались Эд. Мейером как свидетельство распространения зороастризма в Западном Иране еще в ассирийский период. Несмотря на возражения ряда авторов, принимавших более позднюю дату Заратуштры, Х. Ломмель в статье «Мидийское имя Mazdaka» (Lommel, 1930, там же ср. предшествую-

---

* Чтение *Za-ar-duk-ka* предпочитает и автор последней публикации текста А. Фукс (Fuchs, 1998, S. 41, Z. 29). См. также: Zadok, 2002, p. 116, 120 (автор принимает иранскую этимологию имени) и: Vera Chamaza, 1994, S. 109.

[41] Учитывая реальную возможность такого объяснения, тем более трудно предположить, что в 713 г. до н.э. в Андирпатиану сменился правитель, хотя форма *Partukka* засвидетельствована в VII в. до н.э. как топоним безусловно иранской принадлежности (ср. ниже).

щую литературу) настаивает на том, что данное имя образовано от имени бога Заратуштры. Считая бесспорным, что в ассирийском отражено именно иран. **Mazdaka*, он аргументирует лишь положение о том, что такое имя могло быть образовано только от имени бога. В индийских именах с *medhā́* 'мудрость', *médhas* 'мудрый' эти слова, по Х. Ломмелю, первоначально могли быть лишь вторым членом composita (ср. вед. *Nṛmédha-* и др.), как и соответствующее *mazdāh-* в иранских именах, если бы оно подразумевало мудрость человека, а **Mazdaka-* — сокращение от имени с *Mazda-* в первой части (этот аргумент, основанный на обычном мнении о роли суффикса *-ka* в именах, не является обязательным, ср. ниже). Х. Ломмель также отмечает, что в иранском для обозначения разумения, мудрости человека применяется лишь *xratu-*, а *mazdā(h)-* всегда связывается с божеством и входит в состав имени Ахурамазды.

Позже, однако, Ф. Кёниг объявил имена с *Mašda-* неиранскими, исходя из форм на *-ukku* и относя все имена с этим окончанием к местным («субарейским») языкам; это мнение получило весьма широкое распространение в литературе (ср. выше). Упоминая о теории Эд. Мейера, Х. Нюберг (1938, 44, 334, 435, 436, 474) пишет, что в ассирийских текстах засвидетельствовано не иран. *Mazdaka-*, а «субарейское» имя *«Maštak(k)u»*; вместе с тем маздеизм, по его мнению, не ограничивался зороастризмом. Свидетельством же культа Ахурамазды у древних мидян Х. Нюберг, как и Эд. Мейер, считает ассир. *«Assara Mazāš»*. Но последний аргумент, как говорилось, оказался несостоятельным, а в работах конца 50-х — начала 60-х годов господствует мнение, что маздеизм, созданный именно Заратуштрой, получил распространение в Западном Иране лишь при Ахеменидах, после правления Камбиза (ср. с. 37–38). Иного мнения придерживается И.М. Дьяконов (1956, 215, 222, 372, 373), считающий, что в IX–VII вв. до н.э. иранцы, жившие на крайнем востоке Мидии, верили в Мазду-Ахуру, но в их религии до VI в. до н.э. не было ничего специфически зороастрийского; культ Мазды постулируется на основании имен с Машда-, при этом И.М. Дьяконов подчеркивает, что передача иран. *Mazda* «премудрый (бог)» через ассир. *Mašda-*, иран. **Mazdaka-* через ассир. *Maštak(k)u* вполне закономерна. Все имена с Машда- происходят, по И.М. Дьяконову, «из областей далеко на востоке Мидии». Наконец, О. Клима считает, что вождь маздакитского движения происходил, возможно, не из иранской, а из семитской среды, и, указывая на варианты его имени — *Mazdak*, *Mazdīk*, а также (у некоторых арабских авторов) *Mazdaq*, *Mazdīq* и предполагая, что это не личное имя, а титул главы секты, возводит его к семитскому *zdq/ṣdq*. Приводя два упоми-

навшихся имени из списка 713 г. до н.э., он указывает на их объяснение у Ф. Юсти (от *vaxšta-*, *Vaštak*) и считает его вполне вероятным, замечая также, что в «*Ma-áš-tak-ku*» трудно видеть иран. **Mazdaka-*. Носители имен ахеменидского времени — *Mazakes*, *Mazaios*, *Mazaros* (обычно возводимые к *mazda-*, ср. ниже) могли быть, по О. Климе, не иранцами, а возможно, даже семитами; существование же др.-иран. **mazdaka-* от *mazdāh-* + *ka* вообще вряд ли возможно; форма *mazdak* могла возникнуть лишь в среднеиранский период, но и этому, по его мнению, противоречат данные о функциях суффикса *-ak* в среднеперсидском и тот факт, что *mazd* в нем самостоятельно не употребляется и встречается лишь в древнем сложении *Ōhrmazd* (Klíma, 1957, 163–182).

Несмотря на возражения многих авторов, рассматриваемые имена безусловно иранские и образованы именно от *Mazda-*. Отнесение этих имен к местным неиранским основывается лишь на окончании *-ukku*. Но, как указывалось, известен иранский суффикс *-uka*, входящий и в ряд иранских имен, в том числе засвидетельствованных в ассирийском и эламском с окончанием *-ukku/a*. Вместе с тем имена с *Mašda-* оканчиваются и на *-ak(k)u*, как и многие иранские имена с суффиксом *-aka* (в том числе в клинописных текстах, с *-akku*, *-aka* и т.д.), в ряде имен чередующимся с *-uka* (ср. выше), а также и топонимы из ассирийских текстов, ср. под № 55 (очевидно, для одной географической единицы) и с. 418–419 о связанных между собой топонимах (определенно иранских) *Partakka*, *Partukka*. Элемент *-aj(a)-*, выделяемый по сравнению с *Mašdak- (k)u/-uku* в *Mašdaj(a)ukku*, тот же, что и иранский суффикс *-(a)ya-*, представленный и в именах, в том числе в сочетании с *Mazda-* (ср. ниже). Неоправданно чтение рассматриваемых имен с *t* (*Maštaku* и др., определение знака *ta* имени в стк. 28 списка 713 г. до н.э. неверно, ср. выше); совокупность всех написаний (особенно с *da* в ПА, стк. 45 и списке 713 г. до н.э., стк. 17 и, быть может, с *du* в стк. 28) надежно указывает на произношение с *d* (уже поэтому невозможно неприемлемое и по другим причинам возведение данных имен к «*vaxšta-*», *Vaštak*). Ассирийские формы имен этой группы — *Mašdaj(a)ukku*, *Mašdak(k)u* и, очевидно, *Mašduk(k)u*. Последняя в списке 713 г. до н.э. (где определенно представлено и *Mašdaku*) должна тогда относиться к имени того же лица (достаточно определенно в отношении правителя Андирпатиану, а быть может, и правителя Аратпати, ср. выше), которое в списке 714 г. до н.э. выступает как *Mašdakku* (написание имен списка 713 г. до н.э. в том тексте, к которому восходит Ниневийская призма, определенно не зависело от представленных в ПА и основывается на самостоятельной информации). Эти ассирий-

ские формы правильно передают иран. **Mazday(a)uka-*, **Mazdaka-* и, очевидно, **Mazduka* (варианты с *-aka*, *-uka* могут отражать и различия в говорах или диалектах). На закономерность передачи иран. *zd* > ассир. *šd* указывалось выше (с. 110), там же даны примеры иноязычного восприятия иран. *zd* как *sd*, и именно в *-mazdā* имени Ахурамазда (ср. также элам. *maš-da-ja-aš-na* для др.-иран. *mazdayasna-* и др.); в греческом это имя писалось с -μάζης или -μάσδης, позже -μίσδας и пр. (ср. с. 96, 110), ср. также греч. Μασδ(α)άσνης «маздаясна» в надписях первых Сасанидов, с -σδ- для иран. *-zd-*.

Иран. *Mazdak* передано как Μασδάκης в забытой в литературе надписи из Кирены, излагающей учение, связанное с маздакизмом (ср.: Грантовский, 1961б, 190). Но последний и его идеология в основном формировались в иранской среде, и именно в ней и распространялся собственно маздакизм. По «Фихристу» Ан-Надима, Маздак «Старший» (в отличие от «Младшего», современника Кавада I; эти данные «Фихриста» и позволяют предполагать, что «Маздак» — титул, а не имя) основал секту среди «последователей магизма». Он, очевидно, соответствует (ср. у А. Кристенсена и др.) упоминаемому в арабской историографии основателю маздакизма Зардушту, сыну Хуррака, жившему не во второй половине V в. до н.э. (как у О. Климы), а значительно ранее. Йешу Стилит называет маздакитов последователями секты магизма «зардуштакан», которая была «обновлена» в начале правления Кавада; по данным сирийских источников (ср. у Н.В. Пигулевской), еретик Зардушт жил во всяком случае ранее конца IV в. до н.э. Он же (по А. Кристенсену и др.) или кто-то иной из основоположников маздакизма упоминается (под временем Диоклетиана) у Малалы как Бундос — тоже иранское имя (или также титул, ср. у А. Кристенсена). Сам Маздак («Младший»), вопреки мнению О. Климы, был безусловно иранцем и занимал должности, на которые назначались представители персидской знати или жречества (кроме того, он, возможно, тождествен знатному персу Сеосу Прокопия Кесарийского; ср.: Грантовский, 1961б, 171, 182, 183, 189–191). Отчество Маздака, *Bāmdāt(ān)*, — иранское (а если это также прозвище, как предполагает О. Клима, то дано оно в иранской среде), как и имя отца Зардушта. Последний происходил из Восточного Фарса, определенно был персом и принадлежал, по-видимому, к персидской знати (ср. также: Klima, 1957, 156). Во всяком случае и основатель маздакизма, именуемый в «Фихристе» Маздаком Старшим, был иранцем, проповедовал и основал секту именно в иранской маздеитской среде. Уже поэтому, если «*Mazdak*» действительно титул (или, быть может, принимавшееся главой секты традиционное имя типа «Аршак» в

парфянской династии, «Нанак» у сикхов и т.п.), он безусловно иранского происхождения. Если же это лишь личное имя современника Кавада I, то оно определенно принадлежало иранцу. И в среднеперсидской и в арабо-персидской литературе действительно представлены две формы этого имени или титула — *Mazdak* и *Mazdīk* (первая встречается, однако, чаще и должна быть основной; она же представлена и на печати сасанидского времени, ср.: Justi, 1895, 201, и отражена в надписи из Кирены, в которой, быть может, относится к Маздаку «Старшему»), но обе эти формы также собственно иранские, с суффиксами *-ak* и *-īk*; достаточно, например, указать на имена: парф. *Ōhrmazdīk* и *Dēnmazdak* (документы из Нисы, см.: Дьяконов и Лившиц, 1960, 23, 24, ср. там же *Srošak* и *Srošīk*; ср. ср.-перс. *Miθrak* > *Mihrak* и др.) и ср.-перс. *Hōrmizdak* (*SKZ*), согд. *Ahurmazdak* (в «старых письмах», ср.: Лившиц, 1962, 43). Варианты *Mazdak* и *Mazdīk* интересны, однако, тем, что указывают на возможность употребления еще в сасанидскую эпоху одного титула или имени одного лица в формах с различными суффиксами.

Таким образом, существование ср.-иран. *Mazdak* бесспорно. Засвидетельствованы — в греческой передаче — и древние западноиранские имена к *Mazda-* + суффикс. Это уже приводившиеся (ср. под № 2) имена с чередующимися суффиксами *(a)ya-*, *(a)ka-*, *(a)ra-*, Μαζαῖος, Μαζάκης, Μαζάρης, Μάζαρος. Иранская принадлежность этих имен несомненна. Их носители также были иранцами, причем определенно это нельзя утверждать лишь для Μάζαρος, начальника гарнизона Суз при Александре. Но уже у Геродота упоминается Μαζάρης, безусловно иранец (см. ниже). Как уже говорилось, -μάζης определенно передает др.-иран. *-mazda* в имени Ахурамазда. В указанных именах VI–IV вв. до н.э. ζ также передает именно *zd* (а не *z*); имя Мазайоса, сатрапа (в 362–328 гг. до н.э.) Киликии и Сирии, пишется на его монетах MZDY; греч. Μαζαῖος (Диодор, Плутарх, Арриан) представляет, следовательно, иран. **Mazdaya-*, как и Μαζάρης/Μάζαρος — иран. **Mazdara-*, ср. MZDR на монете из Ирана –**Mazdar(a)*; соответственно и Μαζάκης (сатрап Египта при Дарии III) должно отражать **Mazdaka-* (источники и литературу об этих именах см.: Schulze, 1893, 221; Justi, 1895, 201; Lommel, 1930; ср. также: Klíma, 1957, 163 sq.). К этой группе имен следует отнести и имя ахеменидского правителя о-ва Ораакта в Персидском заливе, по Неарху (см.: Страбон, XVI. 3, 7; Арриан, Индика, 37, 2) Μαζήνης, очевидно **Mazdaina-*, ср. имена **Bagaina-*, **Miθraina-* и др. в вавилонской передаче (ср.: Scheftelowitz, 1903) и позже в среднеиранском (например, *Mtryn* из Нисы). Заметим еще, что сведения о Мазаресе (Геродот, I, 156, 161;

Полиэн, VII, 6, 4), полководце Кира II, мидийце по происхождению, указывают, что имена с *Mazda-* употреблялись в Западном Иране уже в первой половине VI в. до н.э., в доахеменидский период. Данные текстов Саргона II свидетельствуют, что они бытовали там и в VIII в. до н.э.

**Mazdaya-* (в *Mašdaį (a)ukku-*) соответствует упомянутому имени **Mazdaya*, а **Mazdaka* (> ассир. *Mašdak(k)u*) — **Mazdaka*. Варианты с *-uka* > ассир. *-uk(k)u* и другие формы, с *-aya* и *-aka*, можно, например, еще сравнить с именами от *arta-*: **Artuka-*, **Artaka-* (ср. выше) и **Artaya-*, Ἀρταῖος — ахеменидское и мидийское имя (ср.: Justi, 1895, 33), у Ктесия в том же списке мидийских царей, где назван и Ἀρτύκας. Уже то обстоятельство, что под 714–713 гг. до н.э. известны четыре правителя с именами от *Mazda-*, указывает на большое значение, которое придавалось уже тогда этому понятию или имени. Вместе с тем иранские материалы не дают основания предполагать, что такие имена могли означать «мудрый» по отношению к человеку (ср. у Х. Ломмеля). Подобно именам **Artaya-*, **Artuka-* и др. со значением «имеющий отношение к Арте», «(следующий) Арте», «Артовский», рассматриваемые имена означают «находящийся в каком-то отношении к Мазде», «Маздовский» «(чтущий) Мазду» или подобное[42] (термин *mazdayasna*, вероятно, также не заимствован из зороастрийской лексики, а был «своим» в Западном Иране, где употреблялся и в местных диалектных вариантах, ср. с. 170–171; западноиранским образованием является и **Mazdābigna-*, ср. с. 86, 88, ср. перс. *Bagābigna-*, бытовавшее по крайней мере уже в первой половине VI в. до н.э.). Можно еще указать, например, для формы **Mazdaya-* (как образованной от имени или названия божества) на западноиранские имена, засвидетельствованные в ахеменидское время: **Bagaya-* (ср.: Justi, 1895, 57), **Miθraya-* (там же, 213, 214) и др.; форма **Bagaya* представлена и по ассирийским текстам, также Саргона II (см. № 73), примерно в тех же районах, откуда происходит имя **Mazday(a)uka-*.

Рассматриваемые имена, таким образом, действительно должны указывать на распространение маздеизма на соответствующих территориях в VIII в. до н.э. Но вопреки мнению И.М. Дьяконова, они происходят не с крайнего востока Мидии, а из ее западных районов и с территорий у ее западных границ, а по крайней мере одно, Машдай(а)укку (см. № 82, с. 359 и сл.), — из области к западу от Мидии. Об очень раннем — задолго до ахеменидского периода — и независимом от авестийских влияний

[42] Если видеть в таких именах сокращения от сложных с *Mazda-* (что не представляется обязательным, ср. ниже), то употребление последнего как имени или эпитета божества не менее очевидно.

бытовании маздеизма в Западном Иране свидетельствуют и многие другие данные (о некоторых из них ср. под № 14, 47, 65, с. 330–331 и др.)*.

В списке 714 г. до н.э. представлены еще два имени на *-ukku*, или, вернее, одно имя двух правителей (из местностей к западу от Мидии, см. № 77, 84); *Paį(a)ukku* (*Pa-a-a-uk-ku*, ПА, стк. 43) и *Pa(į)ukku* (*Pa-a-uk-ku*, ПА, стк. 45). Очевидно, от иран. *pā(y)-* 'охранять' — основы *pā*, *pāya*, *pāpa* и др.; ср. *pāyu-* 'хранитель', 'покровитель', в частности, о богах, в Ясна XLII, 2 и LVII, 2 в сочетании с *θwōrəštar-* (ср. вед. *Tváṣṭar-* < **Tvarṣṭar-*) 'творец', 'создатель' для обозначения Митры и Ахуры или Митры и Спантаманью (ср.: Gershevitch, 1959, 54-58), в Яшт I, 12 в перечислении имен и эпитетов Ахурамазды (наряду с *Ahura-*, *Mazda-* и др.) рядом с *dātar-* 'творец'. Того же происхождения и значения, что и *pāyu-* (а не «отец»), очевидно, и имя скифского «Зевса» Παπαῖος (Геродот, IV, 59). Ср. также имя сына Артаксеркса I **Bagapāyu-*, Βαγαπαῖος [вопреки Т. Нёльдеке, Ф. Юсти (1895, 57) и др., это, очевидно, не вариант или сокращение к **Bagapāta-*, Βαγαπάτης]. К тому же корню, основе *pāpa-* (а не в значении «Väterchen», как, например: Justi, 1895, 241, 242) относится, по-видимому, ср.-перс. *Pāpak* > н.-перс. *Babak*; имя известно уже для первой половины V в. до н.э.: вавил. *Papaku* (*Pa-pa-ku*, ср.: Eilers, 1953, 46, имя сына этого Папака также иранское) < **Pāpaka-*. Иранской формой имен из списка 714 г. до н.э. должна быть **Pāyuka-* (или также **Pāyauka-*, а быть может, и **Pāuka-*); *pāyu-* здесь, возможно, относится к человеку (правителю, вождю) — «хранитель», «защитник» (страны, народа), но имя может быть образовано от названия или эпитета божества**.

Dasukku (*Da-su-uk-ku*) — имя из Элипи в письме HABL № 174 времени Саргона II, когда наличие в Элипи иранских имен бесспорно (ср. № 68 и сл.; имя *Ašpabara* упоминается и в HABL, № 174, вместе с Дасукку). Иран. **Dasuka-* — либо «богатый» (ср. авест. *dasa-* предмет движимого имущества, *dasaθavant-* 'богатый имуществом, собственностью'), либо, что гораздо вероятнее, «сильный» (об именах в таком значении см. № 1, 6, 17, 39 и др.) от **das-*, др.-перс. *daθ-* 'быть сильным', 'полным силы, здоровья', ср. авест. *dasvar-* и **dāsman-* (в *dāsmanī-*) '(физическая) сила', 'здравие', др.-перс. *daθa"s* — им. пад. ед. ч. причастия *daθant-* 'находящийся в силе, здравии', в Бех., IV, 71–72 (см.: Gershevitch, 1959, 197–199): *yāvā dθs āhi* —

---

* Об именах, образованных от **Mazdā-*, см., в частности: Hinz, 1975, S. 164; Baker and Schmitt, 2001a; eidem, 2001b, p. 743–744; Zadok, 2002, p. 119, 125, 129.

** Ср.: Hinz, 1975, S. 192; Fuchs and Schmitt, 2002a, p. 979–980; Zadok, 2002, p. 124, 129.

«пока ты будешь в силе (здравии)» (прежде всего имеется в виду будущий правитель)*.

Вернемся к имени, которое носили манейский «наместник», правитель Миси, и основатель мидийской династии. Окончание имени, как было показано, по меньшей мере не может служить основанием для отнесения его к неиранским. В то же время все имя легко объясняется из иранского. Об его иранской принадлежности в сущности достаточно надежно свидетельствует его употребление в мидийском царском роде, все представители которого носили иранские имена. В Миси также имелось ираноязычное население (ср. № 55). Авторы, относящие имя Дай(а)укку-Дейока к иранским, считают его уменьшительным или сокращенным от сложного имени с *dahyu-* в первой части. Такими обычно считают и другие иранские имена на *-aka*, *-uka* (ср.-иран. *-ak*, *-uk*), как и ряд имен с иными суффиксами, например *-(a)ya*, *-(a)ra*, *-(i)ta*. Но по крайней мере для многих случаев такой подход не представляется верным. Вообще, древнеиранские (как и индоевропейские, ср.: Pulgram, 1947; 1960) имена вовсе не обязательно должны быть образованы на основе сложного слова. Известны многочисленные древнеиранские и древнеиндийские имена (в том числе определенно восходящие к арийскому), представляющие простую основу либо оформленные также суффиксами. Причем это в основном имена не рядовых лиц (в древних источниках вообще редко упоминающихся), а представителей высшей знати и жречества. О весьма широком употреблении простых имен свидетельствует и иранский ономастический материал ассирийских текстов (дают почти исключительно имена правителей), даже если исходить лишь из совершенно ясных случаев (многие иранские простые имена в иноязычной передаче вообще могут остаться неузнанными либо лишь предположительно отнесенными к иранским, а иранская принадлежность сложных имен обычно бесспорна). Приведем лишь некоторые примеры древних иранских и индийских простых имен, в основном из числа рассматриваемых или привлекаемых в качестве параллелей в данной работе. Так, уже в арийский период должно было употребляться имя **Parśu* (ср. под № 6); помимо вед. *Párçu* (в частности, имя племенного вождя в RV) известны и другие индийские и

---

* См. также: Hinz, 1975, S. 84; Fuchs and Schmitt, 1999r, p. 381 (эти авторы считают имя иранским и предлагают дополнительные варианты этимологии: к *dasa* «десять» или к иранскому эквиваленту ведийского корня *dāš-* «служить [божеству], почитать, приносить жертву» — **dāš*). Р. Цадок считает имя *Dasukku* доиранским, сравнивая его с именем *Da-šu-uk* времен III династии Ура (Zadok, 2002, p. 123, 130).

иранские простые личные имена, образованные от *parśu-* (ср.: Грантовский, 1961а, 9, 12–14). Очень древнее по происхождению инд. имя *Madhu-* (известный вождь одной из племенных групп индоариев, ср. *Mādhava-*); то же имя (ср. с. 205) было распространено у скифов, в том числе переднеазиатских (заметим, что из трех известных имен их вождей одно сложное и два простых) — Μάδυς/Μαδύης; скиф. **Madak(a)* (из Танаиса) содержит *-ak(a)*, но не является сокращением к сложному имени (как и 'Αλούθαγος, также образованное от названия хмельного напитка, ср.: Абаев, 1949, 153; 1958, 130). Известны арийские имена (простые) по обозначению цвета (ср. под № 25, 26): иран. **Suxra-*, перс. *Θuxra-* и инд. *Çukra-*, авест. *Zaⁱrita-* и инд. *Harita-* и т.д.; скиф. **Surxak(a-)* (Σόρχακος из Танаиса) не является сокращением и должно было иметь примерно то же значение, что и **Suxra-*, ср. также осет. *syrx/surx* 'красный', 'прекрасный'. Как уже говорилось (ср. под № 19), сокращенным именем обычно считают (например: Justi, 1895, 176: к **Xšaϑradāra-*) мид. *Xšaϑrita-* (Бех., к *xšaϑra-* + *ita*, ср. *Zarita-*, *masita-*), но это имя (та же форма отражена и в текстах Асархаддона: *Kaštariti*) правильнее рассматривать как простое, каким определенно является и **Xšaϑr(i)ya-* (№ 19) с суфф. *(i)ya*, соответствующее инд. *kṣatriya-*; оба имени, *Xšaϑrita-* и **Xšaϑrya-*, должны означать «хшатровский», «царственный», «кшатрий», «властитель» и т.п. и являются самостоятельными образованиями, как, например, и имя вождя среднеазиатских скифов в IV в. до н.э. Σατράκης (Арриан, IV, 4, 8) < ** Xšaϑraka-*, ср. также нартовские имена родоначальников семьи *(Æ)xsærtægkætæ*, соответствующей индоиранской касте военной знати (Ж. Дюмезиль), *(Æ)xsærtæg* <**Xšaϑraka-* и *(Æ)xsært* < **Xšaϑra-*; можно напомнить, что и инд. *kṣatra-* употребляется для обозначения представителя военной аристократии наряду с более частым в этом смысле *kṣatriya-* (как и *viç-* для обозначения члена третьей касты наряду с обычным *vaiçya-*). В этих примерах образования с суффиксами *ita*, *(i)ya*, *aka* имеют, очевидно, примерно равные значения, как и рассмотренные выше древние западноиранские имена с *Mazda-* + суфф. *aya*, *aka*, *uka* или *ara* и с *Arta-* + суфф. *aya*, *aka* или *uka*. О том, что, например, имя **Artaya-* не является сокращенным, свидетельствует и употребление той же формы как самостоятельного слова (ср. у Гезихия под ἀρταῖοι: οἱ ἥρωες, παρὰ Πέρσαις), а также бытовавшего в Западном Иране названия персов ('Αρταῖοι, Геродот, VII, 61). Упоминавшееся др.-перс. имя **Bagaya-* (по Т. Нёльдеке, Ф. Юсти и др., сокращение от **Bagapāta-*) находит параллели в топонимах той же формы и известно также уже в VIII в. до н.э. (см. № 73); не является сокращением и имя *Bardiya-*

(ср. с. 240). Также и имена на *-aka, -uka* могут иметь вполне самостоятельные значения, как упомянутые **Madaka-*, **Xšaθraka-*, **Artuka-* и **Artaka-*, **Mazdaka-*, а также приводившиеся ранее **Pădaka-*, **Bāzuka-* (см. с. 198), **Saruka-*, **Saraka-* (с. 288) и др. **Saraka-*, например, может означать также «умный» или «глава», «вождь», ср. курд. *serek* 'глава', 'вождь'. Имена **Farnaka-*, **Farnuka-* не являются сокращениями и значат «фарновский» (или обладающий тем, что дарует «фарн»), «наделенный фарном», как и осет. *færnyg* (также «богатый» и т.п., ср. перс. *farrux* 'счастливый' и т.п.).

Имена на *-aka* (а также *-uka*) особенно часто относят к сокращенным, при этом, в частности, ссылаются на употребление форманта *-k-* как суффикса уменьшительности; собственно говоря, имена на *-aka* главным образом или исключительно оценивают как сокращенные и при установлении их значения ограничиваются указанием на сложное имя, первый член которого соответствует основной части простого имени с суффиксом *-ka*. Но это, естественно, не доказывает, что такие простые имена являются сокращениями (как не являются ими обычные слова с тем же суффиксом); к тому же во многих или большинстве случаев сложные имена с той же первой частью неизвестны (или засвидетельствованы много позже простых, считающихся сокращением к ним). Вообще нет оснований рассматривать имена на *-ka* (или по крайней мере их бóльшую часть) отдельно от тех же по форме слов. Во всяком случае именно из возможного значения последних и следует прежде всего исходить при определении значения простых имен на *-aka* (или *-uka*).

Уменьшительное значение формант *-k-* мог иметь уже в индоевропейский период, но это была лишь одна из частных функций в его употреблении. Напротив, например, в современном персидском это значение почти унифицировалось в продуктивном употреблении суффикса *-ak*, в то время как в среднеперсидском он дает и ряд иных значений (присоединяясь к существительному, он может иногда и не изменять его значения). Очень широк круг функций и значений форманта *-k* в курдском, где он, в частности, широко применяется для создания новых значений слов, характеризующих лицо или предмет по качеству, свойству, действию и т.д., присоединяясь к существительным (ср. упоминавшееся *serek* 'вождь' при *serī* 'голова'), глагольным основам и пр.; от существительных образует имена прилагательные (*keçelok* 'плешивый' при *keçel* 'плешь'); обычным является образование с ним имени действующего лица, или настоящего причастия, от имен существительных, совпадающих с глагольными основами (*revok* 'бегущий', 'бегун' от *rev-in* 'бежать' при *rev* 'бег'), либо также от ос-

нов настоящего времени, отдельно как существительные не употребляющихся (*bējok* 'говорящий', 'говорун' от *getin* 'говорить', основа н. вр. *bēj*) и т.д. (см.: Курдоев, 1960). В древнеперсидском, данные которого как древнего западноиранского языка особенно важны при анализе иранских имен из клинописных текстов, уменьшительный суффикс *-ka* вообще не засвидетельствован (в известной мере это можно объяснить характером текстов, а также терминов и слов, известных по иноязычным источникам), зато весьма широко представлены слова с суффиксом *-ka* в иных значениях.

Отдельные слова древнеперсидского на *-ka* восходят к арийскому периоду (например, *^{h}uška-*; ср. авест. *huška-*, др.-инд. *çuṣka-*, где *-ka* не меняет корневого значения — «сухой»; др.-перс. *^{h}uška* засвидетельствовано лишь в значении «суша», «материк»; по ассирийским текстам, по-видимому, известен топоним от этого слова, см. № 58). Другие — более позднего (вплоть до ахеменидского периода) происхождения. От *kapauta-* 'синий' (ср. с. 90) образовано *kapautaka-* — также «синий» (ср. имена **Suxra* и **Suxraka*) — о лазурите либо его специализированное обозначение «лазурит»: *kāsaka hya kapautaka uta si"kabriš* (DSf, 37–38); *kāsaka* 'полудрагоценный камень', очевидно, от *kāç-*, инд. *kāç-* 'сиять', 'сияющий', 'светящийся'. Иногда считают, что суфф. *-ka* имеет уменьшительное или уничижительное значение в *bandaka-*, но *bandaka-* 'раб', 'слуга', 'подданный' или 'вассал' (как часто в западной литературе) входит в число целого ряда древнеперсидских слов на *-ka*, характеризующих человека по принадлежности к общественной группе, должности или занятию, и образовано от **banda* (*band-* 'связывать') 'ремень', 'узы', 'оковы' (ср. авест. *banda-*, инд. *bandha-*) или, по Х. Нюбергу (цит. по М. Майрхоферу: Brandenstein, 1964, 110), '(Vassalen-)Gürtel'; *bandaka-* 'имеющий оковы', 'тот, на кого наложены узы', 'связанный' (т.е. «раб», откуда «слуга», «подданный», в том числе о знати по отношению к царю) или 'носящий пояс вассала' (тогда с обратным развитием значения). От существительного *aršti-* 'копье' образовано *aršṭika-* 'воин-копейщик', 'сражающийся копьем'. Социальным термином является *marika-* 'свободный воин', член '*kāra*' < **mariya-ka* от *mar(i)ya* 'молодой человек', 'молодой воин' (ранее также член соответствующей организации типа мужского союза; о *marya-* как социальном термине ср. ниже, с. 306). Важный термин официального языка *vazraka-* (или *vazarka-*) 'большой', 'великий' (о сфере употребления см. с. 176 и сл.), позже засвидетельствованный и как титул знати и вельмож (ср.-перс. *vazurg* и пр., но, возможно, употреблялось в этом значении и в ахеменидский период), образован от существительного **vazra* (др.-инд.

vajra-) 'дубина', 'палица', 'скипетр' (ср. обозначение в античных источниках как скипетродержцев иранской знати, как персидской, так и скифо-сарматской, в том числе для скифов в ольвийском декрете в честь Протогена) или от **vazar*- 'сила' (ср. у М. Майрхофера: Brandenstein, 1964, 153). В **frataraka*- (при Ахеменидах — административный чин, в послеахеменидский период — титул правителей Фарса) суффикс присоединен к форме сравнительной степени от *fra*-, *fratara*- (см. под № 18, там же о развитии значения). В **karšika*- 'земледелец' (PTT, 42, 109) -*ka* соответствует суффиксу -*vant* в авест. *karšivant*- 'пашущий', 'земледелец', от *karši*-, инд. *kṛṣi*- 'борозда', 'пахание', 'земледелие', т.е. «проводящий борозду», «занимающийся земледелием». Также по эламским текстам известна профессия **ankuraka*, очевидно, «винодел», «изготовляющий вино» или «давящий, выжимающий виноград», ср. ср.- и н.-перс. *angūr* 'виноград' (И. Гершевич, цит. по М. Майрхоферу: Brandenstein, 1964, 103); это слово по образованию и значению близко упоминавшимся именам от названия хмельного напитка — Μάδακος, Ἀλούθαγος и др., но, в отличие от **ankuraka*-, определенно имеющего в виду ремесло лица, они помимо «винодел», «пивовар» (ср. у В.И. Абаева) могли бы означать и «охотно, или много, потребляющий данный напиток» (либо экстатическое средство с культовыми целями). *Karnuvaka*- в DSf, 47–49 'обрабатывающий камень', 'каменотес' значит собственно «рабочий (ремесленник)», «работающий», от основы глагола *kar/kṛ* 'делать' **kṛnau*: **k(a)rnuv-a-ka*.

По иноязычным передачам известен ахеменидский административный чин преимущественно с судебными функциями — **frasaka* (вавил. ^{LÚ}*ip-ra-sak-ku*) от *fras*-, «перс.» *fraθ*- 'судить', 'допрашивать', 'наказывать' (значения официального языка, обычное значение «спрашивать»), см.: Eilers, 1940a (там же ср. о возможных типах образования этого термина и близкого к нему **patifras(a)*- , вавил. *patiprasu* и *patparasu*); **frasaka*- может быть образовано либо от **frasa*- 'допрос', 'наказание' и т.п., либо непосредственно от глагольной формы со значением имени деятеля «тот, кто судит», «допрашивающий», «наказывающий». Название должности **didaka*-(?) (вавил. ^{LÚ}*di-dak-ku*), если она соответствует чину «глаз царя», образовано от редуплицированной основы глагола *dā(y)/dī*- 'смотреть', ср. авест. настоящее причастие *didąs* (см.: Eilers, 1940a, 119, 120). Название еще одного из ахеменидских чинов («ухо царя») — **gaušaka*- (по арамейскому, ср. также арм. *gušak* 'доносчик'; литературу ср.: Eilers, 1940a, 22 sq.; Harmatta, 1951, 297; Mayrhofer: Brandenstein, 1964, 121) 'подслушивающий', 'осведомитель' — образовано либо от *gauša*- 'ухо', либо от глагольной основы к *gauš*-

'слушать'; вероятнее второе, так как с этим словом может быть связано скиф. Γώσακος [из Танаиса по М. Фасмеру (1923, 37) — сокращенное имя от сложного с *gōš* < *gauša* 'ухо'], ср. осет. *qusæg* 'слушающий', 'слушатель' и имя *Qusæg* (в том же значении) от *qusyn* 'слушать' (ср.: Абаев, 1949, 166, 167); скиф. Γώσακος по сравнению как с др.-перс. **gaušaka-*, так и с осет. *qusæg*, *Qusæg* во всяком случае не является сокращением. Аналогичное образование, очевидно, в скифо-сарматском имени ряда лиц (см. Zgusta, 1955, 106, 107): Κάσακος/-γος < **Kasak(a)* от *kas-* 'смотреть', осет. *kæsyn* (ср.: Абаев, 1958, 590) при осет. *kæsæg* 'смотрящий'. От глагольной основы в значении действующего лица может быть образован и ряд других имен на *-ka*, как скифо-сарматских, так и иных иранских (а также индийских), хотя бы образование настоящего причастия с суффиксом *-ka* (как, например, и в курдском, ср. выше) для соответствующих языков и не было нормой. Выше приводились имена в том же значении: **Āmāyaka-* (см. под № 3), инд. *Khanaka-* (с. 233) и, возможно, соответствующее ему скиф. Χανάκης и др. Из упоминавшихся имен на *-ka* от глагольной основы в значении действующего лица могут быть, по-видимому, образованы также **Pārapaka-* (по вавилонскому и позже средне- и новоперсидскому) 'охраняющий', 'покровитель' (а не «папочка») к *pāpa-* от *pā(y)-* (ср. с. 296) и **Dadaka-*, др.-перс. Δαδάκης (у Эсхила) и скиф. Δάδακος/-γος (ср. с. 149), очевидно, к *da-* 'давать', основа *dadā*, ср. авест. *daδa-* 'дающий', 'дарующий', значение имени — «дарующий», «даритель», «щедрый».

Приводившиеся выше иранские имена на *-ka* из ассирийских текстов должны иметь примерно следующее значение: **Aryuka-* от *arya-* 'арийский', значение имени: «арийский», «арий» (или истинно арий), ср. **mariyaka-*, *kapautaka-*; **Zṛduka-* от *zṛd-* 'сердце', примерное значение имени: «с особым сердцем» или «сердечный» (ср. также инд. *hṛdayika*), «великодушный» и т.п. (ср. образования на *-ka* от существительного, в частности *vazraka-* и др., а также с. 198, 299 о *pādaka-*, *sāraka-* и др.); **Dasuka-* от *das-* 'быть сильным' и пр., значение имени: «сильный», «здоровый», «пребывающий сильным, здоровым», «обладающий (особым, постоянным) здоровьем, силой» (ср. о **frasaka-*, **kasaka-* и пр., к соотношению **dasuka-*: др.-перс. *d''s* от *daϑant-* — ср. **didaka-*: авест. *didąs* и ниже о **tunaka*); **Tunaka-* от **tuna-*, к *tv/tu-* 'быть сильным, могучим', значение имени: «сильный», «могучий» (для соотношения с *tunuvant-* ср. **karšika-*: *karšivant-*, **Artuka*: **Artavant-*, **dasuka-*: **dasant-* и др.), либо как титул (ср. употребление *tunuvant-*) в специализированном значении с суффиксом *-ka* (ср. **frataraka-* и др.); **Pāyuka-* от *pāyu-* 'хранитель', 'защитник' + *ka* (или, быть может, от *pā(y)*, основа *pāya-* + *uka*) без существенного

изменения в значении (ср. **mariyaka-* и др.) либо как титул на *-ka*, менее вероятно от *pāyu-* как эпитета или имени божества (ср. **Mazdaka-* и др.); **Mazdaka-/uka-*, **Mazday(a)uka-* от *Mazdā-* (и *Mazdaya-*), значение имени: «маздовский», «приверженный Мазде», «почитатель Мазды» (к образованию ср. ряд приведенных древнеперсидских слов на *-ka*, образованных от существительного). Целый ряд личных имен на *-k* от имени божеств (а также персонифицированных божественных понятий) встречается, например, в документах из Нисы: *Wrtrgnk*, *'hrmzdyk*, *Srwšk/yk*, *Whmnk*, *'rtwhyštk*, *Dynmzdk* и др. (ср. Дьяконов и Лившиц, 1960, 23, 24), но распространение таких имен (не подразумевающих еще каких-либо дополнений, а означающих просто «Охрмаздовский», «Вархрагновский» и т.д., т.е. приверженный данному божеству или специально его почитающий) не обязано лишь особенностям среднеиранского (здесь парфянского; обилие имен на *-k* вообще характерно для ономастического материала из Нисы), ибо засвидетельствован ряд древних западноиранских имен от имени божества + суффикс, в том числе *-ka* (ср. выше; ср., например, также **Miθraina-* и парф. *Mihrēn*: *Mtryn*), ср. еще и имена от *Arta-*, *Artuka-* и др., где это понятие (часто персонифицированное) может выступать в том же значении, что и имя божества. Лишь по ассирийским источникам известно имя скифского вождя *Išpaka(j)* (в трафаретных текстах Асархаддона, например, «призма А»: IR, 45, об., II, 29, в том числе в новых, например, в изд.: Heidel, 1956, стб. II, 22: *Iš-pa-ka-a-a*) < **Aspaka-* (по ассирийской передаче допустимо и **Spaka-* 'собака', ср. имена: из Ольвии Κουζαῖος, осет. *Kudza*, *Kudzæg* при *kudz* 'собака' < **kuti-*, ср.: Абаев, 1958, 605; Zgusta, 1955, 110; согд. *Bwrkt'k* при *kwt* 'собака', *bwrkwt('k)* 'бурая собака', 'овчарка' (?), ср.: Боголюбов и Смирнова, 1963, 92; имя Ишпакая тогда также простое, так как *-ka* входит в слово *spaka-* 'собака', ср. также женское мидийское имя Σπακώ, Геродот, I, 110; Юстин, I, 4); скиф. **Aspaka-* следует рассматривать как простое имя, оно же — Ἄσπακος — известно по надписям из Танаиса [см.: Zgusta, 1955, 73, 74, где вслед за М. Фасмером (1923, 34) имя определяется как сокращение к сложному с *aspa-*] как имя отца упоминавшегося Γώσακος (также определенно не сокращенное имя); то же **Aspak(a)* в ином диалектном оформлении, по-видимому, представлено и еще несколько раз в ономастическом материале из Северного Причерноморья (ср.: Harmatta, 1951, 299; Zgusta, 1955, 79); имя предполагает существование скиф. **aspaka-* 'конник', 'конный воин' (ср. др.-перс. *aršti-ka-* и др.) или 'коневод' (ср. **ankuraka-*, **madaka-*); *as(p)abāra-* 'всадник' не засвидетельствовано для скифо-сармато-осетинского; вместе с тем в восточноиранских языках (в том числе в осетинском)

широко представлено (см.: Абаев, 1958, 237) **bāraka-* 'всадник' от *bar-* (как и в *aspabāra-*) 'ездить верхом' ('ездящий верхом'), но то же **bāraka-* в ряде иранских языков (западных и восточных) представлено в значении «лошадь», «конь» («предназначенный для верховой езды»).

Иранская форма имени Дейока-Дай(а)укку — **Dahyuka-* (или **Dahyāuka-*, ср. др.-перс. *dahyāuš*), которая закономерно передается и в ассирийском, и в греческом (см. выше). **Dahyuka-* может точно соответствовать по значению авест. *dąhyuma-* 'относящийся к стране', 'руководитель страны', соответствующему *dahyupati-* (*daiŋhupaiti-*) 'владыка страны' (и в среднеперсидском *dąhyuma-* переводится *dēhpat*, *dahyupati-*), но, хотя оба термина и соотносятся, первый не является сокращением ко второму и имеет самостоятельное значение, как и употребляющиеся в одном ряду с ним *ntānya-*, *vīsya-*, *zantuma-* по сравнению с *ntānapati-* и т.д. Можно еще отметить, что *dąhyuma-* исполнял и судебные функции в масштабах *dahyu-*, и сравнить с этим рассказ Геродота (I, 96) о Дейоке, который объединял мидийские поселения, являясь «судьей» (δικαστής). Во всяком случае данное иранское имя, как и многие другие, известные по ассирийским текстам, является именем-титулом; значение его — «глава», «вождь», «руководитель страны».

При Саргоне II упоминается *Karakku* (*Kar-ak-ku*, ПА, стк. 49; *Ka-rak-ku*, HABL, № 713, дважды) — имя правителя местности Уриа(к)ку [^{KUR}*Ú-ri-ak-ku*, анн., стк. 73 по KS; ^{KUR}*Ur-ia-ku*, HABL, № 645 и 713; ПА, стк. 49: *Karakku ša* ^{KUR}*Ú-ri-ka-a-a*, вопреки И.М. Дьяконову (1956, 214), это именно Уриаку, ибо как раз в ней по HABL, № 645 правил Каракку]. Это местность с ираноязычным населением и иранским названием (см. под № 11, 47, 49 и с. 382) — **Varyaka-* (для *varya-* как обозначения земли, страны, местности и пр. см. под № 11)*. Каракку, как и другие члены правившего в Уриаку рода (см. под № 47, 49), также носил иранское имя: **Kāraka-* от *kāra-* 'войско', 'народ', имя, очевидно, представляет титул: «глава войска, народа» (или вообще «принадлежащий к войску», «воин», ср. *marīka-* и др.). **Kāraka-* соотносится с **Kārapati-* (ср. арм. *Karapet*) как **Dahyuka-* с *dahyupati-* (*dēhpat*)**.

В списке 714 г. до н.э. упоминается еще одно имя на *-akku*, правителя из местности к западу от Мидии (№ 81, ср. с. 360 и сл.): *Kitakki* (ПА, стк. 44: ^{I}*Ki-ta-ak-ki ša* ^{URU}*Ú-ri-an-gi*). Имя вполне объясняется из иранского; соседи Китакки по списку 714 г. до н.э. (где

---

* С этимологией Э.А. Грантовского согласен Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 126, 131).

** См. также: Mayrhofer, 1973, S. 177; Hinz, 1975, S. 148; Fuchs and Schmitt, 2000d, p. 606; Zadok, 2002, p. 126, 129; все авторы согласны с приведенной этимологией.

владения, по крайней мере в этой части списка, располагаются в географической последовательности) носили бесспорно иранские имена. Перед ним называются два правителя по имени **Vahukṛta-*, после него: **Mazday(a)uka-* с суффиксом *-ka*, как, очевидно, и в рассматриваемом имени, по-видимому, **Kaitaka-* от *kait-* 'думать' и т.п., от *kaita-*, ср. авест. *kaēta-* 'желание' и т.п. (ср. инд. *keta-*) в имени *Duraē-kaēta-* (ср. под № 75, 76, там же см. об именах в значении «желающий», «стремящийся», «думающий о чем-либо», ср. также имена от *kāma-*, в том числе простое **Kāmak*, ср., например: Justi, 1895, 153, 154) и **Aša-(Arta)-kaēta-* > *Ašakēd* (ср.: Justi, 1895, 43). Имя, возможно, означает просто «мудрый», ср. ср.-перс. *kēt* (например, в *Kārnāmak*, XI, 4 рядом с *danāk*, *frazānak* и *kundāk*) < *kaita-*. Оно может быть также связано с религиозно-культовой сферой, ср. авест. *kaēta-* (в Яшт VIII, 5), ср.-иран. *kēta*, парф. *kēδīγ* и др. (ср.: Bailey, 1955, 64–67) — обозначения почитателей или служителей различных иранских (незороастрийских) божеств, предсказателей, колдунов, а также сверхъестественных существ (некоторые термины могли одинаково употребляться и по отношению и к людям, и к духам). К этой же группе слов относится и ср.-перс. *kēt* 'мудрый', 'предсказатель', а также согд. *cytk* (в значении «дух»), непосредственно соответствующее др.-иран. **kaitaka-*. Эти слова принадлежат к тому же кругу, что и нередко упоминающиеся рядом с ними *yātū-*, *parikā-*, *kunda-* и др. В зороастрийской литературе они обычно употребляются в отрицательном смысле, но до завоевания зороастризмом господствующего положения соответствующие культы были широко распространены в Иране и не всегда противопоставлялись маздеизму и даже связывались с ним (об этой проблеме ср. под № 61, 62 и с. 324–332 в связи с названием Кундуру); от ряда таких слов известны личные имена, этнонимы и топонимические названия, в том числе в древности из Западного Ирана (ср. там же)*.

В списке 713 г. до н.э. (стк. 32) встречается имя на *-aku-*, *Arbaku* (*^{I}Ar-ba-ku ša ^{KUR}(?) ar-na-si-a*, название владения обычно читают *Arnasia*, но перед *ar*, возможно, был еще один знак). В своде Ф. Юсти имя отсутствует; другими авторами (например: Tallqvist, 1918) сравнивалось с 'Αρβάκης (ср. ниже); по И. Шефтеловицу (1903, 275), *Arbaku* — «др.-перс.» 'Αρβάκης — др.-инд. *arbhaka-* (без дальнейшего разъяснения); И.М. Дьяконовым (1956, 222), как и рядом других современных авторов, среди иранских не отмечается. Но имя должно быть иранским: **Arbaka-*. Как в целом, так и для основной его части имеются параллели в древней западноиранской онома-

* См. также: Zadok, 2002, p. 124, 129.

стике. Имя 'Αρβάκης (см.: Justi, 1895, 20, 21) помимо первого царя Мидии у Ктесия, в частности, носили также два мидийца в конце V в. до н.э. (один из них сатрап Мидии, имя которого, как предполагают, и перенесено на основателя Мидийского царства у Ктесия). Э. Бенвенист (1958, 54) указал на иран. **Arba-misa-* (элам. *Ha-ir/Har-ba-mi-iš-ša*) с первой частью, как в 'Αρβάκης (по Бенвенисту, сокращенное имя; ассир. *Arbaku* не отмечается), и второй, — как в *Vahu-misa-*, также с неясным переводом. Что касается значения имени **Arbaka-*, то представляется вполне правильной параллель И. Шефтеловица: инд. *arbhaká-*. Инд. *árbha-* (с RV, и.-е. слово, ср. греч. ὀρφανός, лат. *orbus* и др.) 'маленький', 'ребенок', 'мальчик' и т.п., *arbhaká-* (в RV и позже) 'детский', 'маленький', 'юный', 'мальчик' и т.п. Слова в значении «юный», «молодой», «мальчик», «молодой человек» и т.п. в арийском нередко приобретали специализированное значение, в том числе социальных терминов и титулов. Так, инд. *kumārá-* (и *kumāraká-*, стоящее, в частности, рядом с *arbhaká-* в RV, VIII, 30, 1, и 69, 15) 'ребенок', 'мальчик', 'сын', 'юный' и т.п. употребляется также в значении «князь», «сын, наследник царя» и является титулом, а также именем многих лиц (особенно из царских родов) и прозвищем богов (также входит в состав многих имен, ср., например, с. 232). Очень близко по значению и ар. *marya-* 'молодой человек', 'юноша' и т.п., ср. греч. μεῖραξ 'отрок', 'юноша', иран. μαρικᾶς у Гезихия: 'мальчик'; ср.-перс. *mērak* 'молодой человек', 'супруг', афг. *mrayai* 'раб', авест. *ma'rya-* 'молодой воин', др.-перс. *marīka-* 'подданный (свободный)', 'свободный воин', член военной родо-племенной организации и особенно переднеазиатское ар. *marjannu* 'колесничий воин', 'член военной знати' (ср.: Mayrhofer: Brandenstein, 1964, 132). Ср. также скиф. Ναύακος (из Танаиса, имя разных лиц, ср.: Zgusta, 1955, 121), определенно **Navaka-* от *nava-* 'новый', осет. *Næwæg*, *nævæg* 'новый', 'юный' и т.п.*.

Суффикс *-aka/uka* встречается и в целом ряде иранских топонимов, известных по ассирийским текстам (ср. №51, 55, пара связанных топонимов Партакку/Партукка, ср. с. 418–419, Уриак(к)у и др.). Что касается личных имен, то *-k-*, возможно, принадлежит суффиксу еще в именах *Amakānu* и *Asrukānu*, упоминаю-

---

* Об имени **Arbaka-* см. также: Mayrhofer, 1973, S. 154; Hinz, 1975, S. 35; Fuchs and Schmitt, 1998e, p. 128; Zadok, 2002, p. 117, 120. Кроме того, в Наджафехабадской стеле под 716 г. до н.э. упоминается правитель того же, по всей видимости, владения, названного Ирниса — *Šitirpašura* (*Ši-tir-pa-šu-ra-a*) (Levine, 1972, p. 74, II, 64) — согласно Р. Цадоку, от иранского **Čiθra-paśu-śūra-* (с гаплографией) «Блистательный владетель скота» (Zadok, 1976, p. 388; idem, 2002, p. 116–117, 120). Об этимологии индоиранского **marja-* и родственных северокавказских слов см. также Bailey, 1963, p. 77–78; Иванов, 1979; Diakonoff and Starostin, 1986, p. 21; Kullanda, 2002, p. 94–95.

щихся в HABL, № 1454 рядом с бесспорно иранским именем *Bagatuna-* (см. под № 39); *-āna* может быть патронимическим окончанием, часто встречающимся в личных именах (в том числе из вавилонских документов, ср., например, с. 113, примеч. 19); тогда **Amaka-* от *ama-* 'сила', 'сильный', как и др.-перс. **Amuka-* (ср. с. 288, но, вопреки Э. Бенвенисту, это, очевидно, не сокращенное имя, как и **Katuka-*, ср. простое авест. *Katu-* в Яшт XIII, 114, также *Kāta-* в Яшт XIII, 124 и скиф. **Katuk(a)*, Κατόκας, ср.: Zgusta, 1955, 107, 108). Иран. **Amaka-*, очевидно, известно еще по списку 713 г. до н.э. (стк. 17) как название владения, где правил **Mazdaka-* (ср. с. 375)*, *Amakku* (*ša* ^{URU}*A-ma-ak-ki*). *Asruka-*, быть может, соответствует др.-арм. *Asruk* (из иранского, ср.: Justi, 1895, 47); маловероятно от иран. **asru-*, **asruka-* 'слеза', — хотя не исключен переход на значение «глаз», тогда ср. имена **Kasaka-*, *Gaušaka-* и имена с *čašma* > *čašm*. Одна из возможностей объяснения имени *Asrukānu* состоит в том, что *-sr-* представляет здесь иран. *-ϑr-*, тогда к *āϑr-* 'огонь' (ср. многочисленные, в том числе древние западноиранские, имена с этим словом, см. с. 87 о вавил. *At(u)rumanu* и др., ср. также парф. *Atrumihrak*, *'trwmtrk*). В иноязычной среде др.-иран. *ϑ* иногда воспринималось (при обычном *t*) как *s* (о том, что в ассирийском *ϑ* могло бы передаваться через *š*/*s* наряду с *t*, ср. также: Дьяконов, 1956, 243), несколько таких передач засвидетельствовано, например, для эламского (при обычном *t*/*d*, ср. *Sattarrida* < *Xšaϑrita-*), ср. *gi-sa-bat-ti-iš* < *gaiϑapati-* (литературу см.: Дандамаев, 1963, 206), где *ϑ* определенно общеиранское, а не «персидское» (вместо *s*), и особенно *-ṣi-is-ra* < *-čiϑra* в *Rāmaṣisra* (см. под № 47); в случае с *sr* для *ϑr* (=перс. *śś*, одна из наиболее поздних по происхождению особенностей древнеперсидского, ср. с. 109) возможно и отражение вариантного диалектного произношения в самом иранском; ср. также ср.-перс. зороастрийское *asrōk*, *asrōn*, *asrōnīh* из др.-иран. *āϑravan-*; упомянутое имя *Asruk* Ф. Юсти объяснял как «*Priester, pehl. āsrūk ... Āthrawan*».

55. *Zird(i)akka* (^{URU}*Zi-ir-di-ak-ka*, ПА, стк. 71,74; *Si-ir-da-ak-ka*, ПА, 52) — название крепости (вероятно, главной) в Миси (см. ПА, стк. 51 и сл.), упоминаемой при описании похода 714 г. до н.э. Иран. **Zṛdaka-* или **Zṛdyaka-* от *zṛd-* 'сердце', 'сердцевина', 'серединная', 'внутренняя', ср. авест. *zərədaya-*, инд. *hṛdaya-*, *hṛdya-* 'сердце', 'центр', 'находящийся в середине', 'внутренний' и т.п. (ср. также инд. *hṛdayika-*, *Hṛdaya-*, *Hṛdika-*, иран. **Zarduka-*, ср. под № 54), авест. *Zərədaza-* (название гор) и т.д. По И.М. Дьяконову (1956, 206, 215;

* В настоящее время реально засвидетельствован и антропоним *Amaka* (см. примеч. к с. 274).

АВИИУ, № 49, примеч. 24), Зирдиакка то же, что и крепость Дурдукка анналов Саргона II. В пользу этого отождествления могут свидетельствовать и некоторые дополнительные данные (в частности, в связи с предложенным выше определением Дайукку как правителя Миси). *Durdukka* (^{URU}*Du-ur-duk-ka*) упоминается в анналах (стк. 32 по KS) под 719 г. до н.э. среди местностей, восставших против царя Маны и разбитых с помощью ассирийцев. Для последующих лет известно, что Миси (где лежала Зирдиакка, вероятно, центр Миси) входила в коалицию областей Маны, которые выступали против ее царей, пока в 715 г. до н.э. Дайукку (правитель Миси) не был разбит и выслан; в 714 г. до н.э. Миси и Зирдиакка уже были подчинены царю Маны. Таким образом, и Зирдиакка и Дурдукка — крепости в Манейском царстве недалеко от Зикирту (в 719 г. до н.э. из Зикирту были посланы военные отряды на помощь Дурдукке, в 714 г. до н.э. по дороге из Зирдиакки ассирийцы следуют в Зикирту), расположенные в районах, восставших в 719–715 гг. до н.э. против манейских царей. Скорее всего, это два варианта одного названия (но все же не исключено, хотя и маловероятно, что это разные крепости). Дурдукка, очевидно, также иранское название, причем, повидимому, то же, что и Зирд(и)акка, но в ином диалектном, «юго-западном» оформлении (о распространении племен, принадлежавших к персидской группе, в пределах Манейского царства и на соседних территориях см. под № 56; для отражения в ассирийских текстах, как и позже в ахеменидских, различных иранских диалектных форм названия одной и той же географической единицы см. под № 51). Иран. **Dṛduka-* (передачи *ṛ* > *ir* и *ṛ* > *ur* одинаково закономерны) к «перс.» **dṛd-*, ср. ср.- и н.-перс. *dil* (<*dṛd-*) 'сердце' + *uka* (в первой половине I тысячелетия до н.э. суффикс безусловно был продуктивным в древних западноиранских языках, ср. под № 54, там же см. о вариантах *aka/uka*, в частности о связанной паре топонимов *Partakka/Partukka*). Для названия крепости, именуемой в анналах Дурдукка, в «Парадной надписи» (стк. 48) дается написание *Zurzukka* (^{URU}*Zu-ur-zu-uk-ka*). Как уже отмечалось (см. с. 101–102), ассир. *z* могло передавать и иранское интервокальное *d/δ*, передачу *δ* через *z* в ассирийском можно считать нормальной (ср. также: Дьяконов, 1956, 243). Напротив, передача *z* через ассир. *d* невозможна (следовательно, *Durdukka* не может передавать **Z(u)rduka-* или *Z(u)rzuka-*). Поэтому написание *Zurzukka* (в ПН), следующее иному восприятию оригинального произношения или скорее прежде всего другому источнику информации (ср. с. 275 и сл. и др.), может отражать **Zṛδuka-* (или даже **Δṛδика-*) от *zṛδ*, ср. авест. *zərəδ-*; восприятию и передаче *δ* > *z* в

этом случае могло способствовать и начальное *z-*. Тенденция к произношению в определенных положениях *d/δ* как *z* засвидетельствована и позже для самих западноиранских языков, а в некоторых современных диалектах и слово «сердце» (древнее *zṛδ-*) произносится с двумя *z*. Для древнего периода известна (см. PTT, 81, 166) передача в эламском *(i)zrazakara* (*iṣ-ra-ṣa-ka-ra*) иранского (из диалектов персидских племен!) **zrāδa* (или *zrāza*?)-*kara-* 'оружейник' (изготовляющий металлические доспехи), ср. авест. *zrāδa-*, ср.-перс. *zreh*, н.-перс. *zirih* и др. 'панцирь', 'кольчуга' и (из иранского) арам. *z^{e}rād*, араб. *zarad* и арм. *zreh-k'* (ср.: Nyberg, 1931, 257). В отношении начального *z = d* в рассматриваемых ассирийских передачах следует заметить, что хотя происхождение «юго-западного» *d*, соответствующего общеиран. *z*, во многом неясно, но возможные варианты его древнего произношения (ср. также с. 334 и сл.) либо непосредственно само соотношение «перс.» *d* и иран. *z*, как оно известно с ахеменидского периода (ср. *Zra^{n}ka-* и **Dra^{n}ka-*: греч. Δράγγαι и др.; *Mudrāya-* и **Muzrāya-*, отраженное в эламской версии, и т.д.), свидетельствуют в пользу иранского происхождения этих форм и их бытования в иранской среде, если *Zird(i)akka* и *Durdukka* представляют один топоним. Помимо данного фонетического момента в этом случае и чередование *-aka/-uka* указывает на отражение грамматического явления, засвидетельствованного для древних западноиранских языков, в том числе другими примерами по ассирийским текстам. Во всяком случае название крепости в Миси, очевидно ее центра, *Zird(i)akka* может быть надежно отнесено к иранским, с чем согласуется и то, что правитель Миси Дайукку носил бесспорно иранское имя*.

Во время похода 714 г. до н.э., очень подробно описанного в «Письме Ашшуру» (краткое изложение в анналах), ассирийцы, побывав в Зирдиакке, двинулись на восток и затем на север по восточной окраине Маны, к Зикирту, а оттуда, очевидно, в западном направлении, по северным районам Манейского царства до Уишдиша (ср. под № 53). После битвы на горе Уауш (см. ниже) они перешли в районе плато Саханд во владения Урарту (перед 714 г. до н.э. урартами был захвачен и Уишдиш, в 714 г. до н.э. возвращенный Саргоном II Мане) и, пройдя по ее провинциям к востоку и северу от оз. Урмия, а затем по областям между озерами Ван и Урмия, вышли к Хубушкии; совершив оттуда рейд на Мусасир, Саргон вернулся в Ассирию. В «Письме Ашшуру» для этих

* Р. Цадок принимает, хотя и с сомнением, иранскую этимологию топонима Зирдиакка (Zadok, 2002, p. 94, 97), напоминая в то же время, что чередование *d/z* встречается и в касситских именах (ibid., p. 142, note 21, с литературой).

территорий сообщается большое число топонимических названий (основные упоминаются и в анналах), но личные имена не упоминаются, за исключением Митатти Зикиртского и Русы Урартского, главных противников ассирийцев в 714 г. до н.э., а также имен царей Хубушкии и Мусасира, называемых в конце похода. Среди топонимов, относящихся к пройденным в 714 г. до н.э. ассирийцами *v* областям, начиная с Миси и до районов севернее Урмии, многие (или даже большинство) могут быть объяснены из иранского (ряд таких названий отмечается или предположительно этимологизируется ниже). Понятно, что такие определения вполне могут быть и основанными на результатах случайных совпадений возможной иранской формы со сходным по звучанию оригинальным названием, происходящим из какого-либо иного языка. Вообще, языковая атрибуция топонимов часто крайне ненадежна и связана с еще бóльшими трудностями, чем определение происхождения и значения личных имен, известных по иноязычным источникам. Но все же топонимические данные с указанной территории представляются весьма показательными, особенно при сравнении с материалами из соседних областей Урарту (по описанию того же похода), а также с территорий к востоку от Ассирии (включая Мидию), где встречается большое число названий явно неиранского происхождения (хотя в тот же период там засвидетельствованы многие иранские личные имена, в том числе, как отмечалось, относящиеся к местностям с неиранскими названиями). В целом состав топонимического материала с территории к востоку и северу от Урмии по данным «Письма Ашшуру» делает, как нам кажется, возможным вывод о весьма широком распространении там ираноязычного населения (что подтверждается и некоторыми иными материалами, ср. ниже). Иранская принадлежность ряда топонимов из этих областей может быть подкреплена и дополнительными данными различного рода (см. ниже о Зикирту, Таруи-Тармакиса и др.).

56 и **57**. *Zikirtu* (*KUR Zi-kir-tu*, о правителе и жителях также *KUR Zi-kir-ta-aj*; встречается много раз в различных текстах Саргона II, впервые под 719 г. до н.э., анн., стк. 34 по KS; о других изредка встречающихся передачах см. с. 112 и ниже) и *Mitatti* (*Mi-ta-at-ti*, анн., по KS, стк. 34, [53], 104; ПН, 46, 48 и в других текстах; в ПА: *Me-ta-at-ti*). Митатти, один из четырех известных по текстам Саргона II «наместников» Маны, был правителем Зикирту (к северо-востоку от центров Маны). Как уже отмечалось, Зикирту и ее население обычно отождествляют (впервые Tiele, 1886, 261)

с Сагартией и сагартиями, известными с VI в. до н.э. по ахеменидским надписям (др.-перс. *Asagarta-*, вавил. *Sagartu*) и античным источникам (Σαγαρτία, Σαγάρτιοι) (об источниках, литературе и локализации сагартиев см. в специальной статье автора: Грантовский, 1962б). Хотя обычная ассирийская форма *Zikirtu* значительно отличается от др.-перс. *Asagarta-*, а также вавил. *Sagartu*, все ее особенности (a >ø, $a > i$, $s > z$, $g > k$) находят объяснение и соответствующие параллели в передаче других иранских имен (см. с. 86–88, 100, 109–110). К тому же, как указывалось, отпадение начального *a-*, очевидно, результат не аккадской передачи, а собственно иранского развития, что отражено также в вавилонской и греческой формах имени (ср. с. 86–87); в связи с передачей $g > k$ следует также отметить, что засвидетельствовано и ассир. *Zigirtu* (^{KUR}*Zigir-tu*, HABL, № 205, стк. 4, 6, 9); наконец, *ar* в *Asagarta-*, возможно, восходит к *r̥* (ср.: Herzfeld, AMI, IX, 171), и тогда передача *ir* закономерна. Отождествление Зикирту и ее жителей с Сагартией и сагартиями непосредственно подтверждается и данными о распространении сагартиев в античный период — от северо-восточных районов Ассирии до юго-запада Прикаспия (напротив, обычное мнение, которого придерживаются и авторы, отождествляющие Зикирту с сагартиями, о том, что они обитали и на востоке Ирана, необоснованно: во всяком случае все имеющиеся данные о сагартиях относятся к племенам северо-запада, а не востока Ирана); Асагарта ахеменидских надписей — страна и провинция (обычно называлась по имени одной из областей или одного либо основного, с точки зрения Ахеменидов, народа, ее населявшего) — примерно совпадала с будущей Атропатеной–Азербайджаном и некоторыми соседними районами; данные о сагартиях в античный период свидетельствуют, что в предшествующую эпоху они обитали примерно в тех районах, где находилась Зикирту надписей Саргона II*. Имя вождя сагартиев того времени, *Mitatti*, также должно быть иранским (о возможных объяснениях, в том числе предлагавшихся в литературе, ср.: Грантовский, 1962а, 261; 1962б, 247)**. Источники сообщают также название столицы Зикирту *Parda* (*Pa-ar-da*, анн., стк. 106 по KS; ПН, 47; ПА, 84) и 13 ее укрепленных поселений (ПА, стк. 87–88, об Аукане также стк. 79, 91). О возможных иранских объяснениях

---

* О Зикирту см. также: Zadok, 2002, p. 93–94, 99.

** В. Хинц (Hinz 1975, S. 156, с литературой) и Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 2001d, p. 757, с литературой), отстаивающие слегка видоизмененную этимологию Герцфельда: **Māhǐ-dāta-* «Дарованный [богом] Луны», считают имя *Mitatti* бесспорно иранским. Р. Цадок сомневается в его иранской принадлежности (Zadok, 2002, p. 94, 96).

названий *Parda-*: **Pārda* или **Frāda-* (не исключено также **Pārϑa-*)*; *A-ú-ka-ni-e*: **Avakani-* [или **Avakaniya-*; это название отмечается также В. Эйлерсом (1955, 228); он считает, что оно могло бы представлять иран. **Vahukāna-*, к *Vah(a)uka-*]**; *Iš-ta-ip-pa*: **Išta(ya)pā* или **Ištipā****; *Ra-ak-si*: **Rxši-* (для *xš* > *ks* ср., например, *Uksatar*)*****; *U-ba-ba-ra*: **hUvabara-* и *Ba-ru-na-ak-ka*, см.: Грантовский, 1962а, 270, 271; 1962б, 247, 248; иранскими также могут быть названия *Sak/Riš-ta-tu-uš*, *Ta-aš-ta-mi* и некоторые другие******. Герцфельд (AMI, IX, 172–174) объяснял из иранского название реки у Зикирту *Ištaraura* (*ID**Iš-tar-a-ú-ra-a*, ПА, 80), ср. современное название реки из этих районов: *Haštarūd********.

Сагартии были персидским племенем (ср. с. 193). Поэтому сведения о них подтверждают, что часть персидских племен жила некогда в Северо-Западном Иране. Следовательно страны с названием, соответствующим этнониму персов, Парсава (к северо-западу от Маны — урарт. Паршуа и к востоку от Замуа и юго-западу от Маны — ассир. Парсуа) были населены именно персидскими племенами. По ассирийским источникам, для Северо-Западного Ирана отмечаются также «юго-западные» формы, см. под № 51, 55, (Тигриш и Тигракка — для двух географических единиц), № 50 (имя двух лиц из разных местностей); следует также учесть, что ассирийские передачи могут скрывать «юго-западные» черты отдельных имен (ср. возможность ассир. *s/š* и *z* для иран. *ϑ* и *d/δ*), а также характерные «юго-западные» особенности, как *s* = общеиран. *sp* и *ss* < *ϑr*, могут сделать ассирийские передачи еще менее определенными для установления иранской принадлежности имен (ср. с. 113 на примере имени с террито-

---

* По мнению Р. Цадока, аккадская форма *Pa-ar-da* не может передавать ни иранское **Frāda-*, ни иранское **Pārθa-*. Он считает этот топоним хуррито-урартским, связывая его с поздним старовавилонским антропонимом *Ba-ar-ti* (Zadok, 2002, p. 93, 98).

** Р. Цадок отмечает, что мы не знаем бесспорных примеров передачи иранского * *vahu*- новоассирийским *a-ú*, и потому нет оснований считать, что *A-ú-ka-né-e* передает иранское **Vahukāna-*. Аргументов против этимологии **Avakani* он не приводит, но тем не менее считает этот топоним «unaffiliated and isolated» (Zadok, 2002, p. 93, 99).

*** Согласно Р. Цадоку, топоним *Iš-ta-ip-pa* вряд ли может считаться иранским, поскольку элемент *išt-* вроде бы вычленяется в урартской топонимии (Zadok, 2002, p. 93, 98, с литературой).

**** Р. Цадок считает иранскую этимологию возможной, хотя и небесспорной (Zadok, 2002, p. 93, 97).

***** Р. Цадок считает все эти топонимы неиранскими, зато полагает, хотя и без твердой уверенности, что иранским может быть название горы *Ú-aš-di-RIK-ka* (< **Vāstra-ka-* «пастбище») (Zadok, 2002, p. 93, 97, 99).

****** Р. Цадок считает случайным созвучие древнего и современного названия реки (Zadok, 2002, p. 99).

рии недалеко от Парсуа). Смешение диалектных форм, характерное для персидского уже в VI в. до н.э. и восходящее ко много более раннему периоду, было, очевидно, свойственно и языку персидских племен Северо-Западного Ирана (на что указывает и общий для различных групп этих племен этноним Парсава, а также, возможно, и диалектные варианты одних и тех же топонимов, известных по ассирийским текстам, ср. № 51 и 55). Бехистунская надпись сообщает имя сагартия *Cissa^{n}taxma-*, возглавлявшего восстание в Сагартии, на северо-западе Ирана. Это имя считают (например, Р. Кент) мидийским по *-xm-* вместо «перс.» *-^{h}m-*. Но, как отмечалось, такие «мидийские» формы самостоятельно бытовали в диалектах персидских племен или некоторых из них. Напротив, *Cissa-* указывает, что имя принадлежит языку, которому были свойственны и «юго-западные» черты (характерно, что собственно мидийские имена, т.е. имена мидийцев, в древнеперсидских текстах никогда не получают «юго-западного» облика). Для *Asagarta-* предлагались две этимологии, при первой — к *asan-* 'камень' и **garta-* 'пещера' — имя имеет «северо-западную» особенность, при второй — к *asa-* 'лошадь' и **garta-* 'колесница' — оказывается «юго-западным». Данные о сагартиях как коневодческом и всадническом племени (см. у Геродота, ср. также у Саргона II — анн., 34 и сл.; ПА, 79 и сл., — о конных воинах из Зикирту) дают возможность предполагать, что *asa-* в их имени значит «лошадь».

После Зикирту войска Саргона вступили в Уишдиш, затем произошла решающая битва на горе Уауш с Русой I и Митатти. Уауш определенно находился (ср.: ПА, стк. 91, 162 и сл., 169) на территории Уишдиша или на его границе; обычно он отождествляется с главной вершиной Саханда, но не исключено, что Уауш находился южнее (например, гора Кара-кая к югу от Мераге). Ираноязычный элемент в Уишдише надежно фиксируется именем Багдатти (№ 53). Название горы *Uauš* (*Ú-a-uš*, ПА, 96, 142, 145, ПН, 38; *Ú-a-ú-uš*, анн., 54, 56, 109 по KS) может точно соответствовать иран. **Vahuš* «хороший», «благой» [как уже предлагалось В. Эйлерсом (1955, 228) в сравнении с элам. *Ma-u-iš* для *Vahuš*]; горы по древнеиранской традиции считались источником всяческого блага, средоточием святости и божественности, известны и названия гор, в состав которых входит *vahu-*[*].

Выйдя из Уишдиша, ассирийцы вошли в пределы Урарту и покинули территорию Манейского царства и областей, входив-

[*] По мнению Р. Цадока, иранскую этимологию ставит под сомнение урартская форма <*Wāš*> (Zadok, 2002, p. 93, 97).

ших в его состав во второй половине VIII в. до н.э. Из известных по текстам Саргона II четырех зависимых от Маны областей лишь для Андии отмечен (именем ее правителя Телусины) неиранский элемент, по-видимому, родственный тому, который был политически и культурно ведущим в центре государства (ср. выше, с. 284; местоположение Андии точно не устанавливается; обычно ее локализуют далеко на востоке от собственно Маны, часто к востоку от Сефидруда). Для трех других областей надежно засвидетельствовано ираноязычное население как к югу от центров Маны (Миси), так и к северу от них (Уишдиш — западнее и Зикирту — восточнее, область Зикирту, по-видимому, простиралась на северо-востоке до хребта Бозгуш). Нет никаких оснований для положения, что иранский элемент в Манейском царстве был представлен именно вождями с их дружинами, военачальниками или служилой аристократией. Напротив, речь должна идти о широких массах ираноязычного населения, вожди которого и были правителями названных областей. В Зикирту (Сагартии) обитало иранское племя сагартиев, которое и дало ей свое имя (либо, что менее вероятно, получило свое название от имени страны, возникшего в ираноязычной среде). В Миси (не исключено, что и это иранское название, ср. с. 206) помимо иранского имени правителя единственный известный топоним определенно иранский. Уишдиш (единственное засвидетельствованное личное имя бесспорно иранское, возможно иранское происхождение названия самой страны и горы Уауш, другие топонимы не упоминаются) находился в непосредственной близости с территорией (а может быть, и входил в ее состав), которая еще в IX в. до н.э. называлась именем Парсава (урарт. Паршуа), совпадающим с этнонимом уже проникших туда иранских племен (но даже если по происхождению это топоним, то и тогда в той же области или в непосредственно примыкающих к ней должны были иметься значительные массы ираноязычного населения). Вместе с тем для районов к западу от Маны уже текстами Салманасара III (ср. с. 213) на основании единичных, но вполне надежных данных отмечены иранский и тот языковой элемент, которому принадлежат имена Телусины из Андии и несколько манейских царских имен VIII–VII вв. до н.э. Оба этнических элемента, очевидно, и были основными в Манейском царстве в VIII в. до н.э. Таким образом, они бытовали здесь бок о бок друг с другом на протяжении всего периода, освещенного для этих районов ассирийскими источниками. Область Миси также упоминается уже в IX в. до н.э. (о Зикирту тогда еще нет данных, но ассирийцы в этом направлении по ту сторону Маны еще не про-

никали), причем она примыкала (примерно на юге и юго-западе) к стране Парсава (ассир. Парсуа). Территории с названием Парсава (их отдельные части выступали и под самостоятельными именами, ср. с. 156, 160) граничили с Маной, а позже частично входили в Манейское царство. Вместе с тем по другую сторону Маны находилась Зикирту, населенная иранским племенем персидской группы. Название Дурдукка (очевидно, «юго-западное» **Dṛduka-*), по-видимому, вариант названия крепости в Миси, но в любом случае крепость Дурдукка находилась в Манейском царстве. Один из топонимов от «юго-западного» **θigr-* относится к району у манейских границ (Тигриш, см. № 51, с. 278). Из местности поблизости от Маны и Миси происходит личное имя VIII в. до н.э., очевидно, в «юго-западной» форме (см. № 50). Эти данные свидетельствуют, что обитавшие в пределах Манейского царства иранские племена (или часть их) принадлежали именно к персидской этнической группе.

Вступив во владения Урарту, очевидно, в районе у западных склонов Саханда, ассирийцы оказались у крепости Ушкайа («начало пределов Урарту» по ПА); так называлась, очевидно, по имени центрального поселения и вся округа, входившая, возможно, в область Заранда (ср. ПА, 168, Ушкайа находилась на перевале этой области). Там же упоминается и область Суби ([KUR]*Su-ú-bi*, ПА, 167, 172), возможно, еще одно название тех же районов (хотя говорится, что выращиваемые в Ушкайе — и Заранде? — кони берутся в Суби, ПА, 170–172). Эта область, возможно, также принадлежала ранее Мане (ср. стк. 172), до того как была захвачена Урарту; Суби, по-видимому, манейское название этих районов.

58. *Uškaia* ([URU]*Uš-ka-ia*, ПА, 167, 177, 184, 188, анн., 111 по KS), быть может, иран. **huškaya-* от *huška-* 'сухой', др.-перс. **hušk-* 'суша', 'материк', ср. название города в скифском мире **Huška* (Абаев, 1949, 168)*. Производит впечатление иранского название области (вероятно, горной) *Zaranda* ([KUR]*Za-ra-an-da*, ПА, 168; «Призма D», изд.: Gadd, 1954, стб. III, 12; *Za-ra-an*[*-da*], анн., 111, сл. по KS); возможно, от иран. *zar(a)-* 'желтый', 'золотистый' или 'старый', 'древний'; маловероятно с суффиксом *-ant* (ср. имя Ζάρανδος: Zgusta, 1955, 96), хотя в ахеменидское время весьма рано встречаются передачи с - νδ- для др.-иран. *-nt-* (Παρσώνδης, ср. с. 142, 'Αρυάνδης, Геродот, IV, 166), но возможно **Zaranda-* с **anda-*, ср. вед. *ándha-* 'сома', 'сок сомы', греч. ἄνθος 'цветок', 'травинка', 'росток',

* Р. Цадок полагает, что урартская форма этого топонима, *Áš-ka/qa-ia-i*, свидетельствует против его иранской этимологии (Zadok, 2002, p. 93, 99).

т.е. страна желтой травы или золотистых цветов либо специально золотистого священного растения (о топонимах в горных местностях от названия травы в значении «травянистый», «обладающий пастбищами, лугами» или также священного растения ср., например: Грантовский, 1963а, 28); образования от *zar-* были обычными определениями священных растений (из которых добывались опьяняющие и экстатические средства) и сока этих растений (ср. под № 25, 26, 37 и ниже о Кундуру)*.

Как свидетельство о наличии в этих районах ираноязычного населения можно рассматривать сведения «Письма Ашшуру» о широком развитии в них коневодства, и именно разведения лошадей для верховой езды; жители этих районов платили подать лошадьми; в центрах этих районов держали коней, предназначенных для царского войска. Об этом сообщается для районов, где находились Ушкайа, Аниаштаниа и Таруи-Тармакиса. При описании соседнего города Улху также сообщается, что там содержались кони, но его округу источник (ПА, 199–232) подробно характеризует прежде всего как район высокой земледельческой культуры с развитым садоводством и прекрасно организованной системой искусственного орошения; все это в источнике относится за счет деятельности урартов. В Улху был построен царский дворец, а для охраны царского города заложена крепость Сардурихурда. Это название урартское (от царского имени Сардури) и происходит, следовательно, не из языка местного населения. Название города Улху (возможно, и основанного урартами), вероятно, того же происхождения (ср. урарт. *ulḫu-* 'повелевать?', 'приказывать?', Меликишвили, УКН, 411). Но находился этот район на территории области Сангибути, название которой не урартское и, очевидно, иранское. Далее в «Письме Ашшуру» при описании других урартских областей, пройденных затем ассирийцами, о коневодстве ни разу не упоминается (но сведения о каждой из них указывают на земледелие и садоводство); это, естественно, не свидетельствует, что лошадей там вообще не разводили. Но в сравнении с данными о других урартских областях сведения о названных трех районах к востоку от Урмии определенно указывают, что коневодство в последних было особенно развито и являлось основным хозяйственным отличием этих районов с точки зрения урартов и ассирийцев. Характерно, что, сообщая о первом из них (Ушкайа — Заранда — Суби), источник специально подчеркивает, что жители этой области не имели

* Р. Цадок считает иранскую этимологию топонима *Zaranda* возможной, хотя и не бесспорной (Zadok, 2002, p. 93, 97).

равных себе во всем Урарту в умении готовить лошадей для конницы.

В распространении верховой езды и всадничества и вообще новых навыков в коневодстве на территории ряда стран Передней Азии иранские племена безусловно сыграли большую роль, во многом подобную той, которая принадлежала арийским племенам в развитии в Передней Азии во II тысячелетии до н.э. коневодства и колесничего дела. На особое значение коневодческой практики арийских племен в Передней Азии около середины II тысячелетия до н.э. указывают, в частности, заимствования из их диалектов различных понятий и терминов, связанных с коневодством (вплоть до обозначения конских мастей и кличек) и колесничим делом. Но верховая езда и всадничество тогда не были распространены (в военном деле использовалась лишь колесница, конницы же не существовало). Отдельные сведения о верховой езде, постепенно увеличивающиеся в течение второй половины II тысячелетия до н.э., не меняют общей картины. Эпоха широкого использования лошади как верхового животного и распространения всадничества в больших масштабах во многих странах наступает с конца II тысячелетия до н.э. и в основном с первых веков I тысячелетия до н.э. Этому предшествовал длительный период, когда было создано и усовершенствовано соответствующее снаряжение и были достигнуты дальнейшие успехи в коневодстве (в содержании и тренировке лошадей, выведении новых пород и т.д.). Территории, где прежде всего получили свое развитие и углубление эти процессы, безусловно включали и ареал раннего распространения иранских племен. Уже тогда верховая езда и всадничество получили у них широкое распространение (напротив, индоиранцы, как позже еще долго и индийские арии, были колесничими, а не всадниками; так, в Ригведе — около XII–X вв. до н.э. — при бесчисленных упоминаниях о колеснице не более трех раз, и лишь один раз достаточно определенно, имеется в виду верховая езда). Развитие всадничества, военного использования верховой лошади, появление соответствующего снаряжения в ряде стран (очевидно, вплоть до Китая и Индии) связано с распространением иранских племен.

Это положение, по-видимому, справедливо и в отношении ряда ведущих стран Передней Азии. Так, Р. Гиршман (1954, 47) связывает создание ассирийцами кавалерии в середине IX в. до н.э. с тем, что именно в эту эпоху в их анналах впервые упоминаются персы и мидяне (при этом следует заметить, что ираноязычное население еще ранее отмечено в областях западнее Парсуа и Мидии, ср. выше). Данные об иранских племенах Пе-

редней Азии в начале I тысячелетия до н.э. (как и сравнительные данные иранистики) показывают, что они пришли туда, уже имея развитые навыки верховой езды. Об этом определенно свидетельствуют и археологические материалы; они же могут указывать на влияние иранской коневодческой практики в местностях с первоначально неираноязычным населением. Не останавливаясь на этих свидетельствах, укажем лишь на некоторые из данных, основанных на привлечении ономастического и лексического материала клинописных источников первых веков I тысячелетия до н.э. Ряд иранских имен из ассирийских текстов указывает, что они принадлежали представителям коневодческого населения (ср. под № 1, 4, 17), некоторые — непосредственно на всадничество. В Элипи в царской семье, происходившей, очевидно, из среды неираноязычного населения, появляется иранское имя со значением «всадник» (№ 68), что должно свидетельствовать о верховой езде и всадничестве как важном элементе культурного и социального воздействия иранских племен на местное население. Бесспорным свидетельством влияния ираноязычного населения на народы Передней Азии в области методов коневодства служит известное уже в VIII в. до н.э. в вавилонском название люцерны *aspasti* («лошадиная еда»); то же иранское слово засвидетельствовано позже в сирийском (см. под № 17). Урартские тексты, по-видимому, также содержат данные о влиянии иранских племен как коневодов в Урарту (см. под № 63).

На территориях, соответствующих упомянутым урартским провинциям севернее Саханда, к востоку и северу от Урмии, археологические раскопки не проводились. Но из района Маку (южнее Арарата, на иранской территории) происходит зооморфный сосуд в виде лошади первых веков I тысячелетия до н.э. (Vanden Berghe, 1959, 120 — конец II тысячелетия до н.э.; Ghirshman, 1954 — начало I тысячелетия до н.э.; Ghirshman, 1964, 287 sq., VIII в. до н.э.). Аналогичный по типу и назначению «ритон»-лошадь найден в слое VII — начала VI в. до н.э. «персидско-ахеменидской» деревни у Суз. Зооморфные сосуды представлены в различных памятниках Западного Ирана рассматриваемого периода, в Сиалке, Хасанлу, Хурвине и т.д., и широко употреблялись (в частности, для погребального обряда) и иранскими племенами; известны (и именно в комплексах, достаточно определенно относимых к иранским племенам) и ритоны в виде лошади и лошади со всадником («Амлаш», ср.: Ghirshman, 1962, 57, 58). Но ритоны из Маку и Суз особенно сходны, а их богатая роспись дает основание для более подробных заключений (уже этнографического, а не только археологического порядка). Имея опреде-

ленные различия в технике исполнения (обусловленные временем и местом изготовления), они обнаруживают исключительное сходство в общем характере и деталях, относящееся прежде всего к изображенному сюжету — тщательно выполненной верховой лошади, ее сбруе, снаряжению и, в частности, седельному ковру одного типа с одинаковыми особенностями и повторяющимся расположением ковровых рисунков, представляющих единообразные сцены. Подробный анализ всех этих деталей, проделанный Р. Гиршманом (1954, 38–53, ср. fig. 5–6, pl. XX, 1, 2), определенно показывает, что оба ритона изображают лошадей, принадлежащих этнически родственным племенам — и именно ираноязычным (на это указывает и место находки второго ритона, см. с. 44, ср. с. 180, 250–255, а тип седельного ковра и других элементов конского снаряжения четко засвидетельствован для иранских племен Западного Ирана и других областей).

Из ассирийских источников IX–VII вв. до н.э. следует, что коневодство было особенно развито в районах к северу и востоку от Ассирии; они были и основными поставщиками лошадей в Ассирию. Но не везде на этих территориях коневодство было развито одинаково. Причем для ряда областей, где оно широко отмечено, ономастическим материалом часто определенно засвидетельствовано ираноязычное население. В ряде писем царской корреспонденции VII в. до н.э. (HABL, № 61, 71, 394 и др.) — донесений лиц, ответственных за снабжение лошадьми, упоминаются месийские лошади (*sīsī* ^{KUR}*Mesaj*). Для Миси/Месу бесспорно засвидетельствован иранский элемент. К северу от Миси находилась населенная иранским племенем Зикирту-Сагартия, где безусловно было широко развито коневодство и всадничество (ср. выше). Упомянутые урартские области развитого коневодства, специализировавшиеся на разведении верховых лошадей и выделявшиеся этим среди многих других областей Урарту, лежали к северу и северо-западу от Зикирту. Приведенные выше данные дают, таким образом, основание рассматривать описание районов Ушкайи, Аниаштании, Таруи-Тармакисы в «Письме Ашшуру» как свидетельство наличия в них ираноязычного населения. После Ушкайи ассирийцы разорили соседнюю с ней Аниаштанию.

59. *Aniaštania* (^{URU}*A-ni-aš-ta-ni-a*, ПА, 184; анн., 113; по анналам в AR, II, 3: «the city of Ashtania», вслед за транслитерацией и переводом в KS, I, 22, 23, но в самом издании KS, II, pl. 1, 5: № 9, II, 12 и у Botta, IV, 76 в начале строки ясно читается: [...] *a-ni-aš-ta-ni-a*). Возможно, иран. **Anyastāni-* или *–stānya-*, от *stāna-*, *stāni-* 'место',

'помещение (для лошадей и верблюдов)', 'конюшня', ср. авест. *aspo.stāna/i-*, *uštra.stāna/i-*, др.-арм. *aspastan*, др.-инд. *açvasthāna-*, осет. диг. *stojnæ* ('скотный двор') и т.д. (для *anya-* ср., например, вед. *ánya-* 'неисчерпаемый', 'неистощимый' или авест. имя *Ainyāva-*). Назвав Аниаштанию, источник (ПА, 134) добавляет: «дом табунов» («конюшня», «хлев»), что может соответствовать предлагаемому иранскому значению. Если в названии действительно представлено иран. *stāni-* в указанном значении, то возможно также, что иранское слово было уже заимствовано в иные местные (неиранские) языки или также в урартский; тогда топоним в целом мог бы быть образован и в неиранской среде*.

Аниаштания с округой (17 поселений) лежала к востоку или северо-востоку от Ушкайи и южнее района Тавриза, т.е. у Саханда или на северных склонах плато. Она находилась в пределах «страны» Сангибути (ср. анн., 113, ПА, 184), включавшей также районы Таруи-Тармакисы, Улху и Арзабии. По анналам (стк. 113–115 по KS) все они, начиная с Аниаштании, отнесены к одной области (в отличие от Ушкайи и Заранды с их поселениями, в предыдущих строках, и городов и поселений области Армарили, в последующих), а в «Письме Ашшуру» для каждой указывается, что она входила в Сангибути (ср. также с. 263–264). Последняя, таким образом, хотя бы частично включала территорию плато Саханд (округи Аниаштании и Таруи-Тармакисы, соответствующей Тавризу у подножий Саханда), но в нее входили и области далее на северо-запад (или также и на север). При описании района Таруи-Тармакисы сообщается другое название Сангибути: *Baru/i* (^{KUR}*Ba-ri*, ПА, 188), но неясно, второе ли это название всей Сангибути либо лишь ее первых, по маршруту ассирийцев, районов; для возможных иранских параллелей к *Baru* (тогда иран. **Bărа-* или **Băru-*) ср. с. 142 и сл., 202 и сл. и под № 30.

60. *Sangibuti* (о написаниях и возможных иранских объяснениях см. под № 42, 43). Как указывалось, иранская принадлежность названия в этих областях подтверждается существованием там топонима (Саханд, Сахунд и т.д.), формы которого восходят к тем, которые могли быть переданы в ассир. *Sangibuti* (см. там же).

61, **62**. *Tarui* и *Tarmakisa* (^{URU}*Tar-ú-i*, ^{URU}*Tar-ma-ki-sa*, анн., 113; ПА, 184, 189, 199; «призма D», изд. Gadd, 1954, стб. III, 1) — назва-

---

* Р. Цадок отмечает, что топоним Аниаштания не обязательно должен быть иранским, как не обязательно и выделение элемента *štani*; возможно и иное членение, при котором выделяется элемент *-tania* — ср. такие топонимы, как *Kinaš-tania*, *Lapsi-tania* (Zadok, 2002, p. 107, 109).

ния двух укрепленных поселений (с округой в 30 поселений), или «двойной крепости» (Дьяконов, 1956, 216) в районе Тавриза (общепринятая локализация). Иранское объяснение (см. ниже) подкрепляется данными об имени Тавриза, определенно связанном с рассматриваемыми названиями, которые также безусловно связаны между собой; *u* в *Tarui* и *m* в *Tarmakisa* для *v* (ср., например, *Parsua* и *Parsamaš* для **Parsava*-; ср. также др.-перс. *Tar(a)va*- — город в Йаутийе в Парсе, Бех., III, 22, вавил. *Tarma*, но элам. [...-]*ra-u-ma* < **Taruva*- (?) и город *Taruana* в южной Кармании, рядом с Парсом по античным авторам; оба могут представлять и одну местность, Парса в Бех. включает и Кирман; эти персидские топонимы могут объясняться так же, как и рассматриваемые из ассирийских текстов). Народная этимология названия *Tabrīz* — 'изгоняющий (*rīz* от *rixtan*) лихорадку (*tab*)' (см.: EI, IV, 631, 632). В связи с формой *Tavrīz* и армянскими названиями города (известны с Фавстоса Бузанда) *Tavrež*, *Tavreš* и пр. предлагалось объяснение от северного ср.-иран. *tav* = *tap* > *tab* и *rēč* > *rēž* 'изгоняющий жару' или подобное (ср.: Hübschmann, 1895, 179; Minorsky, EI, IV, 631, 632). При этом Г. Гюбшман предполагал, что город был впервые основан при Сасанидах. Но из ассирийских текстов следует, что город и название существовали ранее и что *vr* в имени Тавриза из *rv*; это, возможно, подтверждается сохраненными у некоторых армянских авторов (однако, более поздних) формами *Tarvež*, *T'arveǰ* (о передачах имени Тавриза в армянском см.: Hübschmann, 1897, 42; Herzfeld, 1935, 18, 19; AMI, VII, 117, IX, 173, у Э. Герцфельда см. также о связи названий Тарви, Тарвакиса и Тавриз, без иранской этимологии). Независимо от первоначальной языковой принадлежности название Тавриз должно было бытовать в иранском в эпоху Атропатенского царства и уже в ахеменидский период (наличие тогда в этих районах ираноязычного населения, а также иранской администрации бесспорно). В среднеиранском имя оканчивалось на *-ēč*, *-ēž* или *īž*, с *ž*, которое могло бы восходить также и к др.-иран. *č*; в древнеиранском — соответственно на *-aiča* (или *-īča*) либо *-aiža* (или *-īža*); в *Tarmakisa* ассир. *s* = *š* должно передавать *č* или *ž* местного произношения. В дублетном названии *Tarui* и *Tarmakisa*, а также в **Tarv(a)ič*a*/-(a)iža* (**Tarvež*) выделяются элементы *tarv*-, *-ak(a)* и *-iča/iža*, легко объясняемые из иранского и находящие соответствия в иранских грамматических формах. В основной части *tarv*- (*Tarui* непосредственно для *Tarvi*-, ср. ниже), иран. *tar*-, *tarv*-, основы **tarva*-, *tarvaya*- и др., инд. *tū́rv*-: *tū́rva*- 'преодолевать', 'побеждать'. Рассматриваемые названия могли быть первоначально и топонимами (например, как название крепости: «высшая», «победоносная», «неприступная»), и родо-племен-

ным именем (ср. ниже, в частности, имена). **Tarvak(a)* в *Tarmakisa* (по сравнению с *Tarvi-* и исходной формой для имени Тавриза) — дублет к первому имени (ср., например, с. 298 о *Xsært* и *Xsærtæg*, ср. ниже о *Kundī-* и **Kundaka-*). По форме *Tarvi* соответствует инд. *tŭ́rvi-* 'высший' (RV), ср. также др.-инд. *turváṇi-* 'победоносный', 'превосходящий', *tŭ́rvayāṇa-* и др., имена: вед. *Turvá-*, *Turváça-* и др.; авест. *taurvayant-*, *taurvan-* 'преодолевающий' и т.п., имя *Taurvaēti-*, близкое по форме к возможному **Tarvaičal i* > **Tarvēž*.

Но возможно, что рассматриваемые названия из района Тавриза непосредственно связаны с именем божества (позже дева) *Tarvi-* (при том же первоначальном значении, *Ta"rvi-*, по Х. Нюбергу, 1938, 339, «Победоносная»). Выше уже упоминалось о мнении Х. Нюберга, что имена божеств древнемидийского пантеона (соответствующих девам Видевдата) и специфические религиозные термины отложились в названиях племен будиев (богиня *Būδī*) и бусов и города Кундуру (бог *Kunda*). Можно указать и на некоторые другие названия племен и городов, для которых допустимо такое же объяснение (ср. также предположенное выше, с. 205, толкование этнонима Мада). Так, название народа Παρικάνιοι определенно связано с *Parikā* (в Авесте женское девовское существо, позже «пери» и т.п.). Но вопреки распространенному мнению (например: Дьяконов, 1956, 338, со ссылкой на В. Гайгера) это не название, данное иранцами неиранским народам плато. Как уже отмечалось (см. с. 305), слова со значениями того же круга, что и *parikā*, и часто упоминающиеся рядом с ним, употреблялись в дозороастрийский период (а часто и позже) в положительных значениях и, в частности, как обозначения почитателей определенных божеств, как личные имена и т.п. *Parikā* называется и рядом с именами девов *Būδī*, *Būδižā*, *Kundī*, *Kundižā* и др. (ср.: Видевдат, XI, 9 и сл.), на которых основывает свой анализ Х. Нюберг. Парикании засвидетельствованы для Мидии (в границах ахеменидского времени), по-видимому, западной, и на юго-востоке Ирана (см.: Геродот, III, 89–97), очевидно в восточном Фарсе (современный Лар) и южном Кирмане (ср.: AMI, I, 83, 103); в этом районе известно местечко *Fāriyān* (см. там же), возможно, др.-иран. **Pārikāna-*. У Гекатея (фрагмент 282) упоминается город в «Персии» Παρικάνη из **Pă̄rikāna-*, как и имя париканиев (обычное мнение, что от этого этнонима происходит и название Ферганы, необоснованно, см.: Лившиц, 1962, 85).

По Х. Нюбергу (1938, 339), Тарви — коллективное божество, обозначавшее земное племя; рассматриваемый топоним Тарви мог бы представлять *Tarvi-* в таком значении. **Tarvak(a)* (в Тармакиса) должно быть дублетом к *Tarvi-*. Известны подобные парные

варианты именно древних божеств — девов; некоторые из них определенно представляют пары мужского и женского божества (так можно рассматривать и авестийскую пару *Ta"rvī- — Za'rič̌a-*). Наряду с богиней *Kundī-* в Видевдате в числе девов упоминается бог *Kunda-*. Оба известны и по памятникам на среднеиранских языках, и по иноязычным авторам, но наряду с отражающими *Kunda-* (ср.-перс. *Kund dēv*) чаще встречаются формы, восходящие к **Kundaka-* (ср.-перс. *Kundak*, н.-перс. *Kunda*, парф. *Ākundaγ*, согд. *kwntk* и др.). Как рядом с *Kundī-* существовал ее мужской дублет *Kunda-*, **Kundaka-*, так вместе с *Tarvī-* может быть постулирован **Tarva-*, **Tarvaka-*.

В Авесте Тарви упоминается в тесной связи с девом *Za'rič̌a-*, от *zar(i)+ič̌a-* (ср. № 25, 26), ср. ср.-перс. *Tarīč̌* и *Zarīč̌* (ср.: Nyberg, 1931, 223, 251). Исходной формой для имени Тавриза могла бы быть **Tarvaič̌a-* или **Tarvīč̌a-*, для переданной в ассир. Тарвакиса — **Tarvak(a)ič̌a-*. Но не исключено, что во второй части этих названий — слово *īžā-*, как в анализируемых Х. Нюбергом (1938, 340) девовских именах *Būδižā-* при *Būδī-* и *Kundižā-* при *Kundī-*. *Īžā-* — важный термин в Авесте, особенно в Гатах (с положительным значением, чем подтверждается первоначальная связь *Būδižā-* и *Kundižā-* с именами богов, а не демонов); *īžā-* тесно связано с *ārmaiti-* или даже выступает как его синоним, оба слова переводятся либо как «благочестие», «усердие» и т.п., либо как «процветание» и т.п. (ср., например: Bailey, 1960, 66: *īžā-* 'prosperity'). По В.И. Абаеву (1956), *Ārmaiti-* 'Мир' — как противоположность войне, как народ, община, как земля. По Х. Нюбергу, это обозначение племени, его коллективная персонификация, с людьми и скотом, землей, пастбищами и т.д., а *īžā-* как синоним *ārmaiti-* — 'благочестивое племя'; он соответственно переводит *Būδižā-* и *Kundižā-* как «племя и культовая община богини Буди (Кунди)».

Не приходится сомневаться в том, что девовское существо Тарви — древнее иранское божество (ср. у Х. Нюберга). Следует еще заметить, что Тарви и Зарича упоминаются в тесной связи с тремя другими девами (см.: Видевдат, XIX, 43, а также в нескольких местах Бундахишна, где они вместе с Акомана уже последовательно противопоставляются «Амешаспентам»); в эту пятерку входят также Индра (инд. *Indra-*), Сарва (инд. *Çarva-*, прозвище Рудры и затем Шивы) и Нахатья (инд. *Nāsatya-*, в Индии в отличие от Ирана божественная пара, известная уже среди арийских богов Митанни: *^{il}Āni Na-ša-at-ti-an-na*, после Митра-Варуны и Индры). На древнее происхождение иранского божества с именем от *Tarv-* указывают и индоевропейские параллели, ср. имя хеттского бога грозы *Tarḫunta-* от *tarḫ-* 'побеждать' = иран. *tar(v)-*,

инд. *tŭ́rv-* [см. у В.В. Иванова (1963, 13), сравнивающего *Tarḫunta-* с инд. *tŭ́rvanto*, мн. ч. от *tŭ́rvant-*, в RV]*.

Как уже упоминалось, Х. Нюберг связывал с именем дева Кунда название известного по Бехистунской надписи города *Kunduru*, элам. *Kuntarruš* = **Kundaru*. Возражая Х. Нюбергу, Э. Герцфельд (1947, 725 sq.) писал, что Кундуру, отождествляемый им с ассир. *Ḫundur(u)*, современным Котуром, при средневековом монголизированном قوطور — город в Армении и, следовательно, не имеет отношения к иранскому миру и иранским богам. Но Кундуру Бехистунской надписи находился, безусловно, в собственно Мидии; обычно его помещают (Ф. Юсти, В. Хинц и др.) у Казвина, где Якут (XIV в.) отмечает деревню Кундур; но Кундуру, у которого Дарий разбил Фравартиша, скорее всего должен был лежать где-то между Хамбаном и Экбатанами, а поселения того же имени известны в разных частях Ирана. Так, у Якута под *Kundur* упоминается еще селение в округе Нишапура (возможно, то же, что Кундур на современных картах к юго-западу от Нишапура и к северу от Туса). Тот же топоним («город») известен теперь по ряду эламских документов как *Kuntarruš*, *Kunturruš* (ср.: Hallock, 1957; но предлагаемые им отождествления и локализации необязательны). Кунтарруш, Кунтурруш персепольских документов (или по крайней мере одна из единиц этого имени, называемых в них) находился недалеко от Персеполя (см.: Cameron, PTT, 62).

Вместе с тем отождествление Э. Герцфельдом ассир. *Ḫundur(u)* с названием *Kunduru* вполне оправданно. В *Ḫundur(u)* (упоминается под 820 г. до н.э., см. с. 193, и 714 г. до н.э., ПА, 270: ^{URU}*Ḫu-un-du-ur*, ср. вавил. ^{URU}*Ku-un-du-ur* в Бех. для *Kunduru*) *Ḫ-* вместо *K-* — результат аккадской передачи или местного неиранского произношения, а быть может, и отражения иранской диалектной особенности (ср., например, курд. *qund* при перс. *kund*), ср. также акк. *Ḫamban(u)* = иран. *Kampanda*. Произношение названия этой местности с *k-* (и *q-*) надежно засвидетельствовано более поздними формами того же топонима [ср. выше о названии Котура, а также арм. Котороц-берд на р. Котороц-гет (Еремян, 1961) — то же, что Котур на р. Котур-чай]. Локализация Хундура и его отождествление с Котуром очевидны и общепризнанны (ср. также с. 218: Хундур, очевидно, на реке того же имени, протекавшей и на территории расположенной восточнее Сангибути).

Уже само распространение топонима Кундуру (Западная Мидия, Фарс, Хорасан и т.д.) указывает на его иранское происхож-

* Р. Цадок относит топоним *Tarui/Tarmakisa* к числу тех, чья иранская этимология вызывает сомнения, указывая, что *Ta-rú-i* напоминает первый компонент касситского антропонима *Tarwa-Sah* (Zadok, 2002, p. 107, 109).

дение. Формы *Kuntarruš* и *Kunturruš* в эламских документах свидетельствуют, что нап,исание в эламской версии Бехистунской надписи *Kuntarruš* = перс. *Kunduru* не случайно и что в самом иранском существовали оба варианта: *Kunduru* и **Kundaru*. Иранская принадлежность этих чередующихся форм и их связь с формой *kunda-* непосредственно подтверждаются наличием и в иранских и в индийских языках ряда слов, представляющих *kunda-*, *kunduru/a-*, *kundaru/a-* в серии связанных значений (однако существенно расходящихся в иранском и индийском). В индийских языках (далее лишь санскритские формы): *kunda-*, *kundu-*, *kundaka-*, *kunduru/a-*, *kundaru/a*, *kundurukā́ -*, *kundurūka-*, *kundarikā-* 'жасмин' (три вида), 'благоухающий олеандр', 'индийское ладановое дерево', его камедь и смола — 'ладан' (последнее значение фиксировано для всех форм), название какого-то травянистого растения. Указывая на значение «ладан», считают, что вместе с экспортом из Индии ладана его названия проникли в переднеазиатские языки: арм. *kndruk*, ср.-перс. *kundarak*, перс. и араб. *kundur*. Но это мнение, по-видимому, не может быть принято (оно не подтверждается и историческими данными, опровергающими положение о раннем и вообще широком вывозе ладана из Индии в Переднюю Азию). Ему противоречит существование и в иранском различных форм, представляющих все указанные варианты: *kunda-*, *kunduru/a-*, *kundaru/a-* — и дающих иные значения. А тот факт, что чередующиеся формы *kunduru-* и *kundaru-* уже в VI в. до н.э. засвидетельствованы в разных районах Западного Ирана как топонимы, указывает, что соответствующие слова употреблялись в западноиранских языках много ранее. В персидском известны слова: *kundur*, *kundurak*, *kundrū* (<**kundarūk* или **kundurūk*, сюда же арм. *kndruk*), *kundurū*, *kundūr* и ср.-перс. *kundarak* (Бундахишн, гл. XVII, по изд.: Ф. Юсти, с. 65, в перечислении пахучих растений). Основное значение приведенных персидских слов: «мастикс» — ароматическая смола мастикового дерева, а также иных растений, камеди и смолы которых сходны с собственно мастиксом; название соответствующих деревьев, прежде всего терпентинного (теребинта), а также его камеди; жевательная смола, камедь и т.д. В связи с этими значениями очевидна и принадлежность к этой группе иранских слов афг. *kənḍ* и *kənḍuri* (или *kunḍəri*) 'камедь', 'смола', 'растительный клей'; *kənḍ* из *kunda-* (ср. афг. *ləm* < *duma-* и т.д.), второе слово, очевидно, из *kunduru/a-*. Как названия конкретных растений персидские слова употребляются по отношению к фисташковым — теребинту и, по-видимому, мастиковому дереву. Теребинт широко использовался древними персами и вообще в Западном Иране и Передней Азии (в некоторых странах считался священным), особенно

известным в древности было употребление его пахучей камеди — терпентина, применявшегося и в медицине, в частности, как и мастикс, для изготовления бальзамов и мазей, также как жевательные смолки и т.д. (следует также отметить, что терпены, содержащиеся в эфирных маслах терпентина, способны оказывать резкое возбуждающее, а затем угнетающее воздействие на нервную систему). Рассматриваемые формы в иранских и индийских языках служили, таким образом, названиями различных растений из разных семейств. Основанием для единого обозначения безусловно были их некоторые общие свойства и возможность сходного употребления этих растений и их продуктов, обозначавшихся теми же словами (камеди, смолы и вообще вещества разных частей растений, в частности с сильной пахучестью — благодаря эфирным маслам, содержащимся во всех упомянутых растениях). Это качественное или функциональное значение указанных слов может предшествовать их употреблению как названий конкретных растений. Лишь частным значением перс. *kundur* ('мастикс', 'терпентинное дерево' и т.д.) является 'ладан', обычные его названия в персидском иные (*nišvăra*, араб. *lubān*). Скорее всего, для обозначения ладана рассматриваемые слова стали употребляться в западноиранских языках (где они бытовали ранее) независимо от связей с Индией. Возможные иранские значения (ср. в афганском и персидском) — «камедь», «смола», и именно ароматическая — делают такой переход вполне понятным. Но были, очевидно, и более существенные причины — те же слова и ранее означали растительные продукты, употреблявшиеся так же, как позже ладан, а затем заменявшие его (такие переходы значений хорошо известны, в том числе для названий того же ладана в индоевропейских языках). Так, первое упоминание терпентина в классической литературе (Ксенофонт, Анабасис, IV, 4, 13) свидетельствует, что в Армении из него изготовляли как мази, так и курительные благовония, причем в районах, где имелось население, говорившее по-ирански (ср., например, у того же Ксенофонта, Анабасис, IV, 5, 9 и сл.). В соседних же с ними на востоке областях уже много ранее в иранских языках употреблялись формы *kunduru-*, *kundaru-* (см. выше). Все это, возможно, объясняет, почему арм. (из иран.) *kndruk* использовано для перевода библейского «ладан». По античным источникам (ср., например: RE, I, 1873 sq.) известно точно не идентифицируемое восточное растение (типа кустарника или деревца) ἄμωμον или *amomis* и др. (форма названия — результат греческой этимологизации). Амом (*или одно из называвшихся так растений*) был распространен в Северо-Западном Иране и соседних областях. Так, по Плинию

amomis произрастал в Мидии, Отене, Армении и Понте. Из его пахучих продуктов изготовлялся известный бальзам, ароматические мази, снотворное и т.д., вместе с тем он применялся как ладан, и те же слова (ἄμωμον, ἀμωμίτης) употреблялись как синоним для λιβανωτός 'ладан'*.

Уже применение растительных продуктов, обозначавшихся производными от *kunda-*, *kunduru-* и пр., как курительных благовоний указывает на возможность особой связи с культом (а использование собственно ладана при жертвоприношениях было известно персам ко времени Дария I, ср.: Schrader–Nehring, II, 640). Можно также отметить, что вдыхание дыма сжигаемых продуктов некоторых растений употреблялось у иранских племен в культовых целях как средство экстатического возбуждения (ср. у Геродота, I, 202 для массагетов — о каком-то дереве и ниже для скифов — о конопле). Вместе с тем известно использование магами при богослужении, прорицаниях, чародействе ароматических растений, посвящавшихся духам (ср., например: Benveniste, 1929). Особенно интересно проанализированное Э. Бенвенистом (там же) сообщение Плутарха (De Iside, 46) о растении *Omomi*, которое маги толкли в ступе, взывая к Ахриману и силам тьмы, и, смешивая с волчьей кровью, выливали в месте, недоступном солнцу. Это растение («анти-хаума») Э. Бенвенист отождествляет с амомом, указывая также на существование соответствующего имени демонического существа, иран. **Hutāma-* (в жен. роде **Hutāmī-*), *Hutāma* манихеев (один из основных ее атрибутов — дым, копоть) и *Amimit* мандеев. Следует предполагать, что и в данном случае речь идет о культе и божестве, которые лишь позже, в дуалистической системе маздеизма стали противопоставляться положительному началу. В том же отрывке Плутарх указывает, что маги специально связывали некоторые растения с определенными богами, это подтверждается и собственно иранскими материалами. В *Omomi* Плутарха ранее видели хаому; попытки вернуться к этой трактовке (ср.: Zaehner, 1961, 124, 329) совершенно необоснованны. Помимо хаомы-сомы как названия священных растений и употреблявшихся с культовыми целями их продуктов в арийских языках употреблялись и другие слова. К их числу безусловно принадлежит и авест. *baŋha-*.

По Х. Нюбергу, *baŋha-* — конопля как экстатическое средство, а Кундуру — «древнее западноиранское гнездо гашиша»; возводя это название к имени Кунда, ассоциируемого с *baŋha-*, он увязы-

* Р. Цадок относит топоним Хундур к категории 'unaffiliated, but not entirely isolated', выделяя в нем элемент *-ur*, который видит и в ряде других топонимов (Zadok, 2002, p. 102, 105).

вает и культы других мидийских божеств с экстазом и прорицанием. Возражая против этих положений, В. Хеннинг (1951) отрицает употребление *baŋha-* (ср.-перс. *mang*, н.-перс. *bang*) как экстатического средства и считает, что наркотические свойства конопли стали известны в Иране лишь с распространением ее индийской разновидности, из которой получали гашиш и «банг»; инд. *bhaṅga-* 'конопля' лишь совпало с перс. *bang*, до этого обозначавшего белену (как и армянское и арабское заимствования); авест. *baŋha-* по В. Хеннингу — белена и ее продукт, и ср.-перс. *mang* — только сильнодействующий яд. Но с этими утверждениями в основном нельзя согласиться. Авест. *baŋha-* (*baŋgha-*) по происхождению безусловно то же слово, что инд. *bhaṅga-* 'конопля', 'наркотик из конопли'. О ее наркотических свойствах арии знали очень давно, очевидно еще в период обитания в пределах евразийских степей; для этих территорий об обрядовом использовании конопли как экстатического средства, в частности, свидетельствуют сведения о скифах у Геродота (IV, 73–75, ср.: Meuli, 1935), теперь, между прочим, точно подтверждаемые материалами из скифских курганов Алтая. Правда, авест. *baŋha-*, по-видимому, действительно, не конопля (и во всяком случае не только конопля), а скорее белена (или в частности белена), как и ср.-перс. *mang*. Но и белена, обладая свойствами наркотического воздействия (сильное нервное возбуждение, видения, галлюцинации и т.д.), применялась как культовое экстатическое средство. На это указывают и данные индоевропейских языков Европы (ср., например, болг. блѣнобиле 'зелье, производящее бред', блѣнъ 'мечта', 'воображение' и др. — к тому же слову, что и обозначение белены в других славянских, германских, кельтских языках; зелья из белены изготовлялись и на Древней Руси; именно так — а не наблюдениями за симптомами случайного отравления беленой — следует объяснять происхождение русского выражения «объесться белены», «белениться» — 'выходить из себя', 'сумасбродить', 'находиться в состоянии безумия'). Как наркотик белена использовалась в медицине уже в древнем Двуречье (ср.: Thompson, 1949, 213 sq., 216, 230). Арабское *banǰ* (из иран. *bang*) обозначает белену и наркотическое средство, приводящее в бессознательное состояние. Это использование белены и отражено в сказании об Арда Вирафе, который, приняв экстракт белены (*mang*), впал на семь дней в бессознательное состояние, когда ему и было «видение» рая и ада. Восточный «банг» приготовлялся не только из индийской конопли, но часто, и именно в Иране и Средней Азии, из белены и конопли. На употребление *baŋha-* как экстатического средства в древнеиранскую эпоху ясно указывает и давно отме-

чавшееся (Munkacsi, 1908) наличие этого слова среди иранских заимствований в обско-угорских языках: *baŋh*, *pangh* 'мухомор', 'хмель (опьянение)'. При ворожбе и перед исполнением священных песен шаманы ели мухоморы (или пили настои из них), следствием чего были сильнейшее возбуждение, галлюцинации и т.д. Однако подобное состояние, вызванное и иными средствами (позже, например, водкой), именовалось тем же словом, означавшим опьянение вообще.

Такие данные и употребление *baŋha-* в авестийских отрывках свидетельствуют, что это арийское слово обозначало растения с определенными свойствами и их продукты, соответствующие экстатические средства и вызванное ими состояние, а также, очевидно, и находящегося в подобном состоянии. Как и в ряде других случаев (например, с хаомой-сомой), трудно определить первоначальное значение соответствующих слов, но бесспорно, что оно переходило на совершенно различные растения по аналогичному свойству и возможности употребления (также хаомасома в арийской древности, очевидно, не была одним определенным растением; в связи же с ее обычным отождествлением с эфедрой здесь небезынтересно указать на русское областное название эфедры: «ладан калмыцкий»). С *baŋha-* в Видевдате (XIX, 41) непосредственно связывается дев Кунда, определяемый как *baŋha vibaŋha*, что скорее всего следует понимать в смысле: «(даже) без опьяняющего напитка (или вообще экстатического средства) опьяненный» (находящийся в экстатическом возбуждении — как своем основном качестве). Связь Кунда с *baŋha-* естественна для иранского божества с функциями прорицания и магии. Данные иранских и иноязычных источников указывают на очень большую (судя по имеющимся сведениям, особенно у западноиранских племен) роль дева Кунда в системах зороастризма, манихейства и других культах. Это должно свидетельствовать о широком распространении и важном месте культа божества Кунда в предшествующие эпохи.

Г. Бэйли (1955, 72 sq.) производит имя дева *Kunda* от **kunda-* или **kunta-* в общем значении «имеющий недостаток», «плохой» (глупый, тупой и т.п.), не допуская, таким образом, что это бывший бог (вместе с тем Г. Бэйли возводит ср.-перс. *kundāk* и н.-перс. *kundā* 'предсказатель' к *kau-/kav-*, представленному в авест. и вед. *kavi-*). Но перс. *kund* 'тупой', 'глупый', 'хромой', очевидно, восходит (как, по-видимому, и другие иранские слова этих значений с *d*) к др.-иран. **kunta-* или **kunθa-*, ср. бел. *kunt* 'тупой' и т.п. и обычное др.-инд. *kuṇṭh-* 'быть тупым, глупым, хромым', *kuṇṭha-* 'тупой' и т.п. (лишь для пали Г. Бэйли отмечает *kuṇḍa-* 'bent' наряду с *kuṇṭha-*

'blunt', 'lame', 'bent'). Поэтому и чисто формально указанная этимология др.-иран. *Kunda-* не представляется вероятной. В перс. *kund* совпали два разных слова: наряду с 'тупой', 'глупый' и т.п. оно, как и *kundā*, *kundāgar* и пр., означает 'мудрый', 'знающий', 'ученый' и т.п., 'отважный', 'храбрый' и т.п. (все эти значения второй серии вполне могут быть возведены к понятию 'находящийся в экстатическом возбуждении'). Именно с этим *kund* в положительном значении и следует связать имя божества — дева *Kunda*. На эту связь указывает и единая серия переходящих значений перс. *kundā*: 'мудрый' 'знающий', 'философ', 'пророк', 'астролог', 'гадатель', 'прорицатель', 'говорящий то, что скрыто' и т.д. Эти значения делают очевидной принадлежность н.-перс. *kund*, *kundā* к той же группе слов, с которой связано имя *Kunda*, и показывают, какая «мудрость» первоначально подразумевалась в этих словах — это знание сокровенного, получаемое гаданием и магическими действиями. В Бундахишне (XXVIII, 42, по Э. Весту, ср.: Bailey, 1955, 73) дев *Kundak* называется *bārak i yātūkān* «конем колдунов» (это подразумевает, что к нему обращались при колдовстве и прорицаниях) *yātūk*, авест. *yātu-* 'колдун', 'колдовство' имело отрицательное значение лишь в зороастрийской традиции, а вне ее и в иноязычных заимствованиях из иранского означало 'мудрец', 'предсказатель', 'астролог', также 'магическое действие' и пр. без отрицательного оттенка. В одном из согдийских буддийских текстов (TSP, № 6, стк. 190–197) *kwntk* упоминается в ряду: *dyw čytk kwntk pr'yktyh* (мн. ч. к *pr'yk*, *parikā-*); речь здесь идет не о демонах вообще, а о духах и богах, культ которых распространен среди придерживающихся ложной веры и т.п. и особенно тех, кто верит в прорицания (ср. также тот же отрывок в китайском переводе, см.: TSP, 210). Как в этом тексте *kwntk* и *čytk* (**kaitaka-*), так в «Деяниях Артахшера Папакана» упоминаются рядом *kundākān* и *kētān* (к **kaita-*) — оба в значении 'мудрецы', 'предсказатели', как обычные слова здесь без отрицательного оттенка (ср. с. 305); термин *kaita-*, также связанный с прорицанием и магией, употреблялся в зороастрийской традиции и с отрицательным смыслом, в Авесте это обозначение девовских существ, но вместе с тем это обозначение служителей других религий Ирана, в том числе еще в VII в. в Забулистане (ср.: Bailey, 1955, 64). На первоначально положительное значение авестийских девовских имен *Kunda-*, *Kundī-* (оба дублета божества, мужской и женский, известны и по более поздним источникам) указывает и связанная с ними форма *Kundižā* (ср. с. 323). Но особенно важно сообщение Моисея Хоренского (I, 31) о почитании в дохристианской Армении Арамазда в четырех видах или под четырьмя именами, из которых

наиболее известным был *Kund Aramazd*. Это соединение, представляющее иран. **Kunda-Ahuramazdā*, быть может, подобно **Miθra-Aʰuramazdā* (ср. у С. Викандера об ахеменидском **Miϑra-Aʰuramazdā* по Плутарху: Μεσορομάσδης). Но во всяком случае *Kunda* здесь божественное, а не демоническое имя. Заимствование такого сочетания, как Кунд Арамазд, могло быть сделано лишь из дозороастрийских форм складывающегося маздеизма (последний был распространен в Северо-Западном Иране и соседних областях, в том числе, очевидно, на территории Армянского нагорья, уже в VIII в. до н.э. — ср. под № 54, 63). Вместе с тем сообщение Моисея Хоренского свидетельствует о почитании божества с именем Кунда у иранских племен, обитавших по соседству с Арменией или на ее территории.

Таким образом, представляется очевидным, что Кунда — древнее иранское божество, культ которого был весьма широко распространен; одной из главных его функций было прорицание, а его культ был связан с экстатической практикой; специальной характерной чертой Кунда являлась связь с *baŋha-*. Как было показано выше, наблюдается определенный параллелизм между ар. *kunda-*, *kunduru-* и пр. и *baŋha-*, *bang* и пр. И те и другие могли быть названиями различных растений, общим у которых были некоторые свойства и сходное использование. Заметим также, что конопля богата смолистыми веществами эйфорического воздействия, а белена имеет обильные липкие выделения и резкий запах, поэтому оба растения, на арийской почве определенно обозначавшиеся как *baŋha-*, и по этим внешним признакам могли быть отнесены к разряду *kunda-*. На семантическое соответствие этих групп слов, по-видимому, указывает и ваханское *baŋg*, *baŋ* 'камедь', 'смола' (особенно фруктовых деревьев с камедью, имеющей культурное применение); это слово (возможно, заимствованное из других диалектов, ср. ряд ваханских слов с *b-* < др.-иран. *b-*, индо-иран. *b-*, *bh-*) должно восходить к *ban(g)ha-*, а по значению точно совпадает с восходящими к *kunda-*, *kunduru-*, *kundara/u-* словами в афганском и частично персидском. Вместе с тем, как было показано, те растения и их продукты, к числу которых принадлежали обозначавшиеся как *kunda-*, *kunduru-* и пр., были связаны с культом, а их названия — с религиозной сферой, причем эти названия могли совпадать с именами богов (или демонов). Это заставляет предполагать первоначальное единство божественного имени Кунда с соответствующими названиями растений и их продуктов (помимо индоиранских примеров здесь можно указать на единство общего кельто-германо-славянского названия белены с именем кельтского бога Белена, в античном мире отождест-

влявшегося с Аполлоном, и определение белены как растения Аполлона: кельтское *belinuntia — apollinaris herba*). Помимо божественных — девовских имен *Kunda-*, *Kundak* и пр. (ср. также имя духа, н.-перс. *Kundū* <**Kundūk* и др.) засвидетельствованы личные эпические имена: перс. *Kundrū*, *Kundarūk*, *Kundur* (имя наместника Зоххака *Kundrū* у Фирдоуси этимологизируется как *Kund-rav*, ср.: Justi, 1895, 166; но форма имени соответствует *kundrū* мастикс и т.п. < **kundarūk*, арм. *kndruk*, имя того же лица, «векиля» Зоххака в «Муджмил ат-таварих»: *Kundarūk*; у Ф. Юсти под «Kundraw»: *Kundarūf*, но и в старом издании Ю. Моля, на которое ссылается Ф. Юсти, здесь именно *Kundarūk*, как и в новом, основанном на иных рукописях издании «Муджмил» М. Бехара, с. 89; *Kundur* — союзник Афрасиаба, царь славян у Фирдоуси, но сравнение с другими данными показывает, что это лицо иранского эпоса, «туранец»). В Индии также известно божественное имя *Kunda* как имя Вишну (ср. *Çarva-*, прозвище Рудры и Шивы, соответствующее авестийскому имени дева *Saurva-* и вместе с ним определенно указывающее на арийское имя бога **Śarva-*, ср. с. 323); в Махабхарате (Анушасанапарва, 7036; южная редакция, CXI, 101) рядом с *Kunda-* названо другое имя Вишну — *Kundara-*. Редкое для индоиранских языков чередование форм *kunda-*, *kundara/u-*, *kundaru/a-* и как имен, и как названий растений и их продуктов подтверждает, что эти имена и названия по происхождению связаны между собой.

Итак, западноиранский топоним *Kunduru-* (вар. **Kundaru-*) возник, безусловно, в иранской среде. Он мог происходить и от имени божества, но более вероятно, что от названия растения (или его продуктов), которое, однако, использовалось прежде всего с культовыми целями. В любом случае этот топоним должен свидетельствовать о соответствующей религиозной практике, а также, очевидно, о почитании некогда бога с именем Кунда у населения, из языка которого происходит это географическое название. В связи с его бытованием в районе Котура, ассир. *Ḫundur(u)* (№ 37) для оригинального *Kunduru-*, существенно то обстоятельство, что по независимым данным устанавливается почитание, причем в очень ранний период, иранского бога с именем Кунда на Армянском нагорье и бытование на той же территории соответствующих иранских названий растений и их продуктов, употреблявшихся и в культовой сфере. В 820 г. до н.э. в Хундуре правил Заришу, то же имя носил и его сосед по списку 820 г. из владения, очевидно, также с иранским названием (см. № 36). Это личное имя должно представлять иран. *Zariča-* и в этом случае связано с эпитетом священного растения (или добываемого из него напитка) либо непосредственно с именем бога *Zariča-*

(см. под № 25, 26). Последний, по Авесте, тесно связан с божеством Тарви, культ которого можно предполагать в местности Тарви-Тарвакисы-Тавриза (№ 60, 61). Соседняя область называлась Заранда, быть может, иран. **Zaranda-* (см. с. 315–316) с возможным значением «страна священного золотистого растения» (или «где пьют священный золотистый напиток», ср. с. 205 о вероятном аналогичном значении этнонима и топонима Мада)*.

От Таруи-Тармакисы ассирийцы в 714 г. перешли в район Улху-Сардурихурды (с урартским названием), а оттуда в область городов на горе Арзабиа (анн., стк. 114, 115; ПА, 233 и сл.). Этот район также находился на территории, именовавшейся Сангибути (ПА, 233, 269; анн., 113–115, ср. с. 263–264, 320). Арзабиа — название не отдельной горы, а горного хребта и области, на ней располагался 21 укрепленный «город» со 140 окрестными поселениями (анн., 114–115, эти «города» перечисляются в ПА, но не все названия сохранились; в HABL, № 198 Арзабиа собственно «страна», а не горы). Выходя из Сангибути, ассирийцы прошли около 90 км (12 беру, ПА, 254) между горами Арзабиа и Иртиа. Последняя тождественна горе Эритиа, упоминаемой при Салманасаре III под 856 г. до н.э., и соответствует Курдистанскому хребту или его части. Арзабиа начиналась примерно в районе современного Хоя и тянулась по территории севернее Урмии далее к востоку. Она, следовательно, должна соответствовать большому безымянному хребту (или его части), начинающемуся между Котуром и Хоем и заканчивающемуся на востоке вершиной Савелан. Южнее его расположен хребет Бозгуш — восточное продолжение плато Саханд.

63. *Arzabi(j)a* или *Arṣabi(j)a (Ar-za/ṣa-bi-a*, анн., 115; ПА, 239, 254; *Ar-za/ṣa-bi-ja-a*, HABL, № 198, стк. 12, 16), по Э. Герцфельду (1935, 18 sq., AMI, VII, 114–117; 1947, 736 sq.), иран. **Arzifya-*, причем он считал, что Арзабиа ассирийских текстов и есть гора *Ərəzifya-* Авесты (Яшт V, 45; XIX, 2). Выше уже несколько раз отмечалось, что независимо от возможности такого непосредственного отождествления, те же топонимы, которые известны по Авесте, могли существовать независимо от нее и в Западном Иране (либо как фигурировавшие в древнейших слоях иранской эпической традиции, либо просто в результате аналогичного образования географических названий). Так, определенно не может быть следствием деятельности «злокозненных» магов по переносу авестийских топонимов на запад название реки Раздан (арм. *Razdan* < *Hrazdan*

* О шаманизме у древних иранцев см. также: Бонгард-Левин, Грантовский, 2001 [1974], с. 98–155 (= Bongard-Levin and Grantovsky, 1980, p. 71–117; Bongard-Levin et Grantovskij, 1981, p. 70–112), Gignoux, 1979.

< иран. *Frazdān(u)*, ср. авест. *Frazdānu-* с обычной локализацией в Систане), текущей из северо-западного угла оз. Севан через район Еревана в Аракс. Передача иран. **Arzif(i)ya-* ассир. *Arzabi(i)a*, с *b* для *f* и *a* для *i* рядом с трудным для ассирийцев согласным представляется возможной (ср. с. 87–88); *a* вместо *i* (а также *b* для *f*, ср. ниже) могло бы объясняться и бытованием названия в урартском, где наблюдается чередование гласных *i* и *a* (ср.: УКН, 47).

Вместе с тем И.М. Дьяконов (АВИИУ, № 50, 14, примеч. 12) сравнивает название горы Арцабиа с урарт. *arṣibi* «орел» (на стеле Менуа из Сикеха: УКН, № 110), сопоставляемым им и Г.А. Меликишвили с арм. *arciv*, *arcvi* и груз. *arçivi* 'орел', которые рассматриваются как заимствованные из урартского (Дьяконов, 1951; Меликишвили, 1954, 325). Но при этом названные авторы не учитывают и.-е. параллели к этой группе слов. Арм. *arcvi*, *arciv* давно сравнивали с иран. *ɣzifya-* и вед. *ɣjipyá-*, а позже также с греч. αἰγυπιός (< *ἀργυπιός, на связь с арийскими формами указал Brugmann, 1905, 361, 362; см. также у Ю. Покорного, В. Пизани, Г. Зольта и др.). Происхождение армянского слова объяснялось по-разному — от собственно армянского развития и.-е. праформы (Hübschmann, 1897, 424, 425, — из арм. **arcivi*; Benveniste, 1930, 81, — из арм. *arcui*, с возражениями против возведения Ф. Андреасом арм. **arcivi* к ср.-иран. *arziwi*[?]; Solta, 1960, 289 sq. — как одна из греко-армяно-арийских изоглосс) до позднего заимствования из иранского (F. Andreas — см. Sarre, 1903, 354 — из ср.-иран. **arziwi*, с возражениями против положения Г. Гюбшмана). Предполагалось также раннее заимствование из иранского (Szemerényi, 1951, 69–71, 570, учитывая возражения Э. Бенвениста Ф. Андреасу, но считая все же, что арм. *arcui* < **artsuwi(ya)* восходит к иран. **ardzufiya-*) или из арийского (Porzig, 1954, 161, 162: еще в период соседства ариев с предками армян в Северном Причерноморье). Каждая из указанных трактовок встречает определенные трудности, а непосредственное (во всяком случае, позднее) заимствование из иранского исключено. При всех этих толкованиях не учитывается урарт. *arṣibi* (с *b* для *v*), а обычно и груз. *arcivi* (отмечавшееся уже Г. Гюбшманом).

Упомянутое индоевропейское слово наиболее широко представлено в иранском, в нем также отражены два возможных варианта праформы: **rǵi-pi-(i)o-* (ср. вед. *ɣjipyá-*) и **rǵu-pi(i)o-* (ср. греч. αἰγυπιός). Первая засвидетельствована авест. *ərəzifya-*, восходящие к ней формы бытовали и в западноиранских языках, ср. у Гезихия: персидское слово ἄρξιφος (вместо *ἄρζιφος) — «орел» (ἀετός), т.е. иран. **arzif-*, а также «юго-западное» **ardif(i)ya-*: ἀρδίφιος [у Геродиана(?) — см. Tomaschek, 1883, 198, 199; ср., однако, Brthl.,

354]. Вторая форма, от **rġu-*, засвидетельствована лишь словами «юго-западного» облика, ср. н.-перс. *āluh*, курд. *āleh* и др. 'орел' и *ōloh* 'орлан', 'морской орел' в ришахри (по Ф. Андреасу, ср. выше). По н.-перс. *āluh* давно восстанавливали (ср. особо: Herzfeld, AMI, VII, 115 sq. — с топонимами от этого слова) ср.-перс. **arduf* > *āluf*, известное теперь по турфанским документам (''*lwf*, см.: Henning, 1937, 79). Др.-перс. **ṛduf(i)ya-*, **arduf(i)ya-* засвидетельствовано (см.: Benveniste, 1954б, 307) как имя в персепольских документах — элам. *Ir-tup-pi-ja* < **Ṛdufiya-* — и у античных авторов — 'Αρτύφιος, 'Αρτύβιος (имя ряда лиц из ахеменидской знати, см.: Justi, 1895, 40). То же иранское слово заимствовано в другие языки в значении «ястреб» (в Читрале: Tomaschek, 1883) и, возможно, «хищная птица», «коршун», «ястреб» (в венгерском и монгольском, ср. Szemerényi, 1951, с предположением северной иранской диалектной формы с *rd* и перехода *rd* > *l*, известного помимо персидского также в хотано-сакском). Авест. *ərəzifya-* обычно переводят «орел», но оно может обозначать и иную птицу, либо было общим определением крупной птицы (помимо названия горы *Ərəzifya-* встречается еще лишь *ərəzifyō.parəna* в Яшт X, 39, 101 и Видевдат, XII, 9 как определение стрелы: имеющая оперение, снабженная перьями какой-то крупной птицы; среднеперсидский перевод дает даже «с петушиными перьями»). Вед. *ṛjipyá* — эпитет для *Çyená* (ср. авест. *saēna-*, *mərəγō saēnō*, ср.-перс. *sēn-murv*, птица Сен, Симург), определенно не орла, а мифического существа («сенмурв», «гриф» и т.п.). *Çyená* могло обозначать и любую хищную птицу — орла, сокола и др. Греч. αἰγυπτιός у Гомера — название ближе не определяемой крупной хищной птицы, позднее — 'коршун'. Таким образом, первоначально рассматриваемое слово могло употребляться по отношению к различным хищным птицам (и не было специальным обозначением орла), а также являлось эпитетом крупной (мифической) птицы в религиозно-эпическом языке.

Урарт. *arṣibi* может соответствовать иран. **arzif(i)ya-*. Иран. *f* могло передаваться через *b* клинописи либо непосредственно через урарт. *v*, для которого писалось *b* (см.: Дьяконов, 1958, 30–32, с примерами соответствий урартского графического *b*: *v* — *v* других языков, также урартский глагольный суффикс *-ibi*: *-ivi* = хурритское *-iffi* с *f*, отсутствовавшим в урартском). Окончание *-(i)ya*, не свойственное урартскому, упростилось в обычное для него *-i* (с также обычным добавлением *-ni*: *ar-ṣi-bi-ni*), причем в ассирийской передаче топонима Арзабиа, если он принадлежит к тому же слову, правильно отражено иранское окончание: *-iya*, *-ya* > ассир. *-iḫa*, *-ia*. Возможно и соответствие урартского звука (или звуков), передававшегося клинописными знаками для *ṣ* (урарт. *ṭs* и *ḏz* ?),

иранскому *z* = «персидскому» *d* (быть может, не исключено и раннее произношение *dz* = инд. *j* <* *ǵ*, ср. также у O. Szemerényi для того же слова: *«ardzufiya»*). И в некоторых других случаях иран. *z* соответствует *ṣ* переднеазиатских языков. Характерен пример с др.-перс. *Mudrāya* 'Египет', отвечающим обычному клинописному *Muṣri*, *Miṣri*, *Miṣir(ai)* и др. Каково бы ни было реальное произношение *ṣ* в аккадском, этот звук был в нем глухим (в древнеперсидском передавался через *č*), а не звонким, как в иран. *Mudrāya*/ **Muzrāya-* (передается, очевидно, и в ахеменидском эламском: *muiṣ-ṣa-ri-ia* и др. при более раннем элам. *Mi-is-ri* 'Египет'). Причем именно в хурритском во II тысячелетии до н.э. соответствующий звук в названии Египта был, по-видимому, звонким (ср. в письме Тушратты: *Mi-zi-ir-ri-e*, *Mizirre*; *z* здесь, очевидно, для *dz*). Поэтому не исключено, что западноиранское название Египта восходит к хурри-урартскому источнику (и определенно не к аккадскому).

Так как урарт. *arṣivi*, очевидно, действительно связано с армянским и грузинским названиями орла, причем эти названия определенно индоевропейского происхождения, то история данного слова в закавказских языках и его соотношение с иранским заключается либо в том, что в урартский слово было заимствовано из армянского и с иранским не связано (предположение о заимствовании в иранский из армянского, непосредственно или через урартский, естественно, невозможно), либо — при втором варианте — из иранского это слово проникло в урартский, а из последнего в другие закавказские языки (в грузинском *arçivi* сосуществует со старым, общекартвельского происхождения, названием орла: *orbi*). Помимо некоторых формальных моментов, быть может, свидетельствующих против непосредственного возведения арм. **arcivi* (ср. урартскую и грузинскую формы) к и.-е. праформе, можно привести ряд аргументов в пользу второго из указанных вариантов; ни один из них не является решающим, но в целом они, как кажется, позволяют предпочесть предположение о том, что в урартском слово восходит к иранскому (возможно, следует учитывать и реальное значение этих слов; хотя переход с общего определения или эпитета на название конкретной птицы и названия одной хищной птицы на другую вполне допустим, существенно все же то обстоятельство, что в конкретном значении «орел» рассматриваемые слова определенно засвидетельствованы лишь в армянском, грузинском и западноиранском; если же здесь следует предполагать вторичное единство, то оно указывает на влияние со стороны иранского). Рассматриваемое урартское слово засвидетельствовано в надписи конца IX в. до н.э. Пока не имеется никаких конкретных свидетельств о

присутствии армян, носителей индоевропейского предка армянского, на основной территории Урартского царства в IX–VIII вв. до н.э. Напротив, помимо данных об ираноязычном населении в пределах этого государства, в том числе в западной части Приурмийского района в эпоху, когда она еще не принадлежала Урарту, материалы второй половины VIII в. до н.э., относящиеся к пограничной урартской полосе между оз. Ван и Урмией, надежно свидетельствуют о восходящих к более раннему времени контактах иранского и хурри-урартского населения и о языковом и культурном влиянии первого на второе (см. № 64–67). Западноиранское **ṛzif(i)ya-*, **ṛduf(i)ya-* и пр. — не только обыденное название орла, но безусловно и слово эпического и официального языка. Оно же часто употреблялось и как личное имя (см. выше). Орел занимал важное место в идеологических представлениях западноиранских, в том числе персидских ахеменидских, племен, он изображался на войсковых штандартах и т.д. (см., например: Sarre, 1903). Западноиранское название орла в его разных диалектных вариантах было известно соседним народам, как об этом свидетельствуют данные античных авторов (см. выше).

Урарт. *ar-ṣi-bi* засвидетельствовано в надписи Менуа как кличка коня, на котором урартский царь совершил прыжок, примерно равный современному рекорду мира (см.: Дьяконов, 1951). Как уже говорилось, источники свидетельствуют, что лучших верховых коней разводили в восточных районах Урартского царства, причем это вполне определенно может быть отнесено за счет ираноязычного населения данных районов. Выше отмечались и отдельные факты, указывающие на то, что уже в рассматриваемую эпоху иранская коневодческая терминология заимствовалась в языки других народов Передней Азии, так же как во II тысячелетии до н.э. аналогичные термины из переднеазиатского арийского, из которого заимствовались также названия конских мастей и лошадиные клички. Армяне в IX–VIII вв. до н.э. еще не обитали в пределах Приурмийского района, и их во всяком случае еще не было в областях к северо-востоку и северу от оз. Урмия, где локализуется Арзабиа. Если этот топоним действительно связан (что представляется достаточно вероятным) с рассматриваемым урартским словом, то эта связь должна указывать на иранское происхождение обоих (к тому же, как отмечалось, окончание топонима также может свидетельствовать о его иранской принадлежности)*.

* Р. Цадок отмечает, что топоним Арцабиа/Арзабиа может быть и иранским, и хурритоурартским, указывая, что антропоним *Ár-za-bu-tú*, возможно восходящий к той же основе, вряд ли является иранским (Zadok, 2002, p. 107, 109). И в самом деле, греко-арийский этимон со значе-

В связи с топонимом Арзабиа можно еще указать на сравнение Э. Герцфельдом названия этой горы и горной области (по его мнению, иран. **Arzifya-*) с современным именем хребта Бозгуш, по Э. Герцфельду, *Bazquš*, персидско-тюркское образование от араб.-перс. *bāz* 'сокол' и тюрк. *quš*; правильнее, очевидно, *bozquš* (بزقوش) — целиком из тюркского: серая, или темно-серая, бурая (*boz*) птица, или сокол, кречет и т.п. (*quš*); *boz* входит в названия животных (бурый медведь и др.), ср. также *bozdoyan* 'серый сокол', 'кобчик'. Таким образом, тюркское название хребта: Сокол(-гора), Соколиная (гора) или от имени иной хищной птицы, что вполне соответствует древнему значению иран. **Ṛzifya-*. Как указывалось, Арзабиа входит в ту же горную систему, что и Бозгуш; она находилась на территории горных районов, именовавшихся Сангибути. Это название, очевидно, связано с названием Саханда, восточное продолжение которого — Бозгуш. Следует заметить, что современные топонимы — названия гор и рек Иранского Азербайджана и некоторых соседних районов (Мукринский Курдистан и др.) — в большой части тюрко-монгольского происхождения. Они покрывают древние названия, которые, когда есть соответствующие данные (например, раннемусульманских, иногда также античных и византийских источников и др.), оказываются иранскими (ср., например: Minorsky, 1957 — для южной части бассейна Урмии). Вместе с тем некоторые современные топонимы из северной части Иранского Азербайджана удается связать с засвидетельствованными уже текстами VIII в. до н.э. (см. № 37, 60, 61, 62). Данные топонимы, по-видимому, иранского происхождения, причем это непосредственно подтверждается, если само сопоставление современных и известных по ассирийским источникам топонимов оправданно (соответствующие отождествления основаны на общепринятых локализациях). Эти названия известны и по армянским источникам, причем их передачи (Тавреж и др., Сохунд) подкрепляют сопоставление современных и известных по ассирийским текстам топонимов, а также их иранское толкование. Для районов далее к северо-востоку армянские источники сохранили, в частности, раннюю форму имени Ардабиля — *Artavet*; это название (см. о нем: Minorsky, 1930) определенно иранское, причем отражает религиозное словоупот-

---

нием «орел» — старое заимствование из северновосточнокавказских языков, к которым относились и хуррито-урартские (ср. пранахское **ʔārçiw* 'id.') (Дьяконов и Старостин, 1988, с. 184; подробный анализ северновосточнокавказских форм см. в: Nikolayev and Starostin, 1994, p. 370–371). Сложность в том, что в интересующую нас эпоху это слово независимо от изначального происхождения было в такой же степени иранским, в какой и хурритским, что затрудняет лингвистическую атрибуцию содержащих его топонимов.

ребление, как и некоторые из рассмотренных топонимов при предложенном выше толковании.

В этой части Сангибути, где находилась Арзабиа, как и в соседнем районе Улху — Сардурихурды, к концу VIII в. до н.э. уже прочно обосновались урарты, имелись их крепости, царский храм и дворцы. Среди названий укрепленных пунктов, сохранившихся в тексте (ПА, стк. 235–239), имеются определенно неиранские и, быть может, урартские, но некоторые, как, например, *Ḫurnuku*, *Ḫardania*, *Zirma*, *Kinaštania* и др., вполне могут быть иранскими (так, *Ḫurnuku* может точно передавать иран. **Xᵛarnuka-*, от *xᵛarnah-* = *farnah*[*]; для формы **Farnuka-* ср. с. 288, 299; определение «фарновский» часто прилагается к странам, горам, рекам и т.д., ср. также ниже об упоминающейся в ассирийских текстах под 713 г. до н.э. местности *Parnuatti* < иран. **Farnahvati-* = авест. *Xᵛarənahvaiti-*).

Как уже указывалось, после Уишдиша и Зикирту (к востоку от Урмии) для областей далее к северу, примыкавших к оз. Урмия, до местностей к северо-западу от него личные имена не засвидетельствованы. Выше были рассмотрены некоторые топонимические материалы с территорий до района Котура. Но к западной части Приурмийского района (на севере по крайней мере до того же Котура) должна относиться часть имен правителей списка 820 г. до н.э., где наличие значительного числа (или большинства) иранских имен бесспорно (иранские, очевидно, и имена правителей в районе Котура, и, по-видимому, в соседней с ним местности, вероятно, также называвшейся по-ирански, см. № 25, 26, 36, 37). Позже территория к западу от Урмии (возможно, за исключением крайних на юге районов) прочно входила в состав Урартского царства, и ономастические данные для нее отсутствуют (нет их и в урартских текстах). Имеются, однако, единичные, но весьма существенные материалы второй половины VIII в. до н.э., относящиеся к ассиро-урартской пограничной полосе (примерно между юго-западным углом Урмии и районами южнее оз. Ван). Там еще сохранялись отдельные владения, в частности Хубушкиа и Мусасир. Оба известны уже с первых десятилетий IX в. до н.э. и существовали, очевидно, значительно ранее. Политически и территориально Хубушкиа (лежавшая по Большому Забу, ср. с. 147–148) представляла более значительную единицу. Значение же Мусасира определялось в основном тем, что он с

[*] Как справедливо отмечает Р. Цадок, *Ḫurnuku* не может отражать иранское **Xᵛarnah-*, поскольку форма с начальным *Xᵛ-* появилась в западноиранском сравнительно поздно, как ученое заимствование из авестийского в среднеперсидский (Zadok, 2002, p. 107, 109) (но может восходить к иранскому **Xᵛar-* «солнце»). Подробнее об этом см. примеч. к с. 179.

давних пор был главным центром почитания бога Халди, культ которого был широко распространен у населения ряда соседних областей и который являлся и верховным богом Урарту. Посещению царями Урарту Мусасира (урарт. Ардини) и принесению ими там жертв Халди и посвящены урартско-ассирийские билингвы Келяшина (Ишпуини и Менуа) и Топузавы (Русы I). В районе этих надписей — между Ревандузом и Ушну — и находился Мусасир (вторая распространенная локализация — в верховьях Большого Заба, — очевидно, не может быть принята, а на всю территорию между этими двумя районами Мусасир определенно не мог распространяться). В текстах времени Саргона II упоминаются царь Хубушкии (под 715 и 714 гг. до н.э.) и царь Мусасира. Имя первого, *Ianzu*, представляет титул («царь») касситского происхождения (ср. с. 145 и сл.). Имя царя Мусасира, Урзана, рассматривается ниже. Кроме того, засвидетельствованы имена еще нескольких лиц из ассиро-урартской пограничной полосы, известных по письмам ассирийской царской корреспонденции прежде всего как ассирийские агенты, извещавшие о положении дел в Урарту и на границе; эти лица происходили из местного населения и, возможно, также являлись мелкими владетелями. Для юго-западной части Приурмийского района помимо списка 820 г. до н.э. единичные ономастические данные известны еще и несколько ранее, для 828–827 гг. до н.э. Ираноязычный элемент по этим данным надежно засвидетельствован, в частности, именем Артасари (№ 8, ср. также топонимы № 10, 11 и для конца IX в. до н.э. данные об урарт. Паршуа у южных берегов Урмии). Это имя происходит из местности, которая (в случае чтения ее названия как «Бурдира»), как указывалось, может соответствовать одному из «городов» («Бурдир»), упоминаемых в анналах Саргона II под 712 г. до н.э. среди пунктов, укрепленных «против Урарту». Так как к этому времени урарты понесли существенные территориальные потери в районах у южной части оз. Урмия (в 715 и 714 гг. до н.э.), «Бурдир» (если он соответствует «Бурдире») должен был находиться где-то недалеко от Мусасира.

64. *Urzana* — имя царя Мусасира (*Ur-za-na*, во многих надписях, в некоторых по нескольку раз, см. анн., стк. 121–128 по KS, ПА, 309–425, в ассирийском и урартском текстах Русы I у Топузавы; встречается также в обзорных сводках Саргона II, например: ПН, стк. 72; все эти тексты, как и упоминаемые ниже письма царской корреспонденции, относятся ко времени до 714 г. до н.э. включительно; известна также «печать Урзаны, царя Мусасира» с надписью на аккадском языке, ср.: АВИИУ, № 48; имя упомина-

ется также в письмах HABL, № 112, 891, 1048, 1079, 1196, 409, 768 — два последних от самого Урзаны; в письмах наряду с обычным *Ur-za-na* по одному разу встречаются написания: *Ur-za-an-na* в № 1079, *Ur-za-na-a* в № 409, *Ur-*[*za-*]*ni* «к Урзане» в № 112; все они приведены у: Tallqvist, 1918, 244; Eilers, 1940б, 218; не отмечалось, однако, существенно важное написание в HABL, № 1196: *Ur-za-a-ni* «Урзаны»; так как *za* в обычном *Ur-za-na* одинаково возможно для *ză* и *zā* произношения, приведенное написание с *za-a* может указывать, что *a* во втором слоге имени было долгим). Имя может соответствовать иран. **Varzăna-*, определенно представленному в имени правителя местности у западных границ Мидии (см. с. 328) — *Uarzan* (*Ú-ar-za-an*, список 713 г. до н.э., стк. 19); *u-*, *ua-* для иран. *va-* обычны, чаще даже встречается *u-* (но ассир. и урарт. *Urzana* может отражать и иранское произношение **Vṛzăna-*). Сходству имени Уарзан, признаваемому всеми авторами иранским, с мусасирским Урзана придавали значение П. Рост (1897, 112, 113), Г. Хюзинг (ср.: Streck, 1901, 357), Ф. Кёниг (1934, 56), В. Эйлерс (1940б, 218, 219). В свод Ф. Юсти мусасирское имя не включено в отличие от имени «мидийского князя *Warzan*» (Justi, 1895, 357). М. Штрекк (1901, 357), возражая Г. Хюзингу и П. Росту, сомневался в возможности иранского происхождения имени Урзаны. Имя *Uarzan* И. Шефтеловиц (1902, 275), Эд. Мейер (1908, 5), К. Таллквист (1918, 238), как и П. Рост, М. Штрекк и другие, сравнивали с Βαρζάνης, рассматриваемым ими как иран. *varzāna*, ср. авест. *varəzāna-* в значении «Schutz», «Schützling», «Schutzverwandter», «Nachbar», согласно устаревшему толкованию Ф. Юсти (1895, 65, 517) авест. *varəzāna-* и его же объяснению имени Βαρζάνης и второй части -βαρζάνης в ряде имен также ахеменидского времени (и некоторых имен со второй частью действительно от *varz-*, см. ниже); но греч. β здесь, очевидно, для иран. *b* (*barz-*, ср. под № 14, 22, ср. также: Eilers, 1940б, 219). Ф. Кёниг (1934, 56) сравнивал имя *Uarzan* («похожее» на *Urzana* из Мусасира) с именами *Wardan*, *Wardanes*. Г.А. Меликишвили (ср.: УКН, 89) считает, что *Urzana* — мусасирская диалектная форма, соответствующая урарт. *Rusa*, но это мнение неприемлемо, что уже отмечалось И.М. Дьяконовым. Но сам И.М. Дьяконов отвергает возможность наличия в Мусасире иранского элемента (имя же Уарзан из списка 713 г. до н.э. отмечается им как возможно иранское, ср.: Дьяконов, 1956, 221, 222). Возможность иранского происхождения имени царя Мусасира не учитывается и в других работах последних лет. Но это имя достаточно надежно может быть отнесено к иранским. Как таковое оно находит прямые параллели в иранской, в том числе и именно в древней западной, ономасти-

ке, а наличие в VIII в. до н.э. в Мусасире и соседних районах ираноязычного элемента подтверждается независимыми данными. Имя **Varzăna-* (**Vṛzăna-*) образовано от *varz-* (*vṛz-*) 'действовать', 'делать', 'стараться', 'совершать' и т.п. Для Западного Ирана оно засвидетельствовано, как отмечалось, уже ассирийскими текстами, его носил современник мусасирского царя, происходивший из районов у западных границ Мидии. Определенно то же имя (разных лиц) известно для ахеменидской эпохи по вавилонским документам VI–V вв. до н.э.: *Ú-mar-za-na-'*, *Ú-ma-ar-za-nu* (ср.: Eilers, 1940б, 218, 219), с частым в вавилонском *uma-* для иран. *va-* (ср. с. 104). Возможно, от того же слова, но в «юго-западном» оформлении, от *vard-* = *varz-* (ср. ниже о др.-перс. *Artavardiya-*) образовано имя **Vardăna-*, распространенное в Иране и особенно широко в Армении; уже в ахеменидский период его носил перс, сатрап Кармании (ср.: Justi, 1895, 351 sq., там же ср. ср.-перс. *Vardanak* и др.). **Varzăna-* определенно представлено в скиф.'Οχοαρζάνης < **Vahuvarzăna-*; по Ф. Юсти и Л. Згуста (1955, 130, там же см. литературу), это имя соответствует авест. *vohvarəz-* 'делающий (совершающий) добро', по Вс. Миллеру, М. Фасмеру и В.И. Абаеву, уже к осетинскому значению 'любить' (*warzyn*); у В.И. Абаева (1949, 188, 225 и др.) **vahuvarzān* 'добролюб' (с активным значением *varzan* в отличие от осет. *warzon* 'любимый', 'любимец'). По В.И. Абаеву (там же), *varz-* 'любить' представлено и в некоторых других скифо-сарматских именах. Имена с *varz-* известны также в древнеперсидском, согдийском и т.д. Особо следует отметить, что помимо 'деятельный', 'энергичный' и т.п. (ср. еще авест. *varəz-*, *varəzayant-*, *vərəzvant-* и пр.) имя может иметь значение «деятельный» в служении богам, «действующий» с религиозным рвением, «добродетельный» либо «совершающий деяние» (ср. авест. *varəza-* и др.) — благое в религиозно-моральном смысле, или исполняющий культовое или магическое действие (ср. также согд. *varz* 'чудо'). Образования от глаголов в значении 'делать', 'совершать', 'стараться' и т.п. легко приобретали такие значения, как, например, от *kṛ-* (инд. *kṛtya-* магическое действие и совершающий его, ср. под № 2, там же об иран. *Kartīr* 'деятельный', 'с действенной силой' или подобное), *yat-* (ср. с. 330 и сл.) и др. Глагол *varəz-* и образования от него в Авесте специально употребляются для обозначения действий, направленных на выполнение религиозного долга, угодных благому началу, в том числе в известной зороастрийской триаде: '(хорошо) думать', '(хорошо) говорить', '(хорошо) делать, действовать (*varəz-*)'; 'хорошая мысль', 'хорошее слово', 'хорошее дело, или хорошо сделанное' (*hvaršta-*, *hvaršti-*). *Varəzayant-* служит, например, определением Вохумана (см.: Ясна XV, 4), первой абстрактной

сущности Ахурамазды; ср. также в Яшт XV, 44 *vohū vərəzyāmi* ('я совершаю благо') рядом с *vohvaršte*. Упоминавшееся *vohvarəz-* от того же *voh(u)* 'добро', 'благо' и *varəz-* встречается, в частности, рядом с определением *ašaon-* «артовский». Такое употребление образований от *varz-* отражено и в именах. Так, скиф. **Vahuvarzān(a)* (ср. выше) сравнимо с приведенными авестийскими сочетаниями с *vahu-* и *varz-*; ср.-перс. *Varzište*, по Ф. Юсти (1895, 357), «деятельнейший (в делах религии и культуры)»; в ср.-перс. *Varzīd-dēn dēn* — 'вера', 'религия' (Ф. Юсти, 1895, 357, сравнивает это имя с авест. *Daēnava-rəzah-*, вариант вместо обычно принимаемого *Daēnavazah-* в Яшт XIII, 117); в первой части согд. *Bγw'rz* (ср.: Лившиц, 1962, 53) *baga-* 'бог' и т.д. Древнее западноиранское имя (VI в. до н.э.) *Artavardiya-* (др.-перс.) = **Artavarziya-* [вавил. *Artamarzi(ja)*, ср. арам. *'rtvrzy*] имеет примерное значение «с деянием (ср. авест. *vərəzya-*) согласно Арте», «(исполняющий) дело (угодное) Арте». Образование от *varz-* соединено с *Arta-* и в эпическом (засвидетельствованном в «Муджмил ат-таварих», но безусловно древнем) имени *Ašavarzan* (ср. Justi, 1895, 43, при, очевидно, неверном объяснении) < **Artavarzana-* (имя отца Ашаварзана — *Ašakēd* <**Artakaita*, ср. с. 305), ср. выше о **Vahuvarzān(a)* и др. Также и отдельное **Varzăna-* (помимо имени из Мусасира определенно засвидетельствовано под 713 г. до н.э. и в вавилонских документах VI–V вв. до н.э.) могло иметь подобное значение*.

Иранское имя царя Мусасира не свидетельствует обязательно о том, что он происходил из иранского племени (хотя и это возможно); как уже отмечалось, в рассматриваемую эпоху иранские имена появляются и в правящих родах, происходивших из старого местного населения. Древнее население Мусасира безусловно принадлежало к местной доиранской этнической среде. На это указывают и его древние связи с культом Халди, центром которого для населения ряда окружающих областей был Мусасир. Но тексты Саргона II упоминают рядом с Халди другое мусасирское божество — Багмашту или Багбарту (вариант чтения, имя пишется со знаком *maš/mas/bar/par*). На этом основании было выдвинуто положение, что в Мусасире почиталось божество с именем от иран. *baga-* 'бог' или целиком из иранского: Багамазда (впервые Tiele, 1886, 266). По П. Росту (1897, 86, 87, 111), Багмашту, т.е. Багмашта, — иран. Багамазда (для *zd* > *št* П. Рост указывал, в частности, на ту же передачу в элам. *Uramašta* 'Ахурамазда', те же примеры приводились И. Шефтеловицем и др.), это божество

* Иранскими признают имена *Urzana* и *Uarzan* также В. Хинц (Hinz, 1975, S. 272) и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 107–108, 127, 129).

«новых пришельцев» было поставлено рядом с местным Халдиа; отмечая, что во фрагменте призмы Саргона (К 1671+1668) Багмашту называется богиней, П. Рост полагал, что этому не следует придавать значения в связи с данными других текстов (со ссылкой на ПН, стк. 76: «Халдиа и Багмашту, боги его», т.е. Урзаны); иначе, по П. Росту, здесь имело место известное и в некоторых других случаях объединение в пару двух мужских божеств. О том, что Багмашту — божество иранского происхождения, писали также М. Штрекк (1899, 141), И. Шефтеловиц (1902, 275), Ю. Прашек (1906, 41) и некоторые другие авторы. Против этого категорически возражал Эд. Мейер (1908, 14, 15), указывая на определение «Багбартум» — «*ištar-šu* 'его богиня'» во фрагменте К 1668 и считая, что *-tum* в имени этого божества — семитское окончание женского рода; но и по его мнению *bag-* — это *baga-* 'бог', как и в имени Баг-Тешуб (см. № 66). Опубликованное в 1912 г. Ф. Тюро-Данженом «Письмо Ашшуру» с подробным описанием учиненного в 714 г. до н.э. ассирийцами погрома в Мусасире (см. стк. 309–414) подтвердило, что определение Багмашту как богини в упомянутом выше тексте не случайно; в «Письме Ашшуру» помимо этого Багмашту называется супругой Халди. Таким образом, по крайней мере ассирийцы считали Багмашту женским божеством; очевидно, и местное население Мусасира почитало Багмашту как женского двойника Халди. В работах последующего времени отождествление мусасирского божества с иранским встречается гораздо реже. По своеобразной точке зрения Ф. Кёнига, Багмашту — урартская богиня, супруга Халди, ее имя соответствует иран. *mazdā-*, но не является иранским; *mazdā* более поздняя иранизированная форма, а *bag* — доиранское обозначение «женской Иштар» (см.: RA, I, 391; ср.: с. 35 и König, 1938, 79–95). Но как убедительно показано Г.А. Меликишвили, женским двойником Халди и, очевидно, его супругой в урартском пантеоне была Арубани. Багмашту (или Багбарту) не упоминается среди божеств, называемых в различных урартских надписях, включая текст Мхер-Капуси (конец IX в. до н.э., УКН, № 27), перечисляющий огромное число урартских божеств, в том числе основных (Халди и других) и женских (Арубани и других), а также божеств ряда районов и городов Урарту. Характерно также, что в «Парадной надписи» (стк. 76 и сл.) Халдиа и Багмашту называются богами Урзаны и там же лишь один Халдиа — богом Урсы (Русы I). И в «Письме Ашшуру» говорится о Халдии как боге Урсы и Урарту, а при сообщении о богослужениях царей Урарту в Мусасире упоминается лишь Халдиа. Напротив, когда, говорится о богах Урзаны,

каждый раз последовательно называются и Халдиа и Багмашту. Из этих данных следует, что Багмашту божество не общеурартское, а мусасирское, а возможно даже почитавшееся лишь среди части населения Мусасира и окружающей территории, к которому принадлежал и Урзана. По Г.А. Меликишвили, имя Багмашту, иран. Багамазда, свидетельствует об иранском влиянии и проникновении в Мусасир иранского племени или части его; бог этого племени был отождествлен с супругой Халди Арубани и затем вытеснил в Мусасире ее урартское название (см.: Меликишвили, 1954, 161 и сл., 372; ср.: УКН, 420, 421; см. также: Лосева, 1962, 305, 308 и сл.). И.М. Дьяконов в рецензии на монографию Г.А. Меликишвили (см.: ВДИ, 1956, № 2) возражает против возведения имени Багмашту или Багбарту к иран. Багамазда; он сомневается и в том, что элемент Баг- здесь иранский. Не считает божество Багбарту иранским и Б.Б. Пиотровский (1959, 223 и др.). В собрании переводов ассирийских надписей (AR) Д. Люккенбиль во всех случаях читает «*Bagbartu*». В ряде работ по древней истории Западного Ирана (Дж. Кэмерона, И. Алиева и др.) и трудов по древнеиранским религиям как авторов, предполагающих распространение маздеизма в Мидии (Х. Нюберг и др.), так и тех, которые отвергают это мнение (И. Гершевич и др., ср. с. 37–38 и сл.), имя мусасирского божества вообще не упоминается.

65. *Bagmaštu(m)* или *Bagmastu(m)* ([AN]*Ba-ag-maš/mas/bar/par-tu/-ti/-tum*, ПА, 368, 385, 391, 423; ПН, 76; Ниневийская призма, фрагмент К 1668; стела на Кипре, 41) — имя божества, почитавшегося в синкретических ирано-хурри-урартских культах ассиро-урартской пограничной полосы; имя восходит к иран. **Baga-Mazdā* или *baga Mazdā*.

Элемент *ba-ag* в имени божества здесь не может вызывать сомнений, это иран. *baga-*; он надежно засвидетельствован и рядом личных имен из ассирийских текстов (все той же эпохи, времени Саргона II): Багдатти (с *ba-ag-*, вар. *bag-*, № 53), Багпарна (*ba-ag-*, см. с. 371), Багатуна* (см. под № 39), Багайа (в Бит-Багайа, № 73). Из них последнее определенно относится к местности западнее Мидии, а имя Багдатти (иран. **Bagadāta-*) происходит из области недалеко от Мусасира. Наконец, непосредственно к территории ассиро-урартской пограничной полосы относится имя *Bag-Tešup*. Это имя (№ 66) и следующее за ним (№ 67) определенно подтверждают положение об иранском религиозно-культовом влия-

* Правильное чтение — Багапарна; см. примеч. к с. 259.

нии и существовании смешанных ирано-хурри-урартских верований на указанной территории. Иран. *baga* часто относилось к Митре, в том числе и в Западном Иране. Но в западноиранском это слово употреблялось и в общем значении 'бог' (ср. с. 176), а также специально для обозначения Ахурамазды.

Ba-ag = иран. *baga-* в первой части имени определенно заставляет предпочесть из двух возможных для второй части чтение *-maš-tu(m)* для иран. *-mazdā*. Передача с ассир. *št/st* вполне допустима, тем более в имени, бытовавшем и в иноязычной среде, а также подвергшемся иноязычному местному (или также ассирийскому) осмыслению. В этих районах, в частности, определенно имелось население, принадлежавшее к тем же этническим группам, для языка которых не было характерно качественное противопоставление звонких и глухих смычных (ср. с. 100). При ассирийском восприятии *t* могло быть использовано и в связи с тем, что ассирийцы рассматривали это имя как женское (*t* — аккадский показатель женского рода); вообще окончание *-tu(m)* с *-u(m)* определенно аккадское, а не местное. Впрочем, считая имя женским, ассирийцы могли воспринимать как *-maštu(m)* и *-mazdā* оригинального произношения (об ассир. *š/s* для иран. *z* в *zd* имен от *Mazda-* см. под № 54)*.

Остается, таким образом, остановиться на том, почему иран. *baga* (или *Baga-*) *Mazdā* могло восприниматься как имя женского божества. Исходя из предлагавшихся объяснений (П. Рост, Г.А. Меликишвили), можно допустить, что бог проникшего в Мусасир нового племени занял место рядом с издревле почитавшимся Халди и, рассматриваясь в качестве его двойника, стал восприниматься как женский дублет Халди (тем более что он, очевидно, вытеснил божество, занимавшее место рядом с Халди и считавшееся его супругой). Это объяснение может, однако, отражать лишь внешнюю сторону процесса. Представляется все же возможным более определенно уяснить характер этого явления. Соответствующие материалы, особенно касающиеся иранских культов, требуют специального исследования. Здесь приводятся лишь некоторые из них, как кажется, достаточные для утверждения, что появление иранского по происхождению божества, определяемого как *baga* или собственно **Baga-Mazdā-*, в паре с дру-

---

* А. Фукс предпочитает чтение *Bagbartu* (Fuchs, 1998, S. 33, IV b-d, 54), но и при чтении *-maštu* возможны (и даже более вероятны, поскольку передача иранского *d* ассирийским *t* незакономерна) иные иранские этимологии, о чем сам Э.А. Грантовский писал в более поздних работах. Ср., например, имя *Bagamasta*, зафиксированное в документе IV в. до н.э. из Вавилона. Р. Цадок объяснял его вторую часть как **-masti*, «знание», а В.А. Лившиц — как **-vasta* «желанный» (Dandamayev, 1992, p. 55). Подробнее см.: Грантовский, 1998, с. 34–35.

гим, неиранским божеством, причем на месте его женского дублета, не должно вызывать удивления.

В античный период на Армянском нагорье, в Сирии, Малой Азии были широко распространены синкретические культы с большим удельным весом иранского компонента; в них, в частности, отождествлялись божества различных народов, в том числе Зевс, Бел, Ахурамазда. Эти боги почитались в одной культовой среде (например, рядом династов на указанной территории; Урзана Мусасирский в этом отношении может рассматриваться как предшественник таких правителей, как Митридат Каллиник и его сын Антиох из Коммагены, ср. особенно надпись последнего на горе Нимруд-даг: Ζεὺς Ὡρομάσδης и др.). В одной из надписей Арабиссона (в Каппадокии) II в. до н.э. фигурирует *Dēn-Mazdayasniš* (вера почитателей Мазды, религия Ахурамазды) в тесном единении с Белом (Зевсом) как его сестра и жена. Это отражает объединение культа Бела–Зевса с культом Ахурамазды, что засвидетельствовано и другими данными; именно Ахурамазда и должен был стоять рядом с Белом [так, по Р. Фраю (1963, 145) «'Религия маздаяснийцев' здесь эвфемизм для 'Ахура Мазда'»].

Для собственно иранской среды известны парные божества, представляющие тесное объединение мужского и женского начал, причем, выступая отдельно, и бог и богиня могли называться одним именем (ср., например, с. 322 и сл.: Кунди и Кунда, Тарви и ее мужской дублет, причем о боге с таким именем свидетельствуют и и.-е. параллели). Вместе с тем существовали иранские культы андрогинных божеств (что, очевидно, связано с указанным представлением о парных божествах). Таковым был и Зрван — верховное божество в некоторых иранских культах. Андрогинным (или парным, с женским соответствием) божеством мог считаться и Митра. Геродот (I, 131) непосредственно отождествляет Митру западноиранских верований с Афродитой-Уранией, ассирийской Милиттой и арабской Алилат. Обычно считают, что у Геродота Митра ошибочно назван вместо Анахиты. Но это мнение произвольно, а на основании анализа данного отрывка невозможно конкретно объяснить, как могла произойти такая ошибка (она определенно не может быть отнесена и за счет переписчиков). Очевидно, правы те немногие авторы, которые не считают это сообщение Геродота ошибочным. В.В. Струве (1944, 136 и сл.) писал, что Митра Геродота — женское божество, вернее андрогинное, в котором греческий историк усмотрел лишь женское начало. С этим В.В. Струве связывал сообщение анналов Саргона II (см. стк. 87, 88 по KS) о переименовании ассирийцами крепости Бит-Багайа (к Бага=Митра, по В.В. Струве) в Кар-

Иштар. Правда, нельзя утверждать, что новые ассирийские названия Кар-Набу, Кар-Син, Кар-Адад и Кар-Иштар действительно отражали характер божеств, почитавшихся в данных местностях. Но Бит-Багайа, очевидно, на самом деле была местным культовым центром (см. № 73). Геродот по существу также отождествляет Митру с Иштар, *Ištar — Muwalidtu*: *Mylitta* (ср.: Nyberg, 1938, 370, 478, при обычном мнении, что Милитта соответствует Анахите). В текстах Саргона II Багмашту определяется как *ištar* (а например, не *iltu*) во фрагменте K 1668 (ср. выше), а также и в «Письме Ашшуру» (стк. 368 в идеографическом и стк. 423 в фонетическом написании: ^{AN}*iš-tar*); возможно, здесь следует иметь в виду конкретную богиню (Иштар), а не богиню вообще.

Афродитой-Уранией Геродот (I, 105) называет также божество Аскалона (в Сирии), причем в непосредственную связь с этой «Афродитой» ставит происхождение скифских энареев, представителей скифской культовой корпорации (по Гиппократу, анареи — знатные и богатые скифы — мужчины, одевающиеся в женское платье и говорящие по-женски; это бесспорно отражение культа типа шаманского). В другом месте Геродот (IV, 67) прямо называет энареев обоеполыми существами, андрогинами, и снова в связи с Афродитой, давшей им искусство гадания [скифская Афродита-Урания, Аргимпаса Геродота (IV, 59), соответствует «плешивой богине» изображений из скифской Евразии]; ἐνάρεες, ἀνάριες; к иран. *a-nar-*, **anarya-* 'не мужчины', 'не мужественные'. Напомним также, что в Греции рано возник (при связях с восточными религиями) культ Гермафродита, изображавшегося в виде бородатой Афродиты (в Галикарнасе, на родине Геродота, храм Гермафродита существовал по крайней мере в V в. до н.э.).

О том, что Митра в определенных культовых кругах представлялся как андрогинное и мог иногда выступать как женское божество, свидетельствуют и многие другие данные, причем представления об андрогинной сущности божества в культе Митры находят параллели в других частях иранского мира и имеют индоевропейские корни. Здесь, однако, достаточно констатировать, что андрогинные и одноименные парные божества почитались у западноиранских племен (что могло быть также и результатом религиозных влияний старого местного населения).

На ряде изделий из археологических комплексов Западного Ирана и Армянского нагорья IX–VII вв. до н.э. изображены андрогинные или парные, выступающие то в мужском, то в женском образе, божества. Эти изделия входят, в частности, в круг памятников, которые, по Р. Гиршману, принадлежат к «ирано-урарт-

скому койне» (ср. с. 51). Известны они и среди луристанских бронз. Одно из таких божеств, представленное на нескольких луристанских изделиях, Р. Гиршман (1958а) по более подробному сюжетному изображению отождествляет с «Зрваном». Независимо от возможности этого непосредственного определения, данный сюжет и детали изображения делают весьма вероятной связь с иранскими культами. Но во всяком случае и независимо от конкретных этнических атрибуций почитание на территории к востоку и северу от Ассирии, от Луристана до Урарту, андрогинных или дублетных мужских и женских божеств непосредственно подтверждается и археологическими данными.

Указанные моменты безусловно способствовали или непосредственно определили возможность почитания в Мусасире божества с иранским именем *baga(Baga-) Mazdā* рядом с Халди в качестве его женского дублета. Это могло быть лишь результатом синкретического восприятия чужого божества в культовой среде, где также почитались андрогинные и парные божества. Но и в определенных западноиранских верованиях то же божество, подобно Митре или Зрвану или как Кунда и др. (ср. также с. 323 о паре Тарви–Зарича и пр.), могло рассматриваться как андрогинное или иметь свой одноименный женский дублет.

Вместе с тем имя мусасирского божества указывает на почитание в собственно иранской среде бога с именем Мазда. Также для VIII в. до н.э. об этом свидетельствуют личные имена по крайней мере четырех правителей, из которых во всяком случае один происходил из области к западу от Мидии (см. под № 54). О раннем распространении маздеизма в Западном Иране и на Армянском нагорье свидетельствуют и другие данные (ср., в частности, с. 330–331; в связи со сведениями о мусасирском божестве особенно интересно, что на Армянском нагорье Ахурамазда выступает рядом с Кунда, т.е. с одним из божеств, в западноиранских верованиях имевших женский дублет).

66. *Bag-Tešup/b* (*Bag/pak/ḫu-Te-šup/b*, HABL, № 139, 215, 252, об., 5; *Bag-Te-šu-pu/bu*, HABL, № 139, об., 8) — имя ассирийского агента или зависимого владетеля в ассиро-урартской пограничной полосе, упоминаемого в письмах, информирующих о положении на территории от Шуприи до Маны. Имя состоит из *bag*, иран. *baga*- 'бог' и *Tešup/b* — имени хурритского бога (урарт. *Teišeba*): '(почитающий) бога Тешуба', '(данный) богом Тешубом' или подобное. Для этого имени на иранское происхождение элемента *Bag*- указывали М. Штрекк (1899, 141), Эд. Мейер (1908, 14, 15) и др. (ср. также: Дьяконов, АВИИУ, № 50, 16, примеч. 1). Некоторые со-

мнения (ср. у И.М. Дьяконова, там же) высказывались в связи с тем, что первый знак имени наряду с *bag* можно читать и как *ḫu*. Но это чтение не дает никакого смысла. Перед именем божества следует определенно предпочесть *bag* (ср. бесспорное *ba-ag* в имени божества Мусасира, который был расположен недалеко от тех мест, где подвизался Баг-Тешуб). Собственно иранские имена с *baga-* были перечислены выше под № 65, ср. особо Багпарна и Багдатти (№ 53, с *bag*, вар. *ba-ag*).

Сомнения в возможности существования таких смешанных имен, а также синкретических урарто-хурри-иранских культов в ассиро-урартской пограничной полосе должны быть окончательно устранены и в связи с тем, что теперь известно еще одно подобное имя в тексте ND 2673 из серии новых писем ассирийской царской корреспонденции, найденных в 1952 г. в Калху (см.: Saggs, 1958, 196 sq., pl. XLI). Эта группа писем датируется временем между 740–705 гг. до н.э. Из упомянутого текста следует, что он написан в год похода на Урарту, когда ассирийцы угрожали ее столице Турушпе (урарт. Тушпа), следовательно, либо при Тиглатпаласаре III, либо при Саргоне II в 714 г. до н.э.; более вероятно первое (ср.: Saggs, 1958, 211). В письме упоминается некий Парни-алди, ассирийский агент, находившийся в пограничном районе, сравнительно недалеко от Турушпы. Как отмечено издателем, указанное имя «халдо-иранское», образованное от иран. *parna-* и *al-di-e* для *Ḫaldi* 'Халди' (Saggs, 1958, 197, note).

67. *Parni(Parna)-aldi/e* (ND 2673, лиц., стк. 14: ^{I}*pa-*⌊*ar*⌋*-*⌊*ni*⌋*-al-di-*⌊*e*⌋, об., 1: [... *pa*]-⌊*ar*⌋-[*ni*]-*al-di-e*, об., 11: ^{I}*pa-ar-ni-al-di-e*, об., 15: ^{LÚ}[*pa-ar-n*]*a!-al-di-e*). *Parni/Parna* для иран. *farnah-*, встречающегося в ассирийских текстах в написании *parnu/i/a* (с *pa-ar-* или, реже, *par-*) в ряде иранских личных имен VIII в. до н.э. (см. с. 371–373, 375–376), в частности в сочетании с *baga-* (*Bagparna*) и *ahura-* (*Auriparnu*) и VII в. до н.э. (см. с. 255, 373 и сл.), а также в некоторых топонимах (ср., например, с. 339); *-i-* в *Parni-* рассматриваемого имени может быть и результатом бытования слова в хурри-урартской среде (тематический гласный *-i*). *Farnah-* — одно из важнейших религиозно-политических понятий иранской древности — 'небесная благодать' и т.п. (ср. с. 177 и сл.) также имя соответствующего божества (в данном письме в одном случае, об., стк. 15, перед *Parna-* стоит детерминатив божества, ср. в вавилонских документах ахеменидского времени, в которых в иранских личных именах иногда встречается детерминатив божества перед *Baga-*, *Mitra-* и др.). *Aldi/e* (ср. ассирийские написания имени этого бога, обычно *Ḫal-di-a*, как и в УКН, № 264, ассир., и *Ḫal-di-e*, ср. УКН,

№ 19, ассир.) — диалектный вариант к *Ḫaldi* 'Халди' (ср. ниже). В кругах, знакомых с иранской идеологией, имя могло бы значить: '(обладающий) фарном (от бога) Халди' или подобное.

Форма *Aldi-* 'Халди' встречается в первой части урартского текста Келяшинской билингвы (УКН, № 19) при обычном для всех других урартских надписей *Ḫaldi* во второй части того же текста (и *Ḫal-di-e* во всем ассирийском тексте). Г.А. Меликишвили (УКН, 82, сл.) указывает на фонетические и грамматические расхождения в этих двух частях урартского текста билингвы и на ряд различий между дважды повторяющимися текстами культовой надписи Мхер-Капуси (УКН, № 27), причем второй, повторный текст дает формы, обычные для других надписей, а представленные в первом находят соответствия в Келяшинской билингве (расположенной в районе Мусасира и составленной, по Г.А. Меликишвили, мусасирскими писцами). Основываясь и на некоторых других соображениях, Г.А. Меликишвили приходит к выводу, что особенности первой части урартского текста билингвы и первого текста Мхер-Капуси принадлежат мусасирскому говору. Форма *Aldi*, следовательно, бытовала в диалекте Мусасира или вообще в отличном от собственно урартского диалекте, распространенном в некоторых районах Урартского царства и пограничной полосы, в том числе и в Мусасире, и имевшем, в частности, специальное употребление в культовой сфере.

Имя Парни-Алди вышло, следовательно, из той же среды, в которой на территории Мусасира в тот же период рядом с Халди почитали Багмашту (в отличие от центров Урарту, где этот культ не был известен). Таким образом, по независимым данным устанавливается, что в VIII в. до н.э. в определенных районах на юге Урарту культ Халди был связан с иранскими верованиями; в этой культовой среде было, в частности, известно иранское представление о «фарне», бытовало иранское название бога — *baga*, а также возник синкретический пантеон, объединявший Халди с иранским божеством Мазда. Оба считались именно богами царей Мусасира (при Саргоне II и Русе I Урзаны, носившего, очевидно, иранское имя)*.

Следует заметить, что для указанного периода вплоть до времени, когда засвидетельствованы рассматриваемые имена (все не позже 714 г. до н.э.), в целом для данной территории не приходится говорить о политическом или культурном преобладании

* Р. Цадок, отмечая, что нам неизвестны гибридные ирано-урартские имена, предпочитает возводить первую часть имени *Parni-aldē* к хурритскому *parn-* «чистый» (Bagg and Zadok, 2002, p. 989).

иранского этнического элемента. Поэтому приведенные данные, свидетельствующие о взаимовлиянии иранского и хурри-урартского элементов, могут быть объяснены лишь тем, что в ассиро-урартской полосе обитали значительные группы ираноязычного населения, вместе с населением иной языковой принадлежности принимавшие активное участие в этнических и культурных процессах, проходивших на этой территории. Следует также заметить, что приведенные данные подразумевают присутствие иранских племен в этих районах по крайней мере не позже конца IX в. до н.э., так как уже во всяком случае во второй четверти VIII в. до н.э. (а вероятно, и много ранее) были налицо результаты упомянутого смешения религиозных верований (из данных «Письма Ашшуру» следует, что к 714 г. до н.э. культ Багмашту существовал в Мусасире по меньшей мере несколько десятилетий; Парни-Алди, действовавший, очевидно, при Тиглатпаласаре III, естественно, получил имя значительно ранее).

Таким образом, данные различного рода и относящиеся к разным периодам свидетельствуют, что ираноязычное население обитало в пределах Урартского государства, по крайней мере в его восточных (включая районы у западного берега Урмии, уже по данным IX в.) и южных частях, но, возможно, и в других районах, для которых, однако, не имеется данных из ассирийских текстов (возможно, что иранские племена проникли уже к началу IX в. до н.э. далеко к юго-западу, ср. № 4, 5). Иранские племена появились там еще до того, как области Армянского нагорья были объединены под властью Урарту. Первоначальное ядро этого государства лежало у северных и восточных берегов оз. Ван. Это был центр собственно урартских племен, которым, безусловно, принадлежала и основная роль в создании Урартской державы. Из их среды происходила и урартская династия (мнение о ее происхождении из индоевропейской среды и о соответствующей принадлежности всех или большинства урартских царских имен, как уже отмечалось выше, определенно несостоятельно). Но это не исключает возможности, что отдельные представители урартской династии носили иранские имена (как это имело место и в некоторых других неиранских по происхождению правящих родах). Так, имя *Argišti* (*Ar-gi-iš-ti* и пр.; Аргишти I правил в первой половине VIII в. до н.э., Аргишти II — в конце VIII — начале VII вв. до н.э., оба известны и по урартским и ассирийским текстам, см. УКН, 418, 419) пока не поддается урартскому объяснению, но очень близко к древнеперсидскому имени Ἀργήστης (Эсхил, Персы, 308). Правда, иранское объяснение последнего затруднено, но все же можно указать для него некоторые иранские параллели

(ср., например, с. 359; но и в том случае, если это имя по происхождению неиранское, оно может свидетельствовать о древних связях персов с Урарту).

К востоку от Ассирии при Саргоне II существовало еще одно значительное государственное образование — Элипи. Оно было менее могущественным, чем Урарту, Мана и Элам, но заметно выделялось среди соседних политических единиц (о стране Элипи см. с. 123 и сл.). Единственное известное в IX в. до н.э. имя из Элипи — *Barua* (см. с. 202 и сл.). При Саргоне II упоминаются царь Элипи Дальта и его сыновья от разных жен (см.: ПН, стк. 117 и сл.): Нибе, по смерти Дальты поддерживавшийся эламитами, и Ишпабара, в 708 г. до н.э. с помощью ассирийцев ставший царем, но к 702 г. до н.э. уже действовавший против них (ср. с. 128); в надписях Синаххериба его имя пишется Испабара (это единственное личное имя с интересующих нас территорий, упоминаемое в анналах Синаххериба), а в письме HABL, № 174 времени Саргона II — Ашпабара. В этом же письме упоминаются Кибакашше (или Кибабише) и Дасукку — мелкие правители из областей Элипи (или «претенденты на раздел наследства после смерти Дальты» — Дьяконов, 1956, 223). К Элипи должно быть отнесено еще одно личное имя, упоминавшееся в анналах под 713 г. до н.э. В издании Г. Винклера в описании этой части похода 713 г. большая лакуна, где различимы лишь отдельные слова и начало имени Azuk-. Далее в тексте говорилось о восстановлении власти Дальты в Элипи после подавления ассирийцами восстания против него. Согласно дополнениям А. Олмстеда (1931), в тексте встречается имя Азукта, упоминавшееся по крайней мере два раза: [^{I}*A-zu*]-*uk-tú* ^{URU}*Ḫu-ba-aḫ-na*[*-a-a*] (зал V, 14, 5) и ^{I}*A-zu-uk*-[*tu*] (зал V, 14, 13). Между этими строками, по чтению А. Ольмстеда, упоминается Элипи; уже из этого можно предполагать, что Азукта — правитель Хубахны в Элипи. Во фрагментах призм Саргона II из Калху, опубликованных в 1954 г., хорошо сохранилось описание событий 713 г. в Элипи (изд.: Gadd, 1954, «призмы D и E», стб. III, 42–53); пять провинций (областей) Дальты восстали против него и отказались платить подать Ассирии; они были разгромлены ассирийцами, которые взяли крепость восставших Хубахна (стк. 47: ^{URU}*Ḫu-ba-aḫ-na*) и еще 25 «городов». Из сличения приведенных данных ясно, что Азукта был главой восставших против Дальты и Ассирии.

Из перечисленных выше личных имен *Daltā/Taltā* (*Da-al-ta-a*, *Dal/Tal-ta-a*, *Ta-al-ta-a*, во многих текстах времени Саргона II), *Nibē/ī* (*Ni-bi-e*, анн., стк. 404 по KS, ПН, 118, HABL, № 159) и *Kibakašše*, или *Kibabiše* (*Ki-ba-bi/kaš-še*, HABL, № 174), очевидно, неиранские,

хотя давно предлагались иранские объяснения [см. у Ф. Юсти (1895, 77, 229), К. Таллквиста и др., ср. с. 105] для имени *Dalta* — **Dartar-* 'держатель', 'хранитель' (царства) и т.п., а также для *Nibi/e* к др.-перс. *naiba-* 'прекрасный', 'хороший' (тогда было бы **Naibya-*, ассир. *Nibē/ī*). Однако передачу *r* > *l* (*Dalta*) в данном случае, как и обычно, трудно оправдать, а чередование *d/t* (не являющееся и ассирийским) свидетельствует во всяком случае о бытовании имени в неиранской среде (написание с *Ta-* ср., например, ПА, стк. 42); имя *Taltā*, по-видимому, хурритское*. Также имя *Nibē/ī* может иметь параллели в древней переднеазиатской ономастике (в частности, касситской, ср., например: Clay, 1912, 186)**. Остальные три имени рассматриваются ниже.

68. *Išpabāra* = *Ispabāra* = *Ašpabāra* (*Iš-pa-ba-a-ra*, анн., стк. 404, ср. 407 по KS, ПН, 118, 119, 121; *Is-pa-ba-a-ra-*, в надписях Синахериба при трафаретном описании похода 702 г. до н.э., см. AS, 28, 59 и др.; *Áš-pa-ba-ri*, HABL, № 174). Известен по крайней мере еще один правитель с тем же именем — из владения Каккам по списку 713 г. до н.э. *Ašpabara* (стк. 20: вместо *Áš-pa-an?-ra* в издании читать *Áš-pa-ba-ra*, см.: Streck, 1901, 357; Дьяконов, 1956, 221). *Ašpabara* (вероятно, один из двух вышеназванных) упоминается еще в письме HABL, № 645 (*Áš-pa-ba-ra*). Иран. **Aspabāra-* — 'всадник', ср. др.-перс. *asabāra-*, др.-инд. *aśvavāra-* (из иранского), хот.-сак. *aśśabara* и пр. 'всадник'; ср. с. 303–304 (в частности, об именах в этом значении) и 246. Иранские слова в значении «всадник» могли употребляться и как титул и социальный термин (помимо продолжений др.-перс. *asabāra-*, в том числе араб. *al-asawiratu* — сасанидская знать, ср. также **bārtar-* > авест. *bāšar-* в Ясна XI, 1 — член касты военной аристократии вместо обычного *raθaeštar-* 'колесничий')***.

69. *Dasukku* для иран. **Dasuka* (см. под № 54).

70. *Azuktu* (*A-zu-uk-tú*, см. выше), очевидно, также иранское имя, по-видимому **Azauxta-*. Передача иран. *x* > акк. *k* встречается часто, перед согласными по крайней мере не реже, чем *x* — *ḫ* (см. с. 100, ср. также: Eilers, 1962, 56, в частности специально для примера с вавил. *-kt-* для иран. *-xt-*, *takta* для *-taxta*); быть может, не исключено и иранское диалектное произношение, с *-kt-* вместо

---

* Ср. также: Fuchs and Schmitt, 1999o, p. 373.

** Об этих именах см.: Zadok, 2002, p. 127, 130.

*** Иранская этимология имени *Ašpabāra* сомнений не вызывает. См.: Fuchs, Gesche and Schmitt, 1998, p. 143; Zadok, 2002, p. 127, 129.

обычного иран. *-xt-* = инд. *-kt-*; ср. также греч. 'Αρταΰκτης (V в. до н.э.) для иранского имени с тем же словом: *uxta*, авест. *uxδa-* и др., др.-инд. *uktha-* 'сказанное', 'слово', 'речь', 'изречение', 'приговор' и т.д., в некоторых авестийских текстах (ср.: Nyberg, 1938, 166) синонимично с *sangha-* 'повеление', 'решение' и т.п. Иран. *uxta-*, инд. *uktha-* представляют вторую часть многих сложных слов, являются также важным термином официального и религиозного языка (ср. также авест. *hūxta-* 'доброе слово' и пр.). В соединении с *Arta- uxta-* составляет древнеперсидское имя 'Αρταΰκτης (сатрап при Ксерксе, внук перса Артембара, современника Кира Великого, ср.: Justi, 1895, 38, 39); оно, возможно, входит и в название мидийского племени Στρούχατες (**Stra-uxta* «крепкие словом» — Дьяконов, 1956, 146; но предлагались и иные этимологии). В первой части, по-видимому, *Āza-* 'вождь' и т.п., ср. под № 52 — имена из разных частей иранского мира, а также др.-перс. **Āzaka-*. Возможное значение имени: '(выносящий) решение, или (отдающий) повеление (как подобает) вождю', '(произносящий) слово вождя'*.

На территории между Маной на севере и Элипи на юге еще сохранялись отдельные владения (в основном мелкие политические единицы). В 716–715 гг. до н.э. в результате завоеваний в областях к востоку от Парсуа и Бит-Хамбана (ассирийских провинций со времени Тиглатпаласара III) Саргоном II были созданы две новые провинции, Кишесу и Хархар. На их территории осталась значительная (или основная) часть местных правителей, за исключением владевших Кишесу и Хархаром (известны и ранее, ср. с. 204, 266), более крупными единицами, ставшими теперь центрами одноименных провинций. Под 716 г. до н.э. сообщаются имена их правителей: *Bēl-šar-uṣur* 'Белшарруцур' (Кишесу, анн., стк. 67 по KS; ПН, 59) и *Ki-ba-ba* (Хархар, анн., 70 по KS; ПН, 61). Первое имя аккадское, второе также неиранское (напоминает *Kibakašše* или *Kibabiše* из Элипи, ср. выше). Других личных имен с той же территории анналы и «Парадная надпись» не сообщают. Но в «Письме Ашшуру» приводится список 27 правителей, принесших дань в 714 г. до н.э., из них по крайней мере 17 — из местностей (в том числе упоминаемых в анналах и ПН под 716–715 гг. до н.э.) к западу от Мидии. Список 714 г. до н.э. (а частично и список 713 г. до н.э.) определенно указывает на широкое распространение и даже преобладание ираноязычного населения на этих территориях, а также в соседних западных районах Мидии. Следует заметить, что и в данном случае лица с

* Как Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1998i, p. 240), так и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 127, 130) считают имя *Azuktu* либо иранским, либо хурритским.

иранскими именами — это правители менее значительных, иногда мельчайших территориальных и политических единиц. Напротив, правители Кишесу и Хархара в 716 г. до н.э. и царь Элипи Тальта (упоминается с 716 г. до н.э.), открывающий список 714 г. до н.э., носили неиранские имена. Лица с иранскими именами безусловно происходили из населения местностей, которыми они правили, и определенно не являлись «кондотьерами» или владетелями, получившими лены за несение службы, например, от тех же правителей Кишесу, Хархара или Элипи. Вместе с тем нужно напомнить, что и фрагментарные данные предшествующих периодов (вторая половина IX в. и начало второй половины VIII в. до н.э.) определенно свидетельствуют о распространении ираноязычного населения на территории к западу от Мидии, между Маной на севере и Элипи на юге. Такие данные имеются, например, для Аразиаша (см. под № 7, 16 и особенно 47), в районе которого (теперь Область Речки или ее часть) по списку 714 г. до н.э. отмечены имена трех правителей, два бесспорно и одно очевидно иранское, а под 716–715 гг. до н.э. упоминаются топонимы, свидетельствующие о присутствии в этих местностях ираноязычного населения. Напротив, в таких областях, как Кишесу и Хархар, для которых и по более ранним сведениям можно предполагать население иной этнической принадлежности (или во всяком случае отсутствуют данные об иранском элементе), и в 716 г. до н.э. правители носили неиранские имена. Это означает, что данные времени Саргона II о широком распространении в этих районах ираноязычного населения отражают не появление новых групп иранских иммигрантов или обусловленное иными (например, политическими) причинами быстрое увеличение роли иранского элемента, а лишь его постепенное численное увеличение (очевидно, на основе проникших сюда много ранее племенных групп), либо это прежде всего объясняется тем, что материалы IX в. до н.э. весьма скудны (в отношении как иранского, так и старого местного населения) по сравнению с данными времени Саргона II.

Из упоминающихся под 716–714 гг. до н.э. топонимов с территории провинций Кишесу и Хархар значительная часть должна быть отнесена к неиранским по происхождению. Другие являются иранскими или вполне могут быть таковыми. Ряд названий известен еще для предшествующих периодов. Выше, в частности, рассматривались названия Аразиаш, Сигрис, Бит-Сангибути, как и появляющееся лишь в 716 г. до н.э. Уриакку, и др. Лишь при Саргоне II упоминается Хархубара/Хальхубара, очевидно, неиранский топоним, формы которого, однако, должны

свидетельствовать о его бытовании и в иранской среде, как и название Аранз(и)еш 716 г. до н.э. = Эрензиаш 744 г. до н.э. (см. под № 7). В соседних с Хархубарой местностях отмечены определенно иранские имена (см. № 74–76, 77 и сл.), а лежавший в тех же районах Аранзиеш входил в Область Речки с бесспорно иранским населением (№ 74–76, ср. № 72, 73). По списку 714 г. до н.э. отмечено несколько достаточно надежных примеров, когда иранские личные имена относятся к местностям с неиранским названием. Как и для некоторых топонимов, приводимых в анналах без указания личных имен, следует иметь в виду, что те или иные «страны» и «города» независимо от их реального обозначения у большинства местного населения в ассирийских текстах могли выступать под старыми названиями, употреблявшимися и древним местным населением этих районов. Ряд названий и их форм из ассирийских текстов должны, очевидно, следовать принятым в центрах провинций: Кишесу и Хархаре. В собственно же иранской среде, как отмечалось, те же области и города могли именоваться и совершенно иначе, либо сохранялись старые названия, при этом нередко в измененной форме или также с иранской этимологизацией (ср. под № 7 и др., в связи с приводившимся на с. 185 примером можно еще заметить, что и сам Аншан, очевидно, имел у персов также иное название — *Yadā*, см.: Бех., III, 26, ср.: Дандамаев, 1963, 186, 194 и примеч. 324).

Ниже из топонимов, упоминающихся под 716–715 гг. до н.э., рассматриваются лишь три впервые появляющиеся названия с Бит- (об известных ранее Бит-Сангибути и др. см. выше). Во второй части они определенно имеют (№ 72, 73) или могут иметь (№ 71) иранское имя.

71. *Bīt-Umargi* (^{KUR}*Bīt-Ú-mar-gi*, анн., стк. 69 по KS) — название местности, присоединенной в 716 г. до н.э. к провинции Кишесу. Наличие ираноязычного населения в ее пределах бесспорно, и именно в местностях, называемых в анналах вместе с Бит-Умарги (см. № 77, 79, 80, а также 78; сама Бит-Умарги более неизвестна). *Umargu/a*, по-видимому, от иран. **(H)umarga-* 'владеющий хорошими лугами' (по Ф. Юсти, 1895, 14 sq., такое значение имели личные имена Ἀμόργης, Ὀμάργης), ср. авест. *marəγā-*, н.-перс. *marγ* и пр. 'луг'. *Umarga* может представлять и топоним с тем же значением*.

* Уже после выхода книги Э.А. Грантовского стало известно иное чтение этого топонима, *Ú-ar-gi*, в связи с чем Р. Цадок предложил новую иранскую этимологию: **Hu-arga*, «Well worthy» (Zadok, 1976, p. 387 and note 7). См. также: Zadok, 2002, p. 124, 131.

72. *Bīt-Ramatua*, часть Области Речки (имена из нее см. № 74–76), Область Нижней Речки, очевидно Аразиаш (см. с. 126–127 и сл.). *Ramatua* бесспорно иран. **Rāmatavah-* (или *-taviyah-*), см. под № 47*.

73. *Bīt-Bagaja* (*URU Bīt-Ba-ga-ja*, ср. с. 112) — название «города» («крепости») в Области Речки или в непосредственной близости от нее. Упоминается под 715 г. до н.э. среди четырех крепостей, взятых при подавлении поднятого в этих районах восстания, отстроенных и переименованных ассирийцами; Бит-Багайа получила имя Кар-Иштар. Названия этих четырех крепостей и их новые имена, в том числе *Anzaria* — Кар-Адад, даются в анналах (стк. 87, 88) и «Парадной надписи» (стк. 64, 65: *Zaria*, *Za-ri-a*, против *An-za-ri-a* в анн., 86, 87); в анналах в предыдущей строке (86) об Анзарии непосредственно сообщается, что она принадлежала к Области Верхней и Нижней Речки**. Вся эта территория была завоевана ассирийцами еще в 716 г. до н.э., когда упоминаются также Область Верхней Речки и Область Нижней Речки (см. анн., стк. 72 по KS). Уже в 716 г. до н.э. ассирийцы впервые брали и Бит-Багайю; во дворце Саргона в зале II, где иллюстрированы эпизоды кампании именно этого года (ср. с. 219, 277), помещено и изображение крепости с надписью *URU Bīt-Ba-ga-ja* (зал II, вход H, 1, для изображения см.: Botta, pl. 76, его описание см.: Botta, t. V, 127 sq.; для надписи см. также: Botta, pl. 180; KS, II, pl. 49). Как неоднократно отмечалось, *Bagaja* представляет иран. **Bagaya-* от *baga-* 'бог' (ср. под № 65). Для Западного Ирана известен ряд лиц (с VI в. до н.э.) с таким именем — Βαγαῖος (см.: Justi, 1895, 57). Его обычно считают сокращением от **Bagapāta-* (Т. Нёльдеке, Ф. Юсти и др., ср. также: Дьяконов, 1956, 212), что вовсе не является обязательным (см. под № 54, там же о **Mazdaya-* и др.). Но возможно, что в Бит-Багайа **Bagaya-* не личное имя, а название с примерным значением «место бога» или конкретного божества (тогда скорее всего Митры). Выше уже упоминалось о мнении, что переименование Бит-Багайи в Кар-Иштар отражает отождествление этого божества с Иштар (см. под № 65). Следует заметить, что культ Иштар существовал у населения этих территорий независимо от ассирийцев; в текстах Тиглатпаласара III и в списке 714 г. упоминается местность Бит-Иштар, быть может та же, что и Бит-Иштар надписи Шильхак-Иншушинака XII в. до н.э. (ср. с. 201). Также Бит-Багайа могло означать «Дом Бога (Мит-

---

* Об этом иранском топониме см.: Zadok, 2002, p. 125, 131. Ср. также примеч.* к с. 269.

** Р. Цадок отмечает, что неясно, связан ли лингвистически топоним *Anzaria* с эламским *at An-za-ir/ri* (Zadok, 2002, p. 125, 132).

ры?)». По античным источникам в разных районах Ирана и Средней Азии известен топоним **Bagaya-* (Βάγεια, Βάγαι и др., ср.: Altheim und Stiehl, 1961, 96, с отнесением этих названий, по мнению авторов, сокращенных от *baga-dāna(ka)*, именно к Митре). Такие места были связаны с культом; так, об одном из них у Арриана (Индика, 28, 9, по Неарху) сообщается, что оно было посвящено солнцу (Митре?). Привлекает внимание упомянутое изображение Бит-Багайи; по своему типу она резко отлична от других крепостей этого района, представленных на ассирийских рельефах (в том числе соседних с ней по географическому положению и месту на стенах зала II). Возможно, это укрепленное храмовое строение*.

В 716 г. до н.э. ассирийцы до вступления на территории к востоку от Парсуа завоевали и присоединили к этой провинции некоторые местности к северу от нее (они шли туда со стороны Алабрии и Маны); в текстах сохранилось одно личное имя: *Šēpašarri(?)* [*Šepa-šar(ri/u)*?, ср. анн., 66, ПН, 58] — «владыка поселения» из местности *Šurgadia* (*KUR*Šu-ur-ga-di-a, анн., 67, ПН, 58). Имя и название рассматривались как иранские Э. Герцфельдом (1947, 729–731, ср. 516 sq.), а личное имя — еще Ф. Юсти (1895, 302, 510). Но их объяснения данного имени ненадежны, хотя и не исключены (если при указанном чтении считать, что это этимологизация оригинального имени). Э. Герцфельд сопоставлял топоним *Šurgadia*, по его мнению, от иран. **fšurgad-*, с названием персидского племени и города в Парсе Пасаргад (Πασαργάδαι и др.), от **pasurgad-*, с обычным чередованием *fšu/pasu* и **argad-* или подобным во второй части (те же элементы представлены, по его мнению, в имени скифской Афродиты-Урании Ἀργίμπασα: **Argim.pasa*, т.е. **argant.pasu*). Учитывая бытование обоих названий на территории распространения персидских племен (Шургадиа могла находиться на старой территории страны Парсуа), подобное объяснение не представляется невозможным (ассир. *š-* для иран. *fš-* закономерно, как и *š-* для *xš-*, ср. с. 84–85; попытки объяснить название Пасаргад от *Pārsa* и *garda-*, как справедливо отмечено Э. Герцфельдом, необоснованны; к элементу *arg-* в именах ср., например: Ἀργόστη — мать Кира по Ктесию, упоминавшееся Ἀργήστης и др.; топонимы Ἄργωδα из Скифии, *Argakān* в документах из Нисы и пр.).

Перейдем теперь к именам списка 714 г. до н.э. (ПА, стк. 42–49). Обычно считают (ср., например: Дьяконов, 1956, 213 и сл.; АВИИУ, № 49; Алиев, 1960, 93 и сл.), что здесь перечислены

* См. также: Zadok, 2002, p. 125, 131.

мидийские правители. Но хотя некоторые из называемых здесь владений действительно относились к Мидии, большинство их находилось за ее пределами, в том числе на значительном расстоянии к западу. Перед началом списка в тексте (ПА, стк. 40) указывается, что речь в нем идет о правителях из стран Намри, Сангибути, Бит-Абдадани и Мидии. Таким образом, названная последней Мидия здесь лишь одна из четырех более крупных обобщающих единиц, к которым суммарно отнесены владения, перечисленные в списке. Первые три (об их локализации см. выше) определенно находились вне Мидии, к западу от нее, причем Абдадана на значительном, а Намар на очень большом расстоянии от Мидии. Из данных других текстов о ряде владений списка определенно следует, что первые 16 из 27 перечисленных в нем владений не принадлежали к Мидии. Список открывает Тальта из страны Элипи [1] — к юго-западу от Мидии, определенно отличная от нее географическая и политическая единица (см. с. 123 и сл.). Далее называются владения с территории к северо-западу от Элипи. Область Речки с тремя правителями [2–4 по списку] находилась недалеко от Элипи и вне Мидии (см. с. 126, сл.). Затем упоминаются пять «городов» из лежавшей к западу от Мидии (см. с. 132 и сл.) провинции Кишесу [5–9] (из них 5-е, 6-е, 9-е владения непосредственно называются в анналах, стк. 69, как включенные в Кишесу; 7-е и 8-е более не известны). Нужно заметить, что в этой части списка географические единицы [1–9] явно перечисляются в определенной географической последовательности (ср. под № 7). Названия следующих трех «городов» [10–12] более неизвестны (Урианга [10] не может соответствовать Уриакке, так как последняя выступает в конце этого же списка как Урика, ср. с. 304); они, по-видимому, находились на границах Кишесу, а быть может, еще в пределах этой провинции, либо у границ Парсуа. Восточнее Парсуа (где была получена дань от правителей этого списка) лежала Бит-Капси [13] (см. с. 257, ср. также ПА, 74 и сл., где Бит-Капси и Мана непосредственно противопоставляются Мидии). Затем назван Бит-Зуальзаш [14] (см. в текстах Тиглатпаласара III) — уже южнее Парсуа, рядом или в пределах Бит-Хамбана, входившего в состав Намара (в широком смысле). Следующий «город» [15] в дошедших текстах более не упоминается. Называемый же после него Бит-Иштар [16], известный по надписям Тиглатпаласара III, в том числе по его анналам, в 737 г. до н.э. был пройден после Парсуа и до Бит-Капси. Но затем идет группа мидийских владений, начиная с Закрути [17] (и у Тиглатпаласара III пограничный мидийский город). Далее упоминается западномидийская Сапарда [18]. Названия сле-

дующих двух «городов», Канзабакани и Карзину [19–20], встречаются еще лишь в списке 713 г. до н.э., где упоминается и Андирпаттиану [21], безусловно то же, что и Андарпати (+ ану?, далее лакуна) запроса к оракулу Асархаддона (см. АВИИУ, № 68, г, 1); по данному тексту этот город должен быть локализован в Мидии. Таким образом, последнюю группу владений [17–21] следует поместить в Мидии, как, возможно, и следующее по списку, (Уси...) последний знак неясен) [22]. Но далее назван Цибур [23], лежавший вне Мидии, хотя и у ее границ (см. с. 122 и сл.). Поэтому следующие три владения, Харзиану, Аратпати, Барикану [24–26] (все известны и по списку 713 г. до н.э.), могли находиться и в пределах, и вне Мидии, но в любом случае, очевидно, рядом с ее границами, как и называемое за ними и замыкающее список: Урика [27] = Уриак(к)а (см. выше). Последняя в 716 г. до н.э. вошла в провинцию Хархар, включавшую тогда и западно-мидийские местности (см. с. 133 и сл.; причем в анналах под 716 г. до н.э., стк. 72, 73, Уриакка названа за Сапардой, но под 715 г. до н.э., анн., стк. 83, 84, между лежавшей вне Мидии Бит-Сангибути и Сигрисом). Далее рассматриваются личные имена из списка 714 г. до н.э., которые определенно относятся к территории западнее Мидии [1–16, 23]. Список открывается именем Тальта [1], как указывалось, неиранским.

74–76. Имена правителей из Области Речки [2–4].

74. *Uksatar* (*Uk-sa-tar*, ПА, 42). То же имя (быть может, того же лица) упоминается в письме HABL, № 645: *Uaksatar* (*Ú-ak-sa-tar*). Иран. *^{h}Uvaxštra-* 'Киаксар', но к династии Дейокидов правитель из Области Речки определенно не мог иметь отношения; как и в случае с Дейоком и Дайукку, это лишь одно из «модных», распространенных в Западном Иране в VIII–VII вв. до н.э. имен (см. с. 286–287, также другое имя из Области Речки, № 75, носил и еще один правитель, известный по текстам Саргона II). Все особенности передачи иран. *^{h}Uvaxštra-* через ассир. *Uksatar*, *Uaksatar* закономерны; они специально рассматривались выше (см. с. 111, с привлечением вавилонских написаний). Напротив, *Uaksatar* (с *Ua-*) не может правильно передавать иран. *Hu-xša9ra-* (с *Hu-*), что для *Uksatar* и *Uaksatar* наряду с *^{h}Uvaxštra-* предлагается И.М. Дьяконовым (АВИИУ, № 49, прим. 18; 1956, 215). Из объяснений имени *^{h}Uvaxštra-* (Бех.: *u-v-x-š-t-r*; вряд ли возможно *Huva-xšatra-*, что, впрочем, могло быть передано в *U(a)ksatar*) наиболее вероятно (ср. также: Brandenstein, 1964, 149, там же см. литературу) данное Э. Герцфельдом: *^{h}Uv-axštra-* 'с хорошим надзором', 'хороший за-

щитник'; имя в этом случае относится к социальной сфере, как и многие другие иранские имена, известные по ассирийским источникам*.

75. *Satarēšu* (*Sa-tar-e-šu*, ПА, 42). То же имя (другого лица, правителя Бит-Бари, см. ниже) известно еще по списку 713 г. до н.э. (стк. 21: *Sa-tar-e-šú*). Иранская принадлежность имени общепризнанна; *Satar-* для иран. *Xšaϑra-*, как и в имени двух лиц из тех же списков *Satarpānu* (см. ниже, ср. также № 19). На иранскую принадлежность имени (списка 713 г. до н.э.), рассматривавшегося как *xšaϑra* + *aiša*, авест. *aēša* = инд. *eṣa*, и параллели к нему: *Mizdaēšu*, *Bagēšu* из вавилонских документов указывали уже П. Рост, Г. Хюзинг, М. Штрекк (1901, 357, там же см. предшествующую литературу), К. Таллквист (1918, *Bagēšu*: **Baga-aiša-*), это *Xšaϑra* + *aēša* (= инд. *kṣatra* + *eṣa*) 'стремящийся к власти'. В. Эйлерс (1953, 47, 48) указал также на вавил. *Ba-gi-e-su* (документ 527 г. до н.э.) наряду с *Ba-gi-e-šu* и *Mi-iz-da-e-šu*, для имен с *ešu*, **Bagaiša* и *Mizdaiša* от *Mazda-*, предлагая сравнение с инд. *īça-* 'господин'. Иранская форма рассматриваемого имени **Xšaϑraiša-* или **Xšaϑraisa-* (форме с *-s-*, вероятно, не следует отдавать преимущества, хотя в том же имени ассир. *s* передает иран. *š*; к тому же в группе *xš* можно ожидать и особое восприятие *š*; в обоих списках, где встречается рассматриваемое имя, представлены передачи иран. *š* — ассир. *s*, иран. *s* — ассир. *š*, а также и иран. *s* — ассир. *s*, иран. *š* — ассир. *š*). Во второй части имени образование от *(a)is-* 'быть хозяином', 'владеть', 'властвовать', 'быть могучим' и т.п. или от *(a)iš-* 'искать', 'стремиться', 'желать', 'добиваться' и т.п.; причем оба засвидетельствованы в Авесте в непосредственной связи с *xšaϑra-*; для *(a)is-* ср. инд. *īça-* и др., авест. *isvan-* 'хозяин' и т.д., ср. также имя *Isvant-* в Яшт XIII, 96, и *iša.xšaϑrya-* 'могучий', 'повелевающий' и т.п. от *iša-* или *išan-* 'повелевающий', 'властвующий' + *xšaϑrya-*. Для *(a)iš-* ср. авест. *isa-* 'желающий' и пр., *iš-*, *išan-* 'ищущий', 'стремящийся', *īš-* 'желание' и т.д. и *isə.-xšaϑra-* 'стремящийся к хшатре', 'добивающийся власти' и то же в превосходной степени *isaxšaϑryō.təma*. Рядом с *isaxšaϑra* вполне могло существовать и *xšaϑra-isa*. В одном из этих значений *-iša* (или также *-isa*?, ср. вавил. *-esu* наряду с *-ešu*) засвидетельствовано и в западноиранских именах VI–V вв. до н.э. (см. выше). Рассматриваемое имя, таким образом, должно означать: «стремящийся к власти, хшатре» или «владеющий властью, достоинством вождя», «могущественный»**.

---

* Об этом бесспорно иранском имени см. также: Zadok, 2002, p. 125, 129.

** Об этом иранском имени см. также: Baker and Schmitt 2002e, p. 1096, с литературой; Zadok, 2002, p. 125, 129.

76. *Durisi* (*Du-ri-si*, ПА, 42). В отличие от двух предыдущих данное имя среди иранских обычно не приводится [как таковое отмечалось, кажется, лишь Дж. Кэмероном (1936, 153), без этимологии]. Но и третий правитель из Области Речки носил, очевидно, иранское имя: от *dūra, dūrai* 'далеко' + *-isa-* или *iša-* с теми же возможными значениями, как и в предыдущем имени. Известен ряд древнеиранских и древнеиндийских сложных слов и имен с *dūra(i)-* (ср. инд. *dūre-*), ср. авест. *dūraē-darštar-* 'смотрящий в даль', *dūraēdarštəma-* 'наилучше смотрящий в даль', *dūraē.suka-* со сходным значением; *dūraē.srūta* 'о ком далеко слышат', 'знаменитый' и имя *Dūraē.srūta-* в Яшт XIII, 119 = др.-инд. *Dūreçrūta-* и т.д., ср. особенно имя *Dūraē-kaēta-*, примерно 'чье желание (идет) далеко' (ср. *dūraēfrakāta-* со сходным значением). Значение рассматриваемого имени соответственно либо 'властвующий далеко' (господин над обширными землями или подобное), ср. в древнеперсидском: 'копье перса зашло (достигло) далеко (*dūraiy*)' — для обозначения могущества и успешных завоеваний Дария I, либо 'с желанием (направленным) далеко' аналогично значению имени *Dūraē-kaēta-*[*].

Следующее имя списка — *Anzi* (*An-zi-i*, стк. 43) [5], очевидно, неиранское [И. Алиев (1960, 94) сравнивает его с *Ianzi*, ср. с. 145 и сл., 340][**].

77. *Paḷ(a)ukku* [6] — иран. **Pāyuка*, см. под. № 54, ср. № 84.

78. *Uzī* [7], возможно, иран. *Uzya*, см. под № 48, ср. № 83.

79. **80**. *Uakirtu* [8] и *Makirtu* [9] (*Ú-a-ki-ir-tu*, *Ma-ki-ir-tu*, стк. 44). Бесспорно иранские имена; во второй части *-kṛta* 'сделанный'; для обоих имен в целом следует принять объяснение И. М. Дьяконова (1956, 215): «оба читай *Wakirtu* = *Vahukṛta*». Иное толкование: первого имени — **Vayukṛta-* 'созданный Вайу (Ветром)', второго — **Māhkṛta-* 'созданный божеством Луны' [ср.: Markwart, 1930, 12; К. Таллквист (1918, 317) сравнивает *Makirtu* с именем жившего в X в. дайламита *Mākerd*: Justi, 1895, 188]; это объяснение не представляется вероятным, поскольку *Vayu-* не могло быть передано ни через *Ua-*, ни через *Ma-*, а *Māh-* возможно лишь в *Makirtu*. Между тем оба сходных имени из соседних местностей должны отражать аналогичное словоупотребление и представление. Передачи

---

[*] Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1999 t, p. 389) и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 125, 130) вслед за Э.А. Грантовским считают имя *Dūrēsi* иранским, но Шмитт предпочитает объяснять его вторую часть как сокращение: **Dūrai-s-a-*, например, из **Dūraḷ-sruta-*.

[**] См. также: Radner, 1998c, p. 112; Zadok, 2002, p. 124, 130.

же *Ua-* и *Ma-* для *Vahu-* вполне допустимы (для *Ma-* ср. под № 23, там же см. о древних западноиранских именах с *vahu-*)*.

81. *Kitakki* [10], по-видимому, иран. **Kaitaka-*, см. под № 54.

82. *Maždaj(a)ukku* [11], бесспорно иранское имя **Mazday(a)uka-*, см. под № 54.

83. *Uzitar* [12], возможно, иран. **Vazitar-* или от *Uz-*, см. под № 48, ср. № 78.

84. *Pa(j)ukku* [13] — иран. **Раука-*, см. под № 54, ср. № 77.

Следующее имя — *Ḫumbē/ī* [14] (*Ḫu-um-bi-e*, стк. 46). Хотя известно иранское имя *Xumbya-* (Яшт XIII, 138, ср. инд. *Kumbha-*), Хумбе из Бит-Зуальзаша в пределах Бит-Хамбана и Намара, очевидно, должно быть связано с местной языковой средой, в которой оно имеет прямые аналогии (см. у Г. Хюзинга, ср.: Алиев, 1960, 93 и сл.); того же происхождения, очевидно, и название (Бит-)Хамбана**.

85. *Uzuman(da)* [15] — см. под № 48, ср. № 78, 83 (по крайней мере некоторые имена с *Uz-* должны быть иранскими, но иранское объяснение данного имени наименее определенно).

86. *Pur/Bur-pu/bu-ra-su* (стк. 46) [16]: *Purpurasu* или *Burburasu*. При первом чтении имя должно быть иранским: **Purufrasa-* или, скорее, **Purufraša-*. **Puru-* 'много', 'очень' — вариант, возможно, диалектный, к *paru-*, ср. др.-перс. *paru(v)*, авест. *pa^{u}ru-*, *po^{u}ru-*, *pao^{u}ru-*, инд. *puru-*, греч. πολύς, н.-перс. *pur-*, осет. *fyr/fur* и т.д. Существование древней западноиранской формы **puru-* (наряду с *paru-*) надежно фиксируется передачами имени Парисатида (др.-перс. **parušiyāti*, ср. под № 14) в вавилонских документах, всегда передающих именно **purušāti* (см. с. 83, 222): вавил. *Purušātu* и др., а также с *pur-* (с выпадением гласного при передаче, ср. с. 83 и сл.): *Puršātu*, как и в *Purpurasu* при предлагаемом объяснении. При *frasa-* имя могло бы значить 'много допрашивающий', 'очень (сурово) наказывающий (карающий)' и т.п., ср. под № 54 о др.-перс. **frasaka* и *patifras(a)-* (ср. также с. 304 о судебных функциях западноиранских правителей, а с другой стороны, древнеперсидские

---

* Р. Цадок считает, что эти имена могут быть иранскими, как предполагал Дьяконов, но помещает их в разряд «сомнительных» (doubtful) (Zadok, 2002, p. 119, 130, 143, note 34). Р. Шмитт считает имя *Makirtu* иранским (Åkerman and Schmitt, 2001a, p. 675).

** Р. Цадок полагает, что имя *Ḫu-um-bi-e* — эламское (Zadok, 2002, p. 128, 130).

образования от *fraϑ-/pars-*, *ʰufrasta aparsam* и др., относящиеся к царю как карающему преступников, мятежников и т.д.). Но вероятнее от *fraša-* 'выдающийся', 'исключительный', 'чрезвычайный', 'сильный', 'пригодный' и т.п.; слово являлось термином официального и религиозного языка, в древнеперсидском связывается с положительным началом, деятельностью божества и царя, в эламском не переводится, а транскрибируется (ср.: DSf, элам., 49: *pir-ra-ša-*). Значение рассматриваемого имени тогда может быть: 'великолепный', 'очень способный', 'очень сильный' и т.п. или 'создающий много прекрасного, исключительного, чудесного'. В древнеперсидском засвидетельствовано непосредственно сочетание *paruv* и *fraša-* (DSf, 56, 57)*.

87. *Pirtatu* или *Birtatu* [23], очевидно, иранское имя (см. с. 230 и сл.).

Со значительно бóльшими трудностями связана локализация владений списка 713 г. до н.э., дошедшего в сохранившейся во фрагментах Ниневийской призме (фрагмент K 1668 + D. T. 6, стб. II, 14–41, ср.: Tadmor, 1958, 90, 91; по изд. Г. Винклера «призма A», фрагмент B, KS, II, 44). Имеющийся текст дает имена 19 правителей, имя 20-го восстанавливается по последним знакам (*-pa-nu*) и названию владения (Барикану, ср. Сатарпану из Барикану списка 714 г. до н.э.); далее уцелели названия еще трех местностей (чтения некоторых личных имен и географических названий, в частности целиком не сохранившихся, вызывают разногласия; об этом списке см.: Rost, 1897, 111–115; Streck, 1901, 356–362; AR, II, 104 sq., — чтения Д. Люккенбиля; Дьяконов, 1956, 221, 222); в дошедшем тексте имеются и безусловные неточности (ср. с. 289, 290 и др.). В отличие от списка 714 г. до н.э., хотя бы в большей части придерживающегося определенной географической последовательности, в списке 713 г. до н.э. она во многом или даже в основном не соблюдена. Так, из повторяющихся в обоих списках шести владений, составляющих в «Письме Ашшуру» две группы [19–21, 24–26], в призме между входящими в первую из них [19–21 в ПА] называются пять других местностей, в том числе две из второй группы «Письма Ашшуру» [24–25], от которых третья [26] также отделена тремя владениями. Если предполагать, что список 713 г. до н.э. исходит здесь из каких-то географических оснований, придется считать, что девять местностей второй половины списка (помимо трех

* P. Цадок считает имя *Burburazu* касситским (Zadok, 1976, p. 388 and notes 9 and 10; idem 2002, p. 118, 120); впервые его сопоставил с именем касситского царя *Burna-buriaš* Сэггз (Saggs, 1974, p. 210). Того же мнения придерживается и Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1999l, p. 353–354).

последних, неотождествляемых) — это, мельчайшие владения примерно из одной области (располагавшейся тогда в мидийской пограничной полосе и недалеко от Цибура). Но это маловероятно.

Обычно считают, что все владения списка 713 г. до н.э. — мидийские, в том числе и расположенные в глубине Мидии, куда ассирийцы добрались во время похода 713 г. до н.э. Следует, однако, заметить, что, вступив в Мидию, они сначала двигались по ее западным районам (а быть может, и выходили за ее пределы); в анналах (стк. 158 и сл. по KS) здесь, в частности, упоминаются местности Ба'итан на границе Мидии и Элипи (стк. 158: ^{KUR}*Ba-'-it-AN*, обычно читают *Ba'it-ili*, что не представляется вероятным, ср.: Дьяконов, 1956, 219), Уриакку, Уппуриа (стк. 160: ^{KUR}*Up/b-pu/bu-ri-a*, ср. о ней ниже), Бустис (стк. 161: ^{KUR}*Bu/Pu-us-ti-is*, то же, что Бушту?). В самом конце перечисления называются «далекие области у пределов (страны) Ариби восхода Солнца и области могучих мидян» (стк. 162). Но указание на отдаленные восточные районы может относиться не ко всем перечисленным выше странам, а лишь к последним из них: Агази (^{KUR}*A-ga-zi*, стк. 161), Амбанда (^{KUR}*Am-ba-an-da*, стк. 161), Данану (^{KUR}*Da-na-nu*, стк. 161); в «Парадной надписи» в сходном контексте упоминаются лишь Агази и Амбанда: «(страна) Агази, (страна) Амбанда (страны) мидян (что) у пределов (народа) Ариби восхода Солнца» (ПН, стк. 69). Вместе с тем до Мидии ассирийцы в 713 г. до н.э. прошли по районам у верховьев Малого Заба, где воевали в местностях, примыкавших к Алабрии и лежавших к северу или северо-западу от Парсуа. Затем, очевидно, по территории провинций Парсуа и, возможно, Кишесу, они перешли в Элипи, где было подавлено восстание против Тальты и Ассирии (см. выше). Поэтому в список 713 г. до н.э. могли быть включены местности, с которых Саргон II получал дань на протяжении всего похода. В большинстве они, по-видимому, действительно мидийские (но лежавшие в основном не в глубине Мидии, а в западных районах и у ее границ); причем за отдельными исключениями конкретно о каждой из них нельзя утверждать, что она находилась в Мидии.

Помимо упоминавшихся шести названий, встречающихся и в списке 714 г. до н.э., с большей или меньшей достоверностью с известными по другим текстам могут быть отождествлены следующие владения списка 713 г. до н.э. Начинается список «городом» Сигрина, возможно соответствующим Сигрису (ср. с. 277), но, как указывалось (см. под № 12 и 51), известны разные географические единицы этого имени, как на мидийской границе (Сигрис текстов Саргона II), так и далее к западу (в том числе,

по-видимому, недалеко от районов по Малому Забу и от манейских границ, т.е. поблизости от местностей, где действовали ассирийцы в начале похода 713 г. до н.э.). Предлагавшееся отождествление Каккама (7-е владение по списку) с Ушкакканом текстов Тиглатпаласара III (ср.: Дьяконов, 1956, 221) маловероятно (к тому же Ушкаккан также надежно не локализуется). Уппуриа (10-е владение по списку, ср. в анналах под 713 г. до н.э., ср. выше), очевидно, соответствует Уппарии анналов под 715 г. до н.э. (стк. 83, 84), когда она упоминается вместе с Областью Верхней и Нижней Речки (к западу от Мидии), Сапардой (в Западной Мидии) и др. (ср. выше об Уриакку); она лежала, очевидно, в Мидии, у ее западных границ. Но перед Уппурией называются два владения, которые должны быть локализованы далеко к западу от Мидии: *Bīt-Bāri* и *Bīt-Barbari* [стк. 22: ^{KUR}*Bīt-Ba-a-ri* ^{KUR}*Bīt-Bar-ba-ri*, к чтению, ср. у Д. Люккенбиля (AR, II, 104 sq.) и И.М. Дьяконова (1956, 221), но второе название у обоих *Bīt-Mašbari* с *maš* для *bar/maš*]. Эти местности в тексте непосредственно связываются между собой (см. стк. 21–23): сначала называются их правители, а затем сообщается, что это «владыки поселений» (*bēl-ālāni*) областей Бит-Бари и Бит-Барбари; еще в одном месте (стк. 30–31) говорится о двух правителях — «владыках поселений» страны [...]итану (см. ниже); в остальных же случаях дается лишь личное имя и вслед за ним название владения (например, ^{I}*Mašdaku* ^{URU}*Amakki*). Это свидетельствует, что Бит-Бари и Бит-Барбари располагались в соседних районах или во всяком случае ближе друг к другу, чем многие другие владения списка. Бит-Бари (*Bīt-Ba-a-ri*!) известна еще по текстам IX в. до н.э. как местность где-то недалеко от Малого Заба (ср. с. 142). Нельзя предполагать, что это просто совпадающие названия, тем более что и Бит-Барбари известна в районах к западу от Мидии: *Bīt-Barbari* (*ba-ar-ba-ri*) надписи Шильхак-Иншушинака XII в. до н.э. (см.: MDP, XI, об., стб. II, 53, ср. также лиц., 54 и сл. в плохо сохранившемся контексте *ša Ba-ar-ba-ri* = *Bīt-Barbari*; возможно, та же географическая единица; об этом тексте см. также: Cameron, 1936, 115, 117). В. Шейль, допускавший для названия местности из «мидийского списка» Саргона II чтение Бит-Барбари, писал, что географически она не может соответствовать Бит-Барбари эламского текста (MDP, XI, 40 sq.). Но, как было отмечено, и Бит-Бари (близкая к Бит-Барбари по тексту призмы Саргона II) находилась примерно в той же области, где может быть локализована Бит-Барбари текста XII в. до н.э., и недалеко от тех мест, где проходил маршрут ассирийского похода 713 г. до н.э. (напомним еще, что, как теперь известно, даже в Замуа еще в начале VII в. до н.э. ос-

тавались местные правители, ср. с. 142). Нет и достаточных оснований отделять Бушту (^{KUR}*Bu-uš-tu*, стк. 26) списка 713 г. до н.э. (независимо от того, соответствует ли она Бустису анналов или нет) от Бушту (страны и города) других ассирийских и урартских текстов, в IX в. до н.э. в районе на северо-востоке страны Парсуа, в VII в. до н.э. — местность, уже принадлежавшая Мане (ср. с. 156, 159). В названии упоминавшейся «страны», в которой список 713 г. до н.э. отмечает двух правителей, не сохранился первый знак: ^{KUR}?-*i-ta-nu* (стк. 31). Возможно, эту местность [...]итану следует отождествить с Питану текстов Асархаддона (*Pi-ta-a-nu*, обычно «город», но иногда «страна», ср. также в одном из новых текстов Асархаддона, изд. Wiseman, 1952, стк. 28: ^{KUR}*Pi-it-ta-nu*). В его надписях это один из вариантов (распространенный у какой-то части местного населения, как сообщают тексты) названия «страны», именовавшейся также Парнаку и Тилашури, ранее она выступает также под тремя именами, в том числе Тилашури, а урартам была известна как «страна (города) Бабилу»; располагалась она западнее Мидии (см. с. 128 и сл.). Второе возможное отождествление «страны» [...]итану — со «страной» Ба'итан анналов под тем же 713 г. до н.э., расположенной, как они указывают, на границе Мидии с Элипи (тогда в призме следует читать ^{KUR}[*Ba*^{1}-*i-ta-nu* при ^{KUR}*Ba-'i-ta-an* в анналах)*. Далее как местности, расположенные к западу от Мидии, рассматриваются Бит-Бари и Бит-Барбари, а также Бушту, хотя в списке должны быть и другие владения с территории западнее Мидии.

88. *Satarēšu* — имя правителя Бит-Бари. Иран. **Xša*ϑraisa-/-iša-*, то же имя носил правитель из Области Речки, см. под № 75.

В имени правителя Бит-Барбари четко различимы лишь два последних знака: *-ra-su*, предшествующий знак неясен, имя же, возможно, содержало и еще один знак, приходящийся на разрыв текста (стк. 21). По Д. Люккенбилю и И.М. Дьяконову, следует читать *Sibrasu*, по Ф. Кёнигу (RA, II, 45, 46) — [*Bur-p*]*a!-ra-su* (в этом случае это было бы то же имя, что и приведенное под № 86; но чтение Ф. Кёнига основано на неприемлемом отождествлении ряда местностей и правителей и отнесении их всех к Области Речки). Судя по изданию, здесь нельзя видеть знак ни для *Sib-*, или также *-ib-*, ни для *-pa-*; наиболее вероятно чтение *ru*, что и принималось ранее (см.: Streck, 1901, 357): *-ru-ra-su*** .

---

* Р. Цадок считает сближение этих топонимов необоснованным (Zadok, 2002, p. 128).

** А. Фукс также предпочитает чтение *Pa(?)-ru-ra-su* (Fuchs 1998, S. 41, VI b, 21 und Tafel 7). Ср. также: Bagg and Schmitt, 2002c, p. 991.

89. *Ariia* (*A-ri-ia*, список 713 г. до н.э., стк. 26) — имя правителя Бушту. Отмечалось как иранское К. Таллквистом (1918, 29), И.М. Дьяконовым (1956, 221) и др. Но по Ф. Кёнигу (1934, 57), это «субарейское» имя. Хотя подобное по созвучию имя могло существовать и в других языках, в данном случае, однако, это точная передача для иран. *Ariya-* 'арийский', 'арий', ср. также западноиранские имена (известные с VII в. до н.э.): **Ar(i)yuka-*, **Ar(i)yaka-* (см. под № 54) и др.* Возможна (хотя гораздо менее определенна) иранская принадлежность имени ассирийского осведомителя и мелкого владетеля из ассиро-урартской пограничной полосы, очевидно из местности у Большого Заба (близ Амадийе, ср.: АВИИУ, № 3, прим. 2, № 50, 14, примеч. 4) *Arii(a)e* (письма времени Саргона II: HABL, № 198, стк. 22: *Ar-ia-e*; № 101, стк. 15, № 147, стк. 8, № 490, стк. 4: *A-ri-e*). Наличие ираноязычного элемента в этих местностях надежно засвидетельствовано данными того же периода (см. № 64–67). Написания имени могли бы передавать и *Ariya-* или, например, *Aryāva-* (ср. авест. *Airyāva-*); особо следует заметить, что *Ariae* очень похоже на древнеперсидское имя 'Αριαῖος (ср.: Justi, 1895, 22)**.

Прежде чем перейти к остальным именам из списков 714 и 713 гг. до н.э., отметим, что в одном из хозяйственно-административных текстов времени Саргона II встречается то же имя, которое носил один из правителей списка 820 г. до н.э.***.

90. *Barzuta* (*Bar-zu-ta-a*, ND 2303, об., стк. 18, изд. Parker, 1961) — имя дворцового раба в документе из Калху, упоминаемого в группе дворцовых служителей (поваров), причем остальные четыре носили аккадские имена и были свободными. Об имени см. № 22.

Как уже указывалось, в конце списка 714 г. до н.э. вслед за Цибуром называются четыре местности с западной окраины Мидии (а быть может, и за ее пределами); первые три и их правители упоминаются и в списке 713 г. до н.э.

Zardukku из *Harzianu* (не *Hardukku* из *Zarzianu*, ср. с. 289 и сл.). Имя правителя: иран. **Z(a)rduka-*, см. под № 54, ср. также № 55.

---

* Иранская этимология имени *Aria* сомнений не вызывает; см.: Fuchs and Schmitt, 1998f, p. 130; Zadok, 2002, p. 128, 129.

** Иранской этимологии имени *Arii(a)e* не исключает Р. Шмитт (Parker and Schmitt6 1998, p. 131). Р. Цадок полагает, что оно скорее хуррито-урартское (Zadok, 2002, p. 133, 136).

*** После выхода книги Э.А. Грантовского стало известно имя правителя Бушту, стоявшего у власти в 716 году до н.э., — *Razištu* (*Ra-zi-iš-tu*) (Levine, 1972, p. 73, Najafehabad II, 58). Это имя соответствует иранскому **Razišta-*, превосходной форме прилагательного от корня **raz-* «выпрямлять, упорядочивать» — «Прямейший, Праведнейший» (Hinz, 1975, S. 204; Zadok, 1976, p. 388; idem 2002, p. 128–129; Baker and Schmitt 2002c, p. 1036–1037).

Maždakku (или, под 713 г., *-uku*, но, вероятно и здесь *-akku*, ср. с. 290 и сл.) — иран. **Mazdaka-*, см. под № 54. Название владения этого правителя под 714 г. до н.э. (стк. 49, ПА) *Aratpati* (^{URU}*A-rat/d-pa-ti*), в списке 713 г. до н.э. (стк. 28) — *Aratpata* (^{KUR}*A-rat/d-pa-ta*, к чтению см.: Дьяконов, 1956б, 221: Аратпати; ранее читали Амеиста, Амиста; Аратпата с правителем Машдакку называется в призме рядом с Харзиану, как и Аратпати и Машдакку в ПА)*.

Satarpānu (*Sa-tar-pa-nu*) из *Barikānu* (*šá* ^{URU}*Ba-ri-ka-nu*, ПА, стк. 49); в списке 713 г. до н.э. (стк. 34) упоминаются тот же правитель и то же владение [...]*-pa-nu- šá* ^{KUR}*Ba-ri-ka-a-nu*. По списку 713 г. до н.э. (стк. 24) еще один правитель (из Уппурии) носил то же имя *Satarpānu* (*Sa-tar-pa-nu*). Иран. **Xša϶rapāna-* (ср. № 19, 88 и с. 174–175). Иранская принадлежность имени общепризнана; его иранскую форму часто непосредственно сопоставляют с др.-перс. *xšaϑapāvan-* 'сатрап' [ср. у П. Роста (1897, 113), И. Шефтеловица (1902, 275), К. Таллквиста (1918, 193) и др.; у И.М. Дьяконова (1956, 215) **Xša϶rapāna-*], но *-pāvan-* (или *-pāvā*, им. пад.) не могло быть передано в акк. *-pānu* (ср. элам. *sakšapamana*, правильно для *-pāvan-*). Форму, представленную в ассир. *Satarpānu*, отражают и передачи титула «сатрап» в вавилонском: *aḫšad(a)rapānu* (*-pa-nu*) и арамейском: *ahaš-darpana* (ср. с. 102; греч. σατράπης и др., ликийское *kssadrapa*, инд. *kṣatrapa* и др., восходят, очевидно, к *xša϶rapā-* или *xša϶rapāvā*); ср. также ср.-перс. *šahrapān* (имя или титул, по армянской передаче, ср.: Justi, 1895, 276). Форма **xša϶rapāna-* (первоначально, однако, не «сатрап») — «северо-западная» (ср. и ее употребление в вавилонском), но не обязательно мидийская. Древнеперсидский для обозначения сатрапа ей не следует, а имеет свою (к тому же в текстах имеющую *ϑϑ* = *϶r*). Это позволяет предполагать, что институт сатрапов — обозначавшихся этим словом правителей провинций иранской державы — был введен лишь при Ахеменидах. Имя (или титул) **Xša϶rapāna-* (самостоятельных вождей, живших задолго до образования Мидийской державы) должно означать 'хранитель власти' ('обладающий хшатрой', ср. № 75 и под № 19) или '(осуществляющий) защиту царства, владения' (ср. № 74: 'осуществляющий хороший надзор' и т.п., имена с *Zana-* под № 24 и т.д.), ср. также авест. *šoi϶rō-pāna-* 'хранитель или охрана поселения' (жилища, земель рода или племени), *pəšu-pāna-* ('охраняющий мост', о мифических псах, стерегущих мост Чинват) и др.**.

---

* Принятое сейчас чтение — Аратисти (см. примеч.** к с. 289).

** Об имени *Satarpānu* см. также: Baker and Schmitt, 2002f, p. 1096; Zadok, 2002, p. 116, 120.

Karakku (последний правитель списка 714 г. до н.э.) из Ури(а)ку (ср. с. 304), упоминается также в HABL, № 713 (см. там же) — иран. **Kāraka-*, см. под № 54.

Еще одна группа владений списка 714 г. до н.э., имена из которых не рассматривались выше, должна быть помещена в Мидии (ср. данные о Сапарде, Андирпатиану, Закрути). Первой из них называется Закрути (ПА, 47: ^{URU}*Zak/g-ru-te*; 1 пл., 18, 2 пл., 20, гл. табл., 30, 36: ^{URU}*Zak/g-ru-ti*; иногда связывается с названием Загра).

Bagparna [*Ba-ag-par/bar/maš-ar-na*; по И.М. Дьяконову (1956, 214), *Ba-ag-par-ar-na* явная описка для Багпарна?, но, вероятно, *Ba-ag-par*^{ar}*-na* во избежание смешения с *maš*, ср., например, вавил. $^{I.AN}$*Mit*^{it}*(Mit-it)-ri-da-a-tu* < **Miθradāta-*, ср.: Eilers, 1934, 333; 1936, 173 sq., 178; 1940a, 97]. Правитель Закрути носил иранское имя **Bagafarnah-* [ср. также у К. Таллквиста (1918, 274), В. Эйлерса, И.М. Дьяконова и др.], распространенное в Западном Иране; оно, Μεγαφέρνης, Μεγαβέρνης, принадлежало, в частности, внуку Астиага по Ктесию, персу, казненному Киром Младшим (Ксенофонт, Анабасис, I, 2, 20), и др. (ср. также: PTT, 65). Об известных по ассирийским текстам именах с *baga-* и *farnah-* см. № 65, 67.

Darī (*Da-ri-i*, ПА, 47) — имя правителя Сапарды. Не дает оснований для определенных выводов, но вполне может быть иранским: *Dāraya-* от *dar-* 'держать' и пр., также 'владеть', в частности, страной, властью и т.д., ср., например, в древнеперсидском: «по воле Ахурамазды этим царством (*xšaṣṣam*) я владею» (*dārayāmiy*, Бех., I, 26), «эта страна Персия, которой я владею» (Арийарамна, 5–6) и т.д. Имя, таким образом, может означать 'держатель', 'владетель', 'властитель' и т.п. Оно может быть и сокращением от сложного, ср. авест. *Dārayaṯ.raθa-* (Яшт XIII, 108) и особенно западноиранские имена **Dārayafarnah-* (по вавилонским документам, *Da-ar-par-na-'*, *Da-ri-'-par-na-'*, см.: Eilers, 1934, 333; ср. согд. Δ'*rprn*, см.: TSP, № 8, стк. 176) и *Dārayavahu-* 'Дарий'. В вавилонских передачах последнего имени (см. с. 94) для *Dāraya-* наряду с *Da-(a)-ri-ia-* и др., а также *Da-ri-'-* (ср. *Da-ri-'-par-na-'*), *Da-(a-)ri-* и др. (*Da-ri-muš* и т.д.) встречается также передача всего имени как *Da-ri-i*, причем в том же документе (см.: Eilers, 1940a, 41), где имя того же царя правильно и полностью передается как *Da-ri-ia-a-muš*; быть может, *Darī* не просто сокращенная передача, а передача сокращенной формы имени? Во всяком случае вавил. *Da-ri-i* может служить точной параллелью к ассир. *Da-ri-i* списка 714 г. до н.э., т.е. **Dāraya-*[*]. При Асархаддоне около 672–670 гг. до н.э. в Сапарде

[*] Иранским считают имя *Darī* также Р. Шмитт (Fuchs and Schmitt, 1999p, p. 379) и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 126, 129).

правил *Dusanni*; принадлежность этого имени неясна, но два его союзника по мидийскому восстанию, *Kaštariti* и *Mamit(i)aršu*, носили определенно иранские имена.

Ušra (*Uš-ra-a*, ПА, 47; список 713 г. до н.э., стк. 27) — упоминаемое в обоих списках имя правителя *Kanzabakanu/i*. У И.М. Дьяконова (1956, 214, 221, 222) отмечается как возможно иранское: Ушра(йа) — **Ušθraya-*? «верблюжий», что представляется допустимым (но не исключено, конечно, что это неиранское имя), ср. авест. *Uštra-* (имя в Яшт XIII, 115) и инд. *Uṣṭra-*. Здесь может быть отражена и особенность иранского произношения группы *štr*, рано подвергавшейся изменениям в ряде иранских диалектов*.

Šarruti? (*Ḫir/Šar/Sar-ru-ti*, ПА, 48; [*Šar*]*-ru-ti*, список 713 г. до н.э., стк. 33) — имя правителя в *Karzinū* (*Kar-zi-nu-ú*, в обоих списках). Имя обычно читают *Šarruti*, но возможно и *Sarruti*, *Ḫirruti*. Имя может быть неиранским (в противном случае ср., быть может, *srūta-* 'знаменитый', входящее и в имена)**.

Mašdakku/-ukku (ср. с. 290 и сл.) — имя правителя *Andirpa(t)tianu* (*URU An-dir/ṭir-pa-ti-a-nu*, ПА, 48; *KUR An-dir/ṭir-pat-ti-a-nu*, список 713 г. до н.э., стк. 25) — иран. **Mazdaka/-uka-*, см. под № 54.

Akkussu (*Ak-ku-us-su*, только в ПА, 48, название владения сохранилось не полностью, ср. с. 361), по-видимому, неиранское имя [ср. эламское (?) имя *Ak-ku-šu?-nu*, PTT, 130].

Далее рассматриваются имена из списка 713 г. до н.э. (помимо выделенных выше под № 88, 89 и рассматривавшихся выше имен шести правителей, упоминающихся и в списке 714 г. до н.э.).

Первым в списке 713 г. до н.э. (стк. 14) называется правитель «города» Сигрина. Соответствующую строку, по-видимому, следует читать: [*ʾ*]⌜*E*⌝*-pa-ar-nu-a* (или *ša*) *URU Si-ig-ri-na-a-a 'Eparnua* (города) Сигрина' или '*Eparnu* из (города) Сигрина', либо соответственно *ʾPa-ar-nu* и т.д., т.е. *Parnua* или *Parnu*. Как и предшествующие авторы, М. Штрекк (1901, 356) полагал, что первый знак имени не сохранился (остатки знака перед *pa*, однако, уцелели) и далее читал *-pa-ar-nu-a ál Si-ik-ri-na-ai*. По К. Таллквисту (1918, 75), следует читать [*E*]*-pa-ar-nu-a ál Si-ig-ri-na-a-a*. Затем Д. Люккенбиль (RA, II, 104) дал перевод: «(From) Parnua of the city of Sikrisu»; за ним следует и И.М. Дьяконов (1956, 221): «Парнуа–Сигрис» (но знак *na* в названии владения не вызывает сомнения)***; очевидно, предполагается, что в начале строки перед именем стояло *ša*. По Ф. Кёнигу (1934,

---

* Иранским считает имя *Ušra-* и Р. Цадок, который, однако, производит его от **Ušra-* «Красный» (Zadok, 2002, p. 116, 120).

** Р. Шмитт (Baker and Schmitt, 2002d, p. 1092–1093) и Р. Цадок (Zadok, 2002, p. 116, 120) считают имя *Sarruti* иранским, хотя и с сомнением.

*** См. примеч.* к с. 278.

56; RA, II, 408), имя правителя — *Epardu* (эламское, ср. приводимые им там же, RA, II, 408, элам. *Eparti* и др.), он предлагает чтение: *E!-pa-ar-du! ša! ^{āl}Sikrinai.* Однако знак, читаемый им как *du*, определенно *nu* (и не имеет ничего общего с *du*). Но следующий, обычно принимаемый за *a* (у Ф. Кёнига *ša*), возможно, действительно, не принадлежит имени; во всех последующих строках списка тут стоит *šá*, но в данной для *šá* (или *ša*) нет места, если читать *a* перед детерминативом к Сигрина. Вместе с тем все остальные строки начинаются с личного имени (вряд ли возможно, что в первой строке *ša* стояло перед личным именем и потому было пропущено перед названием местности). Поэтому представляется наиболее вероятным чтение *Eparnu*, но не исключено и *Eparnua*, *Parnu*, *Parnua*[**]. Несмотря на возможные варианты в чтении, это имя определенно иранское и образовано от *farnah-*. И.М. Дьяконов (1956, 222) для принимаемой им формы *Parnua* предлагает иран. **Farnavahu-* «добрый славой». Самостоятельное имя могло бы представлять и *Parnu*, ср. Φάρνος, *Pharnas* — легендарный царь Мидии у Ктесия и Армении у Моисея Хоренского (ср.: Justi, 1895, 94), скиф. Φάρνης; (ср.: Zgusta, 1955, 161), в вавилонских документах: *Pa-ar-nu-uš* и *Par-ri-ni-iš* (имя одного лица) и *Par-ri-nu-ú* (возможно, то же лицо, ср.: Eilers, 1940a, 88); последнее могло бы быть параллелью и к *Parnua*. Но при наиболее вероятном чтении с *E-*: *Eparnu* (или *Eparnua*) из Сигрины при Саргоне II непосредственно соответствует имени одного из двух правителей Патушарры (недалеко от района Тегерана, см. ниже), упоминаемых в текстах Асархаддона: *Eparna* и *Šiṭirparna* (*Ši-dir/ṭir-pa-ar-na*, тексты указаны ниже). Второе — бесспорно иран. *Čiϑrafarnah-* (общепризнанная этимология, ср. у К. Таллквиста, Э. Герцфельда и др., также: Дьяконов, 1956, 261); для передачи *čiϑra* ср. с. 85, в частности вавил. *Šiṭirantaḫmu* для **Čiϑrantaxma-*, а также *arri šitir* для *ariya čiϑra* (XPh, вавил.); то же имя в «юго-западной» форме: **Čiss̲afarnah-* > Τισσαφέρνης. Первое же имя, «*Eparna*», рассматривавшееся ранее как иранское (см. ниже), позже стали читать *Epardu* [ср. у Д. Люккенбиля (AR, II, 209, 215), И.М. Дьяконова (1956, 261), замечающего, что старое чтение не подтвердилось, И. Алиева (1960, 96, 99, 228) и др.], соответственно его принимают за эламское (ср. также у Ф. Кёнига об имени из Сигрины); из этого, в частности, делается ответственный вывод о распространении в рассматриваемую эпоху — и еще в VII в. до н.э. — вплоть до северных и восточных районов Мидии эламского или эламо-каспийского языкового элемента. Знаки для *na* и *du* имеют определенное сход-

** В настоящее время принято чтение *Parnua* (Bagg and Schmitt, 2002a, p. 989).

ство, и можно было бы допустить ошибку (*Eparna* вместо действительного — *Epardu*) в чтении или издании. Чтение с *-du* было предложено, когда могли быть использованы лишь давно известные надписи Асархаддона. Но во всех доступных автору настоящей работы изданиях этих текстов последний знак данного имени (где оно сохранилось) ясно читается как *-na* (этому соответствовало бы и окончание называемого рядом *Šiṭirparna*, с *-a*, а не *-u*). В призме A, стб. IV, 13 в издании Г. Раулинсона (IR, 46) определенно *-na*; текст этой надписи был также тщательно проверен Р. Харпером (1886), отметившим малейшие ясные и возможные неточности в указанном издании, но об этой строке он не упоминает, а в транскрипции и переводе текста (Harper, 1887) дает также *Eparna*. В призме B, стб. IV, 6, по изданию (IIIR, 15) ясно читается [...]*pa-ar-na*. Во фрагментах призмы C (изд.: Harper, 1887, 18–25) определенно *E-pa-ar-na*, знак написан совершенно так же, как и в имени Шитирпарна. В призме S (изд.: Scheil, 1914б) соответствующий отрывок вообще не сохранился. Теперь известен ряд других надписей Асархаддона с описанием тех же событий; в них также определенно *-na* (ср., например, в новой призме в изд.: Heidel, 1956, стб. III, 57: [...*-a*]*r-na*). Сомнения окончательно устраняются и данными найденного в 1951 г. в Калху цилиндра Асархаддона (изд.: Wiseman, 1952), где в отличие от других текстов имена имеют окончание *-i*, а не *-a*, причем в обоих именах ясно читается *-ni* (стк. 34: ^{l}*Ši-ṭir-pa-ar-ni* ^{l}*E-pa-ar-ni*); этот знак уже не имеет ничего общего с *du*. Таким образом, имя из Патушарры определенно *Eparna* (а не *Epardu*), как и другое имя из той же местности, оно содержит иран. *farnah-*. По И. Шефтеловицу (1902, 275), *Eparna* — иран. *Hufarnah-*; хотя такое имя реально засвидетельствовано в иранской ономастике, передача иран. *hu* > акк. *e* вряд ли допустима. Можно, правда, указать на скиф. Εὐβαρνάκης (из Танаиса), по Ф. Юсти (1895, 89), М. Фасмеру (1923, 38) и Л. Згуста (1965, 95), **Hu-va-rəna-ka*, что маловероятно, а греч. *-βαρνα-* возможно и для *farna-* (ср., например, с. 103–104, 371); но и Εὐ- для *hu-* также сомнительно; зато это скифское имя может соответствовать рассматриваемым именам двух правителей из ассирийских текстов. По Ф. Юсти (1895, 141), *«Eparna»* (из Патушарры) и *«...parnua»* (из Сигрины) — иран. *Wifarnā* «dessen Glück ausgebreitet ist» [ср. также у Эд. Мейера (1908, 9) для *Eparna* и у К. Таллквиста для *Eparna* и *Eparnua*], ср. имена с *vi-*: др.-перс. *Vidarna-*, *Vivāna-* и др.; но и *E-* для *Vi-* (скорее было бы *mi-*, *u-* и т.д., ср. с. 104 и сл.) маловероятно. Правильным следует признать объяснение Э. Герцфельда: *Awi-farnah-* (см.: AMI, IX, 169 и др., у Э. Герцфельда *Awi-vharnah-* и *Čiθravharnah-*, но произношение *vharnah-* во всяком случае для

этих имен вряд ли возможно). Имя должно соответствовать авест. *aiwi.xᵛarənah-* (Яшт XV, 48), засвидетельствованному и как личное имя (Яшт XIII, 117). Правители из Патушарры и Сигрины, таким образом, носили имя с примерным значением «наделенный фарном в высокой степени», «со сверхфарном», «с небесной благодатью, дающий наибольшее благополучие» (то же, по-видимому, в скиф. Εὐβαρνάκης)*.

Далее в списке 713 г. до н.э. следует имя *Sitirna*? (*?Si?-tir-na*, стк. 15); как возможно иранское оно отмечалось И.М. Дьяконовым (1956, 221, 222, «Ситирна», без этимологии); но иранское объяснение имени (при форме *Sitirna*) затруднено (быть может, *s* = *š* < *č*, ср. с. 242–243, примеч. 33, от *čiϑra-*?). Не исключено также, что начало имени было иным (для *-tirna* ср., например, название западномидийской местности *Utirna*, ^{KUR}*U-tir-na*, анн., 159 по KS).

Uppamma (стк. 16, уже определенно с начала строки и с детерминативом), очевидно, иран. *Upama-*, см. под № 49.

Maždaku — иран. **Mazdaka-*, см. под № 54 (о названии владения *Amakki* ср. с. 307).

Ištesuku (*Iš-te-su-ku*, стк. 18) — см. ниже.

Uarzan — иран. **Varzana-*, см. под № 64 (владение: *Uqutti*, ^{KUR}*U-qu-ut-ti*, стк. 19).

Ašpabara — иран. **Aspabāra-*, см. под № 68.

Далее называются правители из Бит-Бари и Бит-Барбари (см. № 88), затем правитель Уппурии Сатарпану.

Satarpānu — иран. **Xšaϑrapāna-*, см. с. 370.

Далее в списке перечисляются правители Андирпатиану, Бушту, Канзабакану, Аратпати, Харзиану (см. № 89, с. 369 и сл., 372), а затем два правителя из страны [...]итану (Питану или Баитан?): Иштелику и Аурипарну.

Išteliku (*Iš-te-li-ku*, стк. 30**) — см. ниже.

Auriparnu [*A-ú-ri!-pa!-ar-nu*, стк. 30, ранее обычно читали *Auarparnu*, *A-ú-ar-pa-ar-nu*, ср. у П. Роста (1897, 115), Эд. Мейера (1908, 6), Ф. Кёнига (1934, 56) и др., у К. Таллквиста (1918, 48): *A-u-ar*(?*ri*)-

---

* А. Фукс предпочитает оставить первый знак имени без чтения: *x-pa-a*[?]*r-nu-a*, отмечая, что он может читаться либо *ta*, либо *iš*, но чтение *E* исключено (Fuchs, 1998, S. 40, VI b, 14, und Fußnote 116) (правда, в статье Fuchs and Schmitt, 1999u, p. 397 сохраняется чтение *E-parna*, а само имя считается явно иранским). Р. Цадок относит это имя к иранским, но с вопросительным знаком (Zadok, 2002, p. 126, 130, 138).

** В настоящее время принято чтение *Iš-te-*[r]*su* [?]*-ku*, основанное прежде всего не на форме сильно испорченного знака, а на упоминании в Наджафехабадской стеле II, 62 «Иштесукка из Кайатани». Тем самым восстанавливается то же имя, что и в строке 18 (см. выше). Впрочем, и составители дополнительной коллации упомянутой стелы считают новое чтение «likely, but not certain» (Fuchs, 1998, S. 41, VI b, 30, und Fußnote 121).

pa-ar-nu; в тексте, однако, определенно *ri*, а не *ar*; у Д. Люккенбиля (AR, II, 104 sq.) *Aurisarnu*, так же у И.М. Дьяконова (1956, 221) «Аурисарну», причем он замечает, что это «может быть описка вместо встречающегося в других случаях Аур(и)парну»; но имя более нигде не упоминается, а «*Auarparnu-*» читают по тому же тексту, где Д. Люккенбиль и И.М. Дьяконов видят *Aurisarnu*, т.е. *A-ú-ri-is-ar-nu* (так как *sa* определенно не может иметь места); но здесь именно знак *pa*, в том же написании, как и двумя строками выше в названии *A-rat-pa-ta*, что следует определенно принять, ср. с. 370, вместо читавшегося ранее *A-me-is-ta*; на чтение *Aratpati* указал как раз И.М. Дьяконов*; кроме того, для *Aurisarnu* закономерно было бы *A-ú-ri-sa-ar-nu*, а не *-ri-is-ar-nu*)]. *Auriparnu* — иран. **Ahurafarnah-***. П. Рост, Эд. Мейер, К. Таллквист и другие авторы сопоставляли «*Auarparnu*» с 'Ороφέρνης, для последнего обычно ссылаясь на Ф. Юсти (1895, 234, 493), но его толкование этого имени (от авест. *vouru*) вряд ли возможно. И при распространенном объяснении имени «Ороферн» как **Aurvafarnah-* оно не может соответствовать рассматриваемому имени, для которого тем более трудно допустить эпентезу в *arva*, и передача *aurva* > *auar-* и *auri-* также едва ли возможна. По Ф. Кёнигу (1934, 56) «Аурпарну» и по И.М. Дьяконову (1956, 222) «Ауripарну» — это иран. *Ahurafarna* (ср. также: Nyberg, 1938, 334, 474, — с сомнением в этом толковании Ф. Кёнига). Именно *Ahurafarnah-* безусловно и передается в ассир. *Auriparnu*(!): имя определенно иранское, с *-parnu* < *-farnah-*; *Au-* для *Ahu-* также не требует пояснений; *i* для *a* встречается и в других случаях (в частности, рядом с *r*) и особенно часто в конце первой части сложного слова (ср. с. 84 (примеч. 4) и сл., 88 и сл., *Mitri-* для *Miθra-* в *Miθradāta-* и т.д.), как и в вавил. *Urimizda* 'Ахурамазда' с *Uri-* для *Ahura-*; ассирийская передача даже более точна. Значение всего имени «обладающий (наделенный) фарном от Ахуры», ср. **Bagafarnah-*, известное уже по ассирийским текстам (а также образованное в иноязычной среде *Parni/a-Aldi* 'с фарном

---

* Современное чтение — Аратиста. См. примеч.** к с. 289 и примеч.* к с. 370.

** Автор критического издания анналов Саргона II А. Фукс принимает чтение *Auarisarnu* (*A-ú-a-ri-is-ar* ⌜*-nu*⌟) (Fuchs, 1998, S. 41, VI b, 30 und Fußnote 122). На прорисовке (ibid., Tafel 7) действительно отчетливо видно, что в шестом знаке имени (первым является детерминатив личных имен) горизонтальные клинья не пересекаются с вертикальным, т.е. формально мы имеем дело со знаком *is*. Однако этот знак буквально «налезает» на следующий знак *ar*, и писец мог укоротить горизонтальные клинья, чтобы избежать соприкосновения соседних знаков. Кроме того, написание *ri-is-ar-nu* действительно не вполне обычно: недаром Р. Цадок, принимая чтение А. Фукса, машинально исправляет его транслитерацию на *A-ú-a-ri-sa-ar* ⌜*-nu*⌟ (Zadok, 2002, p. 116), хотя знаком *sa* интересующий нас знак быть никак не может. В связи с этим не стоит окончательно отвергать чтение *Auariparnu*.

от Халди'), а затем и для ахеменидского времени (см. с. 371), **Miθrafarnah-* (ср.: Justi, 1895, 213), *Artafarnah-* 'Артаферн' (VI в. до н.э. и позже) и т.д. По античным источникам известен ряд древних западноиранских имен, которые могли содержать *Ahura* > *Oro*, 'Оро-; всем им, однако, давали и иные объяснения. Но, например, имя брата Гауматы по Трогу — Юстину (I, 9; и имя Гауматы в античной литературе известно лишь по этому источнику), *Oropastes* (очевидно, из *'Ωροπάστης, если имя попало в греческий в VI — первой половине V в. до н.э.), по сравнению с Μιθροπαύστης, Μιθρωπάστης (ср.: Justi, 1895, 216) и др.-перс. *A^{h}uramazdā upastām abara* (Бех., многократно) должно содержать *Ahura* + *upastā* (ср.: Marquart, 1893, 619, Anm. 403: «dem Ahura Beistand ist»; ср. также: Дандамаев, 1963, 129, о несостоятельности отождествления Г. Хюзингом Оропаста с Аурватаспой Авесты). Также 'Οροβάτης (Курций Руф, IV, 12, 8 под 331 г. до н.э.), очевидно, образовано от *Ahura-*, ср. Μιθροβάτης (уже при Камбизе, ср. Геродот, III, 120, 126, и позже), Μεγαβάτης (VI в. до н.э., Геродот, V, 32 и др., и позже; с Μεγα- для *Baga-*), 'Αρταβάτης (Геродот, VII, 65) и др., ср. также Βαγαπάτης, 'Αρταπάτης и др. Равным образом в имени из Каппадокии 'Οροφέρνης (с первой половины IV в. до н.э. и позже) 'Оро- скорее всего соответствует др.-иран. *Ahura-*, и это имя действительно может служить параллелью к *Auriparnu* < *Ahurafarnah-*.

Arbaku — иран. **Arbaka-* 'Αρβάκης', см. под № 54.

Далее в списке назывался правитель из Барикану ([Сатарп]ану; ср. в ПА).

Таким образом, из 20 правителей списка 713 г. до н.э., имена которых сохранились в дошедшем тексте, Эпарну (или Парнуа), трое по имени Машдаку(-уку), Уарзан, Ашпабара, Сатарешу, Зардука, Аурипарну, Арбаку и двое Сатарпану, т.е. 12 правителей, носили определенно иранские имена. Должны быть отнесены к иранским также имена Упама и Арийа, а возможно, и Ушра(й). Из остальных пяти имен одно (из Бит-Барбари), сохранившееся лишь частично, не дает оснований для каких-либо выводов; неясно и чтение имени Си(?)тирна (быть может, иранского); для имени «Шаррути» возможны разные чтения (но в отличие от предыдущего оно скорее неиранское). Два не рассмотренных выше имени, *Ištesuku* и *Išteliku*, возможно, следует отнести к неиранским, по крайней мере второе из-за его *l* [по Ф. Кёнигу, это германское «Стилихон»; указывая на явную несостоятельность этого мнения, И.М. Дьяконов (1956, 221, 222) считает оба имени неиранскими; также И. Алиев (1960, 94) относит их и *Ištumegu* 'Астиаг' к именам, происходящим из старых местных языков]. Если считать, что элемент *Išt(e)-* в обоих именах единого проис-

хождения, то и *Ištesuku* должно быть отнесено к неиранским именам. Но допустимо рассматривать эти имена отдельно (вторая часть в *Ištesuku* может быть легко объяснена из иранского, ср., например: Markwart, 1930, 13), начальное *Išt-* засвидетельствовано также в аккадской передаче безусловно иранского имени из Мидии: *Ištumegu*. По Эд. Мейеру (1908, 6), и ассир. *Išteliku* передает то же иранское имя — Астиаг (у Эд. Мейера вслед за Ф. Юсти *asti/asta-vaegha* «Körperkraft habend»), но это трудно допустить; едва ли возможно (но все же не исключено, ср. с. 105), что акк. *l* здесь соответствует иному древнеиранскому звуку*. Имя Астиага известно по вавилонским текстам: *Ištumegu* (источники см. с. 94), по Геродоту: 'Αστυάγης и по Ктесию: 'Αστυῖγᾶς. *I-* в *Ištumegu* (форма доахеменидского вавилонского) либо результат восприятия начального гласного как протетического (ср. с. 84, 87), либо отражение особенности иранского произношения (см. ниже); во второй части имени определенно иран. *vaiga-*, что принималось уже давно (Ф. Юсти, за ним Эд. Мейер, К. Таллквист и др.), но толкование имени в целом, в частности и в связи со значением, дававшимся при этом *vaiga-*, неудовлетворительно. Очевидно, правильно у И. Маркварта (1930, 13) и Э. Герцфельда (1947, 90 sq., ср. и в других работах тех же и некоторых других авторов): *Ṛšti-vaiga-* 'размахивающий (потрясающий) копьем' (от *vaig-* или 'наносящий удары копьем', *от vaiga-* 'удар') с развитием *ṛšt-* > *ist-*. В ряде западноиранских диалектов рано произошел переход *ršt* > *št*, вместе с тем начальное *ṛ* наряду с *ar-* могло давать *ir-*; соответственно *ṛšt-* может быть представлено как *ašt-* и *išt-*, причем эти варианты непосредственно прослеживаются для слова «копье», др.-иран. *ṛšti-* и *arsti-*, ср., в частности, арм. *ašteay* и н.-перс. *xišt* (ср. с. 97, с добавлением *x-*, ср. *xirs*, но также *xišm* < *aišma* и др.). Имя *Ṛšti-vaiga-* известно теперь по персепольским документам (ср. с. 97), здесь оно выступает еще в форме с *ṛ* (элам. *Irišti-* для *Ṛšti-*), ср. также ср.-перс. *aršt*. Зато в вавилонских документах V в. до н.э. встречается иранское название должности *aštebaru* = др.-перс. *aršṭibara-* 'копьеносец' (см.: Eilers, 1940a, 99, 106), здесь определенно отражен переход *ršt* > *št*, а рефлекс др.-иран. *ṛ* как обычно в ахеменидском вавилонском представлен как *a* (ср. с. 97–99). То же слово засвидетельствовано как личное имя 'Αστιβάρας в источниках (ср.: Justi, 1895, 47), очевидно восходящих здесь лишь к Ктесию и, как и он, называющих так мидийского царя, соответствующего Киаксару Геродота, отцу Астиага, у Ктесия — Аспанда-Астиага. Это свидетельство по меньшей мере указывает на существование такого

---

* См. примечание** к с. 375, а также: Zadok, 2002, p. 116, 118, 120.

мидийского имени и на то, что в V в. до н.э. оно уже произносилось с *-št-* (<-*ršt-*); для того же времени об этом произношении свидетельствуют упомянутые данные вавилонских документов, а уже для первой половины VI в. до н.э. имя Астиага — вавил. *Ištumegu* (где в связи с последующим *v* > *m Ištu* против *ašte* в *aštebaru*). Представляется вполне вероятным, что переход *ršt* > *št* осуществился в некоторых западноиранских диалектах уже к концу VIII в. до н.э.

Однако и независимо от происхождения имен Иштесуку и Иштелику в целом состав личных имен списка 713 г. до н.э., как мы видели, определенно свидетельствует не только о широком распространении, но и о бесспорном преобладании ираноязычного элемента на соответствующих территориях. Что касается топонимических названий этого списка, а также относящихся примерно к тем же территориям и сообщаемых в анналах под 713 г. до н.э. (ср. ниже), то и тут наблюдается примерно та же картина, которая вырисовывается по данным, определенно относящимся к областям западнее Мидии: наряду с рядом топонимов, иранская принадлежность которых может быть установлена достаточно определенно, а также многих таких, которые могут происходить как из иранских, так и из иных языков, имеются и определенно неиранские названия. Такие факты и для этих, преимущественно мидийских, территорий не обязательно должны свидетельствовать, что иранский элемент в конце VIII в. до н.э. состоял там из отдельных групп и верхушечного слоя населения. Правители списка 713 г. до н.э., как и списка 714 г. до н.э. (ср. с. 355 и сл.), безусловно происходили из среды жителей своих владений. Имена этих правителей должны непосредственно отражать этнический и языковой состав населения соответствующих местностей в данный период.

К числу иранских топонимов списка 713 г. до н.э. могут быть отнесены Сигрина (см. под № 51), Андирпатиану, Аратпати, Барикану (написания см. выше), *Partakanu* (˹*pa*˺*-ar-ta-ka-nu*, стк. 37; последнее уцелевшее название списка; имя правителя не сохранилось); возможно иранскими являются Амаки (ср. с. 307), Укути, Упуриа, Бушту и др. К числу определенно неиранских названий относится, в частности, Кар-зину (стк. 33, см. выше, очевидно, неиранские и упоминаемые затем *Za-za-ak-nu*, стк. 35, и *Qar/Gar-ka-si-a*, стк. 36)*; в этой местности правил «Шаррути». Кар-

* В более поздней работе Э.А. Грантовский предложил иранскую этимологию топонима *Kàr-ka-si-a* < иранского **Ka(h)rkāsya-* «Ястребиная» (Грантовский, 1971, с. 322, примеч. 18). Согласно Р. Цадоку, если ее принять, то написание *Kār-kaš-ši-i*, «Стена касситов», придется считать народной этимологией ассирийских писцов (Zadok, 2002, p. 117, 121).

зину (и его правитель) упоминаются в списке 714 г. до н.э. в группе владений, в которых правили также Багпарну и Машдакку (бесспорно иранские имена), Дари и Ушра(й) (первое вполне вероятно, второе возможно иранское имя) и Аккусу (очевидно, неиранское имя). Названия того же типа, как Кар-зину, известны в Мидии для времени Тиглатпаласара III: Кар-зибра (см. с. 275) и позже при Асархаддоне: Кар-зитали (где-то недалеко от Андирпатиану); при Асархаддоне упоминается и Кар-Кашши, по которой, очевидно, была названа ассирийская провинция Бит-Кари (ср.: Дьяконов, 1956, 266 и сл., 276 и сл., там же указаны источники). Правителем в Кар-Кашши в то время (по текстам примерно между 672–669 гг. до н.э.) был Каштарити (иран. *Xšaθrita-*), один из основателей независимой Мидии.

Такие данные свидетельствуют, что в Мидии в конце VIII — первые десятилетия VII в. до н.э. еще сохранялись группы неиранского населения, а также бытовали географические названия древнего доиранского происхождения, хотя на этих территориях в тот же период бесспорно преобладал ираноязычный элемент. Вместе с тем, как указывалось (см. с. 275 и сл.), иранские топонимы (также наряду с неиранскими) засвидетельствованы для Мидии уже при Тиглатпаласаре III; единственное сохранившееся в его текстах личное имя из Мидии также должно быть иранским (ср. с. 271 и сл.), как, очевидно, и лишь одно известное для IX в. до н.э. (см. с. 232 и сл.), определенно происходящее из западных районов Мидии. Поэтому и в этих районах широкое распространение ираноязычного населения в конце VIII в. до н.э. не может рассматриваться как следствие появления новых иранских иммигрантов в предшествующее столетие.

Выше уже упоминалось о списке перечисленных в анналах областей, пройденных ассирийцами в 713 г. до н.э. после подавления восстания в Элипи. Среди тех из них, которые должны быть отнесены к окраине и западным районам Мидии (ср. с. 366 и сл.), бесспорно наличие ряда с иранскими названиями. Далее приводится эта часть списка (анн., стк. 158–161 по KS; транслитерация дается ниже лишь для тех названий, для которых она не указывалась ранее); текст фрагментирован; первым, быть может, упоминался Сигрис (ср. с. 277 и сл.), далее следуют Ба'итан (по тексту на границе Мидии с Элипи), *Apsaḫutti* (*KUR Ap/Ab-sa-ḫu-ut-ti*, стк. 159), *Parnuatti* (*KUR Pa-ar-nu-at-ti*, стк. 159, ср. с. 339), Утирна, *Diristānu* (*KUR Di-ri-is-ta-a-nu*, стк. 159; очевидно, с иран. *-stāna* 'место' и т.п., ср. под № 59; здесь в анналах пишется *st*, как и в *Bustis* против обычного *Buštu*; ср. также ПН, 67: *Erištana* — местность у Ба'итана); Уриакку (ср. с. 304), *Rimanuti* (*Ri-ma-nu-ti*, стк. 160), Уппуриа, *Ujadaue*

(*Ú-ia-da-ú-e*, стк. 161), Бустис. Напротив, ни одно из упоминаемых далее названий, Агази, Амбанда, Данану, определенно относящихся к более восточным районам (ср. с. 366), не обладает специфическими чертами, которые позволили бы с какой-то долей уверенности относить его к иранским*. Впрочем, для VII в. до н.э. иранские топонимы засвидетельствованы и для востока Мидии (ср. с. 418–419). Тексты Саргона II рядом с названными выше восточными районами Мидии упоминают страну или народ «Ариби Востока» (см. с. 366). Отождествления *Aribi* с ариями (Г. Хюзинг, И. Алиев и др., литературу см.: Дьяконов, 1956, 220 и сл.; предполагается, что *-bi* — суффикс множественного числа эламского или близкого ему языка) или с названием *Haraiva-* (Э. Герцфельд) не представляются возможными по ряду оснований. «*Aribi* восхода солнца» буквально значит «арабы Востока» (этот перевод и принимался Г. Винклером, М. Штрекком и рядом других авторов конца XIX в., позже см. также у Ф. Тюро-Данжена и др.), и ассирийцы безусловно называли так какие-то, с их точки зрения, близкие арабам в этническом или лишь в хозяйственно-бытовом отношении племена. Еще в средние века на юго-востоке Ирана (уже в Кирмане и далее на восток) были известны кочевые или полукочевые племена, принадлежавшие к местным доиранским этническим группам (ср., например: Minorsky, 1938; иранские же племена в период продвижения в Иран не были кочевыми, ср. с. 432 и сл.). Если видеть в противопоставлении мидян и «ариби востока» результат этнического различия, то это указывало бы, что «восточные арабы» — неиранские племена (а мидяне были иранцами, ср. с. 204 и сл.; и уж во всяком случае во время Саргона II иранский элемент решительно преобладал в Мидии, а эламский или близкий к нему не был распространен). Если же связывать название *Aribi* и с конкретным этнонимом, то следует прежде всего учитывать (что также предлагалось в литературе) данные античных авторов об арабиях, обитавших где-то на востоке Ирана и у его юго-восточной окраины; из этих данных также определенно следует, что арабии не принадлежали к числу иранских племен.

Кроме списков 714 и 713 гг. до н.э. несколько личных имен из местностей, которые должны были находиться у границ Мидии или на ее западной окраине, сообщают письма царской корреспонденции времени Саргона II. Помимо Ашпабары и Уаксатара (оба в HABL, № 645), возможно происходящих из Элипи и Области Речки (см. № 68 и 74, но не исключено, что это иные лица с

* Об этих топонимах см.: Zadok, 2002, p. 128, 131.

теми же именами), упоминаются также Каракку, Уппите, Раматеи/Рамети (об этих трех именах см. ниже), Багатуна (см. под № 39), Амакану и Асрукану (см. там же и с. 306 и сл.), и лишь одно имя из той же серии писем — *Ludū/Lutū* (*Lu-du-ú*, HABL, № 128, *Lu-tu-ú*, № 645) — является определенно неиранским. Особенно характерны уже рассматривавшиеся выше данные писем HABL, № 645 и 713, на основании которых устанавливается принадлежность к роду, правившему в Уриаку (упоминается и в других текстах), Каракку (известен и по списку 714 г. до н.э.), Уппите и Раматеи/Рамети. Все эти имена, а также название местности должны быть отнесены к иранским (см. под № 11, 47, 49, 54, с. 304, ср. также с. 361, 371).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из изложенных выше материалов следуют прежде всего два главных вывода:

1. Ираноязычное население уже было широко распространено в Западном Иране в IX–VIII вв. до н.э., т.е. задолго до киммерийско-скифских вторжений и создания Мидийского царства. Для второй половины VIII в. до н.э. можно говорить о полном преобладании иранского этнического элемента во многих областях Западного Ирана. Но и данные IX в. до н.э. определенно свидетельствуют, что в ряде районов той же территории имелось ираноязычное население и по крайней мере в некоторых областях уже составляло большинство (особенно характерны материалы о странах с названиями, происходящими от этнонима персов, и список правителей 820 г. до н.э.). Этот вывод может быть сделан и на основании тех засвидетельствованных в IX и VIII вв. до н.э. личных имен, а также ряда топонимов, иранская принадлежность которых несомненна. Кроме того, многие другие имена (в том числе большое число топонимов) вполне могут быть иранскими, хотя с полной уверенностью утверждать это о каждом таком имени нельзя (судя лишь по ассирийской передаче, допустимо и случайное совпадение с подобными по звуковому составу именами других языков). Но из имен этой группы по крайней мере значительная часть, очевидно, также должна принадлежать к иранским (особенно те, которые связаны с другими именами определенно иранского происхождения). В этом случае удельный вес ираноязычного элемента среди населения Северо-Западного Ирана как в IX, так и VIII в. до н.э. следует признать еще более значительным.

2. В областях к западу от Мидии, в том числе на территориях, находящихся на большом расстоянии от нее, в Приурмийском районе, на Армянском нагорье, в северо-восточных районах современного Ирака и т.д., ираноязычное население также представлено в IX–VIII вв. до н.э. Более того, выводы первого пункта сделаны прежде всего на материалах с этих территорий. Для собственно Мидии в IX в. до н.э. (под 820 г. до н.э.) известно лишь одно личное имя (по-видимому, иранское). Во второй половине VIII в. до н.э. для нее засвидетельствован ряд бесспорно иранских имен; кроме того, значительное число также определенно

иранских имен должно быть отнесено к Мидии или пограничным с ней (на западе) районам. Преобладание ираноязычного населения в Мидии, во всяком случае в ее западных областях, также не вызывает сомнения, хотя и на ее территории для этого времени отмечаются неиранские личные имена и топонимические названия. Для районов к западу от Мидии определенные выводы возможны для значительно более раннего периода.

Уже для начала IX в. до н.э. ираноязычный элемент, очевидно, отмечается в Замуа (область современного Сулеймание). В различных районах у западных границ Ирана обитали племена персидской группы. Имеющиеся сведения, по-видимому, указывают и на проникновение уже в первой половине IX в. до н.э. каких-то иранских групп и гораздо далее к западу, в районы у верхнего течения Евфрата (имена из Куммуха — Коммагены, если они действительно содержат иран. *-aspa-*). Из списка 820 г. до н.э. следует, что ираноязычное население было распространено в западных и южных частях Приурмийского района и в областях, непосредственно примыкающих к нему с юга. Топонимические материалы, содержащиеся в описании похода Саргона II в 714 г. до н.э., позволяют предполагать, что иранские племена уже задолго до этого времени обитали на территориях к востоку и северу от оз. Урмия. Данные второй половины VIII в. до н.э., относящиеся к ассиро-урартской пограничной полосе, свидетельствуют о результатах длительных контактов иранского элемента с хуррито-урартским в южных районах Урартского государства и соседних с юга областях. Можно с уверенностью утверждать, что в пределах Урартской державы продолжало обитать ираноязычное население, имевшееся в соответствующих районах до их включения в состав Урарту (хотя после этого личные имена из этих районов и не засвидетельствованы). О восточных провинциях Ассирии определенно известно, что в них еще оставались местные мелкие правители, имена которых встречаются в некоторых ассирийских источниках. Эти имена показывают, что ираноязычное население продолжало обитать здесь, не утратив своего этнического лица. В пределах Манейского царства, по крайней мере вне основного ядра Маны, определенно обитали иранские племена; собственно говоря, в большинстве областей, входивших в Манейское царство, представлено именно ираноязычное население. Оно безусловно имелось и в Элипи (а также южнее, на границах Элама, уже с IX в. до н.э.). На территориях между Маной на севере и Элипи на юге иранский элемент бесспорно представлен задолго до включения этих территорий в состав Ассирии (и частично Маны).

То обстоятельство, что тексты второй половины VIII в. до н.э. содержат многочисленные материалы об ираноязычном населении, безусловно, не следует рассматривать как свидетельство появления в упомянутых областях новых иранских племен (или во всяком случае их значительных групп) в конце IX — первой половине VIII в. до н.э. Более скудные данные IX в. до н.э. фиксируют наличие иранского элемента примерно в тех же районах, а в ряде случаев для тех же территориальных и политических единиц, для которых он засвидетельствован и во второй половине VIII в. до н.э. Материалы этого времени, указывающие на широкое распространение или (в ряде областей) уже полное преобладание иранского этнического элемента, помимо состояния самих источников (в основном лишь краткие свидетельства анналов IX в. до н.э. и гораздо более обстоятельные сообщения текстов разного рода второй половины VIII в. до н.э., особенно времени Саргона II), отражают развитие и распространение ираноязычного населения на тех территориях, куда оно проникло уже к IX в. до н.э. Первые конкретные сведения о населении Замуа под 881–880 гг. до н.э., о стране Парсуа (с 843 г. до н.э., т.е. с начала проникновения ассирийцев на эти территории) и т.д. указывают, что ираноязычное население в этих областях должно было находиться уже в X в. до н.э. Тексты Ададнирари II (911–890), как и Тукульти-Нинурты II (889–884), никак не могут свидетельствовать об отсутствии иранского элемента на тех территориях, где он засвидетельствован позже, в IX в. до н.э., так как их надписи еще не содержат сведений об этих территориях (за исключением упоминания Замуа в кратком сообщении о походе Ададнирари II от Нижнего Заба до границ Намара; но иные данные об этих областях не приводятся). Несколько более существенны в этом отношении материалы анналов Тиглатпаласара I (конец XII — начало XI в. до н.э.) с описанием его походов на север (имеются сведения о странах вплоть до северо-западных районов «Наири») и северо-восток (в этом направлении, очевидно, не далее бассейна Нижнего Заба), а также большой надписи Шильхак-Иншушинака (вторая четверть XII в. до н.э.), сообщающей о завоеваниях этого эламского царя в областях Загра к востоку от Двуречья (на севере до районов по Нижнему Забу) и называющей большое число «стран» и «городов» с этих территорий (включавших, очевидно, и район, где позже находилась Парсуа), среди этих названий еще не встречаются те, которые упоминаются в текстах IX–VIII вв. до н.э. и могут быть или определенно являются иранскими; правда, личные имена из тех же областей в XII — начале XI в. до н.э. неизвестны, а у Тиглатпаласара I упоминается лишь не-

сколько имен из стран к северу от Ассирии (но все определенно неиранские). Кроме того, в надписях названных ассирийского и эламского царей, например, вообще не имеется сведений о Приурмийском районе (куда, судя по данным IX–VIII вв. до н.э., очень рано проникли иранские племена). Тем не менее можно считать, что по крайней мере в непосредственной близости от Ассирии, в соседних с ней районах Армянского нагорья и Загра, в том числе именно к востоку от Двуречья, ираноязычного населения в XII — начале XI в. до н.э. еще не было. Его проникновение сюда, таким образом, должно было иметь место в XI–X вв. до н.э. и определенно в X в. до н.э. Появление же иранских племен в областях далее к северу (в Закавказье или также в Приурмийском районе, при их движении из-за хребтов Кавказа) или к востоку (на территории будущей Мидии, при движении из Средней Азии или Северо-Восточного Ирана) следует отнести к XII–XI вв. до н.э. (а возможно, и ранее) и достаточно определенно к XI в. до н.э.

Сформулированные выше выводы о распространении ираноязычного населения в северо-восточных районах Передней Азии, а также иные материалы, приведенные в главе II, позволяют пересмотреть ряд других проблем истории западноиранских племен периода их проникновения в Переднюю Азию и последующих столетий, до эпохи создания ими великих государств древности — Мидийской, а затем Ахеменидской держав. Рассмотрение этих проблем требует, естественно, специального исследования многих иных материалов. Тем не менее мы кратко остановимся здесь на некоторых из таких вопросов, не затрагивая всех данных, которые могут быть привлечены для их решения.

Одна из основных проблем ранней истории иранских народов Передней Азии, весьма важная и для истории ираноязычных народов, обитавших на иных территориях, а также ряда индоевропейских народов, — это вопрос о путях проникновения западноиранских племен в Переднюю Азию. Они могли прийти сюда либо с востока, из Средней Азии и соседних с ней районов (точка зрения большинства исследователей), либо с севера, через Кавказ. Существующие положения по данному вопросу были подробно охарактеризованы в главе I. При его решении выдвигаются следующие аргументы: те или иные мнения о родине индоевропейских, арийских и иранских народов; выводы, сделанные на археологических материалах; соображения по поводу распространения различных этнических групп на территории Ирана и соседних с ним стран в античный и даже в раннесредневековый периоды; получившие в последнее время особое значение выводы, основанные на сведениях ассирийских источников IX–VII вв. до н.э.

Материалы ассирийских надписей уже давно использовались при обосновании теории о продвижении иранских племен в Западный Иран с востока (Ю. Прашек, Эд. Мейер и др.). Исходя из данных тех же источников, Г. Хюзинг и Ф. Кёниг отстаивали иную точку зрения — о кавказском пути западноиранских племен (но, по их мнению, иранские имена в ассирийских текстах единичны и удельный вес ираноязычного элемента среди населения северо-западных окраин Ирана в IX–VIII вв. до н.э. был крайне незначителен; по Г. Хюзингу, пройдя по этим районам, иранские племена быстро покинули их, продвинувшись на юго-восток и восток); их положения, однако, не получили дальнейшего развития и признания в специальной литературе. Позже данные ассирийских источников привлекались лишь авторами, придерживающимися мнения о восточном происхождении западных иранцев (Дж. Кэмерон, Х. Нюберг и др.; причем лишь Э. Герцфельд считал, что, придя с востока, иранские племена уже в IX–VIII вв. до н.э. были весьма широко распространены в Западном Иране, но не далее границ Урартского царства к востоку от Урмии, владений Ассирии в районе Керманшаха и Элама к юго-западу от области Исфагана). В последнее время именно ономастические материалы ассирийских текстов рассматриваются в качестве доказательства теории о продвижении западноиранских племен из Северо-Восточного Ирана и Средней Азии (И.М. Дьяконов, И. Алиев, Г.А. Меликишвили и др.), причем особое значение имели обосновывающие это положение выводы И.М. Дьяконова в его «Истории Мидии» (1956), получившие широкое распространение в исторической и археологической литературе. Считают, что данные ассирийских источников непосредственно фиксируют продвижение иранского этнического элемента с востока на запад Ирана в IX–VII вв. до н.э. При этом, по Г.А. Меликишвили, в указанный период для районов северной части Загра засвидетельствованы лишь единичные иранские имена, в областях же к югу и востоку, появляясь в IX в. до н.э., они весьма широко представлены в конце VIII в. до н.э.; во второй половине VIII в. до н.э. отдельные иранские группы проникают и в южную часть Приурмийского района. По мнению же И.М. Дьяконова и И. Алиева, до конца VIII в. до н.э. ираноязычное население вообще отсутствовало в районах к западу от Мидии (или даже и в ее западных частях), а о значительных иранских племенных группах можно говорить лишь для Восточной Мидии во второй половине VIII в. до н.э. Но вопреки указанному тезису ассирийские тексты отнюдь не содержат материалов, которые действительно могли бы указывать на продвижение западноиранских племен с

востока на запад (как уже отмечалось автором настоящей работы, ср.: Грантовский, 1958, 152 и сл.; 1962а, 263); напротив, данные ассирийских надписей скорее свидетельствуют о продвижении этих племен с севера, через Кавказ (ср. там же).

В одной из работ, вышедших после «Истории Мидии», И.М. Дьяконов (1960) согласился с тем, что появление иранского ономастического материала на крайнем северо-западе Ирана следует датировать более ранним временем, чем это было сделано в названной монографии; однако теорию о продвижении как переднеазиатских ариев II тысячелетия до н.э., так и предков мидян и персов через Кавказ он продолжает считать неубедительной и настаивает на том, что и те и другие пришли из Средней Азии и соседних с ней районов (связывая это мнение с археологическими материалами, исследованными В.М. Массоном, см. с. 62 и сл.). Но если принять положение о том, что иранские имена и ираноязычное население засвидетельствованы на крайнем северо-западе Ирана хотя бы ранее конца VIII в. до н.э., тезис, согласно которому материалы ассирийских текстов определенно указывают на продвижение иранских племен с востока на запад, останется бездоказательным, ибо данные о более восточных районах имеются лишь со второй половины VIII в. до н.э. (причем, по мнению самого И.М. Дьяконова, многие имена в этих восточных районах неиранские).

Однако, как было показано выше, ираноязычное население определенно засвидетельствовано на северо-западных окраинах Ирана и даже далее к западу уже в IX в. до н.э., а находиться в пределах этих районов оно должно было еще в X в. до н.э. (если не ранее). Из этого, в частности, следует, что если оставаться на позициях теории о восточном происхождении западноиранских племен, необходимо будет отнести расселение их предков с прародины ко времени на много веков ранее, чем обычно предполагается (по И.М. Дьяконову, развивающему положения В.М. Массона, индоиранские племена обитали уже с общеарийского периода на территории Хорасана и прилегающих к нему территорий Средней Азии). Задолго до IX в. до н.э. эти племена должны были бы прочно обосноваться к востоку от тех районов, где с указанного времени засвидетельствовано ираноязычное население; но в ряде областей, расположенных восточнее таких районов, по тем же источникам фиксируется старое местное население (к тому же нередко политически преобладающее). В письменных источниках нет материалов, позволяющих судить для IX в. до н.э. об этническом составе населения Мидии (в пределах, в которых она существовала в IX — первой половине VII в. до н.э.); вполне веро-

ятно, что уже тогда и на ее территории ираноязычный элемент был весьма многочисленным; но он мог проникнуть туда и с северо-запада, через Закавказье и области у Урмии и Каспия. Наличие же ираноязычного населения в районах к западу от тех, где еще сохранялось старое местное население, во всяком случае показывает, что не приходится говорить о постепенном и последовательном распространении иранского этнического элемента с востока на запад.

Имеющиеся данные указывают на распространение ираноязычного населения в IX–VIII вв. до н.э. и на территориях к северу от Ассирии, причем, по-видимому, вплоть до известных по ассирийским текстам в этом направлении пределов, т.е. в северной части Приурмийского района и между Урмией и Каспийским морем. Среди географических названий из областей к северо-востоку от Урмии, упоминающихся при описании похода Саргона II в 714 г. до н.э., многие вполне могут быть иранскими (помимо этих материалов наличие ираноязычного населения и иранской топонимики на территории между Урмией и Каспийским морем определенно устанавливается, например, данными о Зикирту-Сагартии). В то же время далее к югу и юго-востоку, для областей восточнее Ассирии, в тот же период засвидетельствовано гораздо больше топонимов, определенно неиранских по происхождению, хотя ономастические материалы этого времени указывают уже на бесспорное преобладание иранского элемента на данной территории. Для областей к северо-востоку от Урмии личные имена неизвестны, но еще с IX в. до н.э. иранские личные имена засвидетельствованы для западной части Приурмийского района (там же в IX–VIII вв. до н.э., очевидно, представлена и иранская топонимика; иранским по происхождению должно быть и название Хундуру — к северо-западу от Урмии, т.е. местности, откуда происходит самое северное — при возможных в настоящее время локализациях — личное имя, известное по ассирийским текстам, по списку 820 г. до н.э.; это имя, по-видимому, также иранское).

Представляется поэтому вполне вероятным, что западно-иранские племена шли с севера, через районы от восточных (а быть может, и западных) областей Армянского нагорья до Каспийского моря. В этом случае часть их должна была затем продвинуться далее на юг и юго-восток, но остальные остались на указанных территориях. Нет оснований предполагать, что все они ушли оттуда, как, например, считал Г. Хюзинг. Вместе с тем исследователи, не учитывающие данных об иранском этническом элементе в этих областях, а также уверенные в его распространении с вос-

тока (причем в весьма позднее время), не допускают наличия ираноязычного населения (по крайней мере в значительном числе, а как правило не допуская присутствия и отдельных иранских групп) в районах, принадлежавших Урарту до времени ослабления этого государства, а равным образом в областях, вошедших в состав Ассирии еще перед завоеваниями Саргона II в Мидии; также авторы, писавшие о ранних этапах этногенеза курдов, считают, что проникновение (с востока) ираноязычных племен на основную территорию Курдистана относится к эпохе господства мидян и персов, с конца VII в. до н.э. и позже; возможность наличия иранских племен на Армянском нагорье обычно исключается и в специальных работах по истории Урарту. Но, как уже отмечалось выше, и в ассирийских провинциях к западу от Мидии, и на территории Урартского государства сохранялось (именно сохранялось, а не проникало туда, например, в VIII в. до н.э.) ираноязычное население; и на Армянском нагорье иранские племена определенно появились еще до того, как эта территория была объединена под властью Урарту.

Все эти данные свидетельствуют в пользу кавказского пути западноиранских племен, предков таких народов, как курды, атропатенцы, мидяне, персы и др. Некоторые авторы, придерживаясь мнения о продвижении с востока основных групп того ираноязычного населения, о котором известно по ассирийским текстам, вместе с тем допускают, что жители Зикирту — сагартии пришли с севера через Кавказ тем же путем, по которому вскоре двинулись киммерийцы и скифы (К. Тиле, Г. Винклер, И. Алиев и др.). Но считать население Зикирту принадлежащим к иным по происхождению иранским племенам, чем остальные ираноязычные группы, данные о которых содержатся в ассирийских источниках IX–VIII вв. до н.э., безусловно нельзя. В текстах IX в. до н.э. область, где находилась Зикирту, очевидно, еще вообще не упоминается, а из источников времени Саргона II следует, что Зикирту, как и другие (в том числе известные и в IX в. до н.э.) области Манейского царства с ираноязычным населением, существовали задолго до времени Саргона II. Вместе с тем, как определенно свидетельствуют данные VI–V вв. до н.э., сагартии принадлежали к персидской племенной группе. О пребывании же персидских племен в Северо-Западном Иране в IX–VIII вв. до н.э. свидетельствуют различные данные ассирийских надписей. Этноним персов безусловно отложился и в названии страны Парсуа, известной с середины IX в. до н.э., с начала проникновения ассирийцев на эту территорию (у современной ирано-иракской границы, восточнее области Сулеймание, ассирий-

ской Замуа). Урартские надписи свидетельствуют, что в IX в. до н.э. по этническому имени персов называлась и область у южного берега Урмии (сравнительно недалеко от Зикирту). Кроме того, еще в IX в. до н.э. тем же именем называлась страна на северо-западных границах Элама. Тексты VII в. до н.э. упоминают персов (под тем же именем Парсава) при описании событий на территориях к северу и северо-востоку от центров Элама. Может быть, уже в то время или несколько позже они обитали и далее к юго-востоку, в будущей Персиде (Фарсе). Следовательно, данные клинописных текстов IX–VII вв. до н.э. вполне определенно указывают на движение персидских племен по территории Ирана в направлении с севера и северо-запада на юг и юго-восток. Переселение персидских племенных групп, оказавшихся позже в Южном Иране, происходило по областям к западу от собственно Мидии.

Таким образом, ассирийские источники не содержат никаких материалов, которые противоречили бы мнению о северном, кавказском пути предков западноиранских народов. Вместе с тем ономастические и топонимические материалы ассирийских текстов если и не доказывают, то во всяком случае заставляют предпочесть это положение теории о продвижении с востока, из Средней Азии, иранских племен, распространившихся в начале I тысячелетия до н.э. по территориям Западного Ирана и соседних стран Передней Азии (кроме того, те же материалы могут оказаться весьма полезными при оценке данных некоторых других групп источников, которые привлекаются при решении вопроса о происхождении западноиранских племен, ср. ниже).

Как уже неоднократно отмечалось в главе I, точка зрения о восточном происхождении западноиранских племен во многих случаях определяется прежде всего традиционными представлениями о Средней Азии и соседних с ней территориях как о прародине индоиранских народов, на которой их предки жили в общеарийский период и с территории которой расселялись в различных направлениях. В значительной мере именно в связи с этим в литературе до сих пор наиболее распространено мнение о проникновении с востока в Переднюю Азию не только иранских племен в начале I тысячелетия до н.э., но и носителей арийского языка, засвидетельствованного клинописными текстами середины II тысячелетия до н.э. Индоиранцев, соответственно, помещают в Средней Азии и соседних областях иногда еще в первой половине III тысячелетия до н.э. и чаще — с его середины и на протяжении его второй половины, относя к концу этого тысячелетия распад

арийской общности и начало расселения различных арийских групп на другие территории (ср. в работах различного профиля, у Эд. Мейера, В. Пизани, Б. Гхоша, И.М. Дьяконова, В.М. Массона, Ю.В. Ганковского и др.).

Но и авторы, датирующие движение ариев из Европы более поздним периодом и придерживающиеся мнения о кавказском пути переднеазиатских ариев, руководствуются теми же традиционными представлениями о среднеазиатской родине ариев (но уже не всех, а предков иранцев и индоариев). Так, изложение истории ариев с индоевропейской эпохи до распространения в Индии Т. Барроу (ср. с. 24 и сл.) начинает с утверждения, что арийская общность, распавшаяся с уходом индоариев, находилась в Средней Азии и соседних районах, откуда позже расселялись и иранцы, еще сохранившие память о своей родине (имеются в виду данные Авесты). Согласно этой точке зрения (арии в Средней Азии с 2000 г. до н.э., движение переднеазиатских ариев через Кавказ), индоиранский в основных чертах сформировался уже в Европе, а по охарактеризованной выше — предки индоиранцев принесли с собой в Среднюю Азию (около 2500 г. до н.э.) праарийский диалект; но согласно и той и другой точкам зрения, иранский и индийский возникли с распадом арийской общности в Средней Азии и соседних районах.

И независимо от теории о среднеазиатской родине ариев (а чаще в связи с ней) постулируют положение о родине всех иранцев в областях к востоку от Каспийского моря, откуда они расселялись на другие территории, в том числе в скифское время в Юго-Восточную Европу (Э. Бенвенист и многие другие, ср. с. 18 и др.). Этим положением руководствуются и те авторы, которые по другим основаниям не считают обязательным пребывание всех ариев, и в частности предков индоариев, в Средней Азии. Так, В.В. Иванов и В.Н. Топоров (1960, 11, 13, 15), рассматривая Среднюю Азию как древний очаг иранских языков и племен, видят в этом главный аргумент в пользу мнения о движении индоариев через Среднюю Азию, а о пути через Кавказ могут свидетельствовать данные о переднеазиатских ариях. По Р. Хаушильду, переднеазиатские арии (проникшие через Кавказ) не могли быть предками индийских, которые вместе с авестийскими и другими иранскими племенами прошли к северу от Каспия в Среднюю Азию; согласно этому мнению, индийский и иранский развились из арийского еще в Юго-Восточной Европе. Основываясь, в частности, на том же представлении о распространении всех иранцев из Средней Азии и соседних районов, индоевропеисты — от уводящих ариев на восток уже к середине III тысяче-

летия до н.э. (В. Пизани и др.) до относящих данное событие к середине II тысячелетия до н.э. (В. Порциг), — как правило, считают, что после этого и до прихода скифов с востока иранского элемента в Юго-Восточной Европе и Северном Причерноморье не было (см. также у А. Мейе, Т. Барроу, В. Бранденштайна, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, А.А. Зализняка, Ф.П. Филина и др.).

Однако традиционная, в основном восходящая еще к работам XIX в. теория об общей родине ариев в Средней Азии и соседних районах по существу не основана на конкретных фактах (во всяком случае таких, которые можно было бы считать достоверными). Что же касается соображений о переселении иранцев в Иран и индоариев в Индию, а также о распространении из областей к востоку от Каспия всех иранских племен, из чего исходит и теория среднеазиатской родины иранцев, то обе эти теории, в свою очередь, используются при аргументации тезиса о распространении тех или иных арийских и иранских народов с указанных территорий. Помимо этих соображений и связи с теорией об арийской родине положение о происхождении иранцев из Средней Азии и соседних районов основано прежде всего на трактовке материалов Авесты. Но независимо от вопроса о предыстории авестийских текстов (остающегося еще совершенно неясным) данные ее разделов, упоминающих реально отождествляемые географические единицы, отнюдь не указывают на область первоначального распространения ираноязычных племен. Проблемы происхождения Авесты и прародины иранцев вовсе не равнозначны (впрочем, подобные данные Авесты не должны обязательно свидетельствовать и об области раннего распространения предков носителей авестийского диалекта). Так, создание авестийского гимна Митре (Яшт X), в котором упоминаются некоторые области юга Средней Азии и севера Афганистана, датируют V в. до н.э., а первая глава Видевдата (с известным списком стран, начинающимся с Аирьянем-Ваэджо) определенно еще более поздняя, с достаточным основанием ее относят к парфянскому времени (попытки найти в этом списке западноиранские области, очевидно, необоснованны; но зато в нем упоминаются области по Инду, и уже из этого следует, что страны списка — не территории раннего распространения иранских племен; что касается Аирьянем-Ваэджо, о которой, в частности, сообщается, что в ней два месяца лето и десять месяцев зима, то и по другим данным она должна рассматриваться как мифическая страна на далеком севере, во всяком случае первоначально не имевшая никакого отношения к Средней Азии).

Существование различных концепций о распаде индоевропейского диалектного единства, позволяющих опереться на какую-либо из них при датировке появления племен индоиранской группы в Средней Азии, не означает, что данные современной индоевропеистики не представляют более надежных критериев для решения этого вопроса. Так, в настоящее время можно считать установленным, что мнение о раннем выделении арийского из индоевропейского диалектного единства неверно, а авторы, еще придерживающиеся его, исходят из несостоятельных аргументов. По различным основаниям следует, например, отвергнуть точку зрения о развитии форм медиопассива на *-r* в ряде диалектов (хеттский, кельтский, тохарский и др.) уже после утраты арийским связей с другими индоевропейскими диалектами. Этот и некоторые другие подобные выводы, в частности, подразумевают, что арии покинули индоевропейский ареал задолго до хеттов (как и полагают в таких случаях, ср., например, у В. Бранденштайна: арии — к 2500, хетты — к 2000 г. до н.э.). Но выделение хеттов определенно следует относить ко времени, после которого различные индоевропейские диалекты, в том числе предшественники арийских, еще долгое время развивались в контактах между собой (о соотношении хеттского с другими индоевропейскими диалектами см. особо: Иванов, 1963; но его абсолютные даты отделения хеттов — к III тысячелетию до н.э. — представляются все же слишком ранними)*.

Арийский был особенно тесно связан, с одной стороны, с греческим и армянским (ср. литературу на с. 21; эти контакты арийского были, очевидно, особенно существенными), а с другой — со славянскими, а также с балтийскими (ср. с. 20–21, 23 и сл.; контакты в этом направлении, по-видимому, затрагивали иногда и германский). Связи с греческим имеют значение для абсолютной датировки. По В. Порцигу, они осуществлялись (в Северном Причерноморье) до начала II тысячелетия до н.э.; другие авторы, отводящие особое место этим контактам, считают указанную да-

---

* В настоящее время отделение анатолийских языков от прочих индоевропейских относят к еще более раннему времени — V тыс. до н.э. Датировка получена в результате применения усовершенствованной методики, разработанной С.А. Старостиным, который сумел преодолеть недостатки, присущие традиционной методике основателя глоттохронологии М. Сводеша; см.: Старостин, 1989; Starostin, 2000; Embleton, 2000. Как пишет Вяч. Вс. Иванов, «глоттохронология определяет время формирования отдельных друг от друга диалектов (для индоевропейского V тыс. до н.э. по Старостину). Эти диалекты, уже отличные друг от друга, могли сосуществовать в пределах языков еще не распавшейся конфедерации, затем их носители выходят из нее — сперва северно- и южноанатолийский (не позднее начала IV тыс.), потом тохарский и затем, возможно, кельтский (по лексикостатистике Старостина)» (Иванов, 2004, с. 43, примеч. 7).

тировку завышенной. Но ее не следует признавать исключенной. Часть греко-арийских изоглосс в длительной эпохе контактов этих диалектов вполне может принадлежать к позднему периоду связей уже во многих чертах сформировавшихся арийских и греческих диалектов (ср. также ниже). Пребывание же греческого до начала II тысячелетия до н.э. в зоне, где он мог сохранять связи с диалектами, распространенными в Северном Причерноморье, вполне допустимо (соотнесение начала среднеэлладского периода с первой волной греческих племен бездоказательно и, по-видимому, неверно; некоторые авторы теперь предпочитают относить их появление в Греции даже позже начала II тысячелетия до н.э.). Также связи в сторону славянского относятся и ко времени, когда в арийском осуществились по крайней мере некоторые характерные новообразования, отличающие его от других индоевропейских диалектов (и в том числе от славянского). Вместе с тем начало формирования и развитие отличительных черт арийского, как свойственных лишь ему, так и разделяемых с некоторыми другими диалектами, относятся, очевидно, к весьма длительному, но вполне определенному периоду перед отделением арийских диалектов от других индоевропейских (о верхней дате см. ниже). До этого периода особенности, которыми какие-то диалекты могли бы характеризоваться как арийские или праарийские, не существовали. Свидетельства об этом позднем (в рамках индоевропейской общности) развитии имеются почти для всех (или даже всех) основных специфических черт арийского. Так, формирование в контактах арийского с греческим характерных для них особенностей глагольной системы и ряда других грамматических черт (ранее рассматривавшихся как свойственные всему индоевропейскому) в целом проходило, в частности, после периода, который отражен в индоевропейских связях хеттского. Совпадение и.-е. *a, e, o* в ар. *a*, некогда считавшееся свидетельством особой архаичности арийского или его очень раннего отделения от всех других индоевропейских диалектов, завершилось (ср., в частности, ранний слой заимствований из арийского в финских языках*) позднее перехода $s > \check{s}$ после *i, u, r, k* и уже далеко зашедшего процесса изменения в арийском индоевропейских палатальных; а оба эти явления в индоевропейских диалектах также не принадлежат к числу ранних (нет достаточ-

---

* Об арийско-финноугорских контактах см., например: Joki ,1973; Rédei, 1986; Carpelan and Parpola, 2001 (к сожалению, зачастую к индоевропейским заимствованиям относят и исконные уральские лексемы, восходящие к тем же ностратическим праформам, что и родственные индоевропейские этимоны; см. об этом: Helimski, 2000); Абаев, 1981; Грантовский, 1998, с. 69–80; Blažek, 1990; он же, 203; Хелимский, 1998; Kuzmina, 2001.

ных оснований и для сомнений в их определенной и именно синхронной связи с теми же явлениями в других восточных индоевропейских языках, особенно славянском, а также балтийском и армянском).

Хотя сам арийский можно характеризовать как единый диалект, внутри него существовали различия и в праарийский период, но их по крайней мере в основном не следует обязательно рассматривать как прообраз будущих различий между иранским и индийским, они могут быть отражены и в расхождениях внутри иранского и внутри индийского, а группировка диалектов при распаде индоиранского единства могла быть и иной по сравнению с праарийским периодом. Возможно, что отдельные диалекты в пределах общеарийского разделяли вопреки ему и некоторые новообразования иных индоевропейских диалектов, но такие особенности, по крайней мере те, о которых можно судить по данным иранских и индийских языков, должны преимущественно относиться к позднему периоду арийского единства или в основном уже ко времени после его распада (ср. об этом ниже). Помимо этого, различия внутри арийского могли определяться тем, что в зону формирования праарийского вошли области распространения уже ранее отличавшихся друг от друга диалектов, а также тем, что некоторые общеарийские изоглоссы не затронули отдельные диалекты, в остальном являвшиеся вполне арийскими (ср., например, слова с и.-е. *l* в древнеиндийских диалектах и отдельных иранских языках при обычном арийском ротацизме или отдельные глагольные личные окончания в некоторых индоиранских языках, представляющие архаизмы по сравнению с соответствующими им унифицированными арийскими окончаниями в других языках).

В целом, однако, данные всех иранских и индийских языков свидетельствуют об исключительной близости их арийских предшественников, а отмеченные выше моменты лишь подчеркивают интенсивность связей между предками носителей этих языков на протяжении арийского периода; результатом этих контактов были также единообразие и глубокие сходства в хозяйстве, быте, социальном строе, культуре и религии арийских племен, от которых происходят индийские и иранские народы (это устанавливается как по материалам древнеиндийского, авестийского и древнеперсидского, представляющих территориально и диалектно различные арийские группы, так и — в тех или иных частях — по данным, относящимся к другим индийским и иранским народам и их языкам). Об этническом единстве в пределах индоиранской языковой общности свидетельствует и термин *arya-*, засви-

детельствованный как самоназвание для самых различных индийских и иранских народов. Индоиранское единство безусловно следует рассматривать как реальный исторический комплекс, а его возникновение — как результат интенсивных связей в течение определенного периода и на сравнительно ограниченной территории. Эпоха этих контактов между предками индийских и иранских народов в рамках индоиранского единства должна быть, однако, почти целиком отнесена к «праарийскому» периоду, т.е. ко времени до окончательного сложения того «арийского языка» (реально существовавшего, естественно, лишь в совокупности особенностей диалектов), который реконструируется на основании сравнения индийских и иранских языков. Особенность, завершившая создание этого «языка», соответствует последней изоглоссе, распространившейся на праиранские и праиндийские диалекты. Связи между их отдельными группами могли продолжаться и в последующую эпоху, но эти связи уже не были общеарийскими. Таким образом, завершение «праарийского» периода должно непосредственно предшествовать распаду индоиранского диалектного единства.

До сих пор разделяемое рядом авторов мнение, что контакты ариев с остальными индоевропейскими племенами были прерваны до возникновения у последних земледелия или его развитых форм, с полным основанием отвергается другими исследователями (ср. с. 17). При этом прежде всего указывают на сохранение арийским ряда земледельческих терминов, разделяемых им с другими диалектами (большинством или некоторыми). Вместе с тем в противоположность упомянутому мнению о раннем отделении ариев, характеризующему раннее индоевропейское общество прежде всего как скотоводческое, многие авторы определяют его как земледельческое (или, вернее, земледельческое и скотоводческое), полагая, что арии утратили земледельческие термины при своем расселении. Но распространенная предпосылка последнего положения, состоящая в том, что арийские племена стали в этот период преимущественно скотоводческими или даже кочевыми, неверна. Ни индийцы, ни иранцы не порывали с земледелием как с одним из основных видов хозяйства (за исключением части иранских племен, но в поздний период, когда иранский уже был принесен в Иран, а индийский — в Индию, ср. об этом с. 433 и сл.). В арийский период наряду с развитым скотоводством арии были хорошо знакомы и с земледелием (помимо собственно языковых и других данных об этом свидетельствует и сравнение индоиранского эпического и мифологического материала; ср. также общеарийские обозначения земледелия

и земледельцев, см., например, с. 301). Замена одних терминов другими того же значения могла, однако, произойти и без утраты соответствующих хозяйственных и бытовых традиций (ср., например, утрату романскими языками древнего индоевропейского названия лошади, лат. *equus*, и другие примеры подобного рода).

Но наиболее вероятно, что арии имели частично и собственную земледельческую терминологию задолго до выделения из индоевропейского ареала. Ссылаются на отсутствие в индоиранских ряда известных по другим индоиранским языкам слов для обозначения таких земледельческих понятий (например, «молоть» и «сеять»), которые, однако, существовали не позже представленных словами, разделявшимися арийским с другими индоевропейскими диалектами (например, названий отдельных злаков, в том числе отраженного и в хеттском *еца-*, названия жернова и пр.; в то же время в индоиранских языках сохранились следы другого корня, значившего «молоть» также в греческом и армянском; что же касается индоевропейского корня «сеять», то мнение о том, что он не употреблялся в арийском в применении к земледелию, к тому же необоснованно).

Вообще хозяйство ранних индоевропейцев было, очевидно, земледельческо-скотоводческим. А богатая скотоводческая терминология индоевропейских языков отражает скорее не только и не столько древнейшее, сколько более позднее состояние хозяйства перед распадом индоевропейского единства. Также многочисленные ареальные (в том числе и разделяемые арийским) изоглоссы позднего периода свидетельствуют о детализации и конкретизации скотоводческой терминологии, о новых приемах и методах скотоводства и более широком использовании и спецификации его продуктов. И по общим историко-этнографическим соображениям маловероятно существование скотоводства ранее земледелия и во всяком случае достаточно развитого скотоводства без земледелия. И на всех территориях (Балканы, Центральная и Юго-Восточная Европа), где может быть локализовано индоевропейское диалектное единство до периода, предшествовавшего его распаду, и в этот период, а также в области раннего расселения арийских племен на восток скотоводство появилось не ранее земледелия (к концу же III тысячелетия до н.э. в ряде районов этих территорий как раз отмечается увеличение роли скотоводства, но без разрыва с земледелием). А в областях восточнее Днепра в IV и первой половине III тысячелетия до н.э. ни скотоводство, ни земледелие не были распространены, а первые комплексы с данными о скотоводстве были и земледельческими.

Общество индоевропейских племен накануне распада индоевропейского единства характеризовалось весьма высоким уровнем социального развития. Этот вывод возможен и лишь по сопоставлению данных отдельных индоевропейских языков, а также в традиционных рамках науки об «индоевропейских древностях». Важные результаты достигнуты при исследовании детальных совпадений в религии и ритуале, мифологии, эпосе индоевропейских народов (особенно труды Ж. Дюмезиля и его последователей; основной недостаток работ этой школы — не излишняя смелость сопоставлений, в большинстве достаточно убедительных, а характер выводов, имеющих в виду прежде всего идеологические представления, хотя соответствующие вопросы должны быть исследованы в связи с анализом собственно исторических данных и требуют осмысления реальных социально-политических, а также и экономических сторон проблемы). Большое значение может иметь восстановление структуры индоевропейского общества по данным об архаическом обществе одного из индоевропейских народов, также подкрепляемое совпадениями социальной терминологии в различных индоевропейских языках (ср., например, у Л. Пальмера об ахейцах и индоевропейцах; он даже определяет индоевропейское общество как феодальное, с чем нет необходимости соглашаться, но соответствующие данные действительно могут свидетельствовать о приближении этого общества к классовому). Возможно исследование и сопоставление многих социальных, правовых, имущественных, семейных и т.д. институтов ряда индоевропейских народов, а индоевропейское происхождение таких институтов также может быть подтверждено отдельными языковыми параллелями и детальными совпадениями в мифологии и эпосе (следует, однако, отметить явный недостаток работ в этой области, основанных прежде всего на изучении собственно историческим методом данных древних текстов, естественно с привлечением лингвистических и археологических материалов). Для таких исследований большое значение имеют индоиранские материалы, во многих случаях представляющие основные, исходные данные для сравнения (часто, однако, используемые арийские материалы — это прежде всего лишь данные индийских источников); соответствующие выводы, таким образом, должны относиться ко времени до выделения ариев из индоевропейского ареала.

В эту эпоху у индоевропейских племен уже далеко зашел процесс социальной дифференциации, существовали весьма сложные имущественные отношения, развитые правовые институты и т.д. Во главе племен стояли вожди, или «цари», с важными прерога-

тивами власти и значительным имущественным превосходством над соплеменниками. Свободные полноправные члены общества делились на три группы, касты или сословия: священную (не только собственно жрецы, но и представители иных «интеллектуальных» профессий с важными функциями в обществе), военную (военная и владетельная аристократия) и общинников (составляли и основную массу войска, так, в Иране еще к сасанидскому периоду азаты считались входящими в эту группу, а не в касту древних «колесничих»). Члены военной касты (как, очевидно, и жречество) существовали в основном не за счет доходов собственного производительного труда.

Кроме этих трех имелись и другие группы населения, неполноправного, зависимого, а также, очевидно, находившегося на положении рабов. Но лишь три основные были конституированы в культовой организации и ритуальных обрядах индоевропейской общины. Поэтому в религиозной и эпической традициях содержатся данные, относящиеся прежде всего именно к этим трем полноправным группам. Но, например, и четвертая индийская каста («шудры») возникла, очевидно, не в Индии. Вместе с тем и у иранцев существовала четвертая каста — «ремесленники»; в отличие от представителей третьей касты ее члены характеризуются в текстах как зависимые, хозяйственно несамостоятельные, работающие не на себя, обслуживающие царей или правителей и т.д., причем и в поздний период эта каста включала не только собственно ремесленников. До античных авторов еще дошли предания о некогда существовавшем и у греческих племен том же делении на четыре группы — жрецов, воинов, земледельцев, ремесленников (ср.: Страбон, VIII, 7, 1; также у Плутарха, Платона и других сохранились сведения об этом делении на четыре группы, включая ремесленников, или отголоски его существования); эти «ремесленники» в архаической Греции также рассматривались как работающие не на себя, а в микенском обществе они непосредственно зависели от правителей и работали на них (или вообще на общину и государство). По разным данным можно предполагать существование у индоевропейских племен различных групп зависимого населения; представление же о конкретной четвертой социальной группе, отличной от трех первых в правовом и имущественном отношении, более определенно может быть постулировано для племен греко-арийского диалектного единства (можно говорить и о греко-иранской социальной изоглоссе — причины, обусловившие характеристику этой группы как ремесленников).

Даже не учитывая в полной мере подобных данных, трудно согласовать и давно и обычно признаваемые положения об уровне

развития индоевропейского общества с мнением, что индоевропейские племена и языки (включая арийские) утратили непосредственные связи ранее конца III тысячелетия до н.э. Вместе с тем выдвигалось положение, что на ряд индоевропейских языков, рано разошедшихся между собой, но в основном, включая арийский, еще оставшихся в пределах Европы, позже наложился индоевропейский суперстрат в результате нового расселения отдельных племенных групп, передавших другим свои развитые социальные институты и некоторые языковые особенности. Так, Ф. Шпехт и некоторые другие авторы относили такое расселение (обычно его связывали с культурами шнуровой керамики и боевых топоров) к концу III тысячелетия до н.э. Вряд ли следует принимать это предположение о суперстрате, но и тогда арии еще оставались в пределах Европы до начала II тысячелетия до н.э. (как, например, и полагал Ф. Шпехт, ср. с. 19). Но иногда считают и эти даты слишком ранними. Так, по Т. Пауэллу (1948), данные о тройственном делении общества и связанных с ним правовых и социальных институтах у индоиранцев и итало-кельтов не согласуются с обликом культуры «халколитических номадов» конца III тысячелетия до н.э., а отражают результат нового расселения в период поздней бронзы, около XII в. до н.э., когда и индийцы переселились в Индию, а иранцы — в Иран, в Европе же появилась колесница и металлические орудия, необходимые для ее изготовления. Эти конкретные выводы определенно необоснованны и в части археологических аргументов (например, привлекавшихся в пользу мнения о движении ариев в Индию в это время, ср. с. 54; также колесница появляется в Европе намного ранее); уровень социально-экономического развития, прослеживаемый при сравнении арийской, кельтской и других традиций, был уже выработан, по крайней мере в основном, уже к первой четверти II тысячелетия до н.э., до появления в Греции первых греческих племен, а в Передней Азии в первых веках II тысячелетия до н.э. — ариев, которые, например, принесли со своей арийской родины боевую колесницу и развитые навыки колесничего дела (а определенно и ряд других элементов той же социально-экономической структуры).

Но тот высокий уровень социальных отношений, который может быть установлен сопоставлением данных языка и истории ряда индоевропейских народов, действительно требует соответствующей экономической базы. И отдельные элементы подобного социального и экономического строя непосредственно связаны между собой. Например, существование у ариев боевой колесницы (бесспорно уже в арийский период, а по-видимому, еще при

сохранении контактов по крайней мере с некоторыми другими индоевропейскими группами) подразумевает наличие, с одной стороны, военной знати, хотя бы частично свободной от производительного труда и, следовательно, имевшей иные источники дохода, а с другой — металлических орудий, развитого ремесла и профессиональных ремесленников. Все это и непосредственно прослеживается по ранним индийским и иранским источникам, а по сравнению их данных может быть возведено к общеарийскому периоду. Для ариев такая возможность облегчается наличием древних текстов, но является и результатом того, что праиранцы и праиндийцы составляли ранее особо тесную, собственно единую группу.

Предки носителей остальных индоевропейских языков уже в тот же период не обладали таким единством. Поэтому не следует ожидать полного единообразия индоевропейской терминологии для обозначения тех общих элементов материальной и социальной культуры, которые получили распространение у различных индоевропейских племен перед утратой ими непосредственных контактов. Напротив, и группы отдельных соответствий в большинстве или в некоторых из индоевропейских языков являются доказательными и свидетельствуют, что основные черты экономического и социального строя, с которым связаны такие термины, развились еще при связях между носителями диалектов, для которых засвидетельствованы эти термины. Так, безусловно не случайно, что латинский, дающий (часто вместе с кельтским) ряд ключевых совпадений с арийским в социальных и правовых терминах (и именно указывающих на ряд развитых черт социального строя, единые традиции которого для италийского, кельтского и арийского прослеживаются и по иным данным), имеет также несколько общих с арийским названий металлов, слово «меч» или «кинжал» и др. Вообще и лишь из лингвистических данных (названия металлов и некоторых предметов материальной культуры, указывающих на металлургию) следует, что арии еще при контактах с другими индоевропейскими племенами были хорошо знакомы с металлургией и знали все основные металлы (медь, бронзу, серебро, а также и золото), вероятно за исключением железа.

Подобные факты подтверждают, что сложение того социального строя индоевропейских племен, о котором говорилось выше, нельзя относить к неолиту или эпохе первого знакомства с культурой меди. Вместе с тем ряд основных принципиальных черт этого строя должен был развиться, как указывалось, по крайней мере к первой четверти II тысячелетия до н.э. Но уже теперь

археологические материалы позволяют предполагать развитие таких черт в последних веках III — начале II тысячелетия до н.э. в пределах индоевропейского ареала и в областях, где могли обитать арии до расселения их отдельных групп на юг или восток. Для культур Юго-Восточной Европы по данным различного рода — от свидетельств о производительных силах до указывающих на социальное деление — восстанавливается ряд экономических и социальных особенностей примерно той общественной структуры, которую следует постулировать для последнего периода перед распадом индоевропейского единства, включавшего ариев (некоторые конкретные археологические примеры ср. ниже). По имеющимся материалам и при обычных датировках таких культур в целом упомянутые данные пока достаточно определенно могут быть отнесены лишь к концу III — первым векам II тысячелетия до н.э. Со временем должны появиться и новые материалы, а датировки, быть может, будут и занижены, но в целом даты культур с подобными особенностями, очевидно, не выйдут за пределы второй половины III тысячелетия до н.э. Таким образом, представляется возможным утверждать, что контакты между различными индоевропейскими племенами и диалектами, включая арийские, продолжались по крайней мере до конца III — начала II тысячелетия до н.э.

Уже из этого, в частности, следует, что те арии, сведения о языке и культуре которых содержатся в клинописных источниках II тысячелетия до н.э., проникли в Переднюю Азию с севера, через Кавказ, и безусловно не с востока, из Средней Азии. Хотя мнение о кавказском пути этих арийских групп и не разделяется до сих пор во многих исторических и археологических работах, в настоящее время оно является, в сущности, общепризнанным в специальной литературе (ср. у Р. Хаушильда, Т. Барроу и др.), в том числе и теми авторами, которые относят распад индоевропейского единства и отделение от него ариев к более раннему времени по сравнению с указанным выше (ср. у В.В. Иванова и В.Н. Топорова и др.). Из источников известно, что арийские имена и слова были распространены в Северной Месопотамии (особенно в царстве Митанни, с центром в Северо-Западной Месопотамии, к западу от Ассирии), на западе Армянского нагорья, в восточных районах Малой Азии, в Сирии, Финикии, Палестине. Они засвидетельствованы как преимущественно или исключительно бытовавшие в хурритской среде, а в другие страны проникавшие через хурритское посредство. Центром арийско-хурритского симбиоза были Северо-Западная Месопотамия и соседние области Армянского нагорья. Результаты длительных и интен-

сивных контактов хурритов с ариями были налицо уже в XVI в. до н.э., а их начало должно относиться ко времени не позже XVIII–XVII вв. до н.э.

Заимствования из арийского были и в касситском; и два-три их определенных примера (хотя и ряд других отнюдь не исключены) надежно свидетельствуют, что касситы до продвижения в сторону Вавилонии имели где-то контакты с арийскими племенами. Обычно считали, что касситы пришли в Вавилонию из Загра, где, как часто предполагают, с ними и вошли в соприкосновение арии, попавшие туда с востока. Но и в этом случае следовало бы предположить, что они проникли в районы Загра с севера, а другие их группы обосновались на Армянском нагорье, рядом с хурритами. Но данных о раннем пребывании касситов к востоку от Вавилонии нет (мнение о родстве касситского с эламским не подтвердилось, ср.: Balkan, 1954; Jaritz, 1957). Напротив, как показывают исследования К. Йаритца, они двигались в Месопотамию из областей к северу от нее, от границ Малой Азии, где, очевидно, и находился их первоначальный центр (см.: Jaritz, 1957; 1958; 1960; эти выводы могут быть подтверждены и некоторыми дополнительными соображениями). Это также соответствует мнению о кавказском пути ариев. Появились же они на севере Передней Азии не позже XIX — начала XVIII в. до н.э. Таким образом, первые из этих арийских групп должны были уйти из Юго-Восточной Европы не позже начала II тысячелетия до н.э. (а другие — не позже первой четверти этого тысячелетия). Их язык свидетельствует, что формирование общеарийского тогда уже вполне завершилось (ср. и по касситскому: *Suryas-* с *r* < и.-е. *l* и *a* < и.-е. *o*, те же и другие общеарийские черты засвидетельствованы арийским хурритов). Следовательно, все общеарийские изоглоссы осуществились еще в период пребывания ариев в Европе (ср. также финские заимствования из арийского или арийских диалектов). В связи с предложенными выше датами распада индоевропейского единства это также означает, что арии не утрачивали связей с другими индоевропейцами до конца или почти до конца общеарийского периода (тот же вывод возможен и независимо от абсолютных дат, по данным о связях арийского с другими индоевропейскими диалектами и последовательности фонетических изменений в арийском, ср. выше).

Так как окончательное сложение особенностей общеарийского должно непосредственно предшествовать распаду индоиранского единства, можно предполагать, что и общие связи праиранских и праиндийских языков также прекратились еще в Европе. Вместе с тем по своим отдельным особенностям переднеазиат-

ский арийский может быть охарактеризован как диалект, наиболее близкий к индийскому (и определенно более близкий к нему, чем к иранскому), либо как праиндийский или, вернее, один из его диалектов (не прямой предок собственно индоарийских). Из некоторых других данных (особенно по пантеону арийских богов у хурритов, ср. у П. Тиме и др.) следует, что переднеазиатские арии и в культурно-религиозном отношении были ближе к индоариям, чем к иранцам. Можно поэтому предполагать, что распад индоиранского единства осуществился прежде всего за счет расселения праиндийского культурно-языкового комплекса. Часть его могла остаться в Юго-Восточной Европе (и в этом случае позже была поглощена иранцами или их отдельными группами), другие племена ушли из Европы, причем их часть (или по крайней мере часть) — в Переднюю Азию. Для суждения о пути индоариев в Индию нет определенных данных. Как аргумент в пользу мнения об их движении через Кавказ и Иран могут быть использованы сведения о переднеазиатских ариях. Путь индоариев севернее Каспия и через Среднюю Азию также возможен, но никаких конкретных материалов об этом пока не имеется (обычный аргумент, состоящий в том, что Средняя Азия была центром распространения иранцев, должен быть оставлен)*. Что же касается иранцев, как в целом, так и их отдельных групп, то здесь возможны более определенные выводы.

Иранский характеризуется некоторыми необщеиндоевропейскими и необщеарийскими фонетическими особенностями, присущими, однако, ряду других индоевропейских языков (ср. об этом у А. Мейе, В. Пизани и др.). Таким фактам часто не придают значения, считая, что эти особенности являются результатом самостоятельного развития. Придерживаясь иного мнения, В. Пизани (см. с. 20 и сл.) объясняет их вторичными контактами различных языков, и в частности иранского, после миграции с востока около 1000–800 гг. до н.э. вновь вступившего в соприкосновение с остальным индоевропейским миром через посредство фригийско-армянской группы, с 1200 г. до н.э. продвинувшейся в Малую Азию (так, изменение звонких придыхательных в простые звонкие шло с запада на восток и достигло Ирана к 800 г. до н.э.; напротив, ассибиляция палатальных распространялась из Ирана на северо-запад, в индийском же осуществилась самостоятельно; к связанным по происхождению инновациям времени 1200–800 гг. до н.э. В. Пизани относит аспирацию *s* в иранском, армянском, фригийском и греческом и ряд других новообразова-

* Ср.: Мандельштам, 1968; Кузьмина, 1972; она же 2005, с. 397–398.

ний). Такое объяснение следует, однако, признать примером типичной лингвистической абстракции, невозможной, если учитывать реально-исторические данные (но, впрочем, неприемлемой и по соображениям, основанным на языковых материалах); к тому же и сам иранский мир в начале I тысячелетия до н.э. уже не был един, все же соответствующие особенности являются общеиранскими (а «сатемизация» определенно по крайней мере общеарийского происхождения).

Специальные славяно-иранские связи, по В. Пизани, прежде всего результат продвижения из Азии ираноязычных скифов в VIII–VII вв. до н.э. и сарматов в III в. до н.э. Аналогичного мнения придерживаются и многие другие авторы (ср. с. 21–24). Но иранский материал, на который при этом опираются, общеиранский (или лишь западноиранский; иногда можно и более определенно говорить о специфических западноиранско-славянских связях). То, что известно, например, по древнеперсидскому или авестийскому, естественно, не может являться новообразованием славянского и соседних иранских диалектов в скифский период. Многочисленные ирано-славянские совпадения в лексике (и некоторые другие языковые особенности) могли тогда быть лишь результатом заимствований из иранского скифского в славянский. Но во всяком случае для значительной группы слов, общих для иранского и славянского (а также балтийского вместе со славянским или отдельно), такое предположение невозможно (сюда можно добавить и слова, семантически связанные с принадлежащими к этой группе). Следует согласиться с А. Мейе и Т. Барроу в том, что ирано-славянские схождения или по крайней мере их подавляющее большинство не могут быть отнесены к скифскому периоду. Контакты славянского с иранскими диалектами в скифское время, естественно, не исключены, но для их доказательства нельзя опираться на обще- и западноиранские материалы. Связи иранского в сторону славянского (ср. также схождения с балтийскими и германскими языками) можно рассматривать как продолжение идущих в том же направлении общеарийских контактов.

В другую группу диалектов, к которым арийский был особенно близок, входили греческий и армянский. Из упоминавшихся выше фонетических особенностей иранского, не являющихся общеарийскими, некоторые находят соответствия и в армянском или также в армянском и греческом. Неслучайный характер таких совпадений подтверждается и специальными ирано-армянскими и ирано-греческими лексическими схождениями. То, что фонетические особенности иранского, находящие соответствия в не-

которых других индоевропейских языках, отражают его реально-исторические связи, подчеркивается и тем, что индийские расхождения с общеарийским, как правило, не находят параллелей в других индоевропейских языках. Специальные схождения иранского с другими индоевропейскими языками могут в значительной мере восходить к контактам предшественников иранских диалектов в пределах арийского. Но, например, из числа обще- и западноиранских лексических схождений со славянским по крайней мере часть должна относиться ко времени формирования характерных особенностей собственно иранского в пределах общеарийского периода (но уже на его поздних этапах) либо уже и после его завершения. То же касается контактов иранского с армянским и греческим (но они должны были прерваться, когда связи иранцев с носителями славянского и балтийских диалектов еще могли продолжаться). На это указывает и общий для иранского, греческого и армянского переход начального и интервокального *s* в *h* (произошел намного ранее 1200–800 гг. до н.э., ср. выше; в отдельных греческих диалектах по крайней мере к середине II тысячелетия до н.э., ср. микенские тексты; так же и в иранском, так как общеиранские связи прервались, очевидно, уже к этому времени, ср. ниже; в целом это явление должно быть датировано временем между концом III и второй четвертью II тысячелетия до н.э.); эта черта — одно из характерных отличий иранского от индийского и общеарийского; изменение *s* > *h* в иранском, в частности, произошло позже общеарийского развития *s* > *š* после *i, u, r̥*.

Формирование особенностей общеиранского — как на последних этапах арийского единства, так и после его распада — осуществлялось в пределах Европы и, очевидно, в пределах примерно той же территории, где развивалось ранее арийское единство. Предки различных иранских племен находились, следовательно, в Юго-Восточной Европе, в частности в Северном Причерноморье, еще и в общеиранский период. Но нет никаких оснований предполагать, что все иранские племена покинули эти территории и вновь появились там с начала скифской эпохи. С того времени, когда для Северного Причерноморья и соседних территорий южнорусских степей появляются данные письменных источников (у античных авторов с VII–V вв. до н.э., позже особенно богатые эпиграфические материалы из греческих городов Северного Причерноморья), они достоверно фиксируют лишь ираноязычный элемент, среди местного населения не только преобладающий, но, по-видимому, единственный. Попытки выделить в ономастическом материале с этих территорий следы фракий-

ского субстрата (Б. Надель) или имена иного индоевропейского, не иранского происхождения (К. Треймер) неубедительны (но отдельные имена — из восточных районов, — быть может, связаны с кавказскими языками). Число имен с надежно установленной иранской этимологией неуклонно увеличивается начиная с конца XIX в. (ср.: Вс. Миллер, 1913, и др.; Vasmer, 1923; Абаев, 1949, а также Zgusta, 1955; ср. также новые этимологии В.И. Абаева, Я. Харматты и др.; ср. также данные топонимики, указывающие на широкое распространение иранского элемента, вплоть до Верхнего Поднепровья, ср. с. 24), но положение, что на этих территориях «древнейший пласт иранизмов принадлежит скифским племенам восточноиранской группы языков», лишь отражает обычное мнение о распространении иранских племен с востока). И другие данные (не лингвистические) античных источников также указывают на полное преобладание иранского этноса в Северном Причерноморье VII–V вв. до н.э.

Уже поэтому не представляется вероятным обычное положение, по которому распространение иранского элемента в этих областях обязано прежде всего или исключительно продвижению с востока скифов в VIII в. до н.э. (но само это движение следует считать историческим фактом). Диалекты скифов (или, вернее, части скифских племен) и сармато-алан были восточноиранскими. Еще в VII–V вв. до н.э. для скифского (причем определенно для языка племени или племен, действительно пришедших с востока) устанавливаются, например, такие черты, как: показатель множественного числа *-ta* (ср. также в сармато-аланском, осетинском, хорезмийском, согдийском); переход $\delta > l$ (ср. в афганском, «бактрийском» и других, а также в отдельных иранских заимствованиях в восточнофинских языках); ряд фонетических особенностей, свойственных сармато-алано-осетинскому (*ri, ry* >*li* и др.); такие типичные образцы восточноиранской лексики, как *kapa-* 'рыба' (ср. в афганском, хотано-сакском и других, при западноиранском *masya-*, инд. *matsya-*) и *sāna-* 'враг'. Таким образом, язык, принесенный в Северное Причерноморье в результате исторически засвидетельствованного античной традицией продвижения с востока около VIII в. до н.э., принадлежал к диалектам восточноиранской группы, как и язык сарматских племен, положивших в III–II вв. до н.э. конец господству скифов в Северном Причерноморье.

Но известный с VII–V вв. до н.э. иранский ономастический материал из Юго-Восточной Европы отражает еще и иную диалектную норму с чертами, противопоставляющимися (как общеиранские или западноиранские) тем, которые устанавливаются для вос-

точноиранского скифского и сармато-аланских диалектов. Иранская традиция, не сводимая к пришлой скифской, прослеживается в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. и по некоторым другим не собственно лингвистическим данным. Все это указывает, что ираноязычное население обитало в Северном Причерноморье и соседних районах до упомянутых передвижений с востока, из Поволжья и Приуралья (некоторые группы сарматов).

Из носителей других восточноиранских языков хорезмийцы, согдийцы и бактрийцы, как таковые, безусловно уже занимали свои исторические области в VII–VI вв. до н.э.; восточноиранские племена (в том числе предки некоторых припамирских и афганских) в это время уже обитали в областях от Памира у северо-западных границ Индии до Нижнего Кабула и, очевидно, до Сулеймановых гор. Следовательно, расселение и сложение восточноиранской группы относится к значительно более раннему времени (ср.: Грантовский, 1963а, 8 и сл., 29, 30). Группа скифов, продвинувшаяся в VIII в. до н.э. на запад из Поволжья, уже несла с собой один из сформировавшихся восточноиранских диалектов (но не исключено их проникновение на запад и ранее). Распад восточноиранского единства должен был произойти не позже IX в. до н.э. (а по-видимому, значительно ранее). Ареал его формирования следует локализовать на сравнительно ограниченной территории (а например, не на пространстве от Северного Причерноморья до Алтая и Средней Азии; нужно также заметить, что кочевого хозяйства и быта тогда еще не существовало), которая определенно включала поволжско-уральские степи. Вместе с тем по ряду данных следует предполагать, что предшественники восточноиранских языков еще в эпоху непосредственного соседства друг с другом находились недалеко от областей распространения угро-финских и особенно восточнофинских языков*. Характерно также, что языки, исторически засвидетельствованные на крайнем юго-востоке восточноиранского мира (припамирские, афганский), обладают и своими специфическими связями с финскими языками (указывая на ряд таких совпадений, Б. Мункачи называл их «поразительными»), а также отдельными лексическими изоглоссами с индоевропейскими языками Европы (что отмечается и для некоторых других восточноиранских языков). Поэтому и область сложения восточноиранских языков не следует искать далеко на востоке и помещать (в основном или целиком) за пределами Европы. Она может быть

* Об иранских заимствованиях в финно-угорских языках помимо упомянутых в примечании к с. 395 работ см., в частности: (Лыткин, 1951; Korenchy, 1972; Лушникова 1990).

локализована на территории между Средним Поволжьем на северо-западе (и, возможно, Доном на западе) и Северным Приаральем на юго-востоке (и, по-видимому, Зауральем на востоке)*.

Многочисленные и очень существенные схождения осетинского с рядом индоевропейских языков Европы (см.: Abaev, 1962), очевидно, не принадлежат к восточноиранскому наследию осетинского, а являются вкладом из иных иранских диалектов. Они, как правило, не находят соответствий (а в ряде случаев явно не могли иметь их) в других восточноиранских языках. Осетинский (в своей основной восточноиранской норме) — потомок сармато-аланских диалектов, а сармато-аланские племена определенно продвинулись на запад из Поволжья и более восточных районов. Приводимые же В.И. Абаевым материалы в ряде случаев ясно указывают на непосредственные контакты иранских диалектов в районах гораздо далее к западу и не позже II тысячелетия до н.э. Но при любой трактовке такие схождения осетинского еще раз подтверждают, что в период между распадом индоевропейского и арийского единства и скифской эпохой иранские племена оставались в Юго-Восточной Европе и в областях к северу от Черного моря.

В целом история арийских и иранских племен представляется следующим образом: распад арийского диалектного единства относится к рубежу III и II тысячелетий до н.э. или к началу последнего, а распад иранского диалектного единства — ко второй четверти или середине II тысячелетия до н.э. (менее вероятно — к его третьей четверти)**, причем некоторые специфические черты общеиранского могли возникать еще в пределах общеарийского (то же касается восточноиранского по отношению к общеиранскому). И арии в общеарийский период, и иранцы в общеиранский обитали в Европе, причем связи и тех и других, например, в сторону славянского или в сторону греческого и армянского должны были осуществляться в зоне не восточнее

---

* Ср.: Смирнов, Кузьмина, 1977; Аркаим, 1995; Zdanovich, 2000.

** В дальнейшем Э.А. Грантовский уточнил датировку расхождения индоиранской и иранской общностей. Поскольку индоиранцам до распада их языкового и культурного единства была известна боевая колесница, о чем свидетельствуют общие индоиранские названия самой колесницы (**ratha*) и колесничего-воина, resp. члена варны военной аристократии (**rathaiśthā*), а боевая колесница появилась не ранее XVIII в. до н.э., следует признать, что индоиранское единство продолжало существовать в первых веках II тыс. до н.э. Распад этого единства должен был осуществляться с конца первой четверти до середины II тыс. до н.э. (Грантовский, 1998, с. 62–68). Всадничества в индоиранскую эпоху не существовало, зато в общеиранское время верховая езда уже широко распространилась: в отличие от индоиранского и индоарийского, для праиранского реконструируется общий глагол "ездить верхом" (**bār*). Это позволяет датировать распад иранского единства временем не ранее последней четверти II тыс. до н.э. (там же, с. 80–81).

Поднепровья, а возможно, и западнее. Область формирования и раннего распространения восточноиранских языков, очевидно, находилась в поволжско-уральских степях и лесостепи; распад восточноиранского единства должен был начаться не позже конца II — начала I тысячелетия до н.э. Так как в первой половине II тысячелетия до н.э. все иранские племена еще должны были находиться в Европе, а предки западноиранских племен Передней Азии — начать продвижение через Кавказ или Копет-даг по крайней мере в XII–XI вв. до н.э., второй вариант представляется крайне сомнительным, а первый — вполне реальным.

Указанные выводы можно следующим образом соотнести с данными о некоторых археологических культурах Юго-Восточной Европы (здесь и далее не имеется в виду непосредственное отождествление какой-либо археологической культуры с конкретной этнической общностью; в пределах распространения одной культуры могли обитать племена различной этнической принадлежности, а одна и та же этническая и языковая общность может соответствовать археологически различным культурам, но последнее для ранних этапов истории данной этнической группы может относиться лишь к культурам со сходным социально-хозяйственным обликом). Эпоха ямной культуры (от правобережья Днепра до Волги), т.е. вторая половина III тысячелетия до н.э. (возможно, и ранее, но материалы, о которых идет речь ниже, относятся к более поздним этапам ямной культуры) или также начало II тысячелетия до н.э., может соответствовать общеарийскому периоду или также праиранскому и праиндийскому (впрочем, в это время арийские племена могли обитать и к западу от Днепра, как и в последующую эпоху, но тогда они уже определенно находились и в областях восточнее Днепра). Среди носителей катакомбной культуры (от Днепра до нижней Волги), бытовавшей с начала II (или конца III) тысячелетия до н.э. и в его первой половине (а на Северном Кавказе и позже, где она известна до конца II тысячелетия до н.э.), могли быть (пра)иранцы и (пра)индийцы (в более поздний период из арийских групп — только иранцы). То же относится к полтавкинской культуре (в Поволжье) первой половины II тысячелетия до н.э. (сменяющая ее срубная по своей датировке и ареалу может быть целиком иранской).

Ниже отмечаются некоторые данные об отдельных экономических чертах названных культур Юго-Восточной Европы в последних веках III — первой половине II тысячелетия до н.э. В эпоху ямной культуры в областях восточнее Днепра развивается скотоводство, но вместе с земледелием, причем появляются поселения

с укреплениями типа крепостных стен (ср. распространяющуюся на греческий, фракийский, иранский и индийский изоглоссу названия стены укрепленного поселения, крепости, города, ср. с. 208 о др.-перс. *didā*). Для всех трех названных культур можно говорить о значительной социальной дифференциации в среде их населения; так, известны уже и ямные погребения, свидетельствующие о наличии зависимого населения или рабов; в Поволжье открыто захоронение ремесленника, относящееся к полтавкинской эпохе (и другое — к срубной). В одном из ямных погребений (а позже также в катакомбном) обнаружены остатки повозки (запрягаемая крупным рогатым скотом повозка была давно известна индоевропейцам, но раннее появление боевой колесницы, ведомой лошадьми, было возможным лишь на территории, где ранее существовала повозка). Населению названных культур была известна и домашняя лошадь, а в Поволжье для середины II тысячелетия до н.э. уже имеются данные, указывающие на существование колесницы (богатые конские погребения, в том числе парные и с остатками конской упряжи; также части уздечки в ряде захоронений, что известно и для катакомбной культуры)*. Население ямной культуры было знакомо с металлом, а в эпоху катакомбной и полтавкинской культур металлургия бронзы уже была высоко развита (в частности, упомянутое захоронение ремесленника является погребением мастера-литейщика). В культурах Юго-Восточной Европы в пределах II тысячелетия до н.э. рано появляется железо (ср. у Б.Н. Гракова); сравнительные данные иранских языков (а также индийского вместе с финскими заимствованиями из арийского или иранского) могут указывать на появление железа задолго до «официального» начала железного века на этих территориях.

Первоначальный ареал восточноиранских языков может соответствовать восточным областям срубной культуры и западным районам андроновской, т.е. территориям, где во второй половине II — начале I тысячелетия до н.э. (период, частично или целиком совпадающий со временем существования и распада восточноиранского единства) происходило активное смешение срубных и андроновских культурных элементов, очевидно сопровождавшееся передвижениями населения из западных районов андроновской культуры в пределы срубной до Волги и из областей срубной культуры в пределы андроновской до Зауралья и в сто-

* Гипотетически воссозданные Э.А. Грантовским черты культурного облика индоиранцев (в частности, наличие у них боевых колесниц) позже нашли блестящее подтверждение при раскопках могильников Приуралья и Казахстана. См.: Кузьмина, 1994, с. 165–171; Генинг, Зданович и Генинг, 1992, с. 125–126, 135–137, 167–168, 209–219; Кузьмина, 2000, с. 10–14.

рону Приаралья. Это постулируемое по археологическим материалам движение может быть связано с расселением отдельных иранских (но не иранских в целом и не индоиранских) племен.

Но нет никаких оснований считать, что весь андроновский ареал занят иранскими племенами (они скорее были пришлыми в пределах андроновской культуры). Тогда пришлось бы также признать, что андроновская культура на всем пространстве от Урала до Енисея возникла в результате весьма быстрого распространения иранских племен с запада на восток. Но подобное объяснение было бы чисто произвольным. Генезис этой культуры (или, как часто считают, нескольких культур с рядом общих основных черт), по-видимому, связан с развитием местного населения данной территории в предшествующую эпоху (когда иранцев там, очевидно, еще не было). Вообще наиболее оправданным представляется мнение, что в пределах андроновского ареала (даже и в том случае, если основные признаки андроновского комплекса распространялись из одного центра) обитали этнически различные племена. К ним, в частности, могли бы принадлежать и индоарии (допустимо их появление в областях к востоку от Каспия еще до возникновения андроновской культуры, но в любом случае она на всем протяжении и от начала до конца существования, естественно, не могла быть индоарийской), а также носители тохарских языков (прекращение их контактов с европейскими языками произошло безусловно до конца II тысячелетия до н.э., относительно мнений о распространении тохаров ср. с. 25) и представители иных, в том числе совершенно неизвестных этнических и языковых групп (ср. с. 61).

Положение о том, что западноиранские племена происходят из среды андроновских, по существу основано лишь на убеждении, что историко-лингвистические данные надежно указывают на Среднюю Азию и соседние области как на родину различных арийских групп; конкретные археологические аргументы в пользу теорий о пути западных иранцев с востока отсутствуют, а данные археологии скорее могут свидетельствовать против этого мнения (ср. с. 61–64). Можно, конечно, не придавать этому значения, но при построении согласованных с археологическими данными выводов о происхождении западных иранцев прежде всего следует безусловно исходить из археологических материалов, которые могут быть непосредственно увязаны с самими западноиранскими племенами, т.е. в основном из памятников Западного Ирана конца II — первых веков I тысячелетия до н.э.

В настоящее время известно значительное число комплексов из Западного Ирана, датируемых в пределах указанного време-

ни. Сейчас уже нельзя судить об облике культуры первых иранских племен в Иране прежде всего по данным Сиалка «В». По Р. Гиршману, культура Сиалка «В» с расписной керамикой, представляющей основное искусство Ирана в X–IX вв. до н.э., соответствует наиболее ранней однородной форме «протоиранской культуры», другие известные комплексы которой младше Сиалка «В» (ср. с. 42–43, 45–46). Из определения Сиалка «В» как наиболее раннего памятника иранских племен в Иране исходят как археологи, основывающиеся на его данных для доказательства мнения о продвижении западных иранцев с севера (ср. с. 46–47, а также следующие этим выводам авторы, в том числе индоевропеисты, ср. с. 22, 25–26), так и исследователи, выводящие западных иранцев из Средней Азии и соседних районов (при этом особое значение придается передвижениям носителей культур расписной керамики, ср. у В.М. Массона и Ю.А. Заднепровского; по И.М. Дьяконову и И. Алиеву, Сиалк «В» принадлежал первым ираноязычным мидянам, двигавшимся с востока). При этом обычно вслед за Р. Гиршманом датируют Сиалк «В» X–IX вв. до н.э. Но и эти даты представляются заниженными, теперь предлагаются и иные — в пределах IX–VIII вв. и даже около 700 г. до н.э. (ср. с. 52). Последнее и кажется наиболее приемлемым.

Некрополь «В», очевидно, функционировал в VIII и VII (или до середины VII) вв. до н.э. Ряд изделий Сиалка «В» и их особенности появились и бытовали именно в VIII–VII вв. или даже с конца VIII в. до н.э. и позже (ср., например: Goldman, 1957; Calmeyer, 1964). Большое сходство и безусловно хронологическую близость (или частично синхронность) с инвентарем Сиалка «В» обнаруживают материалы I слоя сузской «персидско-ахеменидской деревни» (ср.: Ghirshman, 1954, 54–56), начало жизни которой Р. Гиршман относит к концу VIII — началу VII в. до н.э. Но серия известных ранее документов из Суз, к которой принадлежит и относящийся к первому слою «деревни», следует, очевидно, датировать не серединой или второй половиной VII в. до н.э., а его концом или даже первой половиной VI в. до н.э. (ср.: Юсифов, 1958). Закрепление персидского элемента в Сузах (ср. у Р. Гиршмана по археологическим материалам «деревни») и его политическое преобладание там (ср. тексты указанной серии) вряд ли могут относиться ко времени до последней четверти и во всяком случае не ранее середины VII в. до н.э. Поэтому материалы I слоя «деревни» должны принадлежать ко второй половине (или последней четверти) VII — первой половине VI в. до н.э.

На позднюю дату Сиалка «В» соответственно должна указывать и его расписная керамика. Для памятников Ирана начала I

(а также и самого конца II) тысячелетия до н.э. характерна монохромная, серо-черная или красная керамика, целиком преобладающая и в Сиалке «А». Новое широкое распространение расписной посуды относится именно к VII и, возможно, к VIII в. до н.э.; она встречается в могилах Луристана (по крайней мере в основном, VIII и VII вв. до н.э.), в сузской деревне (не ранее середины VII в. до н.э.), в Зивийе (VII в. до н.э. или его вторая половина), в Хасанлу III (VII в. до н.э., очевидно, лишь с его середины, см. Dyson, 1964a; 1963), причем в период Хасанлу IV изготовлялась лишь монохромная керамика, появляющаяся уже в Хасанлу V (1250 или 1200–1000 гг. до н.э.). В VIII–VII вв. до н.э. расписная керамика была распространена и в странах к западу от Ирана, причем, например, в Эгейском мире во второй половине VIII–VII в. до н.э. она обнаруживает ряд примечательных совпадений в деталях изображений с расписной керамикой Сиалка «В» (ср.: Ghirshman, 1964, 331–343, там же см. параллели по другим изделиям из Греции и Ирана VIII–VII вв. до н.э., но предметы из Сиалка «В» и тут всегда датированы X–IX вв. до н.э.). Расписная керамика изготовлялась и в Урарту, причем известна и в основанном в VII в. до н.э. Кармир-блуре (ср.: Пиотровский, 1959, 189, 191; он, в частности, отмечает большую близость аска из Кармир-блура с сосудами из Средиземноморья VIII–VII вв. до н.э. и из Сиалка «В»). И по другим данным Сиалк «В» может быть датирован VIII–VII вв. до н.э. (а Сиалк «А», вероятно, в пределах XI–IX вв. до н.э.).

Во всяком случае к началу периода Сиалк VI иранские племена давно находились в Иране. К X–IX вв. до н.э. относятся памятники монохромной керамики, продолжавшие бытовать и после нового распространения расписной посуды в ряде районов Ирана. Вместе с тем ряд комплексов лишь с монохромной керамикой имеет в бóльшей или меньшей мере те же черты, по которым Сиалк «В» считают иранским. Поэтому керамикой иранских племен в Иране ранее была, очевидно, серо-черная (или красная) монохромная (так считает, например, Л. Ванден Берге, ср. с. 53; но даты материалов Хурвина, очевидно разновременных, должны быть более поздними — примерно в пределах XI–VIII или VII вв. до н.э.; монохромная керамика и в памятниках Прикаспия, по ряду данных считающихся иранскими Р. Гиршманом и некоторыми другими авторами; соответствующий материал из Юго-Западного Прикаспия частично старше, а частично, очевидно, одновременен Сиалку «В»).

Но это не значит, что серо-черная керамика принадлежала именно иранским (или вообще арийским) племенам и с их рас-

пространением вытеснила автохтонную расписную (так у Л. Ванден Берге и некоторых других авторов, ср. с. 55). Напротив, она, во-первых, появилась в Передней Азии и Иране (в том числе на северо-востоке, в Гисаре) задолго до возможного проникновения туда иранцев, а во-вторых, та же монохромная керамика употреблялась (как до, так и после прихода иранцев) и местным неиндоевропейским населением (ср., в частности, и данные из Хасанлу V и IV). Поэтому, как и расписная, серо-черная монохромная керамика, очевидно, не могла быть принесена в Иран иранскими племенами, а была усвоена ими (как, например, и ряд строительных приемов, тип фортификационных сооружений и пр.) в самом Иране или также уже при продвижении туда, на его окраинах*.

В отличие от общего типа и техники изготовления посуды для этнической атрибуции важны изображенные в керамике сюжеты или ее отдельные формы, свидетельствующие о специфическом употреблении, по которым могут быть установлены этнографические особенности (а иногда и элементы идеологических представлений). Так, некоторые сюжеты посуды Сиалка VI и их детали могут указывать на присутствие там в этот период иранских племен; расписные ритоны в форме лошади из Маку и Суз свидетельствуют, что они принадлежали этнически родственным иранским племенам (ср. с. 318 и сл.), и т.д. Вообще расписная керамика имеет в этом отношении бесспорное преимущество. Но подобные выводы возможны и на основании монохромных сосудов, например ритонов в виде лошади или лошади со всадником (в частности, из Юго-Западного Прикаспия). Существенное значение имеют предметы конской сбруи, вооружение, украшения, статуэтки и некоторые другие изделия из металла (в том числе с сюжетными изображениями).

Но такие элементы материальной культуры, для которых с бóльшей или меньшей степенью достоверности устанавливают принадлежность именно иранским племенам, в свою очередь, могли быть скоро заимствованы местным населением, что, очевидно, и имеет место в Хасанлу (ср. с. 56 и сл.). Напротив, в Сиалке «В» подобные предметы вполне определенно принадлежали самому ираноязычному населению (но однородность комплекса Сиалка VI определяется, очевидно, не тем, что это наиболее ранний памятник протоиранской культуры, в котором она выраже-

* В дальнейшем Э.А. Грантовский развил свою аргументацию автохтонного происхождения серо-черной керамики, получившую признание специалистов. См.: Грантовский, 1977; он же, 1981; Медведская, 1977.

на в наиболее чистом виде, а тем, что в нем уже отражен период длительного развития культуры иранских племен в Иране, причем в контактах с местным населением; так, цитадель Сиалка, по-видимому, действительно результат влияния или переселения с северо-запада, но первоначально ее тип был выработан не иранцами). Прежде всего иранскими, по-видимому, являются и могилы Луристана (но не их инвентарь, в значительной мере отражающий технические, а также стилистические традиции местного, эламского и прочего населения), а также, очевидно, Юго-Западного Прикаспия. В ряде других случаев труднее определить, население какой этнической принадлежности оставило соответствующие памятники, но часть их инвентаря может указывать, что иранские племена уже находились тогда в тех же или соседних областях (так можно охарактеризовать поздний Гиян, Хурвин и некоторые другие комплексы, а также, по-видимому, и Сиалк «А»). То же заключение можно распространить и на местности, откуда происходит лишь ограниченный (преимущественно керамический) материал, свидетельствующий, однако, о том же времени и об элементах культуры того же типа, как в упомянутых выше памятниках (скудный материал рассматриваемого периода из Гёй-тепе у Ризайе к западу от Урмии, из Яник-тепе у Табриза и др.; подъемный материал или предметы грабительских раскопок из местностей недалеко от Хурвина, из Сава — между Хурвином, Сиалком и Гияном, с Таш-тепе у Миандуаба и др.).

Эти выводы подтверждаются сопоставлением ономастических данных клинописных текстов и локализаций соответствующих местностей с географическим распространением в Иране археологических памятников первых веков I тысячелетия до нашей эры. В целом для всей этой территории (а иногда и для конкретных ограниченных районов, где находятся эти памятники) по ассирийским источникам устанавливается присутствие ираноязычного населения. Эти данные, появляющиеся с IX в. до н.э., по крайней мере для некоторых районов свидетельствуют о проникновении туда иранских племен уже в X в. до н.э. (если не ранее). Но в тех же областях источники фиксируют в IX–VII вв. до н.э. и старое местное население, в ряде районов еще преобладающее (в том числе и политически), в других — еще сохранявшееся наряду с преобладающим ираноязычным.

Приурмийский район с примыкающими областями был одним из ранних (по-видимому, уже в X в. до н.э.) центров распространения иранских племен. Из ряда его местностей происходят археологические материалы рассматриваемого периода (см. выше), но в большом числе они известны пока лишь из Хасанлу (к юго-

западу от Урмии), где для периода IV (X–IX вв. до н.э.) устанавливают хуррито-манейское население (как уже и для предшествующего периода) и возможное проникновение иранских племен или их культурное влияние (см. с. 56 и сл., об иранском влиянии в Хасанлу см. также: Ghirshman, 1964, 24 sq.). По данным клинописных текстов наличие ираноязычного населения в районах у южных берегов Урмии не вызывает сомнений, здесь известна и территория, именовавшаяся по этнониму персов (урарт. Паршуа, в ее состав, в частности входила и местность у Таш-тепе, ср. УКН, № 24 и 29). Население Хасанлу не следует называть собственно манейским. В IX в. до н.э. этот район, очевидно, не мог входить в Ману. Но для областей к юго-западу от Урмии ономастический материал фиксирует языковой элемент, близкий к распространенному в центре Маны, но под теми же годами указывает и на ираноязычное население; оба этнических элемента в IX–VIII вв. до н.э. развивались рядом в южной и юго-восточной частях Приурмийского района (ср. с. 213, 283–284), а далее к западу, также недалеко от Хасанлу, уже ко второй половине VIII в. до н.э. фиксируются результаты активного культурного взаимодействия иранского и хуррито-урартского элементов (см. с. 340–353).

Северные области Луристана могли частично входить в состав страны Элипи, на территории которой определенно имелось ираноязычное население. Район Гияна находился у южных границ или в южных пределах западной полосы Мидии и недалеко от границ Мидии и Элипи. Имеющиеся данные (конца VIII в. до н.э.) определено указывают на наличие или скорее полное преобладание в этих районах ираноязычного населения. К юго-западу от Луристана или в его юго-западной части уже в конце IX в. до н.э. находилась группа персидских племен.

В связи с неясностями в локализации дальних на востоке областей, упоминаемых в ассирийских текстах, трудно сказать, называются ли в них области поблизости от района Сиалка (крайнего на юго-востоке из известных археологических комплексов Западного Ирана в рассматриваемый период). Но в этом случае и сами многочисленные материалы этого хорошо исследованного памятника указывают, что здесь по крайней мере в VIII–VII вв. до н.э. имелось ираноязычное население. В ряде трафаретных надписей Асархаддона упоминаются мидийские местности Партакка, Партукка и Ураказаба(р)на (все три названия определенно иранские, ср. с. 103, примеч. 16 и др.; из имен правителей этих владений Раматейа и Занасана определенно иранские, Уппис, очевидно, иранское — все имена рассматривались выше). По Э. Герцфельду, здесь следует иметь в виду Парфию и Гирка-

нию. Но крайняя на северо-востоке область, достигнутая ассирийцами (и именно при Асархаддоне, на что и указывается в текстах), — Патушарра (см. ниже). К тому же упоминание о вышеназванных областях не следует непосредственно связывать с походом на Патушарру (что следует и из сличения надписей Асархарддона, в том числе новых); указанное отождествление неприемлемо и по ряду других оснований.

И.М. Дьяконов считает, что Партакка — это Паретакена (в районе Исфагана), как и Партакана списка 713 г. до н.э. (ср. с. 379), а Партукка — часть будущей Парфии. Но последнее, как указано выше, невозможно. Вообще это, очевидно, владения с одной или близких территорий, а названия Партакка и Партукка, вероятно, связаны между собой, возможно, это формы одного имени (ср. с. 288 и сл., 305–306 о вариантах имен на *-aka* и *-uka*). Отождествление же Партакка/Партукка — Партакана — Паретакена (с суффиксом *-āna*) допустимо, но тогда в ассирийских передачах пропущено *-ai-* или *-ayi-* (к этимологии имени Паретакена ср.: Дьяконов, 1956, 146). Правда, в новой призме Асархаддона (изд.: Heidel, 1956, стб. IV, стк. 1) дается написание *Paritaka*, что может быть точной передачей иран. **Paraitaka-*, но пока можно считать это написание случайной ошибкой.

Крайними на северо-востоке памятниками рассматриваемого круга являются Калардашт (с материалами примерно IX–VII или VIII–VII вв. до н.э.) и Гармабак (ср. с. 52) в прикаспийской местности севернее Тегерана. Она находится на границах или в пределах территории, известной по среднеперсидским и арабо-персидским источникам как Патишхвар (или Падашвар и др.). При Асархаддоне упоминается то же название: *Patuš'arra* (*Pa-tu-uš-ar-ra*) < иран. *Patišhvar(a)*, область у Демавенда и к северу от него, включая прикаспийские местности; оба правителя из Патушарры, Эпарна и Шитирпарна, носили бесспорно иранские имена (см. с. 373 и сл., там же см. о текстах, упоминающих Патушарру). Наконец, Хурвин находится в районе, лежавшем примерно между Патушаррой и Андирпатианой (также иранское название), где в 714–713 гг. до н.э. правил один из владетелей с именем Маздака.

Таким образом, о каждом из археологических памятников Западного Ирана, датируемых с XI–X до VII в. до н.э., нельзя утверждать, что он оставлен именно иранским племенем, но культура ираноязычного населения Западного Ирана в первых веках I тысячелетия до н.э. характеризуется материалами этих памятников (а по крайней мере некоторые из них принадлежали именно иранцам). Наряду с культурными элементами, возникшими в среде местного населения и воспринятыми или развитыми

ираноязычным, в этих памятниках отражены также многие черты, принесенные прежде всего иранскими племенами. Археологические комплексы Западного Ирана рассматриваемого периода не обнаруживают никаких особенностей, которые могли бы свидетельствовать о влияниях со стороны Средней Азии и соседних с ней районов в последних веках II — начале I тысячелетия до н.э. (а также и в последующий период). Сейчас нельзя относить это и за счет недостаточной изученности территории Ирана в археологическом отношении. Можно считать, что археологический облик культуры Западного Ирана в первых веках I тысячелетия до н.э. в известной степени уже определился.

Но теории о восточном происхождении западных иранцев, основанные на привлечении археологического материала из Средней Азии и соседних с ней областей, неприемлемы или маловероятны и по другим основаниям. По одной из этих теорий (ср. с. 53–55), проникновение индоиранцев из Средней Азии на северо-восток Ирана отмечено вытеснением в Гисаре с периода II A–B и особенно в период III B–C автохтонной расписной керамики монохромной серо-черной (или красной), которая позже и была принесена иранцами в Западный Иран, где также заменила местную расписную. Но помимо того, что не представляется возможным присутствие ариев в Средней Азии в середине III тысячелетия до н.э. (чтобы они могли проникнуть оттуда в область Гисара в последних веках III тысячелетия до н.э.), серо-черная керамика не могла быть принесена на северо-восток Ирана из Средней Азии (ср. с. 55 и сл.), также в Западном Иране она, как отмечалось выше, не могла быть введением иранских племен.

По другой основанной на археологических данных теории о происхождении ариев (см. с. 61–63 и сл.), им принадлежали культуры земледельцев юга Средней Азии, северо-востока Ирана и соседних районов Афганистана еще и во время широкого распространения там расписной керамики, с середины III тысячелетия до н.э. (или на всем его протяжении). Но пребывание ариев в столь ранний период так далеко на юго-востоке невозможно. Население этих областей во всяком случае до первых веков II тысячелетия до н.э. не было арийским, а предполагаемое движение племен расписной керамики во второй половине III — начале II тысячелетия до н.э. могло быть лишь расселением местных неарийских племен (ср. также стр. 59–60). Не является вероятным — во всяком случае для иранцев — и их присутствие на юге Средней Азии лишь в период Намазга VI (по крайней мере с его начала, датируемого серединой II тысячелетия до н.э.). Но если и предположить, что культура Намазга VI была (или стала) арий-

ской, это уже нельзя согласовать с мнением о проникновении с востока ариев Передней Азии, где они появились уже в начале II тысячелетия до н.э. Вообще продвижение переднеазиатских ариев с севера вряд ли может вызывать сомнения. Выдвигая же рассматриваемую теорию, В.М. Массон считал исторически установленным восточное происхождение и западных иранцев, и переднеазиатских ариев, поэтому он и полагает, что арии жили в Хорасане «с древнейших времен». Но и андроновцы, по И.М. Массону и И.М. Дьяконову, были арийскими племенами (по И.М. Дьяконову, именно иранскими). Это предполагает, что в III и первой половине II тысячелетия до н.э. (а также и позже) арийские группы жили в совершенно различных хозяйственных и культурных условиях. Но для указанного времени, соответствующего периодам сложения арийской общности и раннего расселения арийских групп, такое не представляется возможным. Вообще данные, которые можно извлечь из древнейшей индийской и иранской традиций и их сравнения, трудно согласовать с материалами земледельческих культур юга Средней Азии. Степные же культуры эпохи бронзы гораздо лучше удовлетворяют этим данным.

В развитии отличающейся значительной самобытностью древнеземледельческой культуры Южной Туркмении не наблюдается резких перерывов (В.М. Массон, ср. с. 62). Поэтому предполагают, что и на всем протяжении эпохи Анау III (примерно с середины III тысячелетия до н.э.) в этих районах имела место единая линия этнического развития. Так как это нельзя относить за счет ариев, то и поэтому можно полагать, что культура Анау III (т.е. Намазга IV–VI) и на последнем этапе также не была арийской или иранской. То же касается эпохи Намазга VI, так как в ее начале иранцев на юге Средней Азии еще не могло быть. Видеть в носителях культуры Намазга VI иранцев, и в частности предков западноиранских племен, не представляется возможным и на основании сопоставления конкретных материалов комплекса Намазга VI и памятников Западного Ирана конца II — первых веков I тысячелетия до н.э.; это относится как к общему облику культуры, так и к отдельным деталям (в частности касающимся обычая захоронений и содержания погребального инвентаря).

По сравнению с охарактеризованными выше теория о происхождении западных иранцев из среды андроновских племен по некоторым пунктам имеет бесспорное преимущество, но и она, по-видимому, не может быть принята. Аргументом в ее пользу служит постулируемое по археологическим материалам из Казахстана и Средней Азии продвижение племен андроновского круга

на юг Средней Азии до районов земледельческих племен, с которыми они вступили в контакты к концу II тысячелетия до н.э. (но земледельческий комплекс Намазга VI в это время еще сохраняется), а затем и в пределы этих районов, где после этого наступает «эпоха варварской оккупации» (первые века I тысячелетия до н.э.). Но в конце II — первых веках I тысячелетия реально можно говорить лишь о влияниях из Западного Ирана на восток и северо-восток (быть может, действительно отражающих движение западноиранских племен в восточном направлении). В.М.Массон, не считая также обязательным мнение о распространении степных племен в земледельческие районы Туркмении, вместе с тем замечает, что «варварская оккупация» на юго-западе Средней Азии могла бы соответствовать лишь мидо-персидскому продвижению (а не переднеазиатских и индийских ариев). Но и это сомнительно.

Предки западноиранских племен при движении с востока должны были, как отмечалось выше, находиться в Северо-Восточном Иране не позже XII–XI вв. до н.э.; а «эпоху варварской оккупации» на юго-западе Средней Азии датируют X–VIII (Кузьмина, 1964) или IX — серединой VII в. до н.э. (Массон, 1959, 61). Но и эти датировки, очевидно, занижены, как и верхние даты Намазга VI (в частности, в связи с тем, что привлекаемые в качестве аналогий комплексы Сиалка «А» и «В» должны датироваться более поздним временем, как и культура «архаического Дахистана», которую, вероятно следует относить к VIII–VII или даже VI в. до н.э.). Существование по крайней мере до XI–X вв. до н.э. на юго-западе Средней Азии зоны земледельческих поселений с неиранским населением (или во всяком случае с населением, от которого не могли происходить западноиранские племена, чья культура отражена в памятниках из Западного Ирана первых веков I тысячелетия до н.э.) также может свидетельствовать против мнения о восточном пути западных иранцев и безусловно противоречит положению о постепенном и последовательном распространении иранских племен из Средней Азии, которое привело их на западные окраины Ирана уже по крайней мере к X в. до н.э.

Вместе с тем мнение о продвижении степных племен в земледельческие районы юга Средней Азии в начале «эпохи варварской оккупации» выглядит достаточно убедительным*. В этих племенах, очевидно, нельзя видеть западных иранцев, но они могут или даже должны принадлежать к племенам восточно-

* См.: Кузьмина, 1994, с. 229 слл., с литературой; Виноградова, 2004, с литературой.

иранской группы, которые проникали на юг Средней Азии (и далее к юго-востоку) не позже IX–VIII вв. до н.э., а очевидно, значительно ранее. Степные племена, продвинувшиеся к концу II — началу I тысячелетия до н.э. к земледельческим оазисам юга Туркмении, считают теперь не вообще андроновскими, а тазабагъябскими или близкими им. Тазабагъябский комплекс характеризуется тесными связями (в том числе антропологическими) со срубной культурой Поволжья и северо-западными памятниками андроновского типа. Поэтому вполне вероятно мнение (ср. у С.П.Толстова и др., с. 58 и сл.), что появление племен тазабагъябского типа в Южном Приаралье а также в долине Заравшана и некоторых других районах Средней Азии является результатом передвижения с северо-запада группы иранских племен (но не иранцев в целом и не индоиранцев). Тогда эти племена должны были появиться в Приаралье после возникновения срубной и андроновской культур и после того, как уже началось смешение срубных и андроновских элементов. Как отмечалось выше, по историко-лингвистическим данным можно предполагать, что формирование и раннее распространение племен восточноиранской языковой группы проходило примерно на той территории, где археологически отмечается активное взаимодействие срубников и андроновцев, и примерно в то время, когда происходил этот срубно-андроновский симбиоз. Можно поэтому предполагать, что и тазабагъябские и близкие им племена были восточноиранскими или наиболее близкими им среди иранских*.

Не обнаруживая следов влияний со стороны Средней Азии (в том числе ее юго-западных районов), памятники Западного Ирана, характеризующие культуру западноиранских племен первых веков I тысячелетия до н.э. (в том числе крайние на востоке, Сиалк, Хурвин, Калардашт), обладают целым рядом характерных особенностей, связывающих их с культурами северо-запада, Армянского нагорья, Закавказья (особенно Восточного), Талыша. Сюда относится и ряд черт, которые могут рассматриваться как результат культурного влияния, но в значительной части гораздо лучше объясняются как воспринятые иранскими племенами в ходе расселения на территорию Ирана и пребывания на границах Армянского нагорья и в соседних районах. Специфическими представляются связи с Восточным Закавказьем и Талышом времени поздней бронзы и раннего железа, особенно проявляющиеся, например, в типах и формах оружия, частей конской

* Археологические обоснования продвижения иранцев в эти районы см. в работе: Кузьмина, 2000.

сбруи, украшений, как раз в тех элементах, которые и по самим западноиранским памятникам могут быть определены как вклад иранских племен в культуру Западного Ирана рассматриваемого периода. Предметы, имеющие аналогии в Закавказье и Талыше, известны как по одному из западноиранских памятников, так и по нескольким из них. И по своему содержанию инвентарь восточнокавказских и талышских погребений близок к западноиранскому.

Имеется и ряд других весьма характерных моментов культуры западноиранских племен и населения Восточного Закавказья и Западного Прикаспия, в частности и указывающих на направление влияния из последних областей в сторону Ирана. И хотя, быть может, еще нельзя утверждать, что подобные факты сами по себе доказывают продвижение иранских племен через Восточное Закавказье, представляется определенным, что если в настоящее время искать археологические свидетельства происхождения западных иранцев, то следует прежде всего исследовать связи памятников Закавказья и соседних с ним районов с западноиранскими. Вместе с тем комплексы Восточного Закавказья поздней бронзы и раннего железа имеют бесспорные связи с северокавказскими, а также со степными культурами эпохи бронзы. Степные культуры, катакомбная и затем срубная (т.е. определенно связанные с иранцами или целиком иранские), продвигаются на Северный Кавказ, а также в Дагестан и иногда в районы до Восточного Закавказья. На этих территориях они взаимодействовали с местными культурами, связанными с закавказскими. Все это могло бы отмечать этапы проникновения иранских племен с севера.

Как уже отмечалось (ср. с. 49 и сл.), Р. Гиршман вслед за Т. Сулимирским относит теперь к скифам (и киммерийцам) ряд памятников Закавказья (а также районов к северу), материалы которых привлекались ранее некоторыми авторами (и самим Р. Гиршманом) для аналогий с памятниками Ирана, используемых для доказательства тезиса о продвижении западноиранских племен через Кавказ. Но мнение о появлении скифов и киммерийцев в Закавказье и на севере Передней Азии задолго до того, как эти племена впервые упоминаются в письменных источниках, неприемлемо как по историческим, так и по археологическим данным. Письменные источники не только не упоминают скифов и киммерийцев в это время, но и содержат материалы, делающие невозможными это предположение и исторические выводы из соответствующей трактовки некоторых археологических данных. Датируемые концом II — первой четвертью I тысяче-

летия до н.э. комплексы Восточного Закавказья, относимые Т. Сулимирским и Р. Гиршманом к скифам, очевидно, не могут иметь к ним отношения. Р. Гиршман, в частности, неоднократно ссылается на погребение в Хасанлу с упряжкой из нескольких лошадей, в чем видит отражение традиционной практики скифских народов; так он расценивает и захоронения с принесенными в жертву лошадьми и людьми у оз. Севан и в Еленендорфе. Но последние бесспорно не связаны со скифами. Вместе с тем и в Юго-Восточной Европе захоронения лошадей, а также части конской сбруи в погребальном инвентаре появляются на много веков ранее времени, когда сформировался скифский комплекс и когда можно говорить о реальных скифах, причем в культурах, из которых могут быть выведены и западноиранские племена, оказавшиеся в Передней Азии уже к X в. до н.э. Поэтому если и в отмечаемых Т. Сулимирским и Р. Гиршманом связях комплексов Восточного Закавказья начала I тысячелетия до н.э., с одной стороны, с севером, с другой — с западноиранскими памятниками видеть отражение миграций, то они прежде всего могли быть миграциями предков западноиранских племен. Т. Сулимирский видит скифов и в изображенных на одном из барельефов из дворца Ашшурнасирапала II в Калху всадниках, сражающихся с ассирийцами (см.: Sulimirski, 1954, 290, fig. 1). Тщательно переданные особенности одежды и вооружения этих всадников, манеры ведения боя, сбруи лошадей и т.д. свидетельствуют, что это воины своеобразной, отличной от старого местного населения этнической группы. Т. Сулимирский показал, что упомянутые особенности имеют много общего с тем, что известно по памятникам из степей к северу от Кавказа. Этнографический облик этих всадников может указывать, что они происходят из среды иранских племен.

Но говорить о скифах в Передней Азии в столь ранний период не приходится. Т. Сулимирский явно преувеличивает и этнографические различия, прослеживаемые при сравнении барельефа с данными о предках мидян, персов и других западноиранских народов. Необоснованно и его мнение, что у них (в отличие от скифов) всадничество не было широко распространено в первых веках I тысячелетия до н.э. Этому противоречат и археологические материалы из Западного Ирана этого времени, и данные письменных источников, свидетельствующих (ср. с. 316 и сл.) не только о широком развитии коневодства и всадничества у западноиранских племен в этот период, но и о том, что уже они задолго до скифов сыграли большую роль в распространении всадничества и новых навыков коневодства в Передней Азии. Основное оружие всадников барельефа — лук. Один из них стре-

ляет на полном скаку, обернувшись назад. Этот боевой прием действительно применялся скифами, но нет оснований считать, что в иранском мире он был первоначально известен лишь скифам. Данное изображение свидетельствует лишь о том, что он был выработан уже к IX в. до н.э. Оно указывает также, что на территории будущего Курдистана уже имелись этнические (достаточно определенно — иранские) группы, всадники которых были именно лучниками (у персов и мидян главным образом копейщиками, но иногда и лучниками). Для соседних с Курдистаном областей изображение всадника, стреляющего обернувшись назад, известно и в античный период (см.: Rostovtzeff, 1943; но определение этого конного стрелка как парфянина не обязательно). Плутарх (Luc., 31, 9) именует армянских мардов (иранские племена, одни из непосредственных предков курдов) конными стрелками-лучниками (ἱπποτοξόται Μάρδοι).

Из данных ассирийских и урартских текстов ясно, что в IX–VIII вв. до н.э. на Армянском нагорье и в Приурмийском районе скифов не было (и лишь к концу VIII в. до н.э. появляются киммерийцы). По Т. Сулимирскому, скифы находились в X–IX вв. до н.э. в Восточном Закавказье (что, однако, также не представляется возможным). Но при Ашшурнасирапале II ассирийцы не заходили далее районов у современной ирано-иракской границы, а с изображенными на барельефе всадниками могли столкнуться лишь на территории иракского Курдистана или в юго-восточных областях Турции. Невозможным было бы для этого времени и предположение о какой-то коалиции местного населения с обитавшими далеко на северо-востоке «скифами». Это противоречило бы и сведениям о военных кампаниях Ашшурнасирапала II, хорошо освещенных в его анналах (кроме того, во дворцах ассирийских царей обычно иллюстрировались события тех же походов, которые описаны в анналах). Барельеф Ашшурнасирапала II (883–859) может указывать на присутствие всаднических, очевидно, иранских (происходивших, очевидно, из Юго-Восточной Европы) племен лишь на территории Центрального Курдистана или в соседних районах. Ономастические материалы текстов IX в. до н.э. свидетельствуют, что ассирийцы уже тогда сталкивались на этих территориях, в частности, при Ашшурнасирапале II, в районе Сулеймание, с группами ираноязычного населения, очевидно проникшего туда в период продвижения в Переднюю Азию (очевидно, с севера через Кавказ) других западноиранских племен, не имевших отношения к реальным скифам.

В целом на основании ономастических материалов ассирийских текстов, данных индоевропеистики и свидетельств о рас-

пространении арийских и иранских племен и, наконец, археологических материалов следует признать, что положение о приходе иранских племен Передней Азии с востока не имеет под собой сколько-нибудь надежных оснований, а теория об их проникновении с севера, через Кавказ, представляется в настоящее время наиболее приемлемой.

Не представляется убедительным и часто выдвигаемое соображение, что именно в северо-западном углу Ирана, на территории Азербайджана, в Прикаспийских районах и на соседних территориях дольше всего сохранялось неираноязычное население. Данные ассирийского периода отнюдь не дают основания для мнения, что в будущей Атропатене преобладало местное население. Напротив, как раз для западных районов, ближе к Урмии, они свидетельствуют о широком распространении ираноязычного населения. Но в основном указанное мнение базируется на материалах античной и даже более поздних эпох. Оно исходит, однако, преимущественно из бездоказательных или неверных определений этнической принадлежности племен и народов упомянутых районов. Данные античных источников, восходящие к VI–V вв. до н.э., могут свидетельствовать лишь об ираноязычном населении на территории Атропатены. Атропатенская народность, уже сложившаяся к эллинистической эпохе, была ираноязычной; в раннее средневековье в Азербайджане говорили на иранском языке азери, очевидно близком современному талышскому (в некоторых деревнях Иранского Азербайджана еще сохраняются иранские диалекты, потомки иранских языков, распространенных здесь и на соседних территориях в древности и средневековье).

И к западу от Атропатены иранские племена засвидетельствованы уже с VI–V вв. до н.э. Исследователи этногенеза курдов считают, что в античную эпоху ираноязычное население имелось на всей территории от Западного Курдистана до районов у Каспийского моря (ср. у В.Ф. Минорского, О.Л. Вильчевского и др.). Но по их мнению, экспансия иранских племен на основную территорию Курдистана началась с конца VII в. до н.э., после падения Ассирии и Урарту. В специальной литературе проблема происхождения курдов сводится прежде всего к вопросу о появлении на территории Курдистана ираноязычного населения (можно считать окончательно отвергнутым мнение, что курды — потомки местных неиранских племен, кардухов и др., позже лишь перешедших на иранский язык, ср. с. 73). Уже поэтому наиболее целесообразно рассматривать в качестве предков курдов прежде всего иранские племена, находившиеся в Центральном Курдистане уже в IX–VIII вв. до н.э.

Юго-восточные, а частично и центральные курдские диалекты формировались на ином иранском, в частности гуранском, субстрате (ср. у Д. Маккензи). Основная часть иранского и юго-восточная часть иракского Курдистана, очевидно, не входили в область первоначального формирования собственно курдов и их языка и были заняты, в частности, иными иранскими народностями. Собственно курды известны с конца античного и начала средневекового периода к юго-востоку от оз. Ван и в соседних районах; ранее в античную эпоху непосредственные предки курдов, киртии и марды (оба термина первоначально, очевидно, не были самоназваниями, а обозначали иранские племена определенного хозяйственно-бытового и политического облика), засвидетельствованы к западу от Урмии, между Урмией и оз. Ван, к юго-востоку и югу от оз. Ван и в сопредельных районах Армении и Ассирии. Примерно там же, к западу от Урмии и в пограничной ассиро-урартской полосе, в IX–VIII вв. до н.э. отмечены ираноязычное население и следы влияния его речи и культуры. Нельзя предполагать, что оно исчезло или было ассимилировано, а в конце VII в. до н.э. и позже здесь появились новые иранские группы. Напротив, именно во второй половине VIII в. до н.э. и к концу его в упомянутых районах отмечается усиление роли иранского этнического элемента и его влияния. Ираноязычное население обитало в пределах Ассирии и Урарту и в пограничной между ними полосе, как в античную эпоху иранские и затем собственно курдские племена жили на территории Армянского царства и соседних стран.

Особенно распространено мнение, что неиранским в течение длительного периода оставалось население Прикаспия. Считают, что в этих защищенных горами районах старое местное (и, как часто полагают, более отсталое) население всегда долго сохраняло свой этнический облик. Но и это мнение неоправданно. Сведения некоторых раннесредневековых источников о том, что в этих областях говорят не по-ирански (т.е. не по-персидски), означают лишь, что там существовали языки, отличные от персидского. Те же и более ранние источники сообщают ряд имен и слов из этих языков, действительно отличающихся от персидского, но являющихся иранскими. Известные же с античного времени имена прикаспийских народов в основном не дают возможности для определенных выводов. Анариаки, по-видимому, действительно были неиранцами (хотя арийские племена часто называли неариями также арийские по языку, а нередко и близко родственные им племена); но уже это название указывает, что рядом жили преимущественно или исключительно иранские пле-

мена. К последним определенно должны быть отнесены парсии и марды (ср. с. 86, 192 и сл.), а также кадусии и гелы. Гелы — современные гиляки, говорящие на особом иранском диалекте (языке). И в других прикаспийских областях существовали и существуют особые иранские диалекты. Мнение, что говорящие на них лишь перешли на иранскую речь в поздний период, бездоказательно и, очевидно, неверно. Кадусии, по свидетельству античных авторов, — это тот же народ, что и более поздние гелы; известны отдельные имена кадусиев; все они — иранские.

Известные теперь археологические материалы из западной части Южного Прикаспия конца II — первых веков I тысячелетия до н.э. принадлежат к тому же кругу памятников Западного Ирана этого времени, которые характеризуют культуру западноиранских племен; причем комплексы Юго-Западного Прикаспия обладают столь же специфическими, а иногда и более яркими чертами, которые рассматриваются как указание на иранский этнос. Из тех же материалов ясно, что для рассматриваемого периода не приходится говорить о культурной и политической отсталости населения этих районов Прикаспия по сравнению с другими районами Ирана (эти материалы могут свидетельствовать и о том, что сообщения античных авторов о могуществе кадусиев в ахеменидский период не преувеличены). Для одного из районов Прикаспия, очевидно, имеются данные и ассирийских текстов (в VII в. до н.э., ср. выше о Патушарре). Они содержат материалы именно об ираноязычном населении.

Таким образом, положение, по которому этногенез прикаспийских народностей сводится к восприятию — и весьма поздно — иранского языка местными аборигенами, должно быть пересмотрено. Иранские племенные группы проникли в западную часть Южного Прикаспия, очевидно, уже к началу I тысячелетия до н.э. (по-видимому, со стороны Талыша и соседних с ним районов), и с этого времени линия развития ираноязычного населения не прерывалась там до раннего средневековья, когда появляются уже более подробные сведения об иранских племенах Прикаспия.

В Западном Иране и некоторых соседних странах Передней Азии ираноязычное население было многочисленным уже в IX–VIII и безусловно к концу VIII в. до н.э. Поэтому такие факторы, как образование Мидийского государства, киммерийско-скифские вторжения, употребление иранского языка как средства межплеменного общения на больших пространствах, возможно, и имели известное значение, но не были определяющими и основными. Этот процесс получил широкое развитие задолго до того,

как указанные факторы могли оказать какое-то влияниее. Безусловно, нельзя говорить о том, что иранский элемент там, где он засвидетельствован письменными источниками IX–VIII вв. до н.э., составлял верхушечный слой населения. Напротив, в указанное время лица с иранскими именами — чаще всего правители мелких и мельчайших владений, а во многих случаях скорее всего вожди незначительных родо-племенных единиц (и никак не «кондотьеры» и не наемники, владевшие «ленами»).

Продвижение западноиранских племен в Переднюю Азию в целом определенно не имело характера завоевания или проникновения с переходом власти на значительных территориях к представителям этих племен. Уже весьма многочисленное ираноязычное население в это время в основном оказывается в зависимости от политических образований, созданных старым местным населением (Ассирия, Урарту, Мана, Элам и более мелкие объединения). Тем не менее и в этих условиях происходило распространение и расширение влияний ираноязычного населения. Так, материалы из ассиро-урартской пограничной полосы, свидетельствующие о распространении иранского языка, культуры и религии (и, очевидно, об иранизации групп местного населения), относятся ко времени до 714 г. до н.э., т.е. к периоду расцвета Урарту и к эпохе могущества Ассирии. Еще сохранявшиеся в этой полосе более мелкие политические единицы, зависимые от Ассирии и Урарту, такие, как Хубушкиа и Мусасир, по крайней мере первоначально также возглавлялись правителями из местного населения.

И в рассматриваемый период представители иранских племенных групп начинают создавать более прочные и крупные объединения, пытаясь распространить свою власть на соседние районы (ср. данные о Парсуа и ее правителе Тунаке, к 744 г. до н.э. захватившем некоторые районы Абдаданы и Гизильбунды). Но эти единичные и поздние для изучаемой эпохи явления имели место на территориях, где уже ранее был широко распространен иранский этнический элемент, и, следовательно, искать в этом причину широкого распространения иранского языка не следует (в Парсуа ираноязычное население должно было преобладать более чем за сто лет до времени Тунаки; но тогда там еще не было единого правителя, а лишь большое число вождей, по-видимому возглавлявших отдельные поселения с округой). Персидские племена, продвинувшиеся к границам Элама уже к концу IX в. до н.э., долго не играли существенной политической роли. К VII в. до н.э. персы — одна из зависимых от Элама племенных групп. На протяжении VII в. до н.э. их роль заметно увели-

чивается, но они продолжают оставаться подданными Элама до его разгрома Ассирией. Лишь постепенное развитие персидско-ахеменидских племен на зависимых от Элама территориях привело впоследствии к их значительному усилению, а затем к созданию Ахеменидской державы.

Не захват политического господства представителями иранских племен приводил к языковой и культурной иранизации на обширных пространствах, а, напротив, лишь в тех областях, где на значительных территориях иранский этнический элемент становится преобладающим, создаются впоследствии возглавлявшиеся представителями иранских племен крупные политические образования. Последние, однако, возникают не на основе старых объединений типа союзов родственных племен или конфедераций этнически разнородных племен, а на базе более прочных территориальных связей оседлого ираноязычного населения (ср. образование ахеменидского объединения на базе лишь небольшой группы соседних персидских племен, причем именно земледельческих, и возникновение Мидийского царства: большое число мелких в подавляющем большинстве возглавлявшихся иранцами владений с постоянными, часто укрепленными поселениями в Западной Мидии конца VIII в. до н.э., по данным ассирийских источников, и полулегендарный рассказ о Дейоке у Геродота).

Этногенез известных в последующие века западноиранских народностей бесспорно не может рассматриваться таким образом, что их господствующие классы происходят от ираноязычных иммигрантов, а основная масса или низшие слои населения — от автохтонного населения (точка зрения ряда западных исследователей). Но также неверно сводить сложение ряда западноиранских племен и народов прежде всего к распространению среди их предков иранского языка. Процессы формирования иранских народностей Передней Азии как по характеру, так и по результатам представляются значительно более сложными. Иранизация тех или иных территорий, внешне нередко фиксируемая главным образом по распространению иранской речи, неизбежно сопровождалась коренными изменениями других основных черт населения этих территорий. Причем эти изменения являются прежде всего результатом развития соответствующих черт, присущих ираноязычному населению до его появления на данных территориях. Это касается социальной структуры, политических институтов, обычаев, бытовых особенностей, культуры, религии и т.д.; существенные изменения, безусловно, произошли и в хозяйственной жизни.

Все это четко прослеживается на примере персов Юго-Западного Ирана, о которых для ахеменидской эпохи можно судить с

достаточной определенностью. Нельзя, естественно, сказать, что они являются обыранившимися по языку аборигенами Фарса или соседних территорий; между тем именно персы прошли наибольший путь по территории Ирана, а на границах Элама, в Фарсе и близлежащих районах нашли местное население, издавна развивавшее здесь свои традиции и достаточно высоко развитое. Что же касается мидян, то мнение, по которому они в значительной или большей части состояли из перешедших на иранский язык местных племен, а возникшая таким образом этническая общность помимо языка характеризовалась в основном сохранением и развитием этнических черт автохонного населения, явно существует лишь потому, что свидетельства античного периода о Мидии и мидянах крайне скудны. Впрочем, и все отрывочные сведения о социальных, семейных, правовых отношениях, политическом строе, религии и т.д. мидян в предахеменидский и ахеменидский периоды свидетельствуют, что соответствующие особенности являются прежде всего иранскими или развивают общеиранские и арийские институты.

Причины, обусловившие широкое распространение и большую устойчивость иранского этнического элемента в I тысячелетии до н.э., во многом еще остаются совершенно неизученными. Необходимо исследование различных аспектов этой проблемы и прежде всего создание более четкого представления о наиболее существенных сторонах экономического и социально-политического строя древнеиранских племен. Следует, однако, указать на следующие обстоятельства. Каковы бы ни были причины, способствовавшие активной иранизации ряда областей Передней Азии, она проходила при значительно большем, чем обычно предполагается, удельном весе пришлого ираноязычного населения. Вместе с тем мигрирующие иранские племена в экономике и культуре (а также в социально-политическом отношении) вряд ли намного отставали от племен большей части Ирана, Закавказья и ряда районов Армянского нагорья, а в некоторых отношениях, очевидно, и превосходили их.

Особо следует подчеркнуть необоснованность широко распространенного в работах самого различного профиля (ср. в главе I) мнения, что иранские (как и арийские) племена при появлении в Передней Азии (а также в ряде других стран) были кочевыми или полукочевыми скотоводами и именно как таковые прежде всего отличались от местного оседлого, земледельческого и скотоводческого, населения. Сам факт расселения индоиранцев по громадным территориям, естественно, не должен указывать на кочевое хозяйство и быт. И другие индоевропейские племена занимали

обширные пространства, но это не дает основания называть, например, кельтов, германцев или славян кочевыми скотоводами; все они, как и индоиранцы, использовали лошадь и крупный рогатый скот как транспортное средство; это увеличивало их подвижность, но не делало их кочевниками.

Как уже отмечалось выше, сравнительные данные индоиранистики указывают, что предки иранских и индоарийских народов были оседлыми и занимались скотоводством и земледелием; то же относится к общеиранской традиции. Ведическая литература с древнейших частей Ригведы и материалы Авесты также свидетельствуют об оседлой жизни индоарийских и иранских скотоводов-земледельцев в постоянных поселениях. С другой стороны, на всех тех территориях, где может быть помещена родина иранских племен (то же относится и к индоариям), и там, где они могли обитать на пути в Переднюю Азию (и Индию), возникновение кочевого хозяйства и разделение племен на земледельцев и кочевников-скотоводов относится к первым векам I тысячелетия до н.э. Ранее население близких по типу культур Южной России, Казахстана и соседних районов было оседлым и занималось как скотоводством, так и земледелием, причем последнее было для своего времени весьма высоко развито, в том числе в срубной и андроновской культурах. На последних этапах существования этих культур получают развитие факторы, обусловившие позже возможность перехода ряда племенных групп к кочевому хозяйству и быту (но это качественное изменение произошло лишь с завершением срубно-андроновской эпохи). Предки западноиранских народов покинули области первоначального обитания в тот период (не позже XII–XI вв. до н.э.), когда возможность перехода к кочевому хозяйству, быть может, могла существовать лишь в качестве тенденции (а для индоариев тот тип хозяйства, который может быть определен как кочевое или полукочевое скотоводство, вообще не свойствен и нигде не засвидетельствован).

Из сведений клинописных текстов об областях с ираноязычным населением, в том числе о тех, которые уже носили иранские названия, ясно, что их жители вели оседлую жизнь в постоянных поселениях, имели укрепленные пункты, иногда сильные крепости; у них было развито скотоводство, но они безусловно занимались и земледелием. Аналогичная картина в сущности вырисовывается и по археологическим материалам первых веков I тысячелетия до н.э. Правда, в основном это погребальные комплексы. Их материалы указывают, в частности, что они принадлежали коневодческим всадническим племенам. Последние поэтому часто определяют как кочевые. Но понятия коневодческий, всад-

нический и кочевой, естественно, не тождественны. Коневодами и всадниками были и оседлые иранские племена, занимавшиеся и земледелием. Многие же другие элементы инвентаря таких погребений свидетельствуют об оседлом характере соответствующей культуры, а в ряде случаев определенно известно, что эти погребальные комплексы находились рядом с постоянными оседлыми поселениями и фортификационными сооружениями, как, например, и в Сиалке VI. В районе находок происходящих из погребений «амлашских» предметов (в частности, указывающих на коневодчество и всадничество) экспедицией Токийского университета открыты жилые кварталы, свидетельствующие, что местное население было оседлым и занималось земледелием [ср. у Р. Гиршмана (1962, 57 и сл.), при этом он замечает: в противоположность населению Луристана, но даже в луристанском комплексе нет черт, которые бы указывали обязательно на кочевой быт]. Земледельческим было и население Марлика, курганы* которого имеют инвентарь, во многом сходный по содержанию и формам с происходящим из ряда других некрополей Западного Ирана (в Марлике известны теперь и погребения с лошадьми, а с другой стороны, например, статуэтка плуга, запряженного двумя быками, и т.д.).

В период продвижения в Переднюю Азию западноиранские племена были, очевидно, однородными в хозяйственном отношении, и лишь затем ранее этнически или политически связанные политические группы (например, персидская) оказываются разделенными (уже к VI–V вв. до н.э.) на кочевых и оседлых (так Геродот из десяти называемых им персидских племен шесть называет земледельцами, а четыре — номадами). Но это разделение иранских племен в хозяйственном, культурно-бытовом и политическом отношении не должно рассматриваться как результат перехода части кочевых скотоводов к оседлой жизни и земледелию; напротив, этот процесс в основном заключался в том, что среди оседлых или полуоседлых племен, занимавшихся скотоводством и земледелием, постепенно выделялись группы, переходившие (в Передней Азии преимущественно в горных районах) к кочевому хозяйству и быту, при дальнейшем развитии земледельческих традиций у другой (в Передней Азии большей) части племен; представители именно этих оседлых иранских племен оказались господствующими на больших территориях Передней Азии (напротив, в обширных районах южнорусских степей политически ведущими стали ираноязычные кочевники).

---

* Точнее, могильники — курганов в Марлике нет. См.: Negahban, 1996.

Библиография

Абаев, 1945 — *Абаев В.И.* Древнеперсидские элементы в осетинском. — «Иранские языки». I. М.–Л., 1945.

Абаев, 1949 — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

Абаев, 1956 — *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра. — Archiv Orientální. Praha, 1956, XXIV.

Абаев, 1958 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958.

Абаев, 1964 — *Абаев В.И.* О фонеме l в осетинском. — Иранская филология. М., 1964.

Абаев и Меликишвили, 1958 — *Абаев В.И.* и *Меликишвили Г.А.* И.М. Дьяконов. История Мидии. — ВДИ, 1958, № 3 (рец.).

АВИИУ — *Дьяконов И.М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ. 1951, № 2–4.

Алиев, 1948 — *Алиев Играр.* О мидийском обществе. — Известия АН АзССР. Баку, 1948, № 10.

Алиев, 1954 — *Алиев Играр.* О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен. — Труды Института истории и философии АзССР. Баку, 1954, т. V.

Алиев, 1956 — *Алиев Играр.* Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана. — Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956.

Алиев, 1960 — *Алиев Играр.* История Мидии. Баку, 1960.

Бартольд, 1922 — *Бартольд В.В.* Восточно-иранский вопрос. — Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1922, т. II.

Бернштам, 1956 — *Бернштам А.Н.* Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. — Тезисы докладов и содокладов на сессии об этногенезе киргизского народа. Фрунзе, 1956.

Бернштам, 1957 — *Бернштам А.Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1957, № 26.

Боголюбов, 1962 — *Боголюбов М.Н.* Древнеперсидские этимологии. — ДМ.

Боголюбов и Смирнова, 1963 — Боголюбов М.Н. и Смирнова О.И. Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы, М., 1963.

Бонгард-Левин, 1962 — *Бонгард-Левин Г.М.* Хараппская цивилизация и «арийская проблема». — Советская этнография. 1962, № 1.

Вильчевский, 1961 — *Вильчевский О.Л.* Курды. Введение в этническую историю курдского народа. М.–Л., 1961.

ВИ — Всемирная история. Т. I. М., 1955.
Ганковский, 1964 — *Ганковский Ю.В.* М., 1964. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории).
Георгиев, 1956 — *Георгиев В.И.* Проблемы возникновения индоевропейских языков. — ВЯ. 1956, № 1.
Георгиев, 1958 — *Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
Грантовский, 1958 — *Грантовский Э.А.* И.М. Дьяконов. История Мидии. — Советское востоковедение. 1958, № 3 (рец.).
Грантовский, 1960 — *Грантовский Э.А.* Индо-иранские касты у скифов. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
Грантовский, 1961а — *Грантовский Э.А.* Древнеиранское этническое название **Parsava-Pārsa.* — КСИНА. 1961, XXX.
Грантовский, 1961б — *Грантовский Э.А.* Иран в V–VII вв. (государство Сасанидов). — Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. М., 1961.
Грантовский, 1962а — *Грантовский Э.А.* Иранские имена из Приурмийского района в IX–VIII вв. до н.э. — ДМ.
Грантовский, 1962б — *Грантовский Э.А.* Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота. — КСИНА. 1962, XLVI.
Грантовский, 1963а — *Грантовский Э.А.* Из истории восточноиранских племен на границах Индии. — КСИНА. 1963, LXI.
Грантовский, 1963б — *Грантовский Э.А.* Племенное объединение Parçi-Parçava у Панини. — История и культура Древней Индии. М., 1963.
Грантовский, 1964 — *Грантовский Э.А.* Ираноязычные племена Передней Азии в IX–VIII вв. до н.э. М., 1964 (автореф. канд. дис.).
Дандамаев, 1960 — *Дандамаев М.А.* К вопросу о династии Ахеменидов. — Палестинский сборник. М.–Л., 1960, вып. 5 (63).
Дандамаев, 1963 — *Дандамаев М.А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
Деопик и Мерперт, 1957 — *Деопик Д.В. и Мерперт Н.Я.* К вопросу о конце цивилизации Хараппы. — СА. 1957, № 4.
Дьяконов, 1951 — *Дьяконов И.М.* Заметки по урартской эпиграфике. — Эпиграфика Востока. Л., 1951, IV.
Дьяконов, 1956 — *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.–Л., 1956.
Дьяконов, 1958 — *Дьяконов И.М.* Материалы к фонетике урартского языка. — Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.–Л., 1958.
Дьяконов, 1960 — *Дьяконов И.М. В.М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. — ВДИ, 1960, № 3 (рец.).
Дьяконов, 1961а — *Дьяконов И.М.* Хетты, фригийцы и армяне (проблема армянского языка). — Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961.
Дьяконов, 1961б — *Дьяконов И.М.* Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков. — Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961.

Дьяконов и Лившиц, 1960 — *Дьяконов И.М.* и *Лившиц В.А.* Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М., 1960.

Елизаренкова, 1960 — *Елизаренкова Т.Я.* Аорист в Ригведе. М., 1960.

Еремян, 1961 — Армения по «Ашхарацуйц»-у (армянской географии VII века). Опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе, автор карты С.Т. Еремян. Ереван, 1961.

Зализняк, 1962 — *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — Вопросы славянского языкознания. М., 1962, вып. 6.

Зализняк, 1963 — *Зализняк А.А.* О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами. — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1963, вып. 38.

Заднепровский, 1962 — *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.–Л., 1962 (МИА, № 118).

Иванов, 1956.— *Иванов В.* Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. — ВЯ. 1956, № 2.

Иванов, 1958 — *Иванов В.В.* Проблема языков *centum и satem*. — ВЯ. 1958, № 4.

Иванов, 1963 — *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.

Иванов и Топоров, 1960 — *Иванов В.В.* и *Топоров В.Н.* Санскрит. М., 1960.

Итина, 1960 — *Итина М.А.* Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н.э. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Итина и Трофимова, 1961 — *Итина М.А.* и *Трофимова Т.М.* Могильник бронзового века Кокча 3. М., 1961.

Кузьмина, 1964 — *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

Курдоев, 1960 — *Курдоев К.К.* О значениях и функциях суффикса -k (-aka) в курдском языке. — Исследования по истории культуры народов Востока. М.–Л., 1960.

Лившиц, 1962 — *Лившиц В.А.* Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. М., 1962.

Лившиц и Массон, 1962 — *Лившиц В.А.* и *Массон В.М., И.Г. Алиев.* История Мидии. — ВДИ, 1962, № 2 (рец.).

Липин, 1957 — *Липин Л.А.* Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык. Вып. I, Л., 1957.

Литвинский, 1962 — *Литвинский Б.А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа. — Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.

Лосева, 1962 — *Лосева И.М.* Некоторые урартские ювелирные изделия с изображением ритуальных сцен. — ДМ.

Массон, 1956 — *Массон В.М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1956, VII.

Массон, 1959 — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.–Л., 1959 (МИА, № 73).
Массон, 1964а — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. I. М., 1964.
Массон, 1964б. — *Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.
Мейе, 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.
Меликишвили, 1949 — *Меликишвили Г.А.* Некоторые вопросы истории Манейского царства. — ВДИ. 1949, № 1.
Меликишвили, 1954 — *Меликишвили Г.А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
Меликишвили, 1959 — *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
Миллер Б.В., 1926 — *Миллер Б.В.* Конспект лекций по истории Персии. Ч. 1. М., 1926.
Миллер Б.В., 1951 — *Миллер Б.В.* К вопросу о классификации иранских языков. — Тезисы докладов сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Института этнографии, Института истории материальной культуры, Института истории и Института языкознания АН СССР. М., 1951.
Миллер Вс., 1913 — *Миллер Вс.* К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. — Известия Археологической комиссии. СПб., 1913, вып. 47.
Мольнар, 1955 — *Мольнар Э.* Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — Studia Historica. Budapest, 1955, XIII.
Оранский, 1960 — *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
Пиотровский, 1949 — *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.
Пиотровский, 1955 — *Пиотровский Б.Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — Сар. 1955, XXIII.
Пиотровский, 1959 — *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. М., 1959.
Погребова, 1962 — *Погребова М.Н.* Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени. — КСИА. 1962, вып. 89.
Руденко, 1961 — *Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передняя Азия. М., 1961.
Смирнов, 1964 — *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
Соколов, 1961 — *Соколов С.Н.* Авестийский язык. М., 1961.
Струве, 1944 — *Струве В.В.* Надпись Ксеркса о «девах» и религия персов. — Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1944, № 3.
Струве, 1947 — *Струве В.В.* Арийская проблема. — Советская этнография. М.–Л., 1947, VI–VII.
Струве, 1948 — *Струве В.В.* Родина зороастризма. — Советское востоковедение. М.–Л., 1948, V.
Тадмор, 1960 — *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960. Т. I. М., 1962.

Тирацян, 1964 — *Тирацян Г.А.* Урартская цивилизация и Ахеменидский Иран. — Историко-филологический журнал. Ереван, 1964, № 2.
Толстов, 1948а — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов, 1948б — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.
Толстов, 1957 — *Толстов С.П.* Итоги двадцати лет Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937–1956). — Советская этнография. 1957, № 4.
Толстов, 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Толстов, 1964 — *Толстов С.П.* Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. — Индия в древности. М., 1964.
Толстов и Итина, 1960 — *Толстов С.П.* и *Итина М.А.* Проблема суярганской культуры. — СА. 1960, № 1.
Топоров, 1960 — *Топоров В.Н.* Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. — Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1960, вып. 28.
Топоров и Трубачев, 1962 — *Топоров В.Н.* и *Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
Трубачев, 1960 — *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
Трубачев, 1963 — *Трубачев О.Н.* К этимологии слав. *myslь*. — Этимология. М., 1963.
Тураев, 1936 — *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. II. Л., 1936.
УКН — Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
Фавстос — История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеармянского и комментарий М.А. Геворгяна, под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1953.
Филин, 1962 — *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962.
Черников, 1957 — *Черников С.С.* Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. — Краткие сообщения Института этнографии. М., 1957, XXVI.
Черников, 1960 — *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.–Л., 1960 (МИА, № 88).
Юсифов, 1958 — *Юсифов Ю.Б.* Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов. — ВДИ. 1958, № 3.

Abaev, 1962 — *Abaev V.I.* Isoglosse scito-europee. — Istituto Orientale di Napoli, Annali, Sezione linguistica. IV. Napoli, 1962.
AKA — Annals of the Kings of Assyria ... from the Original Documents in British Museum. Ed. by E. A. W. Budge and L. W. King. London, 1902.
Altheim, 1950 — *Altheim Fr.* Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, Halle/Saale, 1950.
Altheim, 1951 — *Altheim Fr.* Geschichte der lateinischer Sprache. Frankfurt am Main, 1951.

Altheim und Stiehl, 1961 — *Altheim Fr.* und *Stiehl R.* Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lief. 1–3. Frankfurt am Main, [1961].
AMI — См. Herzfeld, AMI.
AR — *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Vol. I–II. Chicago, 1926–1927.
Arntz, 1933 — *Arntz H.* Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch, Heidelberg, 1933 (Indogermanische Bibliothek, 3. Abteilung, Bd. 3).
AS — *Luckenbill D.D.* The Annals of Sennacherib, Chicago, 1924 (Oriental Institute Publications. Vol. II).
ATN — Scheil V. et Gautier J.-Et. Annales de Tukulti-Ninip. Paris, 1909 (Bibliothèque de l'École pratique des Hautes Études, fasc. 178).
Bailey, 1953 — *Bailey H.W.* Indo-Iranian Studies. — TPS, 1953.
Bailey, 1955 — *Bailey H.W.* Indo-Iranian Studies-III. — TPS, 1955.
Bailey, 1957 — *Bailey H.W. A* Problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — Rocznik Orientalistyczny. Warszawa. 1957, XXI.
Bailey, 1960 — *Bailey H.W.* Indagatio Indo-Iranica. — TPS, 1960.
Bailey, 1961 — *Bailey H.W.* Arya III. — BSOAS. 1961, vol. XXIV.
Bailey, 1963 — *Bailey H.W.* Arya IV. — BSOAS. 1963, vol. XXVI.
Balkan, 1954 — *Balkan K.* Kassitenstudien. 1. Die Sprache der Kassiten, New Haven, 1954 (American Oriental Society, vol. 37).
Brthl — Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1905.
Bartholomae, 1893 — *Bartholomae Chr.* Arica III. — IF. 1893, Bd. II.
Benveniste, 1929 — *Benveniste E.* Un rite zervanite chez Plutarque. — JA, 1929, t. 215.
Benveniste, 1930 — *Benveniste E.* Les nominatifs arméniens *en -i*. — Revue des Études Arméniennes. Paris, 1930, t. X.
Benveniste, 1934 — Benveniste E. L'Ērān-vēž et l'origine légendaire des Iraniens. — BSOS, 1934, vol. VII.
Benveniste, 1954a — *Benveniste E.* Notes avestiques. — «Asiatica». Leipzig, 1954.
Benveniste, 1954б — *Benveniste E.* Eléments perses en araméen d'Égypte. — JA. 1954, t. 242.
Benveniste, 1958 — *Benveniste E.* Notes sur les tablettes élamites de Persepolis. — JA, 1958, t. 246.
Birwé, 1956 — *Birwé R.* Griechisch-Arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf — Hessen, 1956 (Beiträge zur Sprach- und Kulturgeschichte des Orients. Ht 8).
Boisacq, 1923 — *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1923.
Botta — *Botta P.E.* et *Flandin E.* Monument de Ninive, T. I–V, Paris, 1847-1850.
Boudou, 1929 — *Boudou R.P.* Liste de Noms Géographiques. — Orientalia. Roma, 1929, № 36–38.
Brandenstein, 1948 — *Brandenstein W.* Die alten Inder in Vorderasien. — Frühgeschichte und Sprachwissenschaft. Wien, 1948.

Brandenstein, 1953 — *Brandenstein W.* Die Abstammungssagen der Scythen. — WZKM, 1953, Bd. 52.
Brandenstein, 1962a — *Brandenstein W.* Das Indogermanenproblem. — Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1962, 36. Jahrgang, Ht. 2.
Brandenstein, 1962б — *Brandenstein W.* Das Pferd — eine Hauptfrage der indogermanischen Altertumskunde. — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1962, Bd. XCII.
Brandenstein, 1964 — *Brandenstein W.* und *Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
Brugmann, 1905 — *Brugmann K.* Verdunkelte Nominalkomposita des Griechischen u. des Lateinischen. — IF, 1905, Bd. XVII.
Burrow, 1955 — *Burrow T.* The Sanskrit Language. London, 1955.
Calmeyer, 1964 — *Calmeyer P.* Altiranische Bronzen des Sammlung Bröckelschen. Berlin, 1964.
Cameron, 1936 — *Cameron G.* History of Early Iran. Chicago, 1936.
Cameron, PTT — см. PTT.
Cameron, 1950 — *Cameron G.* The Annals of Shalmaneser III, King of Assyria. — Sumer. Baghdad, 1950, vol. VI.
Cameron, 1959 — *Cameron G.* The «Daiva Inscription» of Xerxes: In Elamite. — WO, 1959, Bd. II, Ht. 5/6.
Chaumont, 1960 — *Chaumont M.L.* L'inscription de Kartir à la Ka'bah de Zoroastre. — JA, 1960, t. 248.
Christensen, 1943 — *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København, 1943.
Clay, 1912 — *Clay A.* Personal Names from Cuneiform Inscriptions of the Cassite Period. New Haven, 1912 (Yale Oriental Series, vol. I).
Dhalla, 1922 — *Dhalla M.* Zoroastrian Civilisation from the Earliest Times to the Downfall of the Last Zoroastrian Empire 651 A. D. New York, 1922.
Duchesne-Guillemin, 1962 — *Duchesne-Guillemin J.* L'étude de l'iranien ancien au vingtième siècle. — Kratylos. Wiesbaden, 1962, 7. Jahrgang.
Dussaud, 1949 — *Dussaud R.* Anciens bronzes du Luristan et cultes iraniens. — Syria. Paris, 1949, t. 26.
Dussaud, 1950 — *Dussaud R.* Le dieu mithraïque léontocéphale. — Syria. Paris, 1950, t. 27.
Dyson, 1960 — *Dyson R.H.* Hasanlu and Early Iran. — Archaeology. New York, 1960, vol. 13.
Dyson, 1961 — *Dyson R.H.* Excavating the Mannaean Citadel of Hasanlu and New Light on Several Millennia of Persian Azerbaijan. — ILN, 30.IX.1961.
Dyson, 1962 — *Dyson R.H.* The Hasanlu Project. — Science. New York, 1962, vol. 135.
Dyson, 1963 — *Dyson R.H.* Hasanlu Discoveries, *1962.* — Archaeology. New York, 1963, vol. 16.
Dyson, 1964a — *Dyson R.H.* Ninth-century Men in Western Iran. — Archaeology. New York, 1964, vol. 17.
Dyson, 1964б — *Dyson R.H.* In the City of the Golden Bowl. New Excavations at Hasanlu in Persian Azerbaijan. — ILN, 12.IX.1964.

Egami and Ikeda, 1963 — *Egami N.* and Ikeda J. Anthropological Studies of West Asia. I. Human Remains from the Tombs in Dailamistan. Northern Iran. Tokyo, 1963 (The Tokyo University Iraq–Iran Archaeological Expedition, report 5).

Eilers, 1934 — *Eilers W.O.* Krückmann. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. — AfO, 1934, Bd. IX (rec.).

Eilers, 1936 — *Eilers W.* Eine mittelpersische Wortform aus frühachämenidischer Zeit? — ZDMG, 1936, Bd. 90.

Eilers, 1937 — *Eilers W.* Eine gefälschte Inschrift in altpersischen Zeichen. — ZDMG, 1937, Bd. 91.

Eilers, 1940a — *Eilers W.* Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung, Leipzig, 1940 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXV, № 5).

Eilers, 1940б — *Eilers W.* Kleinasiatisches. — ZDMG, 1940, Bd. 94.

Eilers, 1953 — *Eilers W.* Der alte Name des persischen Neujahrfestes. — Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1953, № 2.

Eilers, 1954, 1956 — *Eilers W.* Der Name Demawend. — Archiv Orientální. Praha, 1954, XXIV, 1956, XXVI.

Eilers, 1955 — *Eilers W.* Altpersische Miszellen. — ZA, 1955, Bd. 51.

Eilers, 1962 — *Eilers W.* Die altiranische Vorform des Vaspuhr. — Locust's Leg: Studies in Honour of S.H. Taqizadeh. London, 1962.

Eilers und Mayrhofer, 1960 — Eilers W. und Mayrhofer M. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung. — Die Sprache. Wien, 1960, Bd. VI.

El-Amin, 1953 — *El-Amin M.* Die Reliefs mit Beischriften von Sargon II in Dur-Sharrukin. — Sumer. Baghdad, 1953, vol. IX, № 1, 2.

Figulla, 1912 — *Figulla H.H.* Der Briefwechsel Belibnis. Leipzig, 1912.

Forrer, 1920 — *Forrer E.* Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches. Leipzig, 1920.

Frisk, 1934 — *Frisk Hj.* Zur indoiranischen und griechischen Nominalbildung. Göteborg, 1934.

Frye, 1963 — *Frye R.N.* The Heritage of Persia. Cleveland and New York, 1963.

Gadd, 1954 — *Gadd C.J.* Inscribed Prisms of Sargon II from Nimrud. — Iraq. London, 1954, vol. XVI.

Geiger, 1882 — *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

Gershevitch, 1954 — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.

Gershevitch, 1959 — *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra with an Introduction, Translation and Commentary. Cambridge, 1959.

Ghirshman, 1938, 1939 — *Chirshman R.* Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1937. T. I–II. Paris, 1938–1939.

Ghirshman, 1950a — *Ghirshman R.* Notes iraniennes IV. Le trésor de Sakkes, les origines de l'art Mède et les bronzes du Luristan. — Artibus Asiae. Ascona, 1950, vol. XIII.

Ghirshman, 1950b — *Ghirshman R.* Masjid-i Solaiman, résidence des premiers Achéménides. — Syria. Paris, 1950, t. 27.
Ghirshman, 1951 — *Ghirshman R.* L'Iran dès origines à l'Islam. Paris, 1951.
Ghirshman, 1954 — *Ghirshman R.* Village Perse-Achéménide. Paris, 1954 (Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXXVI).
Ghirshman, 1958a — *Ghirshman R.* Notes iraniennes VIII. Le dieu Zurvan sur les bronzes du Luristan. — Artibus Asiae. Ascona, 1958, vol. XXI.
Ghirshman, 1958б — *Ghirshman R.* I.M. Diakonov. Histoire de la Médie. — Bibliotheca Orientalis. Leiden, 1958, XV, № 6 (rec.).
Ghirshman, 1960 — *Ghirshman R.* La civilisation achéménide et l'Urartu. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16.VIII.1960. T. I, M., 1962.
Ghirshman, 1962 — *Ghirshman R.* Notes iraniennes XI. — Artibus Asiae. Ascona, 1962, vol. XXV.
Ghirshman, 1964 — *Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alexander the Great. London, 1964.
Ghosh, 1951 — *Ghosh B.K.* The Aryan Problem. — The Vedic Age. London, 1951 (The History and Culture of Indian People. Vol. I).
Godard, 1931 — *Godard A.* Les bronzes du Luristan. Paris, 1931 (Ars Asiatica, XVII).
Goldman, 1957 — *Goldman B.* Luristan Pitchers. — Artibus Asiae. Ascona, 1957, vol. XX.
HABL — *Harper R.* Assyrian and Babylonian Letters Belonging to the Kouyunjik Collection of the British Museum, I–XIV. Chicago, 1892–1914.
Hallock, 1957 — *Hallock R.T.* The Elamite Texts from Persepolis. — Akten des XXIV-en internationalen Orientalisten-Kongresses. München, 1957.
Hančar, 1934 — *Hančar Fr.* Kaukasus — Luristan. — Eurasia-Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1934, IX.
Harmatta, 1951 — *Harmatta J.* Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1951, I.
Harmatta, 1954 — *Harmatta J.* Elamica I. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1954, IV.
Harmatta, 1955 — *Harmatta J.* Elamica II. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1955, V.
Harper, 1886 — *Harper R.P.* Some Corrections to the Texts of Cylinders A and B of the Esarhaddon Inscriptions as Published in IR, 45–47 and IIIR, 15, 16. — Hebraica. Chicago, 1886, vol. III.
Harper, 1887 — *Harper R.P.* Some Unpublished Esarhaddon Inscriptions. Transliteration and Translation of Cylinder A of the Esarhaddon Inscriptions. Cylinder B of the Esarhaddon Inscriptions. — Hebraica. Chicago, 1887, vol. IV.
Hauschild, 1962 — *Hauschild R.* Über die frühesten Arier im Alten Orient. Berlin, 1962.
Heidel, 1956 — *Heidel A.* A New Hexagonal Prism of Esarhaddon (676 B.C.). — Sumer. Baghdad, 1956, vol. XII.

Heine-Geldern, 1956 — *Heine-Geldern R.* The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization. — Man. London, 1956, vol. LVI, October.
Hencken, 1955 — *Hencken H.* Indo-European Languages and Archeology. — American Anthropologist. New York, 1955, vol. 57, № 6, Part 3.
Henning, 1937 — *Henning W.B.* A List of Middle-Persian and Parthian Words. — BSOS, 1937, vol. IX.
Henning, 1942 — *Henning W.B.* Mani's Last Journey. — BSOS, 1942, vol. X.
Henning, 1951 — *Henning W.B.* Zoroaster. Politician or Witch-doctor? London, 1951.
Henning, 1953 — *Henning W.B.* A New Parthian Inscription. — Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1953.
Henning, 1958 — *Henning W.B.* Mitteliranisch. — Handbuch der Orientalistik. I, Bd. IV, Abschnitt 1. Leiden–Köln, 1958.
Henning, 1963 — *Henning W.B.* Coriander. — Asia Major. London, 1963, vol. X.
Herzfeld, AMI — *Herzfeld E.* Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Bd. I–IX. Berlin, 1929–1938.
Herzfeld, 1935 — *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. London, 1935.
Herzfeld, 1941 — *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. London–New York, 1941.
Herzfeld, 1947 — *Herzfeld E.* Zoroaster and his World. Vol. I–II, Princeton, 1947.
Hirt, 1905, 1907 — *Hirt H.* Die Indogermanen. Bd. I–II, Strassburg, 1905–1907.
Hirt, 1921 — *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1921.
Hoffmann, 1958 — Hoffmann K. Altiranisch. — Handbuch der Orientalistik. I. Bd. IV, Abschnitt 1. Leiden–Köln, 1958.
Hommel, 1904 — *Hommel Fr.* Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients. Bd. I. München, 1904.
Hübschmann, 1895 — *Hübschmann H.* Persische Studien. Strassburg, 1895.
Hübschmann, 1897 — *Hübschmann H.* Armenische Grammatik. Leipzig, 1897.
Hübschmann, 1898 — *Hübschmann H.* Zur persischen Lautlehre. — KZ, 1898, Bd. 36.
Hübschmann, 1904 — *Hübschmann H.* Die altarmenische Ortsnamen. — IF, 1904, Bd. XVI.
Hüsing, 1899 — *Hüsing G.* Altiranische Mundarten. — KZ, 1899, Bd. 36.
Hüsing, 1900 — *Hüsing G.* Anmerkungen zur iranischen Namenkunde. — ZDMG, 1900, Bd. 54.
Hüsing, 1908 — *Hüsing G.* Der Zagros und seine Völker. Leipzig, 1908 (Der Alte Orient, Bd. IX, Ht. 3/4).
Hüsing, 1916 — *Hüsing G.* Volkerschichten in Iran. — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1916, Bd. 46.
Hüsing, 1930 — *Hüsing G.* Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1930, Bd. 60.
Jaritz, 1957 — *Jaritz K.* Die kassitischen Sprachreste. — Anthropos. Wien, 1957, Bd. 52.

Jaritz, 1958 — *Jaritz K.* Quellen zur Geschichte der Kaššu-Dynastie. — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin, 1958, Bd. VI.
Jaritz, 1960 — *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten. — Anthropos. Wien, 1960, Bd. 55.
Jettmar, 1956 — *Jettmar K.* Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. — Wiener Schule der Völkerkunde. Festschrift. Horn–Wien, 1956.
Justi, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
Justi, 1895б — *Justi F.* Miscellen zur iranischen Namenkunde. — ZDMG, 1895, Bd. 49.
KAH, I, II — Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Ht. 1, 2. Leipzig, 1911, 1922.
Kane, 1930 — *Kane P.V. The* Pahlavas and Parasikas in Ancient Sanskrit Literatures. — Dr. Modi Memorial Volume. Bombay. 1930.
KB — Keilschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten im Umschrift und Übersetzung hrsg. von E. Schrader. Bd. I–II. Berlin, 1889–1890.
Kent, 1950 — *Kent R.* Old Persian. New Haven, 1950.
King, 1915 — *King L.W.* Bronze Reliefs from the Gates of Shalmaneser, King of Assyria B.C. 860–825. London, 1915.
Kinnier Wilson, 1962 — *Kinnier Wilson J.V.* The Kurba'il Statue of Shalmaneser III. — Iraq. London, 1962, vol. XXIV.
Klíma, 1957 — *Klíma O.* Mazdak. Praha, 1957.
König, 1934 — *König F.W.* Älteste Geschichte der Meder und Perser, Leipzig, 1934 (Der Alte Orient, Bd. XXXIII, Ht. 3/4).
König, 1938 — *König F.W.* Der falsche Bardija. Wien, 1938.
König, 1953 — *König F.W.* Die Götterwelt Armeniens zur Zeit der Chalder-Dynastie (9–7 Jahrhundert v. Chr.). — Archiv für Völkerkunde. Wien–Stuttgart, 1953, Bd. VIII.
Konow, 1929 — *Konow St.* Kharoshthi Inscriptions, Ofxord, 1929 (Corpus Inscriptionum Indicarum, II, 1).
Kraeling, 1953 — *Kraeling E.G.* The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Haven, 1953.
Kretschmer, 1943 — *Kretschmer P.* Inder am Kuban. — Akademie der Wissenschaft in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Anzeiger. 80. Jahrgang, 1943. Wien, 1944.
Kronasser, 1957 — *Kronasser H.* Indisches in den Nuzi-Texten. — WZKM, 1957, Bd. 53.
KS — *Winckler H.* Die Keilschrifttexte Sargons II. Bd. I–II. Leipzig, 1889.
KTP— *Rost P.* Die Keilschrifttexte Tiglat-Pilesers III. Leipzig, 1893.
Labat, 1961 — *Labat R.* Kaštariti, Phraorte et les débuts de l'histoire mède. — JA, 1961, t. 249.
Laessøe, 1959 — *Laessøe J.* A Statue of Shalmaneser III, from Nimrud. — Iraq. London, 1959, vol. XXI.
Lal, 1963 — *Lal B.B.* A Picture Emerges — an Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent. — Ancient India. New Delhi, 1963, № 18–19.

Layard — Inscriptions in the Cuneiform Character, from Assyrian Monuments, discovered by A.H. Layard. London, 1851.
Lommel, 1930 — *Lommel H.* Der medische Name Mazdaka. — KZ, 1930, Bd. 58.
Lyon, 1883 — *Lyon D.* Die Keilschrifttexte Sargons. Leipzig, 1883.
Markwart, 1930 — *Markwart J.* Das erste Kapitel der Gāθā Uštavatī (Jasna 43). — Orientalia. Roma, 1930, № 50.
Marquart, 1893 — *Marquart J.* Die Assyriaka des Ktesias. — Philologus. Supplementband. Leipzig, 1893, Bd. VI, 2. Hälfte.
Marquart, 1901. — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901.
Mayrhofer, 1957 — *Mayrhofer M.* R. Kent. Old Persian. 2nd ed. 1953. — Indo-Iranian Journal. 's-Gravenhage, 1957, vol. I (rec.).
Mayrhofer, 1959 — *Mayrhofer M.* Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. — Die Sprache. Wiesbaden — Wien, 1959, Bd. V.
Mayrhofer, 1960 — *Mayrhofer M.* Indoiranisches Sprachgut aus Alalah. — Indo-Iranian Journal. 's-Gravenhage, 1960, vol. IV.
Mayrhofer, 1961 — *Mayrhofer M.* Der heutige Forschungsstand zu den indoiranischen Sprachresten in Vorderasien. — ZDMG, 1961, Bd. 111.
MDP, XI — Délégation en Perse. Mémoires, t. XI. Scheil V. Textes élamites-anzanites, 4 série. Paris, 1911.
Meillet, 1908 — *Meillet A.* Les dialectes indo-européens. Paris, 1908.
Meillet, 1926 — *Meillet A.* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien. — Revue des Études Slaves. Paris, 1930, t. VI.
Meillet–Benveniste, 1931 — *Meillet A.* Grammaire du vieux-perse, Deuxième édition entièrement corrigée et augmentée par E. Benveniste. Paris, 1931.
Meissner, 1891 — *Meissner B.* Babylonische Pflanznamen. — ZA, 1891, Bd VI.
Meuli, 1935 — *Meuli K.* Scythica. — Hermes. Berlin, 1935, Bd. 70.
Meyer, 1908 — *Meyer Ed.* Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der zoroastrischen Religion. — KZ, 1908, Bd. 42.
Meyer, 1909; 1926 — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. I, Ht. 2. Stutt-gart und Berlin, 2. Aufl., 1909; 5. Aufl., 1926.
Michel, 1952 — *Michel E.* Die Assur-Texte Salmanassars III (858–824). 5. Fortsetzung. — WO, 1952, Bd. I, Ht. 6.
Michel, 1954 — *Michel E. Die Assur-Texte* Salmanassars III (858–824). *6 Fortsetzung.* — WO, 1954, Bd. II, Ht. 1.
Michel, 1955, 1956 — *Michel E.* Die Assur-Texte Salmanassars III (858–824). *7. Fortsetzung.* — WO, 1955, 1956, Bd. II, Ht. 2, 3.
Minorsky, 1927 — *Minorsky V.* Kurden. — EI, Bd. II, 1927.
Minorsky, 1930 — *Minorsky V.* Transcaucasica. — JA, 1930, t. 217.
Minorsky, 1938 — *Minorsky V.* Les origines des Kurdes. — «Actes du XX-e Congrès international des Orientalistes, Bruxelles, 5–10 Septembre 1938. Louvain, 1940.
Minorsky, 1957 — *Minorsky V.* Mongol Place-names in Mukri Kurdistan. — BSOAS, 1957, vol. XIX.
Mironov, 1933 — *Mironov N.D.* Aryan Vestiges in the Near East of Second Millenary B.C. — Acta Orientalia. Leiden, 1933, vol. XI.

Morgenstierne, 1927 — *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
Morgenstierne, 1958 — *Morgenstierne G.* Neu-iranische Sprachen. — Handbuch der Orientalistik. I, Bd. IV, Abschnitt 1, Leiden — Köln, 1958.
Munkacsi, 1908 — *Munkacsi B.* «Pilz» und «Rausch». — Keleti Szemle. Budapest, 1908, 8 évf.
Negahban, 1962 — *Negahban E.* The Wonderful Gold Treasures of Marlik. — ILN, 28.IV.1962; Further Finds from Marlik. — ILN, 5.V.1962.
Neumann, 1884 — *Neumann K.J.* Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxes. — Hermes. Berlin, 1884, Bd. XIX.
Nyberg, 1931 — *Nyberg H.S.* Hilfsbuch des Pehlevi. II. Uppsala, 1931.
Nyberg, 1938 — *Nyberg H.S.* Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.
Olmstead, 1918 — *Olmstead A.T.* The Calculated Frightfulness of Ashur Nasir Apal. — JAOS, 1918, vol. 38.
Olmstead, 1931 — *Olmstead A.T.* The Text of Sargon's Annals. — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago, 1931, vol. 47.
Palou, 1962 — *Palou Chr.* et J. La Perse Antique. Paris, 1962.
Paper, 1956 — *Paper H.H.* The Old Persian (L) Phoneme. — JAOS, 1956, vol. 76.
Parker, 1961 — *Parker B.* Administrative Tablets from the North-West Palace, Nimrud. — Iraq. London, 1961, vol. XXIII.
Pinches, 1880 — *Pinches Th.* On a Cuneiform Inscription Retaling to the Capture of Babylon by Kyrus. — Transactions of the Society of Biblical Archaeology. London, 1880, vol. VII.
Pisani, 1933a — *Pisani V.* Studi sulla preistoria delle lingue indeuropee. — Memorie della R. Academia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Serie VI, vol. IV, fasc. VI, Roma, 1933.
Pisani, 1933б — *Pisani V.* Slavo e eranico. — Atti del III Congresso Internationale dei Linguisti (Roma, sett. 1933). Firenze, 1935.
Porada, 1963 — *Porada E.* Iran ancien. L'art à l'époque préislamique. Paris, 1963.
Porzig, 1954 — *Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
Powell, 1948 — *Powell T.G.* Celtic Origins: a Stage in the Enquiry. — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1948, vol. 78.
Prášek, 1906, 1910 — *Prášek J.* Geschichte der Meder und Perser bis zur Makedonischen Eroberung. Bd. I–II. Gotha, 1906–1910.
Przeworski, 1934 — *Przeworski St.* Die ethnischen Probleme von Luristan im VIII. Jhd. v. Chr. — Bulletin international de l'Académie polonaise des Sciences et des Lettres. Cracovie, 1934.
PTT — *Cameron G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
Pulgram, 1947 — *Pulgram E.* Indo-European Personal Names. — Language. 1947, vol. 23.
Pulgram, 1960 — *Pulgram E.* New Evidence on Indo-European Names. — Language. 1960, vol. 36.
IR, IIR, IIIR — The Cuneiform Inscriptions of Western Asia. Prepared for Publication by H.C. Rawlinson. Vol. I, II, III. London, 1861, 1866, 1870.

RCAE — *Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Vol. I–IV. Chicago, 1930–1936 (University of Michigan Studies. Humanistic Series, vol. XVII–XX).

Rigg, 1942 — *Rigg H.A.* Sargon's Eighth Military Campaign. — JAOS, 1942, vol. 62.

Rost, 1897 — *Rost P.* Untersuchungen für altorientalischen Geschichte. — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Leipzig–Berlin, 1897, Bd. II.

Rostovtzeff, 1943 — *Rostovtzeff M.* Parthian Shot. — American Journal of Archaeology. New York, 1943, vol. 47.

Safar, 1951 — *Safar F.* A Further Text of Shalmaneser III. — Sumer. Baghdad, 1951, vol. VII.

Saggs, 1958 — *Saggs H.W.* The Nimrud Letters, 1952. IV. — Iraq. London, 1958, vol. XXI.

Samadi, 1959 — *Samadi H.* Les découvertes fortuites. — Arts Asiatiques. Paris, 1959, t. VI.

Sankalia, 1963 — *Sankalia N.D.* New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700 B.C. — 1200 B.C. — Artibus Asiae. Ascona, 1963, vol. XXVI.

Sarre, 1903 — *Sarre Fr.* Die altorientalische Feldzeichen. — Klio. Leipzig, 1903, Bd. III.

Sayce and Cowley, 1906 — *Sayce A.* and Cowley A. *Aramaic Papyri Discovered at Assuan.* London, 1906.

Schaeffer, 1948 — *Schaeffer C.F.A.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale, London, 1948.

Schawe, 1932 — *Schawe J.* Das Land Ḫu(Pak)-di(ki)-mi-ri. — AfO, 1932, Bd. VIII.

Scheftelowitz, 1902 — *Scheftelowitz J.* Die Sprache der Kossäer. — KZ, 1902, Bd. 38.

Scheftelowitz, 1903 — *Scheftelowitz J.* Altiranische Studien. — ZDMG, 1903, Bd. 57.

Scheil, 1914a — *Scheil V.* Le Gobryas de la Cyropédie et les textes cunéiformes. — Revue d'Assyriologie. Paris, 1914, vol. XI.

Scheil, 1914б — *Scheil V.* Le prisme S d'Assarhaddon roi d'Assyrie 681–668. Paris, 1914 (Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences philologiques et historiques, fasc. 208).

Schrader, 1883 — *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1883.

Schrader, 1935 — *Schrader O.* Die Indogermanen. Bearb. H. Krahe. Leipzig, 1935.

Schrader–Nehring — Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde von O. Schrader. 2. Aufl., hrsg. von A. Nehring. Bd. I–II. Berlin, 1917–1927.

Schulze, 1893 — *Schulze W.* Ἀρταξάρης. — KZ, 1893, Bd. 33.

Schwenzner, 1922 — *Schwenzner W.* Gobryas. — Klio. Leipzig, 1922, Bd. XVIII.

Skorkowski, 1962 — *Skorkowski E.* Die früheste Domestikation des Pferdes. — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1962, Bd. XCII.

Smith, 1924 — *Smith S.* Babylonian Historical Texts. London, 1924.
Solta, 1956 — *Solta G.W.* Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. — Die Sprache. Wiesbaden — Wien, 1956, Bd. III (rec.).
Solta, 1960 — *Solta G.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960.
Specht, 1934 — *Specht F.* Zur Geschichte der Verbalklasse auf -ē. — KZ, 1934, Bd 62.
Speiser, 1928 — *Speiser E.A.* Southern Kurdistan in the Annals of Ashurnasirpal and Today. — The Annual of the American School of Oriental Research. New Haven, 1928, vol. VII (for 1926–1927).
Streck, 1898, 1899, 1901 — *Streck M.* Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften. — ZA, 1898, 1899, 1901, Bd. XIII, XIV, XV.
Strzygowski, 1917 — *Strzygowski J.* Altai-Iran und Volkerwanderung. Leipzig, 1917.
Sulimirski, 1954 — *Sulimirski T.* Scythian Antiquities in Western Asia. — Artibus Asiae. Ascona, 1954, vol. XVII.
Szemerényi, 1951 — *Szemerényi O.* «Südwestiranische» Lehnwörter in Ungarischen und Türkischen. — Altheim, 1951, S. 66–84.
Tadmor, 1958 — *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological-Historical Study. — JCS, 1958, vol. XII.
Tallqvist, 1918 — *Tallqvist K.* Assyrian Personal Names, Helsingfors, 1918 (Acta Societatis Scientiarum Fennicae, vol. XLVIII, № 1).
Tarn, 1938 — *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.
Tedesco, 1921 — *Tedesco P.* Dialectologie der westiranischen Turfantexte. — Le Monde Oriental. Uppsala, 1921, vol. XV.
Terrace, 1962 — *Terrace E.L.* Some Recent Finds from Northwest Persia. — Syria. Paris, 1962, t. 39.
Thompson, 1933 — *Thompson R.C.* The British Museum Excavation of Nineveh, 1931–1932. — Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool, 1933, vol. XX.
Thompson, 1949 — *Thompson R.C.* A Dictionary of Assyrian Botany. London, 1949.
Thureau-Dangin, 1927 — *Thureau-Dangin F.* Les annales de la salle II du palais de Khorsabad. — Revue d'Assyriologie. Paris, 1927, vol. XXIV.
Tiele, 1886 — *Tiele C.* Babylonisch-Assyrische Geschichte. Bd. I. Gotha, 1886.
Tomaschek, 1883 — Tomaschek W. *Yidgha.* — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1883, Bd. VII.
Torrey, 1932 — *Torrey Ch.* Pehlevi Seal Inscriptions from Yale Collection. — JAOS, 1932, vol. 52.
Tremayne, 1925 — *Tremayne A.* Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses (538–521 B.C.). New Haven, 1925 (Yale Oriental Series. Babylonian Texts, vol. VII).
TSP — Textes sogdiens édités, traduits et commentés par E. Benveniste. Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, III).

Ungnad, 1938 — *Ungnad A.* Eponymen. — RA, 1938, Bd. II.
Ungnad, 1943 — *Ungnad A.* Ahura-Mazdah und Mithra in assyrischen Texten? — Orientalistische Literaturzeitung. Berlin, 1943, № 5–6.
Vanden Berghe, 1959 — *Vangen Berghe L.* Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959.
Vanden Berghe, 1964 — *Vanden Berghe L.* La nécropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
Van Windekens, 1960 — *Van Windekens A.J.* Contacts linguistiques ainoutokhariens. — Anthropos. Wien, 1960, Bd. 55.
Vasmer, 1923 — *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923.
Weidner, 1934 — *Weidner E.* Die Feldzüge Šamši-Adads gegen Babylonien. — AfO, 1934, Bd. IX.
Weidner, 1941 — *Weidner E.* Šilkan(he)ni, König von Musri, ein Zeitgenosse Sargons II. Nach einem neuen Bruchstück der Prisma Inschrift des assyrischen Königs. — AfO, 1941, Bd. XIV.
Weissbach, 1911 — *Weissbach F.H.* Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911.
Weissbach, 1918 — *Weissbach F.H.* Zu den Inschriften der Säle in Palaste Sargon's II von Assyrien. — ZDMG, 1918, Bd. 72.
Wikander, 1946 — *Wikander St.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946.
Winckler, 1889 — *Winckler H.* Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte. Leipzig, 1889.
Winckler, 1892 — *Winckler H.* Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipzig, 1892.
Wiseman, 1952 — *Wiseman D.J.* An Esarhaddon Cylinder from Nimrud. — Iraq. London, 1952, vol. XIV.
Wiseman, 1958 — *Wiseman D.J.* The Vassal-Treaties of Esarhaddon. — Iraq. London, 1958, vol. XX.
Wiseman, 1964 — *Wiseman D.J.* Fragments of Historical Texts from Nimrud. — Iraq. London, 1964, vol. XXVI.
Wright, 1943 — *Wright E. The* Eight Campaign of Sargon II of Assyria (714 B.C.). — Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1943, vol. 2.
Zaehner, 1961 — *Zaehner R.* The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. London, 1961.
Zgusta, 1955 — *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Дополнения к библиографии

Абаев, 1981 — *Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — ЭПИЦАД.
Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993 — *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
Аркаим, 1995 — Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.

Бонгард-Левин, Грантовский, 2001 — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 3-е изд. СПб., 2001 (первое издание — М., 1974).
Виноградова, 2004 — *Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
Витчак, 1992 — *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания. — ВЯ. 1992, № 5.
Гамкрелидзе и Иванов, 1984 — *Гамкрелидзе Т.В.* и *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
Генинг, Зданович, Генинг, 1992 — *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
Грантовский, 1971 — *Грантовский Э.А.* О распространении иранских племен на территории Ирана. — История иранского государства и культуры. М., 1971.
Грантовский, 1977 — *Грантовский Э.А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. — Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Душанбе, 17–22 октября 1977 г. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977.
Грантовский, 1981 — *Грантовский Э.А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. — ЭПИЦАД.
Грантовский 1983 — *Грантовский Э.А.* Бактрия и Ассирия (в связи с проблемой древнебактрийского «царства»). — Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.
Грантовский, 1998 — *Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
Грантовский, Иванчик, 1995 — *Грантовский Э.А., Иванчик А.И.* «Вестники» при дворах иранских царей. — ВДИ. 1995, № 2.
Грантовский, Погребова, Раевский 1997 — *Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Киммерийцы в Передней Азии (по поводу монографии: Askold I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg/Göttingen, 1993, 325 p.) (русское изд.: Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996). — ВДИ. 1997, № 4.
Грунтов и др., 2006 — *Грунтов И.А., Дыбо А.В., Кормушин И.В., Решетников К.Ю.* Палеокультура, прародина и внешние связи языков алтайской семьи в древности. — Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 2. М., 2006.
Дьяконов, 1982 — *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских языков. — ВДИ. 1982, № 3, 4.
Дьяконов, Старостин, 1988 — *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. — Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
Иванов, 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* Урартск. mari, хурритск. marianne, хайасск. Marija-. — Переднеазиатский сборник III. История и филология стран древнего Востока. М., 1979.
Иванов, 2004 — *Иванов Вяч. Вс.* Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока. — У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2004.
Иванчик, 1996 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
Коган, 2005 — *Коган А.И.* Дардские языки. Генетическая характеристика. М., 2005.
Кузьмина 1972 — *Кузьмина Е.Е.* Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией. — КСИА. 1972, 132.

Кузьмина, 1994 — *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
Кузьмина, 2000 — *Кузьмина Е.Е.* Первая волна миграции индоиранцев на юг. — ВДИ. 2000, № 4.
Кузьмина, 2005 — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев. — Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е.А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б.А. Литвинского. М., 3–5 апреля 2003 г. М., 2005.
Кулланда, 2005 — *Кулланда С.В.* Еще раз о скифском языке. — Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. Выпуск VI. Аспекты компаративистики. 1. М., 2005.
Кулланда, 2006 — *Кулланда С.В.* Lingua Scythica ad usum historici. — Древности скифской эпохи. Сборник статей. М., 2006.
Лушникова, 1990 — *Лушникова А.В.* Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1990.
Лыткин, 1951 — *Лыткин В.И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. — Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1951, № 4.
Мандельштам, 1968 — *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. *МИА 145. Л., 1968.*
Медведская, 1977 — *Медведская И.Н.* Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. — ВДИ. 1977, № 2.
Медведская, 1983 — *Медведская И.Н.* Конский убор из могильника Сиалк В. — IrAn, vol. XVIII.
Медведская, 1995 — *Медведская И.Н.* Бывали ли ассирийцы в Экбатане? — ВДИ. 1995, № 2.
Погребова, 1977а — *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
Погребова, 1977б — *Погребова М.Н.* К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. — СА. 1977, № 2.
Погребова, Раевский, 1992 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.
Погребова, Раевский, Яценко 1998 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В.* Киммерийская проблема (по поводу книги: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993). — ВДИ. 1998, № 3.
Смирнов, Кузьмина, 1977 — *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
Старостин, 1989 — *Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). Часть 1. М., 1989.
Тохтасьев, 1994–1995 — *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: V–IX. — Hyperboreus 1/2.
Хелимский, 1998 — *Хелимский Е.А.* Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)? — ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
Черных, 1988 — *Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы. — Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
Чертополохова 2004 — *Чертополохова Т.Л.* Основания выделения северо-западной группы иранских языков. — Дипломная работа, выполненная в Институте лингвистики РГГУ. М., 2004

Austin and Smith, 1937 — *Austin W.M.* and *Smith H.L., Jr.* Sanskrit *parśu* and *paraśu*. — JAOS, vol. 57.
Åkerman and Schmitt, 2001a — *Åkerman K.* and *Schmitt R.* Makirtu. — PNA 2, II.
Åkerman and Schmitt, 2001b — *Åkerman K.* and *Schmitt R.* Mamaniš — PNA 2, II.
Bagg and Schmitt, 2002a — *Bagg A.M.* and *Schmitt R.* Parnua — PNA 3, I.
Bagg and Schmitt, 2002b — *Bagg A.M.* and *Schmitt R.* Partāma. — PNA 3, I.
Bagg and Schmitt, 2002c — *Bagg A.M.* and *Schmitt R.* Parurasu — PNA 3, I.
Bagg and Zadok, 2002 — *Bagg A.M.* and *Zadok R.* Parni-aldê. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2000a — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Kundašpi. — PNA 2, I.
Baker and Schmitt, 2000b — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Kuraš. — PNA 2, I.
Baker and Schmitt, 2001a — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Mašdaiukku. — PNA 2, II.
Baker and Schmitt, 2001b — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Mašdakku. — PNA 2, II.
Baker and Schmitt, 2001c — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Maštukku. — PNA 2, II.
Baker and Schmitt, 2002a — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Pariḫi. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002b — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Parušta. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002c — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Razištu. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002d — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Sarruti. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002e — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Satarešu. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002f — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Satarpānu. — PNA 3, I.
Baker and Schmitt, 2002g — *Baker H.D.* and *Schmitt R.* Satiriāia. — PNA 3, I.
Balcer, 1993 — *Balcer J.M.* A prosopographical study of the ancient Persians royal and noble, c. 550–450 B.C. Lewiston, New York, Queenston, Ontario, Lampeter, Dyfed, Wales, 1993.
Blažek, 1990 — *Blažek V.* New Fenno–Ugric–Indo–German parallels. — Uralo–Indo-Germanica: Балто-славянские языки и проблема урало–индоевропейских связей II. M., 1990.
Blažek, 2003 — *Blažek V.* Toward the Fenno–Ugric cultural lexicon of Indo–Iranian Origin. — Indogermanische Forschungen, 108. Bd. 2003.
Boehmer, 1965 — *Boehmer R.* Zur Datierung der Necropole B von Tepe Sialk. — Archäologischer Anzeiger Bd. 80, H. 4.
Bongard-Levin and Grantovsky, 1980 — *Bongard-Levin G.M.* and *Grantovsky E.A.* The Origin of Aryans. From Scythis to India. New Delhi.
Bongard-Levin et Grantovskij, 1981 — *Bongard-Levin G.M.* et *Grantovskij E.A.* De la Scythie à l'Inde. Énigmes de l'histoire des anciens Aryens. Traduit par Philippe Gignoux. Paris.
Borger, 1996 — *Borger R.* Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals. Die Prismenklassen A, B, C = K, D, E, F, G, H, J, und T sowie andere Inschriften. Wiesbaden, 1996.
Carpelan and Parpola, 2001 — *Carpelan Ch.* & *Parpola A.* Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective. — Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki. 8-10 January, 1999. Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio (MSFOu 242). Helsinki, 2001.
Cornillot, 1981 — *Cornillot F.* De Skythès à Kolaxais. — Stlr 10/1.
Curtis, 1995 — *Curtis J.* Introduction to Later Mesopotamia and Iran. Tribes and Empires 1600–539 B.C. Proceedings of the Seminar in Memory of Vladimir Lukonin. Ed. by J. Curtis. London, 1981.
Dandamayev, 1992 — *Dandamayev M.A.* Iranians in Achaemenid Babylonia (Columbia Lectures on Iranian Studies; No. 6). Costa Mesa, California and New York, 1992.

Diakonoff and Starostin, 1986 — *Diakonoff I.M.* and *Starostin S.A.* Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1986.
Dietrich, 2003 — *Dietrich M.* The Babylonian Correspondence of Sargon and Sennacherib (SAA XVII). Helsinki, 2003.
Dyson, 1965 — *Dyson R.H., Jr.* Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu. — Journal of Near Eastern Studies, 1965, 24/3.
Dyson and Muscarella, 1989 — *Dyson R.H., Jr* and *Muscarella O.W.* Constructing the chronology and historical implications of Hasanlu IV. — Iran XXVII.
Eilers, 1971 — *Eilers W.* Der Keilschrifttext des Kyros-Zylinders. — Festgabe deutscher Iranisten zur 2 500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971.
Embleton, 2000 — *Sheila Embleton.* Lexicostatistics/Glottochronology from Swadesh to Sankoff to Starostin to future horizons. Time Depth in Historical Linguistics. Edited by Colin Renfrew, April McMahon & Larry Trask. Volume 1, Chapter 7. Cambridge, 2000.
Frahm and Schmitt, 1999a — Bārû or Barrû. — PNA 1, II.
Frahm and Schmitt, 1999b — Bātānu. — PNA 1, II.
Fuchs, 1994 — *Fuchs A.* Die Inschriften Sargons II. aus Khorsabad. Göttingen, 1994.
Fuchs, 1998 — *Fuchs A.* Die Annalen des Jahres 711 v. Chr. nach Prismenfragmenten aus Ninive und Assur (SAA VIII). Helsinki, 1998.
Fuchs, Gesche and Schmitt, 1998 — *Fuchs A., Gesche P.D.* and Schmitt R. Ašpa-bara. — PNA 1, I.
Fuchs and Parpola, 2001 — *Fuchs A.* and *Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Part III (SAA XV). Helsinki, 2001.
Fuchs and Schmitt, 1998a — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Ahḫšēri. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998b — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Amaku. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998c — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Amitāna. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998d — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Amitašši. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998e — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Arbaku. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998f — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Aria. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998g — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Awarisarnu. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998h — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Azâ. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1998i — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Azuktu. — PNA 1, I.
Fuchs and Schmitt, 1999a — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bag-dāti. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999b — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bagparna. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999c — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bāra. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999d — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bardada. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999e — *Fuchs A.* and Schmitt R. Barta-tua. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999f — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bārû or Barrû. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999g — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Barzūtā.– PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999h — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bātānu. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999i — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Biris(i)ḫatri. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999j — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Birtātu. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999k — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Bisiḫḫadir. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999l — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Burburazu. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999m — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Daiku. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999n — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Daiukku. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999o — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Daltâ. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999p — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Darî. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999r — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Dasukku. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999s — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Dātāna. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999t — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Dūrēsi. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 1999u — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* E-parna. — PNA 1, II.

Fuchs and Schmitt, 1999v — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Erisinni. — PNA 1, II.
Fuchs and Schmitt, 2000a — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Ḫanaṣiruka. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000 b — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Ištesukka. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000 c — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Kākīa. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000d — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Karakku. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000e — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Kaštarītu. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000f — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Kirnakuš. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2000g — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Kirtiara. — PNA 2, I.
Fuchs and Schmitt, 2001a — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Metrāku. — PNA 2, II.
Fuchs and Schmitt, 2001b — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Mikī. — PNA 2, II.
Fuchs and Schmitt, 2001c — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Mitāki. — PNA 2, II.
Fuchs and Schmitt, 2001d — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Mitatti. — PNA 2, II.
Fuchs and Schmitt, 2002a — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Paiukku. — PNA 3, I.
Fuchs and Schmitt, 2002b — *Fuchs A.* and *Schmitt R.* Ramateia. — PNA 3, I.
Gershevitch, 1969 — *Gershevitch I.* Amber at Persepolis. — Studia Classica et Orientalia Antonino Pagliaro Oblata 2. Roma, 1969.
Ghirshman, 1977 — *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977.
Gignoux, 1979 — *Gignoux Ph.* «Corps osseux et âme osseuse»: essai sur le chamanisme dans l'Iran ancien. — JA, 1979, CCLXVII.
Gignoux 1986 — *Gignoux Ph.* Noms propres Sassanides en moyen-perse épigraphique (IPNB II/2). Wien, 1986.
Grantovsky, 1982 — Westiranisch šyāti «Prosperität», «Gedeihen», «Reichtum» in keilinschriftlichen und anderen Quellen. — AfO, 1982, 19.
Grayson, 1991 — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C. I (1114–859 B.C.) (RIMA 2). Toronto, 1991.
Grayson, 1996 — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C. II (859–745 B.C.) (RIMA 3). Toronto, 1996.
Greenfield and Porten, 1982 — *Greenfield J.C.*, *Porten B.* The Bisutun Inscription of Darius the Great. Aramaic Version (CII, vol. II). London, 1982.
Grigoriev, 2002 — *Grigoriev S.A.* Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk, 2002.
Grillot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat, 1993 — Grillot-Susini Françoise, Herrenschmidt Clarisse, Malbran-Labat Florence. La version élamite de la trilingue de Behistun: une nouvelle lecture. — JA, 1993, Tome 281, 1–2.
Helimski, 2000 — *Helimski E.* Early Indo-Uralic linguistic relationships: real kinship and imagined contacts. — Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. (reprinted in: Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki. 8–10 January, 1999. Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki, 2001).
Herrenschmidt, 1991 — *Herrenschmidt C.* Vieux-perse šiyāti. — La religion iranienne à l'époque achéménide. Ed. par J. Kellens (Ir. Ant. suppl.). Ghent, 1991.
Herzfeld, 1938 — *Herzfeld E.* Bronzener 'Freibrief' eines Königs von Abdadana. — AMI 9.
Hinz, 1975 — *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Unter Mitarbeit von Peter-Michael Berger, Günther Korbel und Annegret Nippa (Göttinger Orientforschungen III 3). Wiesbaden, 1975.
Humbach, 1968 — *Humbach H.* Μαραθοί. — Pratidānam... Presented to F.B.J. Kuiper. Den Haag — Paris, 1968.
Huyse, 1990 — *Huyse Ph.* Iranische Namen in den griechischen Dokumenten Ägyptens. Wien, 1990.

Ivantchik, 1993 — *Ivantchik A.I.* Les Cimmériens au Proche-Orient (Orbis biblicus et orientalis 127). Fribourg Suisse/Göttingen, 1993.
Joki, 1973 — *Joki A.J.* Uralier und Indogermanen (MSFOu 151). Helsinki 1973.
Kellens, 1995 — *Kellens J.* L'âme entre le cadavre et le paradis. — JA CCLXXXIII/1.
Korenchy, 1972 — *Korenchy É.* Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest.
Kullanda, 2002 — *Kullanda S.* Indo-European "Kinship Terms" Revisited. — Current Anthropology 43/1.
Kuzmina, 2001 — *Kuz'mina E.E.* Contacts between Finno-Ugric and Indo-Iranian Speakers in the light of archaeological, linguistic and mythological data. — Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki. 8–10 January, 1999. Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki, 2001.
Kuzmina, 2007 — The Origin of the Indo-Iranians. Leiden-Boston, 2007.
Lanfranchi and Parpola, 1990 — *Lanfranchi G.B. and Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Part II. Letters from the Northern and Northeastern Provinces (SAA 5). Helsinki, 1990.
Lapinkivi and Schmitt, 1998 — *Lapinkivi P.* and *Schmitt R.* Agnu-parnu. — PNA 1, I.
Levine, 1972 — *Levine L.D.* Two Neo-Assyrian Stelae from Iran. Royal Ontario Museum. Art and Archaeology. Occasional Paper 23. Toronto, 1972.
Lincoln, 2003 — *Lincoln B.* À la recherche du paradis perdu. — History of Religions, 2003. 43/2.
Lubotsky, 1998 — *Lubotsky A.M.* Avestan x^{v}arenah-: the etymology and concept. — W. Meid (ed.) Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck, 1998.
Lubotsky, 2002 — *Lubotsky A.M.* Scythian elements in Old Iranian. — Indo-Iranian Languages and Peoples. Proceedings of the British Academy, 2002, 116.
Mallory, 1997 — *Mallory J.P.* Indo-European Homeland. — Encyclopedia of Indo-European Culture. Eds. J.P. Mallory and D.Q. Adams. London–Chicago, 1997.
Mayrhofer, 1973 — *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Unter Mitarbeit von János Harmatta, Walther Hinz, Rüdiger Schmitt und Jutta Seifert. Wien, 1973.
Mayrhofer, 1977a — *Mayrhofer M.* Zum Namengut des Avesta. Wien, 1977.
Mayrhofer, 1977b — *Mayrhofer M.* Die avestischen Namen (IPNB I/1). Wien, 1977.
Mayrhofer, 1979 — *Mayrhofer M.* Die altpersischen Namen und Indices (IPNB I/2-3). Wien, 1979.
Mayrhofer, 1994 — *Mayrhofer M.* Eduard Meyer und die älteste indo-iranische Onomastik. — Die Sprache, 1994, 36.
Medvedskaya, 1988 — *Medvedskaya I.* Who destroyed Hasanlu IV? — Iran, 1988, XXVI.
Medvedskaya, 1999 — *Medvedskaya I.* Media and its Neighbours I: The Localization of Ellipi. — Iran, 1999, XXXIV.
Muscarella, 1989 — *Muscarella O.W.* Warfare at Hasanlu in the late 9th Century B.C. — Expedition, 1989, 31, 2/3.
Muscarella, 1994 — *Muscarella O.W.* North-Western Iran: Bronze Age to Iron Age. — Anatolian Iron Ages 3. The Proceedings of the Third Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–12 August 1990. Published by the British Institute of Archaeology at Ankara (Monograph No. 16). Ankara, 1994.
Negahban, 1996 — *Negahban E.O.* Marlik. The Complete Excavation Report. Vol. I Text. Vol. II Illustrations. Philadelphia, 1996.
Nikolayev and Starostin, 1994 — *Nikolayev S.L.* and *Starostin S.A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Parker and Schmitt, 1998 — *Parker B.J.* and Schmitt R. Arije. — PNA 1, I.
Parpola, 1987 — *Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Part I. Letters from Assyria and the West (SAA 1). Helsinki.
Pirart, 1995 — *Eric Pirart.* Les noms des Perses. — JA CCLXXXIII, 1995.
Pogrebova, 2003 — *Pogrebova M.* The Emergence of Chariots and Riding in the South Caucasus. — Oxford Journal of Archaeology 22/4.
Radner,1998c — Radner K. Anzî. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998a — *Radner K.* and *Schmitt R.* Adadānu. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998b — *Radner K.* and *Schmitt R.* Ameka. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998c — *Radner K.* and *Schmitt R.* Araš-tua. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998d — *Radner K.* and *Schmitt R.* Arta-sari. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998e — *Radner K.* and *Schmitt R.* Arta-sirari. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998f — *Radner K.* and *Schmitt R.* Arua. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998f[2] — *Radner K.* and *Schmitt R.* Arukku. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998g — *Radner K.* and *Schmitt R.* Asrukāni. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998h — *Radner K.* and *Schmitt R.* Asû. — PNA 1, I.
Radner and Schmitt, 1998i — Radner K. and *Schmitt R.* Ašpašta-tauk. — PNA 1, I.
Reade, 1995 — *Reade J.E.* Iran in the Neo-Assyrian Period. — Neo-Assyrian Geography. Ed. by Mario Liverani (Università di Roma «La Sapienza». Dipartimento di Scienze storiche, archeologiche e antropologiche dell'Antichità. Quaderni di Geografia Storica, 5). Roma, 1995.
Rédei, 1986 — *Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.
Saggs, 1974 — *Saggs H.W.F.* The Nimrud Letters, 1952 — Part IX. — Iraq 36.
Schmitt, 1978 — *Schmitt R.* Die Iranier-Namen bei Aischylos (Iranica Graeca Vetustiora. *I*). Wien, 1978.
Schmitt, 1982 — *Schmitt R.* Iranische Namen in den indogermanischen Sprachen Kleinasiens (Lykisch, Lydisch, Phrygisch) (IPNB V, 4). Wien, 1982.
Schmitt, 1991 — *Schmitt R.* The Bisutun Inscription of Darius the Great. Old Persian Text (CII, vol. I, I). London, 1991.
Schmitt, 2000 — *Schmitt R.* The Old Persian Inscriptions of Naqsh-i Rustam and Persepolis (CII, vol. I, II) London, 2000.
Schmitt and Talon, 1998 — *Schmitt R.* and *Talon P.* Ardarā. — PNA 1, I.
Schmitt and Waters, 1998 — *Schmitt R.* and *Waters M.* Amakāni. — PNA 1, I.
Schmitt and Waters, 2002 — *Schmitt R.* and *Waters M.* Pirišāti. — PNA 3, I.
Skjærvø, 1983 — *Skjærvø Prods O. FARNAH-* : mot mède en vieux-perse? — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, Tome 78, fascicule 1.
Starostin, 2000 — *Starostin S.* (with an appendix by Dmitry Leshchiner). Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. — Time Depth in Historical Linguistics. Edited by Colin Renfrew, April McMahon & Larry Trask. Volume 1, Chapter 11. Cambridge, 2000.
Steve, 1974 — *Steve M.-J.* Inscriptions des Achéménides à Suse (Fouilles de 1952 à 1965). — Stlr 3/1.
Tadmor, 1994 — *Tadmor H.* The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria. Critical Edition, with Introductions, Translations and Commentary. Jerusalem, 1994.
Vallat, 1970 — *Vallat F.* Table élamite de Darius Ier. — Revue d'assyriologie, 1970, LXIV/2. Paris.
Vallat, 1971 — *Vallat F.* Deux nouvelles «chartes de fondation» d'un palais de Darius Ier à Suse. — Syria, 1971, XLVIII/1–2.
Vallat, 1972a — *Vallat F.* Epigraphie achéménide. — Cahiers de la D.A.F.I. 2.
Vallat, 1972b — *Vallat F.* Deux inscriptions élamites de Darius Ier (DSf et DSz). — Stlr 1/1.

Vallat, 1972c — *Vallat F.* L'inscription cunéiforme trilingue (DSab). — JA, 1972, CCLII.
Vallat, 1974 — *Vallat F.* L'inscription trilingue de Xerxès à la porte de Darius. — Cahiers de la D.A.F.I. 4. Paris.
Vallat, 1979 — *Vallat F.* Les inscriptions du palais d'Artaxerxès II. — Cahiers de la D.A.F.I. 10.
Vallat, 1983 — *Vallat F.* Un fragment de tablette achéménide et la turquoise. — Akkadica, 1983, 33.
Vera Chamaza, 1994–1996 — *Vera Chamaza Galo W.* Der VIII. Feldzug Sargons II. Eine Untersuchung zu Politik und historischer Geographie des späten 8. Jhs. v. Chr. Teile I–II. — AMI 1994, Bd. 27; 28, 1995–1996, Bd. 28.
Voigtlander, 1987 — *Voigtlander E.N.* von. The Behistun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version (CII Part 1, II, I). London, 1987.
Zadok, 1976 — *Zadok Ran.* Review of Грантовский 1970. — Bibliotheca Orientalis. Jaargang XXXIII, No. 5/6.
Zadok, 1978 — *Zadok Ran.* On West Semites in Babylonia during the Chaldean and Achaemenian Periods: An Onomastic Study. Jerusalem, 1978.
Zadok, 1984 — *Zadok Ran.* The Elamite Onomasticon. Napoli, 1984.
Zadok, 1986 — *Zadok Ran.* Some non-Semitic names in Akkadian sources. — Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge 21.
Zadok, 2002 — *Zadok Ran.* The ethno-linguistic character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian period. — Iran, 2002, XL.
Zadok, 2004 — *Zadok Ran.* Old Iranian anthroponyms and related material in Late Babylonian sources. — RA, 2004, XCVIII.
Zdanovich, 2000 — *Zdanovich G.* The "Country of Towns" of South Trans-Urals and Some Aspects of Steppe Assimilation in the Bronze Age. — Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held 12 Jan — 16 Jan 2000. Vol. II. Cambridge, 2000.

О Э.А. Грантовском

Dandamayev M., *Grantovskiĭ.* — Encyclopedia Iranica. Vol. XI, fasc. 2, 2002, p. 188.
Кулланда С.В., Раевский Д.С. Scythica sub specie iranicorum (скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского). — ВДИ. 2002, № 4, с. 213–226.

Список сокращений

ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВЯ	—	Вопросы языкознания. М.
ДМ	—	Древний мир. Сб. статей. М., 1962.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИНА	—	Краткие сообщения Института народов Азии. М.
МИАС	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
СА	—	Советская археология (журнал). М.
САр	—	Советская археология (сб. статей). М.
ЭПИЦАД	—	Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Труды международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Душанбе, 17–22 октября 1977 г. М.
AMI	—	Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
AfO	—	Archiv für Orientforschung, Berlin
ASt.	—	Anatolian Studies, London
BSO(A)S	—	Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, University of London
CII	—	Corpus Inscriptionum Iranicarum. L.
Cahiers de la D.A.F.I.	—	Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran. Paris
EI	—	Enzyklopaedie des Islam, Leipzig, 1908–1937
IF	—	Indogermanische Forschungen, Berlin — Leipzig
ILN	—	Illustrated London News
IPNB	—	Iranisches Personennamenbuch. Herausgegeben von Manfred Mayrhofer, 1977–. Wien
IrAn	—	Iranica Antiqua. Leiden
JA	—	Journal Asiatique, Paris
JAOS	—	Journal of the American Oriental Society, New Haven
JCS	—	Journal of Cuneiform Studies, New Haven
KZ	—	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. («Kuhns Zeitschrift»), Göttingen
MSFOu	—	Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki
PNA	—	The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire. 1998–. Helsinki. RIMA — The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods. Toronto–Buffalo–London, 1987–
RA	—	Reallexikon der Assyriologie, Bd. I–, Berlin und Leipzig, 1928–
RIMA	—	The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods. Toronto–Buffalo–London, 1987–
RE	—	Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Hrsg. von G. Wissowa, Stuttgart, 1893–1941

SAA	—	State Archives of Assyria Studies. 1987–. Helsinki
StIr	—	Studia Iranica. Paris
TPS	—	Transactions of Philological Society, London–Hertford
WO	—	Die Welt des Orients, Göttingen
WZKM	—	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZA	—	Zeitschrift für Assyriologie, Berlin
ZDMG	—	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig — Wiesbaden

* * *

авест.	—	авестийский
акк.	—	аккадский
анн.	—	анналы
ар.	—	арийский
арам.	—	арамейский
арм.	—	армянский
ассир.	—	ассирийский
афг.	—	афганский
Б. мон.	—	надпись Ашшурнасирапала II на «Большом Монолите» из Калху
бел.	—	белуджский
Бех.	—	Бехистунская надпись
вавил.	—	вавилонский
вар.	—	вариант
вед.	—	ведический
гл. табл.	—	надпись Тиглатпаласара III на глиняной таблице из Калху
греч.	—	греческий
груз.	—	грузинский
диг.	—	дигорский
др.-болг.	—	древнеболгарский
др.-евр.	—	древнееврейский
др.-инд.	—	древнеиндийский
др.-иран.	—	древнеиранский
др.-перс.	—	древнеперсидский
др.-русск.	—	древнерусский
и.-е.	—	индоевропейский
инд.	—	индийский
иран.	—	иранский
курд.	—	курдский
лат.	—	латинский
лиц.	—	лицевая сторона
мон.	—	надпись Салманасара III на «Монолите» из Тушхана
н.-перс.	—	новоперсидский
об.	—	оборотная сторона
обел.	—	надпись Салманасара III на «Черном Обелиске» из Калху
осет.	—	осетинский
ПА	—	«Письмо Ашшуру» Саргона II
парф.	—	парфянский
перс.	—	персидский
пл.	—	надпись Салманасара III на мраморной плитке из Ашшура
1 пл., 2 пл.	—	надписи Тиглатпаласара III на 1-й и 2-й каменных плитах из Калху

ПН	—	«Парадная надпись» Саргона II из Дур-Шаррукина
сербо-хорв.	—	сербо-хорватский
скиф.	—	скифский
скифо-сарм.	—	скифо-сарматский
слав.	—	славянский
согд.	—	согдийский
ср.-перс.	—	среднеперсидский
ст.	—	надпись Салманасара III на его статуе из Калху (изд. Kinnier Wilson, 1962)
стб.	—	столбец
стк.	—	строка
табл.	—	надпись Салманасара III на глиняной таблице из Ашшура
тал.	—	талышский
тат.	—	татский
укр.	—	украинский
урарт.	—	урартский
фрак.	—	фракийский
хот.-сак.	—	хотано-сакский
элам.	—	эламский
язг.	—	язгулемский
Beh. g.	—	Бехистунская малая надпись g
DElw.	—	Эльвендская надпись Дария I
DNR a, b, c	—	Накширустамская надпись Дария I a, b, c
DP g	—	Персепольская надпись Дария I g
DS e, f	—	Сузская надпись Дария I e, f.
ND	—	Nimrud (Калху)
RV	—	Ригведа
ŠKZ	—	надпись Шапура I на «Каабе Зороастра»
XElw	—	Эльвендская надпись Ксеркса
XP a, c, d, g, h	—	Персепольская надпись Ксеркса a, c, d, g, h
XVan	—	Ванская надпись Ксеркса

Указатели*

Указатель имен

Агафангел 227
Ададану, см. Adadāna 234
Ададнирари II 31, 385
Ададнирари III 126, 155, 160, 200, 206, 209, 213, 214, 217, 218
Аза, см. Azā 147
Азукта, см. Azuktu 353
Аккусу, см. Akkussu 380
Акомана 323
Александр [Македонский] 294
Алилат 347
Амакану, см. Amakānu/i 382
Амека, см. Ame/ēka 137, 141, 142
Амешаспента 241
Ан-Надим 293
Анахита, см. Anā/aḫitā/a 347, 348
Антиох 347
Аошнара, см. также Pouruǰira 232
Аполлон 332
Арабиссон 347
Арамазд 227, 330
Араме 146
Араштуа, см. Araštua 137, 141
Арбаку, см. Arbaku 377
Аргимпаса (скиф. Афродита-Урания), см. Ἀργίμπασα 348
Аргишти I, см. Argišti 130, 162, 352
Аргишти II 352
Арда Вираф 328
Ардарай, см. Ardara 234
Ардуманиш, см. Ardimaniš 242
Арийа, см. Arija 114, 377
Арийарамна (в т. ч. брат Кира I, прадед Дария I), см. Ariyāramna 269, 371
Арийаупама, см. Ariyaupama 38
Арриан 294, 298, 359
Арта, см. Arta- 210, 238, 239, 260, 262, 295, 343
Артаксеркс I, см. Artakšatsu 101, 105, 109, 190, 227, 296
Артаксеркс II 84, 87, 88, 110, 227, 284
Артаксеркс Ох 227, 242
Артасари, см. Artasari 115, 134, 209, 210, 213, 340
Арта/исирару, см. Artasiraru 234, 237, 238
Артаферн, см. *Artafarnah- 227, 377
Артахшер Папакан 330
{Артеану}, см. Илану, см. {Ar-ʳteˡ-a-nu} 30
Артембар 355
Аруа, см. Arua 114, 249
Арубани 344, 345
Арукку, см. Arukku 254
Аршак 293
Асархаддон 85, 103, 104, 128–130, 133, 134, 142, 160, 231, 238, 242, 266, 267, 271, 273, 277, 282, 298, 303, 361, 368, 371, 373, 374, 380, 418, 419
Ас/шпабара, Ис/шпабара, царь Элипи, см. A/Iš/spabara 128, 353, 377, 381
Аспанд-Астиаг 378
Асрукану, см. Asrukānu/i 259, 382
Ассара 37
Ассара-Мазаш, {Асура-Маздас}, см. Assara Mazāš 35, 37
Астиаг, см. Ištumegu 94, 270, 286, 371, 377–379
Ата, см. A-ta 141
Аурватаспа 377
Аурипарна/у, см. Auriparnu 115, 375–377
{Аурисарну}, см. Auarisarnu, {Aurisarnu} 376

* Ошибочные (с точки зрения автора) восстановления, прочтения, отождествления и сравнения обозначаются {}. В указателях на латинице имена, имеющие собственную позицию, при упоминании в других позициях даются в курсиве. Сопоставления обозначаются «ср».

{Аурпарну}, см. Auarisarnu, {Auarparnu} 376
Афиней 181
Афрасиаб 332
Афродита 348
Афродита-Урания, см. также 'Αργίμπασα 347, 348, 359
Ахемен, см. 'Αχαιμένης 241
Ахемениды 29, 37, 44, 65, 113–114, 137, 138, 140, 163, 176, 177, 185, 193, 237, 242, 291, 301, 311, 370
Ахриман 327
Ахура, см. Ahura- 296, 376
Ахурамазда, Ахура Мазда, см. Aḫuruma/uzda 35, 37, 38, 88, 90, 93, 95, 173, 176, 226, 227, 262, 290, 291, 293, 294, 296, 343, 346, 347, 349, 371, 376
Ашаварзан, см. Ašavarzan 343
Ашока 225, 226
Ашпабара (письма царской корреспонденции времени Саргона II–HABL № 645), см. также Ас/шпабара, см. Ašpabara 381
Ашпаштатаук, см. Ašpaštatauk 31, 34, 115, 234
Ашшур 116, 122, 158, 160, 207, 214, 218, 251, 263, 270, 281, 290, 309, 316, 319, 320, 344, 348, 352, 355, 365
Ашшурбанапал 35, 80, 122, 127, 129, 132, 133, 146, 159, 160, 163, 166–167, 176, 204, 208, 240, 251–253, 255, 282
Ашшурнасирапал II 30, 49, 124, 134, 135, 141–143, 202, 219, 425, 426

Баг-Тешуб, см. Bag-Tešub/p 344, 350
Бага, см. Baga- 347
Багадата, см. Bagdatti 38
Багайя, см. Bagaja 345
Багамазда, см. также Багмашту/а, см. Bagamasta 343, 345
Багапарна, см. ^{m}Ba-ga-par-na 259, 345
Багатуна, см. Багапарна, см. Bagatuna 345, 382
Багдатти/у, см. Bagdatti 66, 67, 115, 284, 286, 313, 345, 350
Багмашту/а, Багбарту(м), см. также Багамазда, см. Bagmaštu(m) 66, 343–345, 348, 351, 352
Багпарна, правитель Закрути, см. Bagparna 345, 350
Багпарну, внук Астиага 380
Бара, см. Bāra 114, 234
Бардаду, см. также П/Биртату, Уардатти, Бурдада, Бурдади, см. Bar-⌜da⌝-da/Bur-da-da 273
Бардия (Бардийа–Барзийа), см. Bardiya, см. также *Tanuvazraka 199, 275
Барзута, имя из списка 820 г. до н.э., см. Barzuta 34, 234
Барзута, дворцовый раб из Калху, см. Barzuta 240, 369
Бару Элипский, см. Barū 124, 202
Баури 136
Бахрам Чубин 150
Бел(-Зевс) 347
Белен, см. также Аполлон 331
Белибни 255
Белхабу 283
Белшарруцур, см. Bēl-šar-uṣur 266, 355
Бируни 48, 190
Биртату, см.П/Биртату
Бит-Бабилу, род 428
Будда 200
Буди (Кунди), богиня, см. Būδī 323
Бундос, см. также Зардушт, Маздак Старший 293
Бурдада, правитель Нирутакты, см. также Бардада, П/Биртату, Уардатти, см. Burdada/i 274
Бурдади, правитель Карзитали, см. также Бардада, П/Биртату, Уардатти, см. Burdada/i 273
{Бур-Раману}, см. Пурраману 30

Вайу, см. Vayuš aurvō 197, 363
Вахаука, см. Umaḫku/Umakuš 242
Видарна, см. U(mi)darna(') 255
Вишну, см. Kunda, Kundara 203, 332
Виштаспа, см. Uštaspa, Kuštašpi 273
Вохумана, см. Vah(u)man, см. также Varəzayant 342

Гаумата, см. Оропаст, см. Gaumāta 377

Гезихий 205, 298, 306, 334
Гекатей 189, 322
Геродиан 334
Геродот 37, 99, 149, 167, 178, 179, 181, 184, 189, 193, 194, 205, 221, 231, 236, 255, 262, 273, 274, 284–286, 294, 296, 298, 303, 304, 313, 315, 322, 327, 328, 347, 348, 377, 378, 431, 434
Гермафродит 348
Гиппократ 348
Гомер 335

Дада, см. Dadā 141, 142
Дади 149, 150; см. Дата(на)
Дайукку, наместник Маны в Миси, сосланный затем ассирийцами в Сирию 285–287, 308, 309, 361
Дай(а)укку-Дейок, Дейок-Дай(а)укку, см. Dai(a)ukku 37, 285, 287, 297, 304, 431
Д/Тальта, см. D/Taltā 128, 259, 353, 356, 360, 361, 366
Дари, см. Darī 380
Дарий I, см. Darijamuš 82, 87, 89, 90, 92–94, 114, 149, 173, 184, 185, 190, 199, 224, 242, 255, 259, 269, 270, 324, 327, 363,371
Дарий II 83, 87, 149, 202
Дарий III 234–235, 239, 294
Дасука 259
Дасукку, см. Dasukku 296, 353
Дата(на), Дади, Дади Хубушкийский, см. Datana 149, 150, 209, 216, 220, 273
Дейок, см. Deiokes 285–287, 361, 431
Дейокиды 285, 361
Диодор 294
Диоклетиан 293
{Дирнакуш}, см. Кирнакуш 234
Дурдука-Зурзука, см. Durdukka 275

Ервант, см. Arvant 248

Занасана, см. Zanasana 271, 418
Занзар, см. Zanzar 234
Заратуштра 14, 65, 190, 241, 290, 291
Зардук(к)у/а, см. Zardukku, см. также Ḫardukka 289, 377
Зардушт, см. также Маздак Старший, Бундос 293
Зарича, см. Zarišu 323, 349
Заришу из Парсану, см. Zarišu 250, 332
Заришу из Кундуру, см. Zarišu 250
Зата, см. Zata/i 260
Зевс 296, 347
Зохак 148
Зрван 42, 347, 349

Илану, см. I-la-a-nu 30
Индика 294
Индра, см. Indar 200, 323
Иранзу 13, 283
Иртиз/сати, см.Irtizatu/i 234
Исайа 227
Исидор Харакский 120, 121
Исфендиар 196
Ишпакай, см. Išpaka(j) 303
Ишпуини (Ушпина) 161, 162, 214, 340
Иштар, см. ^{AN}Iš-tar 252, 344, 348, 358
Иштелику, правитель из списка 713 г. до н.э. (стк. 30), см. Iš-te-ʳsu?ˀ-ku, см. Išteliku 375, 379
Иштесукка из Кайатани 375, 379
[Иштесуку], другой правитель из списка 713 г. до н.э. (стк. 18), см. Ištesuku

Йаутарши, см. Jautarši274
Йездегерд I 268
Йешу Стилит 293

Кавад I 293, 294
Казвини 3
Каки(а), см. Kākǐ(a) 150, 260
Камбиз 38, 291, 377
Каракку, см. Karakku 267, 288, 304, 382
Картир, см. Kartīr 139
Каштарити, см. Kaštariti 129, 167, 238, 286, 380
Киаксар (в т.ч. Киаксар I), см. У(а)ксатар, см. U(a)ksatar 112, 285–287, 361, 378
Киара, см. Kiara 218
Кибаба, см. Ki-ba-ba 204
Кибабише/Кибакашше, см. Kibabiše/Kibakašše 353

Кир I, см. Kuraš 163, 176, 180, 252, 269, 287, 289
Кир II (Великий) 80, 94, 170, 176, 193, 202, 203, 227, 248, 270, 295, 355, 359
Кир Младший 371
Кирнакуш, см.Kirnakuš 234
Киртиара, см. Kirtiara, см. также Картир 137, 138, 141, 142
Китакки, см. Kitakki 304
Корнак, см. Kornak 248
Ксенофонт 248, 326, 371
Ксеркс, см. Aḫ/kšijaršu 82, 94, 95, 101, 105, 173, 185, 190, 355
Ктесий 142, 193, 288, 290, 295, 306, 359, 371, 373, 378
Кунда (бог и дев), см. Kunda 324, 327, 329, 331, 332, 349
Кунд Арамазд, см. Kund Aramazd 331
Кунди (девовская богиня), см. Kundī 347
Кундаспи, см. Kundašpi 13
Кураш, личное имя из Элама VII в. до н.э. 254
Курций [Квинт] Руф 377
Кустаспи, см. Kuštaspi 13

Мадахиса, {Малхиса} 211
Мазайос, см. Μαζαῖος 294
Мазарес, см. Μαζάρης 294
Мазаш 37
Мазда, см. Mašda 3, 35, 290, 291, 295, 303, 347, 349, 351
Мазда-Ахура 291
Маздак, см. Mazdak/q 419
Маздак («Младший») Bāmdāt(ān), см. также Сеос 293
Маздак «Старший», Зардушт, см. также Бундос, см. Μασδάκης 293, 294
Малала 293
{Малхиса}, см. Мадахиса
Маманиш, см. Mamaniš 234
Мамитиарши, см. Mamit(i)aršu 271
Мани 262
Маннукимасабэ 201, 269
Ману 186, 200, 279
Мардук 129, 130
Мардук-Мудаммик 145
Машдай(а)укку, см. Mašdaj(a)ukku 34–35, 36, 295
Машда/укку, правитель из Андирпатиану, см. Mašda/ukku 34, 377, 380
Машдакку/Машдуку, правитель Арапати, см. Mašdakku/Mašduku? 34, 289, 370, 377
Машдаку, см. Mašdaku 377
Мектиара, Никдима, {Никди(а)ра}, см. Megdiara 214, 215
Менуа 161, 162, 334, 337, 340
Меродахбаладан 235
Миздаешу, см. Mizdaēšu 247
Милитта, см. также Анахита, см. Mylitta 347, 348
Мики, см. Miki 269
Митатти (Зикиртский), см. Mitatti 286, 310, 313
Митра, см. Mitir 35, 37, 173, 176, 210, 239, 274, 296, 346–349, 358, 359, 393
Митра-Варуна 323
Митрадата, см. Mitirriadadu 38
Митрасара, отец, см. Mitrsari 210
Митрасара, сын, см. Mitrsari 210
Митрасара, маг, см. Mitrsari 210, 247
Митридат Каллиник 347
Моисей Хоренский 240, 248, 330, 331, 373
Мусасина 141, 284
Мхер-Капуси 344, 351

Набонид 80, 94, 203
Набубелукин 259
Нанак 294
Нахатья, см. ^{ilāni}Na-ša-at-ti-an-na 323
Неарх 294, 359
Нерсес, см. Narsah 262
Нибе, см. Nibē/ī 13, 353
Никди(а)ра, см. также Мектиара, см. Nigdiara 214, 215
Никдима, см. Мектиара
Нинурта 134, 135
Нур-Адад 141

Оропаст, см. Oropastes 377
Ороферн, см. Ὀροφέρνης 376
Отан, отец Смердомена, полководец Ксеркса 241, 273

Пай(а)укку, см. Paj(a)ukku 36
Па(й)укку, см. Pa(j)ukku 288

Панини 187, 189, 225
Папака, см. Papaku 296
Парисатида, ахем. имя, см. Παρύσατις 222–224, 364
Парисатида, жена Дария II, см. Purušātu 83, 224, 236
Парни-Алди, см. Parni-aldē 350–352
Парнуа/Эпарну, правитель Сигрины, см. Parnua 278, 377
Партатуа, см. Partatua 231
{Партукку}, см. Maš/par-tùk/ku-ku, см. Parkuttu 290
Пару, см. Parū 204, 254
Парушта, см. Parušta 31, 234
Парщу, личное имя члена племени Ядавов, см. Párçu- 186
Парщу (Паршу), женское имя в Ригведе, см. Parçúr 186, 200
Перисад, имя многих боспорских царей и частных лиц из Пантикапея, см. Parysades 222, 228, 229
Пероз, Фируз 229
Пиришати, см. Pirišāti 216, 221, 222, 229, 230
П/Биртату из Циба/ура, см. также Бардаду, Уардатти, см. Pirtatu, Birtātu 231
Пиршад, см. Pīršād 222
Платон 400
Плиний 326
Плутарх 294, 327, 331, 400, 426
Полиэн 239, 295
Прокопий Кесарийский 293
Протоген 301
Птолемей 131, 187, 188, 192, 194, 208, 278–280
Пурраману, см. *Framāna 30

Радамсад, см. Ῥαδαμσάδιος 229
Раматейа, правитель Аразиаша, см. Ramateja 126, 266, 267, 269, 271
Раматейа, правитель местности Ураказаба(р)на, см. Ramate/aja 103, 104, 266, 269, 272, 418
Рамети (Раматеи) из Урьяку (поставлен на место Упите), см. Rametī (Ramatei) 267, 382
Рудра, см. Çarva 332
Руса I (Урартский, Урса) 310, 313, 340, 344, 351

Сабини 141
Саитафарн 178
Салманасар III 13, 30, 32–34, 121, 126, 136, 137, 142–148, 151, 154–156, 185, 209, 214–215, 219, 314, 333
Сарва, прозвище Рудры, потом Шивы, см. Çarva 323
Саргон II 13, 36, 83, 85, 111–113, 116, 117, 119, 122, 123, 126–128, 132, 133, 141, 146, 148, 156–158, 160, 161, 163, 164,201, 206, 207, 209, 213, 218–220, 231, 238, 256, 259, 261, 263, 267, 270, 271, 274–278, 280, 282, 283, 285, 286, 289, 295, 296, 304, 308–311, 313, 314, 340, 343–345, 347, 348, 350, 351, 353, 355, 356, 358, 361, 366, 367, 369, 373, 376, 381, 384, 385, 389, 390
Сардури (Седури), {saradāra} 146, 316
Сардури II 130, 151, 162
Сасаниды 229, 293, 321
Сатарешу, см. Satarēšu 377
Сатарпану из Барикану, [Сатарп]ану, см. Satarpānu 174, 365, 375, 377
Сатарпану из Уппурии, см. Satarpānu 174, 377
Сатибарзана, см. Šātabarzana 224, 239
Сатириа(й), см. Satiria 234, 237
Сен, Симург, птица, см. Çyena 335
Сеос, см.также Маздак 'Младший' 293
Син 110
Синаххериб, см. Sīnaḫḫērība 124, 127–129, 131, 163, 167, 176, 202, 251, 252
Ситирна, Си(?)тирна, см. Sitirna(?) 375, 377
Сиявуш 48
Спантаманью 296
Созуруко, см. Sozuruqo 196
Стефан Византийский 193
Стилихон 377
Страбон 90, 152, 165, 188, 192, 193, 279, 280, 289, 294, 400

Табари 240
Таклак-ана-шарри 144
Тарви, см. Tarvi 322, 323, 333, 347, 349

Татай, см. Tatai, см. также Bel-tat-tannu-bul-liṭ-su 234
Телусина, см. Telusina 284, 286, 314
Тешуб, см. Tešub/p 349
Тиглатпаласар I 31, 220, 385
Тиглатпаласар III 35, 117, 119, 122, 124, 126–128, 130–133, 150, 155, 157, 200, 202, 206, 220, 256, 258, 270, 274–278, 350, 352, 355, 358, 360, 367, 380
Тигран 248
Тириндира 186
Титамашка, см. Titamaška 218
Трог 377
Тукульти-Нинурта II 146, 385
Тунака, см. Tunaku 157, 185, 220, 258, 430
Туни, см. Tunī 269
Тушратта 336

У(а)ксатар (Киаксар) из «Области Речки», {Киаксар I}, см. U(a)ksatar 285–287, 381
Уалли 283
Уардатти из Цибара, см. также П/Биртату, Бардаду, см. Uardatti 273
Уарзан, см. Uarzan 341, 377
Узака, см. Uzakku 270
Узакку, см. Ú-za-ka 269, 270
Узи, см. Uzī 270
Узитар, см. Uzitar 270
Ул(л)усуну 13, 283, 284
Упаш, см. Upaš 272
У(п)па(м)ма, см. Uppamma 272, 377
Уппите/Арпите, см. Uppite/Arpite 267, 271, 272, 382
Уппис, см. Uppis 271, 272, 418
Упу, см. Upū 146, 147, 209
Урзана (Мусасирский), см. Urzana 340, 341, 344, 345, 347, 351
Уртаку, см. Urtaku/i 254
Ушпина (Ишпуини) 146, 214, 215, 220
Ушра(й(а)), см. Ušra 377, 380

Фавстос Бузанд 192, 193, 321
Фаридун 222
Фирдоуси 199, 232, 248, 332
Фравартиш, см. Parumartiš 324
Фраорт 167, 286
Хадбага, см. Adbaga' 247
Халди(а), см. Ḫaldi 340, 343–346, 349–351, 376
Ханасирука, см. Ḫanaṣiruka 35
Хаома, эпитет, см. Zariča 244
Харет Милетский 181
Хатарна, см. Ḫatarna 277
Хумбе, см. Ḫumbe/ī 364
Хуррак 293
Хушенг 236

Чишпиш, см. Šišpiš 176, 180

Шамши-Адад V 13, 30, 35, 122, 125, 126, 146, 149, 157, 167, 181, 206, 209, 213, 214, 216–218, 220, 251, 277
Шапур II 236
Шарсина 214–216, 220
Шаррути, см. Š/Sarruti 377, 379
Шива, см. Çarva 203, 332
Шильхак-Иншушинак 201, 261, 358, 367, 385
Шитирпарна, см. Šitirparni/a 374, 419
Шуа, см. Šu(m)a 249
Шулусуну 213, 284

Энгур, см. En-gur 230
Эпарна, правитель Патушарры, см. Eparna/i 419
Эпарну, см. Парнуа
Эрисин(н)и 13, 283, 284
Эсхил 302, 352

Юстин 303, 377

Якут 324
Янзу из Бит-Хамбана, царь Намара, см. Ianzu 145
Янзу, имя правителей других областей, см. Ianzu 145
Яска 225

Ἀχαιμένης, см. Ахемен 241
Ada, A-da-a, Ādā, ср. Ἄδα 210, 211, 248

Adadāna, A-da-da-a-na, *Hadadāna, ср. Hamdān, см. Ададану 248
Adbaga', Ḫadbagā, Ḫa-ad-ba-ga(-a), Ad-ba-ga-', A-da-ba-ga, *Hadaba/āga, см. Хадбага 110, 248
'Αγχάρης, ср. En-gur 230
'Αγγάρης, ср. En-gur 230
'Αγγουρίνη, ср. En-gur 230
Agni 255
Ag/k-nu-par-nu, Agnifarnah- 255
Aḫamaniš, A-ḫa-ma-ni-iš, Haxāmaniš, *Vahumaniš, ср. Vohu-manah, Vah(u)man, Bahman,Vahumanak, Vasumanas, Vasumati, Εὐμένης, e-u-me-ne, Dobromyslъ 80, 100, 110, 241
Aḫšetī, Aḫ-še-ti-(i)', *Xšaita-, ср. Yima xšaēta, Xšētak 80, 81, 89, 283
Aḫšēri/a, Aḫseri, Aḫ-še-e-ri/a, Aḫ-si-ri, Xšaira-, Xšāyara- 107, 282, 283
Aḫ/kšiǰaršu, Ḫašiǰaršu, Akkašiǰaršu, Ikšerša, Kšerša, Ak-ši/u-ar-(ri-)šu, Ḫa/i-ši-i/ǰa-ar-šu, Ik-še-ir(-iš)-ša, Aḫ-ši-i-mar(-ri)-šu, Ak-ši-ma-ar-šu/i, Aḫ-šu-mar-šu/i, Ḫi-ši-'-ar-ši/a[-'], Ḫi-ši-ar-ši/u, Aḫ/k-ši-ǰa-ar-šu/i/a, Ak-šu-ar-šu, Ḫi-ši-(’-)ar-šu/i, Xšayāršā, см. Ксеркс 84, 85, 88, 89, 94, 95, 100, 101, 105
Ahura- 296
Aḫur(u)ma/uzdā/a/u, Ahuramazdā-, A^{h}uramazdā, Urama/izda/ā, Uramašta, Urimi/uzda, Urimizdā, Urumazda, Uramasda, a-ḫu-ur/ru-ma-az-da-(’), a-ḫu-ru-mu-uz-du, U-ra-mas-da, Αὐρομάσδης, 'Ωρομάζης, см. Ахурамазда 83, 84, 88, 91, 95, 96, 110, 343, 376, 377
Ahurmazdak 294
Ainyāva- 320
Aiṭirantaḫmu 85
Aiwi.x^{v}arənah 375
{Akkulanu}, см. Ak/g-nu-par-nu 255
Aladar 244
Aldar 244
Akkussu, Ak-ku-us-su, ср. Ak-ku-šu?-nu 372
'Αλούθαγος 298, 301
Amaḫar, A-ma-ḫar 249
Amakanu/i, Amakāni, ša [1]A-ma-ka-ni, 259, 306
Amaku, A-ma-ku, *Amaka- 274, 307
Amamaš, A-ma-ma-aš 249
Amēka[1], Ameka A-me-ka, ср. 'Αμα(ε)ίακος, Āmāya- (a-ma-a-ǰa), *Āmāyaka-, *Āmāyaka-, см. Амека 139–141, 302
Ametana, A-me-ta-na 274
Amitaššu, *Avitāsa-, *Amitašpu 113
'Αμόργης 357
A-mu-uk-ka, *Amuka- 288, 307
Anā/aḫitā/a, A-na-(aḫ)-i-tu', A-na-i-tu, Anāhitā, Anah^{a}ta, см. Анахита 110, 284
A-na-sa-na, см. Zanasana
Anzi, An-zi-i 363
Ap-pi-ši-ǰa-ti-iš, *Apišiyāti-, ср. Aipivaŋhu 224, 228
Ap-pi-iš-man-da 270
{Ārāsti, Ārāstya} 137
Araštua, Ar-aš-tu-a, A-ra-áš-tu-a, A-ra-aš-tu, {ср. *Ārāsti*}, *Aršatava(h), Ṛšatava(h), см. Араштуа 137, 138
Arbaku, [1]Ar-ba-ku, *Arbaka-, ср. 'Αρβάκης', см. Арбаку 305, 306, 377
Ardara, ša [1]Ar-da-ra-a, ср. ῾Αρδαρος, 'Αρδάρακος, см. Ардарай 244, 245
Ardimaniš, A-ar-di-ma-ni-iš, Ar[…]n[…], Ardumaniš, см. Ардуманиш 80, 87, 241
'Αργίμπασα, *Argim.pasa, ср. *Πασαργάδαι*, см. Аргимпаса 359
Argišti, Ar-gi-iš-ti, ср. *'Αργήστης*, см. Аргишти 352
'Αργόστη 359
'Αργήστης 359
Αριαβίγνης 255
Arij(a)e, Ariae, Arij(a)e, Ar-ǰa-e, A-ri-e, Airyāva-, Ariya-, ср. 'Αριαῖος 369
'Αριαπείθης, *Aryapaiθa- 184
'Αριαράθης, *Aryaraθa- 103
Arija, Aria, A-ri-ǰa-, Ariya-, ср. *Ar(i)yuka, *Ar(i)yaka-, см. Арийа 185, 369

[1] Долгота над *e* в ассирийской передаче имени поставлена, видимо, потому, что в иранском *ai* и *e*, которые передает аккадский *e*, были долгими по природе.

'Αριομάνδης 270
'Αρισταζάνης 242
Ariyāramna-, см. Арийарамна 269
Ariyaupama-, A-ri-ja-ú-pa-am-ma 272
Arrišittu, Ar-ri-šit-tu, 'Αρσίτης, *Aršita- 85, 272
Ar-ṣi-bi 337
Aršāma 138
Arta-, см. Арта 210, 303
'Αρταβάτης 377
*Artafarnah, см. Артаферн 227, 377
Ar-taḫ-šá-ri, Ar-ta-aḫ-šá-ar, Artaxš-(Artax-šaṣṣa-), 'Αρταξάρης, *Artaxšara-, {*Artaxšaϑra-} 283
'Αρταῖος, *Artaya- 295, 298
Artakšatsu, Ar/Al-tak-s/šat-su, Ar-taḫ/k-ša-as-su, Artaxšaṣṣa, *Artaxsaϑra-, см. Артаксеркс 97, 101, 105, 109, 227
Artamanja 97
Artamarzi(ja), Artavardiya-, *Artavarziya-, ср. 'rtvrzy 94, 97, 342, 343
'Αρταπάτης 377
Ar-ta-ri-(e-)mu, *Artaraiva 89, 104
Artasari, Ar-ta-sa-ri, *Artasar(a-/u/ya-), см. Артасари 87, 129, 106, 209, 210
Artasiraru/i, ša [I]Ar-ta-si-ra-ru, ср. {*Ἀρτασύρας*}, см. Артасирару 129, 237
'Αρτασύρας, *Artasūra 238, 260
Artašāta, Ar-ta-ša-a-ta, Ir-da-ši-ia-ti-iš, *Ṛtašiyāti-, 'Αρταξάτης, *Artašāta- 222, 224
Artatama 97
Αρταῦκτης 355
Artaupama-, Ar-tu-ú-pa-ma 272
*Artavant 302
{Ar-[r]te[1]-a-nu, *Arteyāna}, см. I-la-a-nu, см. {Артеану} 30
'Αρτύκας, 'Αρτώκης, Arta/oces, Artak/g, Artok, *Artu/aka-, см. Zardukku, {Ḫardukka}, 288–290, 295, 299, 302, 303
Arua, A-ru-a, ср. 'Οροντης, *A[u]rvant-, см. Аруа 246
Arukku, *Aryuka-, *Ar(ya)uka-, ср. 'Αριούκης, см. также Aryāramma, см. Арукку 253, 254, 287–289, 302
Arvant, 'Οροντης, 'Αρυάνδης, *A[(u)]rvant, см. Еруанд 246, 248, 315
*Aryaka 289
*Aryamaniš 241
Aryāramma 287
As(a/ā)u, Asū, Sūa, {Azu}, A-sa-a-ú, A-su-u, Su-ú-a 147, 154, 282
A/Is/špabara, A/Is/špabāra, Áš-pa-ba-ra/i, Iš/s-pa-ba-a-ra, *Aspabāra-, см. Ас/шпабара 87, 103, 108, 246, 296, 354, 375
Aspastes 234
Aspumitāna, *Aspamita 113
Asrukānu/i, [mār]As-ru-ka-a-ni-i, Asruk, Asruka-, Āthrawan 259, 306, 307
Assara Mazāš, см. Ассара-Мазаш 290, 291
'Αστιβάρας 378
Ašake/ēd, *Artakaita, *Aša-(Arta)-kaēta- 305, 343
Ašasarya- 210
Ašavarzan, *Artavarzana-, см. Ашаварзан 343
Ašina, Āṣṣina 109
Ašpabara, Ašpabāra, Aš-pa-ba-ra, {Aš-pa-an?-ra}, *Aspabāra, см. также A/Is/špabara, см. Ашпабара 354
Ašpaštatauk, Áš-pa-áš-ta-ta-uk, *Aspast(a/i)tavaka-, см. Ашпаштатаук 83, 86, 234, 235
Ašpazanda' 105
A-ta, см. Ата 141
At(u)ru/amanu, Turamana 87, 307
Atrumihrak, 'trwmtrk 307
Auarisarnu, A-ú-a-ri-is-ar[1]-[r]nu[1], A-ú-a-ri-sa-ar[1]-[r]nu[1], что не исключает чтение Auariparnu 376
*Auja-ka- 270
{Auarparnu, A-ú-ar-pa-ar-nu, A-u-ar(?ri)-pa-ar-nu, ср. 'Οροφέρνης, *Aurva-farnah-}, см. Auriparnu, см. {Аурпарну} 375–376
Auriparnu, Auariparnu, A-ú-ri!-pa!-ar-nu, *Ahurafarna(h), ср.'Οροφέρνης, см. Аурипарну 79, 84, 350, 375–377
{Aurisarnu, A-ú-ri-is-ar-nu, A-ú-ri-sa-ar-nu}, см. Auriparnu, см. {Аурисарну} 376
Aurvasāra- 210
Ayō.asti 196, 199
Azā, A-z/ṣa-a, *Āza-, ср. ῾Αζη/ος, см. Аза 282, 355

Āzaka-, A-ṣa-ak-ka, *Āzaka- 282, 355
Azuktu, A-zu-uk-tú, [^{I}A-zu]-uk-tú, ^{I}A-zu-uk-[tu], *Azauxta-, см. Азукта 353–355

Βαδάκης 198
Βάδαγος 198
Bag-Tešub/p, Bag/Pak/Ḫu-Te-šup/b, Bag-Te-šu-pu/bu, см. Баг-Тешуб 345, 349
Baga-, см. Бага 350
Bagābigna-, ср.*Mizdabigin* 88, 255, 295
Bagabukša, Bagabuk(i)šu, Bagabuxša- 85, 101
*Bagafarnah- 374, 376
Bagaja, *Bagaya-, ср. *Βαγαῖος*, **Bagapāta-*, см. Багайя 105, 295, 298, 358
*Bagaina- 239, 294
Βαγαῖος, ср. **Bagapāta-* 358
Bagamasta, *Baga-Mazdā, см. Багамазда 346
^{m}Ba-ga-par-na, см. Bagatuna, см. Багапарна 259
*Bagapāta-, ср. *Bagaya-, *Βαγαῖος* 296
Βαγαπάτης, **Bagapāta-* 296, 298, 358, 377
Βαγαπαῖος, *Bagapāyu-, {= *Βαγαπάτης*, **Bagapāta-*} 296
Βάγας 289
Bagašat 225
Bagatuna-, Ba-ga-tu-na, см. Багатуна 83, 259, 260, 307
Bagdatti, Ba-ag-da-at-ti, Bag-da-at-ti, Ba-ga-'-da-a-tu, Ba-ga-'-da-ti/ta-', Ba-ga-da-du, ср. Bgdtk, Bag(a)rat, Βαγδᾶδ, *Bagadāta-, см. Багадата, Багдатти/у 80, 82–84, 86, 100–103, 284, 345
Bagēšu, Ba-gi-e-s/šu, *Baga-aiša-, *Bagaiša 362
Bagmas/štu(m), Bagbartu, Ba-ag-maš/mas/bar/par-tu/ti/tum, *Baga-Mazdā/baga Mazdā, см.Багмашту/а 345, 346, 349
Bagparna, Ba-ag-par/bar/maš-ar-na, Ba-ag-par^{ar}-na, Μεγαφβέρνης, *Bagafarnah, см. также ^{m}Ba-ga-par-na, см. Багпарна 82–84, 350, 371
Bāmdāt(ān), см. Мазак («Младший») 293
Bāra(-), Ba-a-ra, Bara-, *Bāra,- ср. *Baru-*, *Bhāra-*, *Bhāru-*, *Bhara-*, *Bharu-*, *Bharata-*, Φερης, Φερων, см. Бара 143, 246
Baradkama, *Bṛdakāma- 273
Bar-'da'-da/Bur-da-da, *Bar-Dādi, *Bṛdadī, см. Бардаду/а 273
Bardiya-, *Barziia-, Birtija, Bṛdiya-, *Barziya-, см. Бардия 97, 99, 105, 109, 199, 238–240, 273, 298
Βαρζαέντης, Barz(a)vant- 239, 240
Βαρζάνης 239
Baru-, ср. Baru(a) 204, 246
Barū, Ba-ru-ú, pa-'ru'-ú, *Baruva-, *Bar(a)va, ср. *Barua*, *Parū*, *Gaubaruva*, **Biktabaruva*, см. Бару Элипский 202, 204, 246, 254, 353
Barua, ср. *Barū*, *Parū* 204, 254, 353
Barzabo/ud, *Barzabō/ūd 273
Barzap'ran, Βαρζαφάρνης, *Barzafarnah-, {*Bṛzifarnah-}, برزافرنه 228, 239, 240
Bar-zi-en-na, *Barzaina-, 239, 240
Barziia, см. Bardiya-
Barzū, Barzōē, Borzo 240
Barzuta, Bar-zu-ta-a, Ba-ar-zu-ta, Barz(a)vant-, Barz(a)vat-, Barzvata-, ср. *Βαρζαέντης*, Bərəzavant-; *Bārzvata- (<*Bṛzvant-), см. Барзута 104, 239, 240, 369
Battānu, Ba-at-ta-a-nu, ср. Bat, Bāt, Βατάνοχος, Βάτις 266
*Bā/azuka- 198, 299
Bēl-apal-iddina 146
Bēl-šar-uṣur, см. Белшарруцур 355
Bēl-šu-nu 110
Bel-tat-tan-nu-bul-liṭ-su, см. также Tattan(u) 247
Βγω'rz 343
Bhara- 246
Bharata- 246
Bharu- 203, 246
Bhāra- 246
Bhāru- 203, 246
Bharuka 203
Bharvu 203
*Biktabaruva, pi-ka-da-bar-ma, ср. *Bharu-*, *Bhāru-*, *Bhāra-*, *Bharukaccha* 203
Birizḫatri, bi-ri-iz-ḫa-at-ri, *Bərəzi-x^{v}āϑra-, *Bərəzi.x^{v}āϑra 98, 111, 240
Bisiḫaṭir, Bi-si-ḫa-ṭir/dir 266

Bisirain, Bi-si-ra-in 249
*Bṛdamaniš, см. Σμερδομένης 241
Bṛhata 272
*Bṛza-, Bωrz 240
Brzmtrk 239
Brzpdyk, Barzpādīk 198, 239
Būδī, см. Буди 322, 323
Būδižā 322, 323
Buræ-Færnyg 288
Burdada/i, Bur-da-da/i, {Burdata, ср. Bṛhata}, *Bṛda-dā(y)-/di-, {Bur-Dādi}, см. Бурдада 98, 270, 272, 273
buriaš 146
Burna-buriaš 365
[Bur-p]a!-ra-su, см. также Sibrasu 368
Burz 240
Bωrkωt'k 303
Bωrz, *Bṛza- 240
Byaršan 138

Cissa^{n}taxma 313

Çarva-, *Śarva, см. Saurva- 323, 332
Çyena, см. Сен, Симург 335

Dadā, Da-da-a, см. Datana, см. Дада 141
Δαδαῖος 149
Δαδάκης, Δάδακ/γος, *Dadaka- 302
Da-da-par-na' 149
Dadaršu, Dadaršiy(-)š, Dādarš, Dād(a)ršiš 80, 81, 101
Daēnavazah 343
Daēnava-rəzah 343
Daj(a)ukku, Tajuki, Da-a-a-uk-ku, *Dahy(ā)uka-, Deiokes, *Dāiokās, Δηϊόκης, *Δᾱϊόκᾱς/ης, см. Дай(а)укку-Дейок 284, 287, 288, 304
D/Taltā, D/Tal-ta-a, Da/Ta-al-ta-a, *Dar-ta(r)-, см. Дальта 81, 105, 353, 354
Dārayaṯ.raϑa- 371
Dargatava 137
Darī, Da-ri-i/', Da-(a-)ri-(ja), Dāraya-, см. также Dari(ja)muš, см. Дари 371
Dari(ja)muš, Dari'uš, Darimušu/a, Dari'šu, Da(-a)-ri-ja-(a-)muš, Da-ri-'(-ja)-muš, Da-ri-mu-šu/ša, Da-a-ri-muš/mu-uš, Da-ri-('-)muš, Da-ri-'-šu, Δαρε(ια)ῖος, Dārayava^{h}u(š), Dārayavahu, *Dārēyōš, *Dareyavōš, см. также Darī, см. Дарий 80, 81, 87, 88, 91–94, 104, 242, 371
Da-ar-par-na-', Da-ri-'-par-na-', *Dārayafarnah-, ср. Δ'rprn 371
Dasukku, Da-su-uk-ku, *Dasuka-, ср. *Dašu-uk*, см. Дасукку 296, 297, 302, 354
Daštāγni- 255
Da-šu-uk 297
Datana, Da-ta-na; Dāta, Da-ta-a, ср. Δᾶτις, Dat, Δατάς, Dāt, Daδ, Dad, *Dāta, Δατάμης, Datta(ka); Dadī, Da-di-i, Dada/i, ср., Δαδα/ος, Δαδάκης, Δάδαγος, Δάδαιος, Da-da-par-na', Dadίκαι, Dăda, Dadā, Dādū, см. Дата(на), Дади 149
Deiokes, см. Daj(a)ukku, см. Дай(а)укку-Дейок
Dēnmazdak 294
Dēn-Mazdayasniš 347
Du/ūraē-kaēta- 305, 363
Dūraē.srūta-, Dūreçrūta- 363
Durdukka, см. Дурдука-Зурзука 98
Dūrēsi, *Dūrai-s-a, *Dūraį-sruta 363
Durisi, Du-ri-si 363
Dusanni 372
Dynmzdk 303

En-gur, см. Энгур 230
Eparna/i, E-parna, ^{I}E-pa-ar-na/i, [...]-pa-ar-na, [...-a]r-na, {Epardu}, ср. Εὐβάρνακης, Awi-farnah, aiwi.x^{v}arənah-, {Awivharnah-, Čiϑravharnah-, Hufarnah-, *Hu-va-rəna-ka}, Wifarnā, ср. {Vidarna-, Vivāna-}, ср.$^{(?)}$Eparnu(a), см. также Parnua, см. Эпарна 80, 373–375
Eparnu(a), [E]/ ^{r}E^{1}-pa-ar-nu-a, {Epardu, E!-pa-ar-du!, ср. Eparti}, x-pa-a^{o}r-nu-a (x=ta/iš), ср. Eparna/i, см. Parnua, см. Парнуа/Эпарну 279, 372–374

Farnah, Parna 350
*Farnaka- 254, 288, 299
*Farnaxšaϑra- 227
Φάρνος, Pharnas 373
Φάρνης 373
*Farnuka-, ср. Buræ-Færnyg, Xše-Farnug, *Farnaka- 288, 299, 339
*Framāna, см. Пурраману 30
Fr(i)ya-, ср. Frya-, Fryāna- 212

Gansaka, *Ganǰ/zaka-, ср. Ganǰak 109, 110
Gau-baruva, см. Gubaru'
Gubaru', kam-bar-ma, gu-ba-ru(-'), gu-bar-ru/ri/ra, ug?-ba-ru, Gaubaruva-/{Gaubruva-, (*gu-ub-ru-)}, Γωβρύης, ср. Bharu, Barū, *Biktabaruva- 80, 94, 95, 104, 202, 203
Gumātu, Gu-ma-a-tu, Gaumāta-, Gūmāt, kam-ma-ad-da, *Γωμήτης (Gometes Юстина), см. Гаумата 79, 81, 89, 94, 95, 100
Gaušaka 307
Gišta, Gi-iš-ta 249
Γώσακος, ср. Qusæg 302, 303
'γwštr'k 270

Ha-ir/Har-ba-mi-iš-ša, *Arba-misa- 306
Ḫaldi, Ḫal-di-a/e, Aldi/e, al-di-e, см. Халди 350, 351
Ḫanaṣiruka, Ḫa-na-ṣi/zi/si$_{20}$-ru-ka, Hanaziruku, Chanasiruka, *Xanaǰiruka-, ср. *Χανάκης, Χανίκα, Χάνωσος, Sanaka, Khanaka*, см. Ханасирука 29, 232, 233, 289
{Ḫardukku/a, Ḫartukka, Ḫa-ar-d/tukka}, см. Zardukku, Ἀρτύκας 288, 289, 369
Harəδāspa- 289
Ḫarsi, Harši, 'Arsita 107
Harṣa, *Zarəša 243
Ḫatarna, см. Хатарна 277, 279
Hengist 151
Hormizd, ср. Ὀρμίσδας 96
Hormi/uzd, Hōrmazd, ср. *Hōrmizd, Ōhrmazd* 88, 92
Hōrmizdak 294
Horsa 151
*Humāma-/ī, Amimit 327
(Ḫ)umardātu, Ḫurdātu, (Ḫu-)u-mar-da-a-tu, Ḫu-ur-da-[a-tu], *H(u)vardāta-, ср. Šuwardata, *S(u)wardāta- 110, 111
Ḫumarizma, ^{h}Uvarazmi 110
Ḫumbē/ī, Ḫu-um-bi-e, ср. Kumbha-, Xumbya-, см. Хумбе 364

J̌abitarru, Ia-⌜bit⌝-ta-ar-⌜ru⌝ 271
Ia-u-da-mi-ra, *Yaudavīra- 95
Indabigaš, *Vindabig(n)a 254, 255
Indar, In-da-ra, Intara, Indra-, см. Индра 83, 100, 323
J̌nzi, J̌anziburiaš, ǰa-an-zi-bur-ǰa-áš 146
J̌anzu, см. Янзу (в т.ч. из Бит-Хамбана и др.)145, 340
J̌autarši, J̌a-u-ta-ar-ši, *Yavaitarša-, см. J̌abitarru, см. Йаутарши 271
I-la-a-nu, см. Илану 30
Ἰνταφέρνης, Vindafarnah- 255
Ip-ra-da-a-ta/tú, *Fradāta- 103
Ip-ra-(a)-du-par-na-', *Frādafarnah- 103
Irdumartiǰa, Ṛtavardiya- 97
Irtakšašša, Ṛtaxšaṣṣa- 97
Irtizatu/i, {Irtisati}, ša ^{I}Ir-ti-za-ti, см. Иртизати 84, 238, 239
Ir-tup-pi-ǰa, Ἀρτύφιος, Ἀρτύβιος, *Ṛduf(i)ya-, *Ṛzif(i)ya, 335
Isvant- 362
Išpaka(j), Iš-pa-ka-a-a, Ἄσπακος, Σπακώ, *(A)spaka-, *Aspak(a-) ср. Κουζαῖος 99, 303
^{AN}Iš-tar, см. Иштар 348
Ištar-Muwalidtu см. также Mylitta 348
Išteliku, Iš-te-li-ku, см. Iš-te-⌜su?⌝-ku, см. Иштелику, {Астиаг} 375, 377, 378
Iš-te-⌜su⌝?-ku 375
Ištesuku, Iš-te-su-ku, см. Иштесуку 375, 377, 378
Ištume/ēgu, Iš-tu-me-gu, Irišti-, Ir-iš-ti-man-ka$_4$, *Ṛštivaiga-, Ṛšti-vaiga-, 'Αστυάγης, 'Αστυῖγᾶς, *Astivaiga, см. Астиаг 94, 97, 104, 106, 377–379
Ittī 146

Janamejaya- 242
Janarañjana- 242
Janārdana- 242
Jāratkārava- 243
J̌arō.daŋhu- 243
J̌arō.vaŋhu- 243

Ka-du-uk-ka, *Katuka, ср. *Κατόκας, Katu-, Kāta-* 288
Καινάξαρθος, *Kainaxšaθra 248
Kākā, иранское имя 148
Kăka, имя из клинописных документов II тыс. до н.э.148
Kakī, Ka-ki-i, правитель Бит-Зати, см. Каки 148, 260
Kākī, правитель Гиляна в IX в. до н.э. 148, 260

Kāk̄ī, имя из док. 744 г. 148
Kāk̄ī (a), ka-ki-a, ka-a-ki, док. 859 г. до н.э., ср. *Kāk̄ā, Kāk̄ūi, Kāk̄ūī, Kāk̄ī, Kāk̄ī, Kakija, Kikki, Kikkia, Kiakki, Kāka, Kakija*, см. Какu(a) 148
Kakija, имя из клинописных документов II тыс. до н.э. 148
Kakija, Ka-ki-ja, Kākī, мидиец из док. 520 г. до н.э. 148, 260
Kakui 148, 260
Kākūi, иранское имя 148
Kākūī, внук Зохака 148
*Kāmak 305
Kambuzija, Kam-bu-zi-ja, Kambūjiya-, Kambuzija, Kam-bu-zi-ja, Kambūjiya-, Ka^{m}būǰiya 87, 99, 101
Karakku, Kar-ak-ku, Ka-rak-ku, *Kāraka-, см. Каракку 287, 304, 371
Karapet, *Kārapati 304
Kārnāmak 305
Kartīr, Kerdēr, Kardel, см. Картир 139, 242
Κάσακ/γος, *Kasak(a)- 302, 307
Kaštariti, Ḫaštaritti, Hašatritti, Sattarrida, Xšaϑrita-, ср. Zarita-, см. также *Xšaϑradāra-, см. Каштарити 80, 84, 100–102, 238, 272, 298, 372, 380
Kāta- 307
Κατόκας, *Katuk(a) 307
Katuka-, ср. Katu-, Kāta-, Κατόκας 307
Katu- 307
Khanaka-, ср. *Sanaka*, *Χανάκης* 233, 302
Khana-pāna- 233
Khanitra, Khani-netra- 233
Kiakki 148
Kikki 148
Kikkia, староассирийский правитель 148
Kiara, Ki-a-ra, см. Киара 221
Ki-ba-ba, см. Кибаба 355
Kibabiše/Kibakašše, Ki-ba-bi/kaš-še, см. Кибабише/Кибакашше 353, 355
Kimakuš, Ki-ir-na-ku-uš, Komak, *Kimukaš, *Kurnaka-, *Kṛna(u)ka-, см. Кирнакуш 247, 248
Kirtiara, Ki-ir-ti/e-a-ra, Kṛti-,*Kṛtya/āra-, ср. *Kartīr, Kerdēr, Kardel*, см. Киртиара 138, 139, 142
Kitakki, [1]Ki-ta-ak-ki, *Kaitaka-, см. Китакки 304, 305, 364
Kornak, *Kurnaka, см. Корнак 248
Kudza, Kudzæg, Κουζαῖος, *Kuti- 303
Kundāgušasp 150
Kund Aramazd, *Kunda-Ahuramazdā, см. Кунд Арамазд 331
Kunda(-), Kund dēv, Kundak, Ākundaγ, kwntk, *Kundaka- (бог и дев), ср. *Kundū* см. Кунда, см. также Вишну 322, 323, 329, 330–332
Kundara-, см. Вишну 332
{Kundarūf}, см. Kundarūk 332
Kundarūk 332
Kundašpi, Ku-un-da-aš-pi, {*Vindāspa}, *Kundāspa, Kunda+aspa, ср. Kundāgušasp, см. Кундаспи 150, 151
Kundī(-), (девовская богиня), см. Кунди 322, 323, 330
Kundižā 322, 323, 330
Kundrū 332
Kundū, *Kundūk 332
Kundur, kndruk 332
Kuštašpi/Uštaspa, Ku-uš-ta-aš-pi, Ku-uš-ta-aš-pi-li, {Vištāspa-}, ср. *Vīštāspō* см. Кустаспи, Виштаспа 104, 105, 150, 151
Kuraš, Kuru-š, см. Кир I 80, 176, 252

Larkutla 142
Lud/tū, Lu-d/tu-ú 382

Μάδακος, *Madak(a-) 205, 298, 299, 301
Mādhava- 205, 298
Madhu-, ср. *Mādhava*- 205, 298
Μαδύης 205, 298
Μάδυς 205, 298
Μαδώϊς 205
Mākerd 363
Makirtu, Ma-ki-ir-tu, Wakirtu = (*)Vahukṛta-, *Māhkṛta-, см. Uakirtu 93, 96, 241, 247, 363, 364
Mamaniš, Ma-ma-ni-iš, *Wōmaniš*, см. Маманиш 240–242
Mamit(i)aršu, см. Мамитиаршу 372
mandad-vira 270
Μανδάνη, Mandána 270
Mandayátsakha 270

mar-(ri-)ja-kar-šá, *Varyakarša 213
Μασδάκης, см. Mazdak/q, см. Маздак «Старший» 110, 293
Μασκάμης, Mas(a)+kāma 221
Mašda, Mazdā/a-, см. Мазда 177, 287, 296, 303, 346, 362
Maš-da-ja-áš-na, Μασδ(α)άσνης, mazdayasna- 94, 293
Mašda/uk(k)u, {Wašd/takku, ср. W/Vaštak, w/vaxštra, *Vaštaka}, ср. *Μαζαῖος*, *Μαζάκης*, *Μάζαρος*, *Μαζάρης*, *Mazdak/q*, *Mazdīk/q*, *Mazda/uka- 290–293, 295, 299, 303, 370, 372, 375
Mašda/ukku, {*Parkuttu*}, Ma-áš-dak-ku, Maš/Par(Pa-ar)-tùk/ku-ku, *Ma-áš-duk/túk-ku, см. Машда/укку 290, 292, 372
Mašdakku/Mašduku? {Maštak(k)u, Maaš-tak-ku}, Ma-áš-dak/ták/{ta}/du/daku, см. Машдакку/Машдуку 290, 292, 370
Mašdaku, Ma-áš-da-ku, см. Машдаку 290, 292, 307, 367, 375
Mašdaj(a)ukku, Ma-áš-da-a-a-uk-ku, *Mazday(a)uka-, см. Машдай(а)укку 290, 292, 293, 295, 303, 305, 358, 364
Μαζαῖος, MZDY, *Mazdaya-, Mazaios, см. Мазайос 139, 292, 294
Μαζάκης, Mazakes, *Mazdaka- 139, 292, 294
Μάζαρος/Μαζάρης, Mazaros, *Mazdara, ср. MZDR, *Mazdar(a), см. Мазарес 139, 292, 294
Mazdak/q, Mazdīk/q, zdq/ṣdq, см. Маздак «Старший» 291, 293, 294
Μαζήνης, *Mazdaina, ср. *Bagaina, *Miθraina- 294
Mauka-, Ma-u-(uk-)ka, Ma-u-uk-ka$_4$, Vah(a)uka-, см. Umaḫku/Umakuš, см. Вахаука 287, 288
Μεγαβάτης 377
Μεγαφ/βέρνης, *Bagafarnah- 371
Megdiara, см. Мектиара 139
Μεσορομάσδης, *Miṯra Ahuramazdā, *Miθra-Ahuramazdā 331
Metraku, Me-et-ra-ku, *Miθra-ka, см. Митра 274
Mihrēn: Mtryn 303
Mikī, Mi-ki-i, см. Мики 269
Mindaparna, 'Ινταφερνης, Vindafarnah, Vindafarnah- 97
*Miθrafarnah 377
Miθrak, Mihrak 294
*Miθraya- 295
Μιθροβάτης 377
Μιθροπαύστης, Μιθρωπάστης 377
Mi-ra-ja-u-da, *Vīrayauda- 94–95
Mirkanu, Vṛkana- 97
Mī/isparū/u, Misparu', Mi-is-pa-ru-(u)', Mi-iš-bar-ra, Vāyaspāra-, *Vḥspar 79, 81, 89, 93, 105, 180
Mi-iš-da-ad-da, Vahyazdāta- 95
Mi-iš-ka$_4$-ma, Vahyaskāma- 95
Mitā/aku/i, Mi-ta-a-ki, ср. Μήτακος, Μήταγος, Μιδάκος, Μήθακος (Μήσακος) 265
Mitatti, Mi/e-ta-at-ti, *Māhī-dāta-, см. Митатти 310, 311
Mitir, Mihr, Mi-ut-ra, Miθra-, Mitra, см. Митра 84, 180, 238, 239, 250
Mitirriadadu, $^{I.AN}$Mit^{it}(Mit-it)-ri-da-a-tu, Μιθρι/αδάτης, Miθradāta-, см. Митрадата 84, 85, 88, 102, 371, 376
*Miθraina- 294, 303
Mitrmēsakī 265
Mitrsari, Mitrsariān, Mtrsrh, см. Митрасара 210
Mizdabigin, *Mazdābigna-, ср. *Bagābigna-* 86, 88, 295
Mizdačšu, Mi-iz-da-e-šu, Mizdaiša, см. Миздаешу 362
Munirsuarta, Mu-nir-su-ar-ta 234
Muns/z/ṣuarta, Mu-un-su(?)-ar-ta, см. Munirsuarta 233
Mylitta, см. также Ištar-Muwalidtu, см. Милитта 348

*Naibya 354
Nairyō.saŋha, ср. Narā-çaṁsa 262
Narsah, см. Нерсес 262
^{ilāni}Na-ša-at-ti-an-na, Nāsatya, см. Нахатья 323
Ναύακος, Næwæg, *Navaka- 306
Nibē/ī, Nibi/e, Ni-bi-e, naiba, {*Naibya*}, см. Нибе 353, 354
Nigdiara, см. Никди(а)ра 139
Nohodares, ср. naxwadār 236
Nṛmédha- 291

Ὀβορζος, Whwbrz, wḫwbrz, *Vahubarz, Vahuburz, *Vō(h)burz 92, 99, 239
Ὀχοαρζάνης, *Vahuvarzăna-, *Vahuvarzān(a) 342
Ōhrmazd 92, 96, 292
Ōhrmazdīk 294
Ὀμάργης 354, 357
Ὀροφέρνης, {*Aurvafarnah-}, Ahurafarna(h)-, ср. Auriparnu, см. Ороферн 376, 377
Oropastes, Ὀροβάτης, *Ὠροπάστης, Ahura+upastā, см. Оропаст, Гаумата 377
Ὀρόντης, *A^{u}rvant 246

Pa-da-ak-ka, *Pă̆daka 198, 299
Πάδαγος, {Βαδακης, Βαδαγος}, Pādaγ, *Pādaka-, ср. *Πάλακος*, *Pa-da-ak-ka* 198
Paēšatah, см. также Uspaēšata- 272
Paį(a)ukku, Pa-a(-a)-uk-ku, *Pāy(a)uka, см. Пайаукку 287, 296, 363
Paiti.srīra- 238
Pa(į)ukku, Pa-a-uk-ku, *Pay(a)uka-, *Pāyuka-, см. Па(й)укку 296, 302, 364
Πάλακος, *Pālak(a) < *Pādaka 198
Παπαῖος 296
Papaku, Pa-pa-ku, Pāpak, Babak, *Pāpaka-, см. Папака 296, 302
Pa-ra-da, Pir-ra-da, Frada- 103
Párçu-<*Parśu, ср. *Parsu*, *Parϑu-, *Pārçva-*, см. Парщу 186, 187, 194–197, 297
Párçva- 195
Pārikā, Fāriγān, Παρικάνη, *Pārikāna, *Pă̆rikāna 322
{Parkuttu, Parkuku, Pa-ar-ku/tùk-ku, Pa-ar-ku-ur?, Pa-ar-túk-ku?, Pa-ar-ku-ku}, см. Mašda/ukku (Maš/Par-tùk/ ku-ku), см. {Партукку} 290
Parna-, Parrini- < farna- 85
Parni-aldē, Parni/a-Aldi/e, ^{l}pa-ar-ni-al-di-e, ^{l}pa-ar-ni-al-di-e, [...pa]-ar-[ni]-al-di-e, $^{I.AN}$[pa-ar-n]a!-al-di-e, см. Парни- Алди 350, 351, 376
Parnua, Parnu, Pa-ar-nu-a, Pa-ar-nu, *Farnavahu, ср. вав. Par-ri-nu-ú, Pa-ar-nu-uš, Par-ri-ni-iš, ср. Pharnas, Φάρνος, Φάρνης, см. Eparnua, см. Парнуа/Эпарну 278, 279, 372–374
Πάρϑος, ср. *Párçu-*, *Parsu-*, *Parϑu-, *Pārϑa- 194
Parsanu/i, Pa-ar-sa-ni-a-a, Pārsa, Parṣa-, *Parša, см. Парсану 196, 250
Parsašatar<kṣatra 83
Parsu-, ср. *Pārçva*, *Párçu-*, *Parϑu-, *Parśu 196, 199
Pars(u)pānak(a-), Παρσπάνακος, *pānakaparsu, fæinægfars 196, 199
Partatua, ?Bartatua, P/Bar-ta-tu-a, Πρωτοϑύης, Pṛtatava(h), {*Pṛtaṭ.va}, см. Партатуа 137, 231
Partu/akka, см. Parkuttu
Parū, Pa-ru-u, *Baruva, ср. *Barū*, *Barua*, см. Пару 204, 254
Parumartiš, Pa-ar-ru-mar-ti-iš, Pir-ru-mar-ti-iš, Fravartiš 84, 91, 103, 104
Pa(?)-ru-ra-su, см. также {Sibrasu, [Bur-p]a!-ra-su} 368
Parušta, Pa-ru-uš-ta, *Parvasta, *Para(h)stā̆, *Parūšt(r)a, ср. Pourušti-, {Purušti}, см. Парушта 235–237
Parçúr, см. Паршу(Паршу) 186
Parysades, Παιρισάδης, Pairisades, ср. Παρεισάδης, Βηρισάδης, см. Перисад 222, 228
Parysatis 221
Pəšana-, Pṛtana 231
pi-ka-da-bar-ma, см. *Biktabaruva
Pirišāti, Pi-ri-šá-a-ti, «Pirišate», *Pa(i)rišāti-, *Pa^{i}rišāti-, {*Priya-šāti-}, ср. Παιρισάδης, Παρύσατις, Pīršād, см. также Purušātiš, см. Пиришати 221–223, 226, 228, 229
Παρσώνδης 142
Piši(')ḫumadu, P(a)išiyā^{h}uvādā- 93, 94, 110
Pirtatu, Birtātu, Bir/Pir-ta-tu, Ú-pír-da, *Hu-bṛta, {*Pṛtaṭ.va}, ср. Pṛtana, см. П/Биртату 230, 231, 234, 265
Pir-ru-ḫa-a-tu, Pu-ur-ḫa-at, *Frahāta- 103
Pīršād, см. Пиршад 222, 228
Pīrūz, *Pa^{i}ri-auǰah- 228
Piši.šyaoϑna 272
Πουρϑάκης 179
Pouruǰira-, см. также Аошнара 232

Pouručista- 232
P/Burp/burasu, P/Bur-p/bu-ra-su, pír-ra-ša, Burburazu, *Purufras/ša- 364, 365
Pur(u)šātu, Puruš(ā)tiš, Bar(r)ušijatiš, Pu-ru-'-ša-(at-)ti-iš, Pu-ru-uš-ša-a-tú, Pu-ru-ša-a-tu, Pu-ur-šá-a-tu, Pu-ru-uš-ti-iš, Ba/Bar-ru-ši-ja-ti-iš, Παρύσατις, *Pu/arušāti, {Purušti}, *Purušāti(-)š, *parušiyāti, см. Парисатида 80, 83, 222–224, 364

Ῥαδαμσάδιος, Ῥαδαμψάδιος, *Fratamašāti-, см. Радамсад 228
Ra/āmaşisra, Ra-a-ma-şi-is-ra, *Rāmačiϑra- 103, 268, 307
Ramati/e/aja, Ramatua, Ra-ma-te-ja, Ra-ma-ta-a-a, *Ramatav(y)ah, *Ramat.va, *Rāmatav(y)a, Rāmatav(ī)yah, Ramatava(h), см. Раматейа 104, 137, 266
Ῥαμβάκας 268
Rametī, Ramatei, Ra-me-ti-i, Ra-ma-⌜te⌝/mat?-i, см. Рамети 267
Ramšatr 268
Razištu, Ra-zi-iš-tu, *Razišta- 369
Rmn 268
*Ṛzif(i)ya, *Ṛduf(i)ya 337

Σαδίμανος, ср. Šādmān, Šadiman, {*Šātimāna(h)-, *Šādimān} 229
Sana-çruta- 232
Sanaka, ср. *Khanaka*, *Χανάκης* 233
Sanašu, Sa-na-šu 249
Sanat-kumara- 232
Sanat-sujata- 232
Sanga, *Saŋha или *Sanga, ср. Saŋhavak-, Sāŋhaŋha- 261, 262
Σάρακος, *Saraka- 288, 299
Σαρύκη, *Saruka/ā- 288, 299
Θataguš, *Sataguš 171
Satarēšu, Sa-tar-e-šu/šú, *Xšaϑraiš/sa-, см. Сатарешу 238, 362, 368
Satarpānu, [Sa-tar]-pa-nu, *Xšaϑrapāna-, {*Xšaϑrpan}, см. Сатарпану из Барикану 79, 83, 86, 238, 362, 370
Satarpānu, Sa-tar-pa-nu, *Xšaϑrapāna-, см. Сатарпану из Уппурии 370, 375
Σατάσπης 274
Σατιβάρας, *Šāti(-)bāra 224
Σατιφέρνης 224
Satiria, ša ¹Sa-ti-ri-a-a, Satirya, **Xšaϑr(i)ya*, см. Сатириа 237, 238
Σατραβάτης 238
Σατράκης, *Xs/šaϑraka-, ср. (Æ)xsært, *Xšaϑra-, (Æ)Xsærtæg, *Xšaϑraka-, (Æ)xsærtæg(kætæ) 238, 254, 298, 299
Sattarida, Xšaϑrita- 307
Saurva-, Çarva, *Śarva-, см. Сарва 332
Sauššatar < kṣatra 83
Scolopitus, *Skulapitā- 102
{Sibrasu}, см. также {[Bur-p]a!-ra-su}, см. ...-ru-ra-su 368
Sīnaḫḫērība, Snḥrb, см. Синаххериб 108
Sirašme, Si-ra-aš-me 249
Sirašu, Si-ra-šu 249
Sitirna?, ?Si?-tir-na, ср. ^{KUR}U-tir-na, см. Ситирна 375
(Σ)μέρδις, ср. *Bardiya-* 273
Σμερδομένης, *Bṛdamaniš 273
Σορχακος, *Surxak(a), ср. *Suxra- 298
Sozuruqo, см. Созуруко 196
Σπακώ 303
Σπαργαπείθης, *Spargapaiϑa- 184
Σπαργαπίσης, *Spargapaisa- 184
Sraošəm bərəzaδim, см. Виштаспа 273
Srīravaŋhu 238
Sroša/īk 294
Srwšk/yk 303
Suḫra, Çukra-, Θuxra-, *Suxra- 103, 243, 298, 300
Σόρχακος, *Surxak(a-) 298, 300
*Suxraka 300
Syāvaršan, *Arəǰat.aršan- 138
Syāvaspa, *Arəǰaṯ.aspa- 138

Šahrapān 370
Š/Sarruti, Ḫirruti, Šar/šar/Ḫir-ru-ti, [Šar¹-ru-ti, см. Шаррути 372
Šatabarzana, Šá-ta-bar-za-na/u, Šāti/abarzana(varzāna), *Šāti/abarzana-, ср. štbrzn, Σατιβαρζάνης, *Barzafarnah-, см. Сатибарзана 104, 222, 224, 228, 239
Šataqupi, Šá-ta-qu-pi, *Śata-hu-āpah/āpi- 274
Šatašpa, Šá-ta-áš-pa, *Śata-aspa, ср. Σατάσπης 274

Šēpašarri, [Šepa-šar(ri/u)?] 359
Ši-ja-ti-bar-na, Σατιφέρνης, *Šiyātifarnah-, *Š(y)ātifarnah 224, 228
Ši-ia-ti-iṣ-ṣa 224
Ši-ia-ti-iš 224
Šinšaḫriš, Či^{n}čixri(-)š, Činčixri- 80, 87, 101, 104
Šišpiš, Ši-iš-pi-iš, Čišpi-š, Čispiš, см. Чишпиш 80, 87, 101
Šitir, Čiθra- 101
Šitirantaḫmu, Šitrantaḫma, Τριτανταίχμης, *Čiθrantaxma-, *Čiθra^{n}taxma- 85, 103, 373
Šitirparni/a, Šiṭirparna, ^{I}Ši-dir/ṭir-pa-ar-na/i, Čiṣṣafarnah, Τισσαφέρνης, *Čiθrafarnah-, {*Čiθrafarn}, см. Шитирпарна 80, 83-85, 87, 101, 102, 373, 374
Šitirpašura, Ši-tir-pa-šu-ra-a, *Čiθra-paśuśūra 306
Šu-da-ak-ka, *Šūtaka-, ср. Šu-ud-da-ja-u-da 225
Šu-ud-da-ja-u-da, *Šūtayauda-, ср. Šu-da-ak-ka 224, 225
Šu(m)a, Šu-ú-a, Šu-ma, Sava(h)-, Σανα-,-σανος, ср. Savah-, см. Шуа 247
Šuratta/Zurata, Suratha 110
Šuwardata, *S(u)vardāta 111

Tanus, Ta-nu-us, *Tanuš 271
*Tanuvazraka, см. также Бардия 199
Tarḫunta- 323, 324
Tarīč 323
Taršiḫu, Tar-ši-ḫu 249
Tarvi-, Ta^{u}rvi-, ср. Turvá-, Turváša-, см. Тарви 322, 323
Tarvī, *Tarva(ka) 323
Tāta, ša ^{I}Tatai, Ta-a-ta(-aj), tt, *Tăt(a), ср. Tata, см. Татай 237, 247
Tattan(u), см. Bel-tat-tan-nu-bul-liṭ-su 247
Taurvačti-, ср. *Tarvaiča/i > *Tarvēž 322
*Taxmatanu-, Tahmtan 199
Telusina, см. Телусина 284
Tešub/p, Teišeba, см. Тешуб 349
Τιθαῖος 221
Τιθραύστης, Čiθravahišta- 221
Tigratava 137
Titamaška, Ti-ta-ma-áš-ka, см. Титамашка 221
Tunaku, Tu-na-ku, *Tunaka-, ср. twn, см. Тунака 258, 259, 302
Tunī, Tu-ni-i, см. Туни 269
Tvášṭar, *Tvarṣṭar- 296

Uakirtu, Ú-a-ki-ir-tu, Wakirtu = *Vahukṛta-, {*Vayukṛta-} 93, 96, 241, 242, 247, 305, 363
U(a)ksatar, Umakištar, U-ma-ku-iš-tar, U-ma-kiš-tar, Ú-ak-sa-tar, Uk-sa-tar, Κυαξάρης, Huvaxštra, ^{h}Uvaxštra-, u-v-x-š-t-r, Huva-xšatra-, {Hu-xšaθra}, см. У(а)ксатар, Киаксар 79, 81, 83, 85, 87, 101, 104–106, 110, 111, 112, 312, 361
Uardatti, ^{m}ú-ar-da-at-t[i], см. Уардатти 231
Uarzan, Ú-ar-za-an, *Varza/ăna-, Vṛzăna-, Warzan, ср. Βαρζάνης, Wardan, Wardanes, см. Уарзан 81, 86, 104, 341, 343, 375
Udaki/u, {Ualki, Ú-al-ki}, Ú-da-ki, *Hudăka-, ср. hu-dāta 211
Uitana, Ú-i-ta-na, *Vi-tana- 274
Uksatar, см. U(a)ksatar
Umaḫku/Umakuš, *Mauka*, Ὦχος, *Vah(a)uka-, Vō(h)k(a), ср. *Vahudāta, ср. *Vāsukī-*, см. Вахаука 80, 81, 83, 92, 93, 104, 110, 241, 242, 287
Umargu/a, *(H)umarga, ср. *Ἀμόργης*, Ὀμάργης 357
Ú-mar-za-na-', Ú-ma-ar-za-nu, *Varzăna, *Vṛzăna 342
U(mi)darna('), Vidarna, Udarna', см. Видарна 104
Umimana, Ú-mi-ma-na, Vivāna 79, 104
Umisa, Ma-u-mi-iš-ša, Vahu-misa-, Va^{h}umisa-, ср. Vasumitra-, Vahumiθr, Ὦμισης, *Vōmisa 92, 104, 109, 242, 306
Umizdātu, Umisdāta, U-mi-iz-da-a-tu, Miiš-da-ad-da, Va^{h}yazdāta-, Vahyazdāta, *Vēzdāt 87, 89, 93, 110, 242, 268
Upadarma- 272
Upa/ika- 272
Upamáçravas- 272
Upaš, Ú-pa-áš, см. Упаш 270–272

Uppamma, Up-pa-am-ma-a, Upama-, см. Уппама 271, 375
Uppis, Up-pi-is, ^{h}Upaisa-, см. Уппис 271, 272
Uppite/Arpite, Up/Ar-pi-te, ^{h}Upaiϑ(y)a-, *Upita, см. Уппите/Арпите 267, 271, 272
Up/bū, Ú-p/bu-ú, Upa-, см. Упу 147
Ursi, Ur-si 249
Urtaku/i, см. Уртаку 254
Urzana, Ur-za-na(-a), Ur-za-an-na, Ur-za-a-ni, Ur-[za-]ni, *Varza/ăna-, *Vṛzăna-, {Rusa}, см. Урзана 104, 340–343
Uspaēšata, см. также Paēšatah 272
Ušra-, Uš-ra-a, *Ušra-, *UšϑraYa, ср. Uštra-, Uṣṭra-, см. Ушра(й(а)) 372
U/Ištabuzana', U/Iš-ta-bu-za-na-' 110
Uštaspi/a, см. Kuštašpi/Uštaspa, см. Вишпаспа 104–106
Ušuru, Ú-šu-ru 270
Ú-ti-ia-a-ru, Ú-ti-ja-a-ri, Autiyāra- 87, 89
Ú-za-ka; *Auja-ka, см. Узакку 270
Uzakku, Ú-zak-ku, *Uzaka-, ср. Ὀυζίαγος (*Uzyaka), *Važāspa*, *Vāhaka-*, *Vāhika-*, *Vahitar*, *Vāhya-*, см. Узака 270
Uzī, Ú-zi-i, ср. Uzya?, см. Узи 270, 363
Uzitar, Ú-zi-tar, *Vazitar-, см. Узитар 270, 364
Uzuman(da), Ú-zu-ma-an 270, 364

Vāhaka- 270
Vāhika- 270
Vahitar 270
Vahuburz 242
*Vahudāta 288
*Vahukṛta- 242, 247
Vah(u)man, Bahman, Vohu-manah-, *Vahumaniš, см. Вохумана 92, 241
*Vahuvarzān(a) 343
Vāhya- 270
vahyavišdāpāya 284
Vanāra- 245
Vanata- (от vanant-), ср. Barzvata 240
Vanδarəmainiš 240
*Vardăna-, ср. *Vardanak* 342
Vardanak 342
Varəzayant, см. также Вохумана 342
Varšna- 265
Varzīd-dēn 343
Varzište 343
Vāsukī 92
v^{a}šdāsaka, ср. *višdasaka* 284
*Vaštaka 290
{*Vayukṛta}, см. Uakirtu
Vayuš aurvō, см. Вайу
Važāspa 270
Vīštāspō, см. Вишпаспа 273
višdasaka 284
Vīzarəša-, {*Zarša-} 243
Vṛṣāṇaka 265
Vṛṣṇika 265

Whmnk 303
Wrtgnk 303

Χανάκης, *Xanaǰiruka, ср. *Khanaka*, *Sanaka*, *Χανίκα*, *Χάνωσος* 232, 233
Χανίκα 232
Χάνωσος 233
XsaϑrōčinaH 243
*Xšaϑradāra- 298
*XšaϑrYa- 238, 298
Xše-Farnug 288
Xšētak 283
Xsært(æg) 322

Yima xšaēta 283
Yima srīra 238
Ysarkula 243

Zabanu, Za-ba-nu, Jambhana-, Zavan(a)-, Z^{a}bana-, Ζαβάγιος, *Zabana- 246
Zairīč 323
Za^{l}riča- 243, 323
Za^{l}ričī 243, 244
Zairita-, ср. Harita-, Za^{l}rita- 243, 272, 298
Za^{l}ryank (Ašasarəδahe Zairyąš) 243
Zalā, Za-la-a(-a) 231
Zanasana, ^{l}Za-na-sa-na, {^{l}a-na-sa-na}, Zanačanah-, {*Zanaxšana-}, *Zanāsana-, ср. Aspačanah-, XsaϑrōčinaH-, *Aśvačanas-, см. Занасана 106, 242, 243
Zantar, Čandra- 101

Zanzar, Za-an-zar, *Zanazar(a)-, см. Занзар 242
Ζάρανδος 315
Zardukku, Za-ar-duk-ka, Za-ar-du-uk-ku, *Z(a)rduka-, *Zṛduka-, ср. Hṛdaya-, Hṛdika-, Ζαρδώκης, см. Durdukka, {Ḫardukka}, см. Зардук(к)у/а 289, 290, 302, 369
Zarišu, Za-ri-šu, Zariča-, *Zarša-, {*Zarəša- = Harṣa-, ср. *Vīzarəša-*}, см. Заришу, Зарича 243, 332
Zata/i, (Bit-Za-at-ti), *Zāta, см. Зата 260
Za-'-tu-'-a, *Zātuvahya 104
Ζεὺς Ὡρομάσδης 347
Zīrak 232
Zīzī, Zi-(i-)zi-I 231

...]parnu, ...]-par-nu-u 274
...-ru-ra-su, см. {[Bur-p]a!-ra-su, Sibrasu} 368

Указатель географических, топографических названий и археологических памятников*

Абдадана, Бит-Абдадана, см. Abdadāni/u 154–157, 159, 163, 200–202, 217, 220, 258, 260, 269, 360, 430
(Аб-е) Диз, р. 208
Абурза(ни) 186
Агази, см. KURA-ga-zi 366, 381
Азербайджан 5, 39, 49, 65, 73, 311, 427
  Иранский 67, 338, 427
  Южный 66
Азия 16, 20, 25, 29, 51, 178, 406
  Западная 48
  Малая, см. Малая Азия
  Передняя, см. Передняя Азия
  Средняя, см. Средняя Азия
Аирьянем-Ваэджо, авест. 23, 58, 393
Алабрия = Паттира (в призме из Ашшура) 137, 146, 148, 154–156, 159, 161, 209, 215, 217–219, 276, 359, 366
Албания 69
Алинза, см. Эле/инзаш, см. Ἀλίνζα 131, 208
Алиштар, {=Аразиаш} 124, 206
Алтай 61, 328, 409
Амадай, см. Мада, Мадай, см. Amadāi 206
Амадийе 369
Амак(к)и, см. Amakku/i 290, 379
Амбанда, см. KURAm-ba-an-da 366, 381
{Ам(е)иста}, см. Аратисти, см. {A-me-is-ta}
Амлаш 45, 53
Анд/тарпати, Анда/ирпат(т)иану, см. Andirpa(t)tianu 273, 274, 290, 292, 361, 371, 375, 379, 380, 419
Андия/а, см. KURAndiaį 284, 286, 314
Анзариа, см. Бит-Адад, см. (An)zaria
Аниаштания, см. Aniaštania 316, 319, 320
Аншан, см. Yadā 40, 44, 46, 163, 185, 253, 357
Аппатар, см. URUAp-pa-tar 220, 231
Аразиаш = Бит-Раматуа = «Область Нижней Речки», см. Araziaš 119, 124–127, 131–134, 163, 204, 206–207, 216–218, 233, 257, 266, 267, 276, 356, 358
Аракс, р. 68, 193, 334
Арал (Аральское море) 26, 29, 48
Аракутту, см. Araquttu 275
Аранзиаш = Аранзи(э)ш/Аранз(и)еш = Эрензиаш = Эле/инзаш = «Область Верхней Речки» 127, 134, 207, 208
Аранзи(э)ш/Аранз(и)еш, {= Аразиаш}, см. Аранзиаш 126, 127, 207, 357
Арарат 318
Аратисти/а, см. A-rat-is-ti 370, 376
Аратпати/а, {Ам(е)иста}, см. Аратистига, см. Aratpati/a 290, 292, 361, 370, 375, 379
Арахоз/сия, см. Аракутту, см. Aruḫatti 188, 225, 239, 275
Арбела, см. Arbairā 208
Ардабиль, см. Artavet 338
Арейа, см. A-ri-e-mu 104
Арзабия/а, обл., см. Arzabi(į)a 320, 333, 335, 337–339
Арзабия (арм. Арцабия), гора, см. Arṣabi(į)a 333, 334, 337, 338
Арзизу 141
Ариарма, см. KURA-ri-ar-ma/mi/mu 275
Ариби восхода Солнца, Ариби Востока, см. Aribi 366, 381
Армаит, крепость 118

* Вероятные отождествления обозначаются « = », допустимые, но не обязательные отождествления обозначаются «см. также».

Армарили, обл. 218, 263, 320
Армения 27, 34, 35, 40, 324, 326, 327, 330, 331, 342, 373, 428
Южная 28
Армянское нагорье 6, 7, 47, 64–66, 331, 332, 347–349, 352, 383, 386, 389, 390, 403, 404, 423, 426, 432
Армянское царство 428
Аррапха 120, 136
Аратпати/а, {Ам(е)иста},см. Аратисти/а, см. Aratpati/a 290, 292, 361, 370, 375, 379
Арахоз/сия, см. Аракутту, см. Aruḫatti 188, 225, 239, 275
Асагарта, см. (A)sagart(iy)a 311
Аскалон 348
Аснванд, гора, см. As(a)nvand 264
Аснвант, авест. гора, см. Asnvant 264
Ассирия (Ассирийская держава) 6, 12, 13, 31, 40, 55, 73, 76, 78, 100, 107, 116, 118, 120, 124, 127, 128, 132–136, 142, 144, 147, 155, 159, 160, 163, 168, 170, 209, 215, 251, 253, 256, 286, 309–311, 319, 349, 353, 366, 384, 386, 387, 389, 390, 403, 427, 428, 430, 431
Атрек 48
Атропатена, Мидия-Атропатена, царство 67, 68, 73, 74, 311, 321, 427
Атурпатакан 264
Аукане, см. A-ú-ka-ni/é-e 311
Афганистан 20, 26, 28, 57, 58, 62, 63, 188, 189, 191, 393, 420
Восточный 225
Западный 57
Северный 28, 43
Северо-Западный 63
Ахваз 240
Ахеменидская держава (государство) 5, 7, 8, 44, 51, 65, 75, 175, 176, 242, 386, 431
Ашкайа, обл. 186
Ашшур 143, 161, 209, 214, 252, 253, 280, 281

Бабилу («крепость вавилонян(ина)», город урартских текстов), {=Намар, Кар-Кашши}, см. Сильхази, см. ^{URU}ba-bi-lu-i-ni-e 128-131, 162, 368
Бабилу-Вавилон, см. Bābiru 208
Багдад 214
Ба'итан, см. также [...]итану, см. ^{KUR}Ba-'i-ta-an 366, 368, 375, 380
Бактрия, см. Bāḫtar 48
Балканы 16, 398
Бамьян, ц-во 187
Бара, см. также Бит-Бари, см. Bāra 142
Барде-Нишанд 44
Барикану, см. Barikānu 361, 365, 377, 379
Бару = часть Сангибути Северной, см. Baru/i 264
Бахтиарские горы 44
Белуджистан (в т.ч. Северный) 62, 63
Бикни, гора = Демавенд 3, 120
Бисутун 120, 121
Бит-Адад, Кар-Адад = Анзариа 201
Бит-Асрукани 259
Бит-Багадати, см. (Bīt-)Bagadati 201
Бит-Багайа, Кар-Иштар, см. (Bīt-)Bagaia 207, 345, 347, 348, 358, 359
Бит-Барбари, см. Bīt-Barbari 367, 368, 375, 377
Бит-Бари, см. также Бара, см. Bīt-Bāri 142, 143, 362, 367, 368, 375
Бит-Бару(а), Баруата, см. Bīt-Barrū 124, 127, 130, 131, 133, 134, 162, 201, 202
(Бит-)Бу(р)наку, см. также П/Барнаку 129, 251, 252
{Бит-Дайукки}, см. {^{mât}Bīt-Da[a-a-uk-ki]}, см. Māda ($^{[K]UR}$Ma-da-[a-a]) 285
Бит-Дальта = Эл(л)ипи 201
Бит-Зати, см. Bīt-Zatti 258, 260
Бит-Зуальзаш 124, 257, 360, 364
Бит-Иштар 163, 201, 258, 263, 358, 360
Бит-Капси, см. Bīt-Kap/b-si 126, 132, 160, 163, 257, 258, 263, 266, 271, 272, 360
Бит-Кари 129, 285, 380
Бит-Мати 257
Бит-Парсай 201
Бит-Пурушшату 201
Бит-Раматуа= Аразиаш Ниневийской призмы, см. (Bīt-)Ramatua 126, 127, 134, 201, 207, 267, 276
Бит-Са... (анналов 737 г. до н.э.), {Бит-Сангибути} = (Бит-)Сагбат, см. Bīt-Sa-ga-bi 128

(Бит-)Сагбат (Саргона II и Тиглатпаласара III) = Бит-Са..., см. Bīt-Saag-ba-at 128, 132, 133, 207
Бит-Сагбат, Бит-Са[гбат], {Бит-Са[гбит]=Сагбиту} (анналов 737 г. до н.э.), см. Бит-Са... 128, 129, 131, 132
Бит-Санги, {=Бит-Сангибути}, см. (Bīt-)Sangi/u 260, 261, 265
Бит-Таззака/и 257
Бит-Умарги, см. Bīt-Umargi 357
(Бит-)Хам/н/ббан, Кампанда, {=Камбадена}, см. Damban(u) 118–121, 123–126, 129–131, 133, 145, 153–156, 158–160, 162, 164, 200–202, 204, 269, 324, 355, 360, 364
Ближний Восток 5, 6
Бозгуш (Соколиная (гора), Сокол-гора), хребет, см. Bazquš 314, 333, 338
(Большая) Соляная пустыня 178, 216
Большой (Верхний) Заб, р. 147, 148, 212, 218, 219, 339, 340, 369
Боспорское царство 228
Бох тан-су, р. 147, 148
Бурдир, укрепление Саргона II на границе с Урарту, см. также Бур/Шур/Шук/Паддира 209, 340
Бур/Шур/Шук/Паддира, см. также Бурдир, Шурда 209, 210, 217, 340
Бусти/ус, Б/Пушту, в т.ч. крепость и обл. в Парсуа, см. B/Puštu 153, 154, 156–162, 185, 186, 366, 368, 369, 375, 379, 381

Вавилон(ия) (Кардуниаш) 38, 40, 41, 80, 83, 85, 86, 89, 94, 102–105, 110, 120, 123, 170, 202, 214, 346, 404
Южная 255
Ван (Море Заходящего Солнца), оз. 30, 107, 146, 147, 214, 215, 217, 309, 337, 339, 352, 428
Венгрия 47
Волга, р. 16, 19, 25, 48, 66, 411, 412

Гадир, р. 153
Газни, р. 187, 188
Галикарнас 348
Га/и(н)гухту, см.Ganguḫtu 219
Ганьсу, провинция 191
Гармабак 52, 419
Гедрозия Западная 194
Германия (в т.ч. Северная, Средняя) 16, 19
Гей-тепе 417
Гизильбу(н)да, см. KURGizilbunda 119, 122, 125, 132, 133, 157, 162, 163, 214, 216–218, 220, 221, 231, 286, 430
Гильзан/Килзану, см. KURGil/Kil/Kir/Ḫab-za-nu 146–148, 156, 209, 282
Гилян 51, 148
Гиндукуш 188
Гиркания 418
Гисар 43, 47, 48, 53–55, 416, 420
Гиян 43, 44, 53, 55, 417, 418
Государственного глашатая провинция 146
Греко-Бактрия, Греко-Бактрийское царство 188, 191
Греция 348, 395, 400, 401, 415
Гульпаеган 123

Дагара 135, 137, 141
Дагестан 49, 424
Данану, см. KURDa-na-nu 366, 381
Дахистан 422
Двуречье (Месопотамия) 201, 208, 275, 276, 328, 385, 386
Дейлем 265
Демавенд, гора = Бикни 3, 38, 120, 419
Дер (совр. Бадра) 214, 251, 252
Дерьячейе-Немек, оз. 125
Джангар 58, 59
Джегету, р. 118, 136, 161, 219
Диала, р. 116, 120, 121, 124, 126–128, 135, 153, 158, 159, 257
Диклат (Тигр), р. 208
Днепр, р. 20, 398, 411
Дон, р. 410
Древний Восток 6, 66, 169
Древняя Русь 328
Дунай, в т.ч. Средний, Нижний, р. 5, 16, 19, 20
Дурдукка = Зирдиакка, крепость, см. Durdukka 315
Дур-Шаррукин (совр. Хорсабад) 112, 122, 123, 164, 209, 210, 276, 280, 281

Европа 16, 25, 27, 28, 178, 328, 392, 401, 404, 405, 407, 409–411
Восточная 25, 26, 58, 63, 188
Северная 19
Центральная 47, 63, 398
Юго-Восточная 18, 22, 27, 36, 50, 59, 71, 184, 244, 392, 393, 398, 403–405, 407, 408, 410–412, 425, 426
Евфрат, р., см. Purattu(m) 150, 208, 384
Египет, см. Mu/išri 208, 294, 336
Еленендорф 49, 425
Енисей, р. 413
Верхний (в пределах Тувы) 25
Ереван 334

Забулистан 330
Загр, см. Загрос 28, 34–36, 39, 65, 66, 193, 279, 371, 385–387, 404
Загрос 4, 81; см. Загр
Закавказье 5, 7, 41, 43, 48–50, 54, 64, 65, 75, 386, 389, 423, 424, 432
Восточное 33, 39, 49, 423–426
Закрути, см. ^{URU}Zak/g-ru-te 257, 360, 371
Замуа 119, 121, 134–137, 141, 142, 146, 149, 155, 156, 158–161, 185, 200, 215, 254, 277, 284, 312, 367, 384, 385, 391
Внутренняя 136, 137, 155, 161, 214–216
Зеравшан, р. 423
Заранда, обл., см. Zaranda 315, 316, 320, 333
Зауралье 410, 412
Зенджан 116
Зерибор, оз. 136, 214, 216
Зивийе/а, Зибиа 40, 118, 415
Зик/гирту, Зикирту-Сагартия = Сагартия, см. Zik/girtu/Sagartu 32, 66, 100, 109, 264, 286, 308–315, 319, 339, 389–391
Зирд(и)акка = Дурдукка, крепость, см. Zird(i)akka/u 160, 308, 309
Зохаб 158
Зоххак 332

Иберия 289
Ида/у = Хасанлу 136, 215, 216
Идиде (совр. (Аб-е) Диз), р., см. Idide 208
Изирту 118
Имам, местечко 45
Имгур-Энлиль 124, 135
Инд, р. 187, 188, 190, 393
Индия 6, 14, 18, 20, 24–26, 28, 35, 43, 47, 48, 54, 57–63, 187, 189, 225, 282, 317, 323, 325, 326, 332, 392, 393, 397, 400, 401, 405, 409, 433
Северная 22, 27
Ирак 5, 136, 383
Иран 3, 7, 10–12, 15, 18, 20, 22, 27, 28, 30–32, 34, 36, 38–41, 43–45, 47, 48, 51, 52, 54–59, 61–65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 86, 105, 117, 120, 161, 174, 177, 179, 182–185, 192, 193, 200, 215, 216, 245, 251, 260, 277, 279, 305, 311, 313, 322–324, 328, 330, 342, 359, 384, 386–388, 391, 393, 397, 400, 401, 405, 414–417, 420, 422–424, 427, 429, 432
Восточный 15, 20, 35, 63, 182, 242
Западный 5–8, 10–12, 14, 15, 22, 29, 31, 33, 35, 36, 38, 43–45, 48, 50, 52, 56, 57, 64, 71–73, 76–78, 87, 112, 115, 116, 141, 148, 167, 176, 177, 182, 189, 190, 194, 200, 206, 213, 223, 227, 232, 259, 264, 268, 269, 274, 284, 287–291, 295, 298, 305, 318, 319, 325, 333, 342, 345, 346, 348, 349, 358, 361, 371, 383, 387, 391, 413, 418–425, 429, 434
Северный 43, 47, 51, 52, 62
Северо-Восточный 38, 43, 53, 54, 62, 386, 387, 422
Северо-Западный 32, 36, 39, 48, 65, 67, 70–72, 74, 193, 200, 235, 264, 312, 313, 326, 331, 383, 390
Центральный 43, 59
Юго-Восточный 194, 322
Юго-Западный 7, 32, 51, 151, 176, 178, 184, 193, 431
Южный 194, 391
Иранское плато (нагорье) 4, 24, 30, 35, 42
Ирниса, см. Arnasia 306
Иртиа/Эритиа (совр. Курдистанский хребет или его часть) 333

Исфаган 31, 32, 123, 166, 387

Йаутийе 321

Кабул, р. 187, 188, 409
Кавказ 3, 8, 15, 18–20, 22, 25–28, 30, 31, 35, 39, 43, 44, 46–51, 54, 64, 71, 72, 117, 184, 386, 388, 390, 392, 403, 405, 411, 424–427
  Северный 43, 49, 64, 411, 424
  Северо-Восточный 49
Кавказские ворота 29
Кадукани(уни) 186
Казахстан 26, 57, 58, 412, 421, 433
  Северный 18
Казвин 67, 116, 129, 132, 324
Кайатани 375
Каккам {=Ушкаккан} 354, 367
Калардашт 52, 53, 419, 423
Калху (совр. Нимруд) 122, 123, 134, 143, 144, 163, 164, 214, 256, 280–282, 350, 353, 369, 374, 425
Камбадена, см. Καμβαδηνή 120, 121
Камбоджа, обл. у западных границ Индии 225
Кандагар 62, 225
Канзабакани/у, см. Kanzabakanu/i 361, 375
Каппадокия 40, 347, 377
Кар-Адад, см. Бит-Адад 348, 358
Карадж 52
Карадж-Казвин, дорога 45
Кара-кая, гора 313
Каралла 219
Карзибра (Кар-зибра), см. Kar-zibra 275, 380
Карзину (Кар-зину), см. Karzinū 361, 379–380
Карзитали (Кар-зитали) 273, 380
Кар-Иштар, см. Бит-Багайа 348
Кар-Кашши/Касси, {=Бит-Дайукки}, см. Kār-kaš-ši-i 129, 285, 380
Кар-Набу 348
Кар-Син 348
Каркемиш 150
Кармания, см. Karm□na 194, 234, 321, 342
Кармир-блур 415
Карсибута/у, см. Karsibutu 220
Каспийские ворота 32, 279
Каспийское море (Каспий) 14, 18, 20, 25–28, 35, 47, 48, 60, 66, 75, 76, 152, 192, 193, 214, 279, 389, 392, 393, 405, 413, 427
Каспк 193
Кашан 42
Кветта 62
Келяшин 340
Кенгавер 120
Ке/ирман 193, 321, 322, 381
Керманшах 32, 120, 121, 123, 153, 158, 163, 164, 387
Керха, р. 251, 253
Киламбате 207
Киликия 294
Кинаки, см. Ki-na-ki 220
Кингараку 290
Кипр 345
Кирена 293, 294
Киркук 120
Киррури 219
Китай 5, 24, 317
Китпат((и)а), см. Kitpata 157, 220, 231, 258
Кишес(с)у 119, 122, 132, 133, 163, 207, 266, 355–357, 360, 366
Кишлак, р. 159
Кокча, могильник 58
Коммагена, см. Куммух 347
Копет-даг 411
Котур, арм. Котороц-берд, город, см. Хундур(у) 324, 332, 333, 339
Котур, Котур-чай, арм. Котороц-гет, р. 218–219, 324
Куллар, гора (совр. Коллара-даг) 125, 126, 137, 215, 216, 218, 220
Куммух (Коммагена) 13, 150, 151, 384
Кундур, поселения 324
Кундуру, город, см. Хундур(у), см. Ḫundur(u) 37, 205, 305, 316, 322, 324, 327
Кунта/урруш, см. Кундуру, см. Kunta/urruš 324
Курдистан 67, 76, 390, 426–428
  Западный 76, 427
  Мукринский 338
  Центральный 426, 427
Кызыл-узен 132

Лаллу, р. 135
Лар 322
Ларуэте 146
Лахиру 133
Лулуме-Замуа, провинция 141
Луристан 39–42, 44–46, 135, 349, 415, 417, 418, 434
  Северный 39

Мада, Мадай (союз, объединение), см. Амадай, см. Māda 30, 32, 34–36, 44, 71, 134, 205, 206, 333
Мадакту 253, 255
Мазандеран 3, 51, 52
Маку 318, 416
Малая Азия 32, 39, 40, 44, 47, 48, 54, 73, 75, 289, 347, 403–405
Малый (Нижний) Заб, р. 125, 135, 137, 142, 153, 161, 209, 210, 216, 366, 367, 385
Мана, Манейское царство (г-во) 6, 55, 56, 66, 100, 107, 118, 119, 122, 123, 132, 136, 137, 144, 146, 148, 155, 156, 159–162, 164, 200, 209, 211, 213, 215–219, 249, 263, 278, 282–286, 308–310, 312–315, 349, 353, 355, 356, 359, 360, 368, 384, 390, 418, 430
Марлик, Марлик-тепе 45, 434
Марубишту 128
Масджеде-Сулейман 44, 46
Меишта, {Ми(с)си}, см. Meišta 118, 161, 162
Мелид 150
Мераге 313
Месопотамия (Двуречье) 44, 48, 170, 263, 275, 276, 404
  Северная 19–20, 36, 403
  Северо-Западная 48, 403
Миандуаб 118, 160, 161, 284, 417
Мидия, Мидийская держава, империя, Мидийское государство (ц-во), см. Madāi 5, 7, 8, 11, 13, 36, 37, 51, 65–73, 75, 86, 100, 107, 116–119, 122–129, 131–134, 144, 152, 154, 155, 160, 162, 163, 165–170, 174–179, 193, 204, 206, 213, 216–218, 232, 234, 240, 242, 257–260, 263, 267, 269, 271, 274, 277–279, 285–287, 291, 295, 296, 304, 306, 310, 317, 322, 324, 327, 341, 342, 345, 349, 355, 356, 360, 361, 366–371, 373, 378–381, 383, 384, 386–388, 390, 391, 418, 429, 431, 432
  Восточная 67, 68, 72, 387
  Западная 131, 322, 324, 367, 431
  Северная 27, 68, 86, 129
  Северо-Западная 68
  Центральная 68
  Юго-Восточная 68
Ми(с)си /Ме(с)су, см. ^{KUR}Mesaj 118, 122, 125, 126, 154, 160, 163, 204, 206, 216, 217, 286, 287, 297, 307–310, 314, 315, 319
{Мисиандиа}, см. Ми(с)си, Андия/а, см. {^{KUR}Mi-si-an-di-a-a} 286
Митанни, царство Митанни 28, 30, 35, 43, 66, 73, 323, 403
«Море Внутренней Замуа»=Урмия, {=Зерибор} 136, 214
Муг, гора 259
Мукан 240, 273
Мургаб 60
Мусасир (урартск. Ардини) 66, 123, 209, 309, 310, 339–346, 349–352, 430

Наири, см. ^{KUR}Na'iri 27, 35, 65, 125, 130, 147, 215–218, 385
Намазга 60, 63, 420–422
Намар, Намри/у, см. ^{KUR}Na[mar] 121, 123, 124, 130, 131, 133, 144–146, 153–156, 158, 159, 202, 204, 209, 213, 260, 263, 360, 364, 385
Намрит, р.159
Нарбада, р. 204
Нижний Заб, см. Малый (Нижний) Заб
Ни(к)ку 121, 124, 130, 257
Никур 155, 157, 219, 258
Никсамма, округ 219
Нимруд 49; см. Калху
Нимруд-даг, гора 347
Ниневия 252, 253, 280, 282
Нирутакта, см. Nirutakta 258, 272
Ниса 198, 227, 239, 241, 283, 294, 303, 359
Нихавенд 124
Нишапур 324

Ниш(ш)а(й), см. ^{URU}Ni-ša-aj 275
Нововавилонское царство 170
Нузи 243

Оаракта, о-в 294
Область Речки (ša Nārti), {=Бит-Дайукки} 125, 131, 207, 285–287, 358, 360–362, 368, 381
Верхней = Аранзиаш 125, 126, 134, 357, 358, 367
Нижней = Аразиаш 125, 126, 134, 356, 358, 367
Окс, р. 24, 26
Ольвия 196, 198, 229
Отен 327

Паддира, см. Бур/Шур/Шукдира
Паддира/Паттира (анналов 842 г. до н.э.), см. Шурдира
Пайтакаран 193
Палестина 48, 403
Памир16, 29, 188, 409
Панзиш, крепость 160
Пантикапей 228
Парахше, обл., см. Paraḫše/i 164
Паретакена, см. также Партакана, Парта/укка 419
Пар(и)такка, см. также Паретакена, см. Paritaka 271
П/Барнаку, см. Сильхази, см. также (Бит)-Бу(р)наку 128, 129, 368
Паропамисады187, 192
Парс = Фарс 32, 34, 36, 39, 44, 182, 321, 359
Парса, см. Pārsa- 165, 168, 321
Парсава, асс. Парсуа, урартск. Паршуа, см. *Parsava- 168, 254, 312, 314, 315, 391
Парсамаш = Парсумаш = Парсуаш (надписи Синаххериба), см. Parsamaš 166, 167, 181, 202, 214, 230, 251–254
Парсану, см. Parsanu/i 142
Парсиа, г-д, см. Παρσία 192
Парсиана, г-д в Паропамисадах, см. Παρσιάνα 192
Парсинду, см. Parsindu 142
{Парсуа, город} 153, 154
Парсуа(ш) = Паршуа Аргишти I = Parsumaš (фрагмента текста Саргона II из Калху), см. Парсава, см. Parsua, Parsuaš 30–32, 34, 36, 44, 56, 70, 74, 107, 115, 119, 123, 132, 134, 137, 141, 142, 144–146, 148, 151–168, 176, 181, 184–186, 200, 202, 204, 209, 212, 213, 216–220, 230, 250, 251, 258–260, 263, 269, 312–315, 317, 340, 355, 359, 360, 366, 368, 385, 390, 430
Парсуаш (надписи Синаххериба), см. Парсамаш, см. Parsuaš 167, 230, 254
Парсумаш, см. Парсамаш, см. Parsumaš 36, 70, 200, 252, 253
Партакана, см. также Паретакена, Партакка/у/Партукка, см. Partakanu 419
Партакка/у/Партукка, см. также Паретакена, Партакана, см. Parta/ukka 306, 418, 419
Партукка {=часть Парфии} 419
Паршуа анн. Аргишти I = Парсуа, см. Paršua 130, 153, 162, 167, 200
Паршуа надписи Ишпуини и Менуа, см. Paršua, 161, 162, 166, 167, 200, 209, 312, 314, 340, 418
Парфия, см. Partū 165, 187, 190, 193, 418, 419
Пасаргады, см. Πασαργάδαι 33, 44, 251, 359
Паттира (в призме из Ашшура) 209, 276; см. Алабрия
Патушарра = Патишхвар/Падашвар, см. Patuš'arra 3, 373–375, 419, 429
Передняя Азия 3, 5–10, 15, 19, 20, 25–28, 34, 35, 39, 41, 49, 50, 62, 63, 66, 72, 74–76, 78, 86, 115, 116, 149–151, 179, 180, 211, 235, 317–318, 325, 337, 386, 391, 401, 403–405, 411, 416, 421, 424–427, 429–434
Персеполь, см. *Pārsa 33, 44, 56, 92, 171, 178, 192, 224, 251, 255, 268–269, 276, 282, 288, 324
Персида 30, 92, 167, 171, 185, 251, 253, 254, 391
Персида–Парсу/амаш–Парс по И.М. Дьяконову 70, 165, 166, 251, 253
Персидский залив 253, 294
Персия 44, 322, 371
Пир(р)иа, см. Pi(r)ria 212, 213

Питану, город, иногда страна, см. Сильхази, см. также [...]итану, см. Pi-ta-a-nu 128, 129, 368, 375
Поволжье 58, 409–412, 423
Среднее 410
Поднепровье 410–411
Верхнее 24, 408
Понт 327
Приаралье 20, 23, 48, 413, 423
Северное 410
Южное 423
Прикарпатье 192
Прикаспий 23, 27, 51, 52, 73, 86, 311, 415, 427–429
Западный 424
Юго-Западный 51, 68, 69, 311, 415–417, 429
Южный 68, 69, 429
Приуралье 409, 412
Приурмийский район (бассейн), обл. 66, 74, 107, 209, 213, 217, 219, 249, 254, 337, 339, 340, 383, 384, 386, 387, 389, 417, 418, 426

Раги 31
Раздан, р., см. Razdan, Frazdān(u) 333
Ран 273
Раши 123
Ревандуз 219, 340
Рейн, р. 20, 25
Ризайе 417
Рим 34
Рудбар 45

Сав 417
Савалан-даг 264
Савелан, вершина хребта 333
Сагартия 193, 311, 313; см. Зик/гирту, см. Zik/girtu/Sagartu
Сагбиту 129, 132
Саинкале 152
Саккыз 118, 152
Сангибути, Бит-Сангибути, см. Sangibuti/u 261–265
Северная (область к северу от Урмии и область к востоку от Урмии, включавшая Сангибути-Бару) 218, 261, 263–265, 316, 320, 324, 333, 338, 339
Южная (возм. ša Šangipari), {=Бит-Санги} 257, 260, 261, 263, 265, 267, 356, 357, 360, 361
Санендедж 153, 158
Сапарда, см. Saparda 134, 267, 360, 361, 367, 371–372
Сас(с)иашу, см. Sa-si-a-šá-a-a 157, 220, 221
Сауджбулак 152
Саханд (арм. Сохунд), плато, см. Sahand 261, 264, 265, 284, 309, 313, 315, 318, 320, 333, 338
Севан, оз. 49, 334, 425
Северное Причерноморье 16, 19, 22, 24, 27, 63, 78, 140, 184, 211, 222, 227, 230, 245, 303, 334, 393–395, 407–409
Сеистан 193, 334
Сефидруд, р 45, 314
Сиалк, Сиалк-тепе 26, 40, 42, 43, 45–49, 51–56, 59–61, 72, 206, 318, 414–418, 422, 423, 434
Сивайль, р. 216
Сигриана, см. Σιγριανή 279
Сигрина, {=[Сигри]су} см. также Сигрис текстов 713 г. до н.э. (Si-ik-ri-is-a-a), см. Sigrina 220, 278, 366, 372–375, 379
Сигрис, см. Sigris 215, 220
Сигрис анналов 716–715 гг. до н.э. (^{URU}Si-ig/k-ri-is, Sikriš) = Т/Шиграк(к)и, см. также Сигрис при Асархаддоне 277, 356, 361
Сигрис, [Сигри]су (Sikriš, Sig/k(??)-ri-is, [Sikri]su) текстов 713 г. до н.э., см. также Сигрина 277, 278, 366, 372, 380
Сигрис при Шамши-Ададе V ([Si-ig]-ri-is), см. также Тигриш 215, 216, 220, 277
Сигрис при Асархаддоне (^{URU}Sig/k-ri-si) 277
Сикех 334
Сильхази, Тилашури = Питану= П/Барнаку = «страна (города) Бабилу» 128–131, 368
Синд 58
Сиппар 94
Сирван, р. 135, 159

Сиристан, см. Sīristān 216
Сирия 5, 48, 261, 286, 287, 294, 347, 348, 403
Скифия (европейская) 36, 102, 198, 359
Скифская Евразия (Евразия скифская) 348
Скифское царство (по И.М. Дьяконову) 70
Согд, см. Sugdu/a 182
Средиземноморье 415
  Восточное 39
Средняя Азия 5, 14–16, 18–20, 22–28, 32, 38, 43, 47, 48, 51, 54–64, 67, 70, 71, 76, 77, 182, 189, 191, 328, 359, 386–388, 391–394, 403, 405, 409, 413, 414, 420–423
СССР 5
Суби, обл., см. ^{KUR}Su-u-bi 315, 316
Сузиана 208
Сузы 40, 42, 44, 180, 253, 294, 318, 414, 416
Суллуз 45, 56, 153
Сулеймание 119, 135, 136, 142, 153, 158, 162, 384, 390, 426
Сулеймановы горы 409
Сумурзу 124, 126, 257, 269
Сунби/Сумби 215–219

Табал, см. ⌜Tabal⌝ 148
Тавриз (Табриз), Тавреж,см. Tavrīz 32, 263, 320–323, 333, 417
Тадиррутта, см.$^{(URU)}$Ta-dir-ru-ta 258, 270
Талыш 39, 423, 424, 429
Танаис 205, 282, 298, 302, 303, 306, 374
Танджероруд, р. 135, 137, 159
(Таруи-)Тармакиса/Тарви-Тарвакиса, см. Tarui/Tarmakisa 263, 310, 316, 319–323, 333
Таурла/у 216, 218, 219
Таш-тепе (Таштепе) 118, 161, 162, 417, 418
Тегеран 45, 166, 373, 419
Тигр (Диклат), р. см. (i)diglat 123, 133, 208
Т/Шиграк(к)и = Сигрис анн. 716–715 гг. до н.э. (^{URU}Si-ig/k-ri-is, Sikriš), см. T/Šigrakki 220, 276–279, 312
Тигриш, см. также Сигрис при Шамши-Ададе V ([Si-ig]-ri-is), см. Tigriš 278, 312, 315
Тилашури, см. Сильхази
Топузава 340
Трансоксания 47
Туклиаш/Туплиаш 121, 124, 130, 153, 156, 158, 257
Тумаджан, местечко 45
Туран 20
Туренг-тепе 43, 55
Туркестан 28, 35, 36
Восточный 188, 191, 244
Туркмения 58, 60–62, 422, 423
  Южная 57, 62, 63, 421
Турушпа (урартск. Тушпа), см. Turušpa 350
Турция 5, 426
Тус 324
Тушхан 30, 143

Уауш, гора, см. Uauš 309, 313, 314
Увадайчая 276
Уихика 186
Уишда/Уишдиш, см. Uišda/Uišdiš 276, 286, 309, 313, 314, 339
Укути, см. Uqutti 379
Улху-Сардурихурда, г-д и крепость 316, 320, 333, 339
Уппариа/Уп(п)уриа, см. Uparia 366, 367, 370, 375, 379, 380
Ураказаба(р)на, см. Urakazaba(r)na 267, 418
Урал 16, 25, 56, 413
Урарту, Урартская держава (царство, государство), Урартская (Халдская) империя 6, 12, 35, 44, 50, 51, 65, 116, 123, 146, 161, 209, 215, 217, 218, 220, 263, 286, 309, 310, 313, 315, 317–319, 337, 339, 340, 344, 349–353, 384, 387, 390, 415, 427, 428, 430
Ураш, крепость, см. Uraš 221
Уренна = Уримзан, см. Ú-re-en-[za-an], ^{URU}U-re-en-na 275
Уриа(к)ку/а/Урьяка/у/Урика, см. Urjaku 267, 271, 304, 306, 356, 360, 361, 366, 367, 371, 380, 382

Урианга, {= Уриак(к)а}, см. ^{URU}Ú-ri-an-gi 360
Уримзан = Уренна, см. ^{URU}U-ri-im-za-an 275
Урмия, оз., («Море Внутренней Замуа»), см. Καπαῦτα 26, 30, 33, 45, 69, 70, 74, 90, 116, 136, 137, 147, 148, 152, 153, 157, 160–162, 200, 209, 214, 216, 218, 263, 309, 310, 316, 318, 333, 337–340, 352, 384, 387, 389, 391, 417, 418, 427, 428
Уси... 361
Утирна, см. Utirna 380
Ушкайя, см. Uškaia 263, 315, 316, 319, 320
Ушкаккан 367
Ушну 340

Фарс = Парс 51, 70, 94, 95, 171, 178, 181, 193, 224, 225, 237, 239, 242, 251, 276, 293, 301, 322, 324, 391, 432
Восточный 293
Фергана 322
Финикия 403

Хальпи 269
Хамадан 31, 67, 70, 116, 119, 122, 123, 125, 129, 133, 285
Ханекин 120, 121
Харагонис 161, 162
Хараппа 58, 59
Харзиану, см. Ḫarzianu 289, 361, 370, 375
Хармешанда, см. Ḫarmas(u) 219
Харруна 213
Хархар, см. ^{KUR}Ḫarḫar 119, 122, 124–126, 132–134, 163, 204, 207, 217, 218, 267, 277, 278, 355–357, 361
Хархубар(р)а/Хальхубар(р)а, см. Ḫa-ar-ḫu-bar-ra/Ḫal-ḫu-bar-ra 207, 276, 356, 357
Хасанлу = Ида/у 45, 49, 52, 53, 55, 56, 136, 318, 415–418, 425
Хидалу 253
Хой 333
Хорасан 36, 61, 62, 324, 388, 421
Хорезм, см. Hu-vara-zam- 23, 24, 48, 58, 189, 190, 230
Хорсабад 112; см. Дур-Шаррукин
Хубахна, см. Ḫu-ba-aḫ-na 353
Хубушкия, см. Ḫubuški(a) 141, 147–150, 161, 209, 213, 217–220, 309, 310, 339, 340, 430
Худимири, обл. 253
Хульван 121
Хундур(у) (совр. Котур), см. Кундур(у), см. Ḫundur(u) 218, 219, 250, 263, 324, 327, 332, 389
Хундурны (Верхняя, Нижняя), поселения, см. Ḫundurna 218
Хурвин 45, 46, 53, 55, 206, 318, 415, 417, 419, 423

Циба/ур, см.Ṣi-ba/ur 122, 125, 132, 133, 216, 218, 230–232, 258, 270–272, 361, 366, 369

Чалусу 52
Черное море 18, 25, 26, 48, 410
Чехия 192
Чинвант, мифологич. мост 370
Читрал 335
Чуст 59

Шатирарага(ни), обл. 186
Шах-тепе 43, 55
Шиггракки/а, см. Т/Шиграк(к)и
Шитиуариа, см. Šitiuarja 212, 213
Шуприя 349
Шургадия(а), см. Šurgadia 219, 359
Шурда, см. также Бур/Шур/Шук/Падда
Шурдира, см. Šur?-da 209, 210
Шурдира (828 г. до н.э.), {=Алабрия}, см. также Бурдир, Шурда 209
Шурдира, Падда/Паттира (842 г. до н.э.), крепость в Алабрии 209

Эгейский мир 40, 50, 415
Эдир, р. 135
Экбатаны, {=Бит-Дайукки}, см. Agam(a)tanu 33, 85, 120, 122, 128, 129, 131, 285, 324
Элам 6, 30, 32, 40, 41, 44, 51, 70, 118, 123, 127–129, 163, 164, 166, 167, 170, 171, 180, 181, 200, 204, 208, 209, 214, 251–255, 353, 384, 387, 391, 430–432
Северный 276

Эле/инзаш (Алинза), см. Аранзиаш 127, 131, 207, 208
Элефантина 210
Эл(л)ипи (Бит-Дальта) 13, 105, 119, 120, 123–125, 127, 128, 130, 131, 133–135, 201, 202, 204, 207, 218, 249, 259, 278, 296, 318, 353, 355, 356, 360, 366, 368, 380, 381, 384, 418
Эльбрус 45
Эрбил 219
Эрензиаш, {=Аразиаш}, см. Аранзиаш 126, 127, 131–133, 207, 208, 257, 276, 357

Югославия 192
Южная Россия 19, 22, 24–26, 28, 43, 47, 49, 54, 231, 433

Яксарт 26
Яник-тепе 417
Ястребиная, см. Кар-Кашши/-Касси 379

[...]итану, страна из списка 713 г. до н.э., см. также Ба'итан, Питану, см. ^{KUR}?-i-ta-nu 367, 368, 375

Abdadāni/u, Abda-dānu, Abda(da)na, Ab-da-da-(a)-ni/a, Bīt-Ab-da-da-ni, {$^{\lceil}$Sabiddani^{1}}, ср. Abuttānu, см. Абдадана 200, 201, 250
Agam(a)tanu, Agmadana, Hangmatana, Ha$^{(n)}$gmatāna-, см. Экбатаны 85, 86, 100, 129
^{KUR}A-ga-zi, см. Агази 366
Ἀλίνζα, см. Алинза 131
$^{(KUR)}$Amadāi, A-ma-da-ai, см. Māda, см. Амадай
Ama/u(k)ka/u, ^{URU}Amakki, A-mu-uk-ka, ša ^{URU}A-ma-ak-ki 307, 367, 375
Amati, A-ma-ti 275
^{KUR}Am-ba-an-da 366
{A-me-is-ta}, см. A-rat-is-ti, см. Амеиста 376
^{KUR}Andiai, ^{KUR}An-di-a, см. Андия/а 284, 286
Andirpa(t)tianu, $^{URU\ /KUR}$An-dir/ṭir-pa(t)-ti-a-nu, см. Анд/тарпати 372
Aniaštania, ^{URU}A-ni-aš-ta-ni-a, *Anyastāni/ya, см. Аниаштания 319
(An)zaria, (An-)za-ri-a, ср. эл. ^{aš}An-za-ir/ri, см. Анзариа 358
^{URU}Ap-pa-tar, см. Аппатар 220
Apsaḫutti, ^{KUR}Ap/b-sa-ḫu-ut-ti 380
Araquttu, ^{KUR}A-ra-qu-ut-tu, см. Aruḫatti, см. Аракутту 111, 275
A-rat-is-ti, см. Аратисти/а 289
Aratpati/a, $^{URU/KUR}$A-rat/d-pa-ti/a, {A-me-is-ta}, см. A-rat-is-ti, см. Аратпати/а 370, 376
^{KUR}Araziaš, ^{KUR}A-ra-zi-aš(-aj), ^{KUR}A-ra-zi-(x), {= Ərəziša}, см. Аразиаш 125, 127, 206
Arbairā-, см. Арбела 208
^{KUR}A-ri-ar-ma/mi/mu, см. Ариарма 275
A-ri-e-mu, Arumu, Harija, Haraiva, ср. Ar-ta-ri-e-mu < *Artaraiva, см. Арейа 89, 104, 381
Argakān 359
Ἄργωδα 359
Arnasia, ^{KUR}(?)ar-na-si-a, см. Ирниса 305
Artavet, см. Ардабиль 338
Aruḫatti, A-ru-ḫa-at-ti, Arraḫut, Ḫarkutiš, har-ku-ti-iš, [har-ku]-ut-ti-iš, Ḫar-r(a-)u-ma-ti-iš, Harahvati/ī, Hara^{h}uvati/ī, Harax^{v}aitī, Sarasvatī, *Harahvati-, см. Araquttu, см. Арахоз/сия 110, 111, 275
Arz/ṣabi(j)a, Ar-z/ṣa-bi-(ja)-a, *Arzif(i)ya-, Ərəzifya-, см. Арзабия 333, 334, 338
(A)sagart(iy)a-, см. Zik/girtu/Sagartu, см. Асагарта 86, 87, 100, 109, 112, 264, 311
*(A)sangvati-, см. Sangibuti/u, см. Сангибути 265
As(a)nvand, см. также Asnvant, Sahand, см. Аснванд 264
Asnvant, *Asan(g)vant-, *(A)saŋhvant, см. также Sahand, As(a)nvand, см. Аснвант 261, 264, 265
A-ú-ka-ni/é-e, *Avakani(ya)-, *Vahukāna-, ср. Vah(a)uka-, см. Аукане 312

^{URU}ba-bi-lu-i-ni-e, см. Бабилу 130
Bābiru, см. Бабилу-Вавилон 208
*Bagaya-, Βάγεια, Βάγαι, ср. Bīt-Bagaja 358, 359

Bāḫ(a)tar, Ba-aḫ-tar, Bāxtri, см. Бактрия 85, 87
{Ba'it-ili}, см. KURBa-'i-ta-an 366
KURBa-'i-ta-an, KURBa-'it-AN, KUR[Ba'-i-ta-nu, см. Ба'итан 366, 368
Bāra, URUBaraį, Ba-a-ra, Ba-ra-a-a, Ba-ra-aį, см. также Bīt-Bāri, см. Бара 142
Barikānu, URU/KURBa-ri-ka-(a-)nu, см. Бариканy 370
Baru/i, KURBa-ri, *Bărv-/a-, см. также Sangibuti/u, см. Бару 320
Βαρύγαζα, город и залив 203, 204
Ba-ru-na-ak-ka 312
Bazquš, * Ṛzifya, см. Бозгуш 337, 338
(Bīt-)Bagadati, см. Бит-Багадати 201
Bīt-Bagaja, URUBīt-Ba-ga-ja, ср. *Bagaya-, Βαγαῖος, см. Бит-Багайа 112, 358
Bīt-Barbari, KURBīt-Bar-ba-ri, ba-ar-ba-ri, см. Бит-Барбари 367
Bīt-Bāri, KURBīt-Ba-a-ri, см. также Bāra, см. Бит-Бари 142, 367
Bīt-Barrū, (Bīt-)Barrua, Bīt-Bar-ru-a, (KUR)Barua-ta, ba-ru-a-ta, *Bar(a)va, *Baruva, см. Бит Бару(а) 130, 202
{KURBīt-Da…, mātBīt-Da[a-a-uk-ki], [mātBīt]-da-a-a}, см.Māda ([K]URMa-da-[a-a], [KUR]Ma-da-a-a), см. {Бит-Дайукки} 285
Bīt-Gabaja (ga-ba-ja), см. Bīt-Bagaja 112
Bīt-Kap/b-si, ср. Kāpiša(-kāni), Κάπισα, Kapiça/i, см. Бит-Капси 266
Bīt-Mašbari, см. Bīt-Barbari 367
Bīt-Nagāri 201
Bīt-Nappahe 201
(Bīt)-Ramatua, Bīt-Ra-ma-tu-a, *Ramat.va, Ramatava(h), Rāmatav(ī)yah-, *Rāmatav(iy)ah, см. Бит-Раматуа 267, 268, 358
Bīt-Sa-ag-ba-at = Bīt-Sa-ga-bi, см. (Бит-) Сагбат 128
Bīt-Sa-ga-bi, см. Бит-Са… (анналов 737 г. до н.э.) 128
(Bīt-)Sangi/u, Bīt-Sa-an-gi, см. Бит-Санги 261
Bīt-Umargi, Umargu/a, KURBīt-Ú-mar-gi, *(H)umarga-, ср. Ἀμάργης, Ὀμάργης, см. Ú-ar-gi см. Бит-Умарги 357
Bīt-Zatti, Bīt-Za-a-ti, см. Бит-Зати 260
Bharukaccha, ср. Βαρύγαζα 203
B/Puštu, Bustu/is, B/Pusutu, Pustus, KURBu-uš-tu, bu/pu-uš-tu, KURBu/Pu-us-ti-is, Bu/pu-su-tu, см. Б/Пушту 107, 108, 156, 159, 186, 366, 367, 380

KURDa-na-nu, см. Данану 366
(KUR)Diristānu, KURDi-ri-is-ta-a-nu 380
Durdukka, URUDu-ur-duk-ka, {Z(u)rd/zuka-}, *Dṛduka- = Zird(i)akka/u, см. также Zurzukka, см. Дурдукка 98, 308, 309, 315

Eриštana 380

Fāriγān, см. Parikā 322

Ganguḫtu, Ga-an-gu-uḫ-tu = Ki(n)guḫtu, Ki(n)-gu-uḫ-tu = Ginḫuḫtu, Gi-in-ḫu-uḫ-ta-a-a, Ga-nu--[…], см. Га/и(н)-гухту 219
KURGil/Kil/Kìr/Ḫab-za-nu, см. Гильзан/Килзану 147
Gingibiraį 237
KURGizilbunda, см. Гизильбунда 217
Gukinnana, Gu-kin-na-na 275

Ḫamban(u), Kampapanda-, Kampanda, {Čāmăbădān}, см. (Бит-)Хам/н/ббан 100, 103, 121, 324
Ḫardania 339
KURḪarḫar, см. Хархар 125
Ḫarmas(u) = Ḫarmes-anda, см. Хармешанда 219
Ḫa-ar-ḫu-bar-ra/Ḫal-ḫu-bar-ra, см. Хархубар(р)а/Хальхубар(р)а 207
Ḫarzianu, Ḫa-ar-zi-a-nu, ?-ar-zi-a-nu, mātḪa(Za?)-ar-zi-a-nu, см. Харзиану 289, 369
Ḫa-?-ta-?-na-a, в настоящее время принято чтение URUḪa-[x]-ta-ka/sar-na 271
Ḫu-ba-aḫ-na, URUḪu-ba-aḫ-na[-a-a], см. Хубахна 353
Ḫubuški(a), Ḫubuski, см. Хубушкия 107
Ḫundur(u), Kundur(u)-, *Kundu/aru, Kunta/urruš, URUḪ/Ku-un-du-ur(-a-a), قوطور, см. Хундуру, Кундуру 218, 219, 250, 324, 325, 332
Ḫundurna, см. Хундурны (Верхняя, Нижняя) 218

Ḫurnuku, *X^{v}arnuka- 339
Hu-vara-zam-, см. Хорезм 230

Idide, см. Идиде 208
(i)diglat, idigna, dīglā, hiddeqel, Tigrā-, ti-ig-ra, см. Тигр 208
Išparda, см. Saparda
Išpišta 235
Iš-ta-ip-pa, *Išta(ya)pā, *Ištipā 312
Ištaraura, ^{ID}Iš-tar-a-ú-ra-a, ср. Haštarūd 312

Καμβαδηνή, Čāmăbădān, {Kampanda}, см. Камбадена 121
Kanzabakanu/i, см. Канзабакани(у) 372
Καραῦτα, см. Урмия 90, 91
Karmāna-, Καρμανία, см. Кармания 99
Kār-kaš-ši-i, Qar/Gar/Kàr-ka-si-a, *Ka(ḥ)rkāsya, см. Кар-Кашши 379
Karsibutu, Kar-si-bu-ta-a-a, *Karsib/putu, см. Карсибуту 105, 221
Kar-zibra, Kar-zi-ib-ra(-aj), см. Карзибра 275
Karzinū, Kar-zi-nu-ú, см. Карзину 372
Kibaruša 250
Ki-na-ki, см. Кинаки 220
Kinaštania 320, 339
Kindutaus 250
Kipabarutaka 250
Kitpata, Kitpati(a), ^{URU}Ki/qi/gi и др. -it-pat-a-a, ^{URU}Ki-it-pa-at-ti-a, см. Китпат((и)а) 220
Kunta/urruš, см. Ḫundur(u) см. Кунта/уррош 324

Lapsitania 320

Māda-, Mat/dāi, Mad/tāj, ^{KUR}Madāi, $^{[K]UR}$Ma- da-[a-a], $^{[KUR]}$Ma-da-a-a, Mada/ta-aj, ср. *Μάδυς, Μαδύης, Μαδοῖς, Μάδακτος, Madhu, Mādhava, *Madak(a),* *Māδa, см. $^{(KUR)}$(A)madāi, см. Мада 86, 87, 100, 101, 104, 125, 205, 285
Maṣirauša 250
Ma-u-iš, см. Uauš
Meišta, см. Меишта 160

^{KUR}Mesaj, ^{KUR}Mi-si, $^{(KUR)}$me-is-si, {te-is-si}, me-su, ^{KUR}me-sa-aj, mi(-is)-si см. *Ми(с)си 206, 286, 319*
{^{KUR}Mi-si-an-di-a-a}, см. ^{KUR}Mesaj, ^{KUR}Andiaj, см. {Мисиандиа} 286
Mi-iš-ba-ši-ia-ti-iš, Vispašiyāti-, *Vispašiyātiš 224
Mu/iṣri, Miṣir(ai), Mi-is-ri, mu- iṣ-ṣa-ri-ia, Mizirre, Mi-zi-ir-ri-e, Mudrāya-, *Muzrāya-, см. Египет 309, 336*

^{KUR}Na[mar], см. Намар 133
Nirutakta, ^{URU}Ni-ru-tak-ta, *Nirvataxta, см. Нирутакта 274
^{URU}Ni-ša-aj, ^{KUR}Ni-iš-ša-a, см. Ниш(ш)а(й) 275

Pa-id-di-iš-ḫu-ri-iš, Pātiš^{ḫ}uvari-, см. Patuš'arra 100, 110
Paraḫše/i, Pārçva, см. Парахше 152, 164
Parda, Pa-ar-da, *Părda- или *Frāda-, *Pārϑa-, *Pārθa-, ср. Ba-ar-ti 311, 312
Parikā, Παρικάνη, *Părikāna, *Pārikāna 322
Paritaka, *Paraitaka-, см. Пар(и)такка 419
Parnuatti, ^{KUR}Pa-ar-nu-at-ti, *Farnahvati-, X^{v}arənahvaiti- 339, 380
Pārsa-, {ср. Pārçva-}, см. Парса 163–165, 167, 168, 185
*Pārsa-, см. Персеполь 192
Parsamaš = *Parsumaš* = *Parsuaš* (надписи Синаххериба), ⌜Par⌝/Par-sa-maš, **Parsava-*, см. Парсамаш 81, 91, 103, 104, 163, 164, 200, 252, 321
Parsanu/i, Pa-ar-sa-ni-a-a, ср. *Pārsa*, *Parša-, Parṣa, см. Парсану 250
*Parsava-, *Parsav, {*Parsō}, см. Парсава 91, 164–168, 181, 184, 196, 199, 200, 247, 321
Παρσία, см. Парсиа 187
Παρσιάνα, *Parsavana, ср. Πάρσιοι, см. Парсиана 187
Παρσίς 194
Παρσικὰ ὄρη 194
Parsindu, Pa-ar-si-in-du/i, Pār-sin-du/i, ср. Paršinta, Παρσώνδες, см. Парсинду 142, 315
Παρσυῆτα ὄρη, ср. Παρσυῆται 187

Parsu, pa-ar-su, см. Pārsa 163
(KUR)Parsua(š), {Parzu(a)} 147, 164; Par/pár-su-a, Par-su-aš, Pa-ar-su-a, *Parsava-, {*Paršva-, *Pāršva-, Pārçva-, Paraḫšeʌ} 164; см. Parsamaš, см. Парсуа 81, 87, 91, 103–107, 147, 151, 152, 154, 156, 162–164, 200, 247, 321
(KUR)Paršua, P/Bar-šu-a, см. Паршуа анн. Аргишти I 107, 130, 151, 154, 200
Parsumaš, Par-su-maš (фрагмента текста Саргона II из Калху) 91, 164
{Parsua, *Paswē/a*, (Qal'a) Paswa(h)}, см. {Парсуа, город} 153
Parsuaš (надписи Синаххериба), Pár-su-aš, *Parsava-, см. Parsamaš, см. Парсуаш 163, 164, 252
(KUR)Parsumaš, Par-su-maš, Par-su-ma-aš, *Parsava-, см. Parsamaš, см. Парсумаш 81, 91, 104, 105, 176, 247, 252
Paršua, *Parsava-, ср. *Paswē/a*, см. Паршуа надписи Ишпуини и Менуа 107, 154, 162, 200
Partakanu, pa-ar-ta-ka-nu, см. также Parta/ukka, см. Партакану 379
Parta/ukka, см. также Partakanu, см. Парта/укка 290, 292, 308
{*Partamaš, *Parϑava, *Partua}, см. Парсамаш 181
Partū, Parϑava-, Partuma(š), pár-tu-ma(š), Πάρθια, Παρθυάνα, Παρθυηνή, Παρθυηνός, *Parϑav, {*Parϑō}, см. Парфия 91, 164, 165, 167, 187
Πασαργάδαι, {Pārsa+garda-}, см. Пасаргады 359
Paswē/a 153, 162
Paṣt, *Parsu 187, 196
Patuš'arra, Pa-tu-uš-ar-ra, Patišhvar(a/i), см. Патушарра 104, 106, 111, 419
Pi(r)ria, pi-URU-ri-a, pi-ir$_4$-ri-a, {[r]Tabal[1]}, *Frīriya, Fr(i)yā-, см. Пир(р)иа 212
Pi-ta-a-nu, KUR Pi-it-ta-nu, см. Питану 368
Purattu(m), Buranun, hUfrātu-, Pərat, Εὐφράτης, Ú-ip-ra-tu-uš, см. Евфрат 208

Ra-ak-si, *Ṛxši- 312
Ra-u-du-ma-ti-iš 95
Razdan, Hrazdan, Frazdān(u), ср., Frāzdanu- 333, 334
Rimanuti, Ri-ma-nu-ti 380
Rūa, Ru-ú-a 275

KURSab-a-a 209
Sagartu, см. Zik/girtu 86, 100, 112, 311
Sahand, *Saŋhvant, *Saxvand?, см. также Asnvant, As(a)nvand, см. Саханд 261, 262
Sak/riš-ta-tu-uš 312
Sangibuti/u, Bīt-Sa-an-gi-bu-ti, KURSa-an-gi-bu-tu/i, *Sangvati-, ša Šangip/bari, см. также Baru/i, см. Сангибути 105, 261–264, 320
Saparda, Išparda, Sparda-, см. Сапарда 85, 97
Sa-si-a-šá-a-a, URUSa-as-si-a-šú, см. Сас(с)иашу 220
Σιγριανή 279
Σιγριανική 278, 279
*Sigri-ana, *Sigryana, ср. *Σιγριανή, Σιγριανική*, см. также Sigrina, см. Сигриана 279, 280
Sigrina, alSikrinai, Sigraina-, {[Sikri]su}, URUSi-ig/k-ri-na-a-a, alSi-ig-ri-na-a-a, alSi-ik-ri-na-ai, *Sigrina, см. также *Sigri-ana, см. Si-ik-ri-is-a-a, см. Сигрина 277–280, 372, 373
Sigris; [Si-ig]-ri-is, см. также Tigriš; URUSi-ig/k-ri-is = Tig/krak(k)i/a, см. также Sig/k-ri-si; Sig/k(??)-ri-is, [Sikri]su, Sikriš; *Sigriš, см. Сигрис 108, 215, 220, 275–278, 280
Si-ik-ri-is-a-a 278
Sikamubati < Sikayahuvati- 105
Sirara, мифологич. топоним 238
Sīristān, см. Сиристан 216, 279
Spest 235
KURSu-ú-bi, см. Суби 315
Sugda > Sugdu, Su-ug-da, см. Согд 87, 100, 101, 105
Sygris, p. 279

Ṣi-ba/ur, Ṣi-ba-ra, Ṣi-bu-ur, ср. Si(b)bar-, см. Циба/ур 230

KURŠá-at-te-ra 238
Šitiuarja, ši-ti-ú-ar-ja, *Šitivaryă-, см. Шитиуариа 212

Šurgadia, ^{KUR}Šu-ur-ga-di-a, см. Шургадия/а 359
Šur?-da, см. Шурда 209

ˈTabalˈ, см. также Pi(r)ria, см. Табал 212
Ta-aš-ta-mi 312
$^{(URU)}$Ta-dir-ru-ta, ...ru-ta, см. Тадирутта 270
Tavrīz, Tavreš/ž, Tarvež, Tˈarveǰ, Tabrīz, *Tarv(a)ič/ža-/i, *Tarvīča-, *Tarvēž, см. Тавриз 321–323
Tarma, [...]ra-u-ma, Tar(a)va-, *Taruva, см. также Taruana 321
Taruana, см. также Tarma 321
Tarui/Tarvi, Tarmakisa, Ta-rú-i, *Tarvak(a), ^{URU}Tar-ma-ki-sa, *Tarvak(a)iča-, см. (Тару/ви)-Тарм/вакиса 320–322, 324
Tarwa-Sah 324
Tikrakkaš, Ti-ik-rák-kaš, см. также Ti-ik-raš, Tuk-ráš 276
Tig/krak(k)i/a, Šig/krak(k)i, ^{KUR}Ti-ig/k-ra-ak-ki, ˈTiˈ-ig/k-rak-ka, [?]-igrakka, ^{URU}[?]-ig/k-rak-ka ^{KUR}Ši-ig/k-ra-ki, *ϑigraka-,*Sigraka =^{URU} Si-ig/k-ri-is, см. Тигракки 275–278, 280
Tigriš, ^{URU}Ti-ig/k-ri-iš, *ϑigriš, см. также [Si-ig]-ri-is, см. Тигриш 278, 280
Ti-ik-raš 276
Tuk-ráš 276
Tukri/aš, ср. Tukriš 276
Turušpa, Tušpa, Tosp, см. Турушпа 107

Uauš, Ú-a-(ú-)uš, Ma-u-iš, Wōs, *Vahuš, см. Ууш 313
Ú-ar-gi, *Hu-arga, см. Bīt-Umargi 357
Ú-aš-di-RIK-ka, *Vāstra-ka- 312
U-ba-ba-ra, *^{h}Uvabara- 312
Uesi, Uiši 107
Uišda/Uišdiš, ^{KUR}Ú-iš-di-iš, ^{KUR}U-iš-di-iš-a-a, ^{KUR}U-iš-da-a-a, см. Уишда/Уишдиш 284
Uiadaue, Ú-ia-da-ú-e 380–381
Uparia, Ú-pa-ri-a, ^{KUR}Ub/p-b/pu-ri-a, см. Уппариа/Уп(п)уриа 275, 366
Uqutti, ^{KUR}U-qu-ut-ti, см. Укути 375
Urakazaba(r)na, U-ra-a-ka-za-bar-na, U-ra-ka-za-ba-nu, *Varakasafarnah-, *Varkazanafarnah, *Vṛka-zbarna, см. Ураказа6а(р)на 103, 104, 109
Uraš, Ú-ra-áš, Vara-,Variš 230
Urašše 230
^{URU}Ú-re-en-na, Ú-re-en-[na], см. Ú-re-en-[za-an], см. Уренна 275
Ú-re-en-[za-an], см. ^{URU}Ú-re-en-na, ^{URU}Ú-ri- im-za-an 275
Urǰaku, ^{KUR}Ú-ri-ak-ku, ^{KUR}Ú-ri-ka-a-a, ^{KUR}Úr-ia-ku, *Varyaka-, см. Уриа(к)ку/Урьяка/у/Урика 213, 304
^{URU}Ú-ri-an-gi 304
^{URU} Ú-ri-im-za-an, см. Уримзан 275
Uršanika, Ur-ša-ni-ka, *V(a)ršanika-, ср. Vṛṣṇika, Vṛṣāṇaka, Varšna- 265
Utirna, ^{KUR}U-tir-na 375
Uškaia, ^{URU}Uš-ka-ǰa, ср. Áš-ka/qa-ia-i, *Huška, см. Ушкайя 315

Yadā, см. Аншан 357

^{URU}Zak/g-ru-te/i, см. Закрути 371
Zaranda, ^{KUR}Za-ra-an-da/[-da], *Zaranda-, ср. *Zάρανδος*, см. Заранда 315, 316, 333
Zaranga, Sirranqa, Δράγγαι, Zranka, Zra^{n}ka-, *Dra^{n}ka- 99, 109, 110, 309
Zarzianu 369
Za-za-ak-nu 379
Zərədaza 307
Zik/girtu/Sagartu, Zikiru, Zikitia, ^{KUR}Zi-k/gir-tu, Σαγαρτία, Σαγάρτιοι, *Sagarta-, см. (A)sagart(iy)a, см. Зик/гирту, Асагарта 86, 100, 109, 112, 310, 311
Zird(i)akka/u = Durdukka, Sirdakka, ^{URU}Zi-ir-di-ak-ka, Si-ir-da-ak-ka, *Zṛd(y)aka-, ср. Hṛdaya-, Hṛdika-, *Zarduka-, ср. *Zerədaza*, см. Зирдиакка 109, 307
Zirma 339
Zurzukka, ^{URU}Zu-ur-zu-uk-ka, *Zṛδuka-, *Δṛduka-, см. также Durdukka 308

^{KUR}?-i-ta-nu, см. также Pi-ta-a-nu, ^{KUR}Ba-'i-ta-an, см. [...]итану 368

Указатель этнических названий

«авестийские иранцы» («авестийский народ») 26, 392
аланы 23, 24, 184, 408, 410
албанские племена 68
Амадай, см. Мада(й), см. Amadāi 206
амарды, см. марды, см. Ἄμαρδοι 27
анариаки 27, 152, 165, 428
апасиаки, {см. также пасианы} 188, 190
арабии, см. также «Ариби восхода Солнца» 381
арабы 381
арамеи (арамейские народы) 36, 123
ареец, см. Arumu 104
«Ариби восхода Солнца/ Ариби Востока» (арабы Востока по Г. Винклеру и др.), см. также арабии, {арии}, см. Aribi 381
аризанты 68, 70, 205
арии (арийцы, арийские племена, народы, группы, арийское население и пр.), см. arya 6, 10, 11, 15–29, 32–37, 41, 43, 50, 58–64, 66, 69–71, 73, 75, 76, 165, 175, 269, 317, 386, 392–394, 396–399, 401–404, 410, 411, 413, 415, 420, 421, 427, 428, 432
переднеазиатские, см. переднеазиатские арии, см. Ariya-
армяне 334, 337
асианы, см. также асии, см. Ασιάνοι 188
асии, см. также асианы, см. Asioi 188
ассирийцы 3, 4, 30–32, 35, 49, 67, 100, 107–109, 111, 114, 116, 118, 122, 124–126, 128, 129, 131, 135, 136, 143, 145, 147, 150, 154–156, 158, 159, 161, 162, 166, 201, 202, 204, 207–209, 212–218, 220, 221, 230, 251, 252, 257, 258, 263, 267, 269, 284, 286, 308–310, 313–317, 320, 333, 334, 344, 346, 347, 350, 353, 358, 359, 366, 367, 380, 381, 385, 390, 419, 425, 426
атропатенцы (атропатенская народность) 68, 390, 427
афганцы, см. паштуны, см. также парсиеты, Парщу, см. paštūn 187, 191, 409
ахейцы 399

бактрийцы 409
балты (балтийские народы) 21–23
барейцы, см. Baraj 142
бахтиары 5
белуджи 5
Буди (Кунди), племя и культовая община богини в Гатах (по Х. Нюбергу), см. Būδižā (Kundižā) 323
будии, см. Βούδιοι 37, 205, 322
бусы 37, 205, 322

вавилоняне (жители Бабилу урартских текстов), см. mār Bābili 128–130
византийцы 236
восточные иранцы (восточноиранские племена, народы, восточноиранская группа, в т.ч. северо-восточные иранские племена) 23, 43, 57, 62, 182, 187, 189, 191, 192, 409, 422–423

гелы (совр. гилянцы), см. также кадусии 429
германцы 433
гилянцы (гиляки) 5; см. гелы
гильзанец 154
греки (греческие племена) 86, 192, 395, 400, 401
гунны 191
гутии 36

европейцы 16

загро-эламские племена (по Г.А. Меликишвили) 65–67

западные иранцы (западноиранские племена, народы, западная группа и пр.) 3, 7–9, 14–16, 26–31, 38, 43, 47, 50, 51, 53, 56, 58, 61, 62, 64, 72, 76–77, 179, 182, 205, 227, 329, 337, 348, 386–391, 411, 413, 414, 420–426, 429–431, 433, 434
Зикирту, Зикирту-сагартии 14, 32, 67, 311; см. сагартии, см. Zikir(t)u

индийцы (индийские народы), см. также праиндийцы 25–29, 60, 187, 396, 397, 401, 411
индоарии (индоарийцы, индийские арии, индоарийские племена) 6, 10, 14, 17, 19, 24–28, 42, 48, 54, 57–59, 63, 186, 187, 298, 317, 392, 393, 405, 413, 422, 433
индоевропейцы (индоевропейские племена, народы, группы) 8, 16–20, 28, 42, 47, 53, 54, 57, 58, 63, 146, 192, 352, 386, 397–404, 412, 432
индоиранцы (индоиранские племена, народы, группы), см. также протоиндоиранцы 6, 8, 10, 14-17, 24, 25, 27, 29, 35, 36, 42, 43, 48, 54, 57–59, 61–63, 66, 71–73, 76, 194, 317, 388, 391, 392, 394, 401, 410, 412, 413, 420, 423, 432, 433
иранцы (иранские племена, народы, группы, ираноязычное население и пр.), см. также праиранцы 3–12, 14–19, 21–36, 39, 40, 42–48, 50–61, 63–69, 71–77, 86, 112–117, 141, 143, 145, 150–152, 162, 166–168, 170, 177–179, 181, 185–187, 189, 191–193, 200–202, 204–208, 211, 213, 216, 223, 234, 250, 251, 265, 269, 271, 274, 280, 291–294, 297, 304, 310, 314–319, 321, 322, 327, 331, 333, 337, 343, 345, 352, 355–357, 379–381, 383–393, 396, 397, 400, 401, 405, 407–411, 413–434
итало-кельты 401

кавказские (в т.ч. северокавказские) племена, кавказская группа 36, 65, 67
кадусии, см. также гелы, гилянцы 149, 193, 429
кадусии-гелы (по Эд. Мейеру) 27
кардухи, {см. также курды} 73, 427
кармании (германии по Геродоту), см. Γερμάνιοι 99, 194
каспии, каспы, см. Kasbk' 27, 193
каспийские племена и пр. (по И.М. Дьяконову), каспоязычные племена и пр. (по И. Алиеву) 68, 71
касситы (касситские народы, касситовавилонское население) 28, 32, 35, 36, 40, 41, 47, 68, 75, 129, 201, 404
кельты 433
кимеро-скифы (скифо-киммерийские племена, группы), см. киммерийцы, скифы
киммерийцы 8, 14, 39–41, 43, 49, 50, 72, 76, 116, 383, 390, 424, 426, 429
киртии, см. также курды, см. Κύρτιοι 73, 428
курды, см. также киртии, марды, {кардухи} 3, 5, 28, 73–76, 390, 426–428
кушаны, см. также юэчжи 191

лулубеи 36, 65
луры 3, 5, 32, 68, 75

маги 37, 65, 69, 205, 327, 333
Мада(й), см. Амадай, см. Māda- 30, 32, 34, 44, 68, 134, 206, 322, 333
Мазандеранцы 5
мандеи 327
маней (манейцы, манейское население) 55, 56, 65, 147, 283, 284, 418
марафии, см. Μαραθοί 181
марды, см. амарды, см. также курды, см. Μάρδοι 73, 86, 426, 428, 429
массагеты, массагетская конфедерация 61, 184, 189, 191, 327
мидяне, мидийцы (мидийские племена, мидийский народ, мидийское население и пр.), madāi, ^{LÚ}ma-da-a 3, 8, 26, 28, 29, 31–37, 39, 43, 46–49, 56, 61, 62, 68–72, 86, 117, 122, 123, 125, 131, 133, 134, 144, 148, 149, 166, 169, 170, 174, 177, 181, 204, 257, 259, 286, 291, 295, 306, 313, 317,

355, 366, 381, 388, 390, 414, 422, 425, 426, 432
мисийцы, см. KUR me-sa-aj 206
митаннийцы 47
монголы 74

«народы моря» 34
«номады Каспийского района» (по Э. Террас) 51
Никдиары(Мектиары)-Шарсины племя 214

одрисы 228
осетины 26, 184

паретакены 205
парикании, см. Παρικάνιοι 322
Парса, см. Pārsa 193
Парсава, см. *Parsava 254, 312–314, 391
Парсамаш-Парсумаш, см. Parsamaš/Parsumaš 44, 163, 166, 253, 254
парсиеты, см. также афганцы, Парщу, {пасианы}, см. Παρσυῆται 187, 188, 190, 191
парсии, {см. также пасианы}, см. Πάρσιοι 166, 167, 188–191, 429
по Птолемею 187, 188, 192
по Страбону, см. также парсы 152, 164, 165, 192, 193
Парсуа, парсуанцы, см. (LÚ/KUR)Parsua 30, 32, 34, 44, 134, 141, 152, 156
парсы, см. также парсии по Страбону, см.Parsk' 192, 193
парфяне, см. Παρθυάῖοι151, 167, 187, 198, 199, 240, 426
Парщу (племя у Панини), см. также афганцы, парсиеты, см. Parçu 187
{пасианы, см. также апасиаки, парсии, пасики, парсиеты}, см. асианы, см. {Πασιάνοι} 188–190
Пасаргады, см. Πασαργάδαι 359
пасики, см. также {пасианы} 188
паштуны 188, 189, 191; см. афганцы, см. также парсиеты, Парщу, см. paštūn
переднеазиатские арии, месопотамские арии 15, 19, 27, 36, 50, 61, 71, 197, 302, 328, 334, 369, 380, 388, 392, 405, 421, 422
персы (персидские племена, группы и пр.), см.Πέρσαι, Αρταῖοι 3, 5, 7, 8, 26, 28–36, 39, 40, 43, 44, 47–49, 51, 56, 61, 62, 70, 71, 74, 113, 114, 117, 151, 152, 163–167, 169–172, 174, 176–178, 180–182, 184–187, 189–194, 196, 198–200, 208, 209, 241, 242, 250, 252–254, 274, 287–289, 293, 298, 308, 312, 313, 317, 325, 327, 337, 342, 352, 353, 355, 357, 359, 363, 371, 383, 384, 388, 390, 391, 414, 418, 422, 425, 426, 430–432, 434
праайны 25
праиндийцы 19, 402, 411
праиранцы 402, 411
прикаспийские народы 27, 65, 86, 428, 429
приламирские племена 409
протоиндоиранцы 24, 63
протославяне 24

савроматы 61
сагартии 34, 72, 112, 193, 264, 311–314, 390; см. Зикирту, см. Sagartu
саки (сакская группа племен), см. Çaka, Umurga (Haumavargā) 28, 34, 57, 58, 61, 188, 189,205
сармато-аланы, см. аланы, сарматы
сарматы 20, 23, 24, 184, 288, 406, 408–410
{сатириец}, см. {lSa-ti-ri-a-a} 237
семиты 292
сербы 192
сикхи 294
скифо-осетины (по Вс. Миллеру) 23
скифо-сарматы, см. сарматы, скифы
скифы, в т.ч. иранские, переднеазиатские, среднеазиатские, см. Aš/sguza/āi 8, 14, 20–24, 26, 27, 39–41, 43, 48–50, 66, 70, 72, 76,102, 107, 116, 177–179, 228, 236, 288, 298, 301, 327, 328, 383, 390, 393, 406, 408, 409, 424–426, 429
славяне (славянские народы), в т.ч. восточные, западные, полабские, южные; см. также протославяне 19, 21–23, 192, 332, 433
согдийцы 409

струхаты, см. Στρούχατες 205
сунбийцы 148
сэ (саки) 191

талыши 3, 5, 75
тапиры 27
таты 5
тохары 20, 25, 413
туранцы 332
тюрки (тюркские народы) 5, 74

урарты (урартские племена) 32, 55, 67, 146, 162, 309, 316, 339, 340, 352, 368, 384, 418
усуни 191

фракийцы 228

халды 36
«халколитические номады» (по Т. Пауэллу) 401
хетты 394
хорваты 192
хорезмийцы 48, 182, 189, 190, 409
хуррито-манейское население, см. хурриты, манеи
хурри(то)-урартское население 337; см. урарты, хурриты
хурриты (хурритские племена, хурритская группа) 26, 36, 43, 47, 52, 55, 56, 65, 146, 384, 403–405, 418

Шиграки, Тиграки, Сигрис 277

юэчжи, см. также кушаны 188, 191

эламитяне (эламиты), эламское население 32, 42, 71, 128, 182, 251, 353, 417

Ядавы, племя (в Ригведе) 186

(A)madāi, Mat/dāi, Mad/tai, (A)-ma-da-ai, Ma-ta-ai, ср. *Mãδοι, Μάδυς, Μαδύης, Μαδωις, Μαδακος, Madhu, Mādhava*, см. Māda-, см. Амадай, Мада(й) 86, 87, 104
῾Αμαρδοι, см. Μάρδοι, см. амарды 86
῾Απαρνοι, Πάρνοι, ср. Paṇí-<*Pṛṇi-, Parnaka- 86
᾽Αρταῖοι, *Artaya, см. персы 298
Aribi, см. «Ариби восхода Солнца» 381
Ariya, arya-, *Aruyka, см. арии 80, 83, 105, 302, 369, 396
Arumu, ^{LÚ}ar-ú-ma-a-a, см. ареец 104
Asagart(iy)a, см. Ziki(r)tu 112, 311, 313
᾽Ασιάνοι, см. асианы 188
Asioi, {*Arsi}, см. асии 189
Aš/sguza/āi, Askuzāi, Iškuza/ā(i), Σκόλοτοι, Σκύλης, *s/škula-(ta), *aškūz, *Š/Skuδa-, см. скифы 84, 99, 102, 107, 108

mār Bābili, см. вавилоняне 128
Bāra, ? *родо-плем. имя* 142, 143
Baraj, см. барейцы 142
Bharukaccha 203
Būδižā (Kundižā), см. Буди (Кунди) 323
Βουδίνοι 205
Βούδιοι, см. будии 205

Çaka, Saka, см. саки 187
Çigru 279

dānu- 248
Δαδίκαι 149

Γερμάνιοι, Kirmān, *Kṛmāna-, см. кармании 99

Haumavarga-, Haumavargā- (мн. ч.) 104, 205; см. Umurga, см. саки

Ïžā 323

Kasbk', см. каспии, каспы 193
Κύρτιοι, см. *киртии* 73

Māda- (от mada или *madu), ^{LÚ}ma-da-a, *Māθa, ср. Μηδία, Μήδος, Mãδοι, см. (A)madāi, см. Мада 87, 148, 205, 287
Μαραθοί, см. марафии 181
Μάρδοι, см. ῾Αμαρδοι, см. марды 86, 426
Μάσπιοι 181

Μηδία 287
Μῆδος 287
KURme-sa-aj, см. мисийцы 206

Paraδāta, Παραλάται 102
Παρικάνιοι, Parikā, *Pārikāna, см. парикании 322
Πάρνοι, см. Ἄπαρνοι
(LÚ)parsaj (< pārsa), Πέρσαι, Περσίς, Παρσικά, Pārasīka, *Pārsīka, *Pārsa-*, **Parsava-*, {*Párçu-*}, см. Αρταῖοι, см. персы 85, 192, 194, 250, 254, 298
Pārsa- (parsu), ср. {Pārçva}, см. Парса 152, 163, 164, 167, 168, 180, 186, 192, 196, 205, 250, 254
(LÚ/KUR)Parsamaš/Parsumaš, **Parsava-*, см. Парсамаш/Парсумаш 163, 176, 196, 252
*Parsava-, см. Парсава 165–168, 180, 186, 187, 192, 195, 196, 199, 200, 254
Παρσιδ/ραι 194
Πάρσιοι, **Parsava-*, ср. г-да Παρσία, Παρσιάνα - *Parsavana, см. парсии по Птолемею 187
Πάρσιοι, **Parsava-*, *Pārsa*, см. также Parsk', см. парсии по Страбону 192
Parsk', см. также Πάρσιοι по Страбону, см. парсы 193
Párçu-, Parçu- — Parçavas, **Parsu-* — **Parsava-*, см. также paštūn, Παρσυῆται, см. Парщу 187, 196
Parsu, pa-ar-su, см. Pārsa- 163
*Parsu- — *Parsava- 187, 189, 191, 196
(KUR)Parsua, **Parsava-*, см. Парсуа, парсуанцы 152, 156, 196
Παρθυαῖοι, Πάρθ(ι)οι, *Parθava-* см. парфяне 187
Παρσυῆται, **Parsu-* — **Parsava-*, см. также paštūn, Párçu-, см. парсиеты 187
Parθava- (> pahlav), ср. *Pārthava-* 165, 167, 187, 198
*Parθu- 195
Pārthava-, Pṛthu- 165
Πασαργάδαι, *pasurgad-, ср. *Ἀργιμπασα*, см. Пасаргады 359
{Πασιάνοι}, Pasianoi, см. {пасианы} 188
paštūn, **Parsu-* — **Parsava-*, см. также Parçu, Παρσυῆται, см. афганцы, паштуны 187, 196

Sagartu, см. Ziki(r)tu, см. сагартии 112, 311
Στρούχατες, *Stra-uxta-, см. струхаты 355

Tarui, Tarmakisa, ? родо-плем. имя 321

Umurga 104; см. Haumavarga-

Zikir(t)u, Zigirtu, Zikitia, KURZi-kir-tu, KURZi -kir-ta-aj, *Asagart(iy)a*, *Sagartu*, Σαγαρτία, Σαγάρτιοι, см. Зикирту, сагартии 86, 100, 112, 310, 311

Указатель имен авторов

Абаев В.И. 23, 78, 113, 140, 169, 174, 183, 194, 229, 233, 244, 301, 323, 342, 408, 410
Агравала В. 186
Алиев И. 11, 33, 54, 68, 71–73, 75, 76, 78, 121, 137, 138, 153, 205, 216, 222, 261, 271, 285, 345, 373, 377, 381, 387, 390, 414
Альтхайм Фр. /Altheim Fr./ 22, 26, 46, 182, 189, 190, 203, 269
Андреас Ф. /Andreas F./ 73, 81, 131, 334, 335
Арне Т. 54
Арнтц Г. /Arntz H./ 19, 21

Бадж Э. и Кинг Л. 30
Барнет Р. 51
Барроу Т. /Burrow T./ 18, 21, 24, 25, 27, 392, 393, 403, 406
Бартоломе Хр. /Bartholomae Chr./ 223, 262, 269, 273
Бартольд В.В. 28
Бенвенист Э. /Benveniste E./ 17, 23, 169, 177, 178, 225, 245, 306, 307, 327, 334, 392
Бернштам А.Н. 58
Бехар М. 332
Биллербек А. 121, 136, 277
Боголюбов М.Н. и Смирнова О.И. 238, 244, 259
Бонгард-Левин Г.М. 59
Боифанте Д. 18
Ботта П. /Botta P.E./ 276, 280
Бранденштайн В. /Brandenstein W./ 17, 18, 20, 26, 46, 87, 89, 90, 98, 99, 101, 103, 169, 170, 177, 182, 189, 393, 394
Буду Р. /Boudou R.P./ 126
Бэйли Г. /Bailey H.W./ 86, 183, 188, 189, 243, 329

Вайзман Д. /Wiseman D.J./ 129, 153, 209, 277
Вайднер Э. /Weidner E./ 209, 252, 253, 281
Вайсбах Ф. /Weissbach F.H./ 84, 120
Ваккернагель [Я.] 262
Ванден Берге Л. /Vanden Berghe L./ 26, 40, 45, 52–55, 415, 416
Вебер А. 186
Викандер Ст. /Wikander St./ 255, 331
Вильчевский О.Л. 68, 70, 73–76, 152, 427
Виндекенс Ван [А.Й.] /Van Windekens A.J./ 25
Винклер Г. /Winckler H./ 10, 210, 276, 280, 285, 353, 381, 390
Вольф Ф. 199
Вуллерс Дж. /Vullers/ 199
Вюст В. 17

Гайгер В. /Geiger W./ 223, 322
Гельднер К. 186, 196, 197
Ганковский Ю.В. 63, 392
Ганчар Ф. /Hančar Fr./ 39
Гейне-Гельдерн Р. /Heine-Geldern R./ 25, 43, 54
Георгиев В.И. 17, 18, 20, 22
Гершевич И. /Gerchevitch I./ 270, 301, 345
Герцфельд Э. /Herzfeld E./ 12, 30–32, 38, 64, 104, 121, 124, 144, 152–154, 163, 164, 169, 173, 174, 205, 206, 210, 221, 230, 231, 242, 261, 263, 264, 267, 271, 272, 275, 278, 279, 284, 285, 287, 311, 312, 321, 324, 333, 338, 359, 361, 373, 374, 378, 381, 387, 418
Гиршман Р. /Ghirshman R./ 10, 26, 33, 40–49, 51–55, 70, 76, 152, 166, 317, 319, 348, 349, 414, 415, 424, 425, 434
Гоффман К.Г. /Hoffmann K./ 98, 169, 223

Граков Б.Н. 22, 412
Грантовский Э.А. 3, 4, 10, 17, 64, 120, 136, 141, 148, 177, 179, 205, 211, 221, 230, 233, 235–237, 241, 244, 245, 247, 248, 250, 259, 260, 270, 304, 346, 357, 363, 369, 379, 410, 412, 416
Гумбах Г. 181
Гхош Б. /Ghosh B.K./ 28, 62, 392
Гэдд /Gadd C.J./ 83, 286
Г/Хюбшманн Г./Х. /Hübschmann H./ 193, 321, 324

Дайсон Р. /Dyson R.H./ 45, 52, 55, 56
Даль В. 195
Дандамаев М.А. 70, 90, 95, 121, 152, 170, 176
Делич [Ф.] 233
Деопик Д.В. 54
Дьяконов И.М. 11, 33, 57, 60, 61, 63–65, 67–71, 76, 77, 81, 82, 89, 90, 101–103, 106, 110, 121, 123, 125, 126, 128–130, 132, 133, 135–138, 144, 150, 152, 153, 157, 158, 160, 165, 166, 168, 169, 177, 178, 185, 205, 211, 214–217, 222, 232–235, 237–239, 246, 248, 251, 253, 257, 267, 271, 275, 277, 278, 282, 284, 288–291, 295, 304, 305, 307, 334, 341, 345, 350, 358, 361, 363, 364, 367–369, 371–373, 375–377, 381, 387, 388, 392, 414, 419, 421
Дюмезиль Ж. 41, 177, 298, 399
Дюссо Р. /Dussaud R./ 41

Елизаренкова Т.Я. 199
Еремян С.Т. 193

Заднепровский Ю.А. 59, 60, 414
Зализняк А.А. 23, 393
Згуста Л. /Zgusta L./ 78, 140, 198, 233, 265, 289, 342, 374
Зольта Г. /Solta G./ 334

Иванов В.В. 22, 182, 323, 394
Иванов В.В. и Топоров В.Н. 25, 392, 403
Иностранцев К.А. 23
Итина М.А. 58

Йаритц К. /Jaritz K./ 404
Йеттмар К. /Jettmar K./ 26, 47, 61, 62

Кальмейер П. /Calmeyer P./ 52
Кейс А. 186
Кент Р. /Kent R./ 165, 168, 169, 174, 202, 203, 269, 313
Керн И. 18
Кёниг Ф. /König F.W./ 12, 26, 30, 31, 33–37, 39, 40, 43, 46, 48, 64, 68–70, 76, 117, 125, 126, 165, 221, 232, 233, 234, 236, 240, 243, 249, 261, 271, 284, 285, 287, 291, 341, 344, 368, 369, 372, 373, 375–377, 387
Киннир Вильсон [Дж.В.] /Kinnier Wilson J.V./ 147, 153
Клима О. /Klíma O./ 198, 290, 291, 293
Конов Ст. /Konow St./ 245
Крелинг Э. /Kraeling E.G./ 247
Кречмер П. /Kretschmer P./ 19, 20, 22
Кристенсен А. /Christensen A./ 169, 293
Кузьмина Е.Е. 60
Кулланда С.В. 4
Кун А. 20
Кэмерон Дж. /Cameron G./ 35, 36, 64, 70, 76, 103, 137, 144, 152, 167, 173, 202, 203, 221, 233, 234, 238, 240, 252–254, 268, 277, 284, 287, 345, 363, 387

Лабат Р. /Labat R./ 167
Лайард /Layard A.H./ 206
Левине [Л.Д.] 4
Лескин А. 20
Ли 285
Лившиц В.А. 190, 346
ЛитвинскийБ.А. 63
Ломмель Х. /Lommel H./ 290, 291, 295
Лоттнер Э. 16
Лубоцкий А.М. 179

Людвиг А. 186
Люккенбиль Д. 128, 147, 154, 211, 212, 278, 289, 290, 345, 365, 367, 368, 372, 373, 376

Майрхофер М. /Mayrhofer M./ 99, 164, 177, 202, 203, 236, 255, 260, 261, 270, 279, 300, 301
Майсснер Б. /Meissner B./ 281
Макензи Д. 428
Маркварт И. /Mark/qw/uart J./ 23, 152, 378
Массон В.М. 54, 55, 60–63, 71, 77, 388, 392, 414, 421, 422
Медведская [И.Н.] /Medvedskaya [I.]/ 4, 124, 129
Мейе А. 17, 18, 21, 24, 25, 169, 245, 393, 405, 406
Мейер Эд. /Meyer Ed./ 11, 12, 14, 27, 28, 31, 35, 76, 78, 106, 150, 151, 234, 238, 246, 290, 291, 341, 344, 349, 374–376, 378, 387, 392
Меликишвили Г.А. 65, 66, 76, 136–138, 147, 148, 153–154, 158, 159, 211, 215–217, 282, 284, 287, 334, 341, 345, 346, 351, 387
Мерперт Н.Я. 54
Миллер Б.В. [Ф.] 23, 28
Миллер Вс. 23, 78, 140, 244, 342
Минорский В.Ф. /Minorsky V./ 33, 73, 74, 76, 153, 427
Михель Э. /Michel E./ 125, 126, 143, 211
Моль Ю. 332
Моргенстьерне Г. /Morgenstierne G./ 164, 183, 187–189, 245
Мункачи Б. 409
Мюллер М. 16

Надель Б. 408
Нарайн А. 188
Нёльдеке Т. 73, 296, 298, 358
Нюберг Х. /Nyberg H.S./ 33, 36–38, 69, 150, 169, 205, 284, 287, 290, 291, 300, 322–324, 327, 345, 387

Олмстед А. /Olmstead A.T./ 37, 136, 353
Остин [У.М.] и Смит [Г.Л., мл.] 199

Палу Кр. и Ж. /Palou Chr. et J./ 284
Пальмер Л. 399
Пауэлл Т. /Powell T.G./ 47, 401
Пёше Т. 29
Пжеворский С. 39, 76
Пигулевская Н.В. 293
Пизани В. /Pisani V./ 20, 22–25, 182, 334, 392, 393, 405, 406
Пиотровский Б.Б. 50, 345
Пирар Эрик 200
Погребова М.Н. 50
Покорный Ю. 334
Порада Э. /Porada E./ 41, 42, 51, 52, 55
Порциг В. /Porzig W./ 18, 22, 26, 27, 46, 393, 394
Прашек Ю. /Prášek J./ 11, 120, 344, 387
Принтц В. 22

Райт Э. /Wright E./ 153
Рассам [Х.] 127, 282
Раулинсон Г. 30, 374
Ригг Х. /Rigg H.A./ 136, 152
Рост П. /Rost P./ 10, 11, 86, 128, 165, 256, 275, 289, 290, 341, 343, 344, 346, 362, 375, 376
Ростовцев М. /Rostovtzeff M./ 22

Санкалиа Н. /Sankalia N.D./ 54
Сводеш М. 394
Смирнов К.Ф. 23, 61
Социн А. 76
Старостин С.А. 394
Стжиговский И. 28
Струве В.В. 33, 64, 65, 152, 347
Сулимирский Т. 33, 41, 47–49, 424–426
Сэггз [Г.У.] /Saggs H.W./ 365

Тадмор Х. /Tadmor H./ 127, 270, 278, 281
Таллквист К. /Tallqvist K./ 12, 13, 38, 65, 79–81, 101, 104–106, 110, 137, 139, 146–150, 221, 222, 232, 242–246, 255, 258, 266, 282, 283, 341, 354, 362, 369, 371–376, 378
Тарн В. /Tarn W.W./ 188–190

Тедеско П. /Tedesco P./ 169, 173, 187
Террас Э. /Terrace E.L./ 51
Тиле К. /Tiele C./ 10, 390
Тиме П. 17, 405
Толстов С.П. 57–59, 62, 188, 189, 423
Томашек В. /Tomaschek W./ 165
Топоров В.Н. 393
Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. 24
Тохтасьев [С.Р.] 245
Тревер К.В. 33
Треймер К. 408
Трубачёв О.Н. 24, 393
Тюро-Данжен Ф. /Thureau-Dangin F./ 281, 344, 381

Умняков И. 188
Унгнад А. /Ungnad A./ 37
Уотерман Л. 255

Фасмер М. /Vasmer M./ 24, 78, 140, 229, 233, 244, 302, 303, 342, 374
Фик А. 16, 236
Филин Ф.П. 24, 393
Форрер Э. /Forrer E./ 120, 125, 136, 153, 157, 258
Фрай Р. /Frye R.N./ 189
Фукс А. 231, 278, 290, 346, 375, 376

Халун Г. 188
Харматта Я. /Harmatta J./ 78, 81, 408
Харпер Р. /Harper R.P./ 282, 374
Хаушильд Р. /Hauschild R./ 19, 26, 46, 150, 392, 403
Хеннинг В. /Henning W.B./ 139, 171, 182, 328
Хинц В. /Hinz/ 4, 231, 233, 237, 245, 247, 259, 270, 311, 324, 343
Хирт Г. /Hirt H./ 17–19, 21, 27, 29
Хоммель Фр. /Hommel Fr./ 10, 27, 35, 37
Хюбшман Х. / Hübschmann/ 96
Хюзинг Г. /Hüsing G./ 12, 13, 19, 26, 28–31, 33, 38, 40, 64, 65, 72, 76, 79, 96, 117, 147, 149, 152, 221, 231, 234, 238, 240, 243, 261, 266, 283–285, 341, 362, 387, 389

Цадок Р. /Zadok/ 4, 129, 131, 139, 141–143, 147, 148, 211–213, 221, 230, 231, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 243, 245–248, 250, 252, 258–261, 265, 266, 269–271, 273, 275, 278, 282, 283, 297, 304, 306, 309, 311, 312, 315, 316, 320, 324, 327, 337, 343, 351, 355, 357, 358, 363–365, 368, 369, 371, 372, 375, 376
Цейс К. 20
Циммер Г. 186

Чернецов В.Н. 61
Черников С.С. 61

Шварц Б. 18
Шейль В. /Scheil V./ 206, 367
Шефер К. /Schaeffer C.F./ 47, 52
Шефтеловиц И. /Scheftelowitz J./ 11, 12, 38, 109, 113, 146, 150, 234, 237–239, 243, 244, 272, 305, 306, 343, 344, 374
Шлейхер А. 21
Шмидт Э. 54
Шмитт Р./Schmitt/ 13, 139, 141, 147–149, 151, 231, 233–235, 237, 238, 240, 241, 245, 248, 259, 265, 266, 273, 283, 311, 355, 363–365, 369, 371, 372
Шпехт Ф. /Specht F./ 18, 19, 27, 401
Шпайзер Э. /Speiser E.A./ 135, 136
Шрадер О. /Schrader O./ 18
Штакельберг Р. 240
Штиль Р. 239
Штрекк М. /Streck M./ 105, 121, 125, 126, 131, 136, 152, 214, 275–277, 289, 290, 341, 344, 349, 362, 372, 381
Шульце В. /Schulze W./ 283

Эберт М. 22
Эйлерс В. /Eilers W./ 38, 79–82, 88, 89, 95, 102, 110, 142, 150, 164, 165, 202, 221, 224, 247, 248, 255, 261, 265,

276, 279, 283, 312, 313, 341, 362, 371
Эль-Амин [М.] /El-Amin M./ 277

Юсифов Ю.Б. 70, 180
Юсти Ф. /Justi F./ 10–13, 29, 104, 105, 137, 139, 140, 147–149, 164, 165, 202, 203, 221, 222, 225, 228, 235, 242, 244, 255, 265, 266, 278, 283, 287–290, 292, 296, 298, 305, 307, 324, 332, 341–343, 354, 357–359, 374, 376, 378

Summary

The book by Edwin Arvidovich Grantovskiĭ (1932–1995), first published in 1970, has remained the basic work on early history of Iranians in the Near East. The present, revised and enlarged, edition has been supplied with commentaries referring to recent developments in the field as well as with indices. The obvious misprints have been corrected. Otherwise the original text is reproduced without any changes.

The book is focused on the origins and history of Western Iranian speakers before the emergence of their great powers, the Median and Achaemenid empires. The main part of the work analyzes the onomastic and historical-geographic data of cuneiform texts of the 9th–7th centuries B.C. The archaeological record and the linguistic materials are dealt with in Chapter I, "Early history of the Near-Eastern Iranian tribes: the current state of research." It is generally believed that the onomasticon of Assyrian sources demonstrates a gradual westward move of Iranians from eastern Media in the 9th — 8th centuries B.C., while west of Media Iranian names even in the late 8th century are either extremely rare or lacking completely. It is also assumed that a large-scale spread of Iranian speakers was due to the appearance of the Cimmerians and Scythians and especially to the formation of Median kingdom and consisted mainly in the adoption of Iranian languages by the local population. The chapter offers a critical evaluation of these theories.

Chapter II, "The spread of Iranian-speakers over the Near East according to Assyrian sources of the 9th–8th centuries B.C.", contains the following sections: (1) "Principles of rendering Iranian names in Akkadian cuneiform script." The analysis of Iranian-Akkadian phonetic correspondences enables one to either substantiate or refute traditional Iranian etymologies of the names recorded by Assyrian inscriptions and to identify a number of other names from the same texts as Iranian. (2) "The chronological and spatial distribution of the names under study." It appears that the lands east of Assyria mentioned in Assyrian sources are mostly pertaining to the territories west of Media, up to the present-day Iranian-Iraqi frontier, while the western frontiers of Media proper in the 9th — mid-7th centuries B.C. remained generally the same and did not go beyond the 48th meridian and what is now the Hamadan province. (3) "Names of the 9th century B.C." In a number of areas, e.g. in Zamua, in the upper reaches of the Lesser Zab, etc., Iranian names are attested at the time of Assyrian campaigns against

the Iranians. The Iranian ethnonym **Parsava*, rendered by Assyrian *Parsua(š)* and *Parsamaš/Parsumaš*, is recorded near the south-eastern shores of lake Urmia, east of Zamua and at the northern borders of Elam in the 9th century B.C. (4) "Names of the second half of the 7th century B.C." With the resumption of the Assyrian expansion under Tiglatpileser III (745–727) his inscriptions mention Iranian anthroponyms and toponyms from the areas west of Media and from Media proper. Numerous Iranian names mentioned in the inscriptions of Sargon II suggest the presence of the Iranians in Northwest Iran and Armenian highlands and their predominance in certain areas.

The pertinent materials summarized in the "Final overview" imply that the Iranian population came to Iran from the north, through the Caucasus, although it cannot be established with absolute certainty. In any case, these data are by no means indicative of a gradual Iranian westward migration from the east in the 9th — 8th centuries B.C. The Iranian speakers seem likely to have appeared at the western outskirts of present-day Iran approximately in the 11th — 10th centuries B.C. The 12th — 11th centuries would have seen them either in Transcaucasia and in the lake Urmia area, if they took the Caucasian route, or in the would-be Media, if they came from Central Asia.

The author holds that the hypothesis of Aryan and/or Iranian homeland in Central Asia does not stand up to close scrutiny. The Aryan linguistic entity took shape in Southeast Europe and the adjacent areas of what is now Kazakhstan and the Aryans up to the late 3rd– early 2nd millennium B.C. were in contact with the speakers of other Indo-European dialects. After the split of the Indo-Iranian proto-language and the spread of Iranian speakers over new territories some of them had remained in Southeast Europe up to the 1st millennium B.C., when new waves of Eastern Iranians, namely the Scythians and Sarmatians, came to these territories from the East. As to Western Iranians, they probably came to the present-day Iran from Southeast Europe.

Archaeological sites of the late 2nd — early 1st millennium B.C. from Urmia to Sialk and from the Caspian shores to Luristan reflect both local traditions, e.g. in the pottery manufacture, adopted by the Iranian newcomers, and Iranian cultural traits embraced by the local population. Assyrian texts also attest to the spread of Iranian speakers over the said territory, where they lived side by side with the autochthons. The material culture of pertinent sites does not show any influences from Central Asia yet shares common traits with archaeological cultures of Eastern Transcaucasia. The latter, in their turn, are related to North Caucasian and steppe Bronze Age cultures. These facts seem likely to bear witness to a gradual southward migration of Western Iranians. Therefore the hypotheses

linking Iranian speakers to the agricultural population of Northeastern Iran and South Central Asia of the Hissar II and Anau III periods are untenable. Contrary to the view that the non-Iranian population survived the longest on the northwestern borders of the present-day Iran, the author believes that Iranian presence is attested to by cuneiform sources south and southwest of the Caspian Sea, on the territory of the would-be Atropatena, and in a number of areas in Kurdistan in the early 1st millennium B.C.

The 9th — early 7th centuries saw a considerable Iranian population in Northern Iran dependent on autochthonous states, i.e. Assyria, Urartu, Manna, Elam, Ellipi, etc. Polities headed by Iranians emerged only in the areas where the Iranian ethnic element prevailed, as in Media and Persia.

Оглавление

От редактора 3
Предисловие 5

Глава I.
Вопросы ранней истории иранских племен Передней Азии в современной науке 10

Глава II.
Распространение ираноязычного населения в Передней Азии по материалам ассирийских источников IX–VIII вв. до н.э. 78
1. Закономерности передачи иранских имен в аккадской клинописи 78
2. Хронологическое и географическое распределение рассматриваемых имен 115
3. Имена IX в. до н.э. 134
4. Имена второй половины VIII в. до н.э. 256

Заключение 383

Библиография 435
Дополнения к библиографии 450

Список сокращений 459

Указатели 462

Summary 505

Научное издание

Грантовский Эдвин Арвидович

Ранняя история иранских племен Передней Азии

Издание второе, исправленное и дополненное

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М.И. Карпова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.Г. Ким*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Эдвин Арвидович Грантовский (1932–1995), историк по образованию и призванию, всегда стремился расширить горизонты любимой науки — недаром лингвисты ссылаются на него едва ли не чаще, чем коллеги-историки. Его труды по индоиранистике и скифологии (Индоиранские касты у скифов. М., 1960; Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998) — непревзойденный образец комплексного анализа письменных источников, ономастики и топонимики, лингвистических, археологических и этнографических данных. Э.А. Грантовский, как сказано в посвященной ему статье в «Encyclopedia Iranica» (vol. XI, fasc. 2, 2002, p. 188), «пересмотрел общепринятую хронологию Мидии и исследовал генезис греческой хронологической традиции». В Институте востоковедения РАН, где работал этот замечательный ученый, регулярно проводятся научные конференции его памяти.

ISBN 978-5-02-036327-4